

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

ВЕХИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

1950–2000-е годы

УДК 316.32(470)
ББК 60.59(2)
В39

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ),
проект № 09-06-07053

Ответственные редакторы:
Ж. Т. Тощенко, Н. В. Романовский

Редколлегия:
М. К. Горшков, В. И. Жуков, Г. В. Осипов, Ж. Т. Тощенко

В39 Вехи российской социологии. 1950–2000-е годы / отв. ред.
Ж. Т. Тощенко, Н. В. Романовский. — СПб. : Алетейя, 2010. —
664 с.

ISBN 978-5-91419-403-8

Монография составлена по материалам, опубликованным в 2008 году в журнале «Социологические исследования» к 50-летию создания Советской социологической ассоциации и 40-летию первого в системе АН СССР/РАН Института социологии. Наряду с материалами, посвященными этим юбилейным датам, в монографию вошли аналитические статьи об основных направлениях развития российской социологии за последние пятьдесят лет, обзорные материалы о развитии социологической науки в регионах России. Специально подготовлен раздел, в котором анализируются перспективные направления социологических исследований, проблемы, вставшие в этой связи «на повестку дня».

Может быть использована при изучении курсов «История российской социологии», «Общая социология» и «Специальные социологические теории».

УДК 316.32(470)

9 785914 194038

© Коллектив авторов, 2010
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010
© «Алетейя. Историческая книга», 2010

К читателю

Настоящая монография ставит своей целью подвести итоги полувекового развития российской социологии, осмыслить накопленный научный арсенал с конца 1950-х до 2000-х годов, т.е. за тот период, когда начался процесс ее возрождения.

2008 год прошел под знаком образования 50 лет назад первого профессионального отечественного социологического объединения — Советской социологической ассоциации. С этим событием совпадает и еще одна примечательная дата — 40-летие создания первого академического социологического института — Института социологии, который на первом этапе своего существования именовался Институтом конкретных социальных исследований. Начальный период новой науки был трудным и сложным, в том числе и для Советской социологической ассоциации, которая возникла сначала для международных целей, для участия в международных встречах социологов.

Настоящая монография посвящена анализу сложного и противоречивого пути развития отечественной социологии. Она начинается с анализа становления социологии в СССР (России), свидетельств очевидцев и непосредственных участников первых и последующих шагов по возрождению и постепенной институционализации социологической науки. В этих статьях раскрываются различные аспекты развития, возмужания и укрепления социологической науки за этот полувековой период, пути и методы поиска научной истины, участия социологии в созидательных и творческих планах общества. Так как социологическое образование является частью нашей судьбы, то картина его становления и развития в России дается во всем его противоречивом развитии.

Важнейшей характеристикой исторического пути отечественной социологии является развитие ее различных направлений — от теоретических до эмпирических, от фундаментальных до прикладных. Это отражала и структура Советской социологической ассоциации, в рамках которой существовало около 35 исследовательских комитетов — от истории социологии до социологии села, от методологии и методики до исследований проблем молодежи, от социологии труда до социологии искусства. В соответствии с этим замыслом публикуются обзоры развития и становления отраслевых и специализированных социологических теорий.

Наша наука становилась и развивалась не только в Москве и Ленинграде (Санкт-Петербурге), 1960-е годы были годами мощного движения социологической мысли во многих городах Советского Союза. Этот процесс чаще всего протекал стихийно. Но во главе его были энтузиасты, которые стали активными участниками и творцами процесса конституирования социологии, проведения социологических исследований, апробации разных форм подготовки социологов в то время, когда еще не было социологического образования. Поэтому читатель познакомится с материалами о становлении науки в регионах, городах, республиках. Ведь не секрет, что (и с этим мы сталкиваемся постоянно) в рассказах о том или ином социологическом центре забывают тех, кто стоял у истоков возрождения этой науки. Публикации о становлении социологии в конкретных областях, краях, республиках призваны ознакомить наших читателей с историческими страницами многих регионов страны. Мы думаем, что этим мы сослужим хорошую пользу для тех, кто в будущем возьмется за описание первых шагов возрождения социологии в России.

Отдельным блоком представлена рубрика «Новая повестка дня социологии в России», в которой представлены материалы о наиболее актуальных, неотложных и злободневных проблемах, стоящих перед социологической наукой. Значительное место отводится размышлениям о путях дальнейшего развития отечественной социологии, о ее месте в контексте мировой социологии.

В приложении помещены ответы на вопросы журнала «СОЦИС» всех руководителей Института социологи с момента его образования — Г.В. Осипова, М.Н. Руткевича, В.Н. Иванова, В.А. Ядова, Л.М. Дробилевой, М.К. Горшкова, в которых дается их личное восприятие и понимание тех проблем, которые решались в социологии на протяжении всего пути ее становления и тех проблемах, которые они считают особенными и специфичными для своего времени. Читатель сможет узнать многое от их личных воспоминаний и сам определить особенности трактовки ими происходящих изменений.

Большую работу по сбору, обработке и подготовке к публикации настоящего материала провели члены редакции журнала «Социологические исследования» А.И. Афанасьева, Л.В. Глебова, А.А. Зотов, А.Е. Крухмалев, И.К. Пинчук, Н.А. Плотников, И.П. Попова, Н.В. Романовский, В.И. Тайдаков, которым редколлегия выражает признательность и благодарность.

Редколлегия

Раздел I. Возрождение социологии в России

*Г.В. Осипов,
академик РАН*

Как это было на самом деле: о возрождении социологии в России¹

Социологическая наука в России прошла более чем вековой путь. Долгое время социология находилась под запретом. Требовались немалое мужество и колоссальные усилия для того, чтобы социология возродилась и заняла достойное место в системе наук об обществе. Ретроспективный взгляд позволит лучше увидеть возможности, которые открываются перед социологией уже в наше время, определить ту социальную роль, которую социология должна сыграть в новом столетии.

Заслуга советских ученых-социологов второй половины XX века перед российским обществом и государством состоит в том, что в условиях жесткого коммунистического режима им удалось создать систему социологического знания, добиться признания социологии как науки, преодолев сопротивление ортодоксальных марксистов и безраздельно господствовавшей в СССР хорошо отлаженной машины партийной, государственной и идеологической власти.

Отечественная социология дореволюционного периода развивалась в рамках общемирового процесса наравне с ведущими национальными социологическими школами Европы и США. Первые публикации по проблемам социологии и социологических исследований в России относятся к 60–70-м годам XIX века, когда выходят в свет труды крупных социальных мыслителей — Н.Я. Данилевского, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, П.Н. Ткачева, В.В. Берви-Флеровского и др. Первая работа по социологии принадлежала В.В. Берви-Флеровскому и вышла в 1869 г. («Положение рабочего класса в России»). Имена русских социологов

¹ В основе статьи лежит доклад академика Г.В. Осипова на Всероссийском социологическом конгрессе 21 октября 2008 г.

— основоположников отечественной социологии — Максима Ковалевского, Николая Кареева, Питирима Сорокина, Константина Тахтарева, Михаила Туган-Барановского, Евгения Де Роберти, Александра Лаппо-Данилевского, Сергея Южакова и многих других вписаны в анналы мировой социологии.

В первые годы после Октябрьского переворота продолжились некоторые позитивные тенденции в развитии отечественной социологии. Открывается первый в России факультет общественных наук с кафедрой социологии во главе с Питиримом Сорокиным (1919–1920 г. Петроградский университет). Возобновляет свою деятельность Социологическое общество им. М.Ковалевского. В начале 20-х годов ситуация меняется. В 1922 г. из страны было выслано около 160 деятелей науки и культуры, среди них многие выдающиеся философы и социологи — в том числе П.А. Сорокин, Н.А. Бердяев, П.Б. Струве, С.Л. Франк и многие другие.

Происходят изменения и в общем методологическом подходе к социологии. Известный деятель ВКП(б) Н. И. Бухарин публикует монографию под названием «Теория исторического материализма: популярный учебник марксистской социологии» (1921 г.), в которой исторический материализм отождествлялся с марксистской социологией и провозглашался единственно научной социологией. Так был сделан первый шаг к отрицанию предшествующего наследия отечественной социологии с позиций марксизма. Позднее, с выходом в свет работы И.Сталина «О диалектическом и историческом материализме» исторический материализм был возвращен в лоно философского знания, а социологическое знание даже в форме исторического материализма, как знание нефилософское, было «упразднено».

Формула переворот, вернее запрет, в 1929 г. дискуссия в Институте философии Коммунистической академии, на которой был сделан категорический вывод: «социология — это лженаука, выдуманная французским реакционером Огюстом Контом, само слово «социология» не должно использоваться в марксистской литературе». Более чем на два десятилетия развитие отечественной социологии было прервано.

Первые изменения в отношении к социальным исследованиям со стороны партийных структур стали происходить в конце 50-х — начале 60-х годов. В 1955 г. вышло постановление Президиума ЦК КПСС, разрешившее советским ученым участвовать в III Всемирном социологическом конгрессе в Голландии. Тогда для участия в социологическом конгрессе необходимо было специальное Постановление Президиума ЦК КПСС. Важным этапом стало проведение в 1957 г. в Москве Международного совещания социологов по вопросу о мирном сосуществовании, в котором

приняли участие крупнейшие социологи мира — Р. Арон, Ж. Фридман, А. Холландер, Э. Хьюз, Х. Шельски, Т. Боттомор. В это же время начал обсуждаться вопрос о создании Советской социологической ассоциации и вступления советских ученых в Международную социологическую ассоциацию.

Днем рождения Советской социологической ассоциации можно считать **13 июня 1958 г.** Тогда в соответствии с Постановлением Комиссии ЦК КПСС было принято решение Президиума АН СССР о ее создании. Председателем ССА был избран Ю.П. Францев, его заместителем — Г.В.Осипов (через год он стал председателем ССА — до 1972 г.).

В рамках ССА стали активными и все более регулярными контакты с зарубежными учеными. Сложились прочные научные связи с крупнейшими западными социологами: Т. Адорно, Р. Кенигом, Д. Хомансом, И. Галтунгом, А. Туреном, Ж. Штёцелем, Т. Парсонсом, Д. Беллом, П. Лазарсфельдом, Р. Мертоном и многими другими. Был создан и успешно функционировал совместный с американскими коллегами Комитет по советско-американским социологическим связям, который возглавляли председатель ССА и Талкот Парсонс. Установились отличные отношения с Институтом общественного мнения Джорджа Гэллага в Принстоне. За рубежом начал выходить в свет на английском языке периодический журнал «Soviet Sociology», в котором публиковались лучшие статьи советских ученых (вышло в свет более 30 номеров). Началось серьезное знакомство с опытом зарубежной социологии, в первую очередь — американской. Наибольшее значение для отечественной социологии имело изучение методов формирования выборочной совокупности, структурно-функционального анализа, факторного анализа, применения математических моделей в социологии.

В 1960 г. в Институте философии АН СССР было создано первое в стране научное социологическое подразделение под названием «Сектор новых форм труда и быта» под руководством Г.В. Осипова. Сектор располагался в подвале на Писцовой улице в Москве. Здесь работали А.А. Звoryкин, И.И. Чангли, А.И. Соболев, В.В. Колбановский, Ю.Н. Козырев, В.Н. Шубкин и др. В том же 1960 г. в Ленинградском государственном университете открылась первая в стране «Социологическая лаборатория» под руководством В.А. Ядова. В ней активно работал А.Г. Здравомыслов. С начала 1960-х годов по инициативе «Комсомольской правды» начали проводиться опросы общественного мнения под руководством Б.А. Грушина, который в 1960 г. создал Институт общественного мнения, просуществовавший до 1967 г. В Новосибирске под руководством Г.А. Пруденского и А. Г. Аганбеяна стала формироваться школа

экономико-социологических исследований, в рамках которой в начале и середине 1960-х годов работали Т.И. Заславская (лидер новосибирской социологической школы), В.Д. Патрушев, В.Э. Шляпентох, В.Н. Шубкин, Е.Г. Антосенков и др. Группой свердловских ученых под руководством М.Т. Иовчука с участием М.Н. Руткевича, Л.Н. Когана, Е.Ю. Волкова и др. было проведено исследование культурно-технического уровня рабочего класса. В МГУ в начале 1960-х гг. проводились конкретные социальные исследования под руководством Галины Михайловны Андреевой. Одновременно создаются социологические подразделения при ЦК ВЛКСМ (В. Васильев, В. Чупров, А. Кулагин) и АОН при ЦК КПСС (И. Петров). По инициативе А. Соболева в журнале «Проблемы мира и социализма» в 1961 г. началось обсуждение проблем социологии и социологических исследований общественных процессов.

Первыми проведенными с позиций современных индуктивных методов стали исследования московских и ленинградских ученых. И, в первую очередь, здесь надо назвать имена В. Ядова и А. Здравомыслова. Последующие исследования, которые проводились позже В.Н. Шубкиным, З.И. Файнбургом, Г.П. Козловой, Э.В. Клоповым, Л.А. Гордоном, Н.А. Аитовым, Г.Т. Журавлевым и рядом других, в определенном смысле следовали в фарватере этих двух основополагающих школ отечественной социологии.

В 1966 г. Президиум АН СССР принял решение о преобразовании «Сектора новых форм труда и быта» в «Отдел социологических исследований» Института философии АН СССР. Внутри отдела было создано 7 секторов, ими руководили Ю. Левада, И. Кон, Б. Грушин, Н. Лапин, А. Зворыкин, Н. Мансуров, В. Васильев. К научной работе Отдела были привлечены также Ю. Семенов, А. Здравомыслов и др. Этим же решением был создан Научный Совет по проблемам конкретных социальных исследований при Президиуме АН ССР под председательством А. Румянцева, его заместителем был Г. Осипов.

В середине 1960-х гг. начинают появляться первые крупные труды, обобщающие результаты конкретных социологических исследований — пятитомник С.Г. Струмилина, работы Г.А. Пруденского, А.Г. Харчева, коллективные монографии: «Копанка 25 лет спустя» (1965); «Рабочий класс и технический прогресс» (1967); «Человек и его работа» (1967). Большим событием стало издание двухтомника «Социология в СССР» (1966), международного исследования «Социальные проблемы труда и производства» под редакцией Г. Осипова и Я. Щепанского (1970). Важным печатным органом, объединившим усилия социологов и сделавшим очень много для распространения научного и методического опыта, стал

журнал «Социальные исследования». Журнал издавался ССА в 1965 г. на организационной базе Сектора новых форм труда и быта. В 1974 г. журнал стал называться «Социологические исследования», его ответственным редактором в течение многих лет был А. Г. Харчев. Всего за несколько лет, прошедших со времени создания Советской социологической ассоциации, социология возродилась как бы из пепла. Отечественная социология совершила взлет и заняла достойное место в мировом научном социологическом сообществе.

Второй юбилей, которому в 2008 г. исполнилось 40 лет — Институт конкретных социальных исследований АН СССР (ИКСИ), созданный 14 июня 1968 года на базе Отдела конкретных социологических исследований Института философии АН СССР. Возглавил его академик А. М. Румянцев. По его инициативе было решено, что Институт конкретных социальных исследований будет развиваться одновременно по двум направлениям: **социологическому**, которое курировал Г.Осипов, и **политологическому** — Ф.Бурлацкий. Исследовательские проекты возглавили видные ученые: Б.Грушин, А.Здравомыслов, И.Кон, Ю.Левада, Ю.Семенов, В.Ядов и др.

В то же время усилилось вмешательство партийного руководства в процесс научных исследований. Партийным структурам социология как наука была не нужна, более того, она вступала в конфликт с идеологизированным видением социального мира. Начались грубое административное вмешательство в дела науки, расправы над ведущими социологами. В качестве повода были избраны «Лекции по социологии» Ю.Левады (1968). Коллектив института обвинялся в насаждении буржуазных теоретических концепций и взглядов. Был нанесен первый удар по социологической науке и социологам. За «Делом Ю. Левады» последовал второй удар. Поводом для него послужила монография «Моделирование социальных процессов» (1970) под редакцией Г.Осипова и Н.Моисеева (Дело Г.Осипова). Еще одно — «Дело подписантов». Испытывая постоянный голод в квалифицированных работников, Институт принял 10 человек из числа так называемых «подписантов». Среди них были Л.Анненский, Ю.Давыдов, Л.Седов, А.Буртин, З. Крахмальникова и др. За это Институт был обвинен в антисоветской деятельности, хотя «подписанты» негласно выполняли целый ряд работ по заданию директивных органов.

Академика А. Румянцева в 1972 г. на посту директора ИКСИ (переименованного в Институт социологических исследований) сменил член-корреспондент АН СССР Михаил Николаевич Руткевич. С 1972 по 1976 г. он был и председателем Советской социологической ассоциации. В соответствии с указанием Отдела науки и вузов ЦК КПСС и руководства

АН СССР, в Институте была проведена «чистка» кадров. Тогда за короткий срок стены Института были вынуждены покинуть более 100 ученых, в том числе — В.А. Ядов, Б.А. Грушин, И.С. Кон, Л.В. Карпинский, Н.Ф. Наумова, Ю.А. Левада, В.Н. Шубкин, Н.И. Лапин, Ф.М. Бурлацкий и многие др., не говоря уже о «подписантах». Против меня было возбуждено так называемое дело «Шахматного клуба». Я был освобожден от должности заместителя директора Института и председателя ССА, был поставлен вопрос о запрещении мне заниматься научной деятельностью.

Очередной поход на социологию преследовал не только цель дискредитации социологов-профессионалов, но и ограничения или сведения на нет социологического знания. Резко сократилось количество публикуемых работ, снизилось качество проводимых социологических исследований. Поступательное развитие социологии было вновь искусственно прервано. За этот разгром социологии полную ответственность несут зав. Отделом науки и вузов ЦК КПСС С. Трапезников, инструктор этого отдела Г. Квасов и секретарь МГК КПСС В. Ягодкин. С большой благодарностью я всегда вспоминаю имя ректора МГУ академика АН СССР И.Г.Петровского. Мало кто знает, что трагический уход из жизни Ивана Георгиевича Петровского в январе 1973 г. был косвенно связан с травлей социологии, которую развязали партийные органы, и с той борьбой за социологическую науку, которую он вел. Накануне трагического дня у меня состоялся телефонный разговор с ним. «Сегодня встречаюсь с С.П. Трапезниковым — сказал он. — Надеюсь, что мне удастся убедить его прекратить травлю социологии и социологов. О результатах встречи перезвоню». И.Г.Петровский не перезвонил — после разговора с чиновником он умер от сердечного приступа. М.Н. Руткевич не долго руководил Институтом. Сменил М.Н. Руткевича в 1976 г. на посту директора Т.В. Рябушкин. Следующим директором был назначен В.Н. Иванов.

Вопреки воле партийного руководства в стране стихийно сложилось мощное социологическое движение, объединившее большую группу философов и экономистов, представителей других научных дисциплин, которые перешли на позиции социологической науки. Несмотря на ограничительные и запретительные санкции, конкретные социологические исследования в стране проводились. Социологическое знание постепенно преодолевало узкие ограничительные рамки «марксистской социологии», завоевывая статус самостоятельной науки. Но значительная часть первичной информации, представляющая огромную научную ценность для решения насущных социальных проблем, так и оставалась в архивах. Многие тревожные сигналы социологов о нарастании конфликтов в трудовой сфере, об отчуждении власти от народа, о варварском отноше-

нии к природе, о развитии радикально националистических тенденций в стране и другие, которые они адресовали директивным органам, не только не принимались во внимание, но и осуждались как, якобы, тенденциозные.

В 1988 г. в очередной раз состоялось переименование нашего института — в Институт социологии АН СССР. Директором-организатором был рекомендован В.А. Ядов. На посту директора Института социологии В.А. Ядова сменила Л.М. Дробижева, а с 2005 г. — М.К. Горшков. В 1991 г. по решению руководства Академии наук СССР, главным образом ее президента академика Г.И. Марчука, коллектив руководимой мной научной программы «Социальное развитие советского общества: показатели и индикаторы» выделился в самостоятельный Институт социально-политических исследований АН СССР. Таким образом, произошло создание двух социологических академических институтов, представлявших два направления, различных по характеру и содержанию видения российской реальности, две школы в социологии. Это было, на мой взгляд, важное демократическое решение в области науки. Вместо силового подавления — две различные социальные концепции, два различных видения социального мира получили права гражданства. Оба Института: Институт социологии и Институт социально-политических исследований РАН — являются сегодня правопреемниками первого академического социологического Института.

Опыт полувекового противоборства социологов-шестидесятников и партийных функционеров, социологии и власти поучителен и для последующих поколений. При всех сложностях и ограничениях коммунистического режима социология в СССР формировалась как наука, отвечающая насущной необходимости решать внутренние потребности советского, российского общества, как наука, способная обосновать формы и методы преодоления назревших социальных, социально-экономических и социально-политических противоречий, порожденных в значительной степени идеологией социального утопизма и социального мифотворчества. Речь идет о социологии не как придворной служанке власти, а о независимой научной дисциплине, стоящей на страже национальных интересов российского общества, российского народа, социально и национально ориентированного правового государства.

Сегодня нередко приходится слышать, что академическая социальная наука в период «перестройки» и неolibерального реформирования якобы устранилась от решения тех проблем, которые стояли перед страной. Научная деятельность ведущих социологов, а также академических

институтов социологического профиля РАН полностью опровергает это утверждение. ИСПИ РАН, к примеру, неоднократно направлял первым лицам государства — соответственно М. Горбачеву, Е. Гайдару и Б. Ельцину — документы, в которых содержалось предупреждение о серьезных рисках и угрозах принятого курса реформирования страны. В последующие годы институт систематически проводил исследования социально—экономических и социально-политических трансформаций, которые происходили в России, и ежегодно представлял в органы государственного управления результаты своих исследований в виде докладов под общим названием: «Социальная и социально-политическая ситуация в России: анализ и прогноз». В этих докладах на основе изучения конкретных фактов был сделан вывод об ошибочности выбранного курса трансформации и о разрушительном характере тех методов, которыми осуществлялись неолиберальные реформы. В этой связи учеными оценивались возможные последствия, делались конкретные предложения по исправлению ситуации, по корректировке осуществляемого курса реформирования России. В настоящее время, спустя полтора десятилетия, ошибки курса реформирования, проанализированные тогда в докладах социологов, признаются всеми.

Социология как наука показала способность реально оценить происходящие трансформации, дать им оценку, осудить метод проб и ошибок, метод экспериментов над людьми. Социология дала научно обоснованные предложения по корректировке курса реформ. Если бы диалог между социологами и властью состоялся, то результаты реформирования были бы качественно иными, отвечающими национальным интересам страны, и социальная цена реформ была бы несравненно меньшей.

Социологический анализ социальной и социально-политической ситуации в годы трансформации в России позволил сделать принципиально **новые концептуальные и теоретические выводы**. В классических концепциях уровень и качество жизни долгое время считался прямым следствием роста материального благосостояния. В экономической науке на протяжении более 50 лет качество жизни оценивалось в материальном выражении: в деньгах и стоимости благ, связанных с ростом внутреннего валового продукта. Такой экономико-центристский подход к социальной реальности сохраняется и сегодня, когда, например, в качестве стратегического приоритета ставится задача удвоения ВВП.

Социологическая наука, не только отечественная, но и мировая, сделала иной вывод: в современных условиях оценка прогресса развития общества только на основе объективных данных, в том числе размера внутреннего валового продукта, некорректна. Удовлетворенность

жизнью, качество жизни, уровень развития человеческого потенциала — многофакторны, и не связаны прямой зависимостью с ВВП. Научно-технический, экономический прогресс не сопровождается автоматически прогрессом социальным, социально-политическим, духовным. Напротив, высокий уровень материально-технического благосостояния в обществе может сопровождаться моральными и нравственными потерями, ростом бездуховности, нарастанием социальных девиаций, рисков и угроз.

Эти угрозы непосредственно связаны с социальным поведением людей, преследующих свои интересы и цели. Поэтому на передний план должна выдвигаться не только задача роста ВВП, а **проблема человека и его социальной деятельности** в условиях современной реальности, а, следовательно, и проблема ее **измерения**. Как ее измерять? Отечественной и мировой социальной наукой и практикой создан и постоянно совершенствуется измерительный инструмент: **система социальных показателей и индикаторов**, позволяющих конкретно анализировать характер, содержание и направленность социальной деятельности людей, ее мотивацию, ценностные ориентации и социальные установки человека.

Объективные экономические показатели, оценивающие развитие общества, были дополнены социальными индикаторами, агрегированными в индексы, реально оценивающие уровень прогресса как отдельной страны, так и группы стран международного сообщества. Широко известен вошедший в практику международных сравнений Индекс Развития Человеческого Потенциала (ИРЧП), с которым работает Организация Объединенных Наций. Важнейшими социальными индексами являются индекс удовлетворенности жизнью (или социального благополучия), индекс доверия к социальным структурам и институтам, отвечающим за организацию социальной жизни, индекс социальной напряженности, индекс развития гражданского общества. Социологами сделан вывод, что основным антагонистическим противоречием современного российского общества остается разрыв между реальными возможностями России как единственной самодостаточной страны мира, наличием всех необходимых средств для их реализации, и крайне низким уровнем и качеством жизни народа. Важнейшим условием преодоления этого противоречия является повышение уровня эффективности государственного управления обществом, что предполагает в качестве ключевого момента включение социологии в систему научного управления обществом. Социологами на основе обобщения международной практики разработаны показатели эффективности государственного управления. С 1996 г. рассчитываются индивидуальные и агрегированные инди-

каторы в шести ключевых составляющих качества государственного управления. Введение социальных показателей эффективности государственного управления создает механизм, позволяющий поставить, и в правовом аспекте, вопрос об ответственности властных структур за последствия своей социальной деятельности.

Обобщив данные международной социальной практики, социологи нашего Института построили **систему предельно-критических показателей развития российского общества**. Эта система дает точку отсчета социальных изменений (прогрессивных или регрессивных), которые происходят в российском обществе. Предложенная система, состоящая из 24 предельно-критических показателей, получила признание, она часто приводится в научных и общественно-политических текстах, правда уже без ссылок на наш Институт.

Теоретической инновацией социологов стало введение в научный оборот на основе анализа социальных, этнических, социо-культурных и других противоречий современных обществ **понятия социо-культурной безопасности**. Ее измерение позволяет судить о сохранении культуры, языка, национальной идентичности в условиях нивелирующего влияния глобализации и международных миграций.

Важнейшей проблемой страны, требующей срочного государственного воздействия, остается неблагоприятная демографическая ситуация. Социологами и демографами создана научно обоснованная концепция социальной и социально-экономической обусловленности демографических процессов. Следует признать, что для устранения или, по крайней мере, смягчения факторов социальной дестабилизации при решении демографической проблемы, необходимы существенные материальные затраты.

Практика показывает, что нередко государственные решения, которые, по первоначальному замыслу, должны были дать позитивный социальный эффект, в процессе реализации приводят к явно выраженным негативным последствиям для человека и общества. Здесь также оправдано привлечение социологии. Социология может выступать не только в качестве эксперта при принятии социальных, политических и социально-экономических решений, но и в качестве эксперта при оценке возможной экономической и социальной эффективности проектов, научных открытий и разработок.

В 2008 г. проведена социально-экономическая экспертиза нескольких проектов, на первый взгляд, далеких от сферы интересов социологии. Первый — проект утилизации парниковых газов или электрохимической конверсии углекислого газа в жидкое топливо и кислород. Эта технология, первоначально разработанная для космических аппаратов,

обещает дать значительный экологический и экономический эффект. Но социальный эффект не сводится к экономике и даже к экологии, он оценивается целой системой критериев. Главное, что данный проект отвечает той смене представлений о взаимодействии техносферы, биосферы и социосферы, — что означает переход к новому качественному состоянию человека и общества, **переход к «обществу знания»**.

Другой проект, в котором социологи оценивали социальный эффект от его перспективной реализации — это строительство «межконтинентального транспортного коридора» — интегральной евроазиатской транспортной системы. Перспективы создания этой интегральной транспортной системы, связывающей весь Евразийский континент, давно изучаются учеными и геополитиками. В России только сейчас для реализации такого крупнейшего проекта созрели необходимые технологические условия, экономические и политические стимулы. Обладание адекватной транспортной (мультимодальной) системой (включающей железные и автодороги, оптоволоконную информационную сеть) — одна из важных гарантий геополитической безопасности России.

Социология — это обоюдоострое оружие, она может служить как во благо, так и во зло, может быть использована как фактор социальной и политической дестабилизации. В «оранжевой революции» на Украине, в недавней агрессии Грузии — определенную роль сыграли некоторые антироссийски настроенные социологи, которые работали в интересах НАТО. Предметом нашей особой обеспокоенности служит расширение зоны нестабильности на Северном Кавказе.

На основе творческого сотрудничества экономистов и социологов, анализирующих новые социальные и геополитические реалии, сложилась междисциплинарная отрасль социальной науки — **экономика и социология знания**, успешно реализуемой в Программе фундаментальных исследований Президиума РАН и поддержанной президентом Академии Ю.С. Осиповым.

В идеале любое государственное решение — будь то экономическое, социальное, политическое — должно приниматься на основе точного научного расчета, с обоснованным представлением о том, какое оно будет иметь значение для каждого человека и общества в целом. Именно это способны обеспечить экономика и социология знания.

Таким образом, есть все основания полагать, что российская социология, прошедшая долгий и наполненный драматическими событиями путь, сможет внести свой достойный вклад в формирование стратегии российского общества, в развитие социального знания в XXI веке в интересах человека и общества.

В.И. Жуков,
академик РАН

Социология в современной России¹

Признание преемственности как фактора эволюции науки должно дополняться пониманием того, какое влияние на отечественную социологию оказывали те или иные научные школы, политические и другие события, происходившие как в стране, так и в мире. Отечественная социология, как и иные отрасли социально-гуманитарных наук, начиная с философии, формировалась и на собственной базе и под влиянием в «европейского социально-социологического духа». В этом смысле успех «позитивной философии» О. Конта в России второй половины XIX века не случаен. Но это — не «механический» экспорт идей.

Во-первых, для восприятия актуальной социальной теории в России сформировались необходимые внутренние условия. Россия в этот период переходила на рельсы новой, индустриальной цивилизации, что привело к обострению старых и появлению массы новых социальных проблем. С помощью сложившейся социальной философии эти проблемы решить было невозможно. Возникла потребность в новом, более точном знании, а вызванная реальной обстановкой потребность в рациональном объяснении социальных процессов привела к развитию отечественной социологии в традициях позитивизма. *Во-вторых*, в России пореформенного периода появился слой интеллектуально богатой, самодостаточной, критически мыслящей интеллигенции, способной не только воспринять социологию О. Конта, но и развить её применительно к российской реальности XIX века. Философия и социология во второй половине XIX века в России были представлены не только взглядами О. Конта. Были известны социологические школы географического детерминизма, неокантианства. Широкое распространение получила экономико-материалистическая школа, т.е. марксистская.

История становления отечественной социологии подтверждает один из выводов Коэнена-Хуттера (Швейцария) о том, что «...с увеличением межтерриториальных контактов появляется возможность соединить различные национальные традиции в один «ствол» коллективного знания. Мы должны уметь собирать идеи классиков. И не имеет значения, чьи это идеи — Маркса или Токвиля, Дюркгейма или Вебера, Малиновского или Сорокина. Социология в XIX в. — развивалась почти без учета нацио-

¹ Из доклада на Учредительном съезде Союза социологов России 27 июля 2007 г.

нальных особенностей. Сейчас наступило время, когда необходимо преодолеть это ограничение, которое обедняло как национально-культурное, так и глобальное общественное развитие» (Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М., 1998. С. 17.)

Полагаю, что отечественным социологам в начале XXI века следует в ином социокультурном, историческом контексте переосмыслить социологическое наследие К. Маркса, К. Каутского, Э. Бернштейна, других авторитетных исследователей социально-политической и экономической реальности. Нельзя оставить без внимания социологическое наследие П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Г.В. Плеханова, П.А. Сорокина, В.И. Ульянова (Ленина). Без этого анализа трудно разработать, обосновать современную социологию труда, занятости, богатства, бедности, рыночных отношений, социологию власти, политики, управления.

Известно, что события 1917 г. стали своеобразной разделительной чертой для развития отечественной социологической науки. Сложной оказалась судьба социологов, противоречивым и тернистым их путь, но цепь преемственности не прервалась и в это время. К сожалению, многие наши коллеги не только сомневаются в наличии преемственности, но и обосновывают тезис об исчезновении отечественной социологической науки, её вырождении в институт идеологического обслуживания тоталитарного режима. Аргументов в пользу такого вывода вполне достаточно.

Однако мы не вправе забывать, тем более игнорировать и другое. Известно, что в 1919 г. во Втором Петроградском государственном университете была создана кафедра социологии, и в следующем году её возглавил П.А. Сорокин. В послереволюционный период одним из инновационных направлений социологических исследований стало изучение социальных проблем управления, труда и производства. Оно осуществлялось рядом исследовательских коллективов. Главными среди них были Центральный институт труда (ЦИТ) в Москве под руководством А.К. Гастева и Всеукраинский институт труда в Харькове под руководством Ф.Р. Дунаевского. Следует назвать также таких крупных исследователей в этой области, как Н.А. Витке, О.А. Ерманский, П.М. Керженцев. Деятельностью названных институтов и исследователей были заложены основы отечественной прикладной социологии. Большую научную и практическую значимость имели исследования, проводившиеся под руководством академика С.Г. Струмилина.

Важный этап развития отечественной социологии связан с созданием в 1958 г. Советской социологической Ассоциации, председателем которой в ту пору был Ю.П. Францев, важную роль в ее соз-

дании сыграл Г.В. Осипов. Постановлением Президиума АН СССР «О мерах по улучшению организации и координации конкретных социальных исследований» был создан научный совет по этой проблематике. В 1960 г. в Институте философии АН СССР создан отдел социологии (Г.В. Осипов). На философских факультетах Ленинградского и Московского университетов созданы лаборатории социологических исследований (В.А. Ядов, Ю.В. Арутюнян, Р.И. Косолапов, Г.М. Андреева). В 1968 г. начал работу Институт конкретных социальных исследований.

С этим десятилетием связан бурный рост социологии в вузах и академических институтах Ленинграда, Москвы, Свердловска, Новосибирска, Горького. Стала издаваться социологическая литература, выходить периодические сборники «Социальные исследования» и «Информационный бюллетень ССА». Материалы исследований на предприятиях Урала и Ленинграда легли в основу коллективных монографий «Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса» (1961), «Человек и его работа» (1967). В 1965 г. издана обобщающая коллективная монография «Социология в СССР» (два тома). В 1969 г. опубликован сборник «Вопросы организации методики конкретно-социологических исследований». Активное участие в возрождении социологии приняли Г.В. Осипов, А.А. Зворыкин, Т.И. Заславская, И.С. Кон, А.Г. Харчев, О.И. Шкаратан, В.Н. Шубкин и др.

Динамично развивалась вузовская наука. В 80–90-х годах прошлого века сложились социологические школы: в МГУ (В.И. Добренко), СПбГУ (А.О. Бороноев, Н.Г. Скворцов, А.И. Куропятник), РГСУ (В.И. Жуков, В.Н. Ковалев, Г.И. Осадчая, Т.Н. Юдина, О.А. Уржа, И.В. Соколова, Д.К. Танатова), МГИМО (С.А. Кравченко), появились авторитетные региональные научные школы: в Новосибирске (Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина, В.Н. Шубкин), Екатеринбурге, Перми, Уфе (Л.Н. Коган, Н.А. Аитов, З.И. Файнбург, Г.Е. Зборовский, Л.Я. Рубина), на Алтае (С.И. Григорьев), Ростове-на-Дону (Ю.Г. Волков), Нижнем Новгороде (З.Х. Саралиева, С.С. Балабанов), Самаре (Е.Ф. Молевич), Саратове (В.Н. Ярская-Смирнова) и др. В эти годы росло число диссертаций по социологическим наукам. В 2001–2006 годах Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки РФ утверждены только докторских 357 диссертаций. Крупные университеты, используя внутренние резервы и гранты различных фондов, смогли провести масштабные проекты. Так, в РГСУ более 10 лет ведется мониторинг результатов и условий социального воспроизводства населения страны, социального самочувствия россиян (проект «Социальная сфера России: реалии и перспективы»), начат масштабный проект «Человек до и после

перестройки». Саратовским техническим и Алтайским государственным университетами исследуются проблемы социальной работы.

Признанием вклада социологов в развитие фундаментальной социальной науки стало расширение представительства социологии как научной дисциплины в Российской академии наук. В составе Отделения общественных наук РАН работают два академика, семь членов-корреспондентов РАН: М.К. Горшков, В.Н. Иванов, А.В. Дмитриев, В.Н. Кузнецов, Н.И. Лапин, Ж.Т. Тощенко, Р.Г. Яновский. Преодоление российской социологией перестроечных проблем получило международное признание. После 15-летнего перерыва в руководящие органы Международной социологической ассоциации избран доктор социологических наук Н.Е. Покровский, в Европейской социологической ассоциации — доктор философских наук В.А. Мансуров, в номинативный комитет ESA — доктор социологических наук Г.И. Осадчая.

За эти годы создан фонд монографической литературы по социологии, сформировались реальные условия для публикации научных трудов социологов. Сегодня издается более 10 социологических журналов (в 1990 г. был один). В настоящее время еще 67 периодических изданий (вестников, сборников, журналов университетов и других научных центров) уполномочены ВАК РФ публиковать социологические статьи, признаваемых как прошедших качественную апробацию для защиты кандидатских и докторских диссертаций.

Накапливались и проблемы, характерные и для социологической науки, и отношения к ней институтов власти. Наиболее острой является проблема качества фундаментальных и прикладных исследований. Не сложилась эффективная система подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации. Слаба материально-техническая база. Сократился приток научной молодежи в фундаментальную науку. Общества и ассоциации, созданные ранее с целью консолидации усилий социологов, не находят общего языка.

К сожалению, осталось по-прежнему незаинтересованным отношение власти к серьезным исследованиям, касающимся наиболее сложных социальных проблем страны. Наряду с этим среди политиков и чиновников стало модным «обрамлять» свои выступления социологическими данными, придавая им вид научности. Сформировалось прагматичное отношение к социологическим исследованиям: финансируются лишь те из них, результаты которых могут быть использованы сию минуту.

Фундаментальная социальная теория, долгосрочные прогнозы остаются невостребованными. История отечественной социологии не оставляет сомнений о том, что тоталитарные системы и авторитарные

правители не заинтересованы в развитии социальной науки. И напротив: чем либеральнее режим, тем больший простор получает социология. Правда, справедливо и другое: при тоталитарных режимах социологу мешают говорить, при демократических его почти никто не жалеет слушать. Из этого вытекает два вывода.

1. Отечественная социология накопила потенциал, достаточный для заметного участия в социальном обновлении страны, трансформации научного знания в экономику, политику и культуру, адекватную глобальным тенденциям развития цивилизации.

2. Для реализации накопленного потенциала необходима консолидация социологического сообщества, создание условий для дальнейшего динамичного развития социологической науки, усиление ее влияния на социальный прогресс и становление гражданского общества. Необходимо осознать: Россия выиграла битву за демократию как способ организации государственной и общественной жизни. Началось самое трудное: политикам нужно удержать демократические процессы как наиболее перспективные, а социологам — содействовать улучшению демократических институтов, способствовать очищению их от управленческого невежества и злоупотреблений, добиваться закрепления в общественном сознании населения представления о демократии как социальной норме. На достижение первого рассчитана теоретическая часть социологии, второго — ее прикладная составляющая, третьего — эффективная система социологического образования и просвещения.

Социология XXI века находится под влиянием трех взаимосвязанных процессов. Во-первых, развивающиеся в мире политические тенденции меняют внутреннее устройство государств, видоизменяют политический строй, социально-экономические отношения, взаимодействие власти, собственности, широких масс населения и др. Во-вторых, эти изменения носят формационный характер, меняя сложившиеся представления о либерально-демократических, социально — демократических и других доктринах государственного устройства и общественной жизни. В-третьих, они носят также глобальный характер и отражают новый этап развития цивилизации, при котором **всеобщее** начинает преобладать над **особенным**. В этих условиях прикладная социология должна быть достоверной; социальная инженерия — эффективной, теоретическая социология — функциональной. Социологическое образование должно впитать в себя все перечисленные достоинства науки. Обратимся к этому фактору.

Известно, что Россия существенно отставала от цивилизационных процессов развития социологического образования. В Йельском универ-

ситете в 1876 г. У. Самнер прочитал первый курс, носивший название социология. В 1890 г. курс социологии в Гельсингфорсе открыл профессор Э. Вестермарк. Во Франции в 1896 г. в Бордо на филологическом факультете была создана кафедра социологии, руководство которой было возложено на Э. Дюркгейма, который до этого в течение нескольких лет на этом же факультете читал курс социологии. С 1889 г. социология во Франции была уже университетской дисциплиной. В Америке во вновь созданном в 1892 г. Чикагском университете появился первый в мире социологический департамент (факультет), основателем и первым деканом которого был А. Смолл. В 1894 г. Ф. Гиддингс основал первую в США кафедру социологии в Колумбийском университете. В конце XIX в. кафедра социологии появляется в Японии, в 1907 г. — Англии. В России же первая кафедра социологии была создана только в 1908 г. в Психоневрологическом частном, а не государственном институте. Спустя 11 лет подобная кафедра появилась во II Петроградском государственном университете.

По-настоящему интенсивное развитие отечественного социологического образования началось в конце 80-х годов XX века. Первые факультеты социологии были открыты в МГУ и СПбГУ в 1989 г. Сейчас (по разным источникам) специальность «Социология» представлена в 155–172 государственных и негосударственных вузах на 35 факультетах, 25 отделениях и 85 кафедрах. По некоторым данным ежегодно в стране выпускается около 8 тыс. социологов. Они работают на кафедрах, в центрах и институтах, вузах, академических научно-исследовательских институтах, фирмах, специализирующихся на прикладных социологических и маркетинговых исследованиях, крупных компаниях, где заинтересованы в изучении потребительского спроса, социальном развитии коллективов, органах власти, штабах политических партий. Результаты образовательной деятельности вузов оценены общественностью, и в пятерку лучших университетов, ведущих подготовку социологов (по информации сайта «Учеба.ру»), сегодня входят МГУ, Высшая школа экономики, Российский государственный социальный университет, РГГУ, Государственный университет управления. В прошедшие годы много сделано для разработки содержания социологического образования в стране. Ныне оно получило методическое и организационное оформление, разработаны стандарт, учебно-методические материалы и контрольно-измерительные инструменты, издано множество (учесть ее довольно сложно) учебной, учебно-методической литературы для социологов.

Развитие отечественного высшего социологического образования все еще сдерживается многими объективными условиями и субъективными обстоятельствами. Среди них:

— отсутствие четкой государственной политики в сфере социологического образования (не определена, в частности, потребность в специалистах-социологах, никто не знает сколько и каких социологов нужно России) и подготовки профильных научно-педагогических кадров высшей квалификации;

— недооценка конструктивных функций, социологической компетентности населения, субъектов власти, персоналий отечественного бизнеса;

— недостаточно целевое финансирование развития социологических факультетов, кафедр социологического профиля внутри университетских, вузовских комплексов;

— отсутствие федеральной нормативной основы для практической подготовки социологов в реальных «полевых» условиях;

— затянувшийся процесс утверждения профильного стандарта высшего образования по социологии;

— слабая государственная, ведомственная поддержка программ переподготовки и повышения квалификации преподавателей-социологов, в том числе и на базе ведущих социологических факультетов зарубежных университетов.

Структурная реформа высшего образования Европы и присоединение России к Болонскому процессу обуславливают формирование общих подходов к обеспечению и оценке качества высшего образования. При этом предполагается, что качество подготовки специалистов обеспечивается двумя составляющими — качеством содержания образовательных программ и качеством менеджмента в вузе.

Определенный опыт в этом направлении приобрел РГСУ. В 2005 г. университет прошел международную сертификацию на соответствие международным стандартам ИСО 9000 по разработке и предоставлению образовательных услуг в области высшего профессионального, в том числе и социологического образования, а в 2006 г. он был сертифицирован Европейским фондом по управлению качеством (EFQM) на уровне «Признанное совершенство в Европе». Для обеспечения гарантий качества социологического образования, его внешней оценки необходимо подумать о создании общероссийского общественно-профессионального Центра аккредитации образовательных программ по социологии. Учредителем такого Центра мог бы стать Союз социологов России.

К числу наиболее важных проблем следует отнести недостатки научно-методического обеспечения учебного процесса. Несмотря на то, что в последние годы издательский рынок наводнен социологической литературой, ее содержание далеко не всегда соответствует российским и

международным стандартам. Массовое распространение получили переводные, неадаптированные учебники и учебные пособия. Совершенно очевидна необходимость в программе переиздания учебников, выдержавших экзамен на качество, издания новых пособий, прошедших проверку профессионального сообщества.

Вряд ли стоит соглашаться с мнением ряда теоретиков, которые полагают, что российская социология не должна предлагать обществу и государству, опираясь на конкретный анализ, пути совершенствования социальной жизни, а учебные программы не могут быть ориентированы на воспитание гражданина. Нам близка и понятна формула Екатерины II, которая требовала, чтобы ее императорские университеты занимались одновременно «воспитанием ума и нравов». В отечественной педагогике это воплощается в такой организации учебно-воспитательного процесса, когда одновременно формируется современный образованный **специалист** и личность с привлекательными для населения качествами **гражданина**. И здесь недопустима такая крайность, как подмена научного анализа идеологией и политиканством. Развитие фундаментальной и прикладной социологии сопровождается формированием российского рынка социологических услуг. Общественная и политическая ситуации сформировали в конце 1980-х — начале 1990-х годов запрос на недорогие прикладные исследования, имеющие своей целью конкретные рецепты для решения той или иной задачи. Фирмы, центры, проводящие такого рода исследования, призваны были, тиражируя свои методики, превращать свою продукцию в товар. В конце 1980-х (с 1987 г.) на рынке работала всего одна такая организация — ВЦИОМ.

Сегодня нет единой базы данных о структурах, оказывающих в России социологические услуги. По сведениям исследовательской группы «Циркон» в стране около 500 исследовательских центров, в том числе примерно 200 в Москве. Европейское сообщество социальных и маркетинговых исследований (ESOMAR) представляет на своем сайте 25 российских центров. В этот список не включены академические и университетские лаборатории, некоммерческие исследовательские институты, центры правительственных учреждений, которые не работают на свободном рынке и не преследуют научные цели. Национальная электронная библиотека включает в их число 56 независимых центров.

В России сформировался стабильный спрос на эмпирические данные, сложился круг заказчиков и продавцов социологической продукции, постепенно складываются правила рыночной игры. Российские компании составляют порой достойную конкуренцию иностранным компаниям. На этом «рынке» заказчику предлагается широкий спектр услуг:

изучение общественного мнения, маркетинговые, медиа, социально-экономические, социально-политические и социальные исследования. Новым направлением стали медиа-исследования, которые дают количественную информацию об аудитории, позволяют составлять рейтинги СМИ и отдельных радио- и телепрограмм. Вероятно, можно утверждать, что ведущие опросные центры России характеризуются высоким уровнем профессионализма, расширившимся арсеналом методических инструментов, обладают рынком услуг, накопили собственный капитал и оборотные средства. У работающих центров появились своя предметная специализация, уникальный продукт, который они продают на рынке.

Вузы, сохраняя высокий уровень фундаментальной подготовки специалистов, зачастую недостаточное внимание уделяют формированию прикладных навыков. По мнению многих работодателей, необходимо улучшить преподавание таких дисциплин, как прикладная статистика, иностранный язык, усилить внимание к вопросам методологического обоснования прикладных исследований, освоению методов, методик проведения и технологий обработки их результатов.

Полагаю, что взаимодействие академической науки, современного социологического образования и кампаний, действующих на рынке социологических услуг, станет одним из направлений деятельности Союза социологов России.

Логикой своего развития отечественная социология подошла к такому состоянию, когда, во-первых, осознана необходимость консолидации социологического сообщества, во-вторых, появились все необходимые для этого условия. В этом смысле следует подробнее остановиться на целях, задачах и возможных направлениях деятельности создаваемого Союза социологов России.

Союз социологов призван объединить всех, кто уважает историю отечественной социологии, критически воспринимает и признает доставшееся ей наследство и готов нести солидарную ответственность за авторитет социологического знания и восприятие социолога как личности профессиональной, ответственной, нравственной. Важно сплотить социологов России, что позволит нам защищать свои интересы, накапливать, исследовать и передавать знания, добиваться уважения к своему труду и быть влиятельной, узнаваемой в обществе силой.

В качестве своей главной задачи Союз Социологов России видит создание условий для разрешения накопившихся в социологии противоречий, повышения качества фундаментальных и прикладных исследований, социологического образования и просвещения. Профессиональное сообщество может взять на себя труд по проведению съездов, конгрес-

сов, симпозиумов, теоретико-методологических и научно-практических конференций, семинаров, заседаний для обсуждения проблем развития социологического сообщества: повышения качества прикладных исследований, обеспечения репрезентативности эмпирических данных, выбора оптимальных методических стратегий и адекватных методов; созданию единой информационной среды, доступной для всех социологов России, независимо от места их проживания; информированию профессионального сообщества о продвижении в развитии теории методологии, методик и техники социологических исследований; созданию федеральной системы повышения научной и научно-педагогической квалификации; уточнению содержания социологического образования, методик преподавания, использования новых технологий в учебном процессе; созданию условия для систематического общения социологов в рамках конгрессов, международных симпозиумов, развития компаративных исследований.

Для реализации этих задач планируется выпускать журнал Союза на пяти языках, осуществить несколько издательских проектов, в том числе, издать «Энциклопедию социологического образования», «Труды 100 лучших социологов России», практиковать проведение мастер-классов с приглашением ведущих социологов России и мира. В связи с 50-летием первого объединения отечественных социологов мы намерены в 2008 г. провести Съезд молодых социологов России. ССР обеспечит реализацию принципа открытости информации, а это то, что делает науку социальным институтом, обслуживающим потребности общества; окажет содействие региональной социологии, способствуя преодолению проблем, сдерживающих ее развитие. Многообразие региональных общественных практик открывает перед социологами в регионах большое исследовательское поле, и эти возможности, безусловно, должны быть использованы. Учитывая, что в марте 2007 г. Правительство РФ одобрило законопроект о переходе на двухуровневую систему высшего образования и теперь в соответствии с Болонской декларацией все вузы будут обязаны вести обучение по программам бакалавра и магистра, Союз социологов будет способствовать созданию для этого необходимых условий. В первую очередь, это разработка нового Общероссийского классификатора специальностей по образованию, Единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих, пересмотр Перечня направлений подготовки (специальности) высшего профессионального образования и Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих и др.

В целях повышения качества социологического образования ССР планируется развитие контактов с работодателями, участие в разработке практико-ориентированных магистерских программ и специализаций, учитывающих запросы реальной практики.

Союз разработает программу издания новых и переиздания учебников, выдержавших экзамен на качество, поддержит выпуск полноцветных иллюстрированных учебников по социологии, снабжаемых приложениями на CD-ROM и поддерживаемых на сайте ССР в Интернет. ССР намерен создавать условия для дальнейшего обучения наиболее одаренных выпускников социологических факультетов, содействовать сохранению ценного фонда преподавателей. Важнейшей проблемой для преподавателей и социологов, работающих в маркетинговых фирмах и исследовательских компаниях, в настоящее время является повышение квалификации работников. ССР ставит перед собой задачу создания такой системы переподготовки. Важно способствовать повышению внимания со стороны государства, министерств и ведомств, хозяйствующих субъектов к социологическим исследованиям, развитию сетевых научных контактов между социологическими организациями в России и за рубежом, к повышению качества воспроизводства научных кадров.

Создавая Союз, его учредители оставляют открытой возможность вхождения в новое содружество всех социологов страны и намерены сотрудничать со всеми существующими организациями независимо от их численности и потенциальных возможностей. Если профессионалов объединяет общее дело, то в солидарном стремлении к динамичному развитию лишних людей не бывает. Союз социологов России открыт и для сотрудничества, и для восприятия критики. Мы — за консолидацию отечественных социологов страны во имя науки, престижа своей страны и создания условий, необходимых для достойной жизни населения России.

*М.К. Горшков,
член-корреспондент РАН*

Уроки возрождения и перспективы отечественной социологии

Анализ истории становления и развития отечественной социологической науки показывает, через какую острую борьбу и конфликты она пробивала себе дорогу в жизнь, завоевывала научный авторитет и влияние в системе управления государством и обществом. Без преувеличения можно сказать: вряд ли какая из отраслей общественного знания испытала подобные «хождения по мукам», особенно в послевоенный период, когда решалась задача возрождения и утверждения лучших достижений и традиций отечественной социологии, ее конституирования в качестве самостоятельной науки.

Как свидетельствует жизненный опыт, и не только в науке, трудности побуждают к их всестороннему осмыслению, извлечению из них полезных уроков. Такие уроки, прошедшие через судьбы наших старших учителей, могут и должны извлечь все поколения социологов, в особенности, нынешнего и будущего.

Урок первый. Становление, распространение и устойчивое положение соответствующей отрасли знания в основе своей обеспечивается наличием главенствующего условия — высокого профессионализма ее кадров, их готовностью «не поступаться принципами», умением отстаивать правоту (или, по крайней мере, правомерность своих научных взглядов). И то, что мы с чувством научного и гражданского достоинства отмечаем сегодня юбилейные даты нашей науки, свидетельствует о том, что отечественная социология в сложные периоды своего становления имела такую плеяду кадров.

Урок второй. Наиболее эффективная модель функционирования любого научного коллектива основывается на ключевом принципе — «слияние опыта и молодости». Это позволяет и социологической науке развиваться не революционным путем, напрочь отметающим прежнее, а через механизм преемственности знаний. К сожалению, по разным причинам обеспечить действие данного принципа не всегда удавалось. Наиболее ярким примером такой неудачи является разрыв между поколениями социологов «шестидесятников» и «восьмидесятников». Полубесхозное время оставило потенциальных социологов без необходимого научного наставничества, что сегодня выливается и в дефицит профес-

сиональных социологических кадров, и в снижение методологической и методической культуры социологических исследований.

Урок третий. Социология, несущая высокий конструктивный общественный потенциал, должна уметь работать с властью, не ошарашивать ее на каждом шагу своими оценками и выводами, а последовательно и доказательно убеждать в полезности для власти социологического участия в делах государственных. Но и власть, со своей стороны, призвана уважительно и терпимо относиться к любой, в т.ч. и «строптивой» социологии, которая иначе, чем другие (и сама власть) оценивает положение дел в обществе.

Годы, «стоящие» за нашими юбилеями, показывают: изначально социология явилась одним из «языков» власти, а потому была неотделима от политического процесса. Признаемся, случилось при этом, что она выступала служанкой власти. Но нельзя представить обратное, чтобы власть становилась служанкой социологии. Отсюда выверенный практикой вывод: отношения между социологией и властью должны строиться на принципах партнерства и толерантности. Означает это следующее: социология помогает власти осуществлять властные функции, повышать культуру и эффективность государственного управления. Власть, в свою очередь, через различные формы государственной поддержки, обеспечивает свободу научного творчества, использует результаты социологической деятельности для более адекватного выражения в своей политике общенациональных интересов, уверенного выбора стратегии развития страны.

Стоят ли за этим особые сравнительно с другими науками пожелания к власти? В общем, нет. Но, если честно: рассчитывать на некое привилегированное отношение к пониманию и оценке социологического труда хотелось бы. Ведь не каждая из общественных наук так близко соприкасается с повседневной жизнью людей и может выявлять и осмысливать то, мимо чего, порой, проходит взгляд и самой власти.

Урок четвертый. Выстраивание оптимальных отношений с властью неразрывно связано с регулярным диалогом социологии с обществом. Здесь можно было бы употребить такую формулу: «От заинтересованных и деловых отношений с властью к свободному и откровенному диалогу с обществом». Чтобы обеспечить это, необходимо сделать социологию как можно более открытой и публичной наукой, разговаривающей с обществом. И на первом месте этого диалога должны значиться не рейтинги партий и политиков, а состояние дел в обществе, реальное материальное положение и социальное самочувствие населения.

Все дело в том, что граждане современной России, как показывают наши исследования, далеко не всегда доверяют политическим деклара-

циям. Социологам сегодня веры больше, хотя бы потому, что они оперируют цифрами, взятыми из реальной жизни, а не лозунгами, домыслами и несбыточными обещаниями. Профессиональная публичная социология называет вещи своими именами и имеет полное право именоваться «социологией реальностей». А потому она и становится тем зеркалом, в которое общество привыкает смотреться каждый день, то радуясь, то удручаясь своему отображению. Надо признать, что из новых повседневных привычек — это далеко не самая худшая, более того, формирующая так необходимую культуру социологического, а именно, конкретно восприимчивого аналитического мышления общества.

В целом же, урок четвертый говорит о том, что социологии в современных условиях для повышения своей научной роли и общественной значимости необходим регулярный качественный пиар в самом лучшем понимании данного термина. Я согласен с теми, кто утверждает: «Если вас нет на телевидении, если вас нет на радиостанциях, на страницах журналов и газет, в Интернете, то вас вообще нет!».

К этому следует добавить еще одно: социология, являясь наукой об обществе, в своем качественном публичном выражении становится наукой для общества.

Урок пятый. Многих проблем в истории возрождения и становления социологической науки можно было избежать, какие-то смягчить, сгладить, если бы формирующееся в стране социологическое сообщество отличалось большей сплоченностью. Под сплоченностью понимается не единомыслие, а умение и желание различать в своей профессиональной деятельности личный научный интерес и решение общих задач повышения престижа социологической науки в обществе и во властных структурах.

Безусловно, отрадный факт, что на всех этапах развития отечественной социологии, в особенности в нынешний период, ее отличает многообразие научных школ, приверженность социологов разным теоретическим концепциям и взглядам, методическим подходам. Печально другое, когда различия в научных позициях становятся причиной личного неприятия оппонента, что, в конечном счете, оборачивается разобщенностью профессиональных связей, слабостью корпоративного научного духа. Особенно неприемлемо, когда «выяснение личных отношений» и «большей-меньшей правоты» происходит не в ходе дискуссий на семинарах и конференциях, а через масс-медиа, в которых эмоциональное явно доминирует над рациональным. В этой связи рискну предложить еще одну: «Плюрализм, многообразие в отстаивании социологических взглядов и концепций в сочетании с внутрикорпоративным единством в понимании значимости и роли

своей профессиональной и гражданской миссии в обществе — это и есть научное кредо современного социолога».

Урок шестой. При всей автономности социологического знания оно не может развиваться и обновляться в обособленном режиме. Данный процесс может осуществляться только при взаимодействии социологии и политики, социологии и культуры, социологии и реальной экономики. Без такого взаимодействия нет движения социологической мысли. Социология является тем ресурсом изменений в общественной жизни и общественных институтов, который сосредотачивает в себе способы рационального осмысления социальных проблем. А это означает, что социология есть не что иное, как форма самопознания общества.

Однако сами эти формы самопознания могут существенно меняться в ходе реформ, модернизаций и трансформаций, переживаемых обществом. Вступление в каждый новый этап развития означает рождение нового взгляда общества на самое себя. А это значит, что социологическое мышление приобретает новые параметры в своем собственном содержании. Достаточно сослаться на то, что современное понимание социологии включает в себя не столько представление об обществе, сколько представление о социуме, о проблемах построения личностного мира, не сводимого к групповым или институциональным основаниям.

Урок седьмой. Понять такое общество как Россия возможно только на основе ее собственного исторического развития, ибо отношения и взгляды людей на самих себя и на жизнь общества не уходят в прошлое бесследно. Они живут в каждом новом поколении, приспосабливаясь к инновациям современности, перерабатывая для себя новый — свой собственный — исторический и жизненный опыт, опираясь на тот инструментарий понимания, который создан в культуре предшествующими поколениями людей, и закрепился в их быте и традициях. В этом одна из дилемм социального мышления: оно не может освободиться от сложившихся форм мышления в тех же масштабах и темпах, которые сопряжены с изменением жизненных практик. И в тоже время оно не может существовать без постоянного обновления.

Поэтому социология представляет собой довольно подвижное поле теоретической деятельности, на котором сталкиваются и старые, и новые представления о жизни людей и социума. Столкновение позиций стимулирует поиск аргументов, которые опираются на прочное основание эмпирического знания. И создание этой эмпирической базы, как и ее интерпретация, входит в круг основных социологических задач. Специфика социологического мышления состоит как раз в постоянном

движении от теоретических постулатов и предположений к фактическому материалу, а затем вновь к восхождению от эмпирического знания к построению теории. Социология — это и есть постоянный дискурс, в котором общество (в лице социологов) осмысливает вызовы современности.

При этом социология создает специализированную несущую конструкцию, позволяющую осмысливать данные вызовы. Это касается как новой, так и традиционной проблематики дисциплины, как фундаментальных вопросов социологической теории, так того, что называется злобой дня. Речь идет о проблемах глобализации и мультикультурализма, демократизации и авторитарности, терроризма и практик насилия, открытости современных обществ и их культурной обособленности, преодоления невиданных в прежние времена социальных неравенств, роста потребностей и форм потребления, столкновения социальных интересов и необходимости выработки ценностного согласия как условия мирного разрешения возникающих конфликтов.

Точная аналитика обозначенной тематики под грифом «вызовы современности» невозможна без историко-социологического подхода. Здесь, думается, уместно сослаться на возросшее в последние годы недовольство Запада внешнеполитическим поведением России, недовольство тем, что Россия отвергает и непременно сердится по части всего, что касается западного понимания современного мироустройства. Знали бы авторы подобных упреков историю России хотя бы за последние лет 150, они бы поняли, что Россия, как говорил князь А. Горчаков, не сердится, она сосредоточивается, и сосредоточивается, прежде всего, на своих внутренних делах. А внешняя политика государства, согласно дипломатической азбуке, и есть не что иное, как продолжение политики внутренней.

Совокупность обозначенных уроков подводит к мысли о новом качестве общества, сложившегося уже в советский период. Оно состояло в огромном усложнении общества в сравнении с предыдущими десятилетиями. Общество стало гораздо более дифференцированным, многослойным. Система управления этим обществом становилась все более архаичной, не соответствующей реальному многообразию социальных групп и разнонаправленных интересов. В результате этого исходного противостояния долго вызревали многообразные конфликты, которые стали действовать одновременно и спонтанно, сначала в период перестройки, а в дальнейшем, в еще более острой форме в постсоветский период.

И здесь мы должны выразить еще одну признательность основателям возрождения социологической науки в стране за то, что и в период

реформ социология не только сохранила, но и повысила свой институциональный статус и общественное признание. В 1990-е годы созданы ряд центров, специализирующихся на изучении общественного мнения и динамики массового сознания, пресса стала систематически публиковать данные опросов, а также аналитическую социологическую информацию. В этот период головной академический институт разделился на два самостоятельных учреждения: Институт социологии РАН и Институт социально-политических исследований РАН.

В годы реформ в России издается социологическая классика (М. Вебер, Э. Дюркгейм, П. Сорокин, Т. Парсонс), переведены несколько апробированных учебников (Н. Смелзер, Э. Гидденс, Д. Ритцер). Выпускаются многочисленные работы по социологии, которые написаны российскими авторами. Кроме журнала «Социологические исследования» начинают выходить десятки социологических периодических изданий, в том числе на региональном уровне. Каждый вновь созданный социологический центр считает делом своей чести иметь свой журнал.

Один из важнейших факторов изменения положения дел в общественных науках в России состоял в том, что идеологические кафедры в системе высшего образования были преобразованы в кафедры социологии и политологии. Эти преобразования сопровождались и сменой содержания преподавания, пересмотром программ преподавания дисциплины с учетом достижений западноевропейской и американской моделей, вклада в социологическое знание российских ученых. В значительной мере этому содействовало издание Институтом социологии РАН фундаментального труда «Социология в России» (1998), подготовленного под руководством В.А. Ядова.

Если говорить о наиболее заметных процессах в российской социологии за годы реформ, то они состоят в явной социологизации средств массовой информации; в углублении специализации в различных направлениях социологической проблематики; в отходе от позитивистской интерпретации социологии, и в этой связи более активном использовании качественных методов исследования; во включении российских социологов в мировой социологический дискурс; в реформировании преподавания социологии как учебной дисциплины.

В сравнении с шестидесятью годами, российская социология характеризуется сейчас гораздо большей дифференциацией, как в обсуждении теоретических разработок, так и в эмпирических направлениях и поисках. Если в 1960-е годы существовала проблема размежевания социологии с философией, то ныне аналогичная проблема возникла по отношению к политологии и культурологии, отделяющихся уже от об-

щей социологии. Возникли основательные теоретические построения, опирающиеся на собственные банки данных в виде экономической социологии (В.В. Радаев), социологии управления (А.В. Тихонов), международных отношений (Л.М. Дробижева), парадоксального сознания (Ж.Т. Тощенко), непрерывного образования (Д.Л. Константиновский, Г.А. Ключарев), девиантного поведения (Ф.Э. Шереги, М.Е. Позднякова), науки (С.А. Кугель), ценностного сознания (Н.И. Лапин, Л.А. Беляева), российского кризиса (А.Г. Здравомыслов), социальной сферы (В.И. Жуков), пространства (А.В. Филиппов) и социологии молодежи в обществе риска (Ю.А. Зубок, В.И. Чупров).

За годы реформ существенно определились практические направления социологии. Особое направление социологической деятельности связано с признанием и введением в регулярную практику массовых и экспертных опросов по самым разнообразным сюжетам, включающим в себя рейтинги политиков, социологическое обеспечение предвыборных кампаний, маркетинговое исследование рынка, организуемых по заказам заинтересованных структур. На этом поприще высокопрофессионально и масштабно трудятся Всероссийский центр изучения общественного мнения (который в декабре 2007 г. отметил 20-летие), Фонд «Общественное мнение», «Левада-Центр», Социологический центр РАГС при президенте РФ, Центр социального прогнозирования и маркетинга, Центр «Башкирова и партнеры» и др.

Вместе с тем, 1990-е годы принесли, к сожалению, примеры и иного рода. Наряду с выраженным развитием профессиональной социологии, страну под грифом социологической захлестнул вал низкопробной, сиюминутной, политизированной информации. Началось то, что можно назвать «парадом социологических суверенитетов», когда каждый, кто объявлял себя социологом, стремился не к качеству социологической информации, а к извлечению собственной коммерческой выгоды. Мало того, что стали множиться низкопробные исследования, в практику, особенно электоральных кампаний, как в центре, так и в регионах стали внедряться специально сфабрикованные социологические данные с целью манипуляции через масс-медиа общественным мнением и электоральным выбором населения. Не в последнюю очередь это стало возможным по причине раздробленности, застарелой фракционности отечественного социологического сообщества, отсутствия общепринятого стандарта качества социологических данных, которые могут распространяться через СМИ. И хотя в последние годы в данной области удалось навести определенный порядок, нам все же в конечном счете не уйти от необходимости выработки общих принципов и требований к

публичной социологической информации с обязательной, но добровольной сертификацией социологических центров, имеющих право предоставлять данные социологических исследований СМИ.

Несмотря на все сложности существования в период реформ, особенно в 1990-е годы, академической науки, Институт социологии РАН не только сохранил, но и укрепил свои позиции в качестве ведущего академического социологического учреждения. В немалой степени этому способствовало введение в ИС РАН «проектной» организации труда. Она значительно расширила число исследовательских тем, позволила многим сотрудникам стать самостоятельными, вести собственные исследования, приобрести статус эксперта в избранной области, находить варианты взаимовыгодного сотрудничества с заинтересованными партнерами в России и за рубежом. Все это обеспечило решение главной задачи того времени — сохранение высокопрофессионального коллектива.

В эти годы ИС РАН удалось реализовать крупнейшие социологические проекты. Среди них: уникальный многолетний проект, который продолжается и ныне — «Российский мониторинг социально-экономического положения и здоровья населения» (рук. П.М. Козырева, М.С. Косолапов); серия мониторинговых исследований институтского центра «Социоэкспресс», посвященных состоянию российского общества и восприятию населением осуществляемых реформ (рук. В.А. Мансуров); исследование социальной структуры российского общества под воздействием трансформационных процессов (рук. З.Т. Голенкова, М.Ф. Черныш); изучение элит, как на федеральном (рук. О.В. Крыштановская), так и на региональном уровнях (рук. А.Е. Чирикова); изучение идентичности на базе сравнительного российско-польского исследования (рук. В.А. Ядов). И этот перечень, безусловно, можно продолжить.

В 2005 году Институт социологии пережил четвертую перестройку за свою 40-летнюю историю. В соответствии с постановлением Президиума РАН он был преобразован в новый Институт социологии на базе прежнего ИС РАН, а также Института комплексных социальных исследований РАН и Института сравнительной политологии РАН.

В ходе последней трансформации институт расширил тематическое поле исследований. Выполнены проекты по проблематике социальных неравенств, социальной эксклюзии, становления среднего класса (рук. Н.Е.Тихонова); динамики массового сознания (рук. В.В. Петухов); социологии политических процессов (рук. Ю.А. Красин, А.А. Галкин); становления институтов гражданского общества (рук. О.Н. Яницкий, И.А. Халий); сравнительного анализа национальной идеи в современных обществах (рук. Ю.С. Оганисян) и др.

Появилось и еще одно направление научной деятельности Института, о котором следует сказать особо. Дело в том, что в современной социологической науке наряду с исследованиями глобального и национально-социетального характера резко возрос интерес к социальным проблемам регионального плана. Для российского общества это обстоятельство имеет особую значимость в силу разнообразия природных, экономических и социальных условий. Россию справедливо называют страной регионов. Между тем, как показала известная дискуссия в журнале «Социологические исследования» в 2006 году и обсуждение темы регионального развития на различных совещаниях последних лет, данное направление в российской социологии пока находится в начальной стадии научной институционализации.

Вот почему в конце 2006 года Ученый совет Института социологии РАН принял решение об организации в структуре института нового подразделения — Центра региональной социологии с возложением на него исследовательских задач по фундаментальным проблемам социологии регионов и координации деятельности отдельных региональных социологических центров (рук. В.В. Маркин). В качестве фундаментального направления определена долгосрочная исследовательская программа социального моделирования российских регионов. В этой связи особого внимания заслуживает проблема социально-региональной идентификации вопросов устойчивого развития, исследования потенциала этого развития, в том числе социальной инноватики.

Открытость и плюрализм современной российской академической социологии означает, что идет напряженный творческий процесс переосмысления доминирующих в мировой литературе теоретических направлений с тем, чтобы они приобретали значимость с точки зрения анализа российской социальной реальности в ее политическом, экономическом и культурном измерениях. Этот процесс исключительно многогранен. Базовая предпосылка обозначенной тенденции состоит в понимании самой России как части современного мира, части, которая не может существовать и развиваться вне контекста целого.

Нельзя не заметить и то обстоятельство, что итоговые оценки быстро развивающейся социологической области знания в постсоветской России весьма противоречивы. Некоторые ведущие специалисты склонны к оптимистическим оценкам положения дел в социологии. Они опираются на уверенность в притоке сил молодых и современных исследователей, посвящающих себя профессии как главному делу жизни. Отмечается, что эта молодежь получает хорошее социологическое образование, которого не могли иметь российские социологи прежних поколений. Другие,

напротив, опираясь на специальные аналитические исследования, приходят к весьма противоречивым оценкам состояния социологического образования. Третьи отмечают плодотворность контактов россиян с европейской и американской социологией, и, вместе с тем, подчеркивают, что эффективное использование западных теорий в российских условиях предполагает их критическое переосмысление, что требует очень серьезной работы. Четвертые утверждают вторичность российской социологии, ее неспособность выработать собственно российскую повестку дня, которая бы отвечала специфике российских преобразований.

Резюмируя эти оценки, можно придти к выводу, что нынешняя ситуация на российском поле социологии не может быть оценена однозначно. И эта неоднозначность не может быть объяснена лишь с позиций полипарадигмальности.

Российская социология сегодня связана с зарубежными социологическими школами, направлениями и соответствующими университетами. В этом состоит ее преимущество, так как она не замкнута в рамках некоторой самобытной ортодоксии. Есть лишь одно, как нам представляется, неперемное условие плодотворности развития современного российского социологического поля, — формирование уважения к собственным национальным традициям социального мышления, уважения к собственным школам социологического знания.

*Ж.Т. Тощенко,
член-корреспондент РАН*

Эволюция теоретической социологии в России (1950-е — 2000-е годы)

Составной и важнейшей частью возрождения социологии в России стало развитие ее научных основ, поиск ответа на вопрос о ключевых теоретико-методологических принципах, на которых базируется любая наука. На наш взгляд, этот процесс включил в себя несколько направлений и этапов, среди которых можно различить: 1) выявление сущности и содержания социологии как социальной науки, что было особенно актуально в первые годы ее возрождения; 2) формирование представлений об объекте и предмете социологии; 3) трактовка структуры и уровней социологического знания; 4) упорядочивание представлений о категориях и понятиях социологии, что наглядно демонстрирует их уникальность, специфику и особенности среди других социальных наук; 5) определение методологических стратегий развития социологической науки, сопоставление их достоинств и преимуществ и их соответствие назревшим потребностям развития общества и самой науки.

В этой связи представляется неоправданным мнение некоторых коллег (А.Ф. Филиппов), которые отрицают существование теоретической социологии в России. Конечно, если исходить из упоминания слова «теоретическая социология», оно не часто употреблялось. Тем не менее, поиском ответа на этот вопрос занимались многие социологи, хотя анализ тех или иных аспектов теории был достаточно фрагментарен. В этом поиске особо следует отметить работу, созданную под руководством Ю.Н. Давыдова [1], в которой анализировалось в историческом аспекте развитие теоретической мысли, в том числе и в России. К анализу актуальных теоретических вопросов неоднократно обращался Г.В. Осипов [2]. Плодотворной попыткой осмыслить становление теоретической социологии в России являются работы А.Г. Здравомыслова, в которых он дал трактовку этапов, школ и генезиса идей в отечественной социологической мысли [3]. Интересные соображения о развитии теоретической мысли в России содержатся в трудах историков социологии — И.А. Голосенко, Е.И. Кукушкиной, С.А. Кравченко, В.П. Култыгина, В.Г. Немировского, Н.Е. Покровского, Н.В. Романовского и др. [4].

В настоящей статье мы исходим из вопросов, которые упомянуты выше (именно они и образуют суть теоретической социологии), а также судим о качестве, аргументированности и доказательности тех идей, которые социологи отстаивали в своих ответах на эти вопросы. За рамками этого анализа мы оставляем проблемы, которые посвящены анализу самой социологии, образующей так называемую метасоциологию, или, как еще ее называют, социологию социологии или рефлексивную социологию, которые направлены на выявление внутренних закономерностей развития самой науки.

Определение социологии как науки. Первый этап, который начался в 1950-х гг., ознаменован попытками дать общую характеристику социологии и решить два принципиальных вопроса: а) может ли социология называться самостоятельной наукой; 2) каково соотношение социологического знания (социологии) с другими науками. Что касается первого вопроса, он решался противоречиво, ибо вплоть до 1980-х гг. социологии отказывали в праве считаться самостоятельной наукой. Доказательству этого тезиса были подчинены высказывания руководящих лиц официальной общественной науки и директивы отделов науки и пропаганды ЦК КПСС. Вместе с тем, несмотря на препятствия, накопление знаний по социологии продолжалось, хотя довольно своеобразно: в 1930-е и особенно в 1940-е гг. ученые работали в жанре критики буржуазной социологии, что способствовало информированию отечественных ученых о формах, методах получения и интерпретации социологического знания. Стоит сказать, что до 1950-х гг. исследования с использованием социологических методов проводились в закрытом режиме: Информационный отдел ЦК РКП(б), Политуправление Красной армии, органы ВЧК и ОГПУ еженедельно информировали Политбюро и секретарей ЦК ВКП(б) о настроениях населения, об активности рабочих, крестьян, интеллигенции. В 1950 г. Ф.В. Константинов (с 1951 г. директор Института философии) впервые употребил термин «конкретные исследования», которые наряду с общетеоретическими «будут взаимно питать друг друга» при изучении «реальной жизни людей» [5]. Изменение оценок конкретных исследований привело к тому, что к середине 1950-х гг. была возрождена трактовка социологии Н.И. Бухариным, который отождествлял ее с историческим материализмом, считая ее в таком виде подлинно марксистской наукой [6]. Такое представление о социологии одним из первых воспроизвел академик-секретарь Отделения экономических, философских и правовых наук АН СССР В.С. Немчинов. В 1955 г. в «Вопросах философии» он утверждал: «исторический материализм и есть марксистская социология» [7]. Одновременно он как ученый, широко ис-

пользующий статистические методы в исследовании явлений, ратовал, чтобы при социализме экономисты и социологи превратились в «социальных инженеров». Это заявление — своеобразное признание роли социологии после многих лет официального забвения и обвинения в том, что если она и существует, то как «буржуазная социология». Иными словами, социология стала трактоваться как одна из отраслей философской науки, но не самостоятельная наука.

Данное представление было обстоятельно изложено в выступлениях философов, занимавших руководящие должности в науке или партийной номенклатуре [8]. Приверженцы этой точки зрения исходили из того, что если исторический материализм (социальная философия) изучает общество, значит, и социология должна изучать общество. Это был, на наш взгляд, прием, чтобы реализовать реальную потребность в этой науке, перестать называть ее буржуазной лженаукой, но в то же время подчинить ее официальной трактовке структуры общественных наук: марксистская философия, политическая экономия, теория научного коммунизма. Такой подход к социологии был закреплен в официальных документах, что нашло отражение в постановлении ЦК КПСС 1969 г., поставившего задачу развития «исторического материализма как общесоциологической теории» [9].

Эта точка зрения долго поддерживалась в первую очередь официальными лицами в философии: социология должна изучать общество, не делая попыток это представление дифференцировать или уточнить. Для этой группы ученых: Г.Е. Глезерман, Ф.Н. Момджян, П.Н. Федосеев, Д.И. Чесноков — главными были суждения об обществе в целом, видение его через призму умозрительных (нередко изобретенных) законов и закономерностей. Главная беда этих концепций состояла в том, что они имели слабое, опосредованное отношение к реальной жизни и никак не учитывали результатов начавшихся эмпирических исследований того времени [10]. Эта точка зрения продолжала существовать даже в 1980-е годы. «До сих пор, — утверждал экономист и социолог В.Я. Ельмеев, — не возникла необходимость (и вряд ли она появиться) в общей социологии как науке наряду с историческим материализмом, являющимся синонимом науки социологии» [11].

Однако уязвимость этой позиции породила сначала робкие, а затем более настойчивые попытки дать определение социологии, исходя из элементарного требования логики: не может одна сущность называться разными понятиями. Попытки ревизии официального взгляда, поиски самостоятельного толкования содержания социологической науки, исходя из негласного, не декларируемого отказа следовать историческому материализму, были осуществлены в нескольких вариантах [12].

1. Большинство ученых, исходя из того, что социология опирается на данные эмпирических исследований, занимается анализом сложившейся ситуации, разрабатывает рекомендации по управлению общественными процессами, пришли к выводу, что «социология — это наука о закономерностях становления, развития и смены общественно-экономических формаций, закономерностях, формами проявления которых выступают различные конкретные социальные (материальные и духовные) явления, процессы, факторы» [13]. По сути дела, это был скрытый компромисс — не упоминая исторический материализм, попытаться выделить только ту часть социологической науки, которая имела отличительные черты — теоретические и эмпирические исследования, и на этой основе ввести понятие социологии, опирающееся именно на эту специфику.

2. Исходя из того, что социологические исследования касались практически всех сфер общественной жизни, прозвучали утверждения, выраженные В.П. Рожиним и А.А. Зворыкиным, утверждавшим, что марксистская социология «представляет собой систему наук» [14]. При такой расширенной трактовке возникало затруднение — с одной стороны, как отделить социологию от других общественных наук, с другой, как определить ее специфику в такой степени, чтобы она не теряла определенность, не превращалось в нечто расплывчатое и неоформленное, но в то же время амбициозное. Такой подход подвигнул некоторых исследователей к утверждению, что социология выступает как методология всех общественных наук.

3. Была попытка определить социологию вне рамок философского знания. Одна из них была выражена Г.М. Андреевой, которая, прямо не выступая против официальных утверждений о роли и значении исторического материализма, считала необходимым пользоваться разными системами абстракций — философской и социологической. Исходя из такой постановки вопроса, она утверждала, что нельзя отождествлять социальную философию, исторический материализм и социологию, считая, что эти науки не тождественны друг другу, имеют свою качественную определенность [15].

4. Еще одна версия отражала достаточно выраженное желание отности социологию с теорией научного коммунизма и даже подчинить первую второй [16]. В этих работах о социологии судили по такой логике: социологи исследуют конкретную действительность социалистического общества, а научный коммунизм занимается тем же, но на более высоком уровне обобщения, абстракции. Значит, конкретные исследования дают эмпирические данные, которые требуют научного анализа, что можно реализовать только при помощи теории научного коммунизма. В этой ло-

гике была определенная последовательность, кроме ответа на вопрос: как быть с конкретными исследованиями в капиталистическом обществе?

5. С конца 1950-х гг. обозначились первые робкие попытки представить социологию как прикладную науку и на этой основе различить социологию и исторический материализм. «...В исторический материализм, — писал философ И.С. Нарский, — не входит изучение законов различных частных проявлений общественной формы движения материи, которые непосредственно не выражают взаимодействия общественного бытия и производного от него общественного сознания. Изучение их является предметом различных частных социологических дисциплин» [17]. Однако наиболее отчетливо представление о социологии как прикладной науке прозвучало и нашло отражение в известных «Лекциях по социологии» Ю.А. Левады. «Социология, — по его мнению, — это эмпирическая социальная дисциплина, изучающая общественные системы в их функционировании и развитии» [18]. Открытая постановка вопроса о коренном отличии социологии от исторического материализма стала предметом разгромной критики [19]. Эта критика послужила основанием для отлучения автора от активного участия в жизни научного сообщества.

Однако эти и подобные разночтения и разгромы не остановили поиск определения социологии как науки, ориентированной на исследование социальной реальности во всем ее многообразии. Вариантом, сосредоточивающим внимание только на этом аспекте, были и другие определения, например, Г.П. Давидюка: «Марксистская социология есть наука о специфических законах становления, развития и функционирования конкретных социальных систем, процессов, структур, организаций и их элементов» [20].

История любит парадоксы и шутки. Прошло немногим более десяти лет. Один из вдохновителей отождествления социологии и исторического материализма под давлением реальной ситуации вынужден был признать, что предметом социологии должно быть «изучение конкретных ситуаций, структур, процессов в разных «плоскостях» (в масштабе социальных общностей — наций, классов, социальных групп) и в территориальном разрезе — село, город, регион)», исходя из задач, которые «поставлены очередным съездом КПСС» [21].

То, что социология долгие годы не признавалась самостоятельной наукой, нашло отражение в названии созданного под влиянием логики развития науки Института социологии: в момент образования в 1968 г. он назывался Институтом конкретных социальных, с 1972 г. — Институтом социологических исследований и лишь в 1989 г. обрел название

по имени науки. Да и журналу дали название «Социологические исследования», а не как коллегам по обществоведческому циклу, — «Вопросы философии», «Вопросы экономики», «Вопросы истории», «Вопросы психологии». Даже в этом проявилось официальная установка не делать социологию самостоятельной наукой.

Вместе с тем, в 1960-е годы, вслед за интенсивным развитием эмпирических социологических исследований наступил новый этап — представить социологию в виде самостоятельной науки, которая бы уточняла представления об обществе. В этот период, прямо не конфликтуя с трактовкой социологии как исторического материализма, были сделаны попытки уточнить, по-иному трактовать ее суть и содержание, что нашло отражение в обосновании представлений об исходных постулатах науки. Это дало толчок поиска ответа на вопрос об объекте и предмете социологии.

Что же является объектом и предметом социологии? Постановка вопроса об объекте и предмете социологии — следующий виток в обстоятельном и детальном анализе еще одного из важнейших компонентов теоретической социологии. Постепенно даже сторонники социологии как исторического материализма стали искать иное объяснение возрождающейся и все более крепнущей науки. Дискуссия о предмете социологии конца 1960-начала 1970-х годов была обусловлена актуальной потребностью подготовки специалистов по этой отрасли знания. Однако первые учебные пособия, вышедшие в этот период, не в полной мере отвечали на поставленный вопрос: они сосредоточивали внимание на объекте и предмете социологических исследований, что не равнозначно объекту и предмету науки.

В трактовке понятия «объект социологии» в научной литературе сложились разные подходы. Во-первых, отрицалась постановка вопроса об объекте социологии (А.Н. Елсуков), Во-вторых, широко распространялось утверждение, что объектом социологии, как и других социальных наук, является общество (работы С.С. Фролова, Ю.Е. Волкова и многих иных исследователей). В-третьих, стало рассматриваться не общество вообще, а гражданское общество. Такая трактовка отражает поистине революционный этап в развитии человечества, связанный с буржуазными революциями XVII–XVIII веков, когда **каждый человек стал субъектом исторического процесса**. Эти идеи получили обоснование в работах Г.В. Осипова и позднее З.Т. Голенковой, Ю.М. Резника, Ж.Т. Тощенко.

Что касается предмета социологии, то постепенно вырисовывались различные точки зрения, которые хотя и имели много общего, все же по-разному трактовали ее научную сущность. Но прежде чем начать их

анализ, — две оговорки. 1. Не редко идет смешение объекта и предмета социологии как науки и как предмета и объекта социологических исследований. А это разные вещи. Если идет речь об объекте и предмете науки, на первое место выходят теоретико-методологические ее принципы, которые неизменны при анализе любых происходящих событий и процессов. Во втором случае — объект и предмет определяются в зависимости от того, что конкретно исследуется и что изучается. В этом случае объект и предмет эмпирического исследования имеют многочисленные варианты, которые определяют то, **что** изучается — в культуре, на производстве, в среде молодежи, в городской или сельской жизни и т.д. и т.п. Такой подход — обозначение всех возможных объектов и предметов социологических исследований — наглядно проявился в определении, данном В.А. Ядовым. По его мнению, социология — это наука о социальных изменениях, вызываемых активностью социального субъекта; наука о социальных отношениях между многообразными социальными общностями, между ними и личностью, наука о закономерностях социальных действий и массового поведения. В дальнейшем он увеличил число объектов социологических исследований, обратив особое внимание на понятие «социальная общность» [22]. Это смешение разных подходов — к предмету социологии и к предмету социологических исследований — характерно для многих исследователей [23].

2. Употребляя слова «социальный», «социальное», «социальные», исследователи по-разному толкуют их смысл. В результате их то идентифицируют со словом «общественный», то употребляют в более узком смысле как рядоположенные, однопорядковые с «экономическим», «политическим», «духовным». Уточнению соотношения этих понятий посвятили размышления многие исследователи [24]. Однако до сих пор происходит смешение этих смыслов в объяснении происходящих в обществе процессов [25].

Так в отечественной социологии стали складываться несколько концепций, отражающих разнообразие взглядов на объект и предмет социологической науки. Анализ точек зрения, концепций, теорий позволяет выделить **основные подходы**, сложившиеся в отечественной социологической литературе, начиная с 1960-х годов.

Во-первых, долгое время ряд исследователей придерживались концепции, которая восходит к О. Конту, Г. Спенсеру и другим представителям социологической мысли XIX века, не различавшим объект и предмет социологии, считая достаточным утверждение, что социология — наука об обществе. Этой точки зрения придерживались ряд русских социологов — Н.И. Кареев («социология ставит своей

целью изучение общества вообще») [26], М.М. Ковалевский (социология — «наука о порядке и прогрессе человеческих обществ») [27], В.П. Рожин («социология — общая теория общественного развития») [28]. Расширенное представление о социологии существует и в работах современных российских социологов. Правда и у них происходит уточнение этого представления, в результате чего социология трактуется не только как «изучение основ бытия всякого общества», но и как изучение **общих и специфических закономерностей развития и функционирования общества, путей, форм его изменения или совершенствования** [29]. Серьезный недостаток такого подхода то, что он де-факто воспроизводит позицию наших предшественников XIX века, доводя нередко аргументацию до призывов превратить социологию в некую метанауку, мало или совсем не обращая внимания на позицию других наук — философии, истории, экономики, политологии, права, которые с не меньшим основанием претендуют на изучение общества. Подчеркну — этот подход сохраняется в том или ином виде и в настоящее время.

Во-вторых, в 1970-е годы была сформулирована принципиально иная трактовка социологии, учитывающая проблемы не столько общества, сколько его структур. Согласно этому подходу **предметом социологии являются общие и специфические социальные законы и закономерности развития и функционирования определенных социетальных систем, механизмов действия и форм проявления этих законов в деятельности личностей, социальных групп, классов, народов** [30]. В рамках этого подхода имеются нюансы. Один из них связан с тем, что понятие социального, социальных связей и отношений, способа их организации — исходное для понимания особенностей предмета социологического знания, а социальных закономерностей — для характеристики их изменений.

В-третьих, получила распространение трактовка предмета социологии как исследования социальной структуры общества [31]. Она **сводит основное содержание предмета к социальной структуре во всех ее проявлениях**. Согласно этой позиции, социология — наука о становлении, развитии, изменениях и преобразованиях, о функционировании классов, социальных групп, общностей и форм их самоорганизации. Несомненно, это объяснение давало значительный эвристический эффект, позволяло выявить ряд заслуживающих внимания тенденций, но не могло охватить все богатство проявлений социальной жизни. Особенно это стало очевидным в условиях постсоветской России, где стратификационные процессы «плывут», являются неопределенными и нестабильными. Своe-

образным вариантом этой концепции стала попытка найти исходную клеточку социологической науки. Такой клеточкой, по мнению А.И. Кравченко, является статус, при трактовке которого автор постепенно восходит к объяснению всех проблем стратификации, мобильности и других аспектов социальной структуры [32]. Г.Е. Зборовский называет социальную общность «ядром социологии» или «социальным геном» [33]. По мнению Г.В. Дыльнова, исходным понятием выступает «социальная роль» [34]. У К.В. Сорвина таким понятием является социальная группа [35].

В-четвертых, научная мысль подошла к необходимости сузить предмет претензий социологии до более скромных формулировок. Поиск привел к тому, что часть социологов, исходя из трактовок предмета социологии Э. Дюркгеймом, М. Вебером, начали рассматривать в качестве объекта изучения не все общество, а основополагающие **«социальный факт»**, **«социальное действие»**, **«социальное взаимодействие»** [36].

В-пятых, еще один подход отражают работы М.Н. Руткевича и В.Н. Иванова, считающих, что предметом социологии выступают социальные отношения, из которых можно вывести остальные понятия — социальные процессы, социальные явления, социальные факты, социальные действия [37]. Эта точка зрения восходит к работам В.П. Рожина и В.П. Тугаринова, которые выделили сферу социальной жизни как самостоятельную наряду с экономической, политической, духовной [38]. На этой базе выдвинута **концепция исследования только социальной сферы как объекта и предмета социологии**. Эта точка зрения связана со стремлением придать социологии социально-прикладную функцию, которая бы олицетворяла ее активность и ее участие в практической деятельности по преобразованию общества [39].

Наконец, в качестве предмета социологии предлагалось рассматривать развитие и функционирование социальных систем. Задачей социологии объявляется типологизация этих систем, исследование связей и отношений социальных объектов на уровне закономерностей, получение конкретного научного знания о механизмах их действия и формах проявления для целенаправленного управления их функционированием [40]. Имеются компромиссные предложения, пытающиеся сохранить в качестве предмета социологии «общество как целостную систему», в то же время трактуя ее (систему) как социальные взаимодействия на основе широкого привлечения эмпирических данных, фактов реальной жизни.

Обзор этих точек зрения позволяет утверждать, что они в том или ином виде отражали и отражают разные исследовательские концепции или попытки сочетать поисковые и поставленные жизнью позиции. Вме-

сте с тем, в конце XX — начале XXI века появились трактовки, за которыми стоят неудовлетворенность имеющимися наработками и сомнения относительно определений объекта и предмета социологии. В чем это проявляется?

Прежде всего, неудовлетворенность состоянием социологического знания проявилось в том, что изучение социальных систем, социальных общностей осуществлялось в основном с точки зрения их организации и функционирования, т.е. вне процессов их эволюции. Как установлено во второй половине XX в., ориентация на исследование преимущественно структур и систем не эвристично, ибо она, хотя и может дать строгое описание объекта, закрывает возможность объяснить его развитие и функционирование. Во-вторых, рассуждения о социальных системах, социальной сфере (под ними стали понимать не только взаимоотношения и взаимодействия людей, но и более широкую совокупность общественных процессов — вплоть до человечества в целом) — породили глобалистские концепции (И. Валлерстайн), оживили никогда не исчезающую тенденцию к поглощению социологии социальной философией. При таком подходе реальность перестает существовать. Ее место занимают некие логические конструкты, которые или не имеют отношения к действительности или слишком абстрагируются от нее.

В этих условиях возросла **потребность в человеческом измерении процессов**, изучаемых социологией. Стало актуальным утверждение П.А. Сорокина, что социология — «наука, изучающая поведение людей, живущих в среде себе подобных» [41]. Исследуя общественные процессы, российские социологи все чаще в центр внимания ставили не только поведение, но и сознание человека, его отношение и реакцию на изменение своего статуса, места не просто как индивида, но и члена определенной социальной группы, представителя конкретного общества. Огромное значение приобрело познание мотивов, ориентаций в конкретной социальной ситуации, потребностей, интересов, жизненных установок. Даже статистика для социолога важна не столько как информация о количественных показателях тех или иных процессов, сколько как индикатор состояния и тенденций изменения внутреннего мира людей. Было отмечено, что «в конце XX — начале XXI столетия возникли новые понимания предмета социологии, **альтернативные классическим**: в центре внимания оказывается не общество как объективная реальность, а социальный субъект как активно действующее лицо, как актер социальных процессов, изменений» [42].

Предпосылки такого подхода заложены в русской социологии XIX — начала XX в. Многим ее представителям была присуща гумани-

стическая направленность — обращение к человеку как творцу, активному участнику преобразований в обществе. В русле этой тенденции объектом изучения социологов становилась большая группа проблем, характеризующих состояние сознания людей, их поведение и отношение к происходящим в обществе процессам, их профессиональное, национальное и пространственное звучание. Человек развивается как родовое, общественное существо, прежде всего, при помощи своего сознания и его реализации во всех сферах общественной жизни. Это отметил на рубеже XX века А.А. Богданов, когда, раскрывая сущность учения К. Маркса о природе и обществе, писал, что в борьбе за существование люди не могут объединяться «иначе, как при помощи сознания» [43]. Интересно отметить, что даже социологи, которые ратовали за трактовку предмета социологии как общества в целом, признавали: «исходной клеточкой исследования общества... является человек» [44].

К этому добавлю: социология (и любая другая наука) призвана (прежде чем предлагать свои модели) сначала изучить фрагменты, части объективной реальности. В самом деле. Мы в реальной жизни встречаемся не со структурами, не с системами, а с сознанием и поведением людей. Лишь затем мы выходим на анализ форм организации общественной жизни — институциональной, стратификационной, управленческой и др. В этой связи обращу внимание на **принципиально новую постановку вопроса**. Автор впервые сформулировал ее в виде вывода в 1991 г. — о необходимости предметом социологии считать не только поведение, деятельность людей, но и их сознание, опосредованные социальной средой [45]. В современной отечественной социологии такой подход в той или иной мере нашел поддержку и обоснование в работах Ю.Г. Волкова, С.И. Григорьева, И.М. Поповой и др. [46].

Такой поход требовал максимально сблизить научное (теоретическое) представление о предмете социологии с его эмпирической интерпретацией. Современное определение социологии может звучать так: **это наука о движущих силах сознания и поведения людей как членов гражданского общества. Предмет социологии как науки включает: реальное общественное сознание во всем его противоречивом развитии; деятельность, действительное поведение людей, которые выступают как предметное воплощение (по форме и содержанию) общественного сознания; макро-, мезо- и микроусловия, в которых развиваются и реализуются реальное сознание и деятельность, действительное поведение людей**. Перечисленное позволяет нам назвать данную концепцию **социологией жизни**, так

как она оперирует показателями отношений и взаимодействий людей к реальным проблемам, ситуациям, ко всему тому, что происходит в обществе, в котором они работают и живут.

Об уровнях социологического знания. Не менее важной дискуссионной, весьма спорной, будучи прямо связанной с характеристикой содержания и сущности социологии, оказалась полемика об уровнях социологического знания. Стало ясно, что только объяснением назначения науки не исчерпывается ответ на ее роль, на ее институционализацию в качестве самостоятельной научной дисциплины.

В 1960-е годы этим мало интересовались, ибо речь шла как будто об очевидном. Есть теоретическое знание, есть и эмпирическое, полученное в ходе исследования конкретных процессов, явлений, событий. Однако постепенно даже сторонники исторического материализма признали, что данные и результаты эмпирических исследований никак не сочетались с логикой и принципами изложения социально-философской проблематики. Признанием создавшейся коллизии стала появившаяся в официальном партийном журнале «Коммунист» статья. В ней утверждалось, что исторический материализм как общесоциологическая теория включает исследования законов функционирования социальных общностей, совокупность специальных социологических теорий различного уровня обобщения и конкретные социологические исследования [47]. Этим утверждением было положено начало знаменитой «трройчатке», которая сопровождала (и до сих пор дает рецидивы) утверждения, что социология состоит из трех уровней — теории (под которой подразумевался исторический материализм, а позднее социальная философия, еще позднее — теоретическая социология), теории среднего уровня, под которыми понимались специальные социологические теории и, наконец, конкретные исследования. По сути дела такой подход означал негласный компромисс с господствовавшей точкой зрения в мировой социологии. Тогда социология рассматривалась как три самостоятельные и дополняющие друг друга фигуры (и связанные с их именами подходы): теорию олицетворял Т. Парсонс, специальные социологические теории представлял Р. Мертон, эмпирику и способы ее обобщения — П. Лазарфельд. Такая трактовка позволяла применить ее к ситуации с социологией в СССР и на определенное время достичь компромисса между разными точками зрения на структуру социологического знания. Характерно в этом случае воспоминание М.Н. Руткевича о встрече на одном из Международных социологических конгрессов с Т. Парсонсом, который, выслушав слова о понимании социологии в Советском Союзе, сказал, что согласен с этим подходом и поддерживает его.

Официальное признание трех уровней социологического знания и подчинения его социально-философской трактовке привело к тому, что ВАК СССР, орган, ответственной за присуждение ученых степеней, выделил специальность «прикладная социология», но только как одну их философских дисциплин. Почти полтора десятилетия степень доктора и кандидата наук по социологии присуждалась в основном в рамках философских, иногда под флагом экономических, исторических и юридических наук.

Компромисс существовал продолжительное время и нашел отражение в работах многих исследователей того времени — Д. М. Угриновича, И. С. Кона, В. Н. Иванова и др. [48]. Однако такой подход удовлетворял не всех. С одной стороны, были попытки выделить четвертый уровень — частные социологические теории (М. Н. Руткевич). Но его предложение не меняло сути дела, ибо «тройчатка» была хорошей опорой тем, кто отказывал социологии в праве быть самостоятельной наукой и продолжал настаивать, что социология — одна из отраслей философии.

Особенно спорной оказалась ситуация с так называемыми теориями среднего уровня. Постепенно стало очевидным, что статус теорий среднего уровня (специальных и отраслевых теорий) двусмыслен. Когда теоретический уровень социологии был представлен философией, этим теориям не оказывалось в ней места, так как для нее они были теориями нефилософскими. Но они в то же время «теории». Если их отнести к эмпирическим исследованиям (они образовывали третий, по Лазарсфельду, уровень), не значит ли это, что эмпирия не имеет достойного научного статуса? И насколько оправданно выделять уровни по разным основаниям?

Такое структурирование вызвало возражения многих социологов, в частности, П. Бурдые. По его мнению, идеологическое господство, раздел сфер влияния между Т. Парсонсом, Р. Мертонем и П. Лазарсфельдом навязали американскую концепцию видения науки, не считаясь с другими заслуживающими внимания и научно обоснованными подходами. Стало очевидным, что **трехуровневая модель социологии, сыграв определенную роль в ее развитии, исчерпала свои возможности**. Один из первых в отечественной литературе подверг аргументированной критике «тройчатку» А. В. Кабыща [49].

Отечественные и зарубежные коллеги дают и другие обоснованные предложения об уровнях социологического знания. В отечественной социологии наиболее продуктивной представляется точка зрения, учитывающая разные функции социологии. Согласно ей социологическое знание может быть представлено по степени обобщения информации об

исследуемых процессах, явлениях социальной реальности. Это пример **еще одной классификации социологического знания — по уровням, отражающим объектно-предметный принцип познания.** Этот принцип предполагает несколько уровней.

Во-первых, высший уровень социологического знания представлен общесоциологической теорией, которая отражает и выражает теоретико-методологические стратегии. В зависимости от них вырабатываются обобщающие теоретические концепции, которые обосновывают формы и методы познания социальной реальности в многообразии их общественных связей. Согласно этому подходу объектом и предметом анализа может выступать общество, человек, или их органическое единство. На этом уровне социологического знания уточняется понятийный аппарат социологии, ее методология, функции, общие и особенные характеристики по сравнению с другими науками. В свою очередь эти подходы могут дифференцироваться, и тогда количество социологических теорий резко возрастает, выражаясь в существовании разных школ и направлений. Поэтому некоторые исследователи (Ю.Г. Волков) считают, что школы в социологии имеют свой общесоциологический подход, выражающийся постановкой принципиальных методологических вопросов. Именно концептуальная модель этих теорий задает угол зрения (О.Б. Божков), гарантируя, что исследования не превратятся в произвольные суждения по поводу неких явлений и процессов.

Во-вторых, следующий уровень образуют отраслевые социологические теории — экономическую и политическую социологии, социологию социальной и духовной сфер жизни общества, которые направлены на анализ не общества в целом (первый случай), а его основных сфер — экономической, социальной, политической и духовной. Это деление общества на четыре сферы обосновано в социально-философской литературе (см. труды В.С. Барулина, Г.С. Арефьевой, В.П. Рожина и др.) и связано с видами деятельности — экономической (производственной), социальной (в узком смысле слова), политической и культурной (духовной). Наконец, к отраслевым социологическим теориям относится **социология управления.** Она направлена на исследование и изучение особого класса проблем — механизма регулирования социальных процессов. Поэтому она может рассматриваться самостоятельно, на уровне выявления общих характеристик, независимо от конкретных обстоятельств, а может применяться в рамках каждой из сфер общественной жизни и представляющих их социологий, что требует выявления и анализа специфики управления в каждой конкретной области жизнедеятельности людей.

В-третьих, специальные социологические теории. Предметом исследования в них являются общественные процессы и явления, их специфические связи с другими явлениями и процессами, которые в целостности являются составной частью той или иной сферы общественной жизни. Они рассматривают не глобальные взаимодействия, а характерные связи в конкретной сфере общественной жизни. Иначе говоря, каждая из специальных социологических теорий состоит из совокупности специальных теорий. Экономическая социология из социологии труда, социологии рынка, социологии города и села, демографических и миграционных процессов; социология социальной сферы из социально-профессиональной и поселенческой структур, этносоциологии, социологии молодежи, семьи и др.; социология духовной жизни из социологии образования, науки, религии и т.д. Другими словами, специальные социологические теории производны от отраслевых теорий, являются их компонентами.

Для становления как отраслевых, **так и специальных социологических теорий** необходимо выполнение по крайней мере двух условий: а) чтобы эти теории обладали самостоятельным, обоснованным и проверенным практикой понятийным аппаратом, характеризующим сущность и специфику исследуемых реальностей; б) чтобы имелась общественная потребность в их рассмотрении с социологической точки зрения, т.е. в изучении специфических связей между этими явлениями и обществом как совокупностью всех общественных отношений [50].

Сегодня в социологии в большей или меньшей степени оформлено свыше 50 социологических (отраслевых, специальных) теорий. Их положение полностью не осмыслено с точки зрения перспектив социологии и с точки зрения общественных потребностей. Анализ их места в структуре социологического знания предполагает постоянный критический обзор их развития, особенно тех, которые имеют непосредственное значение как для понимания места, роли и функций социологической науки, так и для повышения эффективности и качества исследований.

Отраслевые и специальные социологические теории соединяют теоретико-методологическое знание с эмпирическими данными, полученными в ходе эмпирических исследований. Они представляют собой единство теоретического знания (теоретических замыслов) и эмпирической их проверки, в результате чего уточняются исходные положения, результативность и эффективность методологии и методики.

Особо подчеркнем, что если в социологии более, чем в любой другой общественной науке, заметно разделение на теорию и эмпирию, то это ни в коем случае не означает, что они существуют раздельно, не взаимодействуя между собой.

Наряду с отраслевыми и специальными социологическими теориями существуют частные вспомогательные концепции, объектом изучения которых выступают конкретные, отдельные явления и процессы, производные от более «объемных» социальных феноменов. Таковыми являются, например, в социологии образования высшее или дошкольное образование, в социологии молодежи — молодежные движения, группы по интересам. Детализация вышеупомянутых теорий не вызывает возражения; кроме одного — изучение многих частных явлений нередко называют тоже «социологиями», в результате чего возникает дурная бесконечность, которой нет предела (и вот появляются социологии любви, социологии доверия и даже социология СПИДа). **Поэтому и в социологии стоит применить принцип «бритвы Оккама»,** согласно которому сущности не должны умножаться без необходимости. Исходя из этого принципа, следует изучать определенный конкретный процесс или явление и обозначать это как предмет (объект) социологического анализа, не приклеивая к нему без необходимости термин «социология».

Структура социологического знания. Одним из показателей возрождения социологии как науки стало накопление к концу 1960-х гг. значительного объема социальной информации. Потребовались ее упорядочение, определение критериев ее классификации, соотношения с данными других социальных и гуманитарных наук. Ответом на эту потребность стали попытки обосновать подходы к структурированию социологического знания. Первая попытка выразилось в делении социологии на **макро- и микросоциологию.** Такой подход фиксировал очевидное: есть теоретические разработки, касающиеся общества в целом, и есть результаты анализа конкретных ситуаций в различных сферах общественной жизни. В годы становления социологической науки о макро- и микросоциологии писали практически все социологи. И этот подход не вызывал сомнения ни у кого. Полемика сосредотачивалась на том, каким образом происходит взаимообогащение двух частей социологической науки.

Одновременно получила распространение трактовка структуры социологии с **методологической и методической точки зрения.** Такая потребность диктовалась двумя причинами: 1) разобраться в инструментари, которым пользовались в это время за рубежом; 2) вооружить навыками тех, кто стремится овладеть методами подготовки, проведения и анализа данных социологических исследований. Этому способствовала деятельность Советской социологической ассоциации, при помощи которой были переведены на русский язык и опубликованы методические

труды зарубежных коллег. Несколько позднее появились первые опыты методологического и методического обоснования социологических исследований Г.М. Андреевой, А.Г. Здравомыслова, Г.В. Осипова и В.А. Ядова [51]. Первые методические учебные пособия способствовали повышению исследовательской культуры как практикующих, так и собирающихся стать социологами. Ради объективности скажу, что они отвечали на вопрос о методологии конкретных социологических исследований, исходя из установки на изучение конкретных фрагментов социальной реальности, не методологии социологии как науки.

Позднее была попытка структурирования социологического знания с общенаучных позиций: в объяснение его содержания вовлекается информация, накопленная всеми науками (А.И. Кравченко) или социальными и гуманитарными науками (О.Н. Козлова) [52]. Однако, на наш взгляд, более верен подход, при котором **структурируется только то знание, которое называется социологическим**. Накопленная социальная (в том числе социологическая) информация, опыт проведения эмпирических исследований позволяет предложить более обоснованную структуру социологического знания: **1) теоретическая и эмпирическая социология; 2) фундаментальная и прикладная; 3) по объектно-предметному принципу**.

Что касается первой классификации социологического знания, принципиальное утверждение состоит в том, что если в рамках теоретической социологии обосновывается и разрабатывается базовый, исходный уровень социологического знания — теория и методология, то эмпирическая социология нацелена на получение четко фиксируемой количественной и качественной информации о конкретных социальных процессах, явлениях, событиях и других проявлениях социальной реальности [53]. Теоретическая социология сосредотачивает внимание на определении и уточнении объекта и предмета социологической науки, ее понятийного аппарата, тенденций развития социальной реальности и самой социологии, ее функций, места среди других наук. Важнейшей частью этого анализа является исторический материал (история социология), который отражает генезис идей, появление, рождение и угасание поисков (теорий, концепций), а также уточнение места социологии в системе социального и гуманитарного знания. Кроме того, на этом уровне вовлекается (адаптируется, приспособляется) теоретическое знание других наук в том отношении, как оно способствует уточнению, обогащению и развитию социологического знания. Неотъемлемая часть **теоретической социологии — методология и методы познания социальной действительности**. При их помощи она из совокупности имеющейся

информации стремится получить непротиворечивое, обоснованное и аргументированное знание.

Что касается **эмпирической социологии**, она аккумулирует специфическую социальную информацию, которая может иметь **упорядоченный характер** (т.е. полученная с помощью научных методов) и **стихийный характер**, когда данные накапливаются по мере ситуативной необходимости, практических потребностей. В последнем случае информация ценна как регистрация происходящих явлений и процессов, их последствий; тогда фиксация фактов имеет прикладное, утилитарное значение. Ее научная значимость проявляется в том, что она получена посредством статистических и социологических методов, которые упорядочивают накопленную информацию и позволяют выявить тенденции развития общественной жизни. Очевидно, без особым образом организованной эмпирической информации нельзя осмыслить реалии сознания и поведения человека в демографическом, профессиональном, национальном, социально-правовом аспектах [54].

Второй вид классификации структуры социологического знания представлен фундаментальной и прикладной социологией. Фундаментальная социология олицетворяет органическое единство теоретического и эмпирического знания, нацеленного на анализ и решение значимых проблем общественного развития. В конце 1950 — начале 1970-х годов такими исследованиями были крупные научные проекты, вехи в развитии отечественной социологии: социальные проблемы научно-технического прогресса (рук. Г.В.Осипов); «Человек и его работа» (рук. В.А. Ядов и А.Г. Здравомыслов); жизнь среднего российского города — Таганрогский проект (рук. Б.А. Грушин); судьбы сибирского крестьянства (рук. Т.И. Заславская), проблемы развития социальной структуры (рук. М.Н. Руткевич); культуры (рук. Л.Н. Коган), социальное развитие региона (рук. Н.А. Аитов). Начались систематические исследования этносоциальных проблем (рук. Ю.В. Арутюнян) [55]. Проводились крупные международные исследования, например, советско-польское, посвященное социальным проблемам промышленных предприятий [56]. В этих исследованиях связывались теоретические и практические задачи, глубокий научно-обоснованный анализ исследуемой проблемы, скрупулезная разработка методики получения знания, подготовка и проведение социологического исследования, обоснование получаемых выводов.

Усилия прикладной социологии были нацелены на решение текущих проблем конкретных организаций, предприятий, учреждений. В эти годы расцветает заводская социология, — яркая страница развития отечественной науки. Решались волнующие эти организации пробле-

мы — стимулирование труда, текучесть кадров, культура производства, взаимоотношения в коллективе и т.д. Исследования заводских служб социального развития (так они стали называться) воплощали единство теоретического и эмпирического знания, хотя прикладной аспект преобладал и носил подчеркнуто управленческий характер. Деятельность этих служб заняла достойное место в наследии отечественной социологии. Многие ее представители: В.В. Щербина, В.А. Дудченко, А.К. Зайцев, А.В. Тихонов, А.А. Нещадин, В.И. Герчиков, М.А. Гуревич, — стали признанными учеными, с именами которых связана плодотворная разработка проблем социологии труда и управления.

При сопоставлении теоретической и эмпирической, фундаментальной и прикладной социологии отмечу принципиальное различие между ними: если первая классификация характеризует методологию и методы познания действительности, то вторая — способы и методы не только познания, но и решения актуальных общественных проблем. Многолетний опыт социологических исследований показывает, что в них обычно соединены обе эти группы задач. Наличие в фундаментальной и прикладной социологии теоретического и эмпирического знания может рассматриваться в качестве важного аргумента включения в социологическую науку теоретических и конкретных исследований в качестве двух аспектов единого знания.

Направленность фундаментальной и прикладной социологии на решение потребностей общественного развития проявилась в обосновании, разработке и применении теории и практики социального планирования. Это была одна из крупнейших акций социологии. В ней эффективно сочетались фундаментальные и прикладные задачи, доведенные до сведения общества и принятые им. Эту страницу истории отечественной социологии открыли ленинградские ученые (В.Р. Полозов, Б.Р. Рященко и др.). Они совместно с коллективом научно-производственного объединения «Светлана» подготовили и внедрили план социального развития предприятия, показавший эффективность в решении социальных проблем труда и производства. Инициатива получила распространение по стране, стала предметом научных дискуссий, а руководители производственных коллективов увидели в ней импульс развития инициативы людей по рациональному использованию ресурсов, повышению эффективности труда и росту его производительности [57]. Усилия ученых и практиков были признаны на официальном уровне. В конце 1960 — начале 1970-х годов при поддержке Госкомтруда СССР и ВЦСПС были подготовлены методические рекомендации по составлению планов социального развития на предприятиях, в отраслях, в районах (городах). Важнейшим достижением

стало введение Госпланом СССР в инструктивные документы указания по составлению соответствующих разделов социального развития на всех уровнях народнохозяйственного планирования. Вершиной взаимодействия социологии с государством стало введение в Конституцию СССР 1977 г. положения о составлении планов экономического и социального развития на всех уровнях социальной организации общества. Вместе с тем, подчеркну, что при ответе на вопрос: каков способ не только получения, но и решения вопросов производственной жизни (например, в маркетинге), ставших предметом исследований, доля теоретического знания может быть минимальной при резко возросшей роли эмпирического знания в принятии оперативных управленческих решений.

Третья классификация представлена объектно-предметным принципом структурирования социологического знания. Ее можно трактовать в нескольких вариантах. Во-первых, исследование разных уровней социальной организации: общество в целом, территориально-пространственные единицы (республики, края, области, города, районы), производственные ячейки (предприятия, организации). Во-вторых, исследование может быть нацелено на анализ различных уровней социальной структуры общества — классы, социальные слои, страты, социальные общности, социальные группы, когорты, поколения и т.д. В-третьих, исследоваться могут разные виды деятельности — экономическая, социальная, политическая, духовно-культурная, что предметно воплощено в отраслевых и специальных социологических теориях.

В заключение: отечественная социология реализовала еще один аспект структурирования социологического знания, когда сама социология становится объектом исследования. Было обращено внимание на необходимость теоретического осмысления метасоциологии, объектом которой является сама социология, ее познавательные возможности, закономерности ее развития. В литературе синонимом метасоциологии стала *социология социологии* и *рефлексивная социология*, усилия которых направлены на анализ познавательных возможностей социологии, ее концепций, взглядов, обобщений и парадигм, а также ограничений и пределов достижения истины в процессе исследований [58].

О понятийном аппарате социологической науки. Проблема категориального и понятийного аппарата — это проблема логичности, точности, последовательности и непротиворечивости знания, образующего целостность и завершенность конструкции любой науки. Мы свидетели того, как меняется, совершенствуется, обогащается понятийный аппарат всех наук, как существующие понятия наполняются новым содержанием, как появляются новые, которые существенно корректируют и

уточняют наши представления об изучаемой реальности. Не осталась в стороне от этих исканий социология. Жизнь поставила перед ней задачу откликнуться на новые реальности, адекватнее выразить требования времени, внимательнее посмотреть на накопленный багаж. Возрождение отечественной социологии показывает, как расширялся, обогащался и совершенствовался понятийный аппарат социологии.

В 1960–1970-е годы понятийный аппарата социологии был в значительной степени заимствован из западной социологической литературы и в меньшей мере — из русской социологии XIX — начала XX века. Особенностью этого этапа развития социологии стал тот факт, что понятийный аппарата развивался и уточнялся применительно к тому или иному типу социологического исследования. Если исследовались проблемы труда, привлекался аппарат, который касался только этой сферы; если исследовались проблемы образования или культуры, понятийный аппарат ограничивался только сферой действий этих социальных феноменов. Речь, таким образом, шла о понятийном аппарате социологического исследования, не социологии в целом. Долгое время никто не задумывался над тем, чтобы на понятийный аппарат посмотреть с точки зрения его классификации, упорядочивания с позиций всей социологической науки, ибо в обратном случае утрачиваются критерии научности, т.е. сути самой науки.

В использования и уточнения понятий наблюдаются тенденции, которые не могут не вызвать тревогу. Понятийный аппарат нашей науки «плывет» отчасти потому, что мы мало обращаем внимания на исходную точку его анализа — что составляет его основу, на которой строится его каркас, его общепринятые критерии, используемые всегда и во всех исследованиях независимо от их специфики, являясь своего рода объединяющим маркером. Социологи в своем большинстве то ли лукавят, то ли не придают значения данной проблеме, то ли ее игнорируют. Но результат теоретических и прикладных разработок удручающ: он демонстрирует одну и ту же парадоксальную картину: одни исследователи используют категории и понятия, вторые признают только категории, третьи — только понятия, четвертые — отождествляют их. Отсюда произвол в их употреблении в зависимости от ситуации или своего понимания, безотносительно к самой науке. Немало и тех, кто вообще обходится без тех и других, предпочитая оперировать эмпирической информацией, не задаваясь вопросом о смысле и субординации употребляемых ими суждений и умозаключений. Последнее особенно наглядно проявляется при подготовке и проведении прикладных исследований, когда авторы сосредотачивают внимание только на **понятиях, которые имеют значение для данного явления или процесса, не более.**

Иначе говоря, мы часто претендуем и желаем принадлежать к одной науке, не удосужившись уточнить свои исходные позиции, не согласовав их или, по крайней мере, не определившись с тем, на какой базе мы должны осуществлять сравнения, сопоставления, получение нового знания. Аморфность, расплывчатость, неопределенность успешно оправдываются мультипарадигмальностью. Провозглашаемая безбрежность подходов и интерпретаций ставит под сомнение саму возможность понимать друг друга, о чем с тревогой писал А. Турен [59]. В этом, на наш взгляд, трагедия постмодернизма, когда считают возможным не придерживаться определенных позиций, трактовок, позволяя топить более или менее определенное знание в бесчисленных дискурсах, в результате чего происходит утрата критериев научности, того, что определяет суть науки.

Вопрос о понятийном аппарате в отечественной социологии долгое время не обсуждался: о нем говорили как о чем-то само собой разумеющемся. Особенно нагляден разноречивый в учебниках и учебных пособиях, в которых в отличие от монографий и статей, автор(ы) поставлен(ы) перед необходимостью формулировать представления об исходных критериях (категориях и понятиях), которые составляют сущностную характеристику социологии как науки. Но даже краткий обзор этих работ показывает, что в одних из них это требование выполнялось частично, других — полностью игнорировалось, в-третьих — реализовывалось мимоходом, походя. Среди работ, поднявших вопрос о категориях и понятиях в социологии, наиболее заметны труды Ю.Г. Волкова и И.М. Поповой [60].

Анализ работ, характеризующих категории и понятия в социологии, показывает, что они, несмотря на их **близость и неразрывное единство, представляют разные сущности, и необходимо четко видеть это различие**. Следует добавить, что они (категории и понятия) не остаются неизменными, во-первых, под влиянием меняющейся социальной реальности, во-вторых, в связи с модификацией науки, отражающей эту реальность. Особенность определения теоретико-методологических основ социологии в том, что в современном мире происходит рост воздействия и значения субъективного фактора; это не может не влиять на базовые понятия социологической науки. Вместе с тем, проблема категорий и понятий тесно связана с поиском ответа на вопрос: существуют ли единая социологическая теория или много? Если много (что может быть хорошо), встает вопрос, как используются одни и те же понятия. В этой ситуации мультипарадигмальность с набором одинаковых (или различных) категорий и понятий — норма или патология?

Остановимся сначала на трактовке сущности и содержания категорий.

Проблема категорий в социологии актуализировалась в связи с возрождением интереса к ним как неким универсальным характеристикам социального бытия, которые в то же время выступают константами логики. Эта проблема возникла как движение контрпостмодерна, (постпостмодернизма), отразив намерение возродить критерии научности. Это потребовало ответа на вопрос: а есть ли некие фундаментальные социальные константы? Встает и проблема статуса (гносеологического и онтологического) этих универсалий: существуют ли они реально или они продукты синтетической работы мысли?

Для социологической науки особое значение имели идеи Ф. Шеллинга (1775–1854), который, исходя из тождества субъекта и объекта, рассматривал **два вида категорий — категории объективности**, разворачиваемые в натурфилософии, **и категории субъективности**, связанные с актами сознания и самосознания. Такой подход положил начало тому, что в XIX, а затем в XX веках отчетливо стала складываться и формироваться дифференциация категорий в соответствии с областями научного знания. Иначе говоря, каждая наука стала претендовать на присущие только ей категории, которые могут частично совпадать со всеобщими категориями и которые в то же время претендуют на свою трактовку этих предельно широких универсалий. В такой ситуации при трактовке категорий происходили смешение или абсолютизация онтологического, гносеологического и психологического их понимания, хотя в рамках философско-методологической рефлексии они неразрывно связаны между собой, дополняют друг друга. К современному этапу осмысления социальной реальности стали использоваться категории всеобщности (вселенная, мир, ноосфера), качества (цивилизация, формация, устойчивое развитие), объективности (общественные отношения, общественное развитие, общественные процессы), субъективности (сознание, классы, слои, государство), изменений (революция, модернизация, глобализация) [61].

В изменившихся условиях социальные науки объектом исследований окончательно избрали социальную реальность — общественную жизнь. Центральной категорией становится общество, понимаемое как многозначная система отношений и процессов, основополагающие характеристики которого становятся всеобщими категориями. Для характеристики общества, общественной жизни существенным оказываются модусы времени — настоящее, будущее и прошлое. Категории историзируются, лишаются своей вневременной формы и локализуются в конкретно-исторических формах жизни [62]. Тем не менее, социология **сосредотачивает основное внимание на настоящем**, на ощущаемом и вос-

принимаемом времени и пространстве, на том, что является предметом заинтересованности людей, их сопричастности ко всему происходящему и окружающему. Сосредоточение внимания на существующей социальной реальности все больше и больше **превращает социологию в социологию жизни** и соответственно требует уточнения круга (системы) категорий, которыми она пользуется.

Таким образом, категории — это основные и наиболее общие понятия науки. Это «не просто высказывание о предмете, но и какое-то важное о нем решение, как бы привлечение его к ответственности, высказывание о нем чего-то важного, внутреннего, существенного» [63]. Все это позволяет сделать вывод, что категории социологии с точки зрения их **структуры** представляют собой следующее. 1). Всеобщие категории, присущие всем наукам (сущность, состояние, отношение, закономерности). 2). Категории общественных (социальных) наук (вселенная, общество, цивилизация, культура и т.д.).

Понятия социологии олицетворяют **одну из основных форм отражения мира на рациональной, логической ступени познания**. По своей сути, понятие — это зафиксированная мысль, которая выделяет из некой предметной области и собирает в класс (обобщает) объекты посредством указания на их общий отличительный признак. Понятия представляют собой идеальные сущности, продукты мыслительной деятельности человека. Каждое понятие имеет две основные логические характеристики — экстенциональную (объем) и интенциональную (содержание) [64]. Необходимо отметить принципиальную особенность — **каждая категория является одновременно и понятием, но не каждое понятие может быть категорией, выступать ею** в силу того, что понятия производны от категорий, являющихся всеобщими, универсальными, фундаментальными формами связи, типами связи субъекта и объекта в суждении.

Понятия, используемые в социальных и гуманитарных науках, чрезвычайно многообразны по структуре, типам обобщаемых в них объектов и другим характеристикам. Классификация, т.е. выделение и систематизация понятий, проводится по разным основаниям — 1. Их делят на *виды*, исходя из особенностей содержания, 2. Учитывают *объемы и специфику* их элементов, 3. Исходя из *предназначения научного знания* [65].

При рассмотрении объема и содержания **понятий**, употребляемых в социологии, следует обратить внимание и на общенаучные суждения, и на те, которые прошли апробацию в смежных науках, но с полным основанием могут быть использованы в социологии, а также рождены в процессе развития, обогащения и обновления самого социологического знания.

На основании соотношения *объема понятий* к их родам (универсумам) выделяют *универсальные и неуниверсальные*. В этом случае универсальные понятия совпадают с категориями, что устанавливает между ними определенную логическую связь. По **структуре элементов понятия** (его объема) различают **несобирательные** понятия, элементами объемов которых являются отдельно взятые объекты (например, человек, родившийся в 1950 г.), и **собирательные понятия**, элементами объема которых является совокупность объектов, мыслимая как одно целое (например, когорта, политическая партия). По **природе** понятия делятся на **конкретные (мотив) и абстрактные (социальный слой)**. С точки зрения **содержания** понятия могут рассматриваться как **безотносительные** (установка) и **относительные** («квалифицированный рабочий»), чье мастерство соотносится с профессиональной подготовкой другого работника, не имеющего такой квалификации. В зависимости **от объема и содержания** признаков, посредством которых осуществляется обобщение объектов в понятиях, они делятся на **простые** (например, «социальная ориентация») и **сложные** (понятия «город» или «предприятие»). Кроме того, с точки зрения **механизма** социологического познания понятия могут быть разделены на выполняющие методологическую роль (принципы построения программ исследования, гипотезы и т. д.) и методическую (инструментальную) роль (выборка, анкета, интервью, контент-анализ и т. д.). Наконец, они могут рассматриваться как **обобщающие** (потребности, мигранты) и **констатирующие** (забастовка) (мнение о конкретном событии) понятия, в которых находят отражение их предназначение и которые включают в себя признаки модальности (возможность, необходимость, достижимость, эффективность) [66].

Основное назначение данной классификации понятий — фиксировать существенные свойства изучаемой социальной реальности, связи и отношения между свойствами, реальные социальные процессы, а также изменение этих свойств и отношений. Нужно только отметить, что границы категорий (важный атрибут науки) и понятий (одна из форм рационального познания) подвижны, могут «переливаться» друг в друга в зависимости от исследовательской ситуации.

Наряду с логической структурой для понимания смысла, сущности и содержания социологии определяющим является содержательный анализ понятийного аппарата. С точки зрения содержания понятийный аппарат социологии зависит от того, чем в реальной практике руководствуются социологи при проведении исследований. Ведь, несмотря на многообразие определений предмета социологии или

стремление найти исходное ключевое понятие (подробнее см. раздел первой статьи об объекте и предмете социологии), с чего начинается исследование любой практикующий социолог? Во всех без исключения программах исследования и соответствующего инструментария, а затем в практических действиях каждый исследователь обращается (после анализа документов, сбора статистических данных) к людям, как носителям интересующей исследователя информации. Что его интересует? Если анализировать все имеющиеся документы, подвергающиеся количественному и качественному анализу, социолог интересуется тем, где его подопечный живет, работает, отдыхает, каково его суждение по тому или иному вопросу (проблеме), что он поддерживает, сомневается или отвергает, каковы его потребности и интересы, жизненные планы и личные жизненные стратегии. Иначе говоря, социолог спрашивает у источника информации не то, в какую социальную структуру он включен, к какой социальной группе или общности он принадлежит, в какие социальные отношения включен. Он интересуется тем, что человек знает, что думает о том или ином социальном процессе или событии, каково его мнение, каковы мотивы его поступков, каких целей в личной и общественной жизни он намерен добиваться. А что этот перечень (неполный) сведений означает? Обобщая, можно сказать, что социологи, несмотря на различные теоретические ориентации и объекты исследования, всегда изучают и анализируют комплекс индикаторов и показателей, которые в совокупности означают не что иное как **общественное сознание во всем его многообразии и специфике**. А так как данные структурные проявления сознания (знание, мнение, мотивы, потребности, ценностные ориентации, установки, интересы и т.д.) далеко не всегда реализуются на практике, перед социологом встает задача выявить практические действия людей, т.е. их **поведение**.

Иначе говоря, социологическое исследование (любое!) предполагает не только выявление некоторых характеристик сознания людей, но и анализ их поведенческих актов, поступков, действий. Однако и сознание и поведение людей во многом зависят от **социальной среды**, в которой они живут и действуют. Поэтому еще один повторяющийся компонент присутствует в каждом исследовании: какими характеристиками обладают внешние условия воздействия на человека, как на людей воздействуют компоненты макро-, мезо- и микросреды, каково их отношение к глобальным, региональным и локальным изменениям в экономике, политике, социальной, духовной жизни.

И только когда социолог выявит состояние общественного сознания, определит действительное поведение людей под влиянием социальных

условий, можно судить о том, как человек попадает в ту или иную социальную группу, как определяется принадлежность к конкретной социальной общности. Подчеркну: ни один человек заранее не соотносится ни с социальной структурой, ни с социальными организациями или институтами — он включается в них в процессе реализации своего сознания, своей деятельности (поведения) в зависимости от условий окружающей его среды. Именно от совокупности характеристик сознания, поведения и условий их реализации мы можем выйти на следующий уровень обобщения, выявления содержательных дефиниций социологической науки — представлений о социальном развитии, социальных процессах, социальных отношениях, социальных институтах, социальных организациях и т.д. И лишь затем, обобщив имеющуюся информацию об этих процессах, явлениях и организациях мы можем сказать о социальной реальности и соответственно об обществе, в котором человек функционирует как социальное существо.

Итак, **специфика и качественная определенность подхода к понятийному аппарату социологии состоит в том, что исходными операциональными терминами являются общественное сознание, поведение (деятельность) и среда обитания человека, ибо жизнь общества начинается с человека, с его сознания и поведения, над которыми «выстраивается» весь остальной мир.** Такой подход позволяет преодолеть крайности в трактовках понятийного аппарата социологии, оперируя суждениями о социальной реальности, их универсальностью, уникальностью и надындивидуальностью [67].

Говоря о понятийном аппарате социологии, следует особо сказать о понятиях методологии и методики, ибо они весьма специфичны по сравнению с другими социальными науками. Здесь важна как совокупность методологических понятий (программа, гипотезы, сценарий и т.д.), так и относящихся к методике (наблюдение, опрос, контент-анализ, интервью, эксперимент и т.д.). Специфичными терминами предстают перед читателями проблемы обработки социологической информации, ее анализа, интерпретации полученных результатов. (Подробнее см. работы В.Г. Андреевкова, О.М. Масловой, Г.Г. Татаровой, Ю.Н. Толстой).

Наконец, **обратим внимание на понятия, которые одновременно служат как социологии, так и другим отраслям научного знания.** У социологии много родственных понятий с экономикой (рынок, труд, город, профессия и т.д.), демографией (миграция, продолжительность жизни, здоровье и т.д.), с социальной психологией (общение, эмоции, самочувствие и т.д.), с политологией (власть, электоральное поведение и т.д.). Есть и совместные понятия с философией, историей,

правом, культурологией и другими науками, хотя в рамках каждой из них трактовка того или иного понятия приобретает специфический, присущий данной науке оттенок.

Сложившаяся в отечественной социологии характеристика понятийного аппарата позволяет, на наш взгляд, четко представить: а) логику его построения; б) его иерархичность, ступени обобщения теоретического и эмпирического уровня познания социальной реальности; в) увидеть рядоположенность понятий, используемых в фундаментальных и прикладных исследованиях. Этот аппарат, его составные элементы не конструируются произвольно, сами по себе: они отражают логику и содержание процесса познания социальной реальности.

Методологические стратегии в социологии были следующей ступенью осмысления теоретической социологией фундаментальных проблем науки и в определенной степени возвращением к первоначальной попытке осмысления сущности и содержания социологии, о чем говорилось в первой части статьи. Но они, в отличие от характеристик 1960–1970-х годов, начали рассматриваться в рамках сложившихся к тому времени парадигм. Это позволило, несмотря на обилие трактовок социологии как науки, более точно и наглядно классифицировать представления в зависимости от парадигмы, которой придерживается исследователь, осознавая или не в полной мере представляя свою зависимость от нее. Парадигмы по-разному объяснялись и трактовались в отечественной литературе. По мнению Г.В. Осипова, существуют четыре общезначимые социологические парадигмы, связанные с творчеством К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера и Б. Скиннера: социально-исторического детерминизма, социальных фактов, социальных дефиниций и социального поведения [68]. Другие авторы, характеризую парадигмы в социологии, анализируют натуралистическую, интерпретационную и оценивающую методологию [69], что на наш взгляд, свидетельствует не столько о парадигмах, сколько о методах, используемых социологической мыслью. С.А. Кравченко анализирует метапарадигмы, которыми он считает: позитивистскую, интерпретивную, интегральную, а также рефлексивную и нелинейную парадигмы модерна и постмодерна. Причем каждая из них включает в себя в свою очередь несколько парадигм [70]. Нужно отметить, что в данной классификации за основу берутся школы и направления, которые предлагают свои методы и способы анализа, что позволяет по-разному анализировать социальную реальность. Рассматривая общие черты в развитии мировой и отечественной социологии, в частности, предложения П. Штомпки, Н.В. Романовский анализирует три

типа теоретизирования: объяснение, экзегетика и эвристика, что тоже говорит скорее о методах познания, чем о содержательной стороне исследуемых процессов и явлений [71]. Ю.Г. Волков предлагает в основу положить подход к парадигмам, толкуя принцип действия каждой как «общий угол зрения на изучаемый феномен». Исходя из этого он выделяет функционалистскую парадигму, парадигму понимающей социологии, парадигму социального поведения, парадигму социально-исторического детерминизма [72]. Свой подход к методологическим стратегиям предложила И.М. Попова, рассматривая их в противостоящих друг другу понятиях: макро- и микросоциологический подход, объективно-предметный и субъективно-ценностный, функционалистский и конфликтный [73].

На наш взгляд, исходя из классического определения Т. Куном парадигм, — это качественная характеристика теоретических представлений, отличающихся друг от друга иными, принципиально различными концепциями, опирающимися на всестороннее и глубокое обоснование исходных методологических стратегий. Такими стратегиями выступают основные парадигмы в развитии социологического знания, имеющие исходной базой макро- и микросоциологию [74]. Согласно этой точке зрения, первую интересует общество как целостный социальный организм, его структура, социальные институты, их функционирование и изменение. Микросоциология обращена к социальной структуре, социальным группам и общностям, социальному поведению, межличностному общению, социализации личности, стимулам групповых поступков. К макро-социологии относят такие теоретические концепции как структурный функционализм, неомарксизм, неэволюционизм, неоструктурализм (рассматривающие в качестве предмета социологического познания только общество и его структурные образования). К микросоциологии — теории социального обмена, социального действия, социальных сетей (единственной реальностью ими признается поведение людей) и этнометодологию, феноменологию, символический интеракционизм (ориентирующиеся на исследование сознания индивидов) [75].

Сторонники макросоциологии отражали парадигму **социологического реализма** (объект исследования — общество, социальная структура, социальные институты). Их оппоненты, сторонники микросоциологии, — представляли **социологический номинализм** (объект исследования — индивид, личность, человек, социальные группы и общности). В конце XX в. стала интенсивно развиваться **методологическая стратегия — конструктивистская** (объект исследования — совокупность объективных и субъективных факторов — общественное сознание, поведение в условиях социально-экономической

среды). Эта стратегия претендует на преодоление односторонности предшествующих стратегий, стремясь в комплексе исследовать все компоненты жизни людей, состоящие как из зависимых от них акций, так и обусловленных влиянием внешней общественной среды.

А так как социологи придерживаются разных методологических стратегий, соответственно и структура, уровни и понятийный аппарат социологии строятся в зависимости от того, что считается объектом и предметом социологии как науки. Именно здесь начинается логика построения понятийного аппарата. В зависимости от аспекта социальной реальности, социальной жизни, ставшего предметом анализа, основополагающим исходным понятием выступают или общество или человек как личность или неразрывное единство объективного и субъективного в жизни людей. Остановимся на них подробнее.

Социологический реализм и его ориентации на парадигму «общество», соответствующая традиция восходит к О. Контю и Г. Спенсеру. Она претерпела ряд изменений, особенно в XX веке, что нашло отражение и определенную модификацию в работах Э. Дюркгейма, затем Т. Парсонса, Р. Мертона, Р. Дарендорфа и др. В отечественной социологии этот подход нашел наибольшее воплощение в работах М.Н. Руткевича, А.Г. Эфендиева [76]. Эти социологи изучали общество как социальные системы, социальные отношения в основном с точки зрения их организации и функционирования, и нередко вне процессов их эволюции. Как было установлено на грани XIX–XX веков (Э. Дюркгейм) а затем в процессе критики походов Т. Парсонса, ориентация на исследование преимущественно структур (систем) не эвристично: оно может дать строгое описание объекта, но закрывает возможность объяснить его развитие и функционирование. Понять причину возникновения данного состояния объекта можно, лишь рассматривая его в развитии. Это начали постепенно признавать отечественные социологи.

Модификация такой парадигмы в виде представлений о социальной структуре, социальных отношениях, социальных общностях, как определяющих объект и предмет социологии, нашла отражение в работах многих российских (советских) социологов — В.А. Ядов, Г.Е. Зборовский, А.Г. Харчев. Однако время показало, что трактовка объекта и предмета социологии только на уровне категории «общество» не отвечает на многие вопросы. Понятийный аппарат «плывет», включает в себя слишком разные сущности, многие из них размываются временем, видоизменяются, иногда теряя изначальный смысл. Даже классическое понятие *социальная структура* в настоящее время мало что выражает, ибо а)

многие ее элементы в современной ситуации исчезают; б) ряд ее элементов серьезным образом видоизменился; в) появились новые, ранее неизвестные элементы. Казалось бы, классические понятия — рабочий, крестьянин — приобрели «неустойчивость», аморфность, ибо в зависимости от разного социально-экономического положения, перемещения из одной сферы приложения труда в другую эти группы (классы) потеряли прежнюю сущностную основу настолько, что говорить о содержательно однородных признаках весьма затруднительно. А если смотреть на некоторые внешние признаки, о об этих группах можно говорить с большой долей приблизительности. Соответственно, анализировать эти группы в духе теорий XIX и XX вв. было бы неполным, опрометчивым и поспешным. Как показали социологические исследования в 1970-е, тем более в 1990-е годы, многие черты сознания и поведения людей из разных страт могут быть ближе друг к другу, чем те же черты внутри одной социальной группы. Например, мировоззрение и образ жизни внутри социально-профессиональных групп могут столь различаться, что теряет смысл объединять их в заранее фиксируемое, формализованное понятие. Внутри этих групп могут быть (и есть) огромные различия по материальному достатку, месту в системе разделения труда, по целям, ценностям, потребностям и интересам, что делает их (по существу) несводимым к однородным показателям. В этой связи возникает вопрос: что будет выступать реальной социальной силой — профессиональные группы или носители одного (сходного) мировоззрения, представляющие разные социально-профессиональные группы? Ответ очевиден: объединяющей характеристикой окажутся идеи, взгляды, мироощущение и стремление их реализовать.

Таким образом, центральное понятие социологического реализма — общество и его производные: социальная структура, социальные системы, социальные общности, социальные институты, являются важной, но серьезно ограничивающей возможность получения всестороннего социологического знания характеристикой. Эти данные могут в известной мере учитываться, но не могут ответить на злободневные проблемы современности. Они по сути дела являются сущностями второго и третьего порядка, которые надстраиваются над сущностями первого порядка, на что дает ответ другая методологическая стратегия.

Вторая методологическая стратегия (парадигма) — социологический номинализм, восходящая М. Веберу, Дж. Хомансу, Дж. Миду, частично Г. Зиммелю, к представителям русской социально-психологической школы конца XIX — начала XX века, обращается к человеку, ориентируется на то, что решающая роль в реальной жизни

принадлежит процессам взаимодействия личностей, их интеграции и дифференциации. Сторонники этой парадигмы (феноменологическая социология, понимающая социология, этнометодология) в центр анализа ставят человека, считая его основным источником информации. В теории социального обмена (Дж. Хоманс, П. Блау), символическом интеракционизме (Дж. Мид) и особенно в феноменологической социологии, на наш взгляд, абсолютизирована одна сторона жизни — ее субъективность. Это давало возможность оппонентам справедливо упрекать ее приверженцев в односторонней психологизации реальности, игнорировании объективных условий развития.

В течение XX в. многие социологи предпринимали попытки преодолеть противоречивость методологической базы названных концепций, пытались преодолеть деление социологии на макро— и микроуровни, на объективно-предметный и субъективно-ценностный подходы. Во многих работах делаются попытки найти более приемлемую методологическую стратегию, которая бы в известной степени дистанцировалась от такого предельно широкого понятия как общество, и была в то же время связана с конкретными исследованиями. Такой поиск присущ многим представителям западной социологической мысли — З. Бауману, А. Турену, Н. Луману, Э. Гидденсу в попытках преодолеть крайности, соединить макро- и микроанализ, объективистский и субъективистский подходы [77].

Однако, эти методологические стратегии никак объясняют социальный факт: **как человек, люди «попадают» в социальные общности, социальные структуры, другие социальные образования.** Ведь явившись в мир, человек проходит ряд промежуточных этапов в развитии, чтобы определиться с социальным положением в обществе. Это положение заранее не предопределено: оно зависит не только от объективных обстоятельств, но и от воли, действий и целенаправленных акций самого человека. То, что социальные системы, социальные сети трактуются как предмет социологии, уязвимо. Об этом говорит другой факт: структурно-функциональный подход встречается с колоссальными трудностями в обществах переходного периода, когда системы и общности «плывут», не имеют четкой определенности и не могут быть базой достоверной информации. В этой связи обращу внимание на позицию А. Турена, который подверг резкой критике структурный функционализм, считая, что он нацелен на обеспечение порядка, равновесия, а не на поиск новых резервов и новых возможностей для развития общества. Следует учесть еще одно немаловажное обстоятельство: социальные системы и общности — очень «нехороший» объект для сравнительных кросскультурных (международных) исследований. Они настолько раз-

личны, что при сравнении сразу возникает вопрос достоверности получаемой и сравниваемой информации. И, наконец, не следует игнорировать и практику социологии, которая не перестает обращаться к одному и тому же источнику информации — человеку, что предполагает анализ не компонентов неких систем, а того, что делает человека участником общественной и повседневной жизни. Впрочем, сами системщики, работая на эмпирическом уровне, так и поступают, обращаясь главным образом к информации, характеризующей сознание и поведение людей. Отмечу также, что неудовлетворенность ранее сформулированными определениями объекта и предмета социологии проявилась в поисках иных концепций, претендующих на новое слово в трактовке исходных теоретико-методологических проблем социологии (драматургическая социология, теория рационального выбора, школа ультрадетальных эмпирических исследований и др.).

Ответ на этот вопрос, возможно, в **третьей методологической стратегии — конструктивистской**, учитывающей взаимосвязи между макро- и микросоциологией; между объективно-предметным и субъективно-ценностным подходом; между структурно-функциональной и конфликтологической ориентациями. Такой методологической стратегией является **концепция социологии жизни**, зачатки которой проявили себя еще в XIX веке, но не привлекли тогда внимания. К. Маркс, характеризуя общество, писал, что оно представляет собой «продукт взаимодействия людей» [78]. Обосновывая это положение, Маркс рассматривал не только саму деятельность, не только собственно взаимодействие, но и условия, в которых оно протекает. Позднее французский социолог Жан Мари Гюйо (1854–1888) выдвинул положение, согласно которому центральным понятием социологии следует считать реальную жизнь. Гюйо считал индивида интегральной частью социального целого, в которой органически сочетается многообразие социального мира со всеми его достижениями, противоречиями и нерешенными проблемами. Эта точка зрения не получила тогда развития, хотя отдельные ее моменты получили в теории социального действия М. Вебера. В XX в. все больше социологов стали разделять эту направленность в комплексном анализе жизни людей. Именно анализ феномена: «человек в обществе» и «общество в человеке» — позволяет наиболее полно судить и о человеке, и об обществе [79]. Ориентация на человека и среду его действий усиливается. В современной социологии эта тенденция отражена в работах А. Турена, З. Баумана, Дж. Александера. Показательно, что известный политик и ученый З. Бжезинский убежден, что мы (человечество) все больше сталкиваемся с необходимостью «личностного изме-

рения человеческой жизни» и в этой связи стоим перед «новой эрой в отношениях между людьми (1999).

«Идеи и культуры не меняют ход истории — по крайней мере, в одночасье. Однако они являются необходимой прелюдией к переменам, поскольку сдвиги в сознании — в системе ценностей и моральном обосновании — толкают людей к изменениям их социальных отношений и институтов» (Д. Белл, 1999). Еще большую определенность ориентации на человека как основной предмет исследований социологии придал Э. Гидденс, назвав ее «ослепительным и захватывающим предприятием, чьим предметом является поведение людей как социальных существ» [80].

В современной отечественной социологии такая методологическая стратегия обоснована Ж.Т. Тощенко. Ее в определенной степени разделяют Ю.Г. Волков, С.И. Григорьев, И.М. Попова и др. Своеобразный синтез общества и личности олицетворяет антропосоциетальный подход, обоснованный Н.И. Лапиным [81]. Выделяется поиск в этом направлении Ю.М. Резника [82]. Фактически с позиций общего и особенного, их органического развития строит исследования В.К. Левашов. Он соединил в концепции устойчивого развития глобальные и конкретные развития человеческого сообщества в их противоречивом, но в то же время личностном измерении [83]. При таком подходе существенны модусы времени — *настоящее*, представленное в ценности; *будущее*, выраженное в цели; *прошлое*, связанное с категорией «значение», что в целом образует всестороннее и емкое понятие **социальная реальность**. В ее основе находится **сознание и поведение** человека, его отношение и реакция на изменения статуса, своего места не просто как отдельного индивида, а как члена социальной группы, представителя определенного общества. Но этим не ограничивается данная концепция — она предполагает одновременный анализ объективных условий — **общественной среды** (макро-, мезо- и микро-условий) социальной жизни человека. Все это образует концепцию **социологии жизни**, которая органически сочетает субъективные факторы и объективные условия, взаимоотношений общества и человека. Говоря словами Бергера, суть социологии — «человек в обществе, общество для человека». К этому добавлю, что социология (и любая другая наука) призвана, прежде чем предлагать свои модели, сначала изучить фрагменты, части объективной реальности. В реальной жизни мы встречаемся не со структурами, а с сознанием и поведением людей, через которые выходим на анализ различных форм организации общественной жизни — институциональный, стратификационный, управленческий и др.

В рамках этой методологической стратегии отмечается сдвиг современной социологии «к субъективно-понимаемому». Шведский социолог П. Монсон в этой связи поясняет: «Субъективность присутствует здесь двояким образом, частично в самом исследователе, частично — в объектах, в людях, которые он изучает. Вопрос о том, каким образом можно состыковать эти две субъективности, является важной методологической проблемой».

Конструктивистская стратегия, выраженная в концепции социологии жизни, преодолевает крайности противопоставления объективного и субъективного, общего и особенного, универсальности и уникальности, индивидуальности и наиндивидуальности. Она оперирует понятиями социальной реальности, измеряемой посредством сознания, поведения и окружающей среды.

Список литературы

1. См.: История теоретической социологии. В 4 т. М., 1997–2001.
2. См.: *Осипов Г.В.* Социология и социализм. М., 1990 (2008); *Он же.* Социология и социальное мифотворчество. М., 2006.
3. См.: *Здравомыслов А.Г.* Теория социологии в России. М., 2008; *Он же.* К вопросу о культуре социологического мышления // Социол. исслед. 2008. № 5, № 8.
4. *Кукушкина Е.И.* История русской социологии. М., 2008; *Кравченко С.А.* Социология. М., 2002; *Култыгин В.П.* Классическая социология. М., 2000; *Немировский В.Г.* Теоретическая социология. Красноярск. 2001; *Покровский Н.Е.* Классики теоретической социологии // Социол. исслед. 1992. № 2; *Романовский Н.В.* Историческая социология. М., 2009.
5. Цит. по: *Батыгин Г.С.* Преемственность российской социологической традиции // Социология в России. М., 1998. С. 32–36.
6. *Бухарин Н.И.* Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. М., 2008 (1921).
7. *Немцов В.С.* Социология и статистика // Вопр. философии. 1955. № 6; *Он же.* Избр. произв. Т. 1. М., 1967. С. 374.
8. См.: *Константинов Ф.В., Келле В.Ж.* Исторический материализм — марксистская социология // Коммунист. 1966. № 1; *Чесноков Д.И.* Исторический материализм. М., 1964.
9. См.: КПСС в резолюциях ...Т. 9. М., 1972. С. 345, 348.
10. См. напр.: *Глезерман Г.Е.* К вопросу о предмете исторического материализма // Вопр. философии, 1960, № 3; Основы научного ком-

мунизма / Под ред. *П.Н. Федосеева*. М., 1967; *Константинов Ф.В., Келле В.Ж.* Исторический материализм — марксистская социология // *Философские науки*. 1965, № 1; *Чесноков Д.И.* Исторический материализм и социальные исследования. М., 1967; *Уледов А.К.* Социологические законы. М. 1975. С. 238.

11. См.: *Вестник ЛГУ. Сер. Философия*. 1986, № 2. С. 93.

12. Подробный и обстоятельный анализ борьбы мнений о соотношении истмата и социологии дан в работах: См. *Чагин Б.А.* Очерк истории социологической мысли в СССР. Л., 1971. С. 192–232; *Осипов Г.В.* Социология в России. Как это было на самом деле // *Социол. исслед.* 2008, № 6–7.

13. *Осипов Г.В.* Основные черты и особенности марксистской социологии // *Социология в СССР*. Т.1. М., 1966. С.42.

14. См.: *Рожин В.П.* Законы марксистско-ленинской социологии. М., 1969; *Зворыкин А.А.* Исторический материализм как общесоциологическая теория и конкретные социальные исследования // *Философские науки*. 1963. № 1.

15. *Андреева Г.М.* Марксистская социология и ее задачи // *О структуре марксистской социологической теории*. М.: Изд-во МГУ. 1970. С. 28–29.

16. См.: *Ковалев А.М., Козиков И.А.* Научный коммунизм и конкретные социологические исследования // *Вестник МГУ. Сер. Философия*. 1967. № 2, С. 46–52; *Слепенков И.М.* Методологические принципы и методика конкретного социологического исследования. М. Изд-во МГУ. 1984. С. 8.

17. См.: *Вопр. философии*. 1959. № 4. С.127.

18. *Левада Ю.А.* Лекции по социологии. Ч.1. М., 1969. С. 5.

19. *Глезерман Г., Келле В., Пилипенко Н.* Исторический материализм — теория и метод научного познания и революционного действия // *Коммунист*, 1971. С. 4.

20. *Давидюк Г.П.* Прикладная социология. Минск. 1979. С.14.

21. *Федосеев П.Н.* К вопросу о предмете марксистско-ленинской социологии // *Социол. исслед.* 1982. № 3, С. 28, 29.

22. См.: *Ядов В.А.* Размышления о предмете социологии // *Социол. исслед.* 1990, № 2; *Он же.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. Учебник. М., 2001.

23. См. напр.: *Харчева В.* Основы социологии. М., 1997. С. 3; 14 бесед по социологии. Саратов. 2003. С.14.

24. См.: *Осипов Г.В.* Социология и социализм. М., 2008; *Волков Ю.Е.*

Социальное // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995; Иванов В.Н. Социология сегодня. М., 1989.

25. См., напр.: Мухаев Р.Т. Социология. Учебник. М., 2005. С. 5–13.

26. Кареев Н.И. Общие основы социологии. СПб, 1918. С. 8.

27. Ковалевский М.М. Социология. СПб, 1910. С. 30.

28. Рожин В.П. Законы марксистско-ленинской социологии. М., 1969. С. 17.

29. См.: Бороноев А.О., Ельмеев В.Я., Орлов В.Н. О предмете социологии как общей науки об обществе // Социол. исслед. 1991. № 5. С. 37; Бобров М.Я. Система законов и категорий общей социологии. Барнаул. 1993. С. 22; Козлова О.Н. Социология. М., 2004. С. 16.

30. См.: Рабочая книга социолога. М., 1976; Осипов Г.В. Социология и социализм. М., 1990. С. 66.

31. См.: Харчев А.Г. Предмет и структура социологической науки // Социол. исслед. 1981 № 2. С.62.

32. См.: Кравченко А.И. Социология. Учебник. М., 2001. С. 11–23.

33. Зборовский Г.Е., Орлов Г.П. Социология. М., 1995.

34. 14 бесед по социологии. Саратов. 2003. С. 13.

35. Сорвин К.В., Сусоколов А.А. Система социологических понятий. М., 2002. С. 7.

36. См.: Общая социология / Под ред. А.Г.Эфендиева. М., 2000, С. 47; Харчева В.Г. Указ соч., С. 5.

37. См.: Руткевич М.Н. Диалектика и социология, М.: Мысль. 1980. Гл. IV; Он же. Общество как система. Социологические очерки. М., 2001. С. 24; Иванов В.Н. Социология сегодня. М., 1989. С. 11.

38. См. напр.: Рожин В.П. Законы марксистско-ленинской социологии. М., 1969.

39. См.: Осадчая Г.И. Социальная сфера: теория и методология социологического анализа. М., 1996; Молевич Е.Ф. Общая социология. Курс лекций. М. 2003. С. 37–38;

40. См.: Левада Ю.А. Лекции по социологии. М., 1969; Давыдов А.А. Системная социология. М., 2006.

41. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 534.

42. См.: Лапин Н.И. Социология. Учеб. пособ. М. 2006. С. 17.

43. Богданов А.А. Из психологии общества. СПб, 1906, С. 57.

44. Бороноев А.О., Ельмеев В.Я., Орлов В.Н. Указ.соч.. С. 36.

45. См.: Тощенко Ж.Т. Возможна ли новая парадигма социологического знания? // Социол. исслед. 1991, № 7; Более подробно см.: Он же. О понятийном аппарате социологии // Социол. исслед. 2002. №9; Он же. Социология. М., 2005. С. 48–56.

46. См.: *Волков Ю.Г. и др.* Социология. М., 1997. С. 6; *Григорьев С.И.* Виталистская социология. Парадигма настоящего и будущего. Барнаул. 2001; *Попова И.М.* Социология. Введение в специальность. Киев. 1997. С. 133.

47. См.: *Глезерман Г., Келле В., Пилипенко Н.* Исторический материализм — теория и метод научного познания и революционного действия // *Коммунист*, 1971. № 4.

48. См.: О структуре марксистской социологической теории. М., 1970. С.12; *Иванов В.Н.* Социология в системе научного управления обществом. М. 1984. С. 6–9; *Философский энциклопедический словарь*. М. 1983. С. 641.

49. См.: *Кабыща А.В.* Научный статус исторического материализма и предмет социологии // *Социол. исслед.* 1990. № 4. С. 16.

50. Пример, на наш взгляд, обоснованности и самостоятельности понятийного аппарата специальной социологической теории см.: *Мацковский М.С.* О систематизации понятийного аппарата социологии семьи // *Социол. исслед.* 1987. № 1, С. 18–27; *Щербина В.В.* Социология организаций // *Социол. исслед.* 2004. № 9.

51. *Здравомыслов А.Г.* Методология и процедура социологических исследований. М., 1969; *Лекции по методике конкретных социальных исследований* / Под ред. *Г.М. Андреевой*. М., 1972; *Ядов В.А.* Социологические исследования: Методология, программа, гипотеза. М., 1972; *Рабочая книга социолога* / Под ред. *Г.В. Осипова*. М., 1977.

52. См.: *Кравченко А.И.* Социология. М., 2001; *Козлова О.Н.* Социология. М., 2004.

53. См.: Социология / Под ред. *Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева*. М., 2001.

54. Интересные идеи о соотношении теоретической и эмпирической социологии см.: *Руткевич М.Н.* Общество как система. Социологические очерки. М., 2001. С. 31–36. См. также: *Гурко Е.И.* Эмпирическое и теоретическое в социологическом исследовании. Минск. 1984; *Осипов Г.В.* Теория и практика социол. исследований в СССР. М., 1979; *Девятко И.Ф.* Социол. теории деятельности и практической рациональности. М., 2003; *Бабосов Е.М.* Прикладная социология. Мн., 2000.

55. См.: Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса. М., 1961; *Человек и его работа*. М., 1967; *Грушин Б.А.* Свободное время. Актуальные проблемы. М., 1967; *Заславская Т.И.* Распределение по труду в колхозах. М., 1966; *Рабочий класс и технический прогресс*. М., 1967; *Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р.* Социальные перемещения. М., 1970; *Коган Л.Н.* Искусство и мы. М., 1970; *Арутюнян*

Ю.В. Русские. Социологические очерки. М., 1987; *Аитов Н.А., Камаев Р.Б.* Новый промышленный центр и село. М., 1983; и др.

56. См.: Социальные проблемы труда и производства. М., 1970.

57. Подробнее см. первые монографические исследования, посвященные этой проблеме: *Фролов С.Ф.* Социальное планирование на промышленном предприятии. Горький. 1969; *Тощенко Ж.Т.* Социальное планирование. Красноярск. 1971; *Лузан П.П.* Планирование социального развития производственного коллектива. М., 1972; *Ельмеев В.Я.* Методологические основы планирования социального развития. М., 1974; Планирование социального развития / Под ред. *Д.А. Керимова*. М., 1976; *Лапин Н.И., Коржева З.М., Наумова Н.Ф.* Теория и практика социального планирования. М., 1976.

58. Подробнее см.: *Осипов Г.В.* Социология и социализм. М., 1990; *Он же.* Социология и социальное мифотворчество. М., 2002.

59. См.: *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998.

60. См.: *Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Попов А.В., Самыгин С.И.* Социология. Курс лекций. М. — Ростов-на-Дону, 1999; *Попова И.М.* Социология. Киев, 2000.

61. См.: *Огурцов А.П.* Категории // Новая философская энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 229; *Тощенко Ж.Т.* О понятийном аппарате социологии // Социол. исслед. 2002. № 9.

62. См.: *Романовский Н.В.* Историзация — закономерность развития социологической теории // Социол. исслед. 2008, № 10.

63. *Лосев А.Ф.* Категории // Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 472.

64. См.: *Войшвилло Е.К.* Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М., 1989.

65. См.: *Бочаров В.А., Маркин В.И.* Основы логики. М., 1994.

66. Подробнее см.: *Орловская Е.* Логические аспекты изучения понятий // Логические исследования. Вып. 1. М., 1993; *Тощенко Ж.Т.* О понятийном аппарате социологии // Социол. исслед. 2002, № 9.

67. Подробнее о понятийном аппарате социологии см.: Тезаурус по социологии. Социологический словарь. М., 2009.

68. *Осипов Г.В.* Социология и социализм. М., 1990. С. 74.

69. *Култыгин В.П.* Классическая социология. М., 2000, С. 468–469.

70. *Кравченко С.А.* Социологическая теория: дискурс будущего // Социол. исслед. 2007. № 3. С. 9–11.

71. *Романовский Н.В.* Мультипарадигмальная социология — auf Wiedersehen? // Социол. исслед. 2005, № 12. С. 27.

72. Волков Ю.Г. Социология. М., 2006. С. 11–12.
73. Попова И.М. Социология. Введение в специальность. Киев. 1998. С. 129.
74. Одну из первых работ по этой проблеме см.: Андреева Г.М. О соотношении микро- и макросоциологии // Вопр. философии. 1970. № 7.
75. Комаров М.С. Макро- и микросоциология // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995, С. 361–362.
76. Руткевич М.Н. Общество как система. М., 2001; Общая социология / Под ред. Эфендиева А.Г. М., 2000.
77. См.: Бауман З. Мыслить социологически. М, 1996; Гидденс Э. Социология. М., 1999; Турен А. Возвращение человека действующего.
78. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 402.
79. Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М., 1996.
80. Гидденс Э. Социология. М., 1999, С. 23.
81. Лапин Н.И. Общая социология. М., 2007. С. 19.
82. См.: Резник Ю.М. Социальное измерение жизненного мира. Введение в социологию жизни. М., 1995.
83. Левашов В.К. Социополитическая динамика российского общества (2000–2006). М., 2007.

М.Б. Буланова

Социологическое образование в России (1960–2000-е годы)

Социологическое образование в России прошло долгий, противоречивый путь, начиная с 60-х годов XIX в. Статус социологии неоднократно уточнялся, конкретизировался, и вместе с ним менялось отношение к социологическому образованию. Через сто лет, в XX веке, вновь был поставлен вопрос о статусе социологии как самостоятельной научной дисциплины, снова возникла проблема социологического образования. В его развитии в данный период можно выделить несколько этапов.

Этапы развития социологического образования

Первый этап начинается в 1960-е годы. Развитию различных форм непосредственно преподавательской деятельности предшествовал процесс открытия социологических отделов и лабораторий при академических институтах и учебных вузах. Так, в 1960 г. на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова была создана межкафедральная социологическая лаборатория под руководством *Р.И. Косолапова*. Там же в 1968 г. открылась кафедра методики конкретных социальных исследований. Организатором и первым заведующим кафедрой была профессор *Г.М. Андреева*. Начиная с 1968 г., подготовка философов по курсу социологических дисциплин в университете велась факультативно — в форме спецкурсов и спецсеминаров [1, с. 46].

Аналогичный процесс факультативного чтения отдельных курсов социологии студентам философских, исторических, юридических, экономических специальностей происходит в это время и в других российских университетах. Например, в Ленинградском и Уральском государственных университетах отдельные социологические курсы читались студентам-философам, в Томском — юристам, в Новосибирском — экономистам, в Иркутском — историкам. Выбор профиля специальности определялся тем факультетом, на котором работал преподаватель, взявший на себя личную инициативу — познакомить студентов с социологической проблематикой. По сути, повторилась та ситуация, о которой писал в 1907 г. Н.И. Кареев: «Если в одних местах социология преподается на одном факультете, в других — на другом, то это зависит от чисто случайных причин, смотря по тому, где какой профессор брал на себя

инициативу». [2, с. 40]. Кстати, из числа студентов, которым читались социологические курсы, и сформировался впоследствии первый преподавательский корпус социологии.

Второй этап (середина 1970-х — конец 1980-х годов). В вузах число социологических лабораторий и секторов увеличивается за 1972–1977 гг. в четыре раза, достигает 200. Вузовская социология, занимаясь прикладными исследованиями, выполняет значительный объем работ по конкретным заказам предприятий и других организаций. В 1976 г. в области прикладной социологии было занято почти 900 научных и научно-педагогических работников, из них 20 докторов и более 240 кандидатов наук [1, с. 47].

В это же время в рамках философских специальностей была открыта специальность «прикладная социология». Так, в 1977 г. на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова (отделение научного коммунизма) была введена учебная специальность «прикладная социология». Впервые встал вопрос о начале подготовки специалистов в области прикладной социологии в рамках философских факультетов университетов. С этого момента преподаватели социологических курсов все больше сосредоточиваются на философских факультетах, начинается создание конкретной теоретической, материально-технической и организационной базы для работы по подготовке специалистов в области прикладной социологии. Но лишь в 1984 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова на философском факультете открылось отделение прикладной социологии и осуществлен набор 50 студентов. В составе отделения были: кафедра методики и техники конкретных социальных исследований (зав. — проф. *Б.В. Князев*); кафедра истории социологии (зав. — проф. *В.И. Добреньков*); кафедры социологии труда (зав. — проф. *Н.И. Дряхлов*). Продолжала работу межкафедральная социологическая лаборатория (зав. — старший научный сотрудник *В.Я. Нечаев*). Руководил отделением проф. *Б.В. Князев*. Началась переподготовка специалистов-социологов, имеющих высшее (несоциологическое) образование. При Московском университете был открыт спецфакультет со сроком обучения 9 месяцев с отрывом от основной работы, ежегодно осуществляющий набор 25 слушателей.

В 1984 г. появилось отделение прикладной социологии в Ленинградском государственном университете на экономическом факультете и осуществлен набор 50 студентов. В рамках отделения действовали две кафедры: прикладной социологии (зав. — проф. *В.Я. Ельмеев*) и социального управления (зав. — проф. *В.Г. Долгов*). Руководил отделением проф. *В.Я. Ельмеев*.

В 1986 г. аналогичное отделение было создано на философском факультете Киевского университета (прием 25 студентов). Развернулась специализация по прикладной социологии в Белорусском университете, Московском институте управления, Ленинградском финансово-экономическом институте, Уральском, Новосибирском, Харьковском университетах, университетах Риги, Таллина, Иваново, Уфимском авиационном институте и ряде других вузов страны [1, с. 47–48].

Начавшийся процесс подготовки специалистов-социологов в области прикладной социологии потребовал теоретического осмысления. По этой причине в середине 1980-х гг. в ряде вузов и академических институтов были поддержаны исследовательские проекты по проблемам развития и эффективности социологического образования [3]. В конце 1980-х гг. прошли научные конференции, на которых обсуждались накопленный опыт и перспективы развития социологического образования [4]. В 1988 г. Высшая аттестационная комиссия включила социологию в номенклатуру специальностей научных работников. *В перечне научных специальностей социология впервые отделилась от философии.*

В июне 1988 г. было принято постановление ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества». В августе 1988 г. издан приказ Госкомитета СССР по народному образованию «О формировании системы подготовки социологических кадров в стране», в соответствии с которым специальность «прикладная социология» *преобразовывалась в специальность «социология»*. Принимались предложения вузов об открытии социологических факультетов и отделений. Указывалось на решение вопроса о социологической подготовке студентов всех специальностей через систему обязательных и факультативных спецкурсов. В приказе речь шла также о подготовке учебников, об увеличении приема в аспирантуру и докторантуру по социологии, об эффективном использовании международного сотрудничества в области образования по социологии и социологическим исследованиям. Предполагалось через ИПК осуществлять социологическую переподготовку преподавателей-обществоведов, организовать обучение и переподготовку педагогических кадров по проблемам социологии, руководящих работников и специалистов в системе повышения квалификации.

Приказом определялось открытие социологических факультетов в Московском, Ленинградском, Киевском государственных университетах, в Московском институте управления, а также 9 отделений социологии — в Харьковском, Новосибирском, Уральском, Белорусском, Ташкентском, Тбилиском, Вильнюсском, Ростовском университетах и

в Ленинградском финансово-экономическом институте. В июне 1989 г. открылись социологические факультеты в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова (деканом стал и в настоящее время является проф. *В.И. Добренков*) и в Ленинградском государственном университете (первый декан — проф. *А.О. Бороноев*).

С открытием факультетов социологии развернулось полноценное социологическое образование.

Третий этап (с 1989 г. по настоящее время). Данный этап характеризуется быстрыми темпами процесса институционализации социологического образования. За период с 1989 г. до 2003 г. открылись 105 факультетов, отделений и кафедр. Более 20 тысяч выпускников получили социологическую специальность, а на кафедрах преподавали социологию более 4 тысяч человек. Таким образом произошел стремительный «взлет» числа социологических подразделений, осуществляющих подготовку социологов, их стало больше почти в 20 раз. Примерно также выросла и численность выпускников [1, с. 67–68].

Основой социологического образования в России стали социологические факультеты университетов. Среди них — факультеты МГУ им. М.В. Ломоносова, Российского государственного гуманитарного университета, Российского государственного социального университета, Санкт-Петербургского, Алтайского, Ростовского, Саратовского государственных университетов и др.

Наряду с показателями роста, обнаружилось некоторые противоречивые тенденции в развитии социологического образования. Обозначим некоторые из них. В 2000 г., на основе введенного второго Государственного образовательного стандарта социология была лишена статуса обязательного базового вузовского курса. Став учебной дисциплиной по выбору, она попала в зависимость от позиции руководства вузов. Особенно это коснулось технических вузов. В результате к 2006 г. учебное время, выделенное на преподавание социологии в непрофильных вузах, сократилось на 35%, а количество преподавателей-социологов — более чем на четверть [5, с. 14].

К трудностям можно отнести и последствия растущей специализации, в результате чего от основной базовой специальности «социология» отделились «связи с общественностью», «социология маркетинга», «социальная антропология», «социальная работа» и др. Оставаясь, в сущности, направлениями социологической подготовки, эти специализации начали «дробить» и «размывать» профессиональное поле социологии. Так, нередко от студентов, поступивших на подготовку по специализации «связь с общественностью», сегодня можно услышать — «мы не социологи».

В профессиональном сообществе социологов сегодня поднимается

еще одна проблема — прикладной, рыночно-прагматической переориентации социологического образования. Нередко программы обучения социологов слишком теоретизированы, не учитывают сложившейся российской реальности, потребностей и интересов российского работодателя. Другой стороной обозначенной проблемы оказывается искусственная подстройка образовательных программ (особенно в негосударственных вузах) под интересы рынка, и тогда начинает страдать качество подготовки специалистов-социологов.

Однако, несмотря на указанные трудности, процесс роста в настоящее время продолжается: в российских вузах работают 300 кафедр социологии. Подготовка социологов ведется на 150 социологических факультетах.

Массовое распространение социологического образования в России, развернувшаяся работа по созданию и внедрению Государственного образовательного стандарта третьего поколения, вхождение России в Болонский процесс актуализировали проблему *качества данного образования*. Это касается не только внедрения пяти основных базовых, ключевых социальных компетентностей в программу социологического образования — здравоохранения, гражданственности, социального взаимодействия с обществом, компетентности в общении, информационно — технологической. Повсеместно идущая в российских вузах смена программ подготовки «специалиста» на программы «бакалавра» и «магистра» обостряет вопросы качества содержания образования на всех его ступенях. Невольно происходит раздвоение «специалиста-социолога» на «бакалавра-социолога» и «магистра-социолога». Возникает вопрос, с какой ступени можно говорить о полной профессиональной подготовке социолога? Кстати, этот вопрос волнует сейчас не только научную социологическую общественность, но и российских работодателей. Пока, чаще всего, они воспринимают диплом «бакалавра» как вариант незаконченного высшего образования.

Проблема качества социологического образования, в числе прочих, затрагивает и проблему качества учебно-методической литературы.

Обеспечение социологического образования учебно-методической литературой

Вопрос о статусе социологии как науки четко отражался в имеющихся источниках, литературе и учебно-методических пособиях. Не претендуя на полный охват всех изданий, вышедших в эти годы, можно выделить те из них, которые позволили решать конкретные вопросы социологического образования.

Необходимо сразу оговориться, что в 1960-е—1970-е годы учебники по социологии отсутствовали, их функцию выполняли отдельные монографии и пособия. Кроме того, имеющаяся литература выходила по определенным нормативным требованиям. Цель их сводилась к тому, чтобы ознакомить научную общественность, преподавательский корпус, студентов, аспирантов с достижениями социологической теории и практики. Официального статуса учебного пособия эта литература не имела.

В начале 1960-х годов статус социологии как науки рассматривался в рамках марксистской ее интерпретации [6]. Теоретические проблемы социологии изучались в рамках исторического материализма [7]. И даже прикладные исследования в социологии опирались на марксистскую методологию [8]. Однако уже в конце 1960-х годов на страницах журнала «Вопросы философии» начинается дискуссия о статусе марксистской социологии. В ней принимают участие *Г.В. Осипов*, *А.М. Румянцев*, *В.А. Ядов* [9]. Влияние официальной идеологии марксизма-ленинизма в этот период еще очень велико [10]. Примером этого влияния может служить судьба «Лекций по социологии», прочитанных *Ю.А. Левадой* студентам факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова и изданных им в 1968 г. «Беда» автора этих лекций состояла в том, что он невольно «опередил время», поставив в лекциях вопрос о том, что не только по своим методам, но и по содержанию социология должна иметь статус самостоятельной науки — то есть не выступать, словами Н.И. Кареева, ни с какой обществоведческой окраской (философской, экономической, юридической). «Вина» же автора была конкретно сформулирована — «насаждение буржуазных теоретических концепций и взглядов» [11].

Парадокс заключался в том, что властью была к тому времени проделана значительная работа по признанию статуса социологии как прикладной науки, но отделить ее от исторического материализма еще не решались. Несмотря на этот факт, в 1960-е годы постепенно начинается кропотливая работа по признанию социологии самостоятельной научной и учебной дисциплиной. Выходят работы, посвященные отдельным методам и методологии социологических исследований. Среди них — статьи авторов, вошедших в сборник 1968 г. «Проблемы научного коммунизма» [12], а также исследования А.Г. Здравомыслова, Р.В. Рывкиной и других авторов по конкретным методам, методике и методологии социологического исследования [13]. И, конечно, из литературы 1960-х годов следует выделить подводившие итог развития социологии в предшествующие годы — статью Федосеева П.Н. и двухтомник «Социология в СССР» [14].

В 1970-е годы продолжают тенденции, заложенные в 1960-х годах. С одной стороны, выходят работы, в которых подчеркивается потен-

циал развития социологии в методологических рамках исторического материализма [15]. Потребности изучения проблем социалистического общества делают актуальными работы, сопоставляющие марксистскую социологию и теорию научного коммунизма [16]. Вообще, в 1970-е годы выходит в свет большое количество исследований, посвященных теории научного коммунизма. Складывается впечатление, что теория социологии начала все больше подменяться не столько историческим материализмом, сколько научным коммунизмом. Социологические работы этого периода посвящены конкретным проблемам прикладной социологии [17]. Появляются первые учебно-методические работы, дающие возможность преподавать прикладную социологию студентам вузов [18]. Особый вклад в формирование учебно-методического портфеля социологии внесла «Рабочая книга социолога». Следует отметить, что в 1970-е годы отделить социологию от теории исторического материализма и научного коммунизма можно было только путем обоснования ее специфических подходов к изучению общества. Системный подход, уникальные процедуры обработки социальной информации за счет применения математических методов и ЭВМ — все это было призвано подчеркнуть самостоятельность, независимость социологии от других социальных наук [19]. Попытки обоснования специфики социологии предпринимались в научной литературе на всем протяжении 1970-х годов [20]. Некоторые итоги поисков на этом пути подведены в книге Г.В. Осипова «Теория и практика социологических исследований в СССР», а также двухтомнике «Социология и современность» [21].

1980-е годы открылись дискуссией о предмете социологии, развернутой на страницах журнала «Социологические исследования». В обсуждении приняли участие ученые Н.А. Аитов, А.Д. Козлов, Г.В. Осипов, Ю.К. Плетников, А.Г. Харчев [22]. Эта дискуссия, с одной стороны, была вызвана общим социальным заказом на развитие общественных наук [23]. С другой, — она привела к новым исследованиям в области социологии как самостоятельной общественной науке [24].

В роли учебных пособий, вышедших в первой половине 1980-х годов, выступали «Основы марксистско-ленинской социологии» (под редакцией Г.В. Осипова) и монография Слепенкова И.М. «Научный коммунизм и конкретные социологические исследования» [25].

Считается, что первый официальный учебник по социологии (в ее марксистской интерпретации) — это книга «Марксистско-ленинская социология» (под редакцией Н.И. Дряхлова, Б.В. Князева, В.Я. Нечаева), выпущенная в Москве в 1989 г. Эта книга имела «гриф», то есть была допущена Госкомитетом СССР в качестве учебного пособия для студентов вузов, обу-

чающихся по специальностям «философия» и «прикладная социология». Однако ни в данном учебнике, ни в тех учебных материалах, которые были изданы в первой половине 1980-х годов, авторы не вышли на уровень статуса социологии как самостоятельной науки, не связанной с особым «покровительством» исторического материализма и научного коммунизма. Надежды на возможность иного положения дел дала перестройка.

1990-е годы можно назвать «бумом» учебно-методической литературы по социологии. Официальное признание самостоятельного статуса данной дисциплины, начало полноценного социологического образования в рамках вновь организованных социологических факультетов университетов привели к формированию беспрецедентного заказа на учебники и учебно-методические пособия по социологии. Первые учебники, появившиеся в начале 1990-х гг., были подготовлены авторскими коллективами [26]. К середине 1990-х годов стали выходить авторские учебники [27]. Тогда часть авторских учебников была больше похожа на западные аналоги (например, учебники В.С. Комарова, С.С. Фролова, А.А. Радугина, К.А. Радугина), но к концу 1990-х годов авторы все больше стали учитывать новые российские реалии. «Волны» написания учебников по социологии «накрыли» и региональные центры [28]. Часто поводом для их создания становился курс лекций, прочитанный автором студентам вузов. Так, в качестве учебников стали издаваться курсы лекций по социологии [29]. Среди учебно-методической литературы 1990-х годов можно выделить группу учебных пособий по социологии [30]. В их создании выразилось стремление авторов разработать комплексные материалы, облегчающие студентам усвоение курса. В ряду таких пособий особо следует выделить практикумы по социологии [31]. В 1990-е годы среди учебно-методических пособий появились первые хрестоматии, антологии, тексты по социологии [32]. Также стали издаваться первые словари, энциклопедии, справочники [33]. Появилась обширная учебная литература по методике социологических исследований и по отдельным отраслям социологии: экономической, политической, социологии права, культуры, образования, организаций, коммуникации и др. [34]. Были изданы работы по истории социологии [35].

Завершая краткий обзор учебно-методической литературы 1990-х годов, следует отметить тот факт, что социологическое образование было в целом достаточно хорошо обеспечено учебниками, пособиями, словарями, справочниками. Количественное насыщение образовательного рынка социологической литературой неизбежно породило проблему оценки ее качества.

2000-е годы начались с переиздания тех учебников, которые выдержали испытание временем и получили высокую оценку не только со

стороны студентов, но и преподавателей. Стали появляться новые учебники и учебные пособия. С одной стороны, это было связано с введением второго поколения государственных стандартов по социологическому образованию. С другой, — в новых изданиях необходимо было учесть наработанный за предыдущее десятилетие опыт социологического образования [36]. Возросло количество учебников по истории социологии: не только западной, но и российской [37]. Кстати, у современных историков социологии появилась потребность в подготовке общего курса по истории социологии, не содержащего внутреннего деления на западную социологию и российскую социологию.

Продолжали издаваться учебно-методические материалы по прикладной социологии, по отраслевым социологиям. Всем этим изданиям присуща, с одной стороны, детализация исследований. По общим вопросам социологии литературы накоплено довольно много. С другой стороны, среди изданий наблюдается «борьба» за качество, за умение заинтересовать социологической проблематикой как студентов и аспирантов, так и более широкую научную общественность [38]. Потеряв темпы количественного роста 1990-х годов, учебно-методическая литература по социологии 2000-х годов стала больше «оттачивать» отдельные грани науки, наполняя социологическое образование более качественными исследованиями.

Социологическое образование и социологическая практика

Социологическое образование в России всегда было тесно связано с практикой. Не составляет исключения и рассматриваемый период.

В 1960-е годы можно говорить об усилении социологического просвещения в среде партийных работников. В вечерних университетах марксизма-ленинизма при городских комитетах КПСС советский партийный и хозяйственный актив постигал основы социологии для целей научного руководства развитием общества. В будущем этот актив стал поставщиком социальных заказов для существующих и вновь создающихся социологических отделов и лабораторий. В частности, стали чаще практиковаться социологические исследования об опыте работы конкретных партийных организаций [38].

Еще одной формой связи социологического образования с социологической практикой стала работа научных региональных центров социологии. В 1980-е годы в ряде регионов сложились **научные школы**, которые, наряду с проведением социологических исследований, осуществляли подготовку социологических кадров: в Новосибирске, Красноярске (руководители Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина, В.Н. Шубкин, Ж.Т. Тощенко),

в Екатеринбурге, Перми, Уфе (Л.Н. Коган, Н.А. Аитов, З.И.Файнбург, Г.Е. Зборовский, Л.Я. Рубина), на Алтае (С.И. Григорьев), в Ростове-на-Дону (Ю.Г. Волков), Нижнем Новгороде (З.Х. Саралиева, А.А.Иудин, С.С. Балабанов), Самаре (Е.Ф. Молевич), Саратове (В.Н. Ярская-Смирнова). Эти школы сложились на базе созданных в 1960–1970-е годы отделов и секторов в академических институтах, а также на базе социологических лабораторий и подразделений крупных вузов.

Необходимо отметить, что формирование нового корпуса социологических кадров происходило в лоне других общественных наук, в первую очередь, философии и экономики. Именно этими специалистами были укомплектованы отделы и сектора академических институтов. В вузах подготовка социологических кадров и проведение конкретных социологических исследований зачастую были связаны с работой кафедр научного коммунизма. Как отмечает Ж.Т. Тощенко, многие из этих кафедр, особенно в Москве, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, стали настоящими социологическими исследовательскими центрами, ведущими масштабные эмпирические исследования, получившие признание в стране и за рубежом. Кроме того, теория научного коммунизма преподавалась на этих кафедрах в социологическом ракурсе — как анализ конкретных ситуаций в стране, регионе, в той или иной организации, что вызывало особый интерес у слушателей, зачастую позже проявивших желание и готовность стать социологами [39, с. 60].

Кстати, в 1985 г. в рамках одного социологического исследования был проведен анализ кадров, пришедших в социологию. Полученные результаты удивили: 15 тысяч обследованных представляли 230 специальностей, но были социологами на практике.

Еще одна форма связи социологического образования с социологической практикой сложилась в 1990-е годы, в период появления полноценного социологического образования на социологических факультетах вузов. Кроме курсов теории и истории социологии, студентам в обязательном порядке преподавалась методика, методология и технология организации и проведения социологических исследований. В рамках учебного процесса студенты обязаны были пройти социологическую практику — либо в рамках университета, либо в конкретных социологических организациях или лабораториях вне университета. В зависимости от курса, на котором обучался студент, эта практика носила либо учебно-ознакомительный, либо производственный, либо педагогический характер. Эта форма взаимосвязи социологического образования и социологической практики оправдала себя и существует, постоянно совершенствуясь, до настоящего времени.

Дискуссии научного сообщества о социологическом образовании

С момента появления социологического образования продолжают дискуссии, касающиеся его содержания, форм, методов, средств. На разных этапах выдвигались различные темы дискуссий. В рассматриваемый период следует выделить несколько тем таких дискуссий.

В 1960-е годы, когда социологическое образование в вузах существовало в виде отдельных курсов и спецкурсов, в научном сообществе велась дискуссия о необходимости получения данного образования студентами всех специальностей. Такая постановка вопроса отвечала традициям российского социологического образования. Классики социологии, в частности Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, П.А. Сорокин считали, что студенты всех специальностей должны изучить основы социологии не для того, чтобы стать социологами, но для того, чтобы быть социологически грамотными людьми. Знаменитая фраза П.А. Сорокина о том, что Россию губит социологическая неграмотность населения, адекватно отражала его позицию в области социологического образования.

В 1960–1970-е годы дискуссионным оказался вопрос о содержании социологических курсов — как преподавать социологические знания в рамках исторического материализма и научного коммунизма. Одна из точек зрения по данному вопросу принадлежала И.М. Слепенкову, который писал: «Конкретные социологические исследования, основанные на фундаменте марксистско-ленинской теории и выполняемые в русле научного коммунизма, прочно входят в нашу действительность, приобретают все большее значение в решении производственно-экономических, социально-политических, духовно-идеологических и других общественных задач» [25, с. 5]. Однако все большее число социологов склонялось к необходимости конкретизировать предмет социологии.

В 1980-е годы это вылилось в упоминавшуюся выше дискуссию о предмете социологической науки на страницах журнала «Социологические исследования» [22]. Однако реально в 1970–1980-е годы социология преподавалась обычно через специальные социологические теории. Появление и развитие отраслевых социологий (молодежи, образования, труда, семьи, организаций и др.) давало реальную возможность говорить со студентами на социологическом языке, не используя категории исторического материализма и научного коммунизма.

В 1990-е годы, после того, как утвердился статус социологии как самостоятельной науки и учебной дисциплины, началась новая дискуссия о социологическом образовании. Реальным предметом социологическо-

го исследования на рубеже веков оказались общественное сознание, ценностные ориентации, общественное мнение, социальное настроение, обмен информацией. Все это по-новому ставило вопрос о содержании и формах социологического образования, о переходе на неклассическую модель его реализации.

На протяжении всего изучаемого периода дискуссионные вопросы о социологическом образовании находили свое отражение в материалах различных научных встреч и конференций, например, в 1980-е [4] и в 1990-е годы [40]. Они рассматривались на секциях прошедших социологических конгрессов. Так, на первом Всероссийском социологическом конгрессе «Общество и социология: новые реалии и новые идеи» (2000 г.) были обсуждены следующие проблемы социологического образования: пути инновации социологического образования; дисциплинарный статус социологии; современная ситуация в российских вузах; проблемы и перспективы социологического образования; методы активизации работы студентов на занятиях по социологии; опыт чтения отдельных социологических курсов; возможности применения банка социологических исследований в социологическом образовании [41].

На втором Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы» (2003 г.) были подняты такие проблемы социологического образования, как: взаимосвязь социологического образования и науки; способы модернизации высшего социологического образования; современные задачи социологического образования; личные качества специалиста-социолога; формирование социологической культуры; информатизация социологического образования; инновационные тенденции в социологическом образовании [49, с. 490–524].

На Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России» (2006 г.) были рассмотрены проблемы специфики социологического образования; его структуры, доступности, ценности, качества, инноваций в это образование. Обобщен опыт социологического образования различных российских вузов [43].

Как видно из сказанного, социологическим образованием за указанный период пройден большой путь — от отдельных спецкурсов до специально разработанных стандартов и программ подготовки специалистов-социологов. Много вопросов еще предстоит решить научному сообществу. Ясно одно, социологическому образованию предстоит быть в российском обществе высшей формой гуманитарного образования человека.

Список литературы

1. *Добреньков В.И., Зборовский Г.Е., Нечаев В.Я.* Социологическое образование в России. М., 2003.
2. *Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. 2-е изд. СПб, 1907 // Цит. по: Социология в России XIX — начала XX веков (выпуск 1) / Под ред. *Добренькова В.И.* М., 1997 г.
3. *Дряхлов Н.И., Князев Б.В., Нечаев В.Я.* Социологическое образование в СССР на современном этапе: опыт и проблемы становления // Современная высшая школа. 1988. № 3; Контуры социологического образования в вузе: Методическая разработка. Новосибирск. 1989.
4. Проблемы становления социологии образования и воспитания в условиях перестройки высшей школы: Материалы конференции // Вестник Московского университета. Сер. 12. Теория научного коммунизма. 1988. № 5; Социология образования: Всесоюзная научно-методическая конференция // Тезисы докладов. Л., 1990.
5. *Добреньков В.И.* Качество социологического образования в современной России: вызовы времени и пути дальнейшего развития // Социологическое образование в России. 2007. № 1.
6. *Рогожин В.П.* Введение в марксистскую социологию. М., 1962.
7. *Константинов Ф., Келле Ж.* Исторический материализм — марксистская социология // Коммунист. 1965. № 1; *Чесноков Д.И.* Исторический материализм и социальные исследования. М., 1967; *Ковалев А.М.* Еще раз о социологии марксизма и научном коммунизме // Философские науки. 1967. № 1.
8. *Кривонос Ю.Т., Здравомыслов А.Г., Петров М.П.* Труды В.И. Ленина — классический образец марксистского конкретного социологического исследования // Философские науки. 1963. № 2; *Лапин Н.И.* Роль конкретных социальных исследований в формировании марксизма // Маркс и социология. М., 1968.
9. *Румянцев А.М., Осипов Г.В.* Марксистская социология и конкретные социальные исследования // Вопросы философии. 1968. № 6; *Ядов В.А.* К вопросу о марксистской социологии как науке // Философские науки. 1968. № 2.
10. *Константинов Ф.В.* Социология и идеология // Социология и идеология. М., 1969.
11. *Осипов Г.В.* Возрождение социологии в России. Как это было на самом деле // Социол. исслед. 2008. № 6. С. 16.
12. *Водзинская В.В.* Опрос как метод конкретного социологического исследования // Проблемы научного коммунизма. Выпуск 2. М., 1968;

Римашевская Н.М. Метод моментных наблюдений в конкретных социологических исследованиях // Там же; *Свенцицкий А.Л.* Метод интервью в конкретных социологических исследованиях // Там же.

13. *Здравомыслов А.Г.* Методология и процедура социологических исследований. М., 1969; *Методика и техника статистической обработки первичной социологической информации.* М., 1968; *Рывкина Р.В., Винокур А.В.* Социальный эксперимент. Новосибирск. 1968.

14. *Федосеев П.Н.* Развитие социологических исследований в СССР // Проблемы научного коммунизма. Вып. 2. М., 1968; *Социология в СССР: в 2-х томах.* М., 1966.

15. *Глезерман Г.Е.* Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1973; *Глезерман Г., Келле Ж., Пилипенко Н.* Исторический материализм — теория и метод научного познания и революционного действия // Коммунист. 1971. № 4; *Караваев Г.* Исторический материализм — метод познания общественных явлений. М., 1973; *Лармин О.В.* Исторический материализм и социология // Исторический материализм как наука. М., 1974; *Чесноков Д.И.* Исторический материализм как социология марксизма-ленинизма. М., 1973; *Ильичев Л.Ф.* О методологической функции исторического материализма // Вопросы философии. 1977. № 6.

16. *Ельмеев В.Я.* Научный коммунизм и специальные социологические теории // Вестник Московского университета. Сер. Теория научного коммунизма. 1974. № 1; *Ковалев А.М.* Исторический материализм и научный коммунизм // Исторический материализм как наука. М., 1974; *Угринович Д.М.* О структуре марксистской социологической теории // О структуре марксистской социологической теории. М., 1970.

17. Методологические проблемы социологических исследований. М., 1979; *Михайлов С.* Эмпирическое социологическое исследование. М., 1975; *Слепенков И.М.* Методологические принципы и методика конкретно-социологического исследования. М., 1974; *Ядов В.А.* Социологические исследования. М., 1972.

18. Лекции по методике конкретных социальных исследований. М., 1972; *Осипов Г.В., Андреев Э.Н.* Методы измерения в социологии. М., 1977; *Рабочая книга социолога.* М., 1976; *Вопросы методики и техники социологических исследований.* М., 1975; *Ядов В.А.* Социологическое исследование. Методология. Программы. Методы. М., 1973.

19. *Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973; *Ляпунов А.А.* В чем состоит системный подход к изучению реальных объектов сложной природы // Системные исследования. М., 1972; *Анализ социологической информации с применением ЭВМ.* Отв. ред. *В.И. Молчанов.* М., 1976.

20. Процесс социального исследования. М., 1975; *Рачков П.А.* Место специальных социологических теорий в общественном знании // О структуре марксистской социологической теории (Материалы дискуссии). М., 1970; *Саганенко Г.И.* Социологическая информация. Л., 1979; Человек как объект социологического исследования. Ред. *Л.И. Спиридонов*. Л., 1977; *Воробьев Н.А.* Методологические проблемы анализа объекта социологического исследования. Барнаул, 1974; *Докторов Б.З.* О надежности измерения в социологическом исследовании. Л., 1979.

21. *Осипов Г.В.* Теория и практика социологических исследований в СССР. М., 1979; Социология и современность. Т. 1–2. М., 1977.

22. См.: Социол. исслед. 1981. № 1, № 2.

23. Социологические исследования: результаты, проблемы и задачи // Коммунист. 1980. № 13; *Федосеев П.Н.* Повышать теоретический уровень и практическую эффективность общественных наук // Социол. исслед. 1981. № 3.

24. Математические методы в социологических исследованиях. М., 1981; *Цыба В.Т.* Математико-статистические основы социологических исследований. М., 1981; *Козлов Д.Ф.* Структура и функции социологической теории М., 1984.

25. Основы марксистско-ленинской социологии / Под ред. *Г.В. Осипова*. М., 1980; *Слепенков И.М.* Научный коммунизм и конкретные социологические исследования. (Методологические и методические вопросы). М., 1984.

26. Социология: общий курс. М., 1994; Социология: Учеб. для вузов / Отв. ред. *Г.В. Осипов*. М., 1995; Социология: Учеб. для вузов. М., 1997, 1998; Социология: Учеб. для вузов / Под ред. *В.Н. Лавриненко*. М., 1998.

27. *Тощенко Ж.Т.* Социология: общий курс. Учеб. для вузов. М., 1994, 1998; *Фролов С.С.* Социология: Учеб. для вузов. М., 1994, 1997, 1998; *Харчева В.Г.* Основы социологии. М., 1999; *Волков Ю.Г., Мостовая И.В.* Социология: Учеб. для студентов вузов. М., 1998, 1999; *Кабыща А.В., Тульчинский М.Р.* Социология: Учебник для вузов. М., 1995; *Комаров В.С.* Введение в социологию: Учебник для вузов. М., 1994; *Кравченко А.И.* Социология: Учеб. для вузов. М., 1999.

28. *Авцинова Г.И., Борискин А.Н.* Социология. Воронеж, 1994; *Беляев В.А., Филатов А.Н.* Социология. Учебный курс. Казань, 1998; *Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И.* Социология: история и современность. Ростов н/Д. 1999; *Дыльнов Г.В.* Общая социология. Систематический курс. Саратов, 1996; *Зборовский Г.Е.* Общая социология. Екатеринбург, 1997, 1999. и др.

29. *Андреев С.С.* Общая социология: Курс лекций: в 2-х частях. М., 1997; *Бельский В.Ю., Беляев А.А., Лоцаков Д.Г.* Основы социологии: Лекции. М., 1999; *Гофман А.Б.* Семь лекций по истории социологии. М., 1997; *Ерофеева С.И., Козлова О.Н.* Социология: Курс лекций для высших пед. уч. завед. М., 1996; *Козлов А.С.* Социология: Тексты лекций. М., 1999; *Кравченко С.А.* Социология: парадигмы и теории. Курс лекций для вузов. М., 1997; Основы социологии: Курс лекций / Отв. ред. *А.Г. Эфендиев, Радугин А.А., Радугин К.А.* Социология: Курс лекций. М., 1994, 1995, 1997; Социология: Курс лекций / Под ред. *Мирунова А.В.* М., 1996. и др.
30. Азбука социологии. Учеб.пос. / Под ред. *Г.В. Дыльнова.* Саратов, 1998; Альбом схем по социологии и политологии / Отв. ред. *А.А. Беляев.* М., 1999; *Артеменков А.А., Рябов В.В.* Социология. Учебное пособие в 2-х частях. Мурманск, 1994; *Волков Ю.Г., Мостовая И.В.* Социология в вопросах и ответах: Учеб.пос. М., 1999; *Громов И.А., Воронцов А.В., Мацкевич А.Ю.* Социология XIX — начала XX века. Учеб. пос. СПб., 1997 и др.
31. *Барыгин И.Н., Василик М.А., Казаринова Н.В.* Практикум по социологии. СПб., 1997; Практикум по социологии: Учеб.пос. / Ред. *И.М. Слепенков* и др. М., 1992; *Руденко Р.И.* Практикум по социологии. Учеб. пособие для вузов. М., 1999 и др.
32. *Кравченко А.И.* Социология: Хрестоматия для студентов вузов. М., 1997, 1998; Социология: Хрестоматия. М., 1993; Социология: Хрестоматия / Сост. *Р.А. Разин.* Ижевск, 1995 и др.
33. *Кравченко А.И.* Социология: Словарь. М., 1997; Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. акад. РАН *Осипова Г.В.* М., 1999; Современная западная социология. Словарь / Сост. *Ю.Н. Давыдов.* М., 1993; Энциклопедический социологический словарь / Общ. ред. акад. РАН *Осипова Г.В.* М., 1993 и др.
34. *Батыгин Г.С.* Лекции по методологии социологических исследований. М., 1995; *Белановский С.А.* Метод фокус-групп. М., 1996; *Конецкая В.П.* Социология коммуникаций. М., 1997; *Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П.* Современная социология права. М., 1995.; Основы политической социологии / Под ред. член-корр. РАН *Тощенко Ж.Т.* М., 1998; *Пригожин А.И.* Современная социология организаций. М., 1995; *Верховин В.И.* Экономическая социология. М., 1998; *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М., 1996, 1998 и др.
35. *Баразгова Е.С.* Американская социология: традиция и современность. Курс лекций. Екатеринбург, 1997; *Култыгин В.П.* История русской социологии. Лекции по истории социологии. М., 1994; Ку-

кушкина Е.И. Русская социология XIX — начала XX века. М., 1993; Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX — начала XX века. М., 1995; Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996; История социологии в России. Барнаул, 1991 и др.

36. Добренъков В.И., Кравченко А.И. Социология: Учеб. 2001, 2002; Кравченко А.И. Социология. Учеб. 2001, 2002, 2003; Социология. Учеб. / Отв. ред. П.Д. Павленок. М., 2001, 2002; Филатова О.Г. Социология. Учеб. СПб., 2002; Шаленко В.Н. Социология. Учеб для вузов. М., 2003. и др.

37. Култыгин В.П. Современные зарубежные социологические концепции. Учеб. М., 2000; Фирсов Б.М. История советской социологии. 1950-1980 гг. Курс лекций. СПб., 2001; Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века) / Под ред. Е.И. Кукушкиной. М., 2004. и др.

38. Смирнов В.А. Проведение конкретных социологических исследований в Горьковской городской партийной организации // Проблемы научного коммунизма. Вып. 2. М., 1968; Сызранцев В.Т. О конкретных социологических исследованиях в партийно-идеологической работе (на материалах исследований, проведенных в Узбекской ССР) // Там же; Тайбинский С.Т. Конкретные социологические исследования в Татарской партийной организации // Там же и др.

39. Тощенко Ж.Т. Региональные социологические центры 1960–1970-х годов / Социол. исслед. 2008. № 6.

40. Актуальные вопросы теории и практики в социологии: Материалы Всес. науч.-практ. конф. Май 1991. М., 1991; Ломоносовские чтения: социальные проблемы современного общества. Материалы ежегод. науч. конф. МГУ им. М.В. Ломоносова. Апрель 1999. М., 1999; Мировые модели взаимодействия науки и высшего образования. Материалы межд. науч.конф. Июль 1996. Санкт-Петербург, 1997; Российская социологическая традиция 1960-х годов и современность. Материалы симпозиума. Март 1994. М., 1994.

41. Социология и общество. Тезисы докладов первого Всероссийского социологического конгресса. СПб, 2000.

42. Тезисы докладов и выступлений на втором Всероссийском социологическом конгрессе. М., 2003.

43. Тезисы докладов и выступлений Всероссийского социологического конгресса «Глобализация и социальные изменения в современной России». М., 2006.

Н.В. Романовский

Первый президент Советской социологической ассоциации академик Г.П. Францев

Георгий Павлович Францев (некоторые его работы подписаны Юрий Францов) советский философ, социолог и общественный деятель, академик АН СССР, первый президент Советской социологической ассоциации родился 1 октября 1903 г. в Москве. В 1919 г. он окончил среднюю школу в Самаре, поступил в Самарский государственный университет, затем недолго учился в Московском университете. В 1924 г. окончил отделение языкознания и литературоведения факультета общественных наук Ленинградского университета. Студент Францев еще застал время, когда в университетах преподавали социологию выдающиеся отечественные социологи старой российской школы. Работать Георгий Павлович начал научным сотрудником, затем стал аспирантом в Научно-исследовательском институте сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока в Ленинграде. В 1927 г. появляется его первая печатная работа «Легенды о Бокхарисе у Геродота». Через мифы Египта пролегал путь изучения Францевым становления религий, что, в частности, было связано самым непосредственным образом с одним из классических разделов социологии, — становления религиозного сознания. Владея английским и французским языками, молодой ученый знакомился с зарубежной литературой по этой проблематике, в значительной своей части построенной на результатах социологических изысканий (включая Э. Дюркгейма и М. Вебера) того времени. Имея специальность, связанную с религией, он в русле требований времени и властей участвует в антирелигиозной работе, движении атеизма. В 1928 г. Георгий Павлович защищает кандидатскую диссертацию на тему «Древнеегипетские сказки о верховных жрецах».

Связанное с политической борьбой в партии и обществе «Дело академиков», затронувшее в конце 1920-х годов значительную часть «старой» научной интеллигенции, обошло Францева стороной. Но репрессии против коллег, вероятно, стали первой, и далеко не последней зарубкой — на сердце ученого, на долю которого выпало жить и работать в драматическое время. В 1929–1931 гг. он ассистент кафедры Древнего Востока ЛГУ, а с 1931 по 1945 г. старший научный сотрудник, зам. директора, директор музея истории религии АН СССР в Ленинграде, преподаватель ряда ленинградских вузов. Репрессии, в Ленинграде получившие

широкий размах в 1935, и еще больше в 1937–1938 гг., в том числе, среди ученых-выпускников коммунистических вузов партии, не коснулись Г.П. Францева. Его далекие от политики и современности научные занятия, вероятно, сыграли в этом определенную роль. В 1938 г. Георгий Павлович защищает диссертацию (утверждена в 1942 г.) «Фетишизм и проблема происхождения религий».

Когда проведенный в 1939 г. XVIII съезд ВКП (б) несколько смягчает политику по отношению к интеллигенции, в частности, в плане более широкого доступа в ряды правящей партии, 37-летний доктор наук в 1940 г. вступает в ВКП (б). В блокадные годы Георгий Павлович работает в Ленинграде (ученых его уровня в армию не брали, а их попытки добровольчества было приказано игнорировать), выступал с докладами и лекциями, преодолевая и холод, и голод, и слабость; писал статьи и брошюры, вселявшие веру в грядущую победу. Поскольку и лекции, и вся пропаганда были прямой сферой заботы партийных органов, Г.П. Францев попадает в поле зрения руководителей партийной организации Ленинграда — А.А. Жданова и А.А. Кузнецова. С 1944 г. он заведует сектором культуры Ленинградского городского комитета ВКП (б), одновременно руководит ленинградским отделением Института истории АН СССР.

После войны судьба привела Францева в ту самую «номенклатуру», решения по которой принимались высшим руководством партии и государства — Сталиным и его ближайшим окружением. После победы зарекомендовавшего себя по блокадному Ленинграду ученого член Политбюро А.А. Жданов и секретарь ЦК ВКП (б) А.А. Кузнецов рекомендуют на пост директора вновь созданного по указанию Сталина в 1945 г. элитного Института международных отношений в Москве (МГИМО). Сохранились воспоминания, в частности, о поражавших студентов института энциклопедических знаниях директора. Видного ученого, к тому же директора ведомственного вуза Министерству иностранных дел СССР (до марта 1948 г. им руководил В.М. Молотов) было не стыдно привлекать к участию в качестве эксперта на переговорах с западными державами. С 1946 (до 1958 гг.) Францева привлекают к работе профессором по кафедре философии Академии общественных наук при ЦК ВКП (б), созданной по указанию Сталина.

На послевоенный 1946 год приходится первое выступление Г.П. Францева по проблемам зарубежной социологии. Журнал ЦК ВКП (б) «Большевик» в последнем за тот год номере публикует его статью «Буржуазная социология на службе реакции». В рамках установок времени статья призвана подкрепить фактами вынесенный в заголовок основной тезис — «на службе реакции». На словесном уровне эта задача была ре-

шена автором. Вместе с тем, статья показывает знакомство Францева с достаточно свежими работами социологов и историков США, Англии, Франции, Германии, Швейцарии, среди которых один из томов «Исследования истории» Арнольда Тойнби. Вполне определенно изложены и социальные и социологические позиции упоминаемых авторов, в том числе их стремление путем реформ устранить дефекты капиталистического общества («проблема лечения болезней капитализма»). В духе времени, Францов противопоставляет оппонентам уверенность в марксизм-ленинизме как духовном оружии прогресса. Правда, среди критикуемых им социологов крупных имен не было.

Вскоре, однако, даже такого рода резко критическое освещение положения в зарубежной социологии стало невозможным в складывавшихся в стране условиях. Во-первых, связи с делом академика Е.С. Варги (1947–1948 гг.), подвергшегося резкой критике с оргвыводами за допущение мысли о способности буржуазной системы к реформированию (что в действительности и происходило в послевоенные годы в широком масштабе), предметный анализ зарубежных оппонентов стал невозможен. Во-вторых, «дело Ключевой и Роскиной» и последовавшая за ним шумная кампания борьбы против низкопоклонства перед западной наукой практически перекрыли доступ цитируемым или излагаемым работам буржуазных авторов из капиталистических стран.

Близость к верхам власти довольно скоро оказалась нелегкой ношей. Смерть Жданова в 1949 г., «ленинградское дело», по которому были репрессированы десятки выдвинутых Ждановым и Кузнецовым ленинградских работников, антисемитская кампания борьбы с космополитами (у Францева были родственники-евреи по линии жены) коснулись его лишь косвенно: на ученых такого класса буквально ощущался голод, и Сталин лично решал судьбу каждого из них. С 1949 г. Георгий Павлович на дипломатической работе в МИД СССР — заведует отделом печати в ранге советника первого класса МИД СССР. В 1953 г. его возвращают в партийный идеологический аппарат — он заместитель главного редактора газеты «Правда», а также член редколлегии журнала «Вопросы философии» и редколлегии многотомного научного издания «Всемирной истории». Г.П. Францев пишет статью о христианстве для 46-го тома Большой Советской энциклопедии. В научной и партийной печати в 1953–1956 гг. выступает со статьями на тему о деградации современной буржуазной социологии. Это было своего рода выполнение указаний Сталина, которые он дал на заседании Бюро Президиума ЦК КПСС 27 октября 1952 г. сразу после 19 съезда: «Американцы опровергают марксизм, клеветуют на нас, стараются развенчать нас. Мы должны разоблачать их. Надо знакомить людей с идеологией врагов, критиковать эту

идеологию, и это будет вооружать наши кадры» («Вопросы истории», 1998, № 7, с. 34 — запись Д. Шипилова и П. Юдина).

Г.П. Францев был среди немногих ученых, тем более, близких партии обществоведам, научная подготовка которых позволяла вести полемику с зарубежными оппонентами. «Вопросы философии» (журнал выходил тогда раз в два месяца) в трех номерах за 1953 (№ 6, с. 157–170), 1954 (№ 1, с. 143–159) и 1955 г. (№ 1, с. 143–159) публикует работу, очевидно, задуманную как развернутый критический анализ основ идейных позиций современной буржуазной социологии. В этой работе заметно расширен круг критикуемых авторов, акцентирована критика некоторых трудов действительно ведущих социологов и философов: Францев стал более уверенно ориентироваться в проблематике, в течениях и теориях современных зарубежных социологов. В феврале 1956 г. пропагандистский журнал Московского горкома партии публикует его статью аналогичного содержания в философском журнале содержания.

В 1956 году история страны еще раз вносит поворот в жизнь и научную работу Г.П. Францева. После XX съезда стали возможными первые шаги к восстановлению социологической науки в СССР. Так, в 1956 г. советская делегация присутствует на III конгрессе Международной социологической ассоциации в Амстердаме. Еще одним шагом в этом направлении стало создание в 1958 г. Советской социологической ассоциации при Отделении экономических, философских и правовых наук АН СССР, которую поручают возглавить Георгию Павловичу (он руководил ею до 1962 г.). В то же время, попытки, например, газеты «Комсомольская Правда», обратиться на своих страницах к данным социологических исследований в среде советской молодежи, вызвали резкую критику ортодоксов. И таких коллизий в эти год-два было немало. Характерно, что одновременно созданная Ассоциация политических наук практически до начала 1990-х годов занималась исключительно участием в международных контактах, не оказывая влияния на процессы в советской общественной науке. К политике ученых тогда не подпускали. Иное положение в социологической ассоциации нельзя сводить к усилиям или влиятельности Францева. Но нельзя и проходить мимо его активного руководства той деятельностью социологов, которая допускалась в жестких рамках научного коммунизма и истмата, постоянных вылазок приверженцев сталинистских подходов, сохранявших позиции в партийном руководстве, в отделах ЦК КПСС.

Н.С. Хрущев, в 1957 г. отстранивший от власти В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича, Д.Т. Шипилова, а затем и маршала Г.К. Жукова, нуждался в теоретическом обосновании своего собствен-

ного курса и мощном *пиаре*. Была продолжена линия на десталинизацию, в том числе в общественных науках. В этой непростой ситуации судьба связала Францева с О.В. Куусиным, в 1921–1939 гг. — членом Президиума и секретарем Исполкома Коминтерна, в структуре которого работал мозговой штаб — научно-исследовательский институт, отслеживавший, в частности, подвижки в зарубежном обществоведении. Отто Вильгельмович по работе в Коминтерне лично знал людей, которые внесли прямо или косвенно заметный вклад в так называемые неомарксистские школы европейской социологии — А. Грамши, К. Корш, Д. Лукач. Куусинен был членом Президиума ЦК КПСС с октября 1952 г. по март 1953-го, а затем с июня 1957-го членом Президиума и секретарем ЦК КПСС. Он курировал работу с компартиями, в частности, социалистических стран, где сохранились школы социологии. Его не надо было убеждать в очевидной ненормальности гонений на эту науку. Куусинен, академик АН СССР с 1958 г., выступал за обновление советской общественной науки, преодоление сталинского марксизма-ленинизма. В частности, вместо «Краткого курса истории ВКП (б)» в вузовские программы включают новую дисциплину — научный коммунизм. Куусинен руководит авторским коллективом по подготовке «Основ марксизма-ленинизма» (Учебное пособие. М.: ГИПЛ. 1959). На 4-й странице первого издания отмечена «ценная помощь» при подготовке 25-й главы учебного пособия (о мировой системе социализма) член-корреспондента АН СССР (его избрали в 1958 г.) Ю.П. Францева.

Одновременно Куусинен участвует в редактировании нового текста программы КПСС, форсированная подготовка которого началась после проведения внеочередного 21 съезда КПСС в начале 1959 г. К работе над проектом новой программы привлекают Г.П. Францева. Он соавтор раздела программы, посвященного борьбе против буржуазной и реформистской идеологии (РГАСПИ, ф. 586, оп.1, ед. хр. 145). Позднее Георгий Павлович связал «поворот» в отношении советского идеологического истеблишмента к конкретным социологическим исследованиям с XXI съездом КПСС.

В сентябре 1959 г. на IV Международном социологическом конгрессе в Италии в сентябре Георгий Павлович выступает с докладом, о котором зарубежная печать писала, что он касался проблем «макросоциологии» и был выдержан в духе советского марксизма. Работу конгресса он осветил в журнале «Коммунист» 1959 г. № 17 и в брошюре (в соавторстве с П.Н. Федосеевым), выпущенной обществом «Знание». Информация о конгрессе выдержана в стиле претензий на истинность советской общественной науки. Подробно были изложены некоторые ключевые выступления на конгрессе, в частности, доклад Гуннара Мюрдаля о со-

циальном планировании, развитии, техническом прогрессе и модернизации. Заметна в публикации возросшая степень информированности о положении в западной социологии, отмечен как классик социологии М. Вебер и его «идеальный тип», а также выступления таких крупных зарубежных социологов как Р. Арон, П. Лазарфельд, Р. Мертон, Р. Кёниг.

В 1959 году Францева назначили на пост ректора Академии общественных наук при ЦК КПСС. Одновременно он заведует вновь созданной в АОН кафедрой научного коммунизма. Георгий Павлович продолжает работать по своей первой специальности — религиоведению. В 1959 г. издает фундаментальный труд «У истоков религии и свободомыслия». Однако внимание Францева уходит от этой проблематики. В новых изданиях учебника «Основы научного коммунизма» он уже полноправный автор. Возможности Францева по активизации работы в области социологии заметно расширились. На руководимой им кафедре создается группа по изучению методов конкретных социологических исследований. В 1963–1964 гг. Францев ведет социологический семинар в АОН при ЦК КПСС. При нем аспиранты академии начинают проводить конкретные социологические обследования (ссылка на них есть в журнале «Вопросы философии», 1961, № 5, с. 44), результаты которых откладывались в диссертациях, коллективных монографиях. В 1960 г. он публикует статью «Кризис современной буржуазной социологии» (в сборнике статей, изданный обществом «Знание»). Критику концепций буржуазной социологии он сочетает с обоснованием крупных проблем марксистско-ленинской социологии, сейчас бы мы сказали — на макро-уровне, в статье «Исторический материализм и современная буржуазная социология» («Вестник Академии наук СССР», 1961, № 8). Для вузовского учебника по основам марксистской философии (1962 г.) он пишет главу «Основные направления современной буржуазной философии и социологии».

Благожелательное отношение к Францеву властей страны видна в том, что в 1961 и 1966 г. его избирают кандидатом в члены ЦК КПСС. Высок и его авторитет в общественных науках: в 1964 г. Георгия Павловича Францева избирают академиком АН СССР. Его вводят в состав редакционных коллегий ряда научных журналов, в ученые советы академических Институтов. Как президент Советской социологической ассоциации он стремится, по его словам, реализовать цели, которые были поставлены перед Ассоциацией при ее создании: содействие росту влияния и престижа СССР в мире, усиление активности в идеологической борьбе на международной арене («Советская этнография», 1961, № 4, с. 180).

К этому времени единомышленники Францева вполне четко представляли, что социологи не могут не заниматься предметными исследова-

дованиями. Другое дело, что им не позволялось выйти в этих исследованиях за пределы узких рамок, продиктованных выданным властям векселем — оказать с помощью конкретных социологических исследований положительное влияние на ход коммунистического строительства, в частности, в производительности труда рабочих и коммунистическом воспитании молодого поколения. Становившиеся в ряды социологов придерживались неписаного соглашения с идеологическим истеблишментом. Их декларированная позиция не должна была будить сомнений в истинности марксистских взглядов на исторический процесс. При этом условия был дан зеленый свет отдельным эмпирическим исследованиям. В феврале 1961 г. на общем собрании Советской социологической ассоциации звучат ссылки на проведенное к этому времени на Урале исследование роста образовательного и профессионального уровней рабочих и специалистов промышленности.

На этом собрании Советской социологической ассоциации Францев сделал доклад об актуальных проблемах советских социологических исследований. Он подчеркивал значение конкретных (именно конкретных) социологических исследований, как для пропаганды идей научного коммунизма, так и для усиления влияния советской науки об обществе на международной арене. Работа собрания показала заметный рост активности формировавшегося социологического сообщества. Среди ученых, проводивших тогда «конкретные» социологические исследования, — ставшие позднее крупными социологами Б. Грушин, А. Зворыкин, Л. Коган, Г. Осипов, В. Семенов и др. На базе их работ публикуется ряд сборников, посвященных проблемам конкретных социологических исследований. Статьи Францева о методологических вопросах конкретных социологических исследований этого времени, о связи методологии и методики в проводимых исследованиях, как правило, открывали эти сборники. Францев фактически не выходил за рамки того, что выше названо проблемами «макро-социологии». Такую позицию можно сейчас рассматривать, с одной стороны, как попытку «дисциплинировать» исследователей-эмпириков, стремившихся сказать правду о полученных ими результатах. Они, естественно, часто не укладывались в стандарты представлений ортодоксов от научного коммунизма и истмата. С другой — имя академика и ректора АОН при ЦК КПСС обеспечивало зеленую улицу выходу в свет первых и достаточно уязвимых в обстоятельствах того времени работ первопроходцев советской социологии. В непростой научной и политической игре 1963–1964 годов Г.П. Францев вместе с П.Н. Федосеевым предпринял ряд выступлений по методологическим вопросам истории (позднее, в 1964 г. материалы на эту тему

опубликованы издательством АН СССР «Наука» в сборнике «История и социология»). Он участвует в обсуждении проблем взаимодействия социологии с исторической наукой на расширенном заседании Секции общественных наук Президиума АН СССР в 1964 г. По существу это была осторожная попытка добиваться пересмотра базовых установок в сфере отечественной истории, истории КПСС, незыблемых со времен Сталина. В это время развернулась подготовка многотомной истории партии (первый том истории КПСС в макете уже обсуждался), за которой должна была следовать аналогичная по политическим установкам многотомная «История СССР». На волне хрущевских послаблений в среде ученых оживились надежды на перемены в общественных науках. Пробным камнем и стала область исторической науки, которую жестко контролировали самые консервативные представители партийного аппарата, специализировавшиеся в области истории партии. В этой ситуации достаточно влиятельные сталинисты в партийном и государственном руководстве активизировали ортодоксальную часть обществоведов в АН СССР. Против осторожно обозначенных в докладе Францева и Федосеева возможных перемен в методологии исторического анализа прозвучали резкие, напоминавшие временами конец 30-х годов инвективы. В итоге организаторы совещания в принятой резолюции ограничилась обтекаемыми призывами к активизации взаимодействия истории и социологии.

Смерть О.В. Куусинена в мае 1964 г., отстранение от власти 14 октября 1964 г. Н.С. Хрущева еще раз меняют орбиту судьбы Г.П. Францева. Шестнадцатого октября 1964 г. он вовлечен в попытку сорвать защиту диссертации Ф.М. Бурлацкого о государстве в АОН при ЦК КПСС (Ф.М. Бурлацкий. «Вожди и советники». М., 1990. С. 316, 317). Защита состоялась, но ортодоксы (семь членов совета голосовали против присуждения Бурлацкому степени доктора наук) тезис об «общенародном государстве», отказ от традиционной концепции государства диктатуры пролетариата (эти положения вошли в принятую в 1961 г. программу КПСС) рассматривали как ревизионизм.

22 июня 1964 г. в издательстве «Мысль» была сдана в набор крупная монография Г.П. Францева «Исторические пути социальной мысли» (558 страниц). В ней Георгий Павлович расширил круг проблем критического анализа зарубежной («буржуазной») социологии: в соответствующих разделах отражены этапы развития социологической мысли за рубежом, становление ряда специальных социологических дисциплин и направлений исследований, взаимодействие консервативных и либерально-реформаторских течений. Показано влияние на зарубеж-

ную социологию марксистской мысли, отражены трудности, с которыми сталкивалась в то время буржуазная социология. Цитируются около 30 авторов — наиболее крупных социологов прошлого и современности. Конечно, основной мотив книги состоял в показе успехов марксистского обществоведения, доказательстве глубокого кризиса буржуазной общественной мысли. Когда книгу подписывают в печать (январь 1965 г.), страной и партией руководит уже Л.И. Брежнев, а Георгий Павлович Францев находится в Праге на посту шеф-редактора журнала «Проблемы мира и социализма», — идеологического и политического органа коммунистических партий, ориентированных на линию Москвы в коммунистическом движении и поддерживавшихся ею. Там он пережил перипетии Пражской весны, кризис в отношениях Чехословакии и СССР, ввод войск Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 г.

Как ученый, Францев, судя по библиографии его трудов, не возвращался более к проблемам социологии. Правда, в 1965 году выходили научные академические труды, в планировании и подготовке которых ранее участвовал Георгий Павлович: «Опыт и методика конкретных социологических исследований» (М. 1965), «Социология в СССР» (М., 1965 г., один из раздел первого тома этой книги написан Францевым). Его многолетнее участие в работе многих газет и журналов Союза журналистов СССР отмечает своей высшей наградой — премией им. В.В. Воровского. После Праги — еще один жизненный поворот. С 1968 г. Францев — заместитель директора ИМЛ при ЦК КПСС. Зигзаги биографии, уготованные ему, не могли не сказаться на здоровье ученого. К тому же, вспоминают работавшие с ним коллеги, Георгий Павлович очень много курил.

Восемнадцатого апреля 1969 года Г. П. Францев умер. Похоронили его на Новодевичьем кладбище. Академия наук СССР почтила память своего члена. После смерти Г.П. Францова издается трехтомник его избранных произведений. Каждый из томов посвящен крупным проблемам науки об обществе, которым посвятил свою жизнь в науке Георгий Павлович — философия и социология, история религии и научный атеизм, борьба за мир. В биобиблиографической серии об ученых СССР Академия наук выпустила небольшую книгу «Георгий Павлович Францев (1903–1969)» со вступительной статьей ветерана газеты «Правда» Ю.А. Жукова. В ней библиография трудов, составленная женой Георгия Павловича — В.М. Францевой (М., Наука, 1974), даты жизни и деятельности, краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности, литература о жизни и трудах Г.П. Францева, указатели.

Н.В. Романовский

Академик А.М. Румянцев — первый директор института социологии

Знаток индийской литературы, лауреат премии им. Джавахарлала Неру О.Г. Ульциферов как-то обронил: *первая любовь самая лучшая не потому, что она самая лучшая, а потому, что самая первая*. О жизни А.М. Румянцева, первого директора первого института социологии в нашей стране, справедливо сказано: «Биография Алексея Матвеевича богатая, сложная, требующая специального исследования» [1, с. 845]. Опубликованные источники, учебники, энциклопедии, справочники [2] пока не дают полного представления о «мощном взлете и быстром падении» [3, с. 158] этого человека.

Взлет. Будущий академик, вице-президент Академии наук СССР родился 16.02.1905 в деревне Минцово Галичского уезда, ныне Костромская область. 1917-й год открыл ему дорогу «на взлет». В 1926 г., окончив Харьковский институт народного хозяйства (коммерческий институт при прежнем режиме), он в 1927–1928 гг. служил в РККА, затем в Народных комиссариатах Украины — земледелия, юстиции (1928–1930). Между 1930 и 1933 годами он аспирант НИИ экономики и организации промышленности, одновременно Румянцев доцент, декан Инженерно-экономического института, затем профессор Харьковского университета (1933–1936), зав. кафедрой политэкономии машиностроительного института (1936–1941) в Харькове.

А.М. Румянцев в 1940 г. вступил в ВКП (б) (с 1952 г. — КПСС). В 1943–1949 гг. он на партийной работе. В 1940 г. в Институте экономики АН СССР защищена кандидатская диссертация «Возникновение частной собственности на движимое имущество». Научным руководителем был член-корреспондент АН СССР К.В. Островитянов, оппонентом профессор Д.Т. Шипилов [1, с. 844.]. Летом 1947 г. диссертация Румянцева публикуется [4], обнаруживая близость к «Происхождению семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса. В ней много материалов из социальной антропологии, близкой к социологии. Румянцев пытается проникнуть в исходные формы хозяйствования и — политической экономии. Среди источников — труды на русском и иностранных языках экономистов, социологов, историков первобытного общества, этнографов, этнологов и антропологов. Это А.А. Богданов, Ф. Боас, Геродот,

М.М. Ковалевский, Г. Кунов, Л.Г. Морган, Л. Леви-Брюль, Н.И. Зибер, Р. Люксембург, Н.Я. Марр, Н.Н. Миклухо-Маклай, А.Б. Пиотровский, П. Лафарг, В.Г. Тан-Богораз, Ш. Летурно, К.М. Тахтарев и др. В духе времени доминируют Маркс, Энгельс и Ленин; книга начата и завершена цитатами из Сталина.

Заведуя кафедрой политэкономии Харьковского пединститута (1943–1949), возглавляя Институт экономики АН УССР (1950–1955) и Отделение общественных наук республиканской Академии, А.М. Румянцев публикуется по проблемам экономики Украины, благосостояния советского народа, социалистического хозяйствования и др. После войны стране научно-подготовленных работников катастрофически не хватало. В 1952 г. даже на относительно «образованной» Украине 30 ректоров вузов и 339 руководителей вузовских кафедр не имели ученых степеней и научных званий [5]. Ученый-коммунист не остался незамеченным Сталиным: его занятия экономической наукой привели к тому, что Румянцева привлекли к созданию задуманного еще до войны учебника политической экономии. С 1952 по 1976 г. его включали в Центральный комитет партии (а в Верховный Совет СССР с 1954 по 1962 г.). Румянцев руководил в 1952–1955 гг. Отделом науки (науки и культуры) с 1953 г.) ЦК КПСС.

После отдела ЦК он последовательно руководит теоретическим журналом КПСС «Коммунист» (1955–1958), таким же журналом близких КПСС компартий мира «Проблемы мира и социализма» (1958–1964), главной советской газетой «Правда» (1964–1965). В 1955 г. кандидата экономических наук Румянцева включают в советскую делегацию на Всемирный конгресс социологов [6, с. 21]. Он будет участником еще ряда таких конгрессов, в 1970 г. возглавит делегацию СССР на Всемирном социологическом конгрессе в болгарской Варне.

Проблемы политэкономии социализма — его научный интерес. В многократно издававшихся под его редакцией учебниках политической экономии для вузов — экономических и неэкономических — есть раздел [7, с. 575–577] «Неизбежность победы коммунизма во всемирном масштабе». Встречается фраза: «в 1951 г. была дана формула основного экономического закона социализма» (без упоминания автора — Сталина) [8, с. 65]. Приводимые социологические данные выглядят скорее как иллюстрации, они статичны, используются как статистика [9, с. 361, 362, 371–372 и др.]. Не обойдены, однако, товарное обращение, рынок при социализме, кредит, финансы и т.п. А.М. Румянцев после 1950-х годов пишет о проблемах экономики СССР [10], где с 1965 г. начались попытки реформирования, о советском сельском хозяйстве и

сфере обслуживания. Его научные интересы пока далеки от социологии. В трудах социальное представлено преимущественно как социально-экономическое; важнее для автора культурная составляющая социалистической экономики и общества.

Членом-корреспондентом Академия наук избрала его в 1960 г., академиком в 1966 г., — в частности, за вклад в программу КПСС (1961 г.), ставившую задачи построения в СССР коммунизма. В 1965–1967 Румянцев академик-секретарь Отделения экономики АН СССР, с 1967 по 1971 — вице-президент Академии наук страны, куратор общественных наук, президент Советской социологической ассоциации. Пока траектория его жизни — взлет. В 1968 г. Румянцева назначают директором создаваемого Института комплексных социальных исследований АН СССР.

Академик Е.М. Примаков называет Румянцева «внутрисистемным диссидентом», связывая этот факт с работой в журнале «Проблемы мира и социализма» [11, с. 29]. Журнал при нем провел ряд совещаний по широкому спектру тем. Среди них единый антиимпериалистический фронт, развитие новых независимых государств и мировой социализм, экономическая роль государства при социализме, аграрный вопрос и национально-освободительное движение, будущее человечества, коммунисты и молодежь, коммунисты и демократия, «общий рынок» и рабочий класс и др. Одной из больных для Румянцева тем стала критика идей лидера компартии Китая Мао Цзе-дуна. Обсуждения, встречи, полемика, подготовка публикаций (материалы издавались на ряде языков), без сомнения, существенно расширили кругозор ученого.

«По долгу службы» А.М. со второй половины 50-х годов — в центре событий, связанных с возрождавшейся социологией. Это подтверждает частота упоминаний его фамилии в Именном указателе документов трехтомного труда **«Социология и власть»**. В первом томе он третий по этому показателю — академик П.Н. Федосеев упомянут 30 раз, академик Ф.В. Константинов — 23, А.М. Румянцев — 20, С.П. Трапезников (зав. отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС) — 15. Остальные им заметно уступают. Во втором томе [12] он упомянут 38 раз, 22 — Ленин (Ульянов), 18 — П.Н. Демичев (секретарь ЦК КПСС по идеологии), 16 — С.П. Трапезников, 13 — Н.В. Пилипенко (работник ЦК), 11 — П.Н. Федосеев и т.д. В томе третьем (1973–1984 гг.) имени Румянцева нет.

Идеологическая комиссия ЦК КПСС 15–18 ноября 1965 г. обсудила вопросы развития общественных наук; академики Федосеев, Митин и Константинов высказались за создания института социальных исследований. Учредили Научный совет по проблемам конкретных социаль-

ных исследований под председательством Румянцева, его заместителем стал нынешний академик РАН Г.В. Осипов, руководивший в то время Отделом конкретных социологических исследований Института философии АН СССР (отдел создавался без участия Румянцева). В Совет вошли и будущие директора Института социологии АН СССР философ М.Н. Руткевич и экономист-статистик Т.В. Рябушкин. Когда ЦК КПСС (февраль 1967 г.) собирал предложения от обкомов и ЦК компартий по общественным наукам, лидер литовской компартии Снечкус А.Ю. аргументировано поддержал идею конкретных социологических исследований [12, с. 159, 160].

Двадцать шестого октября 1967 г. «записку» Президиума АН СССР в ЦК КПСС, где поставлен вопрос о создании «Центрального института конкретных социальных исследований», подписал Президент Академии наук М.В. Келдыш [12, с. 138]. 22 мая 1968 г. Политбюро постановляет создать Институт конкретных социальных исследований. А.М. Румянцев утвержден его директором с упоминанием должности вице-президента АН СССР. Основные направления утверждены секретариатом ЦК 10 декабря 1968 г. [12, с. 161]. Осенью 1969 создание ИКСИ началось. Румянцев в центре образования института и уточнения «конкретных исследований», которыми надлежало заниматься Институту. Примерно в это же время обсуждается возможность избрания членов-корреспондентов по социологии (и научному коммунизму) АН СССР [12, с. 161].

На посту вице-президента Академии наук страны Румянцеву были ближе проблемы наук об обществе, идея социальной науки. У него зрели крупные предложения по повышению роли общественных наук в жизни страны, в ее политике. Это отражено, в частности в книге [См.: 8, с. 9, 10], написанной на основе статей и выступлений периода 1964–1969 гг. Размах мыслей и планы действий, обозначенные в ней, впечатляют. В разделе «Социальная наука и научная идеология» он затрагивает тему, которая станет решающей в его судьбе как руководителя науки. «Перед социологом стоит неотвратимая альтернатива: либо он сам в ходе своего строго научного анализа доведет исследование до установления идеологически значимых истин, либо же идеологическая окраска его результатов будет привнесена извне как готовая», тогда наука «перестает быть наукой» [Там же, с. 320, 323]. Он считает нужным резко улучшить (это было реализовано созданием Института научной информации по общественным наукам АН СССР) [Там же, с. 385, 386] — информирование ученых по общественным наукам о новинках зарубежной и отечественной науки, предлагает развивать структуру гуманитарных институтов АН СССР. В Варне, на всемирном конгрессе социологов он выступает с

одним из основных докладов — о заслугах Маркса и Ленина в разработке принципов методологии социального планирования и прогнозирования [12, с. 41].

Каким он был директором Института конкретных социологических исследований (ИКСИ) — с конца 1968 по конец 1971 гг.¹? Время его директорства можно охарактеризовать словами из песни: **«Служил ты недолго, но честно»...**

Директора ИКСИ Румянцева иногда называют «главный либерал тех времен» [3, с. 158]. Либеральную атмосферу упоминает В.А. Ядов. Точно подмечено: он сделал то, без чего науки нет: «создал среду для ее развития» [1, с. 845]. И еще одну предпосылку успеха тоже создал он — привлек в ИКСИ людей, составивших будущее отечественной социологии. Плоды не замедлили материализоваться. Это детально исследовано М. Пугачевой; ее данные [3, с. 161–163] я излагаю кратко. Что было сделано социологами Института (примерно половину его составляли «политологи»; их работ я не касаюсь) за три года директорства А.М. Румянцева?

Научная жизнь в Институте конкретных социальных исследований была организована по «проектному принципу» — как у Г.В. Осипова в Отделе конкретных социологических исследований Института философии АН СССР. Из этого отдела в Институт перешли генеральные проекты: «Методология, методика, техника социологических исследований» (руководитель Ю.А. Левада). Под его же руководством разрабатывались вопросы методологии исследования социальных изменений. Генеральным проектом «Труд, коллектив и личность в условиях экономической реформы» руководил Г.В. Осипов. Его отдел в 1969 г. разрабатывал одновременно восемь-десять тем, связанных с промышленной социологией; кроме того, Г.В. Осипов мощно представлял западную социологию. Генеральным проектом (на правах сектора) «Функционирование общественного мнения и деятельность государственных институтов в условиях города» руководил Б.А. Грушин (Таганрогский проект). Проектом «Социальные аспекты воспроизводства, распределения и использования трудовых ресурсов» руководил В.Г. Васильев. С 1969 г. силами ленинградского сектора (в народе их звали «ядовцы») реализовывался изыскательский проект В.А. Ядова «Роль осознанных ценностных ориентаций личности в реальном (явном) поведении в сфере труда и досу-

¹ Точные даты вступления в должность и ухода с поста литература не приводит. Решения принимались многоступенчатым образом — Академия наук вносила в ЦК предложения, там принималось решение — формально секретное. Его выполняло руководство Академии и т.п. Даты эти установить можно по бухгалтерским документам Института, фиксировавшим выплату А.М. Румянцеву заработной платы. Но эти даты будут чисто формальными.

га». Крупной исследовательской темой была «Социальная организация промышленного предприятия» (Н.И. Лапин и др.). Отдел В.Н. Шубкина разрабатывал социологические проблемы образования. Исследовательский проект Бестужева-Лады занимался прогнозированием духовных потребностей молодежи. Генеральный проект «История социологии» возглавлял И.С. Кон, сумевший уйти от стандарта того времени — критики «буржуазных теорий»¹. Отдел А.А. Зворыкина занимался социологией науки. Отделом организации и методики конкретных социальных исследований руководил В.В. Колбановский. Высокий престиж социологии демонстрирует аспирантура Института: в 1969 г. нее было подано 51 заявление, приняты 29 человек, многие из которых создали себе имя в отечественной социологии.

Нет никаких сомнений: с самого начала ИКСИ под руководством Румянцева работал на партию. Специально созданный Отдел оперативных социальных исследований работал по заказам «директивных органов», коими и была КПСС. Опросами читателей центральных газет руководил В.Э. Шляпентох. В 1970 по заданию МГК КПСС разрабатывались вопросы моделирования социальных процессов. Н.Н. Бокарев исследовал эффективность партийных постановлений. И так далее.

Падение. В таких условиях может возникнуть недоуменный вопрос: за что «аборигены съели Кука?» (В. Высоцкий). Румянцев на «минном поле политики» и ранее не отличался осторожностью (как и его оппонент по кандидатской диссертации Д.Т. Шипилов или Г.К. Жуков²; в блестящей компании оказался «первый директор»). Даже осторожный А.Н. Косыгин — и тот вызывал сомнения из-за «собственного мнения». Мины не замедлили взорваться. Е.М. Примаков называет Румянцева «честнейшим, прямолинейным, но несколько «зашоренным» человеком». «Такие деятели, как А.М. Румянцев, — констатируют авторы очерка о нем [1, с. 846], — ... выглядели на советском руководящем фоне «белыми воронами». Автору настоящих строк ситуация вокруг А.М. Румянцева в начале 1970-х напоминает название немецкого романа — «Nackt unter Wölfen» — голый среди волков.

В начале 1960-х годов главный редактор газеты «Правда» Румянцев написал статью о необходимости дискуссий в партии — мысль еретиче-

¹ В энциклопедию «Политическая экономия» (т. 4) вошла статья И.С. Кона «Социология» — без единой ссылки на классиков марксизма.

² Кто его тянул за язык сказать в адрес председателя КГБ «пусть попробует: я его в два счета снесу, и Лубянки не останется»; его собеседник М.З. Сабуров не преминул вроде бы с похвалой донести смысл этой фразы до сознания Хрущева и иже с ним [13, с. 58]. Этим политическим know-how руководство партии не владело.

ская; но обошлось, правда, статью не опубликовали. В феврале 1965 г. Румянцев помещает две «двухподвальные» статьи в «Правде» «Партия и интеллигенция», ставившие вопросы потенциала и реальной роли этой социальной группы. Номинально ведущая роль в обществе принадлежала пролетариату — рабочему классу. Он был удобнее для власти: им было легче манипулировать, его было легче игнорировать. Не простили — через некоторое время в «Правду» пришел другой главный редактор.

Румянцев последовательно выступал за подведение научной базы под политику. Страна, по его представлениям, находилась в одной из ряда точек (сказали бы сейчас) *бифуркации*. Академик, вице-президент АН СССР, член ЦК КПСС, известный за рубежом марксист, пользовавшийся благосклонностью Сталина, не мог не предлагать перемен [12, с. 28] в партийно-государственном строительстве, в отношениях со странами социализма, в коммунистическом движении. В экономике СССР со скрипом шла проваленная в итоге реформа.

Самым опасным его оппонентам во власти казалось, что Румянцев ставил под вопрос систему руководства страной, включая роль клана номинальных теоретиков, практику бездумного обслуживания наукой (и Академией наук СССР) выработки и реализации (реализации безропотной) политических решений. Такой вывод сделали чиновники в ЦК, получив записку Румянцева о [12, с. 122] формах руководства общественными науками. Все ее основные мысли подчеркнуты рукой внимательного читателя. 24 июля 1970 г. Трапезников лично отвечает Румянцеву на его записку о методах руководства общественными науками. Все соображения автора записки проигнорированы.

В глазах писателя А. Фадеева преемники Сталина выглядели бесцветными посредственностями: «Тот хоть был образован, а эти — невежды» [14, с. 150–151]. Румянцев — в контексте того, что происходило вокруг событий в Чехословакии — напугал этих людей, с трудом получивших нужное для высоких постов «лицензирование», выжимавших из них максимум. Встал вопрос о роли науки в стране и в партии, о роли члена ЦК — Румянцева, роли самого ЦК, партийно-государственного аппарата. За этим стояли судьбы коммунистического движения, стран социализма, советской экономики, остро нуждавшейся в реформе, которая, было, началась, усилий народа, всей страны. К судьбе Румянцева применимо замечание Раймона Арона: «Не следует недооценивать невежество...» [15, с. 55]. И это не личная вина лиц, а системный — возможный в любых местах и в любое время — дефект, обернувшийся бедой для страны, для СССР, России, дефект, когда не-

возможно нейтрализовать последствия ошибочных решений, бесконтрольно принятых кем-то, когда-то. Трагедия крупного ученого стала прелюдией к катастрофе страны — СССР.

Румянцеву припомнили все. К тому же, добиваясь здания для Института конкретных социальных исследований (ул. Кржижановского 20/30 — здесь разместили один из райкомов КПСС), Румянцев поссорился с МГК [12, с. 167], и вот уже «городской идеолог» Ягодкин в стане его врагов. Работников института одного за другим преследуют. За хозяйственные работы Осипов получил строгий выговор и был снят с поста председателя Советской социологической ассоциации. В ноябре 1969 г. набросились на Ю.А. Леваду: но не он сам «привлек внимание ЦК КПСС. Дело было в директоре ИКСИ А.М. Румянцеве» (В.Н. Шубкин) [3, с. 169]. 21 октября 1970 г. ЦК выносит решение: «О грубых нарушениях установленного порядка при создании Всесоюзного общества научного прогнозирования» [12, с. 91], — приложил к этому делу руку будущий либерал А.Н. Яковлев. Трапезников грозно обронил: «Надо обрезать пражский хвост». А.М. Румянцева «освобождают» от должности [12, с. 118]. ЦК объявил Румянцеву выговор: «Сказали, если я не напишу заявление об уходе из института — исключат из партии» [16, с. 104].

С конца 1971 г. он «всего лишь» член Президиума АН СССР, председатель ряда научных советов при Президиуме Академии наук, член редакции Большой Советской энциклопедии, главный редактор Экономической энциклопедии «Политическая экономия». В 1974 г., Румянцев апеллировал к Брежневу — но не был услышан. В 1976 г. его не включили в число членов ЦК КПСС. Когда начались перемены 1980-х, Румянцев был серьезно болен; оставался активен его многолетний соавтор П.Г. Бунич. Проблемы, с которых начался путь в науке: возникновение и развитие первобытного способа производства (импульс идеи о социологически релевантной «институциональной» экономике), — последнее поле научных трудов А.М. Румянцева (1992 г.). Ушел из жизни Алексей Матвеевич 1 декабря 1993 года.

Список литературы

1. *Воейков М.И., Сорокин Д.Е.* Проблема интеграции социально-гно знания. К 100-летию со дня рождения А.М. Румянцева // Вестник РАН. Т. 75. 2005, № 9. С. 844–849.
2. Энциклопедический социологический словарь. Общая ред. *Осипова Г.В. М.*, 1995, с. 652; *Фирсов Б.М.* История советской социологии. Курс

лекций. СПб, 1991; Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. Отв. ред. Г.С. Батыгин. М., 1994; Новикова С.С. Развитие социологии в России. М. 1996; Социология в России. Под. ред. В.А. Ядова. М., 1998; и др.

3. Пугачева М.И. Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР, 1968–1972 годы // Социол. журнал. 1994. № 2. С. 158–172.

4. Доц. А.М. Румянцев, канд. эк. наук. Возникновение частной собственности на движимое имущество. Харьков., 1947, 105 с.

5. XVII съезд КП (б)У. 23–27 сент. 1952 г. Материалы. К. 1953. С. 64–65.

6. Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953-1968. Ред. Л.Н. Москвичев. М., 1997.

7. Политическая экономия: учебник для неэкономических вузов / Румянцев А.М., Козлов Г.А, Волков М.И. и др.; Редкол.: Румянцев А.М. и др. 4-е изд., доп. М., 1985.

8. Румянцев А.М. Главная цель социалистического хозяйствования. М., Экономика, 1986.

9. Румянцев А.М. Проблемы современной науки об обществе. М., Наука, 1969.

10. Экономическая реформа: ее осуществление и проблемы. Ред. Румянцев А.М., Бунич П.Г. М., 1969.

11. Примаков Е.М. Минное поле политики М., 2006.

12. Социология и власть. Сборник 2. Документы 1969–1972. Ред. Л.Н. Москвичев. М., 2001.

13. Последняя «антипартийная» группа. Стенографический отчет июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС // Исторический архив. 1993. № 3.

14. Известия ЦК КПСС 1990. № 10, с. 150–151.

15. Арон Р. Пристрастный зритель. М.. 2006, 416 с.

16. Российская социология 60-х г.г. в воспоминаниях и документах. М., 1994.

И.А. Бутенко

К 50-летию Советской социологической ассоциации

В 2008 г. профессиональному объединению отечественных социологов исполняется пятьдесят лет. Как протекали эти полвека? Чего смогли добиться объединенные социологи? Что общего и особенного в его истории? Что ждет это объединение в будущем?

Конец 1950-х — начало 1960-х гг., на которые пришлось учреждение объединения социологов СССР, ознаменовались рядом резких социальных перемен во всем мире, сопровождавшихся ростом нигилизма и студенческими бунтами, возрождением интереса к христианству, активизацией национально-освободительных движений в ряде стран Африки. СССР переживал «оттепель» — относительную либерализацию общественной жизни. Заканчивалась холодная война...

Социологи многих стран оказались если не участниками, то, по крайней мере, свидетелями этих перемен, исследовали их, обсуждали. Не удивительно, что на эти годы приходится образование или активизация многих социологических ассоциаций. Цели, преследуемые ими, имеют много общего:

— поддержка социологии, в том числе преподавания, выработки стандартов исследований и ответственности за их качество;

— интеграция научного сообщества, поддержка дискуссий, награждение лучших;

— распространение взглядов социологов, популяризация социологии.

В отличие от ассоциаций, созданных «снизу», самими социологами, Советская социологическая ассоциация (ССА) была учреждена, как и другие общественные организации страны «сверху» — решением КПСС и Президиума АН СССР в 1958 г.¹ Чем вызвано это решение, ведь рост отечественной социологии резко прекратился в 1930 гг., когда социологическое образование было свернуто, кафедры закрыты, социологи репрессированы, исследования запрещены, контактов с зарубежными коллегами не было, а социология была заменена историческим материализмом? Отвечу чуть позже, после хроники событий, связанных со становлением социологии и объединением социологов²:

1953 г. — в Институте философии Академии наук СССР создается *сектор критики буржуазной философии и социологии*; Отделение эко-

¹ Подробнее см.: Бутенко И.А. Российское общество социологов: краткий курс истории объединения. М., РОС, 2000.

² Автор благодарит М. Г. Пугачеву за подробные сведения о 1950—1960 гг.

номики и права АН СССР, куда входит названный институт, становится Отделением экономических, философских и правовых наук (ОЭФПН).

1954 г. — ОЭФПН готовит доклады для XVI Конгресса Международного Института социологии; советская делегация впервые участвует во Всемирном философском конгрессе (Цюрих).

1956 г. — бюллетень ЮНЕСКО о преподавании общественных наук в СССР; Постановление ЦК КПСС о введении во всех высших учебных заведениях страны трех обязательных курсов: «История КПСС», «Политическая экономия», «Диалектический и исторический материализм»; советская делегация впервые участвует во Всемирном социологическом конгрессе (Амстердам).

1957 г. — Сектор критики современной буржуазной философии и социологии расформирован; созданы группы критики современной буржуазной философии, критики современной буржуазной социологии, истории современной буржуазной философии и социологии; советские ученые на XVII Конгрессе Международного Института социологии (Бейрут); Совещание представителей коммунистических и рабочих партий в Москве.

1958 г. — при Институте философии АН СССР под контролем ОЭФПН АН СССР создается Советская социологическая ассоциация (ССА). Председатель Правления — член-корреспондент Ю.П. Францев, вице-председатель — Г.В. Осипов.

Итак, особенностью учреждения ССА было то, что оно фактически опередило учреждение самой социологии, которая институционализируется как сектор или группы, роль которых сводилась к критике буржуазной науки. А зачем нужен государству, переживающему уникальный опыт строительства социализма, зарубежный опыт? К чему поездки на международные конгрессы? В эти годы железный занавес, отделявший страны социализма от остального мира, становится прозрачнее. Для КПСС частичная интеграция в мировое сообщество означает попытку расширить сферу влияния марксизма-ленинизма. Осуществлять это предполагалось и через существующие в капиталистическом обществе институты, в том числе через профессиональное объединение социологов. Потому социология (и ССА впридачу) спешно институционализируется *на экспорт*; для внутреннего пользования существует исторический материализм. Сказались и настроения в странах Восточной Европы, не порвавших довоенные связи с международными объединениями.

О предназначении ССА красноречиво свидетельствует и упомянутое Постановление, где отмечается, что участие советских ученых во Всемирном социологическом конгрессе «позволило ознакомить зарубежных

социологов с нашей позицией по важнейшим вопросам общественного развития и помешало распространению клеветнической информации в отношении СССР». Цель создания ССА — не развитие дисциплины или защита интересов социологов, не выработка стандартов исследований и не просвещение населения, а пропаганда за рубежом.

Кто ею занимался? При жесткой цензуре создание текстов, предназначенных зарубежной аудитории, а тем более возможность побывать за рубежом были возможны практически только с помощью ССА и оказывались прерогативой, прежде всего, наиболее лояльных ученых. Критерии лояльности на время оттепели оказались нестрогими, что позволило побывать за рубежом некоторым либерально настроенным социологам. Но ни один ученый не мог выступать независимо. Все кандидатуры, доклады и темы выступлений предварительно согласовывались с начальством, вплоть до ЦК КПСС. ССА позволяла контролировать не только выступления, но и зарубежные контакты советских ученых.

Во всем мире профессиональные ассоциации — результат добровольного объединения ряда лиц, вкладывающих свои усилия и некоторые средства для институционализации и защиты общих интересов. Эти объединения открыты для индивидов и групп. Особенность СССР состояла в том, что ученые не могли функционировать сами по себе, а всегда были «представителями» учреждений и институтов. В ССА на начальном этапе могли вступать только коллективные члены. Членами-учредителями с согласия ЦК КПСС и Президиума АН СССР были *назначены* Институт философии, Институт права, Институт экономики, Институт этнографии, Институт философии УССР, Институт философии и права АН БССР, ученые советы философского факультета МГУ, кафедра диалектического и исторического материализма АОН при ЦК КПСС, кафедра философии МГИМО и ряд других научных учреждений. Эти учреждения отвечали за лояльность своих сотрудников и контролировали их профессиональную деятельность. Для всех других индивидов доступ к ССА был закрыт. Еще одной особенностью ССА было планирование ее деятельности вышестоящими организациями. Ей было разрешено издавать в год четыре номера журнала «Общественные науки в СССР». Ни коллективные, ни индивидуальные членские взносы в учредительных документах не упомянуты.

В 1960–1970-е гг. в СССР наряду с функционированием ССА в качестве экспортного фасада социологии СССР, шла реинституционализация этой науки под знаком постоянных дискуссий о статусе социологии, точнее вокруг вопроса о том, нужна ли она при наличии исторического материализма. Вот некоторые даты:

1959 г. — в Институте философии для подготовки издания «Новые формы труда и быта» в составе сектора исторического материализма создается *группа социологических исследований* (рук. Ю.П. Францев).

1960 г. — группа преобразуется в *сектор исследований новых форм труда и быта* (заведующий — Г.В.Осипов); при газете «Комсомольская правда» открывается *Институт общественного мнения* (рук. Б.А. Грушин).

1961 г. — второе общее собрание ССА посвящено формированию делегации на V Международный социологический конгресс.

1964 г. — создается *социологическая группа в Академии общественных наук при ЦК КПСС* — главном партийном научно-исследовательском и учебном заведении.

1965 г. — *группы, изучающие молодежную проблематику*, создаются в ряде институтов Москвы, Ленинграда, Новосибирска; координация их деятельности поручается Институту философии¹; выходит в свет первый номер ежегодника «Социальные исследования»².

1966 г. — сектор изучения труда и быта Института философии преобразуется в Отдел конкретных социологических исследований под руководством Г.В. Осипова. На общем собрании ССА Председателем избран Г.В. Осипов, вице-председателями — В.А. Ядов, В.Н. Кудрявцев, Ю.А. Замошкин, В.Н. Шубкин, ученым секретарем — Г.А. Слесарев; решено создать исследовательские комитеты³ и филиалы⁴. Бюро ОЭФПН (!) решает провести заседание правления ССА по вопросам развития социологических исследований в «свете задач, поставленных XXIII съездом КПСС».

1968 г. — создается *Институт конкретных социальных исследований* (ИКСИ) АН СССР, директором его назначается вице-президент АН СССР академик А. М. Румянцев, его заместителями — Г.В. Осипов и Ф.М. Бурлацкий; в соответствующем Постановлении ЦК КПСС определяются основные направления деятельности Института.

¹ Об участии комсомольских организаций в проведении конкретных социологических исследований по вопросам коммунистического воспитания молодежи. Решение Бюро ЦК ВЛКСМ от 12 февраля 1965 г.

² С 1965 по 1970 вышли 5 номеров.

³ Социальной структуры, социальных проблем труда и управления, градостроительства, демографии, семьи, быта, вне рабочего времени, атеизма и религии, права, проблем общественной психологии, методики и техники социальных исследований, количественных методов в социологии, социальных проблем познания, исследования личности, культуры, молодежи, сельского населения, критики буржуазной социологии, социальных проблем этнографии.

⁴ В Ленинграде, Свердловске, Новосибирске, на Украине, в Белоруссии, Эстонии, Латвии.

ССА и Институт конкретных социальных исследований находились под сильным партийным давлением. Некоторые социологи участвовали в постоянных дискуссиях, связанных с обсуждением как марксистской методологии (это само по себе исключительно смело, так как считалось, что она обсуждению не подлежит), так и способов «оптимизации» социальных процессов. Эмпирические исследования проводятся редко. Главной задачей ССА признается организация исследований в стране; зарубежные контакты отходят на второй план.

Период эйфории, связанный с политическими изменениями времен оттепели, был недолог. Массовые антисоветские выступления в Венгрии и позже в Чехословакии положили конец попыткам либерализации строя. Уже в 1969 г. Институт конкретных социальных исследований подвергается критике со стороны партийных органов за то, что сейчас можно было бы назвать «слишком правдивым» отражением действительности.

Власти вновь, как и в 1930-е гг., усилили идеологическое давление, борьбу с намеками на инакомыслие. Вновь ужесточились требования цензуры. В библиотеках с фондами «специального хранения» имеют право знакомиться по специальному разрешению в течение ограниченного периода и по указанной проблематике. Множатся сложности с изданием оригинальных и переводных работ. Ожесточается борьба социологов с теми, кто полагали, что исторический материализм делает социологию излишней, считали ее буржуазной модой и «анкетным верхоглядством». Вот существенные даты:

1972 г. — критика ИКСИ в Постановлении ЦК КПСС и переименование его в Институт социологических исследований (ИСИ) АН СССР; директор — член-корреспондент М.Н. Руткевич; III Всесоюзная конференция ССА; президент — М.Н. Руткевич.

1974 г. — учреждение ежеквартального журнала «Социологические исследования», решение Министерства Высшего образования СССР о введении в МГУ специальности «прикладная социология».

1976 г. — Постановление ЦК КПСС о недостатках в работе ИСИ.

1977 г. — IV отчетно-выборная конференция ССА; ее президент Х.Н. Момджян констатирует расширение сети социологических учреждений и называет важнейшей задачей членов ССА активное участие в пропаганде среди населения по линии партийных комитетов и общества «Знание» достижений марксистско-ленинской социологической науки¹; на философском факультете МГУ на Отделении научного коммунизма

¹ Решение IV отчетно-выборной конференции Советской социологической ассоциации по отчету Правления ССА // Социол. исслед. 1977, № 3.

введена специальность «прикладная социология»; созданы социологические факультеты в вечерних университетах марксизма-ленинизма при многих городских комитетах КПСС.

1980 г. — директивная статья «Социологические исследования: результаты, проблемы и задачи» главного издания КПСС журнала «Коммунист» не упоминает ССА¹.

1983 г. — Июньский Пленум ЦК КПСС подвергает социологов критике; ССА (председатель — Х.Н. Момджян, вице-председатели Г.В. Осипов, Ж.Т. Тощенко, В.Н. Иванов, А.Г. Харчев, ученый секретарь — В.С. Боровик) отмечает 25-летний юбилей².

Противоречивы процессы тех лет. С одной стороны, растет число социологических подразделений и лиц, в них работающих: к середине 1970-х гг. только в рамках АН СССР существует более 40 подразделений «социологического профиля». В вузах число социологических лабораторий и секторов увеличилось за 5 лет в 4 раза, вузовская социология выполняет значительный объем работ по заказам заводов и других организаций³. В прикладной социологии занято почти 900 научных и научно-педагогических работников; ССА объединяла 400 коллективных и 15 тыс. индивидуальных членов. Большинство коллективных членов ССА составляют отделы, лаборатории, центры научной организации труда промышленных предприятий⁴. Многие газеты вводят рубрики «Помогли социологи», «Общественное мнение» и т.п.

С другой стороны, социология оказывается крайне идеологизированной наукой. Особенность СССР — масштабы идеологизации. Социологическое образование оказывается доступным для выпускников вузов только в рамках «заводской» социологии: руководить заводскими службами или даже просто работать в них могли лишь члены КПСС; для поступления на эти курсы необходима рекомендация предприятия. Лишь через 3 года после принятия решения Министерства социологическая специализация «прикладная социология» открывается в главном вузе страны — МГУ, позже в вузах Ленинграда, Бело-

¹ Коммунист, 1980, № 13.

² Подробнее см.: Советской социологической ассоциации – 25 лет // Социол. исслед. 1983, № 4.

³ Руткевич М.Н. Итоги пятилетней деятельности Советской Социологической Ассоциации // Социол. исслед. 1977, № 3.

⁴ Пилипенко Н. В. Институт конкретных социальных исследований // Российская социология... (предположительно, численность выведена исходя из численности работников коллективных членов — И.Б.)

руссии, в Уральском и некоторых других университетах, чаще всего на философских факультетах. Как сообщил председатель Правления ССА Х.Н. Момджян в 1983 г., в ассоциации 35 центральных и 150 региональных научно-исследовательских секций, «работающих совместно с партийными и государственными организациями над острыми социальными проблемами»¹. Так работали все социологи, не только члены ССА.

Социология, в которой власти справедливо усматривали неявные альтернативы официозу, остается с их подачи «второсортной» наукой, что отражается в названии как института, так и журнала: Институт социологических исследований (не Институт социологии) совместно с ССА выпускает журнал «Социологические исследования» (сравним название с «Вопросами...» психологии, философии и т.п.); отсутствуют факультеты социологии. Эмпирические исследования рассматривались властями, как канал утечки информации, дискредитирующий органы управления. Все полевые документы необходимо было утверждать с партийным начальством; доступ к респондентам (на предприятиях и по месту жительства) осуществлялся при прямой поддержке партийных комитетов. В ответ на ограничения со стороны властей часть социологов все активнее использует своего рода эзопов язык для изложения научных идей, начинают работать устные семинары, организованные по всей стране по инициативе неравнодушных исследователей². На таких семинарах в рамках ССА, чаще за ее пределами, более свободно обсуждаются довольно острые вопросы.

Тесная связь ССА с ИКСИ/ИСИ АН СССР: директор института является председателем ССА, ее секретариат расположен в здании Института. С 1972 г. ССА совместно с ИСИ проводит ежегодные координационные совещания, издает сборники по материалам конференций и фактически функционирует как его подразделение и средство дополнительного контроля за публикациями.

Отношения ССА и региональных отделений отражали сверхцентрализацию общества в целом. Статус отделений ССА определен не был. Отделения в принципе имели возможность выполнять заказы предприятий на исследования; на собственные средства они содержали штатных ученых секретарей, но не могли оплачивать командировки, проведение конкурсов и т.п. Издания ССА должны были публиковать работы представителей всех отделений, но фактически труды столичных исследователей преобладали, региональной тематики почти не было. Распро-

¹ Советской социологической ассоциации – 25 лет // Социол. исслед. 1983, № 4.

² Пугачева М.Г. Семинарское движение в социологии 1960–1970-х годов: параллельная наука или «игра в бисер»? // Способы адаптации населения к социально-экономической ситуации в России (Ред. И. А. Бутенко). М.: МОНФ, 1998.

страняться эти издания должны были по всей стране, а выручка уходила в Москву, в результате чего через некоторое время их выпуск прекратился. При таких отношениях ССА с партийными органами и академической социологией многие социологи не видели смысла в членстве в Ассоциации¹. С 1985 г. в обществе ожидалось быстрые и решительные перемены к лучшему. «Главная задача ассоциации, — отмечал ее президент Х.Н. Момджян, — содействовать превращению социологической науки в действенный инструмент реализации намеченных партией преобразований»². Вот хроника этого периода:

1985 г. — XXVII съезд КПСС провозглашает курс на ускорение научно-технического прогресса, развитие гласности; проходит Пленум правления ССА с обсуждением стратегии ускорения научно-технического прогресса.

1986 г. — президентом ССА избрана академик Т.И. Заславская; опубликован профессиональный Кодекс социолога³.

1987 г. — первые выборы «на альтернативной основе»; журнал «Социологические исследования» начинает выходить раз в два месяца.

1988 г. — ИСИ переименовывается в Институт социологии АН СССР; Высшая аттестационная комиссия включает социологию в номенклатуру специальностей научных работников; создается Всесоюзный Центр изучения общественного мнения при ВЦСПС (рук. Т.И. Заславская).

1989 г. — отменена ведущая роль КПСС в руководстве обществом; отменено обязательное изучение в вузах истории КПСС, исторического и диалектического материализма, политической экономии социализма и научного коммунизма; учреждено Российское общество социологов⁴; при ЦК ВЛКСМ созданы Высшие социологические курсы.

1990 г. — приняты поправки к Конституции СССР о многопартийной системе, Закон об общественных организациях; журнал «Социологические исследования» выходит ежемесячно.

1991 г. — распад СССР, перевыборы в ССА (со-президенты В.А.Ядов, А.Г. Здравомыслов, Ж.Т. Тощенко, вице-президент З.Т. Голенкова, главный ученый секретарь Э.Н. Фетисов); преемником ССА провозглашается Российское общество социологов⁵ (РОС, со-президенты, члены пре-

¹ Коган Л.Н. Неповторимая романтика социологии // Российская социология..., с. 291.

² Пленум Советской социологической ассоциации // Социол. исслед. 1986, № 2.

³ Профессиональный кодекс социологов // Социол. исслед. 1986, № 2.

⁴ Президент — Н.Н. Лапин, главный ученый секретарь В.Н. Макаревич.

⁵ Зарегистрирован Министерством юстиции РСФСР 23 октября 1991 г., свидетельство № 552.

зидентского совета: В.С. Дудченко, Ю.Р. Вишневецкий, В.А. Ядов, ученый секретарь В.М. Малова).

1993 г. — возникают новые социологические объединения; предлагаются изменения в Устав РОС.

Социология приобретает полноправный научный статус, становится обязательной во всех вузах, и даже входит в моду: социологов часто приглашают в СМИ в качестве комментаторов и консультантов; растет число заказов на исследования, поступающих от государственных и прочих организаций, в основном опросы мнения; высок конкурс среди абитуриентов, стремящихся на социологические факультеты. Маятник качнулся в сторону безусловного признания — очередная особенность профессии, точнее, ее восприятия в те годы. Освободившись от недавнего идеологического диктата, многие профессиональные ассоциации распались на слабо связанные друг с другом временные группы единомышленников. ССА существует до 1992 г.; фактически все еще распоряжается собственным счетом, на который продолжают поступать средства от выполнения прикладных исследований. В 1991–1993 гг. сосуществуют два объединения социологов, имеющие в качестве руководителей по три со-президента с полномочиями по одному году каждый. Впрочем, скорее речь можно вести лишь о двух группах активистов, к тому же включавших фактически одни и те же лица в качестве членов правлений (ситуация, знакомая, например, социологам Турции и Австрии¹). А те социологи, кто не входили в правления, но взносы платили, затруднялись определить, членами какой именно организации они являлись.

Несколько соображений о будущем социологических ассоциаций. На мой взгляд, возможны два сценария развития. В рамках первого профессиональные объединения продолжают существовать как клубы по научным интересам и имеют тенденцию к превращению в замкнутые иерархические организации, озабоченные групповыми интересами и поддержкой самих себя и приближенных (например, путем присуждения им грантов²). В рамках второго добровольные объединения переживают очередную ренессанс и начинают выступать как защитники осознанных профессиональных интересов, организаторы различных акций, то есть в большей степени выполнять задачи профессионального объединения.

¹ *Fleck C.* «No Brains, No Initiative, No Collaboration» — *The Austrian Case* // *International Sociology*. 2002. V. 17. No. 2. P. 199–211. Название статьи о социологической ассоциации Австрии (Ни мозгов, ни инициативы, ни сотрудничества) очень даже говорящее — *И.Б.*

² Иллюстрацию подобной групповой поддержки можно найти в Вестнике РГРФ, 2000, № 2.

Раздел II. Социологическое знание: рост и накопление опыта

М.К. Горшков,
член-корреспондент РАН

Проблемы российского общества в социологическом измерении¹

Как правило, при описании качественных и количественных показателей различных сторон жизнедеятельности общества социологи оперируют данными исследований и вытекающими из них оценками и выводами. Перед тем как обратиться к результатам многолетних исследований ИС РАН, я буду использовать метод *постулирования* и сам термин «постулат». Как известно, данный термин употребляется и в логике, и в математике, и в философии. Чаще всего он соответствует аристотелевскому пониманию постулата, обозначающего положение, которое, не будучи доказанным, принимается в силу теоретической или практической необходимости за истинное. Много позже к понятию всеобщего постулата обращался и Спенсер, обозначая этим понятием всеобщий критерий истины, очевидный сам по себе и дающий основание истинности.

Почему бы и в социологии, при том огромном массиве данных социологических исследований, осуществленных в режиме мониторинга и с использованием репрезентативных общероссийских выборок, не воспользоваться понятием постулата в качестве исходного положения, исходного допущения, которое характеризует различные грани состояния социальных отношений в современном российском обществе?

Думается, в социологическом постулировании есть немалый смысл, поэтому с учетом темы я формулирую некоторые **постулаты**.

Постулат первый. *Преодолев системный кризис 1990-х годов, Россия вышла на траекторию последовательного и устойчивого*

¹ В основе статьи — доклад на пленарной сессии Всероссийского социологического конгресса. Москва, 21 октября 2008 г.

развития, несмотря на проявления мирового финансового кризиса: в целом за 18 лет преобразований, особенно за последние годы, Россия реформирующаяся превратилась в Россию пореформенную с относительно сложившимися и динамично укрепляющимися государственными, политическими и общественными институтами, которые опираются на поддержку гражданского большинства, на рост позитивных общественных умонастроений.

Если перейти к социологическому пояснению данного постулата, необходимо отметить, что самый яркий пример духовно-нравственного и психологического обновления российского общества дают результаты анализа идентификационных характеристик. Как показали наши последние исследования, идентификация с ролью россиянина, гражданина России является в настоящее время наиболее распространенной среди «я-идентификаций» (почти 60%).

Причем, и житель определенной местности, и даже представитель конкретной национальности отстают от нее в разы. К тому же и в структуре «Мы-идентификации» чувство общности с россиянами с той или иной частотой испытывают свыше 80% наших сограждан. Безусловно, это отрадные факты, поскольку свидетельствуют о достаточно высокой и нарастающей степени внутренней интегрированности российского общества, о возможности, в обозримой перспективе, формирования в России гражданской нации.

Еще один поразительный результат: за время преодоления системного кризиса в обществе произошло радикальное переосмысление социальных статусов. Доля россиян, довольных своим социальным положением в обществе, стало доминировать над долей недовольных в соотношении 4:1. Рост удовлетворенности своим социальным статусом — это весьма существенное обстоятельство, поскольку являет собой не только важнейшую предпосылку социальной стабильности, но и очень важное условие комфорта и социально-психологического состояния в целом.

Сегодня можно утверждать: социальная структура российского общества, построенная на основе оценки гражданами своего места в нем, приближается к модели, характерной для стабильно развивающихся стран.

Как показал анализ, изменения в самоощущениях россиян своего места в общества за последние 7–8 лет поистине колоссальны. Они проявляются в значительном сокращении числа тех, кто ощущает себя «социальными аутсайдерами», и, одновременно, в значительном росте числа тех, кто считает себя представителями средних слоев. Это,

безусловно, сказалось на укреплении стабильности российского общества. Причем, в последние годы коренной перелом в социальных самоощущениях людей произошел во всех без исключения возрастных группах.

Результаты «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения», осуществляемого ИС РАН с 1994 г., демонстрируют постепенное расширение в массовых умонастроениях позитивного спектра: ослабление ощущений социального дискомфорта и повышение уровня адаптированности населения к условиям трансформирующегося общества, крайне негативных и тревожных оценок не только общей ситуации в стране, но и собственной жизни, укрепление уверенности россиян в своем будущем, улучшение общего социально-психологического состояния граждан. Таким образом, несмотря на наличие значительного негатива в жизни людей, на протяжении последних лет в российском обществе наблюдалось хотя и не очень быстрое, но последовательное нарастание позитивных умонастроений.

Постулат второй. *Все качественно новое и самое распространенное по своим количественным показателям, противоречивым и даже отягощенным последствиям, произошло за годы российских реформ в трех сферах нашего общества, определяемых термином «социальный». Это социальная стратификация, социальные неравенства, социальная повседневность.*

Качественные характеристики и количественные показатели, которыми описывается глубина изменений в этих сферах, вынуждают сделать принципиальный вывод: **за годы реформ российское общество сложилось как новая социальная реальность.**

Какова же эта реальность в социологическом измерении?

Как показывают результаты анализа стратификации, в основе которого лежит специальный индекс уровня жизни, разработанный учеными ИС РАН по данным общероссийских исследований 2003-2007 гг., в обществе сложились минимум 10 социальных слоев (страт), обладающих собственными устойчивыми и при этом обособленными интересами, уровень и качество жизни которых принципиально различны.

В рамках выявленной модели стратификации выделяются первые нижние **две страты**, объединявшие весной 2008 г. 16% россиян. Это именно та доля населения, которая по своему реальному уровню жизни находится за чертой бедности.

Третья и четвертая страты представляют малообеспеченных, в составе которых выделяются две подгруппы. **Третья страта** — это первая подгруппа малообеспеченных, носит промежуточный характер и

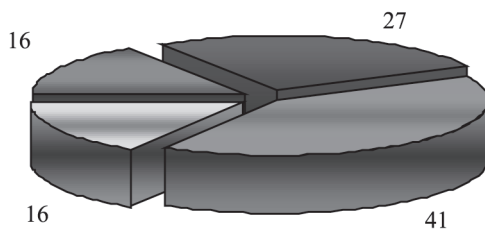
объединяет россиян, балансирующих на грани бедности (16%). Данную группу для краткости называют еще нуждающимися.

Во вторую подгруппу малообеспеченных входят представители **четвертой страты**. Они охватывают часть россиян, которые живут, на классическом для России уровне малообеспеченности, объединяя более четверти населения страны (27%). Именно уровень жизни, характерный для данной страты является и «срединным» для данного региона проживания, и модальным, т.е. наиболее типичным. Поэтому данную часть населения можно именовать как собственно малообеспеченные.

Страты с пятой по восьмую, объединяющие не менее трети населения, представляют средние слои: они заметно различаются между собой и могут рассматриваться как относительно благополучные на общероссийском фоне. К этому следует приплюсовать представителей 9 и 10 страт, которые по меркам общественного мнения могут называться богатыми, хотя объективно они принадлежат к верхним слоям среднего класса (6%-8%). В совокупности представители с 5-ой по 10-ую страту составляют благополучное население страны.

В итоге в России весной 2008 г. 59% населения характеризовалось тремя параметрами уровня жизни: «ниже черты бедности», «на грани бедности», и в состоянии «малообеспеченности», а 41% — представляли относительно благополучные слои населения.

Постулат третий. *Наиболее тревожными в контексте проблем бедности с точки зрения задач государственного управления выступает не столько численность бедных, сколько причины попа-*

- Бедные
- Малообеспеченные, балансирующие на грани бедности (нуждающиеся)
- Малообеспеченные
- Относительно благополучные слои населения

дания в бедность, свидетельствующие как о неадекватности государственной социальной политики, так и о нездоровой ситуации на рынке труда.

Каковы эти причины в аспекте социологической интерпретации?

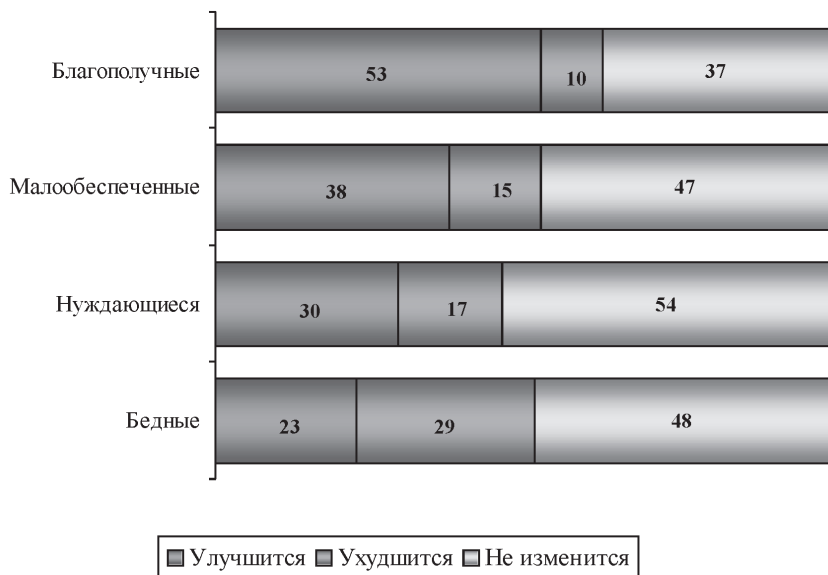
Во-первых, это специфика поселенческого и возрастного портрета российской бедности, где для каждого типа поселений существует своя «группа риска», и по ряду профессиональных групп очень велика вероятность оказаться в бедности или малообеспеченности.

Во-вторых, превращение в последние годы проблемы бедности в проблему андеркласса с соответствующим смещением акцентов с проблемы нехватки текущих ресурсов на проблемы социальной исключенности и формирования в российском обществе субкультур бедных, особенно негативных по своим последствиям в молодежной среде. Эта тенденция тем опаснее, что идет консервация бедности, и на будущее сами бедные ожидают сохранения этой тенденции.

Вместе с тем, было бы неверно утверждать, что в бедности оказываются в основном экономически неактивные члены российского общества, которые не могут обеспечить себе нормальный уровень доходов по причине возраста (пенсионеры) или плохого здоровья (инвалиды), а также жители российского села. Бедность, хотя и в разных масштабах, затронула многих россиян, независимо от возраста и места проживания. При этом каждый четвертый работающий бедный — это подсобный рабочий, занятый ручным физическим трудом низкой квалификации. Относительно выше риск бедности и у работников сферы услуг и торговли низшего звена.

Что касается тех, кто рискует в скором времени оказаться в бедности, то в данном случае возрастная и поселенческая ситуация имеет обратный знак. Представители молодого и среднего поколений (до 40 лет) составляют более трети группы риска, причем, чем крупнее населенный пункт, тем эта доля выше (например, в мегаполисах доля лиц до 40 лет, пребывающих в «зоне риска» бедности, составляет 54% респондентов).

В отличие от ситуации в Западной Европе и США российские бедные пока не являются замкнутой «в себе» группой, поддерживая активные, хотя и суживающиеся со временем контакты с остальным населением. В итоге 43% россиян считают, что в их окружении нет бедных семей, а четверть населения имеет три и более таких семей в ближайшем окружении. Это не может не сказываться и на ощущении несправедливости сложившейся системы общественных отношений и состоянии социальной напряженности.

В данных условиях необходима активизация государственной социальной политики, но не по принципу адресной помощи наиболее нуждающимся. С учетом неоднозначности причин и образа жизни бедных идея поддержки всех малоимущих, независимо от причин их тяжелого положения, не является в массовом сознании россиян легитимной. Речь скорее должна идти о четко выраженной модели хотя и адресной, но категориальной помощи в соответствии с представлениями населения страны о составе групп, имеющих право на такую помощь.

Постулат четвертый. *Серьезным вызовом государственной социально-экономической политике выступает наличие в стране высокой доли малообеспеченных, значительная часть которых балансирует на грани бедности (нуждающиеся). При первых же признаках замедления экономического роста эта группа может «сползти» в бедность, поскольку не имеет никакого «запаса прочности» (как в плане имеющегося имущества, так и сбережений).*

В последние годы, несмотря на рост текущих доходов, положение малообеспеченных по реально значимым параметрам для поддержания уровня жизни (наличие недвижимости, социальных сетей и т.п.) ухудшилось, сократилось использование необходимых для человеческого капитала социальных услуг. Малообеспеченные россияне достаточно

редко используют платные социальные услуги, то есть они не осуществляют инвестиции в себя и своих детей, и за последние годы использование подобных услуг ими снизилось еще больше.

Имущественная обеспеченность представителей малообеспеченных слоев населения более чем скромная. Это свидетельствует не только о достаточно низком уровне их жизни, но и об отсутствии у них достаточных ресурсов, которые могли бы компенсировать неожиданное ухудшение их положения, т.е. отсутствию «запаса прочности». Данная ситуация усугубляется еще и тем, что в последние годы малообеспеченным россиянам пришлось постепенно распродавать имевшееся у них недвижимое имущество — дачи, участки, гаражи, места на коллективных стоянках, т. е. поддерживать свой текущий уровень жизни за счет данной собственности.

В то же время, за последние пять лет доходы малообеспеченных (как, впрочем, и других групп населения) заметно выросли. Возросла и оценка ими своего материального положения, появилась возможность нормально питаться и одеваться, а также приобретать товары длительного пользования.

Экономическое поведение малообеспеченных россиян в целом можно охарактеризовать как пассивное. В первую очередь это связано с тем, что вопрос о свободных деньгах вообще не стоит как для большинства нуждающихся, так и для собственно малообеспеченных россиян, и

экономически рациональные стратегии распоряжения своими деньгами остаются для них недоступными. Наиболее распространенными способами распоряжения свободными средствами малообеспеченных являются откладывание денег на «черный день». Виды кредитования, как ипотека, покупка автомобиля, медицинские услуги, получение образования пока мало распространены среди малообеспеченных слоев населения. Зато они активно используют потребительские кредиты на покупку бытовой техники, мобильных телефонов, компьютеров.

Средние ежемесячные доходы малообеспеченных россиян за период с 2003 по 2008 год выросли более чем в два раза. Однако абсолютные показатели сами по себе не так информативны, поскольку за это время значительно выросли и цены. Вот почему более интересен вопрос не о номинальных, а о реальных изменениях, произошедших в жизни малообеспеченных россиян за данный период.

Чем можно объяснить подобное состояние малообеспеченных? Прежде всего тем, что представители нынешних малообеспеченных слоев российского общества изначально находятся в худших стартовых условиях. Они вырастают в менее образованных семьях, в их составе выше доля прошедших первичную социализацию в малых городах и селах. В результате уровень их образования оказывается ниже, чем у представителей благополучных слоев населения. И даже при формально одинаковом уровне образования они имеют разный объем человеческого капитала.

При этом 67% собственно малообеспеченных и 75% нуждающихся из числа работающего населения страны сосредоточены в малых городах и селах, хотя доля населения этих городов в общем составе работающего населения составляет около 60%.

Таким образом, малообеспеченность в России концентрируется сегодня не столько в слоях, различающихся уровнем своей квалификации, сколько в так называемой «малой России» с ее узким и депрессивным рынком труда, вынуждающим соглашаться на ту работу и зарплату, которую предлагают, и где развитый человеческий капитал в массовом масштабе пока не востребован.

Альтернатив у данных типов поселений в нынешней социальной реальности нет. Гораздо ниже у них и возможности дополнительной занятости, которая могла бы помочь им как-то улучшить ситуацию за счет собственных усилий, что способствует развитию у данной группы населения пессимистических унастроений и не стимулирует их к каким-то активным действиям.

Что касается значительной части собственно малообеспеченных в

крупных городах, то она держится пока «на плаву» и не сползает в бедность только благодаря вторичной занятости, но при любых экономических кризисах сможет пополнить ряды нуждающихся и бедных. Это говорит о крайней неустойчивости стабильности населения даже в крупных и средних городах. Кроме того, это означает, что основная занятость большинства малообеспеченных не гарантирует им такой уровень жизни, при котором они могут рассчитывать на хотя бы длительное и устойчивое «относительно стабильное выживание», не говоря уже о благополучии.

Постулат пятый. *За годы реформ в России, особенно в последние 7-8 лет сложился массовый средний класс, близкий по своим существенным чертам к населению в целом, но представляющий ту его часть, в которой сильные достигательные установки способствуют мобилизации всех ресурсов для постоянного профессионального саморазвития, ведущего в итоге к жизненному успеху.*

В социологической интерпретации современный российский средний класс — это люди, которые сумели успешно адаптироваться к новой социальной реальности, справедливо гордятся этим и в массе своей, в отличие от слоев ниже среднего, чувствуют себя хозяевами собственной судьбы.

Каковы же основные критерии выделения среднего класса с учетом международных показателей? Во-первых, это характеристики социально-профессионального статуса (критерий нефизического характера труда); во-вторых, образование (наличие как минимум среднего специального образования); в-третьих, уровень благосостояния (показатели среднемесячных душевых доходов не ниже их медианных значений для данного типа поселения или количество имеющихся товаров длительного пользования не ниже медианного значения по населению в целом); в-четвертых, показатель самоидентификации (интегральная самооценка своего положения в обществе по десятибалльной шкале от 5 баллов и выше).

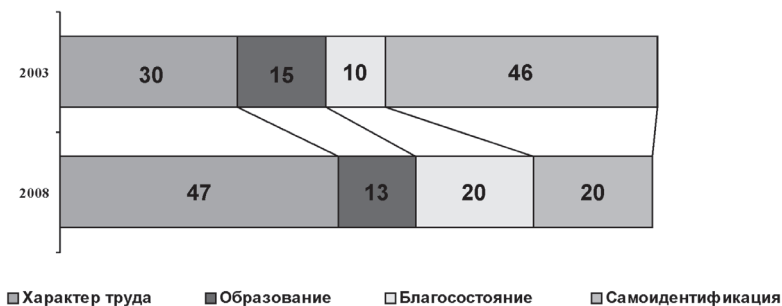
Численность среднего класса в 2008 г. для населения страны в целом составляла 33%. За последние годы средний класс резко увеличился за счет своей периферии. Однако, несмотря на многочисленность периферии среднего класса, ресурс его дальнейшего расширения практически ограничен и его численность может быть доведена без структурной перестройки экономики максимум до половины экономически активного населения страны.

При этом стандарт жизни российского среднего класса достаточно скромнен, что заставляет сомневаться в его способности самостоятельно

решить сразу все социальные проблемы (приобретение жилья, обеспечение возросших расходов на ЖКХ, обеспечение платных медицинских и образовательных услуг и т.д.).

Как показали многоразовые социологические замеры, российский средний класс не монолитен. На существующую в нем дифференциацию накладываются значительные различия между мегаполисами и провинциями страны, в условиях которых, например, та же Москва и по уровню жизни, и по структуре занятости, и по ментальности ближе к западным столицам. Отчетливо выражены поколенческие различия, связанные с тем, что существенное изменение алгоритмов выживания и успеха, произошедшее в 90-е годы, провело рубеж между старшими поколениями («старыми русскими») и молодежью, которая в целом достаточно успешно освоила «новые правила игры». Во всяком случае, в группах среднего класса до 30 лет, работающих в частном секторе и живущих в мегаполисах, число адаптированных и, соответственно, не проигравших от реформ значительно больше, чем в остальных средних слоях населения.

Результаты исследований позволяют констатировать, что средний класс все больше втягивает в свой круг людей различных слоев, профессиональных статусов, сближая на практике новый средний класс, формирующийся на базе частного сектора, представителей бюджетной сферы и средних слоев, которые сложились в советский период. При этом по своим основным образовательно-профессиональным характеристикам он становится все более сходной с населением в целом группой. Значимыми остаются только возрастные «фильтры» попадания в средний класс, способствующие уменьшению представительства в нем старших возрастов. Ослабевают региональные и становятся весьма условными образовательные «фильтры».

Таким образом, в социально-профессиональном составе среднего класса за последние годы произошли важные изменения. Одни из них связаны с общим ростом российской экономики и соответствующим расширением границ среднего класса, другие — с изменением ситуации на рынке труда, позволяющей работникам госсектора относительно быстрее улучшать свое положение, третьи — с ростом значимости профессиональных навыков и умений независимо от занимаемой должности. В целом вектор этих изменений имеет положительную направленность.

Что касается богатых, то, как свидетельствуют результаты исследований ИС РАН, большинство россиян проявляет к ним толерантное отношение. Во многом это объясняется массовыми представлениями о причинах их материального благополучия. Деловая хватка, наличие связей, умение использовать все шансы, немного везения и готовность работать без оглядки на время и здоровье — вот пять основных слагаемых успеха нынешних богатых россиян с точки зрения основной массы населения.

Вместе с тем, выделяя богатых сограждан, россияне имеют в виду не столько элитный круг общества, от которого они очень далеки и который ассоциируется скорее с понятиями «власть» и «богатство», сколько верхний слой среднего класса, который ассоциируется с представлениями о надежной материальной обеспеченности. По социологическим замерам разрыв в душевых доходах между богатыми и обездоленными слоями населения достигает 30 крат, хотя многое из практики позволяет сделать вывод, что разрыв еще больше.

Главное социально-демографическое отличие богатых семей от бедных — гораздо меньшая доля в составе первых лиц пенсионного возраста. Основной причиной низкого удельного веса семей с пенсионерами в группе богатых является то, что класс богатых людей в современной России формируется, в первую очередь, из относительно молодых предпринимчивых людей.

Как полагают сами богатые, главные отличия их жизни от жизни всех других слоев общества — значительно более высокое качество жилищных условий, возможность получения хорошего образования, проведение отпуска за границей, обеспечение качественного медицинского обслуживания, возможности для детей добиться в жизни намного большего, чем их сверстники. Примечательно, что с такими оценками согласно и российское население в целом, и его обездоленные слои.

Решающую роль при оценке представителями всех слоев своего места на «социальной лестнице» играет их уровень благосостояния и образ жизни. При этом по мере движения от бедных к более благополучным слоям нарастает значимость факторов образования и квалификации, с

одной стороны, престижности и «интересности» их работы, с другой. С этим связано и то, парадоксальное на первый взгляд обстоятельство, что во всех слоях населения, даже у бедных, есть заметное число тех, кто относит себя к средним слоям общества, и в обеих подгруппах малообеспеченных, не говоря уже о благополучных, именно они составляют большинство. За этим стоит неготовность подавляющего большинства россиян, особенно работающих и имеющих достаточно высокий уровень образования, согласиться на статус социальных аутсайдеров. Это говорит о том, что быть не только бедным, но и малообеспеченным сегодня в России становится стыдно. Тем самым, выдвинутый руководством страны лозунг роста численности среднего класса, как благополучной по уровню жизни части россиян, оказался своевременным — он отразил интересы подавляющего большинства малообеспеченного населения России, которое именно так и хотело бы видеть свое будущее.

Постулат шестой. *Наиболее резкое массовое недовольство россиян связано с чрезмерной глубиной неравенств в распределении собственности и доходов. При этом решающую роль в определении позиции наших сограждан в вопросе о справедливости тех или иных неравенств играют не столько их личные интересы, сколько общие представления о справедливости, которые являются социокультурной нормой, характерной для российского общества на нынешнем этапе его развития.*

Это говорит о том, что в сегодняшней России массовые реакции на социальные неравенства исходят из базовых ценностно-мировоззренческих позиций россиян, и в результате приобретают характер недовольства сложившимися в стране за годы реформ социально-экономическими отношениями, включая распределение собственности и доходов. При этом протест с индивидуального уровня переходит на макроуровень, превращаясь из недовольства собственным положением в недовольство новой системой общественных отношений в целом.

Таким образом, проблема легитимации социальных неравенств в современной России и преодоления недовольства россиян сложившейся сегодня в стране ситуацией заключается не столько в повышении зарплат бюджетникам или пенсий пенсионерам, а в общем изменении правил «игры», сближением этих правил с теми представлениями о справедливости, которые являются краеугольными для российского национального самосознания. При этом основанием легитимности различий в получаемых благах является в представлениях россиян именно труд, то есть, его справедливое распределение, а не близость к власти или умение «урвать» в ходе приватизации «жирный кусок».

Это говорит о том, что российские граждане не являются упорными противниками частной собственности. Достаточно отметить, что 87% россиян соглашаются с тем, что право иметь частную собственность должно быть неотъемлемым правом любого человека. Дело здесь не в негативном отношении россиян к частной собственности, а именно в нелегитимности ее распределения в обществе.

Как показали исследования, недвижимость — одно из важнейших проявлений социальных неравенств в повседневной жизни россиян. Около 60% населения одновременно не имеют никакой недвижимости, помимо жилья, где проживают (к тому же в большинстве случаев оно очень низкого качества), ни сбережений (причем каждый второй из них имеет долги различного рода). Отсюда понятно, что у большинства населения России сейчас практически нет никаких экономических ресурсов, и неравенство их уровня жизни определяется в основном особенностями их текущих доходов и расходов.

Вместе с тем, социальные неравенства не сводятся только к неравенству доходов, а проявляются и в разном качестве отдельных аспектов жизни, которые выражаются в различном социально-психологическом состоянии, здоровье, открывающихся возможностях, степени доступности стратегий адаптации и улучшения своего положения, в восприятии жизни в целом.

Важнейшими факторами неравенств выступают проживание в разных типах поселений, возрастная дискриминация, различия в уровне образования. В целом недовольство качеством своей жизни и имеющимися возможностями в российском обществе постепенно сокращается, хотя доля негативных оценок остается слишком высокой и часто доминирует над долей позитивных оценок.

Несмотря на некоторую позитивную динамику в субъективных оценках своей жизни россиянами, говорить о значительных изменениях в их жизни еще рано. У большинства наших сограждан за последние два года качество жизни не изменилось, они не смогли добиться чего-либо значимого. Те, кому удалось достичь положительных изменений, отличались изначально более высоким материальным положением, меньшим возрастом и более высоким уровнем образования, то есть имели заведомо лучшие жизненные шансы. Аналогично складывалась ситуация и с использованием платных социальных услуг. Таким образом, можно говорить о существовании тенденции к дальнейшему усилению неравенств, так как качество жизни улучшают в основном те, кто уже и так находится в более благополучном положении. Это означает, что происходит углубление — или, по меньшей мере, консервация существующих неравенств.

Данные исследования ИС РАН позволяют сделать вывод о том, что социальные неравенства накладывают свой отпечаток на традиционные практики взаимной поддержки и качество существующих социальных связей, которые были и остаются важным дополнительным ресурсом выживания. С одной стороны, стабильное материальное положение способствует сохранению и преумножению социальных сетей (а сети, в свою очередь, помогают поддерживать благосостояние определенного уровня). С другой стороны, применительно к двум низшим стратам можно говорить уже не только о бедности, но и о социальной эксклюзии — они выпадают из мейнстрима, и не в состоянии поддерживать традиционный для российского сообщества образ жизни, то есть выступать в качестве активных участников наиболее значимых социальных практик традиционных взаимообменов. У них либо вообще отсутствует социальный капитал, либо он явно недостаточен.

Из осмысления полученных данных складывается впечатление, что трудности и неудачи повседневной жизни таят в себе угрозу обособленности, изолированности от других людей, а это очень тревожная тенденция, идущая вразрез с представлениями о том, что россияне непременно справятся с любой ситуацией за счет исторически сложившейся традиции взаимопомощи, особенно выраженной в провинциях.

Кроме того, в более благополучных регионах России функционирование социальных сетей явно смещается в сторону предоставления более сложных и экономически значимых видов помощи, а именно связей и протекции. Например, в Москве и Санкт-Петербурге этим типом поддержки пользуются 36% населения, что является одним из самых высоких показателей (в среднем по России этот тип помощи получали 27%). При этом в остальных регионах превалируют более простые виды обменов, включая обмен услугами. Причем, чем меньше населенный пункт, тем меньше у его жителей шансов улучшить свое положение за счет социального капитала, не только по причине его нехватки или отсутствия, но и по причине ограниченных возможностей конвертации имеющихся социальных связей в значимые экономические дивиденды, из-за особенностей социально-экономической ситуации в разных типах населенных пунктов.

Установлен социологический факт: ресурс социальных сетей играет огромную роль в формировании и воспроизводстве социальных неравенств. Однако большинство сложившихся социальных сетей носит неформальный характер, в чем проявляется явное недоверие значительной доли российских граждан к формальным институтам.

Несмотря на огромную значимость капитала неформальных социальных сетей в практическом выживании россиян, около 20% населения в

среднем по России полностью лишены всякого социального капитала. Если вдуматься, то это огромная цифра, поскольку за ней стоит одиночество и изолированность почти двух десятков миллионов россиян, не получающих даже простой психологической поддержки со стороны ближайшего окружения.

Чрезвычайно опасной выступает и тенденция постепенного исключения малообеспеченных и, особенно, бедных из наиболее значимых видов многофункциональных обменов социальным капиталом и смещение характера функционирования сетей поддержки самых нуждающихся в сторону получения более простых типов помощи. Поэтому правы те ученые, политики, эксперты, которые призывают сделать основной задачей социальной политики не просто материальную помощь беднейшим, а выравнивание сильно дифференцированных социальных шансов различных групп населения, в том числе и в межрегиональном пространстве современной России.

Постулат седьмой. *Несмотря на радикальный характер происходивших в стране социально-экономических перемен, социокультурные стереотипы, определяющие общий склад сознания российских граждан, изменяются достаточно плавно, эволюционно, а структура российского социума продолжает обеспечивать надежную трансляцию базовых жизненных ценностей, мотиваций и способов восприятия действительности.*

Как показывают исследования, смысловые установки, которые выделяются среди доминант массового сознания, характеризуют типичного россиянина как человека, готового к неожиданным поворотам судьбы, обладающего хорошими адаптационными способностями, склонного к автономности, усматривающего свое призвание не столько в приумножении благ, сколько в стремлении жить как хочется, получая от этого моральное удовлетворение.

Малообеспеченные слои характеризуются четкой выраженностью достижительных установок, но только в той их части, которая обеспечивает наиболее типичную для россиян в целом идеальную модель жизни. Подобная модель может быть описана формулой «любимая работа, счастливая семья, хорошие друзья, чистая совесть и уровень жизни не хуже, чем у других». Эта же модель предполагает хорошее образование, интересную и престижную работу, хорошие отношения между супругами и т.д. В то же время, для малообеспеченных не характерны относительно распространенные в благополучных слоях россиян жизненные устремления, направленные на смену классовой принадлежности.

Не только для малообеспеченных, но и для большинства россиян в целом, не характерны такие ценности, как власть, известность, желание попасть в «статусный» круг или иметь собственный бизнес. Однако динамика ценностей россиян за последние 15 лет говорит о том, что перечисленные ценности постепенно набирают все большее число сторонников, а такая базовая для подавляющего большинства россиян сфера их жизни, как работа, постепенно теряет свое значение важной формы самореализации и способа общения, приобретая все более инструментальный характер (способ заработка).

Еще один очень важный социологический факт, имеющий отношение к седьмому постулату. Степень глубины, равно как и темпы изменения российского национального самосознания, не столь велики, как об этом принято говорить и писать: слегка пошатнувшаяся в первой половине 1990-х годов советская парадигма продолжает демонстрировать удивительную устойчивость. Как следствие, несмотря на существование вполне естественной поколенческой и региональной специфики в отношении к различным этапам и явлениям российской истории, подавляющее большинство россиян продолжает относить к основным предметам общенациональной гордости события и достижения советской эпохи, не оставляя возможности для ценностного раскола российского общества.

Исследования ИС РАН последнего десятилетия демонстрируют, с одной стороны, явное стремление молодежи и представителей средних (наиболее активных в экономическом смысле) возрастных групп жить в нынешней России со всеми присущими ей проблемами и противоречиями, а, с другой — очевидную ностальгию старших возрастных групп россиян по жизни в СССР, их желание оказаться в обществе «брежневского образца». Причем еще в 1998 г. сторонники жизни «в брежневском обществе» доминировали над современниками в соотношении 46% на 25%. Однако на исходе становления пореформенной России (а именно в 2007 г.) произошел примечательный перелом в общенациональном сознании россиян: около 60% сделало выбор в пользу современного российского общества, а 20% в пользу общества брежневского типа.

Постулат восьмой. *В пореформенной России сосуществуют традиционалистски и патерналистски настроенная часть общества и те сограждане, в сознании которых доминируют идеи личной ответственности, инициативы, индивидуальной свободы, иначе говоря, носители модернистского сознания. Понятно, что речь идет о двух полярных типах мировоззрения, или, можно сказать, о двух моделях альтернативного видения мира. Выделяется и та часть населения, которую следует охарактеризовать, как носите-*

лей промежуточного типа сознания, сочетающего в себе элементы традиционализма и модернизма.

За последние три года доля модернистов несколько сократилась (с 26% до 20%), а доля традиционалистов возросла (с 41% до 47%); распространенность промежуточного сознания осталась практически в прежних границах (33%). Причем эта тенденция затронула все возрастные группы и даже возрастную когорту до 25 лет (где доля модернистов снизилась с 2004 г. с 37% до 27%, а доля традиционалистов возросла с 29% до 39%). Это говорит о том, что традиционные ценности, несмотря на воздействие трансформационных процессов, постепенно восстанавливают свое влияние на общество, переходящее от романтических увлечений к реальной жизни в условиях современного демократического устройства и рыночной экономики. Тем самым ценностно-смысловое ядро российского менталитета продолжает демонстрировать удивительную устойчивость. Даже в условиях системной трансформации российского общества практически все аспекты и проблемы современного мира — демократия и рыночная экономика, свобода и социальная ответственность, отношения между личностью, обществом и государством, получают в России специфические звучание и окраску. Под воздействием глубоких экономических и социально-политических преобразований общенациональный менталитет россиян представляет собой если не константу, то, во всяком случае, величину достаточно независимую, которую нельзя изменить по заказу, но можно и нужно использовать через государственный политический курс и политическую волю, что весьма убедительно смог сделать за короткий исторический срок В. Путин.

Постулат девятый. *Для россиян одним из важнейших объектов общественного внимания, своего рода несущей конструкцией мировосприятия, являются место и роль государства в экономической и социальной жизни. Результаты нынешнего исследования не только подтверждают, но и показывают обостренное восприятие нашими гражданами всего того, что связано с деятельностью государства в экономической и социальной сферах. При этом главная установка россиян направлена на доминирование государства в экономике, управлении собственностью.*

Означает ли это, что большинство населения выступает за возврат к огосударствлению всего и вся, а тем более за переход к плановой экономике? Нет, не означает.

Как показывают результаты последних исследований, у россиян нет антагонизма к рыночной экономике как таковой, хотя та ее модель, которая существует сейчас в России, большинством из них отторгает-

ся. Причем, не только потому, что они сами проиграли в процессе ее утверждения, но и потому, что она, с их точки зрения, наносит ущерб интересам государства и общества в целом. Далее, все отрасли стратегического характера (электроэнергетика, добывающие отрасли, транспорт и др.), по мнению россиян, должны быть «в руках» государства, в ряде отраслей нестратегического характера, особенно связанных с удовлетворением повседневных потребностей людей, большинство населения допускает доминирование смешанной экономики. Это относится к строительству и эксплуатации жилья, средствам массовой информации, дорожному строительству, финансовой сфере, телефонной связи, пищевой промышленности. Причем, как и десять лет назад, безусловный приоритет здесь россиянами отдается пищевой промышленности и печатным СМИ.

Таким образом, хотя доминирование частного сектора не допускается россиянами ни в одной сфере, однако даже в старшей возрастной когорте большинство предпочитает наличие в России смешанной экономики, где государственный сектор сосуществует с частным в ряде отраслей нестратегического характера под контролем государства, призванного согласовывать интересы частного сектора с интересами общества в целом. Это означает, что большинство россиян ждет от государства реализации модели государственного капитализма в экономическом развитии страны. Фактически речь идет о возрождении модели нэпа 20-х годов прошлого века, которая, видимо, потому и дала в свое время такой колоссальный экономический эффект, что в наибольшей степени соответствовала социокультурным и психологическим особенностям россиян.

Причем, как показали исследования ИС РАН, и представления о желаемом типе социально-экономического устройства страны, и представления о роли государства в экономике в целом и в конкретных отраслях, и представления о приоритетах государственной экономической политики разделяются большинством россиян в любой демографической и социально-профессиональной группе. Более того, эти представления остаются очень устойчивыми, хотя по отдельным вопросам и могут слегка видоизменяться под влиянием нового опыта.

Если в вопросе о модели взаимоотношений общества, государства и отдельного человека в российском обществе сосуществуют группы с противоположными типами мировоззрения, и процесс социокультурной модернизации, хотя медленно, но все же идет, то с экономическими воззрениями россиян картина принципиально иная. И даже та часть россиян, которая выступает сторонниками индивидуальной свободы, личной

ответственности, защиты прав человека, являясь носителями модернистского, инновационного типа мышления, в вопросах об оптимальной для России модели социально-экономического устройства, о роли государства в регулировании экономической и социальной сферы, практически едина со всем остальным населением.

В этой связи необходимо подчеркнуть: россияне не фетишизируют нынешнее Российское государство, а, напротив, относятся к нему весьма критически — ведь легитимно и одобряемо для них только такое государство, которое на первое место ставит не интересы государственного аппарата, бюрократии, а интересы той самой главной общности, которая определяется понятием «народ». Только законы такого государства россияне будут признавать справедливыми и готовы будут их соблюдать.

Постулат десятый. *Общациональное сознание в пореформенной России характеризуется резким повышением удельного веса в нем массовых суждений и оценок внешнеполитической направленности. Концентрация общественного внимания и публичной реакции россиян на международные события и процессы, затрагивающие интересы нашей страны, стала подниматься до уровня общественного внимания, которое проявляется обычно к событиям и процессам внутренней жизни.*

В плане социологической интерпретации необходимо заметить, что мы имеем дело с редким явлением в условиях конкретного исторического периода, когда внутренние и внешние аспекты деятельности государства практически в равной степени интересуют большинство наших сограждан.

Подобное явление имеет свое основание. К середине 1990-х годов в массовом сознании российских граждан постепенно утвердилось мнение, согласно которому при всей своей привлекательности западный путь развития, опыт которого переносился когда-то на отечественную почву, для России не приемлем. Как следствие, культурно-историческая самобытность российского общества стала интерпретироваться в качестве непреходящей базовой ценности. В соответствии с новой парадигмой стало переосмысливаться и отношение между «Мы» и «Они», в том числе применительно к внешнеполитическим задачам государства.

Общациональный опрос, проведенный в сентябре 2008 г. по теме «Фобии и угрозы в массовом сознании россиян» показал: реакция западных стран на роль России в ответ на агрессию Грузии в Южной Осетии только укрепила сложившуюся антизападную установку наших сограждан.

Первоначально сдвиги в общественном мнении имели характер внутреннего самоутверждения, не отличаясь собственно антизападной направленностью. Однако неуклонно осуществляемые вопреки протестам российского руководства действия западных стран, связанные, в том числе, с расширением НАТО на Восток, бомбардировкой Сербии, появлением американских военных баз в государствах Центральной Азии, настойчивыми попытками выстраивания системы глобальных коммуникаций в обход России, убеждали россиян в том, что в общем и целом Запад, образ которого начал прочно связываться в сознании большинства российских граждан с фактором угрозы, занимает по отношению к России далеко недружественную позицию.

Отметим, что Запад выступает в российском самосознании в различных образах, сменяющих друг друга в зависимости от конкретных условий ипостасях. В качестве доминирующего субъекта международных отношений он представлен разного рода политическими, военно-политическими и экономическими структурами, наиболее проблемной из которых является, в глазах россиян, НАТО, отношение к которой в российском обществе продолжает оставаться устойчиво негативным в течение ряда лет. Так, сегодня, согласно данным опроса, само слово «НАТО» вызывает отрицательные эмоции почти у 80% опрошенных.

Шлейф негативных ассоциаций сопровождает в массовом сознании и образ США, и американской политики. Если в 1995 г. более 77% респондентов воспринимали упоминание о США вполне благожелательно, то в начале XXI в. доля таковых сократилась до 37%, а после войны на Кавказе рейтинг симпатий россиян на упоминание США и вовсе упал до 14%.

Выясняя мнения наших сограждан по поводу международного положения России и ее места в мире, нельзя обойти вниманием вопрос об их отношении к различного рода процессам, играющим системообразующую роль в формировании современного глобального мира. Разнообразные наднациональные структуры россияне воспринимают весьма настороженно. Например, по вопросу об отношении к МВФ и ВТО российское население расколото практически пополам (50%-52% оценивают их в целом положительно, но у 46%-47% они вызывают отторжение). Слово «глобализация» нагружено в настоящее время, прежде всего, отрицательными ассоциациями (у 58% наших респондентов оно вызывает негативные и только у 40% позитивные чувства), зато «антиглобалисты» вызывают симпатии почти у 2/3 наших сограждан.

Что думают россияне по поводу перспективы интеграции России с Евросоюзом? В 2002 г. количество «еврооптимистов», связывающих бу-

дущее России с ее вступлением в объединенную Европу, заметно превышало, по нашим данным, количество не видевших в этом особого смысла «евроскептиков» в соотношении 42% на 30%. Сегодня картина полностью изменилась: противники объединения с Евросоюзом составляют около 50%, в то время как доля еврооптимистов упала до 30% россиян.

Означают ли приведенные данные, что наши сограждане в большинстве своем являются откровенными противниками сближения России и Европы? Нет, не означает. Даже при том, что психология и культура российского общества, а также конкретная внешнеполитическая ситуация накладывают на этот процесс целый ряд условий ограничительного характера. В отличие от какой-либо другой внешнеполитической ориентации подобный процесс не вносит в российское общество нежелательной психологической напряженности и не провоцирует в нем значительных духовных расколов.

Общий вывод: *с позиции анализа динамики общенационального самосознания пореформенная Россия не просто встает на ноги, она самоопределяется и самоутверждается. За последние 7—8 лет она приобрела собственную субъектность, причем не только на внешнеполитической сцене, но и как страна с самостоятельной судьбой, собственными планами на будущее.*

Нынешний период России наши сограждане оценивают как самый благополучный период всей новейшей истории, что затмевает даже спокойную и стабильную эпоху Л. Брежнева.

Все это говорит о собирании в пореформенной России (в дополнении к финансово-экономическому) огромного социально-психологического ресурса для возможного осуществления модернизационного прорыва, в котором крайне нуждается российское общество.

С.А. Кравченко

Горизонты социологической мысли в России: проблемы и достижения

Бесспорны достижения российских социологов конца XIX — начала XX вв. в обосновании *уникальных и многообразных* теоретико-методологических подходов, совмещавших передовые достижения мировой науки с анализом нашей национально-культурной специфики. Н.К. Михайловский, П.Л. Лавров, Н.И. Кареев стали создателями русской субъективной школы. Среди ее особых достижений отметим теорию подражания, опередившую почти на десять лет исследования Г. Тарда, интереснейшую теорию общественного прогресса, выдвигавшую в качестве главного критерия личное счастье и гармоничное развитие человека. Л.И. Петражицкий предложил социологическую теорию права, в основе которой лежал анализ социально-психической деятельности. А.В. Чаянов и С.Н. Булгаков — теории, интерпретировавшие особенности российского хозяйства. М.М. Ковалевский — многофакторный подход к анализу общества, обосновывавший возможность теоретического синтеза разных социологий. П.А. Сорокин — фундаментальную теорию социальной и культурной динамики. В.И. Ленин — теорию империализма.

Революции в России в начале XX века привели не только к радикальным поворотам в социальном укладе и экономике, но и к разломам и зигзагам в интеллектуальной жизни страны. Были ликвидированы «антимарксистские» школы — возник разрыв в преемственности целого ряда научных традиций. В результате российские обществоведы, по существу, оказались в ином темпом мире по сравнению с зарубежными коллегами. Это был закрытый для научных контактов мир с рамочными тоталитарными идеологией и партийной моралью, устанавливавшими многочисленные табу на научные изыскания, результатом чего в обществоведении утвердилось *единообразное* теоретизирование в рамках марксизма-ленинизма. Главное табу было на теоретико-методологическую инновационность. Теоретическая социология, предполагающая *альтернативные подходы* к анализу общества, как раз подпадала под это табу. Отсюда пошли соответствующие оценки ее как «лженауки» или «буржуазной науки».

Сказанное отнюдь не означает, что свободомыслие вообще исчезло из сознания российских ученых. Но отмеченное обстоятельство необ-

ходимо учитывать при оценке деятельности тех, кто способствовал возрождению социологической теоретической мысли в России в конце 1950 — начале 1960-х годов. Их подвижническую и интеллектуальную роль, по моему убеждению, необходимо оценивать по тому, *что* ими сделано, а не по тому, что не было сделано по тем или иным обстоятельствам. Это первое. Во-вторых, от социологической теоретической мысли в России в 1960–80-е годы просто невозможно требовать критериев, характерных для социологических теорий, как они понимались на Западе. По Дж. Ритцеру, теории представляют собой набор идей, которые своими корнями уходят в «классический век социологии» (в Европе от начала 1800 до начала 1900 гг.), имеют широкое применение, исследуют принципиально важные социальные проблемы, выдержали испытание временем [1, р. 5]. Естественно, подобного типа теории просто не могли быть созданы в идейных и культурных условиях нашей страны. Наконец, в-третьих, к 90-м годам прошлого столетия социологам стало очевидно, что мир вступил в *усложняющуюся социокультурную динамику*, для которой характерны нелинейное развитие, разрывы, центробежный и беспорядочный характер трансформаций, возрастание роли локального фактора и дисперсии [2, р. 150]. Теперь уже в силу особенностей современной социокультурной динамики появление фундаментальных теорий типа теорий П. Сорокина или Т. Парсонса стало невозможным ни в России, ни в мире. Им на смену приходят теоретизирование контекстуального характера, а также теории рефлексивного типа. Как отмечал М. Фуко, каждой исторической эпохе свойственна своя «*эпистема*», под которой понимается общая, характерная для конкретного исторического периода система мышления, научного теоретизирования [3]. Как мне представляется, в рамках этой эпистемы российские социологи весьма успешно предпринимают попытки создать теоретические подходы, отвечающие мировым стандартам социологической методологии.

Возрождение социологической теоретической мысли в России не могло начаться без контактов с зарубежными западными социологами, чьи достижения в создании теорий были очевидными. Вначале эти контакты могли установить обществоведы-международники, практически владевшие английским языком и имевшие возможности посещать международные социологические форумы, ведущие зарубежные университеты. В 1956 году советские обществоведы впервые приняли участие в работе Всемирного социологического конгресса.

Отмечу важную роль, которую сыграл МГИМО в возрождении в СССР социологии. Его ректор Г.П. Францов, крупнейший иссле-

дователь мировой социальной мысли [4], собрав вокруг себя группу энтузиастов, проявивших интерес к разработке проблем теоретической социологии. Среди них были ученые, которые затем приобрели всесоюзную, некоторые и мировую, известность. Это, прежде всего, Г.В. Осипов, Э.А. Араб-оглы, Э.А. Баграмов, Ю.А. Замошкин, Ю.Н. Семенов, В.С. Семенов, Г.Л. Епископосов, Д.В. Ермоленко, Г.К. Ашин, И.В. Бестужев-Лада, Д.М. Гвишиани и др. В 1965 г. под редакцией Г.В. Осипова вышел труд «Социология в СССР. В 2 Т.». Вторым том включал в себя социологический словарь, введивший в научный оборот многие термины теоретической социологии, ранее не известные даже подготовленному читателю.

В 1960–1970-е годы были опубликованы работы на высоком теоретико-методологическом уровне с обоснованием собственных концептуальных подходов по социологическим проблемам прогнозирования (Э.А. Араб-оглы [5] и И.В. Бестужев-Лада [6]), теории элит (Г.К. Ашин), управления (Д.М. Гвишиани), научно-технического прогресса (Г.Л. Епископосов), этносоциологии (Э.А. Баграмов), социальной стратификации и мобильности (В.С. Семенов). Д.В. Ермоленко и Ю.А. Замошкин оказали большое влияние на развитие теоретических основ социологии международных отношений, хотя их теоретические подходы к интерпретации современного общества во многом различались: если Д.В. Ермоленко анализировал кризисные международные ситуации через призму макрополитики (баланс сил, построение договоренностей и противовесов), то Ю.А. Замошкин шел от личности, сложных коллизий, возникающих в сознании человека под влиянием массовизации производства и потребления определенных материальных и духовных ценностей. Его труд «Кризис буржуазного индивидуализма и личность. Социологический анализ некоторых тенденций в общественной психологии США», изданный в 1966 году, оказал воздействие на широкий круг исследований в области, которую сегодня принято называть деятельностными социологическими теориями.

Представляется, в обосновании деятельностных теоретических подходов наши социологи во многом были пионерами. По концептуальному уровню, оригинальности мышления они не уступали зарубежным социологам. И это было в так называемые «застойные» годы. Их теоретико-методологический инструментарий был новаторским, по существу, закладывал основы теории самоорганизации субъекта. Среди авторов работ, в которых индивид трактуется не как объект политики или управления, а прежде всего как актер, отметим: И.С. Кон (исследование социальных ролей личности, сексуальное поведение) [7], А.Г. Здравомыс-

лов (интересы человека) [8], В.А. Ядов (личностные диспозиции разного уровня) [9].

В период выхода из научной изоляции при сохранении экспансии марксизма-ленинизма западные социологические теории зачастую приходили в нашу науку с помощью такой формы как их критика или проблематика идеологической борьбы. Но это открывало через рефлексию критикуемого материала путь в мировое научное сообщество: интересующиеся социологией обретали возможность познакомиться (хотя бы в таком виде) с концепциями, созданными современными западными теоретиками. Перу Г.В. Осипова, Л.Г. Ионина, Ю.Н. Давыдова принадлежит ряд неординарных исследований по зарубежной теоретической социологии [10].

Стали переводиться на русский язык труды выдающихся западных теоретиков социологов. Большая часть из них попадала в спецхран, которым могли пользоваться представители академической науки, отдельные работы становились доступны широкому читателю. В частности, речь идет о трудах Т. Парсонса, которые появились в книге Г. Беккера и А. Боскова «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении», изданной в 1961 году.

Разумеется, о появлении учебников или учебных пособий по теоретической социологии, параллельных учебникам по научному коммунизму не могло быть и речи. В 1969 г. Ю.А. Левадой были изданы «Лекции по социологии». В них были представлены две парадигмы теоретической социологии — марксистская и структурно-функционалистская. С позиций «единственно верной» методологии марксизма-ленинизма они были подвергнуты критике, что является конкретным свидетельством того, в какой сложной атмосфере шел процесс возрождения социологической теоретической мысли в стране. В все же он набирал обороты, приобретая необратимый характер. В 1974 году начал выходить журнал «Социологические исследования», главным редактором которого по 1986 год был А.Г. Харчев, отводивший весьма важное место статьям по теоретической социологии.

Примечательно, что и в рамках марксистской парадигмы стали появляться интересные теоретические новации. В частности, в 1986 году вышла в свет работа Н.И. Лапина «Молодой Маркс», позволившая читателю познакомиться с другим Марксом, с иными теоретическими подходами к исследованию человека, общества, общественного сознания, чем те, которые ранее представлялись в марксизме-ленинизме.

Развитие теоретической социологии в стране вышло на качественно новый уровень с прекращением партийно-административного регулиро-

вания научных исследований, что произошло в конце 1980-х годов. Переход к академической свободе творчества был весьма противоречивым. Переименование кафедр, на которых преподавались марксистско-ленинские дисциплины, в кафедры социологии (или политологии и культурологи) не могло столь же одномоментно сформировать профессиональных социологов. Появился ряд работ, характер дискурса которых можно определить как идеологическая социология анклавного типа. В этом дискурсе доминировали оценочные суждения патриотического толка, вневременные нормы нравственности, универсальные законы общественного развития, весьма вольные интерпретации классиков социологии, а главное призывы *верить* тем или иным суждениям, что, строго говоря, не имеет отношения ни к социологии, ни к общественной науке вообще. «Наука опирается на принципы *презумпции доказанного*... — писал академик П.В. Симонов. — Все остальное принадлежит царству веры, а верить можно во что угодно, поскольку свобода совести гарантируется законом» [11].

В целом развитие отечественной социологической теоретической мысли идет в русле тенденций развития мировой социологии. Осуществляется это по целому ряду направлений. Отмечу семь из них, на мой взгляд, наиболее главных.

Во-первых, усилиями А.О. Бороноева, А.И. Голосенко, А.Г. Здравомыслова, В.В. Козловского, Е.И. Кукушкиной, В.П. Култыгина, А.Н. Медушевского, С.С. Новиковой и др. произошло переоткрытие русской теоретической социологии. Ее достижения имеют непреходящее значение для понимания самобытных черт нашего общества, особенностей ментальности россиян, что крайне важно учесть при исследовании современной России. По инициативе и под редакцией В.И. Добренкова вышли тексты трудов целой плеяды российских социологов, представляющие самые разные теоретико-методологические подходы. Особо хочется отметить В.В. Сапова, многие годы работающего над подготовкой к изданию и переводом социологических трудов П.А. Сорокина, включая его фундаментальную книгу «Социальная и культурная динамика». Возрождение интереса к теоретической социологии Сорокина в России и мире позволило провести Международный научный симпозиум, посвященный 110-летию со дня рождения великого ученого (Москва—Петербург—Сыктывкар, 1999), в котором приняли участие американские последователи его творчества Э.А. Тирикьян и Б.В. Джонстон, а также его сын — С.П. Сорокин. Р. Мертон направил в адрес симпозиума свои воспоминания о П. Сорокине, называя его «учителем» [12].

Во-вторых, конец прошлого столетия ознаменовался публикацией первого в России четырехтомного фундаментального издания «История

теоретической социологии», в котором весьма полно прослеживается развитие мировой социологической мысли со времени ее возникновения и до наших дней. Кроме того, российские социологи получили возможность напрямую познакомиться с основополагающими работами классиков мировой социологии. Переводы трудов Э. Дюркгейма в новой уточненной редакции были сделаны А.Б. Гофманом. Целый ряд социологов, среди которых С.П. Баньковская, Я.М. Бергер, П.П. Гайденок, Ю.Н. Давыдов, М.И. Левина, С.Я. Левит, А.Ф. Филиппов, подготовили публикации М. Вебера. Отдельным изданием были опубликованы собственно социологические работы К. Маркса, чему особенно способствовали Ю.Н. Давыдов и А.Ф. Филиппов. Круг выдающихся мировых социологов-теоретиков, с которыми российский читатель мог познакомиться, постоянно расширяется. Под редакцией В.И. Добренкова появляются тексты американских и западноевропейских ученых. Выходит в свет «Теоретическая социология: Антология» (общая редакция С.П. Баньковской). После чего, по существу, начался переводной бум на русский язык авторов, снижавших популярность в области научного теоретизирования о социальном. Назовем лишь некоторые имена: Т.В. Адорно, З. Бауман, У. Бек, П. Бергер, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, И. Валлерстайн, Г. Гарфинкель, Э. Гидденс, И. Гофман, Г. Дебор, Ж. Деррида, Д. Кола, Дж.С. Колумен, Ж.Ф. Лиотар, Т. Лукман, Н. Луман, К. Манхейм, Г. Маркузе, Р. Мертон, Ч.Р. Миллс, Т. Парсонс, Дж. Ритцер, Г. Спенсер, Л. Тевено, А. Турен, З. Фрейд, Э. Фромм, М. Фуко, Ю. Хабермас, А. Шюц и др.

В-третьих, осуществляется публикация научной справочной литературы по теоретической социологии. В 1990 году увидел свет словарь «Современная западная социология» — издание, не имевшее аналогов в советской социологической литературе (составители Ю.Н. Давыдов, М.С. Ковалева, А.Ф. Филиппов). Оно включало статьи о важнейших теоретических направлениях и школах, наиболее крупных представителей западной социологии. В 1998 г. под редакцией академика Г.В. Осипова вышел в свет «Социологический энциклопедический словарь с английскими, немецкими, французскими и чешскими эквивалентами». Кроме того, были переведены на русский язык социологические словари зарубежных авторов (Д. Джерри и Дж. Джерри, Т. Лоусон и Дж. Гэррод). С учетом новой лексики, почерпнутой из материалов международных социологических конференций и во время научных командировок, С.А. Кравченко издал «Социологический энциклопедический англо-русский словарь. Более 15000 словарных статей» (2002 г.) и «Социологический энциклопедический русско-английский словарь. Более 10000 словарных статей» (2004 г.). Крупнейшей вехой в развитии от-

ечественной теоретической социологии стала двухтомная «Социологическая энциклопедия» (руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин), включающая более трех тысяч статей. В Энциклопедии содержится широкий спектр школ и учений, представляющих российскую и мировую социологическую мысль.

В-четвертых, теоретическая социология пришла в вузы, стала доступной студентам, аспирантам, всем интересующимся проблемами современного общества. Под редакцией академика Г.В. Осипова выходит учебник для вузов «История социологии в Западной Европе и США» (1999 г.). Выпуск каждого последующего издания учебника или учебного пособия накладывал на его авторов задачу оптимального учета как отечественных, так и зарубежных достижений в теоретической социологии. Этой задаче соответствовали учебники для студентов вузов Ж.Т. Тощенко, А.В. Дмитриева, Ю.Г. Волкова, В.И. Добренькова, В.Н. Нечипуренко, А.В. Попова, А.Г. Эфендиева, С.С. Фролова, В.А. Ядова, С.А. Кравченко. Был осуществлен и перевод учебников западных авторов. Однако, думается, если в 90-е годы издание учебников Н. Смелсера и Э. Гидденса было оправданным (освоение мировой теоретической социологии, по существу, только начиналось), то сегодня публикация переводных учебников, основанных почти полностью на западных культурных традициях, вряд ли целесообразна. Полагаю, по теоретико-концептуальному, методологическому и методическому содержанию наши учебники не уступают зарубежным аналогам (другое дело, уровень их полиграфического исполнения, оптимальное соотношение теоретического и эмпирического материала). Ценно и то, что мы перестаем ассоциировать теоретическую социологию исключительно с западной социологией. Благодаря усилиям З.Т. Голенковой и Н.П. Нарбута российские студенты могут познакомиться с оригинальными теориями и концепциями, созданными социологами Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехии, Словакии и Югославии [13]. Вместе с тем, обретают влияние теоретические наработки, созданные социологами Востока и Юга, с которыми отечественные социологи мало знакомы.

В-пятых, российские социологи стали весьма представительно участвовать в международных социологических форумах. На XIV, XV и XVI Всемирных социологических конгресс, которые прошли соответственно в Канаде (1998 г.), Австралии (2002 г.), ЮАР (2006 г.) присутствовало порядка 50 человек (не все получили научные гранты, некоторые приехали по собственной инициативе). Это показатель конкурентоспособности представляемых докладов и сообщений, что само по себе невозможно без должных теоретико-концептуального уровня,

методологической культуры. Отрадно, что в мировую социологию входят молодые российские ученые — по моим подсчетам они составляют примерно 10-15% участников международных форумов. Нам есть, что показать зарубежным коллегам, познакомив их с теоретическими проблемами, над которыми мы работаем. Специально к таким форумам готовятся тематически структурированные сборники трудов на английском языке [14]. Разумеется, есть и нерешенные проблемы. Пришло время предпринять усилия по подготовке работ отечественных социологов к публикации в ведущих зарубежных издательствах. На всемирных конгрессах всегда организуются сессии по презентации новейшей социологической литературы. В них мы еще не принимали участия. Полагаю, отечественная теоретическая социология имеет потенциал для того, чтобы труды ее представителей были востребованы мировым социологическим сообществом.

В-шестых, в отечественной теоретической социологии утверждается естественность методологического плюрализма, — в русле развития современной мировой социологии. Это, в частности, выражается в использовании полипарадигмального подхода, который предполагает не только возможность совмещения собственно социологических теоретических парадигм [15], но и позволяет использовать оригинальные теоретико-методологические амбивалентности. В результате социологи могут активно взаимодействовать с родственными социальными науками, с науками гуманитарными и естественными, у которых заимствуется концептуальный аппарат (разумеется, в дальнейшем он наполняется собственно социологическим содержанием). Пример тому — обоснование экوانтропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигм (Т.М. Дридзе, Т.З. Адамьянц и др.) [16].

Наконец, в-седьмых, отечественные социологи весьма успешно работают в рамках формирующейся новой эпистемы мышления, создавая собственные теоретические подходы и концепции. Здесь мы практически находимся в равных условиях с зарубежными коллегами: и им и нам приходится искать принципиально инновационные подходы к исследованию усложняющейся нелинейной социокультурной динамики, предполагающей разные скорости и ритмы развития рефлексизирующего социума. Так, академик Т.И. Заславская предложила деятельностьнноструктурную концепцию, через призму которой рассматриваются особенности спонтанной трансформации российского общества [17]. Академик Г.В. Осипов разрабатывает социологию мифотворчества, исследующую механизмы формирования современных мифов, их влияние на сознание общества. Им же предложена концепция современной пе-

риферии — раскрываются факторы возникновения в России общества периферийного развития и смуты. [18]. Академик В.И. Жуков обосновал теорию социальной модернизации России в условиях глобализации [19]. Ж.Т. Тощенко — теории парадоксального человека, кентавризма и современной теократии [20]. М.К. Горшков — теорию современной российской идентичности [21]. А.В. Дмитриев — социологию юмора [22]. В.Н. Иванов — разрабатывает социологию межнациональных отношений [23]. В.Н. Кузнецов и Р.Г. Яновский — социологию достойной и безопасной жизни [24]; В.Л. Романов — концепцию синергетического мышления, столь необходимого в условиях социально-инновационных вызовов [25]. В.А. Ядов — концепцию гло-локал-анклавизации [26]. О.Н. Яницкий — концепцию особенностей российского общества риска [27]. С.А. Кравченко — играйзационный подход к исследованию современной нелинейной динамики [28]. И это лишь часть того вклада, который внесли отечественные социологи в теоретическую социологию. Сказанное означает, что у нас есть реальный потенциал для превращения России в один из центров мировой социологии.

Список литературы

1. *Ritzer G.* Classical Sociological Theory. McGraw Higher Education, 2000.
2. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
3. *Фуко М.* Власть и знание // *М. Фуко.* Интеллектуалы и власть. М., 2002.
4. *Францов Г.П.* Исторические пути социальной мысли. М., 1969.
5. *Араб-Оглы Э.А.* В лабиринте пророчеств: социальное прогнозирование и идеологическая борьба. М., 1973.
6. *Бестужев-Лада И.В.* Поисковое социальное прогнозирование: Перспективные проблемы общества. Опыт систематизации. М., 1984; *Он же.* Нормативное социальное прогнозирование: Возможные пути реализации целей общества. Опыт систематизации. М., 1984.
7. *Кон И.С.* Социология личности. М., 1967; *Он же.* Открытие Я. М., Политиздат, 1978.
8. *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.
9. *Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1967.

10. *Осипов Г.В.* Современная буржуазная социология (Критический очерк). М., Наука, 1964; История буржуазной социологии конца XIX — начала XX веков. М., Наука, 1979; История буржуазной социологии первой половины XX века / Отв. ред. Л.Г. Ионин, Г.В. Осипов. М., Наука, 1979; *Ионин Л.Г.* Понимающая социология. М., Наука, 1979; *Давыдов Ю.Н.* Критика социально-философских воззрений франкфуртской школы. М., Наука, 1977; *Его же.* Неомарксизм и проблемы социологии культуры. М., Наука, 1979.

11. *Симонов П.В.* Избранные труды: В 2 т. Т. 1. Мозг, эмоции, потребности, поведение. М., Наука, 2004. С. 396.

12. *Return of Pitirim Sorokin* // Ed. by S.A. Kravchenko and N.E. Pokrovsky. M., International Kondratieff Foundation, 2001.

13. *Голенкова З.Т., Нарбут Н.П.* История социологической мысли в странах Центральной и Восточной Европы: Учебное пособие. М., 2003.

14. К XVI конгрессу были изданы: Качество социального существования в условиях глобализации мира / Отв. ред. В.А. Мансуров. М., 2006; Социология: история, теория и практики / Под. ред. В.П. Култыгина. Москва-Дурбан: М., 2006.

15. *Ядов В. А.* Возможности совмещения теоретических парадигм в социологии // Социологический журнал, 2003, № 3; *Кравченко С.А.* Социология: парадигмы через призму социологического воображения. Учебник для ВУЗов. 3-е издание. М., 2007.

16. Социальная коммуникация и социальное управление в эквантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах. Кн. 1. М., ИС РАН, 2000.

17. *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества: деятельно-структурная концепция. М., 2003.

18. *Осипов Г.В.* Социология и общество: социологический анализ российской смуты. М., 2007; *Он же.* Социальное мифотворчество и социальная практика. М., 2000; *Осипов Г.В., Кузнецов В.Н.* Социология и государственность. М., 2006.

19. *Жуков В.И.* Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований. В 3 Т. М., РГСУ, 2007.

20. *Тоценко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М., Юнити-Дана, 2008; *Его же.* Кентавр-проблема в познавательной и преобразующей деятельности человека // Социс, 2005, № 6; *Он же.* Этнократия: история и современность. М., 2003; *Его же.* Теократия: фантом или реальность? М., 2007.

21. Российская идентичность в условиях трансформации: Опыт социологического анализа / Отв. ред. М.К. Горшков и Н.Е. Тихонова.

М., Наука, 2005; Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Под ред. М.К. Горшкова. М., 2007.

22. Дмитриев А.В. Социология конфликта. М., 2002.

23. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Этносоциология. М., 2000.

24. Кузнецов В.Н. Культура безопасности современного российского общества. М., 2002; Яновский Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М., 1999.

25. Романов В.Л. Проблемы административного реформирования (социосинергетический поиск). М., 2004.

26. Ядов В.А. И все же умом Россию понять можно. Россия: трансформирующееся общество. М., 2001.

27. Яницкий О.Н. Социология риска. М., 2003.

28. Кравченко С.А. Нелинейная социокультурная динамика: играйзационный подход. М., МГИМО, 2006; *Он же*. Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. М., МГИМО, 2007.

А.А. Куракин

Экономическая социология: опыт обзора

Экономическая социология в России активно развивается. Пора взрывного роста, пожалуй, прошла, но усиление позиций в академическом сообществе и содержательное обогащение дисциплины происходит довольно быстрыми темпами. Расширяется как теоретический арсенал исследователей, так и багаж накопленных эмпирических данных. Происходит дальнейшая институционализация в научной и образовательной сферах. И чтобы понять, в каком состоянии она находится, важно обобщить то, что наработано к настоящему времени.

Такие попытки делались. Отметим обзоры Ю.В. Веселова, В.В. Радаева, а также Т.И. Заславской о развитии новосибирской школы [1]. Многие из них были опубликованы в недавно вышедшей книге «Экономическая социология: автопортреты» [2]. Среди новых работ мы имеем лишь весьма обстоятельный обзор В.В. Радаева [3]. Опираясь на этот материал, мы хотим представить более детальную картину современного состояния данной дисциплины.

Во-первых, сосредоточим внимание на научной «продукции» — опубликованных статьях и монографиях. Соответственно вопросы институционализации современной экономической социологии в России (подразделения в вузах, специальные исследовательские центры, базы данных, конференции и пр.) в нем рассматриваться не будут. Во-вторых, остановимся на современном периоде — 2000–2007 гг. В-третьих, данный обзор не будет затрагивать диссертационные работы. Тем более, что обстоятельный обзор диссертаций по экономической социологии уже сделан З.В. Котельниковой [4]. В качестве основания для структурирования материала примем тематический рубрикатор центра электронных ресурсов ЭКСОЦЕНТР (<http://www.ecsoc.ru>) [5].

Методология, история дисциплины, освоение классического наследия. Как отмечает В.В. Радаев, работ, в которых основным предметом были бы методологические вопросы экономической социологии в целом или отдельных ее направлений, крайне мало [6; 7]. Многочисленное остальных публикации по неoinституциональному подходу, во многом благодаря сопоставленным усилиям социологов и неoinституциональных экономистов [8; 9]. Выделяется книга А.А. Сусоколова «Культура и обмен» — одна из лучших отечественных работ о связи культуры и хозяйства [10].

Немного еще работ и по истории экономической социологии и освоению ее классического наследия. Список ученых по-прежнему ограничивается небольшим числом общепризнанных специалистов по тем или иным фигурам: по Э. Дюркгейму — А.Б. Гофман, по М. Веберу — Ю.Н. Давыдов, А.Ф. Филиппов, П.П. Гайденок и т.п. Отрадно, что начинается активное осмысление наследия К. Поланьи. Так, изданный сборник «Великая трансформация Карла Поланьи» включает не только переводы его работ, но и их анализ отечественными социологами и экономистами [11].

Сколько-нибудь систематическое изложение истории экономической социологии найти трудно. Специальных монографий в этой области новое столетие не дало, а учебники заменить их в принципе не могут. Между тем, мировые лидеры экономической социологии часто подчеркивают, что их работы уходят корнями в классические произведения Вебера, Маркса, Дюркгейма и др.

Настораживает отрыв российских экономсоциологов от современных западных работ. Так, если классики еще упоминаются в публикациях, то работы современных мировых лидеров в экономической социологии — почти нет. При таком положении вещей вполне понятно полное отсутствие специальных историко-социологических работ по осмыслению, критическому анализу и систематическому изложению современных достижений разных направлений в мировой экономической социологии. В наличии — все тот же учебник В.В. Радаева, ряд его статей, книга (фактически учебник) С.Ю. Барсуковой о неформальной экономике [12]. Но все это, повторим, либо учебники с присущей им схематичностью, либо статьи. Положение несколько спасают переводы обзоров состояния экономической социологии в отдельных странах, регулярно появляющиеся в электронном журнале «Экономическая социология» и собранные вместе в уже упоминавшейся книге «Экономическая социология: Автопортреты».

Предпринимательство, хозяйственные организации, рынки. К 2000-м годам интерес ученых к вопросам «Кто такие предприниматели?», «Каково их социальное происхождение?», «Почему они решили заняться бизнесом?» постепенно иссяк. Угасает популярность темы этики и традиций русского предпринимательства [13], а также роли предпринимательства в развитии России [14]. Еще меньше работ по истории дисциплины [15]. Отдельное направление составляет тема этнического предпринимательства [16]. Тем не менее, отмечено, что сложились два направления исследований: исследования малого предпринимательства и бизнес-элит [6, с. 500–501; 17; 18]. Изучение бизнес-элит не только сменило «вывеску», превратившись в исследование олигархических структур и интегрированных бизнес-групп, но и изменилось содержательно. Да и в целом круг вопро-

сов, интересующих ученых, сильно изменился. Теперь на первом плане вопросы институциональной среды, в которой функционируют предприниматели. Здесь центральное место занимают вопросы взаимодействия предпринимателей со своими контрагентами по бизнесу и особенно — вопросы взаимодействия бизнеса и государства. А центральным предметом этих взаимодействий считаются правила игры на рынках — их формирование и изменение под воздействием различных факторов.

Здесь нетрудно заметить две особенности. Во-первых, близость указанных вопросов интересам институциональных экономистов. И многие работы экономистов безусловно должны вызывать интерес у экономсоциологов, занимающихся данной темой [19]. Тем не менее, о какой-то сознательной кооперации этих подходов говорить пока рано. Во-вторых, похоже, что социология предпринимательства как самостоятельная область понемногу теряет эту самостоятельность и дрейфует к социологии хозяйственных организаций и социологии рынков. Пожалуй, не потерять своей специфики имеет шанс лишь социология малого предпринимательства, т.к. там зачастую говорить о хозяйственной организации затруднительно.

Теперь кратко охарактеризуем состояние двух упомянутых отраслей — социологии хозяйственных организаций и социологии рынков — на начало 2000-х. Социологию первых мы находим в слаборазвитом состоянии. Как отмечается, это направление никогда и не было сильно развитым у нас в стране (ни в Советском Союзе, ни в России). Одной из причин такого состояния стало то, что его развитие в СССР (Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапин и др.) активно тормозилось властями [6, с. 502]. Только в 2005 г. был издан проект 1968-1973 гг. «Социальная организация промышленного предприятия», прекращенный указанием сверху [20]. Особенно отчетливо наше отставание видно в сравнении с США, где новая экономическая социология, если не целиком, то значительной частью, вышла из недр социологии организаций. В современной России из социологов можно отметить работы Р.В. Рывкиной и лаборатории экономической социологии ИСЭПН РАН, которая с 1994 г. проводит мониторинг оборонных предприятий [21].

Так что с сожалением приходится признать, что изучением хозяйственных организаций сегодня в России занимаются в основном экономисты, чьи работы безусловно полезны экономсоциологам, работающим над данной темой. Здесь можно выделить три направления: 1) исследование динамики структуры собственности, 2) вопросы корпоративного управления и 3) изучение интегрированных бизнес-групп (ИБГ) или олигархических структур. Эти направления оформились к концу 1990-х годов и продолжают развиваться. Что касается изучения динамики структуры собственности, то здесь работы экономистов, как правило, базируются на

вполне «социологическом» опросном методе. Среди ключевых организаций, разрабатывающих эту тему, можно выделить Российский экономический барометр (РЭБ), Институт экономики переходного периода (ИЭПП), Государственный университет — Высшую школу экономики (ГУ-ВШЭ), Бюро экономического анализа (БЭА) [22]. Тема структуры собственности и ее передела была особенно популярна в постприватизационный период, но к началу 2000-х годов стала уступать место вопросам корпоративного контроля [23], а также возникновению и функционированию ИБГ [24]. Впрочем, этими вопросами занимаются по сути те же исследователи, а сами темы зачастую объединяются в общие сборники.

Менее развитая тема даже среди экономистов — анализ поведения (тактик, стратегий) хозяйственных организаций. Что касается рассматриваемого периода, то прежде всего надо выделить недавно опубликованную монографию А.А. Яковлева «Агенты модернизации», где на эмпирическом материале раскрывается «странная» для правительства и иностранных экспертов логика поведения российских предприятий [25]. В журнальных статьях рассматриваются вопросы распространения инноваций, преобразования организационной культуры [26].

Что касается социологии рынков, то в России все это направление отражено практически в нескольких статьях [27] и единственной монографии [28]. В иной традиции написано исследование эмпирического рынка-базара В.И. Ильиным и М.А. Ильиной [29]. Тем не менее, перспективы данного направления можно оценить как неплохие, тем более что на Западе оно довольно интенсивно развивается. Нередко рыночная терминология используется при рассмотрении сфер, весьма далеких от хозяйства [30].

Неформальная экономика. Тема неформальной экономики, набравшая популярность к концу 1990-х годов («гвоздем» тогда стал известный сборник «Неформальная экономика» 1999 г. под редакцией Т. Шанина), продолжает интересовать ученых и в 2000-е. В это время издаются крупные обобщающие работы С.Ю. Барсуковой и Ю.В. Латова [31], а также методическая монография об измерении неформальной экономики, что, как известно, является одним из центральных вопросов всего направления [32]. Условно эти работы можно разделить на три группы: рассматривающие неформальную экономику предприятий, домохозяйств и общества в целом.

Те, что посвящены неформальной деятельности предприятий, главным образом затрагивают их нелегальные практики в области налогообложения, таможи, трудовых отношений. Рассматривается теневая деятельность таких, казалось бы, далеких от хозяйства организаций, как Русская православная церковь [33]. В отдельную тему стоит выде-

лить проблему коррупции Г.А. Сатарова [34], а также пограничную с ней тему административных барьеров [35]. При рассмотрении неформальных практик домохозяйств часто обращаются к вопросам их адаптации и выживания, будь то неформальная занятость или ведение личного подсобного хозяйства [36]. Также часто поднимается тема специфики домашней экономики, вопросы сетевых и реципрокных взаимодействий [37]. Что касается неформальной стороны российского общества в целом, то здесь рассматриваются вопросы вплетения неформальных практик в ткань повседневности, в образ жизни, механизмы распространения неформальных практик и институтов, влияние культурных традиций на этот процесс и т.д. [38]. Особым направлением в изучении неформальной деятельности предприятий является исследование силовых структур в сфере хозяйства [39; 40], работы А.Н. Олейника о влиянии тюремной субкультуры на хозяйственное поведение [41].

Труд и занятость. Здесь можно выделить три относительно независимых сферы исследования: 1) трудовые отношения, 2) мотивация к труду и трудовые ценности, 3) рынок труда, занятость/безработица. Если первые два направления разрабатываются в основном социологами, то в исследованиях рынка труда ведущие позиции занимают экономисты.

Что касается трудовых отношений, то основные темы исследований здесь не только сложились, но и устоялись. Это трудовые конфликты, профсоюзы, взаимоотношения менеджмента и наемных работников. В 2000-е годы незаметно ни особых всплесков интереса к данным темам, ни их забвения. Статьи и монографии выходят плавно и методично, как в социологических, так и в экономических журналах [42].

Сфера исследований мотивации и трудовых ценностей остается пока вотчиной социологов. В 2003 г. произошло переиздание, к тому же дополненное современными данными, советского «хита» «Человек и его работа» [43]. Был завершен крупномасштабный эмпирический проект (1990-2002 гг.) по изучению ценностей, причем далеко не только трудовых, под руководством Н.И. Лапина [44]. Не уходят из поля зрения вопросы трудовой и управленческой культуры [45].

Что касается социологии труда в целом, то из монографий обобщающего характера нужно выделить книгу Ж.Т. Тощенко [46]. Наконец, по социологии труда в 2000-е годы было издано довольно много учебных пособий [47].

Пик интереса к проблемам занятости, пожалуй, прошел, что неудивительно. Настала пора перехода от «снятия» эмпирических фактов к более вдумчивому и глубокому теоретическому осмыслению. Исследуются как российский рынок труда (занятость) в целом [48], в том числе его неформальная составляющая [49], так и рынки труда отдельных категорий занятых: как

вполне традиционных [50], так и весьма специфических [51]. В отдельную группу можно выделить исследования безработицы [52]. Затрагиваются вопросы гендерного неравенства [53], стратегий поведения на рынках труда [54], формирования заработной платы [55]. Приведенное деление весьма условно, т.к. зачастую темы пересекаются во многих работах.

Домохозяйства: потребление, финансы, бюджеты времени.

Что касается изучения экономической деятельности домохозяйств (рассматриваемых в целом или на уровне отдельных своих членов), то к 2000-м годам социологию потребления и социологию финансов (социология финансового поведения и социология денег) мы находим еще в состоянии формирования, несмотря на то что первые работы по этим направлениям появились еще в середине 1990-х.

По социологии потребления долгое время не было учебных пособий. Наконец, в 2000 г. вышло пособие В.И. Ильина [56]. В очень небольшом количестве, но все же появлялись статьи и монографии [57; 58]. Нельзя не согласиться с мнением В.В. Радаева о том, что для успешного развития социологии потребления крайне важно наладить тесные контакты с крупными маркетинговыми агентствами, которые обладают обширными базами данных (в основном, к сожалению, закрытыми), методиками и организационным опытом [6, с. 506]. Несмотря на разницу задач, стоящих перед социологами и маркетологами, мы считаем, что они могут дать друг другу много полезного.

Социология денег остается до сих пор неразвитой, за небольшим исключением [59; 60]. Что касается социологии финансового поведения в 1990-е годы, единственным сборником стал тематический выпуск «Вопросов социологии» за 1998 г. В 2000-х стали «поспевать» монографии [61]. Что касается статей, то главными темами остаются сбережения, кредиты и массовое финансовое поведение [62].

Число работ, посвященных бюджетам времени, по сравнению с советским периодом пошло на убыль, хотя исследования продолжают проводиться, правда, главным образом исследователями «старой закваски» [63]. Расчет бюджетов времени используется и при рассмотрении таких вопросов, как гендерные роли в домохозяйствах или домашний труд [64].

Исследования села. Несмотря на то что эти исследования включают в себя самые разнообразные темы, они обладают определенной спецификой и поэтому были выделены в отдельный раздел. В социальных исследованиях села одно из центральных мест (схожее по значимости с исследованиями села Новосибирской школы в Советском Союзе) занимает коллектив ученых, собранный Т. Шаниным еще в начале 1990-х годов [65]. Среди других исследований нельзя не отметить монографии

З.И. Калугиной и В.В. Пациорковского о процессах в современном российском селе [66]. Высокую активность в исследованиях города и села проявляют эконом-географы [67].

Наконец, интересны работы Аналитического центра агропродовольственной экономики (АПЭ) при ИЭПП [68]. Работы сотрудников АПЭ доступны в электронном виде на сайте АПЭ (<http://www.iet.ru/afe>).

Модели социально-экономического развития. Здесь работы можно разделить, опять-таки условно, на три группы: 1) «транзитологические» работы, т.е. посвященные переходному периоду в России; 2) работы о глобализации; 3) работы о становлении нового (постиндустриального, информационного, постмодернистского и др.) общества и новой экономики.

Вопрос «Куда идет Россия?» стал очень популярен еще в перестроечные годы. В дальнейшем интерес к нему несколько ослаб. Стало меньше статей, написанных на скорую руку, и стало больше монографий и подведения промежуточных итогов. В 2000-е годы вышли книги Р.В. Рывкиной, Т.И. Заславской, О.И. Шкаратана, А.Г. Вишневого, С.Г. Кирдиной [69]. Вопросами трансформации институтов занимаются также и неонституциональные экономисты [70].

Тема глобализации рассматривается главным образом в статейном формате [71]. То же можно сказать и об изменениях в традиционном капиталистическом обществе модерна [72]. Здесь можно выделить несколько обособленную тему влияния новых технологий на хозяйственные практики [73].

Таким образом, современная экономическая социология сейчас очень разнообразна по темам. Происходит неизбежная специализация ученых, а каждое направление становится все более автономным. Как было показано выше, некоторые направления довольно активно развиваются, имеют неплохие шансы на успех. Другие области довольно долго находятся в состоянии стабильности, т.е. не испытывают резких подъемов и падений. Существует и целый ряд слабо разработанных или вообще почти не разработанных направлений. Очевидно, различные направления в рамках экономической социологии будут развиваться по собственным траекториям.

Список литературы

1. *Веселов Ю.В.* Экономическая социология в России: история и современность // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 2; *Радаев В.В.* Экономическая социология: состояние и перспективы развития // Социология в России / Под ред. В.А. Ядо-

ва. М., 1998; Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. *Т.И. Заславская, З.И. Калугина*. Новосибирск, 1999.

2. Экономическая социология: автопортреты / Отв. ред. *В.В. Радаев, М.С. Добрякова*. М.: ГУ-ВШЭ, 2006.

3. *Радаев В.* Экономическая социология в России: становление, институционализация и основные направления исследований // Там же.

4. *Котеленикова З.* Тематический обзор авторефератов кандидатских диссертаций по экономической социологии за 2000–2005 гг. // Там же.

5. Полную версию обзора см. в: Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 4.

6. *Радаев В.В.* Экономическая социология: учебное пособие для вузов. М., 2005.

7. *Радаев В.В.* Социология рынков: к формированию нового направления. М., 2003.

8. *Синютин М.В.* Институциональный подход в экономической социологии. СПб., 2002; *Градосельская Г.В.* Сетевые измерения в социологии: Учеб. пособие. М., 2004.

9. См., например: *Олейник А.Н.* Институциональная экономика: Учеб. пособие. М., 2000; *Шаститко А.Е.* Новая институциональная экономическая теория. 3-е изд. М., 2002; Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. *Р.М. Нуреева*. В 3-х т. М., 2003; *Радаев В.В.* Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М., 2002.

10. *Сусоколов А.А.* Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию. М., 2006.

11. Великая трансформация Карла Поляни. М.: ГУ-ВШЭ, 2006.

12. *Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика. Экономико-социологический анализ. М., 2004; *Радаев В.В.* Социология рынков: к формированию нового направления. М., 2003 (Разделы 1–3); *Радаев В.В.* Основные направления развития современной экономической социологии // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М., 2002.

13. *Зарубина Н.Н.* Православный предприниматель в зеркале русской культуры // Общественные науки и современность. 2001. № 5; *Зарубина Н.Н.* Этика служения и этика ответственности в культуре русского предпринимательства // Общественные науки и современность. 2004. № 1.

14. *Тихонова Н.Е., Чепуренко А.Ю.* Предпринимательский потенциал российского общества // Мир России. 2004. Т. XIII. № 1.
15. *Бочкарева В.* Из истории социологии предпринимательства в до-революционной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4. № 4.
16. *Бредникова О., Паченков О.* Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2; Этничность и экономика / Под ред. *О. Бредниковой, В.Воронцова, Е. Чакадзе.* Труды ЦНСИ. Вып. 8. СПб, 2000.
17. Малое предпринимательство в России: прошлое, настоящее и будущее. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003; *Орлов А.* Малое предпринимательство в России: развитие или стагнация? (1992–2001 годы) // Вопросы экономики. 2001. № 10; *Чепуренко А.Ю.* Малое предпринимательство в России // Мир России. 2001. Т. X. № 4.
18. *Крыштановская О.В.* Трансформация бизнес-элиты России: 1998–2002 // Социол. исслед. 2002. № 8; *Крыштановская О.В.* Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия // Мир России. 2002. Т. XI. № 4; *Крыштановская О.В.* Бывшие. Тенденции нисходящей мобильности российской элиты // Общественные науки и современность. 2003. № 5–6.
19. *Дерябина М.* Институциональные аспекты постсоциалистического переходного периода // Вопросы экономики. 2001. № 10; *Капелюшников Р.* «Где начало того конца?…» (к вопросу об окончании переходного периода в России) // Вопросы экономики. 2001. № 1; *Олейник А.* «Бизнес по понятиям»: об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики. 2001. № 5; *Яковлев А.* Почему в России возможен безрисковый уход от налогов? // Вопросы экономики. 2000. № 11.
20. Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов. Генеральный проект ИКСИ АН СССР (1968–1973) / Сост. и общ. ред. *Н.И. Лапин.* М., 2005.
21. *Рывкина Р.В.* Социология российских реформ: социальные последствия экономических перемен. Курс лекций. М., 2004; Оборонные предприятия России: 1995–2002. М., 2002.
22. Структурные изменения в российской промышленности / Под ред. *Е.Г. Ясина.* М.: ГУ-ВШЭ, 2004; Основные направления и факторы реструктуризации промышленных предприятий. Аналитический доклад / Гл. ред. *Б. Кузнецов.* М.: БЭА, 2001; *Капелюшников Р.* Собственность и контроль в российской промышленности // Вопросы экономики. 2001. № 12; *Радыгин А.* Собственность и интеграционные процессы в корпоративном секторе // Вопросы экономики. 2001. № 5.

23. Предприятия России: корпоративное управление и рыночные сделки. М.: ГУ-ВШЭ, 2002; Российская промышленность: институциональное развитие. Вып. 1 / Под ред. *Т.Г. Долгопятовой*. М., 2002; *Гуриев С.М.* Корпоративное управление в российской промышленности. М., 2003; Спрос на право в сфере корпоративного управления: экономические аспекты / Под ред. *А.А. Яковлева*. М., 2004; Корпоративное управление в российской промышленности (Научные труды ИЭПП, № 86). М., 2004.
24. *Паппэ Я.Ш.* Олигархи: экономическая хроника. 1992–2000. М., ГУ-ВШЭ, 2000; *Авдашева С.* Бизнес-группы в российской промышленности // Вопросы экономики. 2004. № 5; Анализ роли интегрированных структур на российских товарных рынках. М., 2000.
25. *Яковлев А.А.* Агенты модернизации. М., 2006.
26. *Гурков И., Тубалов В.* Инновации в российской промышленности: создание, диффузия и реализация новых технологий и социальных практик // Мир России. 2004. Т. XIII. № 3; *Пригожин А.М.* Организационная культура и ее преобразование // Общественные науки и современность. 2003. № 5.
27. *Радаев В.* Изменение конкурентной ситуации на российских рынках (на примере розничных сетей) // Вопросы экономики. 2003. № 7; *Радаев В.В.* Что такое рынок: экономико-социологический подход // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 5, 2007. Т. 8. № 1.
28. *Радаев В.В.* Социология рынков: к формированию нового направления. М., ГУ-ВШЭ, 2003.
29. *Ильина М.А., Ильин В.И.* Российский базар: Социальная организация и маркетинг. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 2001.
30. *Кордонский С.Г.* Рынки власти: Административные рынки СССР и России. 2-е изд. М., 2006.
31. *Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: ГУ-ВШЭ, 2004; *Латов Ю.В.* Экономика вне закона (очерки по теории и истории теневой экономики). М., 2001.
32. Вопросы количественной оценки показателей ненаблюдаемой экономики в России / Под ред. *А.Е. Косарева*. М., 2003.
33. *Митрохин Н.А., Эдельштейн М.Ю.* Экономическая деятельность Русской Православной Церкви и ее теневая составляющая / Отв. ред. *Л.М. Тимофеев*. М.: РГГУ, 2000.
34. *Сатаров Г.А.* Коррупционные отношения: агентская модель и смежные подходы // Общественные науки и современность. 2004. № 2; *Римский ВЛ.* Бюрократия, клиентелизм и коррупция в России // Общественные науки и современность. 2004. № 6; *Быстрова А.С., Сильвестров М.В.* Феномен коррупции: некоторые исследователь-

ские подходы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 1.

35. *Крючкова П., Аузан А.* Административные барьеры в экономике: задачи деблокирования // Вопросы экономики. 2001. № 5; *Крючкова П.* Снятие административных барьеров в экономике (условия и возможности глобальной институциональной трансформации) // Вопросы экономики. 2003. № 11.

36. Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств / Под общ. ред. *О.И. Шкаратана*. М., 2003; Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М., 2002.

37. *Барсукова С.Ю.* Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Социол. исслед. 2004. № 9; *Барсукова С. Ю.* Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // Мир России. 2003. Т. XII. № 2.

38. *Косалс Л.Я., Рывкина Р.В.* Становление институтов теневой экономики в постсоветской России // Социол. исслед. 2002, № 4; *Заславская Т.И., Шабанова М.А.* Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Общественные науки и современность. 2001, № 5.

39. *Волков В.В.* Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М.: ГУ-ВШЭ, 2005.

40. Экономическая активность работников правоохранительных органов постсоветской России: виды, масштабы и влияние на общество (на примере милиции). Научный доклад / Авт. коллектив: *О. Колесникова, Л. Косалс (рук.), Р. Рывкина, Ю. Симагин*. М., 2002.

41. *Олейник А.М.* Тюремная субкультура в России. М., 2001.

42. *Козина И.М.* Профсоюзы в коллективных трудовых конфликтах // Социол. исслед. 2001. № 5; *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Потери и приобретения в России девяностых. М., 2000; *Четвернина Т., Ломоносова С.* Социальная защищенность наемных работников в новом частном секторе: мифы и реальность // Вопросы экономики. 2001. № 9; *Чепуренко А., Обыденнова Т.* Трудовые отношения на российских малых предприятиях (по материалам социологических обследований) // Вопросы экономики. 2001, № 4.

43. *Здравомыслов А.Г., Ядов В.А.* Человек и его работа в СССР и после. М., 2003.

44. *Лавин Н.И.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Мир России. 2003. № 4.

45. *Шкаратан О.И., Карачаровский В.В.* Русская трудовая и управленческая культура. Опыт исследования в контексте перспектив экономического развития // Мир России. 2002. Т. XI, № 1; *Данилова Е.,*

Тарарухина М. Российская производственная культура в параметрах Г. Хофштеда // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. 2003. № 3.

46. *Тощенко Ж.Т.* Социология труда: опыт нового прочтения. М.: Мысль, 2005.

47. *Верховин В.И.* Трудовое поведение: Учеб. пособие. М., 2003; *Токарская Н.М., Карпикова И.С.* Социология труда: Учеб. пособие. М., 2006.

48. *Капелюшников Р.И.* Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. М.: ГУ-ВШЭ, 2001; *Нестандартная занятость в российской экономике / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковеа.* М.: ГУ-ВШЭ, 2006; *Капелюшников Р.* Российская модель рынка труда, что впереди? // Вопросы экономики. 2003, № 4.

49. *Синявская О.В.* Неформальная занятость в современной России: измерение, масштабы, динамика / НИСП. М.: Поматур, 2005; *Барсукова С.Ю.* Теневой и фиктивный рынки труда в современной России // Pro et Contra. 2000, Т. 5. № 1.

50. *Обыденнова Т.Б.* Средний класс и его работа // Социол. исслед. 2000. № 3; *Шкаратан О.И., Иняевский С.А.* Профессионалы и менеджеры в сфере занятости — положение и реальное поведение // Социол. исслед. 2006. № 12.

51. *Роцин С.Ю., Солнцев С.А.* Рынок труда топ-менеджеров в России. М: ГУ-ВШЭ, 2006.

52. *Четвернина Т.А.* Становление системы защиты от безработицы в современной России. М.: Наука, 2004; *Брагин В., Осаковский В.* Оценка естественного уровня безработицы в России в 1994-2003 гг.: эмпирический анализ // Вопросы экономики. 2004. № 3; *Клопов Э.В., Гордон Л.А.* Социальные эффекты и структура безработицы в России // Социол. исслед. 2000. № 1.

53. *Мальцева И.О., Роцин С.Ю.* Гендерная сегрегация и мобильность на российском рынке труда. М.: ГУ-ВШЭ, 2006; *Ярошенко С.С.* Женская занятость в условиях гендерного и социального исключения // Социол. журнал. 2002. № 3; *Козина И.М.* Профессиональная сегрегация: тендерные стереотипы на рынке труда // Там же; *Прокофьева Л., Фести П., Мурачева О.* Профессиональная карьера мужчин и женщин // Вопросы экономики. 2000. № 3.

54. *Попова И.П., Седова Н.Н.* Дополнительная занятость в успешных адаптационных стратегиях населения // Социол. исслед. 2004. № 2; *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Поли- и монозанятые в российском Вопросы количественной оценки показателей ненаблюдаемой экономики в России / Под ред. А.Е. Косарева. М., 2003.

55. *Капелюшников Р.И.* Задержки зарплаты и экономическое поведение: микроэкономический подход // Вопросы экономики. 2000, № 9; *Капелюшников Р.И.* Механизмы формирования заработной платы в российской промышленности // Вопросы экономики. 2004, № 4; Зарплата и расплата: проблемы задолженности по оплате труда / Под ред. Т.М. Малевой. М., 2001.

56. *Ильин В.И.* Поведение потребителей: Учеб. пособие. СПб, 2000.

57. *Радаев В.В.* Социология потребления: основные подходы // Социол. исслед. 2005. № 1; *Красильникова М.* Изучение социальных настроений и потребительского поведения населения России // Проблемы прогнозирования. 2003. № 2.

58. *Ибрагимова Д.Х., Николаенко С.А.* Индекс потребительских настроений / НИСП. М., 2005.

59. *Зарубина Н.Н.* Деньги в социальной коммуникации // Социол. исслед. 2006. №6; *Васильчук Ю.А.* Социальное развитие человека в XX веке. Фактор денег // Общественные науки и современность. 2001, № 4.

60. *Силласте Г.Г.* Социальная сущность денег (социологический анализ). М., 2002.

61. *Ивашиненко Н.Н.* Эволюция взаимодействия финансовых структур и населения России (1987—2002). Нижний Новгород, 2002.

62. *Стребков Д.О.* Потребности и предпочтения населения России на рынке кредитных услуг // Социол. исслед. 2004. № 2; *Стребков Д.* Основные типы и факторы кредитного поведения населения в современной России // Вопросы экономики. 2004. № 2; *Радаев В.В.* Уроки «финансовых пирамид», или что может сказать экономическая социология о массовом финансовом поведении // Мир России. 2002, Т. XI, № 2.

63. *Караханова Т.М.* Повседневная деятельность горожан в показателях бюджета времени (1965—2004 гг.) // Социол. исслед. 2006. № 9; *Патрушев В.Д.* Жизнь горожанина (1965—1998). М.: ИС РАН, Academia, 2000; *Патрушев В.Д.* Бюджет времени городского работающего населения США и России (1980—1990-е годы) // Социол. исслед. 2003, № 12.

64. *Барсукова С.Ю., Радаев В.В.* Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // Мир России. 2000. Т. IX, № 4; *Барсукова С.Ю.* Сущность и функции домашней экономики, способы измерения домашнего труда // Социол. исслед. 2003, № 12.

65. Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т.Шанина, А.М. Никулина, В.П. Данило-

ва. М., 2002; *Ястребинская Г.А.* Таежная деревня Кобелево. История советской деревни в голосах крестьян: 1992–2002. М., 2005; *Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки.* 2005. Вып. 5 / Под ред. *Т. Шанина, А. Никулина.* М., 2006.

66. *Калугина З.И.* Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск, 2000; *Пациорковский В.В.* Сельская Россия: 1991–2001. М., 2003.

67. *Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен.* М., 2001; *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М., 2003; *Нефедова Т.Г., Пэллот Дж.* Неизвестное сельское хозяйство, или зачем нужна корова? М., 2006.

68. *Агропродовольственные рынки России: опыт исследования* / Под ред. *Е.В. Серовой.* АПЭ. М., 2000; *Рынки факторов сельскохозяйственного производства. Материалы научной конференции 14–15 сентября 2004 г., Голицыно* / АПЭ. М., 2004.

69. *Рывкина Р.В.* Социология российских реформ: социальные последствия экономических перемен: Курс лекций. М., ГУ-ВШЭ, 2004; *Заславская Т.Н.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. Учеб. пособие. М., 2004; *Шкаратан О.И.* Российский порядок: Вектор перемен. М., 2004; *Вишневский А.Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 2001; *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001.

70. *Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микрoэкономический анализ).* М., 2000.

71. *Дилигенский Г.Г.* Глобализация в человеческом измерении // *Мировая экономика и международные отношения.* 2002. № 7; *Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н.* Глобализация и регионализм: уроки для России // *Общественные науки и современность.* 2004, № 1; *Красильников О.Ю.* Российская экономика: структурные сдвиги в свете глобализации // *Общественные науки и современность.* 2001. № 6.

72. *Олейник А.* Модель сетевого капитализма // *Вопросы экономики.* 2003. № 8; *Кастельс М., Киселева Э.* Россия и сетевое общество // *Мир России.* 2000, Т. IX, № 1.

73. *Мельянцева В.А.* Информационная революция — феномен «новой экономики» // *Мировая экономика и международные отношения.* 2001. № 2; *Вайнштейн Г.* Интернет как фактор общественных трансформаций // *Мировая экономика и международные отношения.* 2002, № 7; *Жарова А.К.* Интернет, глобализация и международное право // *Общественные науки и современность.* 2004, № 6.

В.Э. Бойков

Генезис идей политической социологии

Эволюция идей политической социологии

Одной из исходных аксиом политической социологии является определение человека, которое дал еще Аристотель: «Человек есть *политическое* животное». В современном понимании этот образно выраженный постулат означает, что человек является участником гражданского общества и свойственных ему политических отношений, и как субъект этих отношений он оказывается в центре исследовательского интереса политической социологии. Не только классическая аксиома, но и другие трактовки типов политического режима, власти, государства и многих иных реалий политической жизни, сформулированные мыслителями прошлого, показывают, что традиции политической социологии восходят еще к античности.

Генезис формирования политической социологии, равно как политической философии, политической психологии, политологии и других взаимосвязанных научных дисциплин, имеет общую теоретико-методологическую основу. Ее составляют труды Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Ш.Л. Монтескье, К.А. Сен-Симона, Дж. Локка, А. Фергюсона, Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса и многих других виднейших основателей научных теорий и концепций, объясняющих «политическую анатомию» общества периода перехода от мануфактуры к промышленному производству. Это, кстати говоря, является одним из обстоятельств, размывающих границы между общественными науками, что, впрочем, не столько затрудняет, сколько способствует их взаимному развитию. С точки зрения сложившейся в настоящее время классификации социальных и гуманитарных наук политическая социология стала превращаться в *относительно самостоятельную отрасль социологического знания* в начале XX в. Как представляется, это было обусловлено, прежде всего, потребностями политического управления, вызванными переходом от монархии к республиканским формам государственного устройства; мощный импульс развитию политсоциологии придало появление гражданства (как постоянной правовой связи отдельных лиц с государством), всеобщего избирательного права, политических партий, развитие местного самоуправления и многих других форм политических отношений; политические нововведения продиктовали необходимость теоретического осмысления политических реалий и проверки обоснованности теорий и гипотез на эмпирическом уровне.

Начало этого процесса в литературе обоснованно связывают с исследованиями *систем политического господства и бюрократии*, осуществленными М. Вебером (1864–1920), немецким историком, экономистом, социологом. Изучая историю и механизмы возникновения бюрократии в структурах государственного управления различных эпох, он выделял признаки идеального типа бюрократических систем, присущие государственному аппарату, политическим партиям, церкви, армии, крупным промышленным предприятиям. Среди выделенных признаков бюрократии — техническое совершенство осуществляемой ею управленческой деятельности, единство взглядов и ценностей чиновников, высокое развитие у них чувства служебного долга, беспристрастности, компетентности, истинного понимания государственных интересов и др. Но в реальности под видом государственных интересов чиновники отстаивают нередко свои собственные, корпоративные и индивидуальные интересы, стремятся к превосходству власти бюрократии над парламентом. Именно поэтому модель бюрократии М. Вебера представляет собой идеальный тип, по «лекалам» которого, с его точки зрения, необходимо выстраивать функционирование аппарата политического управления.

В социологическом анализе политических процессов сохранила свою актуальность *теория политических элит*, представленная в трудах итальянского экономиста, политолога и социолога В. Парето (1848–1923), а также итальянского социолога и экономиста Г. Моска (1858–1941). Одна из центральных идей этой теории состоит в том, что неорганизованным большинством населения той или иной страны правит политическая элита, составляющая своего рода политический или правящий класс. Этому классу априори чуждо обновление своего персонального состава за счет пополнения из других слоев населения; именно по причине замкнутости, отсутствия притока свежих сил происходит упадок культуры, снижается активность, утрачивается политическая гибкость; следствиями деградации правящей политической элиты становятся забвение общенациональных интересов в системе управления обществом, застойные явления в решении политических задач, что неизбежно обуславливает политические и социальные конфликты.

Признанными основателями политической социологии являются русский исследователь М.Я. Острогорский (1854–1919) и немецкий ученый Р. Михельс (1876–1936), положившие начало социологическому изучению политических партий. В центре их внимания находились как внутренние закономерности функционирования партий, так и внешние отношения партий с государством и другими политическими

институтами общества, с населением. Эти ученые зафиксировали и объяснили две взаимосвязанные метаморфозы партий, которые дали о себе знать еще в период становления многопартийных систем в Западной Европе и в США и ярко проявились в процессе их развития. Первая метаморфоза выражается в неизбежности олигархизации партий, то есть в отрыве партийной верхушки и партийного аппарата от партийной массы; вторая метаморфоза тесно связана с первой и выражается в обособлении сугубо партийных интересов от общественных, становящихся разменной монетой в политической борьбе. Закономерности формирования и функционирования избирательной системы в демократических обществах, политической элиты, партий, политического лидерства, групп давления обстоятельно рассматриваются в работах современных американских социологов С.М. Липсета, Р. Миллса, Т. Парсонса и др.

При рассмотрении исторических вех становления политической социологии следует иметь в виду, что ее содержание определялось не только новыми процессами, явлениями, «институтами» политической жизни, но и появлением перспективных направлений научного знания и критериев определения его достоверности. В этом плане на формирование политической социологии оказали большое влияние труды американских ученых. Во многих из них, наряду с теоретико-методологическими концепциями социологического объяснения политических процессов, широко представлены материалы эмпирических исследований. Так, например, используя большую базу эмпирических данных, С.М. Липсет проанализировал зависимость электорального сознания и поведения избирателей от их социального статуса, уровня доходов, образования, местожительства и других показателей.

Развитие отечественной политической социологии

Поскольку политическая социология, особенно на уровне прикладных исследований общественного мнения по политической тематике, играет заметную роль в системе общественного контроля над властью, постольку она становится «партийной» наукой. В данном случае имеется в виду не столько зависимость ее методологии и результатов исследований от мировоззрения и политических симпатий конкретных социологов (хотя это тоже всегда имело значение), сколько влияние на социологическую науку политического режима и соответствующей ему идеологической атмосферы, в контексте которых осуществляются исследования. В частности, именно в силу гиперболизации

принципа партийности было невозможно проведение объективного социологического анализа собственно политических отношений в нашей стране фактически до 1990-х годов. Понятие классового подхода к научному анализу общественных явлений, теоретическая и методологическая строгость научного анализа общественных процессов отождествлялись с подчиненностью ученых, представителей социальных и гуманитарных наук, государственной идеологии. И хотя, начиная с 1960-х годов, в СССР было официально признано эвристическое значение прикладной социологии (в 1940-х — начале 1950-х годов она объявлялась «псевдонаукой»), возможность проведения исследований в политической сфере ограничивалась рамками исторического материализма, соответствием принципу руководящей роли КПСС в советском обществе. Знакомство отечественных ученых гуманитарного профиля с результатами исследований западных социологов происходило под флагом научной критики их концепций и противопоставления им марксистской социологии.

Тем не менее, издание в 1972 г. переведенных на русский язык статей известных американских социологов, предназначенное только для научных библиотек [1], а также книги А.В. Дмитриева о политической социологии США [2] расширили диапазон научных представлений отечественных социологов по проблемам, изучаемым в рамках политической социологии, и категориальном аппарате. Соответственно *возросло внимание к трудам западных социологов*, появились публикации, в которых обобщалось научное наследие М. Вебера и других социологов, получивших широкое признание в мировой науке.

Следует подчеркнуть, что даже в таком прокрустовом ложе ортодоксально трактуемого марксизма-ленинизма отечественные социологи, отдавая дань идеологической апологетике, разрабатывали методологию и методику политических исследований, сохранивших актуальность по ряду направлений до настоящего времени. В их числе были *исследования политической активности*, особенно молодежи, результаты которых изложены в трудах В.Х. Беленького, Ю.Е. Волкова, В.Г. Мордковича, А.С. Капто, В.А. Смирнова, Е.А. Якубы. Политическая активность рассматривалась с точки зрения политического участия и развития форм самоуправления, что, заметим, заслуживает внимания применительно к проблеме формирования гражданского общества. Проявления политактивности фиксировались в эмпирических исследованиях с помощью специально разработанной системы показателей, в числе которых — наличие интереса граждан к политическим событиям, регулярность выполнения ими общественных поручений, участие в деятель-

ности общественно-политических организаций и др. На переднем плане социологических исследований того времени была также *партийно-политическая проблематика* — взаимодействие партийных органов с населением, эффективность политической пропаганды и агитации, качественный состав партийно-государственного аппарата и др. В этом плане широкую известность получили публикации результатов исследований В.Г. Байковой, В.Э. Бойкова, Н.Н. Бокарева, В.П. Васильева, Д.М. Гилязитдинова, Е.В. Охотского, Ж.Т. Тощенко, Ф.Э. Шереги, Р.Г. Яновского и др. Не акцентируя внимания на научной обоснованности постулата «о возрастающей роли КПСС», эти авторы отмечали рост критических умонастроений в советском обществе по отношению к власти, бюрократизацию партийного аппарата, отрыв идеологической работы от жизни населения, разрыв между словом и делом в системе политического управления.

В 1980-х (период «горбачевской перестройки») горизонты исследований в области политической социологии существенно расширились. Под научным руководством Т.И. Заславской, В.Н. Иванова, Ж.Т. Тощенко и других известных ученых началось интенсивное проведение социологических исследований: состояния массового политического сознания и поведения, особенностей политической культуры разных категорий населения; общественного мнения о политическом курсе страны и других политических проблемах; рейтинга деятельности учреждений, нарождающихся неформальных политических групп и движений, отдельных политических личностей; ценностей политического сознания и др., публикуемые результаты получали большой общественный резонанс. На основании материалов регулярных социологических опросов населения СССР, осуществленных по репрезентативным выборкам Центром социологических исследований АОН при ЦК КПСС (рук. — Тощенко Ж.Т.) в периодической печати и научной литературе были обнародованы выводы о нарастании политического отчуждения в стране, о широкой общественной поддержке идей политического плюрализма, о крахе официальной идеологии советского общества и др. [3].

Важной предпосылкой превращения политической социологии в *относительно самостоятельную отрасль отечественной социологической науки* стала ее активная институционализация. Это выразилось в образовании структур, призванных исследовать социально-политические процессы в обществе. В 1987 г. был учрежден при Министерстве труда СССР и ВЦСПС Всесоюзный (ныне Всероссийский) центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в 1989 г. — Центр социологических исследований Академии общественных наук

при ЦК КПСС, в 1991 г. — Институт социально-политических исследований РАН. В середине 1992 г. из состава ВЦИОМ выделился Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), появился ряд других социологических служб, осуществляющих на профессиональной основе исследования общественного мнения по политической проблематике. Создание новых социологических центров сопровождалось формированием оригинальных концептуальных подходов к изучению политической сферы общества, обогащением методики исследований, привлечением внимания СМИ к социологическому анализу политических процессов. Немаловажную роль в этом сыграли журналы «Социологические исследования», «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», «Социология власти», «Социальная реальность» и др.

Формирование основных направлений развития отечественной политической социологии в 1990–2000-е годы происходило в контексте социально-политических изменений в российском обществе. Характеризуя ее поступательное развитие в этот период, можно выделить несколько основных направлений, тесно связанных с потребностями общественно-политической практики.

Первое направление — *изучение электорального сознания и поведения избирателей*. Оно получило развитие в ходе выборных кампаний, которые, начиная с выборов народных депутатов СССР в 1989 г., приобрели демократический характер. Уже к выборам первого президента России в 1991 г. политически не ангажированные социологические службы овладели научной методикой проведения репрезентативных опросов избирателей, навыками выявления типов электорального поведения на основе анализа социально-демографических характеристик и политических предпочтений граждан, оценки влияния различных факторов (в том числе латентных) на политические умонастроения людей, более-менее точного прогнозирования итогов выборов [4].

Второе направление — *исследования политической социализации населения в условиях реформирования политической системы российского общества*. В значительной мере его содержание созвучно с теорией «культурной травмы» переходного периода, которую обосновал П. Штомпка применительно к трансформационным процессам в странах Восточной и Центральной Европы. Авторами фундаментальных работ в этом плане стали Ю.А. Левада, Ж.Т. Тощенко, осуществившие на основе материалов многолетних социологических исследований анализ парадоксальности политического сознания российского населения, трансформаций социологического типа «советский человек», обусловленных

переходным состоянием нашего общества, политического сознания и поведения россиян, их отношения к демократическим институтам [5]. В рамках этого направления проводятся исследования общественного мнения по политическим вопросам, адаптации населения к реформированию политической системы общества, ценностей политического сознания, состояния исторической памяти российского населения, политической самоидентификации различных категорий граждан, уровня политической напряженности и др.

Третье направление — исследования процессов формирования гражданского общества и его взаимоотношений с государственной властью. В работах М.К. Горшкова, В.К. Левашова и ряда других авторов обстоятельно анализируются проблемы выбора стратегии политического развития России в контексте глобализации, эффективности функционирования государства, формирования социально-политической ситуации в обществе, отношения населения к конкретным институтам и органам государственной власти и др. [6].

Четвертое направление — исследования институтов политической системы российского общества и функционеров публичной власти — института президента, парламента и парламентаризма, политических партий и движений, аппаратов органов государственной власти (бюрократии), политической элиты, лоббизма и др. В рамках этого направления выявляются причины сохранения и усиления бюрократизма, состояние политического отчуждения в российском обществе, типологическое многообразие политической элиты, влияние групп интересов на власть и др. [7]. Разумеется, проблематика исследований в области отечественной политической социологии не ограничивается указанными направлениями, которые выделены по критерию связи с запросами реальной политической жизни. Эти направления попросту не получили бы развития без разработки *теоретико-методологических основ и методического арсенала прикладных исследований*, что является *относительно самостоятельным направлением* формирования науки.

В связи с последним следует, в частности, отметить, что наряду с понятием «политическая социология» нередко используется понятие «социология политики» [8]. Но, как обоснованно отмечает Ж.Т. Тощенко, термин «социология политики» затрудняет определение границ, объекта и предмета социологического изучения политической действительности [9]. Во-первых, сама категория «политика» употребляется в нескольких смыслах: как сфера публичных действий и распределительных мер, как программа и методы действий, как деятельность органов

государственной власти, связанная с достижением конкретных целей и т.д. Во-вторых, политика представляет собой универсальный феномен, проявляющийся на всех уровнях и во всех сферах жизнедеятельности общества. Поэтому, например, во внутренней политике существует множество ее направлений — экономическая, социальная, культурная, информационная и др. Кроме того, почти любое anomальное общественное событие, затрагивающее интересы многих людей, становится очагом социальной напряженности и может приобрести политическую окраску. Свидетельством политизации экономических, социальных и иных проблем в российском обществе стали острые дискуссии о реформировании жилищно-коммунального хозяйства, вовлечении в торговый оборот сельскохозяйственных земельных угодий, о коммерциализации здравоохранения, образования и т.д.

Исходя из сказанного, понятие «политическая социология» применительно к анализу содержания политической жизни выглядит более предпочтительным, чем понятие «социология политики», создающее возможность чрезмерно расширительного толкования предметного поля политических исследований. Понятие «политическая социология» нацеливает на изучение сущностных проблем властных отношений, реализации прав и свобод социальных групп и слоев, а также конкретных индивидов как членов гражданского общества.

Список литературы

1. Американская социология. М., 1972.
2. *Дмитриев А.В.* Политическая социология США. Л., 1973.
3. См., напр.: Партия и партийный работник в современной политической ситуации // Информационный бюллетень. АОН при ЦК КПСС, 1990. № 5, 8, 9 и др.
4. Выборы Президента России: социологический мониторинг // Политическая социология. М., 1991. № 6; Россия: партии, выборы, власть. М., 1996; *Преснякова Л.* Предвыборный пасьянс: те же плюсы «Справедливая Россия» // Социальная реальность. 2007. № 4; *Сергеева Е.Я.* Российский электорат: проблема выбора и участия. М., 1996; *Бойков В.Э.* Электоральные настроения и их влияние на итоги выборов Государственной думы пятого созыва // Социология власти. 2008. № 1.
5. *Левада Ю.* От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993–2000. М., 2000; *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М., 2008.

6. *Войков В.Э.* Народ и власть. Результаты социологического мониторинга: 1999–2006 гг. М., 2007; *Горшков М.К.* Российское общество в условиях трансформации: Социологический анализ. М., 2000; *Левашов В.К.* Социополитическая динамика Российского общества (2000–2006).

7. *Зеленко Б.И.* Политические партии и развитие гражданского общества в России, М., 2001; *Крыштановская О.В.* Современные концепции политической элиты и российская практика // Мир России. 2004. № 4; Российская элита: опыт социологического анализа. Ч. I и II. М., 1996.

8. *Ашин Г.К., Кравченко С.А., Лозанский Э.Д.* Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий. М., 2001; *Амелин В.Н.* Социология политики. М., 1992; *Кола Д.* Политическая социология / Пер. с фр. М., 2001 и др.

9. Основы политической социологии: Учебник для вузов / Под ред. *Ж.Т. Тощенко.* М, 2002. С. 10–11.

*З.Т. Голенкова,
Е.Д. Игитханян*

Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов

В дореволюционной России (до 1917 г.) проблематика классов и сословий, социального расслоения составляла ядро социально-философского и социологического мышления. В советский период вплоть до 60-х гг. XX века социальная структура становится полем острой идеологической полемики.

В период «хрущевской оттепели» 1960-х годов возрождение социологических исследований в данной области остается под жестким идеологическим контролем, так как формула социальной структуры — два класса (рабочие и крестьяне) плюс прослойка интеллигенции — абсолютна и сменялась лишь очередными партийными установками о «сближении классов», «становлении социальной однородности» социалистического общества. Однако, несмотря на идеологические шоры, исследователи социальной структуры мало-помалу расшатывали официальные каноны просто потому, что данные эмпирических исследований противоречили им. В свойственной тому времени манере маскировки реальности, изобретая идеологически приемлемые словосочетания, исследователи социальной структуры приближались к научным стандартам мировой социологии и в понятийном аппарате. Например, социальная мобильность обозначалась как социальные перемещения, межклассовые образования именовались самым разным образом и, прежде всего, в терминах вроде «различия по характеру и содержанию труда», «рабочие-интеллигенты», «рабочие-крестьяне» и т.д., хотя проблемы номенклатуры, бюрократии, элит оставались темами-табу.

Гласность периода перестройки открыла широкую дорогу для объективного, неидеологизированного изучения социальной стратификации, и начавшиеся позже рыночные реформы выдвинули столько проблем и в таком специфическом российском контексте, что ни одна из классических теорий не дает удовлетворительного их объяснения [1].

Первые эмпирические исследования в 60-е гг. социальной структуры поставили вопрос о более дифференцированных различиях между социальными слоями и группами в рамках классовой теории. В январе 1966 г. в Минске состоялась первая научная конференция по теме «Из-

менения социальной структуры советского общества», собравшая свыше 300 участников — философов, социологов, экономистов, историков, правоведов — почти из всех регионов страны. Конференция обнажила целый комплекс проблем, фактически утвердив правомочность новых направлений анализа, но самое главное — «легитимировала» отход от «трехчленки». Ведущую роль в этой дискуссии и последующих исследованиях сыграли Н. Аитов, Л. Коган, С. Кугель, М. Руткевич, В. Семенов, Ф. Филиппов, О. Шкаратан и др. Здесь же отметим, что дискуссия в Минске стимулировала самоидентификацию социологов, исследовательской социальной структуры.

В рабочем классе начали выделять малоквалифицированных и занятых тяжелым физическим трудом, с одной стороны, и рабочих-интеллигентов, с другой. В сельском хозяйстве акцент делается не столько на различении работников государственных совхозов и колхозных крестьян, но на выделении групп малоквалифицированного труда (полеводов, животноводов) и высококвалифицированного слоя механизаторов. В слое интеллигенции выделяются служащие средней квалификации, высококвалифицированные специалисты и т.д. После бурных дискуссий участники конференции вынуждены были согласиться с тем, что понятие «социальная стратификация» не вписывается в марксистскую схему и должно быть отторгнуто.

К 50-летию Октябрьской революции 1917 г. многие журналы («Вопросы философии», «Коммунист», «Вопросы истории» и др.) публикуют статьи, посвященные анализу воспроизводства и изменений в социальной структуре советского общества вполне в русле партийных установок: превращение рабочего класса в господствующий, осуществление им руководящей роли в обществе; ликвидация эксплуататорских классов, социальной противоположности между городом и деревней, между работниками умственного и физического труда, превращение всех трудящихся в единый тип — социалистических работников; устранение классовой борьбы.

На этом фоне социологическое сообщество, к концу 60-х гг. уже объединившееся в Советскую социологическую ассоциацию, в центральных научно-исследовательских секциях продолжает исследовательскую работу. В рамках секции социальной структуры ССА (ее председателем был В.С. Семенов) инициировалась дискуссия относительно определения самого понятия «социальная структура» и ее элементов. Социальная структура представлялась как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, то есть классов (групп), а социальная группа — как относительно стабильная совокупность, объединенная об-

шностью функций, интересов и целей деятельности. Разрабатываются и уточняются критерии социально-классовой и внутриклассовой дифференциации, взаимосвязи профессионального разделения труда и социальной структуры. Иными словами, в научный оборот вводятся новые категории социологического видения социально-классовых отношений. Исследователи начинают широко использовать государственную статистику: материалы статистики народного хозяйства СССР и союзных республик, профессионального учета. Анализ этих данных приобретает собственно социолого-теоретическую парадигматику [3].

Широко разворачиваются исследования стратификации (под названием социально-слоевой структуры общества) и социальной мобильности (то есть социальных перемещений, как это утвердилось в социологической терминологии того времени).

Большой эмпирический материал дали опросы, проведенные на различных предприятиях страны. Под руководством О. Шкаратана в 1965 году было предпринято исследование машиностроителей г. Ленинграда. В книге «Проблемы социальной структуры рабочего класса» О. Шкаратан рассматривает вопросы, связанные с общими изменениями в социальной структуре советского общества и особенностями внутриклассовой структуры рабочего класса в зависимости от определенного этапа развития социальных отношений, подчеркивая, что основные факторы, обуславливающие образование слоев внутри рабочего класса, менялись в связи с переменами в целостной социальной структуре. Уточняются также границы рабочего класса как «исторически подвижные». Здесь достаточно отчетливо прослеживается социально-стратификационный подход: «...в социалистическом обществе идет интенсивный процесс стирания классовых граней, возникают смешанные в классовом отношении группы населения» [4, с. 112]. Следуя этой логике, автор включает в состав рабочих обширные слои работников нефизического труда, в том числе технической интеллигенции. В той же публикации рассматриваются и другие дискуссионные вопросы, впервые поставленные на минской конференции, в частности, о месте интеллигенции в системе общественных классов при социализме. Возражая М.Н. Руткевичу (одному из сторонников выделения интеллигенции в особый социальный слой и противнику расширительного толкования границ рабочего класса), О.И. Шкаратан отмечает, что различия между рабочим классом и интеллигенцией вследствие изменений функций последней все более выступают как сторона внутриклассовых, хотя и существенных различий. Поэтому, утверждает он, значительную часть советской интеллигенции и других работников нефизического труда можно включить в состав

рабочего класса, а интеллигенцию, связанную с колхозным производством, — в колхозное крестьянство.

Тезис о сложной внутриклассовой или внутригрупповой дифференциации утвердился в социологической литературе. Так, с этой точки зрения, в зависимости от содержания и квалификации труда в колхозном производстве выделяли инженерно-технический и административно-управленческий персонал, механизаторов, колхозников, не имеющих профессиональной подготовки и специализации, занятых преимущественно ручным трудом. Далее, хотя колхозники составляли большинство сельского населения, его значительную часть представляли рабочие и служащие государственных предприятий. Отнесение этой категории к рабочим, наряду с другими рабочими, или к служащим вызывало сомнения. Данные, полученные в 1963 г. в результате опроса сельского и городского населения уральскими социологами (руководитель исследования Л.Н. Коган), свидетельствовали о существенных различиях культурных потребностей в первую очередь сельских и городских жителей. В результате утверждается методологический принцип многокритериального выделения социальных слоев. В это же время Ю.В. Арутюняном были начаты более масштабные обследования села [5]. Основное содержание этих и других обследований сводилось к выделению социально образующих признаков, выявлению количественных пропорций отдельных слоев сельского населения.

Анализу структуры и границ интеллигенции, работников умственного труда, а также проблеме преодоления различий между физическим и умственным трудом были посвящены в эти годы работы теоретико-методологического и эмпирического характера. Наиболее распространенным становится следующее определение: под интеллигенцией (в узком, непосредственном смысле) в социалистическом обществе понимается социальная группа, слой, «состоящий из лиц, профессионально занимающихся высококвалифицированным умственным трудом, требующим специального, среднего или высшего образования» [6, с. 136—137]. Авторы ввели в научный оборот и понятие «практики», имея в виду специалистов без соответствующего их должности дипломированного образования.

Интеллигенция приобретает черты особой социальной группы; занятая в производстве, труд которой базируется на «общенародной» (государственной) собственности, она близка к рабочему классу (это относится и к колхозным специалистам), но ее место в общественном разделении труда и распределении материальных благ не рассматривается как классообразующий признак.

Обсуждались также различия между работниками, занятыми интеллектуальным трудом высокой квалификации, и канцелярскими служащими. Поскольку последние не заняты «духовной деятельностью», этот вид труда считался «трудом по обслуживанию». Рассматривалась и проблема «профессиональных отрядов» интеллигенции, и, прежде всего, инженеров. С. Кугель в исследовании молодых инженеров Ленинграда (1965) проследил профессиональные пути молодых специалистов, особенности труда инженеров различных категорий, профессиональные ориентации выпускников технических вузов [7].

60-е гг. знаменуются бурным развитием профессий умственного труда, увеличением доли интеллектуальных видов деятельности, возрастанием численности и удельного веса высококвалифицированных специалистов. Научно-техническая революция вызывает «лавинообразный» рост численности научных работников, повышает социальный престиж высшего образования и научной деятельности, что становится специальным предметом изучения. Изменения в социальном составе студентов исследовали многие социологические центры страны, и хотя наиболее представительные работы появились позже, уже в 1963 г. социологической лабораторией Уральского университета проводятся опросы выпускников 11-х классов школ, изучается процесс пополнения специалистов из различных социальных групп, т.е. социальная мобильность. В эти же годы проводятся масштабные исследования трудоустройства и выбора профессии молодежью. Исследования 1963–1969 гг. в Новосибирской, Ленинградской областях, Бурятской АССР (руководитель В.Н. Шубкин) позволили на достаточно представительном материале выявить тенденции социального поведения выпускников средних школ при выборе первой профессии, определить меру соответствия личных планов и профессиональных ориентаций с реальными возможностями их осуществления в зависимости от социального статуса семьи, места проживания (деревня, город) и т.д. [8].

Анализ тенденций и механизмов социальной мобильности обнаруживает изменения в количественных пропорциях социальных групп. Фактически до 60-х гг. исследований социальной мобильности в СССР не было. Сама постановка вопроса требовала определенной научной смелости. Используются такие понятия, как «социальная подвижность» и, наконец, «социальное движение», «социальные перемещения». Последнее утверждается как «советский вариант» понятия социальной мобильности после публикации в 1970 г. книги М.Н. Руткевича и Ф.Р. Филиппова под таким названием [9]. В книге приводились материалы исследований, освещающих различные стороны социальной мобильности населения в

отдельных регионах страны (Урал и Свердловская область, в частности). Но несмотря на региональный характер исследований, а, может, и благодаря ему, удалось выявить специфику мобильности в индустриальных и урбанизированных районах страны, межпоколенческие и внутриспоколенческие социальные перемещения.

В 1974 г. («для служебного пользования», как это практиковалось в те годы) издается сборник переводов и обзорных статей по проблемам социальной мобильности: П. Сорокин, Р. Эллис, Д. Лэйн, С. Липсет, Р. Бендикс, К. Болте, К. Сваластога и др. В предисловии к сборнику отмечалось, что в методике исследований процессов социальной мобильности и математическом аппарате, применяемом «буржуазными социологами», есть немало интересного и для социологов-марксистов [10]. Фактически происходит становление отрасли социологического знания, социологии социальной структуры.

Исследования в 70-х гг. проходили преимущественно под знаком широко пропагандируемого лозунга о развитии социальной структуры социалистического общества в направлении социальной однородности. Содержание философско-социологических дискуссий того времени (с участием представителей новой социальной дисциплины, названной «научным коммунизмом») показательно стремлением как-то совместить непререкаемые марксистские категории анализа социальной структуры с потребностью изучения социальных реалий. Что является предметом этих дискуссий? Уточняется понятийный аппарат таких, например, категорий, как «социальное равенство» и его соотношение с понятием «социальная однородность» (последняя рассматривается в качестве «ведущей» в системе категорий социальной структуры). На страницах журналов «Вопросы философии», «Социологические исследования», «Вопросы истории», «Коммунист», «Научный коммунизм» и др. обсуждаются критерии социальной дифференциации, понятийный смысл терминов: социальное различие и социальное единство, интеграция, дифференциация, класс, группа, слой. Как видим, понятия «социальное неравенство», «иерархия» социологи предпочитают не анализировать. В эти годы были проведены две всесоюзные конференции по социальной структуре (Свердловск, 1971 г.; Звенигород, 1976; Таллин, 1981).

Особо подробно изучаются «основные социальные образования» (рабочие, крестьянство и интеллигенция). Этот термин позволил совместить смысл категории класса и социального слоя. В Институте социологических исследований АН СССР («головная» организация в социологии, как это было принято, т.е. координатор исследований по разным направлениям) были созданы секторы рабочего класса, крестьянства,

интеллигенции, объединенные в отдел социальной структуры (руководитель Ф.Р. Филиппов).

Акцент переносится на анализ внутриклассовых различий. Характер труда рассматривается в качестве основного слоеобразующего признака. Различия по характеру труда становятся главными критериями дифференциации не только между рабочим классом, служащими, но и внутри них. Так, в рабочем классе выделяли три основных слоя (по уровню квалификации) и пограничный слой рабочих-интеллигентов — высококвалифицированных рабочих, занятых наиболее сложными, насыщенными интеллектуализированными элементами видами физического труда. Похожее социальное деление отмечалось внутри интеллигенции и колхозного крестьянства. Кроме того, предлагалось деление интеллигенции на специалистов и служащих-неспециалистов. Среди специалистов начинают выделять ту часть, которая занята организаторским трудом, причем категорически отвергается идея о формировании особой социальной группы, нового класса, партийно-хозяйственной бюрократии, хотя в западной литературе того времени широко обсуждается вопрос о классе номенклатуры в советском обществе. Начало этой дискуссии было положено М. Джиласом в книге «Новый класс», которая была переведена на русский язык и издана под грифом «секретно».

Полемика в среде социологов о новых формах социальной дифференциации и уже упоминавшихся «пограничных слоях» (рабочих-интеллигентах, рабочих-крестьянах, работниках межведомственных организаций и т.д.) вызвала возражения «научных коммунистов». Сам вопрос был назван «надуманным». В соответствии с тезисом о «ведущей роли рабочего класса», по утверждению оппонентов, следовало акцентировать внимание не на процессах дифференциации, но, напротив, — на преодолении различий внутри самого рабочего класса.

Исследование, начатое в 1975 г. в г. Горьком по международному проекту «Автоматизация и промышленные рабочие» (руководитель В.И. Усенин), установило, что переход от механизации к автоматизации ведет к несомненным изменениям в характере, содержании и условиях труда. В 1979 г. были обследованы все квалификационные группы рабочих, что подтверждало существенную неоднородность состава рабочего класса [11].

В связи с анализом структуры отдельных классов и групп возникает интерес к проблематике их социального воспроизводства: изменению социально-демографического состава, социальным источникам пополнения, профессиональной и образовательной мобильности и т. д. Фиксировалось снижение доли выходцев из крестьян и повышение удель-

ного веса выходцев из рабочих, интеллигенции, служащих; возрастание роли отраслевых и региональных факторов; качественные сдвиги в образовательно-квалификационном уровне; различия в адаптации молодых рабочих на производстве и др.

В том же направлении ведутся исследования высшей школы. Опрос студентов высшей школы в середине 70-х гг. в шести регионах страны обнаружил существенные различия между учащимися вузов различного профиля по «выходу» из разных социальных групп, мотивам поступления в высшую школу, жизненным планам, ценностным ориентациям и т.д. И здесь опять-таки фиксировалась усиливающаяся социальная неоднородность [12]. Другой вывод заключался в том, что одним из основных источников пополнения интеллигенции стал рабочий класс.

Таким образом, если идеологические установки утверждали формирование социально однородного общества, социологические исследования, по существу, их опровергали. Как правило, доказывая нарастание социальных различий, социологи не шли на открытую критику тезиса однородности, но цитировали тот или иной официальный документ (обычно это были ссылки на решения ЦК КПСС и доклады на партийных съездах), а далее рассматривали проблему как таковую. Издательские редакторы, в свою очередь, видели эту несообразность, но требовали лишь одного: упоминания партийных установок — и тем самым вместе с авторами участвовали в этой «игре» с идеологическим цензором.

Достаточно интенсивно развивались также исследования, связанные с изменениями в социальной структуре сельского населения. Они имели свою проблематику: о двойственной природе колхозной части интеллигенции и служащих, о характере и критериях внутриклассовых различий, их соотношении с различиями между классами; о природе и содержании существенных различий между городом и деревней, аграрным и индустриальным трудом и т.д. Заметный вклад в развитие этого направления внесли Ю.В. Арутюнян, Т.И. Заславская, В.И. Староверов, П.И. Симуш. Новая «программная» установка была дана XXV съездом КПСС (1976 г.) в тезисе о «создании однотипной социальной структуры во всех регионах страны, у всех социалистических наций, входящих в новую историческую общность — советский народ». В соответствии с нею разворачиваются исследования развития регионов и городов: социальная структура городского населения, различия между крупными и малыми городами, миграционная подвижность населения, городская семья и т.д. Дело в том, что исследования социально-классовой структуры и национальных отношений ранее осуществлялись порознь; теперь их совмещение позволяло прояснить динамику социального состава

«наций» и «народностей», обнаружить реальные, а не надуманные различия между ними в процессах изменений социальной структуры, в направленности социальной мобильности, в особенностях демографии, в социально-культурном облике. Среди инициаторов изучения этой проблематики — Ю.В. Арутюнян, В.В. Бойко, Л.М. Дробижева, М.С. Джунусов, Ю.Ю. Кахк и др. Исследования проводились в Татарии, Эстонии, Латвии, в Сибири и др. регионах СССР. На первый план выступили вопросы, связанные с характером социально-региональных (территориальных) различий, обсуждалась типология регионов и перспективы их развития. Исследования в 80-е гг. проходили в соответствии с очередной партийной установкой о возможности формирования бесклассовой структуры «в главном и основном» в исторических рамках «развитого социализма» (XXVI съезд КПСС, 1980 г.). Социологи переформулировали этот тезис. В проблематику «органической ее целостности» (IV Всесоюзная научная конференция, 1981 г., г. Таллин; V — в г. Харькове, 1985 г.). «Целостность» описывается в понятиях системно-структурного целого составляющих, ее социальных групп и слоев, групп по характеру труда, образованию, образу жизни, динамики и направленности социальной мобильности. Однако по-прежнему доминирует преимущественно одномерное рассмотрение социальной структуры. Такие критерии, как участие во властных отношениях и престиж, использовались скорее с декоративной целью (участие в общественной работе, профессиональные предпочтения и т.д.).

Наиболее деидеологизированной сферой была разработка инструментария исследований социально-классового расслоения, в рамках которого система критериев межклассовых и внутриклассовых различий переводилась в соответствующие показатели и индикаторы. Например, тщательно верифицировались показатели характера и содержания труда, профессионально-квалификационные характеристики, условия труда и быта, структура рабочего и внерабочего времени и др. По сути дела, многие из этих индикаторов и сегодня остаются адекватными социальным реалиям, так что создают возможность вторичного анализа под углом зрения различных теоретических подходов.

Исследования, проведенные в начале 80-х гг. в Горьковской области, Башкирии и других регионах, выявили заметные различия между основными слоями рабочего класса, а крупномасштабные обследования интеллигенции позволили уточнить границы неоднородного слоя «специалистов».

Заметную роль в рассматриваемой области сыграло всесоюзное исследование, осуществленное ИСИ АН СССР совместно с другими социологическими центрами страны (руководитель Г.В. Осипов), под названием

«Показатели социального развития советского общества». Оно охватывало рабочих и инженерно-производственную интеллигенцию в основных отраслях народного хозяйства девяти регионов и зафиксировало ряд важных тенденций. До начала 1980-х гг. имела место довольно высокая динамика социально-структурных изменений, но позже общество утрачивает динамизм, стагнирует, преобладают воспроизводственные процессы. При этом и само воспроизводство деформируется — растет численность бюрократии и «нетрудовых элементов», деятели теневой экономики превращаются в фактор латентной структуры, высококвалифицированные рабочие и специалисты зачастую выполняют работу ниже уровня своего образования и квалификации. Эти «ножницы» в среднем по стране составляли от 10 до 50% по различным социальным слоям.

В условиях централизованного хозяйства с административно-директивными методами управления сложилась так называемая статусная система оплаты труда при абсолютном доминировании производства. Система начала формироваться уже в период форсированной индустриализации с акцентом на развитие тяжелой и оборонной промышленности. Максимальная мобилизация ресурсов для этих целей обусловила и принципы оплаты труда, преимущественно предполагающие поддержание элементарного прожиточного минимума. Этим же определялись и принципы дифференциации зарплаток и оплата труда по отраслям хозяйства, где имели большее значение различия по отраслям, нежели различия в эффективности труда работников.

Уже в 50—60-х гг. руководство страны осознает необходимость пересмотра сложившейся системы оплаты труда, инициирует разные формы оплаты «по результатам», что растягивается почти на тридцать лет, причем проводится в жизнь непоследовательно и половинчато. Разрыв в оплате труда между рабочими и колхозниками, рабочими и служащими уменьшается, но принцип статусной дифференциации зарплаток сохраняется, как и различия в заработной плате по отраслям. «Уравниловка» по-прежнему доминирует, материальное стимулирование, несмотря на реформы, неэффективно.

В советском обществе в 70—80-е гг. все отчетливее оформлялся слой бюрократии, получившей у разных авторов различное название: номенклатура, партократия, новый класс, контркласс. Этот слой обладал исключительными и натуральными правами, льготами, привилегиями, доступными на отдельных ступенях иерархии, носителям определенных статусов, зарезервированных для них номенклатурным механизмом распределения функций и соответствующих им благ. При этом номенклатурные ступени социальных иерархий обладали собственной каче-

ственной спецификой, являвшейся следствием фетишизма отношений власти, господства административно-политических принципов оценки человека. Позже Т.И. Заславская выделила в социальной структуре три группы: высший класс, низший класс и разделяющую их прослойку. Основу высшего слоя составила номенклатура, включающая высшие слои партийной, военной, государственной и хозяйственной бюрократии. Она является собственником национального богатства, которое использует по своему усмотрению. Низший класс образуют наемные работники государства: рабочие, крестьяне, интеллигенция. У них нет собственности и прав участвовать в распределении общественной собственности. Социальную прослойку между высшим и низшим классами образуют социальные группы, обслуживающие номенклатуру, не имеющие частной собственности и права распоряжаться общественной, во всем зависимые. Сходную схему анализа социальной структуры советского общества предлагают и зарубежные авторы (М. Восленский, А. Инкельс, В. Текенберг и др.).

В середине 80-х гг. Л.А. Гордон и А.К. Назимова, используя материалы официальной статистики, показали, что изменения, происходящие внутри рабочего класса, совершаются главным образом вследствие технико-технологического прогресса, изменений в социально-стратификационной структуре советского общества в целом. Такой подход как бы интегрирует профессионально-технологические особенности труда и существенные черты социального облика работника: условия труда, его социальные функции, своеобразие быта, культуры, общественной психологии и образа жизни [13].

В исследованиях социально-классовой структуры сельского населения, особенно в конце 70-х — начале 80-х гг. (по материалам обследований в Брянской, Калининской, Владимирской областях, Удмуртии, Чувашии, Ставропольском крае, Молдавии), серьезно анализируется содержание категории «деревня». Обсуждаются сдвиги в составе сельского населения: изменение меж— и внутриклассовых отношений, формирование пограничных социально-классовых элементов (рабочие-интеллигенты, крестьяне-интеллигенты, рабочие-крестьяне) [14].

Изучение социально-территориальных общностей выходит за пределы сельских поселений (деревни), оно охватывает широкий круг проблем, связанных с социально-региональными и национальными различиями. Была начата разработка показателей, характеризующих социо-экономическую типологию регионов. В наши дни выявилась крайняя важность этой задачи вследствие тенденции к регионализации, к анклавизации.

Социальная мобильность, в отличие от 60–70-х гг., становится предметом изучения не только социологов, но и экономистов, статистиков, демографов. Крупномасштабное исследование социальной мобильности ИСИ АН СССР (1984–1988 гг., руководитель Ф.Р. Филиппов) осуществлялось в 12 республиках и областях совместно с отделом социальной статистики ЦСУ СССР и многими региональными центрами страны. Сопоставление данных о профессиональной карьере людей, вступивших в трудовую жизнь от начала 40-х до начала 80-х гг., позволило по-новому увидеть эволюцию тенденций и направлений социальной мобильности [15].

Особое место во второй половине 1970-х — 80-е гг. занимали сравнительные исследования, проводимые совместно с социологами стран Юго-Восточной и Центральной Европы. В 1974 г. была создана Проблемная комиссия по социологии «Эволюция социальной структуры. Социальное планирование и прогнозирование» (позже переименована в «Социальные процессы в социалистическом обществе»), в работе которой принимали участие социологи Болгарии, Венгрии, Польши, ГДР, Румынии, СССР, Чехословакии.

Для советских социологов работа в комиссии была крайне полезной и особенно в том, что она расширяла диапазон теоретико-методологической рефлексии в рамках марксизма. Польские и венгерские коллеги (например, В. Весоловский, П. Тамаш) подчас ставили вопросы, казавшиеся другим участникам, включая советских, «слишком смелыми», но мало-помалу формировалась концепция, стимулирующая участников к профессиональной работе над проблемой. В рамках Комиссии действовали исследовательские группы по изучению рабочего класса, интеллигенции, крестьянства, по проблемам социальной мобильности и образования.

В 1976–1982 гг. было проведено международное эмпирическое сравнительное исследование динамики социальных изменений рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции в условиях общего замедления темпов развития социалистических стран Европы, стагнации социальной сферы и господства иллюзорных концепций «социальной однородности». Навязывались представления об исчезновении, отрицании социального многообразия: в экономике — только одна, государственная собственность, в социальной сфере — стирание всех различий, в политической — неизменность политических структур, одна схема управления. Международное исследование выявило области, где внутривидовые различия становятся более существенными, чем межвидовые, т.е. обнаружило новый тип социальной дифферен-

циации в континууме умственно-физического труда. Кроме того, было убедительно показано, что механизмы интеграции и механизмы дифференциации с разной степенью интенсивности действуют в различных странах [16].

Международное сравнительное исследование по проблемам высшей школы и молодежи показало, что высшая школа в странах СЭВ играла роль важнейшего канала социальной мобильности, а социальные источники формирования студенчества в значительной мере воспроизводили существующую структуру. Проводились и другие подобные исследования [17].

На V Всесоюзной конференции по проблемам социально-классовой структуры (Таллин, 1981 г.) было заявлено о необходимости создания современной концепции социальной структуры, дающей реалистические оценки тенденций возникновения новых форм социальной интеграции и дифференциации, ибо исследования выявляли многообразные критерии социальной дифференциации общества.

В 90-е годы в российском обществе начинают развиваться трансформационные процессы: экономическая реформа, плюрализация форм собственности, демократизация, что повлекло за собой возникновение новых социальных общностей, изменение положения традиционных классово-групповых общностей, их границ, количественных и качественных характеристик, возникновение маргинальных и пограничных слоев. Переход от советского к более демократическому обществу рассматривается как процесс становления гражданского общества — демократического, рыночного, правового. Оно, с одной стороны, является полем, на котором разворачивается борьба разноразличных частных и групповых интересов, субъектами которых выступают различные слои и общности, а с другой — активным фактором этого процесса.

В начале 90-х годов большинство исследователей социальной структуры в России изменили парадигму исследований. Произошел переход от марксистской парадигмы к теории социальной стратификации. Под социально-стратификационной структурой общества понимается многомерное, иерархически организованное социальное пространство, в котором социальные группы и слои различаются между собой степенью обладания собственностью, властью и статусом. Основными критериями расслоения рассматриваются экономический, профессиональный, властный, а также степень адаптации к трансформационным процессам [18].

Ситуация усложнялась для исследователей тем, что предмет иссле-

дований — социальные структуры — находились в ситуации изменений, становления нового качества, были аморфны. В связи с этим, внимание акцентировалось не столько на количественных показателях групп и слоев, сколько на их взаимосвязях и взаимоотношениях (дизинтеграция, интеграция, конфликт и партнерство). Исследовалось иерархическое строение общества по тем или иным критериям.

Современную социальную структуру российского общества нельзя рассматривать как стабильное устойчивое явление. Появившиеся различные формы собственности привели к рождению новой социальной структуры с новыми формами социальной дифференциации. Основной характеристикой современного российского общества является его социальная поляризация, расслоение на большинство бедных и меньшинство богатых. Таким образом, налицо конфликт между сущностью проводимых экономических реформ и ожиданиями и стремлением большинства населения. Пространство социальной стратификации как бы свертывается практически к одному показателю — имущественному (капитал, собственность, доход).

Специфика российского общества, кроме прочего, состоит в том, что процесс глобализации накладывается на противоречивый процесс трансформации, сопровождающийся углублением социального неравенства (по всем показателям) и маргинализацией значительной части населения. Многие процессы, протекающие в глобальном обществе, своеобразно преломляясь, имеют место и в российском обществе. Формируется класс собственников (аналог международного господствующего класса), расширяются средние слои. Появился слой менеджеров, гастарбайтеров, маргиналов («поколение X» у Коупленда), бедных. Россия активно включается в процессы «глобализации», порождая различные «гибридные практики» и «кентавризмы».

В последние десять лет акцент в исследованиях социальных структур делается на проблемах социального неравенства, расслоении [19]. Особым предметом исследований становится «средний класс», «средние слои». На разных выборах как на региональных, так и на всероссийских исследуется эта социальная группа на основе стратификационной парадигмы [20]. Большое внимание уделяется изучению адаптивных возможностей различных групп населения к процессам трансформации, в том числе предпринимателей [21], и профессиональных групп. Исследуется поколенческий аспект развития социальной структуры. По-прежнему в центре внимания находятся проблемы регионализации социальной структуры. Регионализация и анклавизация в настоящее время — существенная характеристика всей социально-

экономической и политической жизни страны. Поэтому важнейшая задача — изучение отдельных слоев и групп со всей системой социальных конфликтов и противоречий в различных регионах страны, резко различающихся между собой по многим экономическим и социально-культурным показателям.

Одна из наиболее проблемных областей российской жизни, претерпевшая существенные изменения в ходе реформ — социальная мобильность в российском обществе. В рамках этой темы возникла необходимость продолжить теоретико-методологические и эмпирические изыскания.

Ведется углубленное изучение отдельных профессиональных групп — ресурсных слоев общества, степень их адаптации. Механизмы формирования, социальная динамика, причины и направления изменений социальных статусов различных профессиональных групп специалистов с высшим образованием в резко меняющемся обществе, где социальное расслоение оказалось более значительным, чем в стабильных социальных системах, не изучены в достаточной степени. Эти проблемы часто обсуждаются на страницах социологических и общественно-политических журналов. Однако весьма мало исследуются проблемы рабочего класса, отдельных слоев специалистов. Не слишком много внимания уделяется крестьянству [22].

В заключение отметим, что проблематика социальной стратификации российского общества является сегодня приоритетной в российской социологии. Она достаточно многопланова.

Исследователи большое внимание уделяют изучению процесса формирования модели современного российского общества. Под моделью понимается складывающаяся или уже сложившаяся система отношений между социальными группами, основанная на различных взаимосвязях статусных позиций этих групп: экономических, политических, социокультурных и т.д.

Социальную трансформацию общества сегодня характеризует не только появление ранее не существовавших позиций в системе стратификации — прежде всего класса крупных и средних собственников, возникновение слоя «новых бедных», маргиналов, безработных, но и их соответствующая адаптация к вновь возникающим статусно-ролевым функциям, переориентация социальной и личной идентичности.

Перед социологами стоят сложные задачи по выявлению тех элементов стратификационной структуры современного общества, которые потенциально могут создавать условия для более эффективной реализации человеческого капитала в процессе взаимодействия с властью и биз-

несом в условиях рыночной экономики. Актуальна проблема экономического и социально-культурного неравенства в обществе и социально-демографический потенциал социальных слоев, а также проблема социальной маргинальности, особенно характерная для некоторых «старых» и нарождающихся новых слоев.

Список литературы

1. Подробнее см.: *З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян. Социальная структура и стратификация // Социология в России. М., 1998. С. 104–129.*
2. *Рабочий класс и технический прогресс. М., 1965; Человек и его работа. М., 1967; Классы, социальные слои и группы в СССР. М., 1968.*
3. *Из истории рабочего класса СССР. Л., 1962; Проблемы изменения социальной структуры советского общества. М., 1968; Процессы изменения социальной структуры в советском обществе. Свердловск, 1967.*
4. *Шкаратан О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса. М., 1970.*
5. *Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971.*
6. *Руткевич М.Н. Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. М., 1977.*
7. *Кугель С.А. Новое в изучении социальной структуры. М., 1968.*
8. *Шубкин В.Н. Социологические опыты. М., 1970.*
9. *Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р. Социальные перемещения. М., 1970.*
10. *Проблемы социальной мобильности. М., 1974.*
11. *Формирование социальной однородности социалистического общества М., 1981.*
12. *Высшая школа как фактор изменения социальной структуры развитого социалистического общества. М., 1978; Социальные перемещения в студенчество. Вильнюс, 1982; Филиппов Ф.Р. От поколения к поколению: Социальная подвижность. М., 1989.*
13. *Гордон Л.А., Назимова А.К. Рабочий класс СССР: Тенденции и перспективы социально-экономического развития. М., 1985.*
14. *Староверов В.И. Советская деревня на этапе развитого социализма. М., 1976; Социальная структура сельского населения СССР на*

этапе развитого социализма, М., 1978; Социальный облик среднерусской деревни. М., 1992.

15. Региональные проблемы социальной мобильности. М., 1991.

16. Рабочий класс и инженерно-техническая интеллигенция в социалистических странах. М., 1989.

17. Молодежь и высшее образование в социалистических странах. М., 1984; Трудящаяся молодежь: образование, профессия, мобильность. М., 1984.

18. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М., 1996; *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация российского общества. М., 2003; *Заславская Т.И.* Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М., 2004; Россия. Новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. М., 2004; *Тихонова Н.Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М., 1999; *Беляева Л.А.* Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М., 2001

19. Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Под общ.ред. *М.К. Горшкова.* М., 2007

20. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Авт. коллектив: *Е.М. Аврамова, Т.М. Малева* (руководитель), *М.В. Михайлюк, Л.И. Ниворожкина, А.А. Овсянников, Л.Н. Овчарова, В.В. Радаев, Я.М. Рощина, С.В. Сурков, Н.Ю. Фирсова.* М., 2003; *Аврамова Е.М., Григорьев Л.М., Космарская Т.П., Малева Т.М., Михайлюк М.В., Овчарова Л.Н., Радаев В.В., Урнов М.Ю.* Средний класс в России: количественные и качественные оценки. М., 2000.

21. *Козырева П.М.* Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М., 2004; *Лапин Н.И.* Социокультурный портрет региона. М., 2006.

22. Человеческий капитал на селе. Краснодар, 2006; Крестьяноведение. М., 2005.

Ю.В. Арутюнян,
член-корреспондент РАН,
Л.М. Дробижева

Этносоциология перед вызовами времени

Этносоциология в ее современной архитектонике стала формироваться с конца 1960-х гг. Появилась она не на пустом месте: ее давние посылки обозначились в российской науке в начале прошлого столетия, прежде всего в работах П. Сорокина, а за рубежом это направление органически связано с исследованием У. Томаса и Ф. Знанецкого, труд которых был посвящен полякам в Европе и Америке [1]. На наш взгляд, ближе других к сложившейся в 1970–1980-е гг. в отечественной этносоциологии были исследования А. Инкелеса и Д. Смита, но в их проектах сравнивались не этнические общности, а жители разных континентов, что далеко не всегда совпадает с этническими границами [2].

Большинство социологических исследований нередко связано с иными научными дисциплинами. В этносоциологии это особенно очевидно. Первое же исследование, репрезентативное для этнических групп Татарии, было многоаспектным [3]. Межнациональные отношения занимали в нем важное место, но были одним из предметов изучения. И понятно почему. Связь социального и этнического проявляется в разных сторонах жизни и не сводится только к межнациональным отношениям. В этносоциологических исследованиях всегда ставилось целью вскрыть систему зависимостей между социальными и этническими факторами во всех сферах жизни, с одной стороны, и межнациональными отношениями — с другой, найти в этнически маркированном социальном пространстве значимые закономерности и противоречивые стороны. Кратко говоря, *этносоциология* изучает этнические аспекты развития социальных общностей. Ее исследовательское поле сфокусировано на том, насколько национальность ассоциируется с другими социальными делениями — социальными, экономическими, культурными, политическими.

Естественно, большинство понятий в этносоциологии формируется из арсенала научных направлений, изучающих конкретные сферы общественной жизни. Это отражается в системе таких понятий, как «этносоциальная структура», «этносоциальное неравенство», «этнические установки», «этнические стереотипы» и т.д. Конечно, есть понятия, которые используются главным образом в этносоциологии (например, этноцентризм).

Главная особенность этносоциологии — *комплексный междисциплинарный* характер, фиксируемый в самом названии этого направления, что сходно с естественными науками, где так же обозначаются междисциплинарные направления — биохимия, биофизика и т.д. И это, конечно, накладывает отпечаток на методологию.

О методологических подходах

Начиная с 1960–80-х гг. в связи с усилением значимости этничности в США и затем в Европе в науке шли дискуссии и пересматривались подходы к пониманию самого этнического феномена [4].

Этносоциологи, в основном работавшие в сфере социальной практики, а именно так формировалось это направление с конца 1960-х г., были мало озабочены в советский период теоретическим обоснованием используемых концепций. Возможно, это было связано со временем, когда по сути все ученые в социальных науках придерживались одной — марксистской — концепции. Сейчас, когда идут острые споры вокруг понимания этничности [5] среди политологов, социальных философов, этнологов, социальных антропологов, четче позиционировали себя и этносоциологи, в том числе и в понимании объекта своих исследований.

Как и в других социальных науках, за рубежом и в нашей стране есть и решительные сторонники новых конструктивистских подходов к этничности [6], и не согласные с ними [7]. Споры между сторонниками *примордиализма* и *конструктивистами* идут давно. Конструктивистские объяснения появились тогда, когда этничность проявляла себя в формах, требующих новых или дополнительных объяснений.

Макс Вебер, на работы которого не обращалось внимания в отечественной этнологии, а в социологии они рассматривались в связи с другой тематикой, полагал, что фактором формирования и функционирования этнических групп являются «субъективные убеждения», «субъективная вера», что «не имеет значения, существует или не существует реально общность по крови», убеждения важнее реального родства. Коллективные представления, считал он, возникают из-за культурного сходства, сходства во внешних чертах или какой-то исторической памяти (миграция, колониализм). С одной из основных идей М. Вебера о ценностях связана солидарность, этническая гордость, честь [8]. В. Коротеева и Э. Паин обратили внимание на то, что подобные взгляды почти в то же время высказывал американский историк К. Хэйес, но они тогда в науке не были широко распространены. А в 1970–1990-е гг. стали востребованными из-за «политического спроса на идеи такого рода» [9].

Этносоциологам легче, чем представителям других наук, было учитывать новые подходы в понимании этничности в силу предмета их изучения. Как отмечается в книге «Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества», этносоциологи «в силу самого предмета изучения ... интуитивно понимали значимость конструктивистской концепции» [10]. Анализируя роль интеллектуалов, профессионалов в конструировании национализма в 1990-е гг. в книге «Этничность и власть в политических государствах», мы еще раз подчеркнули, что обстоятельный анализ требует интеграции подходов [11]. Это стремление было продиктовано крайностями интерпретаций как конструктивизма, так и структурализма.

Понятны были причины растущей популярности конструктивизма в нашей стране после открытых этнических вызовов и распада СССР, но очевидным становилась и упрощенная интерпретация его. То, что было освоено и вошло даже в политическую практику (поиски авторов этнической мобилизации), касалось именно «политического конструктивизма» [12]. Сама концепция конструктивизма намного сложнее и более открыта для синтезирования с другими подходами. В этом убеждает интервью профессора Т. Лукмана «Журналу социологии и социальной антропологии» [13]. В нем он сказал, что П. Бергер, его соавтор по книге «Социальное конструирование реальности», которую часто приводят как пример конструктивистской концепции, «не является конструктивистом, тем более в том смысле, который нынче так распространен». Что касается упомянутой концепции, то она «избирательно и эклектично основывалась на основных идеях антропологических работ Маркса, социологическом объективизме Дюркгейма, понимающей исторической социологии М. Вебера и, конечно же, социальной психологии Дж. Мида. Теоретическим обоснованием предложенного нами синтеза является феноменология жизненного мира, разработанная Гуссерлем и Шютцем».

А. Шютц писал: «Наблюдаемое поле social scientist, научная реальность, имеет специфические смысл и структуру соответствия для живущих, действующих и мыслящих в ней человеческих существ. Путем серии построений здравого смысла они предварительно отобрали и проинтерпретировали этот мир, который ими воспринимается как реальная повседневная жизнь. Именно эти мысленные объекты определяют их поведение, мотивируя его. Мысленные объекты, сконструированные обществоведом для того, чтобы понять социальную реальность, должны базироваться на мысленных объектах, сконструированных здоровой мыслью людей, живущих своей обыденной жизнью, в своем социальном мире. Таким образом, конструкции социальных наук яв-

ляются, так сказать, конструкциями второго порядка, конструкциями конструкций, созданных актерами на социальной сцене» [14]. П. Бурдье, размышляя об объективистском и субъективистском подходах, делал вывод: «оба подхода ... находятся в диалектической связи». Он называл этот синтезирующий подход «конструктивистским структурализмом или структуралистским конструктивизмом» [15]. Именно исходя из такого подхода, этнополе понимается, с одной стороны, как часть социального пространства, (подчеркнем при этом, что это относительно устойчивая, подвижная, меняющаяся часть, «конфигурация социокультурных процессов, практик (структура)»), а с другой — как результат социального конструирования структуры самими людьми, приобретающий характер структуры по отношению к входящим в него индивидам» [15, с. 159].

С учетом сказанного, можно заключить, что предметом этносоциологии как раз и является изучение того, как и почему интеллектуальные конструкции превращаются в социальные конструкции, которые ориентируют поведение людей, деятельность социальных институтов.

Большинство людей сохраняет представление, что существуют народы как этнокультурные общности, и они себя идентифицируют соответствующим образом. Социологическими исследованиями в различных проектах фиксировалось, что идентификация с этнической общностью является одной из идентичностей, но достаточно устойчивой и массовой [16].

Однако, видимо, стоит уточнить наши подходы. В.А. Тишков пишет, что Ю.В. Арутюнян, М.Н. Губогло, Л.М. Дробижева интерпретируют этническую идентичность «как неотъемлемую психологическую часть «я», а ее изменение — как неестественное и навязанное человеку» (психокультурная интерпретация этничности в рамках примордиализма) [17]. Никто из нас такого не писал. В проекте «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов» [18] для изучения уровня этнической идентичности был использован тест Куна-Макпартленда. Интервьюируемого просят ответить на вопрос «Кто я», совсем никак не упоминая об этнической идентичности. На репрезентативных выборках было установлено, что, как правило, этническая идентичность не является первостепенной, она уступает так называемым базовым идентичностям (отец, мать, дочь, сын, мужчина, женщина, профессия и т.п.). Мы обращали внимание на то, что этническая идентичность актуализируется в сложных этноконфликтных ситуациях. Например, она была выше у осетин и русских в Северной Осетии после вооруженных столкновений с ингушами.

Чем этот вывод отличается от того, что пишут исследователи, причисляющие себя к последовательным конструктивистам? «... Достаточно понимания этничности как частичной идентичности, которая вместе с другими частичными идентичностями связана с определенным ролевым регулятором», — пишут В. Воронков и И. Освальд в предисловии книги «Конструирование этничности» [19].

Изучая распространенность и интенсивность этнической идентичности (допускается, что она может быть высокой, средней, низкой или вообще отсутствовать), мы ставили вопрос, который уже поднимался в исследованиях Института социологии РАН (под руководством В. А. Ядова и В. А. Мансурова): про кого человек мог бы сказать, что «это — мы». Вариант ответа «люди моей национальности» «паковался» среди других значимых идентичностей: «люди моего поколения», «люди того же достатка, как и я» и т.п. Ответы на этот вопрос фиксировали, что большинство людей иногда или часто идентифицируют себя с людьми той же, что и сами, национальности, а некоторые никогда (такие случаи не были частыми). Исследования показывали изменения в зависимости от социально-политической ситуации, напряжений, конфликтности, возможности социальной мобильности, участия во власти [20]. При исследовании армян в разных этноконтактных средах подтверждалась динамичность этнической идентичности людей в зависимости от места проживания, длительности жизни в иной этнической обстановке, социальной среды общения [21].

Сторонники конструктивизма в понимании этничности фиксируют внимание на меняющихся представлениях о группе, на дрейф идентичности [22]. Многие исследователи как раз изучали, почему конструируется или деконструируется этничность, кто и в чьих интересах это делает. В этом отношении интересы ученых, работающих в разных направлениях социологии, совпадают [23]. Какие идеологемы встраиваются в сознание групп элитой, представляющей интересы федерального центра и позиционирующей себя как выразителей интересов этнически ориентированных групп, интересовало всех, но важно показать, какие идеи воспринимаются конкретными группами и почему. Причинно-следственные связи этого процесса были предметом этносоциологических исследований.

Итак, жесткая «прописка» исследователей по направлениям достаточно ответственна, нередко условна. И не важнее ли сосредоточить внимание на соотношении идеологий и социальных практик, возможностях и пределах мобилизации и манипуляции массовыми чувствами, реальности сконструированного этнического, национального, их значи-

мости и смыслов в сознании социальных групп, точности интерпретации конкретных явлений и процессов?

Направления исследований

Предметное поле этносоциологических разработок с самого начала сложилось как очень широкое. Основные направления были определены уже в первых исследованиях, проведенных в 1970–1980-е гг. в Эстонии, Молдавии, Грузии, Узбекистане, Российской Федерации. Это — социальная структура и мобильность в этнических общностях; этномиграционные процессы; взаимодействие современной и традиционной культуры в этносоциальном развитии; социальные аспекты языковых взаимодействий; этносоциальные аспекты семейно—бытовых отношений; этническая идентичность и межэтнические отношения. Следует отметить: в советский период этносоциология если и не вскрывала все противоречия в этносоциальном пространстве общества, то, во всяком случае, глубже и конкретнее, чем другие научные дисциплины в этой сфере, отражала реальные жизненные практики, в которых люди чувствовали свою этническую принадлежность.

Первые же проведенные этносоциологические исследования показали реальные возможности людей разных национальностей в социальном продвижении. Темпы социального роста у многих национальностей в советский период были выше, чем у русских, и сближение показателей социального статуса народов по номинальному признаку, фиксируемому переписями, имело место. Но это сближение не означало автоматического улучшения отношений между людьми разных национальностей. Конкурентность, наоборот, возрастала. И именно этносоциологи пытались показать признаки возрастающих напряжений. За десятилетия до начала эпохи перестройки начался отток русских из столиц закавказских республик. В республиках Прибалтики социальное продвижение русских и эстонцев, латышей шло вместе и вровень, но из-за этого обострялись конкурентные отношения, прежде всего, в сфере науки, образования и даже среди работников квалифицированного физического труда. Ведь русские чаще работали на крупных предприятиях, которые имели свой жилой фонд, более широкие возможности для отдыха работников и их детей, а эстонцы работали в основном на средних и мелких предприятиях, которые таких возможностей не имели. Именно в этих республиках накапливался «порох» для будущей мобилизации на этнической почве [24].

Изучая этнические стереотипы и установки на контакты в трудовой сфере и неформальном общении, этносоциологи, вопреки имевшимся представлениям о дружбе народов, показывали реальные зоны накапливавшихся противоречий. В Ереване негативные стереотипы у армян в отношении азербайджанцев, а у последних в отношении армян были настолько очевидными, что материалы об установках приходилось давать только через индексы. Также через индексы, беря за единицу положительные установки среди квалифицированных рабочих, рассчитывали отклонения, которые имели место среди интеллигенции [25]. Внимательные читатели могли прочитать все это в открытой печати, тем более об этом было известно в «директивных», как тогда говорили, органах.

В советское время политики, историки, работавшие в области научного коммунизма, писали, что этнически смешанные коллективы — лучшее место для воспитания интернационализма. А этносоциологические исследования показывали, что благоприятные межэтнические установки и стереотипы зависят от ситуации, и в многонациональных городах, прежде всего, молодых, отношения часто сложнее, особенно там, где высокий и быстрый приток инонациональных жителей. Это видно и по ситуации в городах Набережные Челны и Альметьевск в Татарстане.

Таким образом, к началу перестройки именно социологи обозначили возможные проблемные ситуации межэтнических напряжений. Противоречия и напряжения, хотя и нарастают, могут, как показывают исследования, различными способами регулироваться, пока существует крепкая центральная власть. Но когда легитимность ее теряется, срывается закономерность — появление открытых этнических вызовов, т.е. то, что и произошло у нас во времена М.С. Горбачева. Политическая элита использует длительно накапливавшиеся социальные недовольства и реализует мобилизацию по этническому принципу. В 1990-е гг. — в период национальных движений и этнополитических конфликтов — этносоциологи показали основные движущие силы этих социально-политических акций, роль состава элитных групп, возглавлявших движения, от которых во многом зависела насильственная или ненасильственная форма конфликтов, типы национальных движений.

В мировой науке были выделены так называемые западный и восточный типы национализма (по Х. Кону), которые впоследствии другими исследователями, в частности, Л. Гринфельд, обозначались как гражданский и этнический. Однако, опыт нашей и других стран во второй половине XX в. показал, что и тот, и другой национализм может быть разным, в зависимости от целей и способов их достижения.

Анализ идеологием, формулируемых элитами, политики и социальной практики в регионах СССР и затем России дал основания выделить в ходе этносоциологических исследований несколько типов *национализма*. Кроме классического типа национализма, когда ставилось целью достижение полной государственной независимости (сецессия), как, например, в Эстонии, Литве, Латвии, имели место и другие варианты национализма — экономический и культурный, когда идеологи и политики ставили целью добиться большей самостоятельности в сфере управления ресурсами или сохранения и развития языка и культуры титульной национальности. Такие цели ставились лидерами национальных объединений в ряде российских республик (Татарстан, Башкортостан, Тува, Якутия). Был и так называемый «защитный национализм», когда основные идеи, политика и действия фокусировались вокруг защиты территории, например, в Северной Осетии или Ингушетии. Этносоциологические исследования показывали, насколько массовыми были эти настроения, насколько широко распространялись эти идеи, как велика была готовность защищать их и в чем были причины того, что в дальнейшем большинство отказалось от борьбы за эти цели [см. 20, 23 и др.]

Изучая *этнические конфликты*, социологи, этнополитологи (А. Дмитриев, В. Дятлов, Э. Паин, С. Рязанцев и др.) и антропологи (В. Тишков, А. Ямсков) анализировали их социальные основы, движущие силы и ответственность элиты на разных стадиях конфликтов [26]. Только разно-сторонний анализ мог объективно вскрывать сложные конфликтные ситуации в Чеченской республике, Абхазии, Южной и Северной Осетии, в Приднестровье, где имели место вооруженные действия, в Дагестане, Туве, Татарстане и других районах страны. Значимость этносоциологических исследований конфликтных ситуаций была в том, что они объяснение их не сводилось только к одному фактору — вине политических антрепренеров. Ответственность последних очевидна, но объяснение конфликтов с учетом расстановки социальных сил, интересов групп, психологических факторов позволяло предложить власти более объективное их видение и более эффективные способы регулирования.

В современных условиях этносоциологи призваны глубоко исследовать постконфликтные ситуации. Это не только изучение социально-конкурентных сфер взаимодействия в регионах Северного Кавказа, Тувы и других территорий, но и, к примеру, последствий миграционного оттока русских их этих регионов и притока в города избыточной рабочей силы тех национальностей, которые в районах своего основного проживания не могут найти достойной работы. Ученые в регионах (В. Авксентьев, Х. Дзугев, В. Петров, М. Савва, З. Анайбан) осуществля-

ют достаточно представительные исследования, адекватно отражающие постконфликтные ситуации. К сожалению, пока не удавалось скоординировать эти исследования с изучением травматических последствий конфликтов в центре, особенно в крупных городах — Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и др.

Новые политические и экономические реалии после распада Союза и формирования новых социальных отношений изменили контексты взаимодействия людей разных национальностей и даже условные символические позиции народов.

Русские, составлявшие в СССР 51 % населения страны, стали в Российской Федерации превалирующим большинством, но символического подтверждения статусных позиций «старшего брата» уже не ощущали, а многие слышали обвинения в адрес своего народа не только в государствах, бывших ранее союзными республиками, но и на территории России. Во многих республиках РФ русские, даже будучи численно не меньше представленными в составе населения, среди руководителей, управленческого аппарата, в представительных органах стали занимать (в какой-то мере из-за незнания языка) вторые позиции [27].

Травматические трансформации, которые испытывали все граждане бывшего СССР, для русских усугублялись дополнительными психологическими переживаниями, которые позволяли говорить даже о кризисе самосознания русских. Данных об этом статистика не давала. Материалы же социологов (прежде всего, Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения) содержали показатели о социальном самочувствии населения страны. Этносоциологи анализировали динамику развития социальных слоев в разных этнических средах. Оказалось, что в первые годы после распада Советского Союза у национальностей, давших названия российским республикам, кризисные состояния в трудовой сфере и в жизненных ситуациях в какой-то мере компенсировались дискурсом о национальном возрождении или отменной «пятой пункта» — снятием фиксации национальности в паспортах, — стимулирующими представление «все — граждане России». Русские же острее воспринимали травматическую трансформацию изменения своего национального статуса, потери прежней роли страны на мировой арене и т.д. Эти психологические состояния, как показывали исследования, отражались на их социальном поведении. Добавим, что изменения в социальных позициях русских в государствах — бывших союзных республиках СССР были еще более заметны, а их психологическое самочувствие — сложнее, что это зафиксировано этносоциологическими исследованиями [28].

Этносоциологические исследования в республиках РФ, когда стали преодолеваются кризисные явления рубежа веков зафиксировали изменения в позитивную сторону в самочувствии людей. Но последствия травмы нередко стимулировали рост ксенофобских настроений [29]. Социологи, этнополитологи и этнологи связывают рост таких настроений с высоким и быстрым притоком иноэтничных мигрантов особенно в крупные города и приграничные территории. В условиях глобализации антимигрантские настроения росли во всем мире. И российские социологические службы (например Левада-центр), изучающие общественные настроения, отмечали этот процесс. Этносоциологи, опираясь на данные исследований, проанализировали социально-конкурентную ситуацию и психологические состояния контактируемых этнических групп (страхи от необходимости взаимодействия с «чужими», чувства потери своего территориального пространства) и т.д. [30].

Особую озабоченность вызывает рост этнических предрассудков в молодежной среде. Этносоциологические исследования среди школьников Москвы (рук. В.Д. Шапиро), казанских ученых (рук. Мусина Р.Н.) и др. зафиксировали неблагоприятные тенденции к этнической закрытости среди молодых людей как русской, так и других национальностей, и даже готовности части их к использованию насилия. Осуждение ответственности получили случаи нападения на людей с Кавказа и Средней Азии в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже, некоторых других городах. По данным социологических исследований (2006 г.), несмотря на то, что удовлетворенность жизнью в целом возросла, у 65,7% опрошенных (а среди молодежи — 74,6%) уровень беспокойства высокий, что в немалой мере связано с состоянием этнической тревожности. Уровень беспокойства о том, что могут быть жертвой нападения, зафиксирован более чем у 60% респондентов [31]. Факты свидетельствуют, что тревоги и беспокойства ситуативны, но анализ ситуаций требует постоянного мониторингового исследования.

Актуальными проблемами, особенно для крупных городов, остаются расколотый рынок, различия в занятости, оплате труда и, следовательно, уровне жизни работников разной этнической принадлежности из среды мигрантов. Нельзя сказать, что они совсем новые для этносоциологов. С советских времен на конкретных территориях они изучали занятость людей контактирующих национальностей в разных отраслях производства. Но тогда оплата труда зависела главным образом от образования и квалификации работников. На более престижные работы с достойной оплатой попадали люди тех национальностей, которые в большинстве проживали в городе, имели больше возможностей для получения обра-

зования и профессиональной подготовки [32]. Поэтому наши рекомендации управленческим структурам сводились к тому, чтобы социальная поддержка оказывалась не по национальному признаку (за исключением малочисленных народов), а по условиям жизни — сельской молодежи, жителям северных территорий и т.п.

Сейчас с мигрантами положение другое. Даже имея высокую квалификацию, они нередко готовы работать за низкую оплату или в худших производственных условиях. И это неравенство восприятия положения мигрантов дополняется неблагоприятными этническими стереотипами («Что они могут», «Да эти возьмутся работать за любую цену»). О существовании таких видов неравенств известно, но меру, форму их распространенности применительно к людям разных культур ещё предстоит конкретно изучать в каждом регионе (на Дальнем Востоке, в Петербурге, Москве это уже делается).

В трудовых отношениях многое зависит от распространенных в принимающей среде стереотипов мигрантов, но кое-что и от культурных, психологических особенностей. Социологи со времен М. Вебера раскрывают значение культурных факторов в социальной иерархии. Сегодня это особенно актуально с точки зрения приспособления людей из среды разных культур, этнических групп к современному рынку труда. «Различное время доступа к технологической силе (имеются в виду технологии, связанные с информационно-технологической революцией) для людей, стран и регионов является критическим источником неравенства в современном мире», — считает О.И. Шкаратан [33].

К сожалению, качественные характеристики рабочей силы в этнокультурном аспекте изучались в отечественной социологии недостаточно. По косвенным данным оценку трудовых характеристик в России давал Г. Хофшted [34], но это были измерения по странам. Теоретические подходы и ряд конкретных исследований с учетом этнического компонента были выполнены А.А. Сусоколовым [35]. Ряд измерений — образование, ориентация на тот или иной тип оплаты труда, предприимчивость, достижительность, ценность труда, самостоятельность, ответственность, коллективизм исследовались нами с целью изучения влияния этнокультурных параметров на неравенство в Татарстане, Саха-Якутии, Оренбургской области [36]. Несомненно, для России с достаточно значимыми историко-культурными традициями трудовых навыков работников в регионах страны важны конкретные локальные исследования, в которых заинтересованы не только ученые и политики, но и отечественные и зарубежные инвесторы.

Востребованность этносоциологии сегодня

Этносоциология как научное направление не может пожаловаться на невостребованность достигнутых знаний властью и обществом. Специалисты в данной области активно взаимодействовали со средствами массовой информации, что выражалось не только в публикации итогов их исследований, но и в выступлениях по злободневным вопросам текущей политической жизни, оценке явлений социальной жизни. С использованием данных этносоциологических исследований велись дискуссии о формировании в поликультурном российском обществе политической нации, давались оценки социально-культурным факторам миграционных процессов, условиям адаптации мигрантов, состоянию толерантности и ксенофобии в обществе. Устанавливается реальное взаимодействие социологов и управленцев по урегулированию сложных ситуаций в городах. Например, Москве и Санкт-Петербурге приняты специальные программы по регулированию межэтнических отношений, в которых участвуют и этносоциологи.

Наиболее серьезный вклад социологи вносят в формирование общественных настроений через сферу образования. Этносоциология как спецкурс преподается в ряде ведущих вузов страны: в МГУ, Санкт-Петербургском государственном университете, Высшей Школе Экономики, РГГУ, РУДН, Московской высшей школе социальных и экономических наук, Ростовском госуниверситете и др. Вышло несколько учебных пособий по этносоциологии [37].

Этносоциологи не раз выполняли экспертные работы при подготовке государственных документов, участвовали в обсуждении вопросов, выносимых в Государственной Думе РФ на парламентские слушания, участвовали в подготовке изменений в миграционной политике, оценке конкретных конфликтных ситуаций в регионах страны. Важную работу по снятию ксенофобных настроений и регулированию конфликтных ситуаций ведут этносоциологи также в Санкт-Петербурге, Казани, Улан-Удэ, Элисте, Уфе, Якутске, Оренбурге, Екатеринбурге, Сыктывкаре, Петрозаводске и многих других городах страны.

Особенно значима проблема, связанная с прогнозированием этносоциальных процессов. Конечно, вряд ли возможна категоричность в прогностических суждениях, ибо этнонациональные отношения, зависящие от множества факторов, далеко не всегда подчинены абстрактной логике и разумным ожиданиям. Признание и даже внешний триумф позитивных межнациональных отношений совсем не обязательно сочетаются с подлинными социально-культурными преимуществами в раз-

витии этносов и их взаимодействии. Ведь люди в большинстве своем до сих пор легко поддаются господствующим нормам массового сознания, подчас даже независимо от того, отвечают или нет эти нормы их реальным интересам. Этносоциологические исследования призваны ответить на вопрос, насколько устойчивы традиционные, подчас консервативные этносоциальные установки у различных групп населения, и как они соотносятся с оптимальными нормами общественного развития.

Исключительное значение в этом плане имеют интегративные процессы в многокультурном обществе. Органическая включенность в общественную среду в нашем отечественном социуме может фиксироваться множеством индикаторов, среди которых один из основных — *выраженность национально-гражданского сознания*. Кем «россияне» разной этнической принадлежности себя в первую очередь чувствуют, что они в большей мере ощущают: свою этнонациональную принадлежность или «гражданственность» (гражданство). Этносоциологические исследования фиксируют весьма выраженную вариативность этих выборов, зависимость и от ситуации, и от приобщенности к собственному «родному» этносу, и от его конкурентоспособности в той или иной среде.

Приоритет гражданского сознания независимо от национальности, как свидетельствуют исследования, характерен для относительно более активной части населения [38]. Те, кто чувствует себя прежде всего россиянами, — будь то русские, украинцы, армяне, татары или люди других национальностей — ко всем иноэтничным группам относятся заметно лучше, чем те, для кого собственная национальность (как бы «родовая этническая принадлежность») более значима. В рамках Российской Федерации — «россияне» — это по существу образ, выражающий интегрированное национально-общественное самосознание, что сказывается на их установках и конкретном поведении. Среди них (независимо от их этнонациональной принадлежности) в целом выше, чем среди людей замкнутых на собственную национальность — образование, социальный статус, активнее общественная жизнь, выраженнее приобщенность к не только «своей», но и к инациональной культуре, наконец, меньше этнических предубеждений и заметнее межнациональные контакты [см. 38, 30 и др.].

И все же, несмотря на более благоприятную, чем десятилетие назад, ситуацию, не должно быть места для иллюзий и благодушного оптимизма. Позитивные межнациональные отношения утверждаются, как свидетельствуют факты, далеко не беспрепятственно. Наиболее опасно замаскированное, агрессивно-преступное противостояние процессам

межэтнической интеграции со стороны радикально-националистических сил. Поддержкой населения они не пользуются. К примеру, в Москве симпатию к профашистским националистическим группировкам скинхедов питает лишь 2% русского населения, но, тем не менее, не должно быть обманчивых иллюзий и убежденности в абсолютном благополучии. Ведь за единичными процентами экстремистов стоят тысячи людей, причем их больше среди мужчин и молодежи. К тому же надо иметь в виду, что в неблагоприятной ситуации «скромный» пока этнический экстремизм может провоцироваться, причем даже в относительно моноэтнической среде. Известны, например, происходившие в недавнем прошлом этнонациональные погромы не только в многонациональных Москве и Петербурге, но и в других местах — Владивостоке, Волгограде, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Самаре, Чите и др. [39]. Статистика, приводимая в печати, говорит о высокой преступности среди «инородцев», но, чаще всего не уточняет, о какой именно преступности идет речь, а ее диапазон весьма велик — от фальшивой регистрации места жительства до убийств. Фальшивая регистрация места жительства, конечно, частое нарушение инонациональных мигрантов. Но если речь идет о самых тяжелых преступлениях — убийствах, — то здесь мигранты, судя по последней информации, например, по Москве (за январь 2008 г.) — только жертвы [40].

Таким образом, сегодня, при, в целом, спокойном развитии межнациональных отношений в нашем обществе, даже в столичной, относительно здоровой среде необходимо постоянное внимание к их регулированию. Этносоциологические исследования, отвечая вызовам времени, могут вносить вклад в утверждение толерантности, конструктивности, гуманности многогранных отношений народов нашей страны.

Список литературы

1. *Tomas W., Znanecki F. The Polish Peasant in America & Europe*, Boston, 1918–1920 (vols. I–V).
2. *Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Этносоциология: некоторые итоги и перспективы* // Академик Ю.В. Бромлей в отечественной этнологии 1960–1990-е годы. М., Наука, 2003. С. 87.
3. Социальное и национальное. Опыт этносоциологического исследования по материалам Татарской АССР / Отв. ред. *Арутюнян Ю.В.* М., Наука, 1973.
4. Правда, в различных культурах понимание этничности тоже различается. Так, в Великобритании, по свидетельству Э. Гиденса, термин

«этническая принадлежность» используется, как правило, по отношению к культурным обычаям и традициям, отличающимся от «исконных» британских обычаев, которые представляются «не английскими» // Гидденс Э. Социология. М., 2005, С. 222.

5. Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб, 1996; Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997; его же. Реквием по этносу. М., 2003; Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., Аспект Пресс, 1998; Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., Аспект Пресс, 1999; Сикевич З.В. Социология и психология межнациональных отношений. СПб, 1999; Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М., 2002; Расизм в языке социальных наук / под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб: Алетейя, 2002; Релятивистская теория нации / Отв. ред. А. Г. Здравомыслов. М., 1998 и др.

6. Конструирование этничности / Под ред. В. Воронкова и И. Освальд. СПб, 1998.

7. Сусоколов А.А. Культура и обмен. Введение в экономическую антропологию. М., 2006. С. 212–214.

8. Weber M. From Max Weber, Essays in Sociology. L., 1948. P. 35.

9. Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999; Паин Э. Этнополитический маятник. М., 2004. С. 31.

10. Ценности и символы национального самосознания в условиях имеющегося общества. М., Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. С. 10.

11. Дробижева Л. Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства // Этничность и власть в политических государствах. / Отв. ред. Тишков В.А. М., Наука, 1994. С.71.

12. Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX в. // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., Наука, 1994. С. 41.

13. Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 4. С. 7–8.

14. Schutz A. Sens commun et interpretations scientifique de l'action humaine // Le chercheur et le quotidien. Paris: Meridiens-Klincksieck, 1987.

15. Бурдые П. Начала. М., 1994. Перевод М.А. Шматко // Ильин В. Социальное неравенство. С. 23-24.

16. Дробижева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. Отв. ред. Дробижева Л.М. М., 2002. С. 220–221; Губогло М.Н. Идентификация идентичности. М., 2003. С. 203, 205.

17. Интервью с профессором *В. Тишковым* // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 14. С. 30.

18. Проект реализован в 1993–1996 гг. Руководитель — *Л.М. Дробижева* (*Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х гг. М., 1996. С. 306).

19. *Воронков В., Освальд И.* Введение. Постсоветские идентичности / конструирование этничности. СПб, ЦНСИ, 1998. С. 13.

20. *Дробижева Л.М., Аклаев А.А., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х гг. М., 1996; *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998; *Дробижева Л.М.* Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость / Россия реформирующаяся. М., 2003 и др.

21. *Арутюнян Ю.В.* Армяне в Москве // Социол. исслед. 2001. № 9.

22. *Тишков В.А.* Реквием по этносу. С. 120–123.

23. *Тощенко Ж.Т.* Этнократия: история и современность (социологические очерки). М., 2003.

24. Социально-культурное сближение наций / Отв. ред. *Арутюнян Ю.В., Бромлей Ю.В.* М., Наука, 1986.

25. Население Еревана / Отв. ред. *Ю.В. Арутюнян, Э.Т. Карапетян.* М., 1986.

26. *Здравомыслов А.Г.* Межнациональные конфликты; *Аклаев А.Р.* Этнополитология; *Паин Э.А., Маликова Н.Р.* Парадоксы межнационального общения. (Опыт этносоциологического исследования в Азербайджане). М., 1992; *Паин Э.А.* Этнополитический маятник. М., 2004; *Губогло М.Н.* Языки этнической мобилизации. М., 1998; *Дмитриев А.В.* Этнический конфликт: теория и практика. М., 1998, и др.

27. *Денисова Г.С., Уланов В.П.* Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003; Русские в новом зарубежье. Отв. ред. *Савоскул С.С.* М., 1996.

28. *Арутюнян Ю.В.* Трансформация постсоветских наций. М., 2003; Русские в новом зарубежье. М., 1996.

29. Неравенства этнических групп: представления и реальность. М., 2002; *Ильин В.И.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского общества. Опыт структурно-конструктивного анализа. Сыктывкар, 1996.

30. *Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений. М: ИС РАН, 2003; *Савва М.В., Савва Е.В.* Указ. соч.; *Арутюнян Ю.В.* Москвичи — этносоциологическое исследование. М., 2007;

Остапенко Л.В., Субботина И.М. Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом. М. 2007; Стабильность и конфликт в Российском приграничье; отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М, 2005; Национально-гражданская идентичность в России и Украине / Отв. ред. Дробижева Л.М., Е.И. Головаха. М., 2007; Мукомель В.И., Кузнецов И.М. Адаптационные возможности и сетевые связи миграционных этнических меньшинств. М., 2005 и др.

31. Европейское социальное исследование (ESS), 2006 (см. <http://www.europeansocialsurvey.org>). Проект «ESS-Россия» проводится Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), национальный координатор А.В. Андреевкова (www.cessi.ru)

32. Социально-культурный облик советских наций / Отв. ред. Арутюнян Ю.В., Бромлей Ю.В. М., 1986.

33. Шкаратан О.И., Карачаровский В.В. Русская трудовая и управленческая культура. Опыт исследования в контексте перспектив экономического развития // Мир России. № 2, 2002.

34. Мониторинг общественного мнения, №3 (65). М, 2003; Наумов А., Хофштед Г. Измерение России (влияние национальной культуры на управление бизнесом) // Менеджмент, 1996, № 3.

35. Сусоколов А.А. Культура и обмен. Введение в этносоциологическую антропологию. М., 2006.

36. Неравенство этнических групп: представления и реальность / отв. ред. Дробижева Л.М. М., 2002.

37. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология М., 1998, 1999; Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб, 1999; Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология. Ростов-на-Дону, 2000; Быков А.А. Этносоциология. Конспект лекций. Томск, 2005; Сергеева З.Х., Сергеев С.А. Этносоциология и проблемы политики. М., 2000 и др.

38. Арутюнян Ю.В. О симптомах межэтнической интеграции в постсоветском обществе // Социол. исслед., 2007, № 7, С. 19.

39. Димитриев А.В., Пядухов Г.А. Этнические группы мигрантов и конфликты в анклавных рынках труда // Социол. исслед., 2005. № 8. С. 97–98.

40. Известия, 2008, 20 февраля.

Ю.А. Зубок,
В.И. Чупров

Отечественная социология молодежи: становление и развитие

Основные вехи становления

Интерес к молодежным проблемам впервые в российской социологии возник на рубеже XIX–XX веков, особенно наглядно он проявился в 1920–1980-е, когда предметом исследований стали проблемы быта и материального положения студенчества (А. Кауфман); положение рабочих-подростков на производстве (И. Янжул, А. Бернштейн-Коган); домашний быт молодых семей (Е. Кабо); идеалы крестьянских детей (Н. Рыбников). Молодежная проблематика в отечественном обществоведении долгое время не развивалась, либо рассматривалась деятельность комсомола и других молодежных организаций в (спортивных, культурно-просветительных) и т.п. советского общества. Активизировались исследования молодежи. В 1960–1970 гг. в Москве (Б.А. Грушин), в Ленинграде (В.А. Ядов, В.Т. Лисовский), в Свердловске (М.Н. Руткевич, Л.Н. Коган, Ю.Е. Волков), в Перми (З.И. Файнбург), в Новосибирске (В.Н. Шубкин, В.А. Устинов).

Но уже в 1960-е гг. они стали позиционироваться и развиваться как особое направление. Важной вехой в становлении социологии молодежи явилось создание в декабре 1964 г. Группы социологии ЦК ВЛКСМ. Весьма символично, что она была создана благодаря инициативе молодых ученых¹. Сам факт создания в структуре центрального молодежного органа в Москве социологической группы имел громадное значение, т.к. послужил важным прецедентом для институционализации в стране со-

¹ Группа молодых ученых и аспирантов — В. Васильев, А. Кулагин, В.Мордкович, В. Чупров, В. Шубкин в 1964 г. обратилась в ЦК ВЛКСМ с предложением поддержать их инициативу о возрождении отечественной социологии. Под руководством секретаря ЦК ВЛКСМ Ю. Торсуева ими было подготовлено письмо на имя Н.С. Хрущева с обоснованием важности развития социологических исследований и об использовании их для практики воспитательной работы с молодежью. Как рассказывал после встречи с Н.С. Хрущевым Первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. Павлов, Никита Сергеевич сказал: «Не знаю, нужна ли социология, но пусть комсомол попробует. Ваше дело молодое, получится, распростирам Ваш опыт, а не получится — выдерем». Через три месяца в ЦК ВЛКСМ была создана группа социологии. Первоначально она состояла из трех человек: В. Васильев (руководитель), А. Кулагин и В. Чупров. В дальнейшем в нее включились сначала Э. Абгарян, В. Григорьев, Т. Порфирьева, а позднее В. Бовкун, Б. Владимиров и Г. Журавлев.

циологической науки, определения в ее структуре новой отрасли — социологии молодежи.

Группа стала центром, вокруг которого объединились многие энтузиасты социологии.

В работе Группы выделились следующие основные направления. Во-первых, разработка методического обеспечения и проведения социологических исследований проблем молодежи. Были проведены десятки исследований по самым разным проблемам, в том числе, первое всесоюзное исследование «Социальный портрет молодежи» (1966 г.)¹. Оно позволило получить обоснованное представление о социальном составе молодежи, выявить специфику ее различных категорий. Во-вторых, организация региональных социологических служб и координация их работы. Уже через год в стране их насчитывалось более 40 единиц. В 1967 г. была создана лаборатория «Исследование проблем молодежи и студенчества» в научном институте конкретных социологических исследований Ленинградского государственного университета (рук. В.Т. Лисовский до 2002 г., ныне А.А. Козлов), сыгравшая заметную роль в становлении социологии молодежи. В-третьих, обеспечение подготовки социологов для этих служб, организация сбора и анализа социологической информации по проблемам молодежи и воспитательной работы с ней. На базе местных комсомольских органов действовали социологические школы и курсы. Результаты социологических исследований публиковались в центральных и местных молодежных газетах и журналах, в издательстве «Молодая гвардия». Осуществлялся централизованный обмен социологической информацией. Восполняя отсутствие учебников по социологии, приобреталась социологическая литература за рубежом, осуществлялся ее перевод с помощью студентов языковых вузов. В-четвертых, организация научных контактов между социологами, для чего проводились научные и научно-практические конференции. Много усилий было направлено на расширение международных научных связей и установление контактов с университетскими и социологическими центрами Англии, Болгарии, Германии, Италии, Польши, Франции, Японии и других стран. В-пятых, значительное внимание уделялось внедрению результатов социологических исследований в практику работы с молодежью, в совершенствование законодательства, направленного на расширение ее прав и участия в делах общества. В 1968 г. был подготовлен проект Закона о молодежи (руководи-

¹ Исследование проводилось на основе всесоюзной выборки в 15 союзных республиках. N = 10 000 чел. в возрасте от 14 до 28 лет. (Рук. Ю.В. Торсуев, В.Г. Васильев, А.С. Кулагин, В.И. Чупров).

тели авторского коллектива Ю. Торсуев, М. Кириченко, В. Чупров). Несмотря на то, что законодательная инициатива ЦК ВЛКСМ в целом не получила поддержки, все же по итогам обсуждения проекта Закона были учреждены комиссии по делам молодежи при Верховном Совете СССР и Верховных Советах союзных республик, представлявшие определенный этап в формировании организационных структур государственной молодежной политики.

Научно-теоретическая конференция «Молодежь и социализм», проведенная ЦК ВЛКСМ, Академией наук СССР и Министерством высшего и среднего специального образования СССР в 1967 г., стала заметной вехой в становлении отечественной социологии молодежи. На ней выступили президент Советской социологической ассоциации Г.В. Осипов, а также Л.М. Архангельский, М.Т. Иовчук, Л.Н. Коган, Н.С. Мансуров, В.Г. Подмарков, М.Н. Руткевич, А.Г. Спиркин и др.¹

Конференция позволила обобщить теоретические подходы к изучению молодежи, определить направления социологических исследований: формирование мировоззрения; развитие личности молодого человека; общественно-политическая активность и отношение к труду; расширение прав молодежи и ее участие в управлении делами общества и государства; досуг и физическое развитие; специфические проблемы рабочей, сельской, учащейся и студенческой молодежи. В дальнейшем они получили обоснование в работах В.Н. Борзя, И.С. Кона, С.Н. Иконниковой, В.Т. Лисовского, Ф.Р. Филиппова, В.И. Чупрова [1].

Массовые выступления молодежи в странах Европы и в США в конце 1960-х г. послужили толчком к активизации исследований молодежных проблем и в Советском Союзе. В 1969 г. произошла реорганизация ЦКШ в Высшую комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ (ректор Н.В. Трущенко) и создание на ее базе научно-исследовательских подразделений, преобразованных в 1976 г. в Научно-исследовательский центр, которым в разные годы руководили В.К. Криворученко, Ю.Е. Волков, Н.М. Блинов, И.М. Ильинский, В.А. Родионов².

¹ Среди них — Андреева Г.М., Бакшутев В.К., Блинов Н.М., Волков Ю.Е., Грушин Б.А., Дмитриев А.В., Здравомыслов А.Г., Замошкин Ю.А., Иконникова С.Н., Капто А.С., Квасов Г.Г., Квачахия В.М., Коган Л.Н., Кон И.С., Култыгин В.П., Лисовский В.Т., Любашевский Ю.И., Мансуров Н.С., Маршак А.Л., Мордкович В.Г., Ольшанский В.Б., Руткевич М.Н., Спиркин А.Г., Устинов В.А., Файнбург З.И., Филиппов Ф.Р., Харчев А.Г., Староверов В.И., Тугаринов В.П., Хмара Г.И., Шкаратан О.И., Шубкин В.Н., Ядов В.А.

² В разные годы в Центре работали Е.А. Гришина, Г.С. Ентелис, Е.Д. Катунский, А.И. Ковалева, Е.Е. Леванов, В.Ф. Левичева, В.А. Луков, В.П. Мошняга, Ю.П. Ожегов, С.И. Плаксий, В.А. Родионов, О.В. Ромашов, Б.А. Ручкин, В.Ц. Худавердян, А.И. Шендрик, Ф.Э. Шереги, С.Н. Шеглова и др.

К началу 1980-х гг. в стране сложилась разветвленная сеть социологических подразделений (более 900) с участием свыше 5000 ученых и преподавателей вузов [2]. НИЦ выполнял функцию базовой организации, созданного в 1983 г. Общественного совета по координации научных исследований проблем коммунистического воспитания молодежи при ЦК ВЛКСМ, Академии наук СССР, Министерстве высшего и среднего специального образования, Академии педагогических наук СССР. Деятельность совета объединяла более 400 учреждений, в т.ч. 21 — из социалистических стран. Несмотря на идеологизацию исследуемых проблем, учеными-социологами осуществлялась разработка многих теоретических и концептуальных подходов к социологическому изучению молодежи.

В период начавшейся в стране перестройки в середине 1980-х гг. все больше осознается потребность в теоретическом осмыслении накопленного эмпирического материала, а также в переходе от разрозненных исследований частных проблем к осуществлению фундаментального социологического изучения проблем молодежи. На это ориентировало и принятое в 1984 г. постановление Секции общественных наук Президиума АН СССР «О развитии научных исследований проблем молодежи»¹. В 1985 г. в Институте социологических исследований АН СССР создается сектор «Социальных проблем молодежи» (зав. В.И. Чупров). Теоретическая концепция социального развития молодежи, разработанная сектором², получила одобрение на совместном заседании ученых советов четырех академических институтов³ и НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ. Приоритетной определялась разработка проблемы взаимодействия молодежи как социальной группы и общества.

Последовавший за развалом Союза системный кризис ознаменовался резким сокращением финансирования науки, особенно фундаментальной, и реорганизацией социологических структур. В 1991 г. в рамках вновь созданного Института социально-политических исследований

¹ Данное постановление принято во исполнение постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи» (1984 г.).

² В разработке концепции под руководством В.И. Чупрова принимали участие сотрудники сектора: Е.П. Васильева, Ю.Л. Качанов, А.В. Кинсбургский, Л.А. Коклягина, В.В. Семенова, М.Н. Топалов, М.Р. Тульчинский, М.Ф. Черныш.

³ Института социологических исследований, Института философии, Института государства и права, Института психологии АН СССР. В обсуждении доклада В.И. Чупрова приняли участие д.ф.н. Алексеева В.Г. (ИФ АН СССР), д.ф.н. В.Н. Иванов (ИСИ АН СССР), д.ф.н. Ильинский И.М. (НИЦ ВКШ), д.ф.н. Мансуров В.А. (ИСИ АН СССР), к.ф.н. Панкратов А.С. (ЦК ВЛКСМ), д.ю.н. Соколов Н.Я. (ИГП АН СССР), д.ф.н. Шорохова Е.В. (ИП АН СССР). Заседание состоялось под председательством академика Кудрявцева В.Н. 14 января 1985 г.

РАН создается центр «Социологии молодежи» (рук. В.И. Чупров до 2003 г., Ю.А. Зубок с 2003 г.).

Продолжая разработку фундаментальных проблем социологии молодежи и изыскивая источники финансирования, Центр проводит исследования в мониторинговом режиме¹. Теоретические подходы получили апробацию в ряде социологических исследований, осуществленных по общероссийским и региональным выборкам². На базе их концепции уточнялся понятийный аппарат, систематизировалось представление об особенностях объекта и предметном пространстве науки³.

Результаты теоретических разработок и эмпирических исследований получали отражение во многих научных публикациях в России и за рубежом. Российские исследователи молодежи становятся участниками международных социологических конференций и конгрессов. Знаковым событием явился доклад для Организации Объединенных Наций «Глобальное положение молодежи в мире: тенденции и перспективы до 2000 года», подготовленный в 1990 г. сотрудниками НИЦ ВКШ под руководством И.М. Ильинского.

В условиях коренных политических, экономических, социальных изменений возникла потребность в научном обосновании новых подходов к выработке государственной молодежной политики и в создании правовой базы ее реализации. В решении этой задачи социологи сыграли решающую роль. Довольно продолжительный процесс разработки Концепции государственной молодежной политики⁴ и протекавшая в острой полемике

¹ Исследования проведены по сопоставимой методике и выборке в 12 регионах РФ. Выборка молодежи в возрасте 15–29 лет составила: в 1994 г. — 2612 чел.; в 1997 г. — 2500 чел.; в 1999 г. — 2004 чел.; в 2002 г. — 2000 чел. (рук. В.И. Чупров), в 2006 г. — 2000 чел. (рук. Ю.А. Зубок).

² Предметом исследований являлись: особенности социального развития несовершеннолетних правонарушителей (1987); социальная типология студенческой молодежи (1987); участие в неформальных объединениях как фактор социально-политического самоопределения (1987); отношение допризывной молодежи к службе в армии по контракту (1992 и 1993); уровень социальной напряженности среди молодых офицеров в вооруженных силах Российской армии (1992); вторичная занятость подростков (1996); права молодежи и причины их нарушений (2003 и 2005); причины, тенденции и факторы распространения экстремизма в молодежной среде (2006); молодежные движения (2007).

³ Обоснование предмета социологии молодежи, систематизация теоретических подходов к социологическому определению молодежи осуществлены В.И. Чупровым. См. Чупров В.И. Социология молодежи на рубеже своего тридцатилетия // Социол.исслед. 1994. № 6.

⁴ Разработка Концепции была осуществлена сотрудниками академических институтов Отделения философии, социологии и права АН СССР, а также НИЦ ВКШ (С.В. Алешенко, В.А. Луков, В.И. Переведенцев, Н.Я. Соколов, Е.В. Шорохова, В.Н. Шубкин и др. (под рук. В.И. Чупрова). Важную координирующую роль в работе над Концепцией сыграл Депар-

работа над законопроектом «Об основных началах государственной молодежной политики в СССР»¹ завершились принятием в 1993 г. «Основных направлений государственной молодежной политики».

Главным фактором, определившим развитие социологии молодежи после распада СССР, явилась отмена идеологического контроля. С одной стороны, это способствовало снятию ограничений в выборе тематики и содержательной направленности исследований. Предметом исследования стали новые, ранее не изучаемые проблемы, возникли инновационные исследовательские подходы, расширились международные научные контакты. Однако исследовательская проблематика все чаще стала определяться интересами финансирования. Отсутствие ограничений, кроме финансовых, повышало требования к самоконтролю исследователя, для которого единственным критерием качества становится научная достоверность результатов исследования. Не все выдержали испытание временем. Изменялись научные интересы и характер деятельности, коммерциализировались отношения, распадались научные коллективы.

Важную консолидирующую роль сыграл учрежденный в 1991 г. Государственный комитет по делам молодежи РФ (рук. А.В. Шаронов), что способствовало созданию условий для оживления научной деятельности ведущих социологических центров молодежи.

Реорганизация в 1991 г. ВКШ в Институт молодежи (ректоры: Г.С. Головачев (1991–1995 гг.), И.М. Ильинский (1995–2000 гг.)) имела значение не только для престижа отечественной науки о молодежи, но создавала предпосылки для комплексного междисциплинарного ее развития. За эти годы сотрудниками НИЦ института² осуществлена разработка более 50 крупных исследовательских проектов, проведено свыше 40 всесоюзных и региональных социологических исследований по проблемам труда,

тамент молодежной политики Министерства труда СССР, возглавляемый заместителем министра Е.Д. Катульским. В 1991 г. Концепция была одобрена Отделением философии, социологии и права АН СССР, принята Министерством и представлена на утверждение в Совет Министров СССР. Однако решение не состоялось из-за распада Союза.

¹ Работа над Законопроектом осуществлялась сотрудниками НИЦ ВКШ в период с 1987 по 1991 гг. (И.М. Ильинский — рук. С.В. Алешенок, С.П. Головатый, В.А. Луков, Д.Р. Полыева, С.Б. Пугинский и др.). Закон был принят в 1991 г. С распадом СССР закон выпал из правовой системы, и лишь с принятием «Основных направлений государственной молодежной политики в Российской Федерации» (1993 г.) была восстановлена линия на развитие законодательства о молодежи.

² В разные годы в Центре работали: Н.М. Блинов, Ю.Е. Волков, Е.А. Гришина, Г.С. Ентелис, Е.Д. Катульский, А.И. Ковалева, Е.Е. Леванов, В.Ф. Левичева, В.А. Луков, В.П. Мошняга, Ю.П. Ожегов, С.И. Плаксий, В.А. Родионов, О.В. Ромашов, Б.А. Ручкин, В.Ц. Худавердян, А.И. Шендрик, Ф.Э. Шереги, С.Н. Щеглова и другие исследователи.

быта, образования, досуга молодежи. Регулярно готовились аналитические доклады Правительству РФ «О положении молодежи и состоянии государственной молодежной политики». С 1993 по 2002 гг. подготовлено 7 докладов [3], содержащих анализ тенденций изменения социального положения различных групп молодежи, факторов, влияющих на эти изменения, обоснования предложений по совершенствованию государственной молодежной политики. После серии реорганизаций Института молодежи и ликвидации НИЦ в 2003 г. социологическое изучение молодежи продолжает оставаться основным направлением научной деятельности в Московском гуманитарном университете на кафедре социологии (зав. каф. В.Ф. Левичева 1990–1997 гг., с 1997 г. А.И. Ковалева и др.).

К настоящему времени отечественная социология молодежи обрела известную зрелость. Накопленные за прошедшие годы знания, общественное признание ряда научных школ, образование профессионального сообщества «социологов-молодежников» явились важным стимулом для более широкого обобщения и дальнейшего воспроизводства этого потенциала. Появляются первые учебники [4] по социологии молодежи, в ведущих вузах страны создаются кафедры социологии молодежи¹. Издается первый в истории мировой и отечественной социологии энциклопедический словарь, отражающий концептуальный подход к предмету социологии молодежи [5]. Таковы наиболее значимые вехи становления организационной структуры социологии молодежи за прошедшие десятилетия.

Парадигмальный статус социологии молодежи

Как самостоятельная наука, социология молодежи обрела парадигмальный статус, ограничивающий ее от других смежных наук, изучающих молодежь, не сразу. Этому предшествовал довольно длительный период идейной полемики о правомочности выделения ее объекта — молодежи в относительно самостоятельную социальную группу, сведения до уровня эмпирических исследований — с одной стороны, и превращения ее в некую универсальную науку о молодежи (ювенологию) — с другой. Попытки создания интегральной науки о молодежи (ювенологии, юнологии, ювентологии) путем механического объединения разных наук² потерпели неудачу, прежде всего, из-за различий в их предметных областях. В то же время междисциплинарный (комплексный) подход в

¹ В Московском государственном университете (зав. каф. Н.Л. Смакотина), в Санкт-Петербургском государственном университете (зав. каф. А.А. Козлов).

² Ф. Малер, П. Митев, И. Ильинский, В. Павловский, Е. Слуцкий и др.

социологическом изучении молодежи успешно применяется с начала 1970-х гг. Это позволило выделить его в качестве наиболее эффективно направленного в структуре социологии молодежи [6].

Сегодня социология молодежи определилась в качестве самостоятельной отрасли социологической науки, изучающей молодежь как социально-демографическую группу, ее роль в общественном воспроизводстве, положение в социальной структуре, взаимодействие с другими общественными группами, особенности ее сознания и социального поведения.

В советский период в общественных науках, в т. ч. и в социологии, доминировало отношение к молодежи как объекту воспитания и идеологического воздействия. Поэтому целенаправленное воздействие на молодежь и формирование ее общественного облика на многие годы определило специфику *монопарадигмального статуса* социологии. Недооценивалось влияние человеческого фактора на развитие и функционирование общества, что предопределило и соответствующее отношение к молодому человеку и к молодежи в целом. Прежде всего, это нашло отражение в социологическом определении молодежи. Выделяя те или иные групповые свойства молодежи, социологи долгое время рассматривали их преимущественно в качестве объекта целенаправленного воздействия со стороны общества, как возрастную группу. Основной упор делался на период молодости. В качестве ее сущностной характеристики справедливо выделялись психофизиологические свойства молодости, особенности наиболее активного периода социализации (С.Н. Иконникова, В.Т. Лисовский, И.М. Слепенков и др.). Однако с позиций такого подхода ее участие в общественной жизни невольно рассматривалось как подготовительный, направляемый обществом, этап к будущей взрослой жизни. В заслугу большинства исследователей молодежи в тот период следует поставить стремление изучать реальные ее проблемы в неперменной взаимосвязи с формами и методами их целенаправленного регулирования. Такая интерпретация проявилась в разработке специальных социологических теорий при исследовании жизненных планов молодежи [7] (М.Н. Руткевич, В.Т. Лисовский); структуры ее профессиональных ориентаций (В.Н. Шубкин), социальной активности молодежи (А.С. Капто, В.Г. Мордкович), формирования идеалов, ценностных ориентаций, интересов различных ее групп — рабочей молодежи (Н.М. Блинов, Ю.Р. Вишневецкий, Б.С. Павлов), сельской молодежи (И.М. Слепенков, В.И. Староверов), молодой интеллигенции (А.С. Кулагин, Ф.Э. Шереги), студентов (В.Т. Лисовский, Л.Я. Рубина, В.И. Чупров).

Монопарадигмальный подход не мог не проявляться в тот период и в других концептуальных определениях молодежи. Несмотря на критику

ку структурно-функциональной интерпретации теорий исторического материализма, ее влияние прослеживается в понимании молодежи с точки зрения социального статуса, определяемого возрастом (И.С. Кон, Ф.Р. Филиппов), связанного с основными видами деятельности молодых людей (учебой, работой, вторичной занятостью), с ролевыми структурами личности, с теми представлениями и стереотипами, которые сложились в обществе по отношению к представителям молодого поколения. Вместе с тем, подчеркивалась промежуточность социального положения молодежи, переходный характер и неполнота ее социального статуса, что также являлось основанием для рассмотрения ее в качестве объекта социального воздействия.

Исходя из такого понимания молодежи, в 1970-е гг. были осуществлены исследования ее социальных перемещений, образования как фактора социальной мобильности (Ф.Р. Филиппов, В.И. Староверов, В.Ф. Сбытов). Результаты исследований послужили базой для разработки теории социальной мобильности и ряда теоретических концепций включения молодежи в социальную структуру. На материалах массовых социологических исследований под руководством В.Н. Шубкина изучались факторы, влияющие на социальное самоопределение молодежи — экономические, демографические, образовательные, социально-психологические, развитые в трудах его учеников — Г.А. Чередниченко, Д.Л. Константиновского и др [8]. Позднее, в 1980-х гг., такой подход был реализован при изучении жизненных путей поколения молодежи со средним образованием (М.Х. Титма, С.И. Григорьев, Л.А. Коклягина, В.Г. Немировский, В.В. Семенова), а также в исследовании студенческой молодежи применительно к различным жизненным ситуациям (В.И. Добрынина, Т.Н. Кухтевич).

В русле монопарадигмального подхода разрабатывалась и культурологическая концепция социологического определения понятия молодежи. В соответствии с ней, понятие «молодежь» используется в значении молодежной субкультуры (Е.Е. Леванов, В.Ф. Левичева, А.И. Шендрик). При этом подчеркивается особая форма организации молодых людей, определяющая стиль их жизни и мышления, отличающаяся специфическими нормами, ценностями и образцами поведения. Поводом к определению молодежной субкультуры в качестве объекта социального воздействия со стороны общественных институтов явилась ее оппозиционность, (хотя и не обязательно враждебность) мировоззрению старших поколений, а также своеобразные манеры поведения, внешний вид, формы проведения досуга и т.д.

В работах отечественных социологов видное место занимала теоретическая разработка молодежных субкультур, связанная с ценностной

и мировоззренческой дифференциацией в молодежной среде (Е.А. Гришина, А.А. Козлов, В.Б. Чурбанов, А.И. Шендрик [9]), с выделением делинквентной подкультуры, функционирующей в качестве преступного слоя общества, включающего в себя часть молодежи (К.Е. Игошев, Г.М. Миньковский, А.Л.Салагаев [10]), а также с различиями поведения, внешней атрибутики, формами проведения досуга, неформальными молодежными объединениями (В.Ф. Левичева [11], Е.Е. Леванов, С.И. Левикова, А.Л. Маршак).

Изменения социальной реальности в российском обществе, ставшие очевидными во второй половине 1980-х гг., явились своеобразным вызовом обществознанию в целом и социологии молодежи. Прежде всего, актуализировалось внимание к роли молодежи в обществе в связи с проводившимися реформами и новыми взглядами на общественную жизнь. Ни одно из существовавших направлений в изучении молодежи не давало представлений о ней как целостном феномене и тем более не позволяло исследовать ее во всем многообразии связей с обществом. Возникла потребность в целостном подходе, способном концептуально связать различные стороны жизнедеятельности молодежи с общественным развитием, исследовать фундаментальные проблемы молодежи, возникающие на стыке ее взаимодействия с обществом. Такой подход, названный социально-воспроизводственным, был разработан в конце 1980-х гг. В.И. Чурповым. В соответствии с ним социальная сущность молодежи определяется становлением ее *субъектности* в общественном воспроизводстве, выявляются ее основные социальные функции: воспроизводственная, инновационная, трансляционная [12].

Опираясь на данный подход, были разработаны концепции: социальной интеграции молодежи (Ю.А. Зубок), ее гражданской идентификации (Е.А. Гришина), управления конфликтами в молодежной среде (Т.В. Черкасова), воспроизводства малого предпринимательства в России (В.И. Староверов).

Трансформационные процессы, набравшие силу в начале 1990-х гг., движимые новыми идейными представлениями об общественном устройстве, обусловили глубинные изменения во всей системе общественных отношений, в положении различных категорий молодежи, их роли и месте в обществе. Как формирующийся субъект общественных отношений молодежь включалась в меняющееся общество, оказываясь на стыке противоречий, встречаясь с множеством социальных проблем на пути ее интеграции в общество. В фокусе внимания современной социологии молодежи находится, с одной стороны, изучение ее характеристик как субъекта общественных отношений с учетом глубинных процессов

общественной трансформации в их взаимосвязи и взаимообусловленности. С другой — собственный жизненный мир молодежи как индивидуальная и групповая конструкция. Эти два взгляда на молодежь — через призму макросоциальных изменений и микро-процессов, протекающих в среде молодежи, реализованы в современных подходах, в теоретических концепциях и эмпирических исследованиях.

Изучение влияния общественных процессов на развитие молодежи в условиях неопределенности и риска осуществляется в рамках *рискологической парадигмы*, основанной на концептуализации молодости как периода неопределенности, рассмотрении этих состояний в качестве специфических сущностных свойств молодежи (В.И. Чупров, Ю.А. Зубок) [13]. Исходным для данного подхода является понимание риска как явления, характеризующего условия жизнедеятельности, а также саму деятельность в ситуации перехода от неопределенности к определенности и наоборот.

В условиях нестабильности риск приобретал тотальный, перманентный характер, а само общество превращалось в общество риска. Исходя из параметров данного подхода, общество риска — специфический способ организации социальных связей, взаимодействий и отношений людей в условиях неопределенности, когда воспроизводство жизненных средств (условий жизни), физических и духовных сил человека приобретает не социально направленный, а преимущественно случайный, вероятностный характер, вытесняясь воспроизводством самого риска. Такое определение позволяло рассматривать общество риска как фактор развития молодежи.

В трудах Ю.А. Зубок разработаны теоретические основы социологического изучения риска в молодежной среде, выявлены противоречия социального развития молодежи, возникающие под влиянием объективной составляющей — риска как условия жизнедеятельности и субъективной — как источника социальной динамики и развития самой молодежи. Анализируя накапливающиеся социальные противоречия как следствие неразрешенных ситуаций риска [14], Т.В. Черкасова раскрыла механизмы их перерастания в специфические молодежные конфликты, которые в условиях неопределенности статусов, отсутствия общности интересов и внутригрупповой дезинтеграции отличаются латентностью [15]. На основании анализа факторов неопределенности в молодежной среде Т.И. Яковук разработаны теоретические подходы к социокультурной регуляции духовной жизни молодежи [16].

Либерализация и ослабление традиционных механизмов институциональной регуляции, отказ от унифицированных образцов формирования молодого поколения посредством целенаправленного воздействия

на него методами воспитания и, напротив, усиление спонтанности в освоении молодежью социальной действительности заметно повлияли на изменение механизма социализации молодежи. Это обусловило смену парадигм социализации. Научное обоснование новой *трактовки социализации* принадлежит А.И. Ковалевой и ее ученикам (Т. Жулковской, М.Н. Реут, М.И. Очковского, А.С. Свиридовой и др.). Ключевым понятием в ней выступают множественные социализационные траектории, представляющие собой интегральный показатель характера социализации, отражающий ее объективную и субъективную стороны, определяющий характеристики направленности и результативности.

На стыке макро- и микроподходов, в известной мере объединяя эти две исследовательских позиции и приближая социологов к пониманию особенностей социальной субъектности молодежи в процессе группового освоения ею пространства «взрослого мира», разрабатывается *концепция социального конструирования реальности*. Она явилась результатом многолетних разработок В.А.Лукова и его учениками (Д.Л. Агранат, В.В.Воробьев, Я.В. Миневич, Ю.Е. Надточий и др.). Она строится на принципах взаимосвязи объектно-субъектных характеристик молодежи и окружающей ее социальной реальности. Важнейшей ее составляющей, определяющей групповую специфику молодежи и сам процесс конструирования ею социальной реальности, являются распространенные в ее среде тезаурусы, представляющие собой ценностно-нормативные и мотивационно-ориентационные комплексы, в которых установки и ценности образуют ряд, ранжированный не от общего к частному, а от «своего» к «чужому». Состав информации (знаний) и установок в той или иной области жизнедеятельности обеспечивает субъективную аргументацию и жизненные ориентиры молодого человека в окружающей среде, выступая основой конструирования.

Оценка и переоценка окружающего мира порождает новые смыслы и значения, которыми ограждается как символическое, так и реальное социокультурное пространство молодежи, наполняется повседневность бытия молодых людей. Исследование разнообразных социальных практик, как следствия различных значений и смыслов, значимых индивидуальных и групповых стратегий осуществляется в рамках *концепции повседневности* (Е.Л. Омельченко, Е. Лукьянова и др.) [17]. Выделяя в качестве предмета исследования повседневные практики труда, досуга, потребления, формирующиеся вне взрослого контроля, данный подход является логическим продолжением концепции конструирования реальности молодежью в аспекте конкретизации субъектности этой группы. Ставя в центр внимания изучение молодежной повседневности в контек-

сте жизненно-стилевых стратегий, она исходит из наличия множественности современных стилей жизни и формирования индивидуальных и групповых стратегий их реализации.

Данные подходы способствуют предметному изучению интересов молодежи, стратегий приспособления и выживания в рамках динамичных изменений, индивидуальных способов решения социальных проблем. Их смена вовсе не означает вытеснения одних научных подходов другими, якобы, исчерпавших себя. На самом деле появление все новых концептуальных подходов свидетельствует о поступательном развитии науки, разнообразии и богатстве ее теоретического потенциала, что является необходимым условием дальнейшего развития современной социологии молодежи.

Список литературы

1. *Боряз В.Н.* Молодежь. Методологические проблемы исследования. Л., 1973; *Кон И.С.* Психология юношеского возраста. М. 1979; Преемственность поколений как социологическая проблема. М., 1973; *Иконникова С.Н.* Молодежь. Социологический и социально-психологический анализ. Л., 1974; *Лисовский В.Т.* Методология и методика изучения идеалов и жизненных планов молодежи. Автореф. канд. дис. Л. 1968; *Филиппов Ф.Р., Чупров В.И.* Социальные проблемы молодежи // Рабочая книга социолога. М., 1983.

2. См.: Вопросы координации научных исследований проблем молодежи. М., 1985. С. 57, 65.

3. Молодежь России: положение, тенденции, перспективы. Рук. авторского коллектива *А.В. Шаронов* М., 1993; Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений, отв. ред. *И.М. Ильинский, А.В. Шаронов*. М., 1995; Положение молодежи в Российской Федерации: 1995, отв. ред. *В.А. Луков, В.А. Родионов*. М., 1996; Положение молодежи в Российской Федерации и государственная молодежная политика, отв. ред. *В.А. Луков, В.А. Родионов*. М., 1998; Молодежь Российской Федерации: положение, выбор пути, отв. ред. *Б.А. Ручкин, В.А. Родионов*. М., 2000; Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации: 2000–2001 годы // Отв. ред. *Э.Ш. Камалдинова, В.А. Родионов*. М., 2002; Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации: 2002 год., отв. ред. *Ю.А. Зубок, В.И. Чупров*. М., 2003.

4. Социология молодежи: Учебник / Под ред. проф. В.Т. Лисовского. СПб, 1996. 460 с.; Волков Ю.Г. и др. Социология молодежи: Учебное пособие / Под ред. проф. Ю.Г. Волкова. Ростов-н/Д., 2001. 576 с.; Социология молодежи: Учебник / Под ред. В.Н. Кузнецова. М., 2005. 335 с.
5. Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М., 2008.
6. Чупров В.И. Социология молодежи // Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; Главный редактор В.Н. Иванов. М., Мысль, 2003. С. 537.
7. Руткевич М.Н. Социология образования и молодежи. Избранное (1965–2002). М., 2002; Козлов А.А., Лисовский А.В. Молодой человек. Становление образа жизни. М., 1977.
8. Шубкин В.Н., Чередниченко Г.А. Молодежь вступает в жизнь: социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства. М., 1985; Константиновский Д.Л. Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования. М., 1999; Константиновский Д.Л. Молодежь 90-х: самоопределение в новой реальности. М., 2000.
9. Шендрик А.И. Духовная культура советской молодежи: сущность, состояние, пути развития. М., 1990.
10. Салагаев А.Л. Молодежные правонарушения и делинквентные сообщества сквозь призму американских социологических теорий. Казань, 1997.
11. Левичева В.Ф. Молодежный Вавилон. М., 1989.
12. Чупров В.И. Теоретические и прикладные проблемы социального развития молодежи. М., 1994.
13. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Методология целостного подхода в социологии молодежи // Россия: новые цели и приоритеты / Под ред. Г.В. Осипова, В.Н. Кузнецова, В.В. Локосова. М., 2006. С. 84–107.
14. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М., 2007. 288 с.; Ю.А. Зубок. Проблема риска в социологии молодежи. М., 2003. 268 с.
15. Черкасова Т.В. Управление конфликтами в молодежной среде как социальная проблема: Дис. докт. социол. наук. М., 2004.
16. Яковук Т.И. Фактор неопределенности в социокультурной регуляции духовной жизни молодежи: Дис. докт. социол. наук. М., 2006.
17. Омельченко Е.Л. Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск: Симбирск. кн., 2004; Pilkington H. Russia's Youth and its Culture. A Nation's Constructors and Constructed. NY-L.:Routledge, 1996.

В. В. Щербина

Развитие заводской социологии: история, опыт, наследие

Название «заводская социология» ассоциируется с практико-управленческой работой социологов, организационно оформленной чаще всего в самостоятельное подразделение (социологическая служба), наделенное правами и обязанностями по развитию социальных резервов труда, укреплению дисциплины и психологического климата, разрешению трудовых конфликтов, повышению производительности труда и т.п. Однако заводская социология, несмотря на свое название, охватывала не только сферу промышленности, но также транспорт, сельское хозяйство, торговлю; несколько позже в ее сферу вошли также банки, страховые компании, медицинские и образовательные организации, муниципальные органы и т.д. Кроме того, сюда надо включить и управленческих консультантов, выполнявших свою работу временно и на договорной основе. Первоначально заводская социология утвердила свой статус в службах социального развития на крупных предприятиях, где бок о бок трудились социологи, психологи и экономисты. Позже подобные службы (бюро, отделы и лаборатории) возникли при отраслях, в регионах, городах, местных административных органах.

Социологическая служба (позднее — служба социального развития) развивалась как составная часть промышленной социологии и психологии труда. Создание научно-исследовательских подразделений в системе Академии наук, социолого-психологических лабораторий на предприятиях и в вузах, расширение подготовки студентов и аспирантов, специалистов-прикладников, социологическое образование руководителей, издание учебных пособий, методических разработок и научных монографий, наконец, организация и проведение семинаров, конференций, симпозиумов — составили основу процесса институционализации заводской социологии.

Заводская социология охватывала широкий круг специалистов независимо от их базового образования, занятых решением прикладных социальных проблем народного хозяйства (а не только и не столько академических социологических вопросов). Они работали как в штате предприятия (института, учреждения), выступающего в качестве постоянного (а часто и единственного) полигона исследований, так и вне его, например, в вузе, и проводили исследования по хоздоговорам.

Условия появления в СССР заводской социологии можно подразделить на объективные и субъективные (уровень зрелости академической социологии). К объективным факторам надо отнести: 1) расширение свободы перемещений работников с одного предприятия на другое (в 30–50-е годы XX в. оно в значительной мере было ограничено, а в колхозах и вовсе запрещено) и, как следствие, возникновение проблемы текучести кадров; 2) попытку проведения широкомасштабных экономических («косыгинских») реформ, расширивших юридическую, хозяйственную и финансовую самостоятельность предприятий, в результате которой в распоряжении предприятий оказались специальные фонды, позволяющие руководству вести самостоятельную политику, в том числе и в области решения социальных проблем; 3) атмосферу политической либерализации.

Логика становления заводской социологии связана с поэтапным осознанием специалистами, занятыми в этой области, специфики содержания и жанра своей деятельности — в отличие от академических ученых-исследователей. Достаточно четко прослеживаются три этапа.

Первый, с начала и до третьей четверти 60-х годов, можно обозначить как этап, предшествующий появлению собственно заводской социологии. В это время на предприятиях начинают проводить исследования проблем управления. Специфика академической и прикладной социологии еще не обозначилась, на предприятиях отсутствуют специализированные службы и подразделения, на постоянной основе занимающиеся поисково-социологической деятельностью. Еще не сформировались группы профессионалов, специализирующихся на выполнении заказов конкретного предприятия. Работа с промышленной тематикой ведется учеными, занятыми в институтах Академии наук и вузах. Она мало чем отличается от фундаментальных исследований. Для академических социологов, участвующих в крупномасштабных региональных и международных исследованиях, выход на решение прикладных вопросов предприятий стал логическим продолжением фундаментального исследования. Чаще всего полигоном вначале для фундаментальных, а затем прикладных исследований служили одни и те же предприятия, с которыми поддерживались прочные связи. Постепенно выделяются первые научные центры, занимающиеся индустриальной проблематикой (Ленинград, Горький, Томск, Уфа, Новосибирск, Львов, Красноярск, Пермь, Москва). Прикладная работа строится по классической схеме фундаментального исследования. Еще одна специфическая черта: сфера этих исследований была очень широка, объектом изучения становились все так называемые социальные проблемы труда и производства.

Первый этап можно назвать временем накопления теоретического и прикладного багажа знаний, методов решения практических проблем на производстве; заводскую социологию создавали главным образом академические социологи. В 60-е годы широко развернулись конкретные исследования социальных проблем труда сначала в Ленинграде, а затем в других городах. Речь шла о снижении текучести кадров и числа конфликтов, внедрении прогрессивных систем адаптации молодежи, гибком графике работы, мотивации труда, системах профотбора и профориентации, новых формах организации труда (НФОТ). Определилась специализация ученых и научных центров. Методический опыт переносился вначале из зарубежной в отечественную академическую социологию, а из нее — в заводскую. Происходит обращение к человеческому фактору. Благодаря этим исследованиям, во-первых, работник предстал как личность, со своими потребностями, интересами и мотивами трудовой и внетрудовой деятельности. Во-вторых, определился круг социальных процессов, которые подлежат регулированию и управлению. В-третьих, были разработаны соответствующие методики. В итоге сложились внутринаучные предпосылки для практического решения социальных проблем труда, создания заводских социологических служб.

Второй период (вторая половина 60-х — середина 70-х годов) отмечен рождением собственно заводской социологии. Это время создания первых социологических служб (лабораторий, групп, а иногда и одного социолога). Первоначально социологические и психологические службы на предприятиях формировались прежде всего для обеспечения научно-методического и профессионального уровня работы в сфере социального планирования. По существу, до середины 80-х годов оно оставалось основным объектом деятельности заводских социологов. Если вопросы теории и методологии социального планирования разрабатывались в основном академической (вузовской) наукой (работы Н.А. Аитова, Ю.Е. Волкова, В.И. Герчикова, Л.Н. Когана, Н.И. Лапина, А. Русалинова, В.Г. Подмаркова, В.Р. Полозова, М.Н. Руткевича, Ж.Т. Тощенко, З.И. Файнбурга, С.Ф. Фролова, Б.Г. Тукумцева, А.В. Тихонова и др.), то методическое обеспечение и организация работы в основном стали предметом усилий социологических служб отраслей и предприятий. В середине 60-х годов практика социального планирования и деятельность социологической службы на предприятиях сложились в самостоятельное направление. В 1964 г. на Пермском телефонном заводе возникла социологическая лаборатория, а через три года на ее базе действовал отраслевой научно-исследовательский отдел социологии и психофизиологии труда.

В легкой промышленности Эстонии психологические знания стали систематически использоваться в начале 70-х годов, широкую известность получило проектно-конструкторское бюро систем управления «Майнор» (М. Хабакук и др.). В экспериментальном порядке психологи даже заняли на некоторое время должности директоров и их заместителей, начальников подразделений, специалистов в кадровых службах. «Майнор» участвовал в формировании кадровой политики, приеме новых рабочих и их обучении, решении проблем, связанных с адаптацией, стабильностью и текучестью кадров, исследовании удовлетворенности трудом. Его сотрудники занимались рекламой продукции и профориентацией, внедрением бригадной организации труда, формируя резерв руководителей. (К концу 70-х «Майнор» начал даже создавать свои филиалы в РСФСР.) Возникновение первых заводских лабораторий послужило началом поиска социологами-прикладниками своего места в системе управления. Подобная модель господствовала до середины 70-х годов и нашла отражение в публикациях И.А. Громова, Б.И. Максимова, А.Н. Ющенко, А.Н. Величко, В.Г. Подмаркова, А.Ф. Тягушева, А.П. Федотовой [2, 8, 55, 56].

На втором этапе большинство служб еще не порывает с академическими центрами, выполняющими роль методологического наставника и опекуна. Активную наставническую практику вели такие учреждения АН СССР, как Институт проблем управления, Институт социологических исследований, Институт психологии, а также Ленинградский финансовый институт. Среди тех, кто в этот период осуществлял методическое руководство службами, можно назвать В.Г. Подмаркова, Н.И. Лапина, Ж.Т. Тощенко, Л.Н. Когана, С.Ф. Фролова, Н.В. Андренкову и др. Другой чертой периода стало то, что академические ученые на предприятиях впервые начинают работать временно и на договорных началах (прообраз будущих управленческих консультантов), выполняя функцию оказания помощи в разработке планов социального развития (ПСР).

Для этого этапа, как практически для всех остальных, характерен дефицит квалифицированных кадров. Социологическое образование в стране отсутствовало, и работа служб строилась на деятельности энтузиастов, не имеющих специальной подготовки. В это время еще не существовало специальных концепций организации социологической деятельности. Теоретической основой выступала идеология либо научной организации труда (многие социологи входили в состав лабораторий НОТ), либо социологии труда, либо, наконец, социального планирования [39]. Деятельность заводского социолога носила по преимуществу

исследовательский характер. Направления работы во многом были обусловлены ситуативным заказом администрации, парткома, профкома или хозяйственных служб предприятия. Социологи брались (иногда вынужденно) за любую тему, прямо или косвенно связанную с социальной сферой предприятия. Ясного представления о том, что такое предмет, объект и методы заводской социологии, практически ни у кого не было. Наиболее распространенными были исследования текучести кадров, трудовой дисциплины, социально-психологического климата, стимулирования и мотивации, подбора и обучения кадров.

Основной функцией служб, кроме разработки планов социального развития (ПСР), являлось производство «социальной информации», которая использовалась администрацией для принятия управленческих решений. Отличие заводской социологии от академической науки в этот период также еще не осознавалось. Жанр работы — исследование и подготовка отчета. Этапы работы заводского социолога повторяли традиционную для НИИ схему, требующую подготовки программы, разработки громоздкого инструментария, проведения долгосрочного исследования, обработки многочисленных данных. Такие формы работы были слабо связаны с оперативными задачами управления. Находясь в составе предприятия, социологические службы в то же время не были вписаны в структуру его управления: не были четко обозначены их место и сфера полномочий среди других служб, подчиненность, управленческая специфика, ответственность за реализацию собственных разработок. Немногочисленные практические разработки являлись побочным продуктом научного исследования, для внедрения они передавались другим службам, что приводило к их почти полному забвению.

ПСР рассматривались как важнейший инструмент долгосрочной социальной политики на предприятии, они составлялись в обязательном порядке. Их идеология базировалась на сочетании положений научного коммунизма и западной школы «человеческих отношений». Базовая социологическая теория, на которую опиралась деятельность, — социология труда. Считалось, что улучшение условий труда и быта, повышение удовлетворенности прямо ведут к росту производительности труда. Хотя большая часть ПСР не имела прямого отношения к социологии, и участие в них социолога являлось в значительной степени недоразумением, это участие на первых порах сыграло важную роль для понимания механизмов и средств организации деятельности. Сам план состоял из мероприятий, разрабатывавшихся преимущественно другими службами (инженерной, экономической, кадровой). Мероприятия

затрагивали сферу соцкультбыта, улучшения условий труда и отдыха, внедрения новой техники, оплаты труда, повышения образования и квалификации работников. Социологи взяли на себя координацию работы по составлению и реализации ПСР, разработку его идеологии, проведение исследований, предшествующих разработке плана и направленных на выявление потребностей людей. Такая работа положила начало социологической статистике на предприятиях (социальные паспорта, карты социального фона, оперативные стандартные средства сбора и обработки информации по устойчивым направлениям исследовательской деятельности).

Третий период (конец 70-х — конец 80-х годов) представляет собой расцвет заводской социологии и активизации управленческого консультирования. В стране действовали сотни социологических служб, на предприятиях работали до 8 тыс. социологов. Обозначились социологическая специфика заводских служб, их место в управленческой структуре, выявились устойчивые направления прикладной социологической работы, не пересекающиеся с направлениями работы других служб. Осознана грань, отделяющая прикладную и академическую науку, и предприняты попытки создания специфических средств, адекватных управленческим задачам и принципиально отличных от исследовательских. Социологи попытались встроить свои службы в систему управления, четко определить свою подчиненность, статус, место в системе управления, сферу компетенции и ответственности за подготовку и реализацию практических рекомендаций, меру своего участия в процессе управления.

В числе лидеров этого времени можно назвать службы Пермского телефонного завода, Московского завода «Красный пролетарий», Ленинградского объединения «Светлана», Рижского ПО «Коммутатор», завода ЗИЛ, Главмосавтотранса, объединения «Татнефть», Днепропетровского металлургического завода и некоторых других, а среди наиболее известных заводских социологов — В. Герчикова, Ю. Дубермана, Ю. Неймера, Б. Максимова, Л. Меньшикова, В. Новикова, В. Полозова, Г. Черкасова, А. Тихонова, В. Щербину и др. [5–7; 9; 23; 25; 26; 62, 63].

К важнейшим признакам этого периода относятся: 1) полемика о месте и роли заводского социолога в структуре управления [1, 5–7, 13, 14, 28, 37, 38, 40, 41, 50, 55, 64], формирование и реализация собственных концепций заводских социологов; 2) отказ от использования в качестве теоретико-методологической основы положений социологии труда и переключение внимания на специальные социолого-управленческие теории — социального управления и социологии организаций; 3) формирование ряда крупных многоуровневых социоло-

логических служб (отраслевые министерства, главки крупных производственных объединений, в частности, Министерства электротехнической промышленности, оборонной промышленности, Радиопрома, Минсудпрома, Минпромсвязи, Минмонтажспецстроя, Главмосавтотранса, КАМАЗа, ВАЗа, АЗЛК, «Светланы», Курганприбора, Тираспольского швейного объединения и др.).

В 70-е-80-е годы в социолого-психологических службах широкое распространение получили автоматизированные информационные системы: автоматизированные системы управления (АСУ) «Кадры», «Социальное развитие», «Здоровье» и т.п. Так, в Рижском ПО «Коммутатор» был разработан целый набор АС социального управления (в том числе АСУ прогнозирования профпригодности, аттестации ИР и руководителей, комплектования коллективов, формирования резерва на выдвижение). В МИФИ была создана отраслевая запросная система по руководящим и инженерно-техническим кадрам, осуществлявшая задачи учета и анализа кадров, занимающих номенклатурные должности резерва. В ПО «Воркутауголь» налажена работа по охране здоровья и восстановлению психофизиологического состояния (ПФС) шахтеров. В ряде служб специалисты разработали методы рационализации каналов деловой коммуникации, в частности, селекторного совещания. Практическим результатом этих исследований явились официальные решения ЦК КПСС и правительства о службах отдела кадров, которым предлагалось учитывать интересы работников при перемене рабочих мест, межцеховых перемещениях, регулировать взаимоотношения персонала и различных звеньев администрации.

Сложилась разветвленная система заводских служб. Наконец, выделились районы, наиболее продвинутые в социологическом и психологическом обеспечении нужд производства — Прибалтика, Ленинград, Днепропетровская область, Москва. В частности, в Днепропетровской области социологические лаборатории и группы действовали на 100 крупных предприятиях, функционировало множество служб морально-психологического климата и общественного мнения: «Ваше настроение», «Сигнал», «Внимание», «Служба семьи». Известны достижения в использовании социально-психологических служб в ПО «Днепрошина», «Азот» (Днепродзержинск), комбайновом заводе им. Ворошилова, на металлургическом комбинате им. Ф. Дзержинского, на Северном и Южном горно-обогатительных комбинатах (Кривой Рог) и т.д.

Среди лидеров можно назвать службу ПО Днепровского машиностроительного завода, созданную в 1972 г. Социологи и психологи занимались вопросами адаптации новичков, профилактикой текучести ка-

дров, социально-психологическим обеспечением внедрения новых форм организации труда, улучшением условий труда и быта. Руководителям всех рангов читались спецкурсы по социально-психологическим основам руководства, с ними проводились деловые игры.

По данным А.А. Грачева и Н.В. Крыловой, проанализировавших в 1986 г. на представительной выборке данные 139 социально-психологических служб, самой распространенной формой оказалась небольшая лаборатория социологических исследований (51%). Чаще всего она подчинялась либо начальнику отдела НОТ (26%), либо заместителю руководителя по кадрам (25%). Обычно службу возглавлял психолог или социолог, иногда — философ. Сорок шесть процентов служб существовало больше восьми лет. Как правило, численность типичной службы от одного до пяти человек (60%). Более всего таких служб было на Украине (22%), в Москве и Ленинграде, вместе с соответствующими областями (17%). Основное количество служб действовало в наиболее «богатых» отраслях: машиностроении (35%), электронной промышленности и приборостроении (20%).

Одна из узловых проблем развития социологических служб в 60-е — 80-е годы — нерациональное распределение по отраслям и предприятиям. Кроме того, службы создавались на успешно работающих, технически передовых предприятиях, но их не было на отстающих. Ситуация мало изменилась и в 90-е годы: малый бизнес, арендные предприятия, кооперативы чаще всего не имели собственных служб. Коммерческие банки и биржи имеют достаточные средства для финансирования консультантов, но их для бизнеса и менеджмента практически никто не готовил.

Третий период — это время отказа академических ученых от работы в научно-поисковом режиме и переход на консультативные услуги. Достаточно широко развивалось в 80-е — 90-е годы управленческое консультирование с применением инновационных и организационных игр. Сегодня в системе повышения квалификации используются социолого-психологические и менеджмент— бизнес-курсы, которые начали разрабатывать в это время. Развивались активные методы обучения — деловые игры, анализ конкретных ситуаций, ролевые, коммуникативные и сенситивные тренинги, которые знакомили участников занятий с психологической теорией и методикой, отработывали навыки общения и взаимодействия с коллегами, подчиненными и руководителями, помогали освоить систему оценки резерва руководящих кадров, психологическое тестирование, разработку профессиограмм, наконец, методологию профессионального клиринга.

Две концепции функций социологии на производстве

С конца 70-х до середины 80-х годов сформировалось два принципиально различных подхода к организации деятельности заводского социолога.

Первый опирался на положения теории социального управления и социального планирования, рассматривавших в качестве предмета деятельности социолога все сферы социальных отношений. Теоретические разработки связаны с именами В.Г. Афанасьева, С.Н. Железко, В.Н. Иванова, Ю.Л. Неймера, А.Л. Свенцицкого, Ж.Т. Тощенко, З.И. Файнбурга, С.Ф. Фролова. В этой модели план социального развития предприятия рассматривался как основной инструмент управления. Практическим приложением исходных идей на предприятиях, созданием оригинальных концепций социологической службы как управленческого подразделения, реализующего ПСР, занимались В.И. Герчиков, Ю.Л. Неймер, А.К. Зайцев, С.Н. Железко, В.В. Чичилимов, В.В. Щербина. Наиболее последовательными и завершенными представляются концепции В.И. Герчикова и А.К. Зайцева. Первый заложил основы управленческой концепции работы социолога в производственной организации, был одним из идеологов создания системы социальных нормативов. Второй был автором первых социальных технологий (в частности, знаменитой СТК — стабилизации трудового коллектива), сторонником нового взгляда на функции социологического исследования (приближающего исследование к оперативной диагностике) [4; 14; 26–28; 64].

А.К. Зайцев, развивая положения концепции В.И. Герчикова, попытался более четко определить сферу деятельности заводского социолога, связав ее с областью социального управления в широком смысле, место службы в структуре управления (штабная служба при директоре), основные функции службы. В их числе он выделил: 1) планово-прогностическую, связанную с разработкой и реализацией долгосрочного ПСР; 2) информационно-исследовательскую, связанную с получением оперативной информации для разработки ПСР и решения специальных управленческих программ (предусматривалось использование оперативных средств получения информации — прообраза социологической диагностики); 3) социально-инженерную, в которую он включил разработку специфических средств (проектов и социальных технологий), обеспечивающих реализацию локальных и глобальных программ, направленных на социальные изменения в организации (прежде всего в сфере управления персоналом); 4) информационно-просветительскую, связанную с социологической подготовкой руководителей разных уровней. Наиболее полно эта концепция была реализована на КАМАЗе, где работало до 30

социологов. В ряде министерств реализация такой концепции привела к созданию многоуровневых социологических служб с центром в головном министерстве. Концепция А.К. Зайцева в разных модификациях использовалась как на уровне отраслей, так и на уровне объединений с конца 70-х до середины 80-х годов. Ее положения нашли отражение в «Положении о службе социального развития предприятия» (1986 г.). Другим достижением данной методологии явился выход на создание социальных технологий и постепенная трансформация средств проведения исследования в стандартизированные оперативные блоки получения информации, переход социолога на управленческую позицию. Основной недостаток этой модели связан с размытостью понятия социальных отношений, уходом во внепроизводственную проблематику. Наиболее явно эта тенденция просматривалась в деятельности служб Тираспольского швейного объединения, предприятий Днепропетровской области, Урала и получила идеологическое обоснование в работах З.И. Файнбурга и В.В. Чичилимова.

Второй подход и соответствующий ему тип социолого-управленческих концепций получил развитие во второй половине 80-х годов. Формирование разных версий этой концепции связано с именами С.В. Калашникова, А.П. Федотовой, В.В. Щербины, отчасти К.Э. Оксистой, В.А. Скрипова, Л.Л. Сысоевой, а ее наиболее полная реализация — с деятельностью служб Главмосавтотранса, Министерства оборонной промышленности, ПО «Светлана», ПО «Курганприбор» [13; 28; 37; 38; 50; 56; 56; 60]. В отличие от первой модели, здесь предусматривался принципиальный отказ от ПСР и притязаний на особый статус социологической службы в организации. Взамен предлагалась оперативная практико-управленческая работа в режиме обычной функциональной службы. При этом социологическая служба рассматривалась как служба управления персоналом предприятия.

Создание второй модели происходило в начале 80-х годов. При выявлении ее предметной специфики за основу была взята идея создания службы по управлению кадрами. Наиболее полно выразил эту концепцию В.В. Щербина. Социологическое подразделение рассматривалось как обычная функциональная служба с жестко очерченной сферой компетенции. По стратегическим целям, месту в структуре, способам деятельности, участию в принятии решений и разделению ответственности социологическая служба не отличалась от других функциональных служб предприятия. Предметная сфера социолога определялась на базе идей Н.И. Лапина, А.И. Пригожина, отчасти О.И. Шкаратана и В.Г. Подмаркова. Она называлась «социальной организацией» и включала две подсистемы регуляции: формальную и неформальную.

Такая модель предполагала отказ от работы в режиме «исследование-рекомендация-внедрение» и переход на работу в социоинженерном режиме (подготовка и исполнение управленческих решений). Последний определялся по контрасту с академической наукой (получение принципиально нового знания), прикладной наукой (создание широкого спектра социальных технологий, средств диагностики, типовых проектов). Заводской социолог наделялся большими полномочиями и нес всю полноту ответственности за принимаемые решения. Именно так поступали сотрудники других функциональных служб предприятия. Будучи распространенной на отраслевой уровень, данная модель предусматривала введение должности социолога на всех предприятиях и на всех уровнях управления. В Главмосавтотрансе по этой системе работало до 60 социологов на уровнях главка, объединения, предприятия, а при отраслевом институте существовал центр разработки социальных технологий.

С начала 80-х годов стала активно развиваться альтернативная модель, построенная на принципах внешнего управленческого консультирования, на договорной и хозрасчетной основе. Одной из первых была уже упоминавшаяся фирма «Майнор» в Эстонии [3; 21; 51; 66], а затем Социологический центр при Российском республиканском комитете межколхозных строительных организаций (Л.Н. Векша, В.В. Щербина). Среди наиболее известных социологов, работавших в консультационном режиме, были А.И. Пригожин, В.С. Дудченко и Б.З. Сазонов. В этих службах также сформировалась система оперативных, диагностических и технологических средств (Ю. Красовский, В. Тарасов).

Несколько особняком в рамках внешнего управленческого консультирования действовали те организационные консультанты, которые выросли из школы Г.П. Щедровицкого (Ю.Л. Котляревский, С.Н. Железко, отчасти В.С. Дудченко и А.И. Пригожин [10; 15; 22; 34]). Они модифицировали концепцию организационно-деятельностной игры и приспособили ее к решению практических задач, создав особое направление консультирования. Предлагаемые ими игры были направлены на выработку конвенционально приемлемого организационного проекта изменений, повышение способности членов организации решать нестандартные проблемы, формирование единой управленческой команды. Пик популярности этого направления приходится на 80-е годы.

Наиболее интересной чертой деятельности заводских социологов и внешних управленческих консультантов в этот период стали разработка и широкое использование стандартных программ, средств диагностики и социальных технологий для решения стандартных управленческих за-

дач. К их числу относятся задачи стабилизации трудового коллектива В.И. Герчикова, технология адаптации молодого работника А.К. Зайцева, программы «Внимание», «Ваше настроение», «Сержант». Особое место занимают технологии работы с кадрами: деловые игры (Ю. Красовский, В. Тарасов), технологии подбора, расстановки и продвижения кадров (В. Тарасов, В. Щербина, Е. Шрайбер), программы диагностики и устранения конфликта (А. Пригожин, С. Щуркин, В. Шаленко), подбор и изменение состава производственных коллективов (Ю. Неймер, В. Щербина, Е. Соболев), методика оценки управляемости организации (А. Пригожин), технологии и средства диагностики организаций, созданные в рамках проблемного подхода (А. Пригожин, В. Раппопорт, Б. Сазонов, В. Дудченко) [14, 17, 19, 20, 23, 25, 29, 45, 51, 60].

Несколько слов о современном состоянии и перспективах развития социологии труда и производства.

С начала 90-х годов (*четвертый период* в развитии заводской социологии) социологические службы на предприятиях, в их старой форме, практически исчезают. На сегодняшний день вместо нескольких десятков тысяч специалистов можно обнаружить несколько десятков человек, работающих в прикладном режиме. Деятельность заводских социологов трансформируется в два направления, связанных с работой с кадрами.

Во-первых, в начале 90-х годов происходит активизация деятельности внешних управленческих консультантов. В настоящее время существуют даже несколько школ управленческого консультирования, например, А.И. Пригожина в Москве и А.К. Зайцева в Калуге. В 90-х — начале 2000-х гг. работает постоянно действующий семинар социоинженеров, объединяющий ряд социологов-консультантов в Москве (руководители В.С. Дудченко, Ю.М. Резник, В.В. Щербина), выходят периодические журналы по управленческому консультированию. Формируется рынок платных социологических услуг прикладного характера, включающий специализированные центры. В Москве к ним относятся «Триза» и «Империя кадров». Одновременно происходит снижение качества оказываемых услуг (по сравнению с концом 80-х годов), ограничение деятельности социологов выполнении посреднических функций.

Во-вторых, параллельно, хотя и с некоторым запозданием по отношению к развитию консультативных центров, на базе социологических служб предприятий постепенно начинают формироваться менеджерские службы управления человеческими ресурсами (УЧР), которые сохранили многие черты социологических служб, взявших на себя в 80-е годы функции работы с персоналом. Кроме того, в ряде вузов возникают цен-

тры подготовки менеджеров в сфере УЧР. Среди них особого внимания заслуживает возникшая к концу 90-х годов на факультете менеджмента ГУ-ВШЭ кафедра управления человеческими ресурсами. В начале XXI в. на этой кафедре работали авторитетные специалисты (в свое время создававшие и развивавшие заводскую социологию): В.И. Герчиков, В.С. Дудченко, С.Р. Филонович, В.В. Щербина и др. В этот период публикуются научные монографии, обобщающие как историю, теорию, методологию и методику работы заводской социологии, социальной инженерии, управленческого консультирования, деловых и инновационных игр, социологии организаций, так и перспективы развития новых направлений практической социологической деятельности социолога [10–12; 27; 31; 32; 35; 36; 42; 43; 45; 47; 48; 57-59; 61; 62, 67, 68].

Список литературы

1. *Бритвин В.Г.* Социологическая служба предприятия и проблемы повышения эффективности социологических исследований // Социол. исслед. 1984, № 4.
2. *Величко АМ., Подмарков ВТ.* Социолог на предприятии. 2-е изд. М., Московский рабочий, 1976.
3. *Вооглайд Ю.* Место консультанта в совершенствовании организации // Теория и практика управленческого консультирования. Таллин: Талл. политех, ин-т, 1978.
4. *Райкова А. А.* Пути развития служб социального развития / Социальные и социально-психологические процессы в производственном коллективе / Отв. ред. *В.В. Сартаков.* Красноярск, ССА, Сиб.отд., 1989.
5. *Герчиков В.И.* Методы работы заводского социолога // Известия СО АН СССР. Сер. Экономика и прикладная социология. Вып. 2. 1984. № 7.
6. *Герчиков В.И.* Социальное планирование и социологическая служба в промышленности: Методология с позиций практики // Отв. ред. *З.В. Куприянова.* Новосибирск: Наука, 1984.
7. *Герчиков В.И., Рывкина Р.В.* Социологический треугольник // Экономика и организация промышленного производства. 1983, № 3.
8. *Громов И.А., Максимов Б.И., Ющенко А.Н.* Социологическая лаборатория предприятия. Л.: Лениздат, 1972.
9. *Дуберман Ю.Е.* Социология — практике управления. Казань, 1979.

10. Дудченко В.С. Инновационные игры. Таллин, 1989.
11. Дудченко В.С. Инновационные технологии. М., 1996.
12. Дудченко В. С. Абсолютный консультант. М., 2004.
13. Железко С.М., Щербина В.В. Лицом к производству // Социол. исслед. 1985. № 2.
14. Зайцев А.К. Социологическая служба производственного объединения. Опыт КАМАЗа. М.: Экономика, 1982.
15. Игровое моделирование: методология и практика / Отв. ред. И.С. Ладенко. Новосибирск: Наука, 1987.
16. Концепция деятельности социологических служб промышленных предприятий / Отв. ред. В.С. Боровик, В.В. Чичилимов. М., ИСИ АН СССР, ССА, 1986.
17. Косое Б.Б. Типологические особенности стиля деятельности руководителя разной эффективности // Вопросы психологии. 1983. № 3.
18. Кравченко А.И. Прикладная социология и менеджмент: Учеб. пособие. М., 1995.
19. Красовский Ю.Д. Мир деловой игры. Опыт обучения хозяйственных руководителей. М., Экономика, 1989.
20. Кудряшова Л.Д. Системно-психологическая оценка кадров руководителей в управленческих системах. Кишинев: Штиинца, 1983.
21. Лейманн Я. Роль консультанта при интегрировании совершенствования управления с обучением руководителя // Теория и практика управленческого консультирования. Таллин, 1978.
22. Макаревич В.М. Игровые методы в социологии: теория и алгоритмы: Учебное пособие. М., МГУ, 1994.
23. Меньшиков Л.И. Деловая оценка работников в сфере управления. М., Экономика, 1974.
24. Методологические проблемы интегрированного консалтинга / Под ред. В.С. Дудченко. М., 2005.
25. Неймер Ю.Л. Сплоченность как характеристика первичного производственного коллектива // Социол. исслед. 1975. № 2.
26. Неймер Ю.Л. Управление социальным развитием отрасли. М., Экономика, 1986.
27. Никредин Г.Д. Разработка и внедрение социальных технологий в производственном коллективе. Канд. дисс. М., 1990.
28. Оксинайд К.Э. Пути совершенствования кадровой и социологических служб // Социол. исслед. 1983, № 3.
29. Оргдиагностика плодовоовощного комплекса Московского региона // Управленческое консультирование нововведений. (Индивид в организации) / Отв. ред. А.И. Пригожин. М., ВНИИСИ, 1990, Вып. 4.

30. *Попова И.М.* От социального знания к социальной инженерии // Социол. исслед. 1988. № 1.
31. *Пригожин А.И.* Методы развития организации. М., 2003.
32. Проблемы интенсификации и диагностики нововведений. М., ВНИИСИ, 1984.
33. *Прохоров Ю.А.* Социологические проблемы инновационной диагностики. Канд. дисс. М., 1990.
34. Развивающие игры и игротехника. Новгород, 1986.
35. *Раппопорт В.Ш.* Диагностика управления. Практический опыт и рекомендации. М.: Экономика, 1988.
36. *Розанов Э.* Социальные технологии как метод управления коллективом промышленного предприятия. Канд. дис. М., 1991.
37. *Скрипов В.А.* О совершенствовании социального управления трудовым коллективом // Социол. исслед. 1983, № 3.
38. *Скрипов В.А.* Социологическая служба в организационной структуре предприятия // Социол. исслед. 1982, № 2.
39. Служба социального развития предприятия: Практическое пособие / Авт. колл.: *Асеев В.Т.* и др. М., Наука, 1989.
40. *Собко В.Н.* О месте социолога на предприятии // Социол. исслед. 1982, № 4.
41. *Соколов А.Н.* На пути к эффективности // Социол. исслед. 1983, № 2.
42. Социальная инженерия. Курс лекций / Под ред. *Ю.М. Резника, В.В. Щербины.* М., МГСУ, 1994. Ч. 1.
43. Социальная инженерия. Сборник трудов семинара / Под ред. *Ю.М. Резника, В.В. Щербины.* М., 1996.
44. Социальное развитие предприятия и работа с кадрами. Учеб. пособие / Отв. ред. *В.Н. Якимов.* М.: Экономика, 1989.
45. Социальное управление в трудовых коллективах. Опыт, проблемы и перспективы / Под ред. *В.Н. Иванова.* М., 1985.
46. Социальные проблемы труда и производства. Советско-польское сравнительное исследование / Под ред. *Г.В. Осипова, Я. Щепаньско-го.* М. — Варшава, 1969.
47. Социальные технологии в системе производства зарубежных стран. Хрестоматия / Под ред. *Г.Д. Никредина* и др. Минск-Волгоград, 1993. Т. 1, 2.
48. Социальные технологии. Толковый словарь / Под ред. *В.Н. Иванова* и др. М. — Белгород, 1995.
49. Социология и производство / Ред. кол. *Л.М. Адлер* и др. Казань, 1976.

50. Сысоева Л.Л. «Социальная инженерия» и специфика промышленной социологии // Социол. исслед. 1984, № 1.
51. Тарасов В. Персонал-технология: отбор и подготовка менеджеров. Л.: Машиностроение, 1989.
52. Теория и практика управленческого консультирования. Таллин: ТПИ, 1978.
53. Титаренко И.Ф., Герчиков В.И. Социологи на службе предприятия // Экономика и организация промышленного производства. 1980. № 7.
54. Тихонов А. В. Социология управления. М., 2007.
55. Тягушев А.Ф., Федотова АЛ. Опыт социологических исследований и их роль в управлении объединения «Светлана». Л., 1981.
56. Тягушев А.Ф., Федотова А.П. Социологическая служба. Л.: Лениздат, 1985.
57. Тощенко Ж.Т. Социология труда: опыт нового прочтения. М., Мысль, 2005.
58. Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консультирование / Под ред. В.В. Щербины. М., 2004.
59. Щербина В.В. Проблемы технологизации социоинженерной деятельности // Социол. исслед. 1990, № 8.
60. Щербина В.В., Садовникова Л.Б. Социолого-психологическое обеспечение работы с кадрами (Подбор, расстановка, рациональное использование). Кишинев: Штиинца, 1989.
61. Щербина В.В. Социологическая диагностика (специфика, типы, функции, структура) // Вестник Московского университета. Социология и политология. Сер. 18. 1995, № 4.
62. Щербина В.В. Средства социологической диагностики в системе управления. М., 1991.
63. Черкасов Т.Н. Теория и практика научной организации труда в промышленности. Л.: Лениздат, 1973.
64. Чичилимов В.В. Заводской социолог в системе управления коллективом // Социол. исслед. 1982, № 4.
65. Чугунова Э.С. Комплексная оценка творческой активности инженера // Социол. исслед. 1984, № 3.
66. Юксвярав В.К., Хабакук И.Я., Лейманн Я. Управленческое консультирование: теория и практика. М., Экономика, 1988.
67. Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консультирование. Под ред. В.В. Щербины.
68. Пригожин А.И. Методы развития организаций. М., МЦФЭР, 2003.

*П.П. Великий,
В.И. Староверов*

Российская аграрная социология: этапы, имена, идеи

Прежде чем говорить о возрождении сельской социологии, хотелось бы сделать несколько оговорок концептуального характера. Первая касается того обстоятельства, что история российской социологии имеет тот же алгоритм динамики, что и западная: зарождение, расцвет, упадок (вплоть до ухода накануне второй мировой войны в небытие), возрождение и последующее противоречивое развитие. Это обусловлено закономерностями общественно-исторического движения человечества эпох Нового и Новейшего времени, чередованием в нем стабильной динамики, кризисных и возрожденческих явлений, в том числе такими историческими феноменами, как мировые войны, экономические и цивилизационные депрессии, полосы идейно-мировоззренческих и политических реакций типа гитлеризма, маккартизма, тоталитаризма. В предвоенные и послевоенные годы социология, особенно эмпирическая, оказалась свернутой повсеместно как в СССР, так и в большей или меньшей степени на Западе. И тому были не только субъективные, но и объективные причины.

Вторая оговорка касается того, что в российской социологии вплоть до недавнего времени преобладал акцент на приоритете коллективных, общественных интересов и прав. Западная деревня стояла на обочине социологических интересов осмысления магистралей утверждения нового общественного бытия, и сельская ветвь была своего рода дичком, привитым к древу социологии, взраставшему в городском социальном пространстве. Во втором случае само древо произрастало больше в сельском пространстве, и именно от него отпочковывались иные ветви социологического познания. Запад расстался с общинной организацией за 4–6 веков до появления социологии, а в России зарождение и развитие классической социологии пришлось на эпоху такой зрелости в ней общинного бытия, которая позволяла многим обществоведам — А. Герцену, Н. Чернышевскому, К. Марксу надеяться на возможность перехода из феодализма в социализм, минуя капиталистическую формацию.

Третья оговорка связана со спецификой характера возрождения сельской социологии на Западе и в России. Она вытекала из особенностей предыдущего развития ее в разных цивилизационных и обществен-

ных условиях, ибо в принципе как в России, так и на Западе, сельская проблематика была в центре внимания почти всех основоположников классической социологии. Западные классики К. Маркс и М. Вебер, Э. Дюркгейм и В. Зомбарт, Ф.Теннис и А. Радклифф-Браун, П. Сорокин и К. Циммерман, Ф. Знанецкий, У. Томас и другие имели труды, посвященные сельским проблемам или рассматривавшие в сельском социальном пространстве более общие процессы общественного развития. Их внимание к селу объяснялось острыми противоречиями, которыми сопровождался происходивший в данный период переход от традиционного крестьянского общества к индустриальному, раскрестьяниванием деревни, массовой миграцией в города, ростом безработицы и иными негативными явлениями.

Эмпирическое исследовательское поле классической прикладной социологии на Западе с самого начала концентрировалось на изучении рабочего класса, буржуазии и бюрократии. Деревня и аграрное дело интересовали социологов как источник капитализации общества. И поскольку парцеллярное крестьянство укоренилось на Западе до возникновения социологии, то последняя имела объектом изучения индивидуальные субъекты аграрного хозяйствования, которые органично вписывались в парадигму капиталистического развития. По завершении перехода западной деревни в мало актуальную периферию капиталистического развития интерес к сельской социологии на Западе угас. Ее тематика вошла в предметное поле других наук, в основном этнографии, антропологии и социальной психологии отсталых народов и племен.

Возрождение интереса к сельской социологии произошло здесь после Второй мировой войны. Оно было вызвано необходимостью объяснить феномен активизации участия крестьянства в национально-освободительных войнах, поскольку именно крестьянство стало в то время во всех колониях и доминионах основной силой антиколониальных движений. Исследования Э. Вольфа, Дж. Вомак, А. Ноува, Р. Редфильда, Т. Шанина, Х. Фридмана и других социологов, в основном крестьяноведов, проводились преимущественно в странах «третьего мира» или базировались на вторичном анализе данных об изменениях в деревне и в сельском хозяйстве социалистических стран.

Своим возрождением современная западная крестьяноведческая сельская социология во многом обязана Теодору Шанину. Именно он реанимировал в 60–70 годы XX столетия популярную некогда теорию устойчивости индивидуального крестьянского хозяйства А.В. Чаянова, с которой разошлась реализованная на практике концепция коллекти-

визации советского крестьянства. Организовав выпуск многотомного собрания сочинений Чаянова, Шанин пробудил у западных социологов интерес к крестьяноведению.

Чтобы понять специфику развития российской, особенно сельской, социологии придется, прежде чем говорить о послевоенном возрождении, кратко рассмотреть характер ее институализации. Если Запад к моменту создания теоретико-методологических основ прикладных социологических исследований был уже более чем наполовину урбанизирован, то Россия почти на $9/10$ оставалась сельской, и потому как теоретическая, так и прикладная социология развивались здесь в основном в сельском социальном пространстве. Этому способствовала солидная предшествовавшая база опросных обследований. Они известны, согласно русским летописям, еще со времен домосковской Руси. Масштабные протосоциологические анкетирования «российских городов и весей» организовывал канцлер петровской эпохи Ягужинский. Во второй половине XVIII в. в Комиссии Уложения Законов были собраны сотни «сказок», представлявших собою мини-монографические описания социально-экономического положения отдельных сельских волостей разных губерний Европейской части России. Регулярные переписи податного населения и крупномасштабные обследования состояния сельской глубинки, подобные тем, какие были проведены правительственной Валуевской Комиссией во второй половине XIX в. и в больших количествах проводились земствами, логично переросли в практику социологических исследований.

И потому теоретическая социология в России началась с общинно-народнических рефлексий А. Герцена, М. Петрашевского, Н. Чернышевского, а прикладная — с фундаментальной монографии В. Берви-Флевровского «Положение рабочего класса в России» (1869 г.), в которой, несмотря на ее урбанистическое название, автор исследовал условия труда и быта сельскохозяйственного населения, особенно батрацкого, и анализировал общественные типы организации аграрного труда, производственных отношений в сельском хозяйстве, прежде всего, в помещицком, крестьянско-общинном и кулацком хозяйствах.

До Октябрьской революции 1917 г. эмпирические социологические исследования различных сторон сельской жизни проводили П. Матвеев, В. Посников, А. Пругавин, М. Харузин, Н. Янчук и др. Князь В. Тенишев организовал уникальное по степени системности и масштабам исследование российской сельской глубинки (равного ему и впоследствии никто в мире провести не смог), а сельский врач А. Шингарев — столь же уникальное, имевшее большой резонанс в обществе, моно-

графическое «социально-гигиеническое» обследование воронежских сел Новоживотинное и Маховатка. Подобные шингаревскому обследованию проводили десятки и сотни других врачей, агрономов, писателей, земских деятелей, активистов дворянских собраний. Н. Успенский собирал материалы для своих известных очерков «Власть земли», используя, помимо направленных интервью с крестьянами, паспорта социальных обследований поселений. А. Чехов и Л. Толстой не только приняли участие в качестве переписчиков в первой Всероссийской переписи населения, но и сами провели ряд анкетных опросов: один на Сахалине и в калужских, другой в тульских деревнях. Накануне первой мировой войны каждый уезд европейской части России и большинство зауральских уездов имели основанные на этих обследованиях социальные (краеведческие) паспорта, благодаря чему Россия становилась «прозрачным» обществом.

После Октябрьской революции, благодаря энтузиазму А. Большакова, А. Чайнова, П. Литошенко и других известных аграрников старой формации, социологические исследования в стране возобновились с еще большим размахом. Массовой стала практика монографических обследований сел, волостей, уездов. Первое такое обследование было проведено А. Тодорским уже в 1918 г. в Пошехонье. А. Большаковым в рамках краеведения были организованы социологические обследования более 600 сельских уездов. Повторил шингаревское обследование воронежских сел К. Шуваев с коллегами. Широкомасштабные статистико-социологические обследования проводились в сельской местности В. Немчиновым, С. Струмилиным, А. Хрящевой, социолого-политологические осуществлялись партийно-государственными комиссиями под руководством Белобородова, Крицмана, Чуцкаева, Яковлева и других известных государственных деятелей 1920–1930-х годов. Естественно, что прервавшееся по объективным и субъективным причинам (эта сложная тема требует особого рассмотрения) в предвоенные годы социологическое изучение проблем развития советского села начало возрождаться лишь в первое десятилетие после войны.

Хотя почти на 30 лет сельская социология попала в полосу безвременья, это не означает, что и из пытливых умов совершенно исчезло осмысление аграрных проблем в аспекте, присущем социологии. Такие контаминации встречались в экономических и исторических работах А. Бутенко, В. Венжера, В. Данилова, П. Игнатовского, Г. Пруденского и других. Важную роль в подготовке условий для официального признания социологии в СССР сыграли публикации писателей и журналистов, пишущих о сельских проблемах. Точные диалоги и монологи сельских

жителей, которые к настоящему времени обоснованы как качественные методы социологии, можно встретить в публикациях В. Овечкина [1], в последующие годы — В. Распутина, Ф. Абрамова, В. Белова, что было не только «литературой», но и материалами для глубинного осмысления проблем деревни [2]. Да и сами сельские социологи нередко выросли из журналистов, как В.И. Староверов, о плодотворной научной деятельности которого мы скажем ниже.

Яркие, порой полные драматизма, картины жизни колхозников не могли не затронуть и первых социологов. Особо в этом ряду стоит имя Ю.В. Арутюняна, который непрерывно занимается сельской тематикой почти 50 лет [3]. Среди первых исследователей села следует назвать И.Т. Левыкина, Н.М. Блинова, В.Н. Ладенкова, Г.И. Шмелева, которые уже более широко по сравнению с предшественниками использовали социологические методы [4].

Первым в этом ряду (и долгие годы одним из наиболее значительных по своему влиянию на возрождение не только сельской, но и всей советской социологии) было инициированное Г.В. Осиповым исследование «Копанка 25 лет спустя» — частичная панель проведенного румынским социологом Д. Густы во второй половине 1930-х гг. монографического обследования крупного молдавского села. О нем я хотел бы рассказать с позиций сначала стороннего наблюдателя, затем второстепенного участника его, а впоследствии — руководителя повторных исследований Копанки в 1970-1980-х годах.

Исследование Копанки в 1960-е гг. проводилось большим коллективом российских и молдавских обществоведов и местных активистов. Лидерами коллектива с российской стороны были Г. Осипов и В. Шубкин, с молдавской — в Кишиневе Д. Урсул, непосредственно в Копанке В. Ермуратский и Г. Ентелис. Активное участие в организации и проведении исследования принял председатель местного колхоза им. Ленина И. Болфа. Оно пользовалось живой поддержкой членов правительства республики, большинство которых сами в той или иной степени вели научную работу, были докторами и кандидатами наук. «Добро» на исследование дал партийный лидер Молдавии И. Бодюл, в то время кандидат, впоследствии доктор исторических наук, инициатор и организатор агропромышленной интеграции. Возможно, по этой причине активное участие в анкетировании и сборе информации принимала колхозная интеллигенция. Последнее обстоятельство способствовало моему подключению к этому мероприятию, чему благоприятствовало то, что в 1962-м г., на Всемирном фестивале молодежи в Хельсинки один из соавторов этой статьи В.И. Староверов, будучи корреспондентом журнала

«Молодой коммунист», познакомился на одной из дискуссий с вожаком молдавских комсомольцев, будущим молдавским президентом П. Лучинским, который пригласил меня приехать в республику и написать о сельской молодежи Молдавии. Там Лучинский познакомил Староверова с комсомольским вожаком Г. Квасовым, будущим куратором социологии в ЦК КПСС, который рассказал об исследовании в Копанке. Дальше предоставим слово В.И. Староверову:

«С разрешения руководства журнала, я задержался в Копанке на пару месяцев: разрешение было дано тем легче, что в ЦК ВЛКСМ решался вопрос о переводе меня и двух моих коллег в журнал «Молодой колхозник» в целях преобразования его в журнал «Сельская молодежь». Под руководством Г. Осипова в Институте философии обрабатывались материалы исследований, шла работа над коллективной монографией <...>. За три года сектор вырос в отдел, затем в отделение прикладной социологии и, наконец, в ИКСИ (Институт конкретных социальных исследований) АН СССР, где я подготовил кандидатскую диссертацию о социальных проблемах сельской миграции и стал работать в отделе оперативных социальных исследований. В конце 1969 г. меня пригласил на беседу зам. директора ИКСИ Г.В. Осипов: «Вчера возвратился из Молдавии Алексей Матвеевич (директор ИКСИ академик Румянцев). В беседе с Бодюлом они пришли к согласию повторить исследование в Копанке. Разыщи старый инструментарий его, перевод монографии Густы и рукопись нашей монографии, обнови исследовательскую программу, сохранив основу для панели, возьми из вашего отдела кого хочешь из сотрудников и через пару недель выезжай в Кишинев».

Перевод книги коллектива Густы и рукопись разыскать не удалось, инструментарий частично был опубликован в приложении книги «Копанка 25 лет спустя», кое-что сохранилось у меня и у Г. Квасова. В целях обеспечения комплексности программы пришлось невольно много импровизировать. Кроме того, по приезду в Молдавию выяснилось, что Копанка за месяц до этого из-за неординарного разлива Днестра подверглась разрушительному наводнению и жизнь ее серьезно деформирована. К тому же исследовательских сил и средств было мало (я, м.н.с. нашего отдела В. Щенев, да несколько молдавских коллег). В итоге исследование 1970 г. оказалось далеким от желаемого и осталось в форме исследовательского отчета. Тем не менее, оно было оценено положительно и вскоре мне разрешили сформировать сектор социологии деревни. При этом Г.В. Осипов и Г.Г. Квасов полагали, что необходимо исследовать Копанку еще раз, уже на более солидной основе. Но сектору были поручены серьезные задания по разработке прогноза развития деревни до 1990 и 2000 года, комплекс-

ному исследованию социальных проблем преобразования российского сельского Нечерноземья и другие объемные, сложные задания. На сверхплановую работу не было ни сил, ни средств.

Только к концу 1970-х годов удалось вернуться к идее исследования Копанки. К этому времени аспиранты-молдоване Н. Цуркану и В. Чобану перевели, как могли, избранные места из монографии Д. Густы, я переработал программу исследования с учетом изменений в Копанке, создал объединенный с молдавскими социологами исследовательский коллектив, уточнил инструментарий сбора информации с учетом изменений в советской статистике сельского хозяйства и учета. Летом 1980 г. четвертое, а если говорить о полноценном, то третье исследование Копанки было проведено».

С российской стороны в нем, помимо руководителя, участвовали к.с.н. Х. Арст, к.т.н. А. Гелюта, В.В. Староверов, к.с.н. А. Колесников, к.и.н. Ю.Рощин, н.с. А. Прохоров и И. Староверова, м.н.с. И. Яковлева, Н. Цуркану, В. Чобану; с молдавской — к.ф.н. Т. Килимар, И. Кобзак, к.э.н. А. Тимуш и три его аспиранта. И вновь поддержку оказали И. Бодюл, руководство колхоза, председатель сельсовета А. Чеботарь, секретарь парторганизации Г. Чеботарь, а также интеллигенция села.

Итоги исследования В.И. Староверов докладывал на сессии столетнего юбилея Д. Густы, проведенной в Румынии по решению ЮНЕСКО (в 1985 г.), материалы были обобщены в монографии, рекомендованной Ученым Советом ИСИ АН СССР к публикации в издательстве «Наука». Монография была подготовлена к печати, но затем «зависла»: началась перестройка и кому-то в верхах показалась не ко времени научная работа об успехах советской колхозной деревни и, поскольку Копанка многонациональное село, советской национальной политики.

Глубинное изучение сельских реалий велось также творческим коллективом новосибирских специалистов под руководством Т.И. Заславской. Т.И. Заславская обоснованно для своего времени избрала темой исследования — миграцию сельского населения [6]. Этот процесс в 1970-е гг. набирал темпы; пустели села и деревни, а промышленные предприятия и стройки вбирали всех желающих. После десятилетий искусственного сдерживания колхозников в местах рождения и проживания появилась возможность поиска лучшей доли, и многие сельчане этим воспользовались. Ехали к тем, кто либо раньше был мобилизован из сел для учебы в ФЗУ и обустроился в городе, либо туда, где можно было относительно быстро получить квартиру. Нередко одна за другой снимались и уезжали целые деревни.

Московская аграрная социология связана с именем В.И. Староверова, работавшего в Институте конкретных социологических исследований АН СССР, а ныне — в ИСПИ РАН [7]. Наибольшая исследовательская активность московской школы приходится на 1977-1987 гг., когда реализовались Всесоюзные проекты. Благодаря его научно-организационным усилиям в сельскую тематику включились: К. Исаев в Киргизии, Н. Цуркану — в Молдавии, С.Э. Крапивинский — в Волгограде, В.А. Зубков — в Саратове, А.В. Воронцов в Ленинграде и многие другие, создавшие впоследствии свои научные направления [8]. К концу 1970-х гг. не осталось ни одной сферы сельского бытия, которая не попала бы в поле зрения не только социологов-аграрников, но и ученых отраслевых знаний — урбанистов, демографов, культурологов (В. Виноградский, В. Трушков, Л. Борисова), исследователей свободного времени (В. Патрушев, В. Артемов, В. Болгов), аграрных социально-экономических отношений (В. Никифоров, В. Островский, В. Самсонов и др.) [9].

Активно велись исследования в Краснодарском крае, Орловской, Иркутской, Тюменской, Свердловской областях, Алтайском и Красноярском краях. Поскольку село — открытая система, нередко наступающая на город и пригород, где образ жизни гораздо ближе к сельскому, чем к городскому, то сельские проблемы изучались исследователями социокультурных проблем города. Кроме того, село было и остается пространством и исследовательским полем для отраслевых социологии — культуры, образования, молодежи, управления и др. Причины роста кроются не только в саморазвитии сельской социологии, но и в том, что социологией труда была доказана актуальность социального планирования. Планы социального развития вначале промышленных организаций, затем городов и территориальных общностей стали показателем стремления решать актуальные проблемы сельской жизни.

Трудно назвать регион, где бы не разрабатывались подобные планы на уровне сельскохозяйственных предприятий, сельских регионов, областей и краев. Были разработаны методические рекомендации по социальному планированию не только в столицах, но и областных центрах (Краснодар, Красноярск, Омск, Самара, Саратов, Волгоград (Сталинград), Уфа). Теоретические и методологические основы социального планирования на селе получили глубокое обоснование в работах Н.А. Аитова, Ж.Т. Тощенко, П.П. Великого, Л.Н. Когана.

В 1980-е гг. сложились основания сельской социологии, чему способствовали эмпирические исследования, проведенные в разных аспектах и направлениях как социологами академических центров, так и регио-

нальных вузов. Было признано, что деревня является одним из основных исходных компонентов социума. Если ее рассматривать в проекции институализации, то в ней мы найдем все, что присуще данному обществу: сходную с другими общностями социальную структуру, инфраструктуру образования, культуры. В то же время и социологи, и экономисты фиксировали отставание развития технико-технологической базы труда, бытового обслуживания, уровня образования сельского населения, что давало повод использовать в методологии идею стирания существенных различий между городом и деревней, зачастую понимаемую довольно примитивно. И агропромышленная интеграция и условия жизни оценивались с позиций исследователей, экстраполировавших на село комфорт городских условий. Многим казалось, что в крупном селе сельчанам жить лучше, количество социальных благ с укрупнением сел возрастает. Кстати и статистика подтверждала то, что на единицу населения крупных сел приходится больше и мест в клубах, и тротуаров, и бытовых учреждений. Отсюда оставался один шаг до рокового вывода, что мелкие села неперспективны и в сельском расселении излишни, а большие (в силу директивных мер должны расти) являются перспективными. Эту идею питал господствующий в обществе этос манипулирования огромными массами людей, готовностью их окликаться на призывы осваивать целину, ехать на далекие стройки и т.п. Идеологи, проектировщики и исполнители проекта ликвидации «неперспективных» деревень пришли в неопишное недоумение, когда жители их вместо переезда на благоустроенные центральные усадьбы, вообще стали покидать сельскую местность. Этот печальный методологический просчет сельских социологов послужил уроком для многих: нельзя осмысливать деревню на базе одного-двух элементов или комплексов этой социально-территориальной общности, а нужно учитывать всю их совокупность, используя для этого конкретные социологические исследования, чтобы не навязывать сельчанам умозрительные схемы переустройства жизни, идущие вопреки их культуры. Появились работы, в которых переосмысливались многие проблемы адаптации крестьян к коллективистскому порядку жизни и того, что ждет деревню при реализации противоположной политики (П. Симуш, С. Никольский, А. Хагуров) [10].

С таким багажом социология села встретила перестройку, а затем и рыночные реформы, с их новыми, порой парадоксальными ситуациями, которые не укладывались в рамки ранее используемых парадигм. Культуршок, постигший творческую интеллигенцию России, не обошел и социологов. С начала рыночного режима имел место некоторый

всплеск внимания к сельской тематике, частично реализованный в исследовательских проектах Теодора Шанина. Исследователи, используя качественные методы, выявили через изучение семейных историй много фактов крестьянской жизнестойкости, что оказалось плодотворно и в проекции будущего. Ведь вскоре сельскому населению пришлось вернуться к неоархаике, формам выживания, подзабытым за время колхозного, относительно благополучного бытия [11].

Усилилась критика последствий аграрного реформирования, хотя ученые исходили из разного понимания происходящего: для одних как драма завершения социализма, не успевшего реализовать свой созидательский потенциал, для других как неизбежный эволюционный этап, но протекающий в состоянии анархии [12].

Далеко не везде вместо колхоза или совхоза появилось хозяйство (крупхоз по Т. Шанину), т.е. АОО, ТОО, сельскохозяйственный производственный кооператив, а если и появился, то оказался по объему производства и численности персонала равным какой-нибудь полеводческой бригаде прежних коллективных хозяйств. Следование нормам рыночной экономики неизбежно должно было привести к отказу поддерживать социальную инфраструктуру села, что и произошло.

Возникли конфликтные ситуации на почве того, что большая часть сельского сообщества осталось и без работы и без надежды хоть какой-то поддержки своего семейного хозяйства, ставшего порой единственным источником выживания. Все эти факты фиксировались исследователями З.И.Калугиной, В.А. Артемовым, С.Н. Семеновым, П.П. Великим, В.И. Староверовым, А.М. Сергиенко, И.Е. Ильиным и другими [13].

Л.В. Бондаренко организовала мониторинг социально-трудовой сферы села, в котором участвуют социологи из 18 регионов страны. В.В. Пацiorковский исследует социальную эффективность новых экономических укладов в аграрном секторе, рассматривает проблемы сохранения и развития человеческого потенциала деревни [14].

В эти годы социологи вновь обратились к уточнению ряда методологических положений аграрного сектора и деревни. Так, А.А. Хагуров пишет об экономике выживания, о необходимости сопряжения категории «крестьянское хозяйство» с понятиями жизнь, образ жизни, ценности жизни [15]. Г.С. Широкалова обосновывает сценарий будущего сельского бытия в условиях распространения частной собственности на землю [16]. И. Е. Ильин осмысливает взаимовлияние и сопряженность аграрной политики центра и национально-территориальной общности [17]. Появились исследования, в которых социокультурные аспекты де-

ревни рассматриваются соотносительно с другими общностями социума — столицами и провинциальными городами. Г.Н. Соколова исследует проблемы села в межстрановедческом аспекте (республика Беларусь — Российская Федерация) [18].

Идеи конструирования и проектирования сельской жизни из элементов, порядком ослабленных, но все еще имеющих в наличии, можно найти у многих ныне работающих сельских социологов. Например, в лаборатории социальной структуры и социодинамики села Института аграрных проблем РАН сделаны попытки сконструировать модели саморазвития сельских сообществ за счет тех элементов жизни, которые не были достаточно востребованы в прошлом — это разные формы самопомощи, самоуправления, консолидации [19].

Состояние человеческого потенциала села исследуют А.А. и Р.А. Разины в Удмуртском университете, воспроизводственные процессы в социально-экономической и трудовой сфере на материалах республики Башкортостан — И.А. Лысак, А.Х. Казакбаев [20]. В Новосибирске продолжают традицию системного изучения деревни В.А. Артемов, Л.Г. Борисова, З.И. Калугина, Л.В. Корель, В.С. Тапилина [21]. В Барнауле этот подход применительно к анализу трудовых ресурсов успешно реализовала А.М. Сергиенко.

Одной из центральных тем постсоветского общества стала социальная структура, которая, как писал Ю.В. Арутюнян, «мыслится как основной субстат общественного развития, эпицентр факторов, определяющих социальную жизнь» [22]. Особенностью публикаций по этой теме явилось обязательное сравнение села с городами — столичными и провинциальными. Понятно, что сравнение можно было сделать при условии включения села в выборку национального масштаба. Одни из первых исследований и соответственно публикаций такого рода выполнены исследовательской группой под руководством чл.-корр. РАН Ю.В. Арутюняна [23]. Сравнивая данные с 1987 г. по 2000 г., автор показал, что влияние сельчан на дела коллектива с каждым годом уменьшалось, повышающая вертикальная мобильность также отставала от городов. Сельские проблемы в контексте стратификации, социальной справедливости и в целом повседневной жизни нашли частичное отражение в исследованиях ИС РАН, результаты которого излагались чл.-корр. РАН М.К. Горшковым на Социологическом конгрессе в 2006 году и Сорокинских чтениях в 2007 году. Отмечалось, что общество, где 2/3 населения в большей или меньшей степени ощущают себя представителями «низов» (именно таковы эмпирические свидетельства, полученные по результатам трех исследовательских проектов ИС РАН),

является неустойчивым обществом [24]. Более детально эти проблемы в проекции села рассматривает М.Н. Муханова [25]. В частности она отмечает, что при отсутствии мест работы сельчане не прилагают усилий, чтобы стать на учет в качестве безработного. На это есть свои скрытые причины, и в результате пособие по безработице получают лишь 23% безработных, т.е тех, кто довольствуется источниками, полученными от работы в ЛПХ для удовлетворения своих скромных потребностей.

Сравнительный (межпоколенческий) подход, примененный в исследовании Московского института общественного проектирования в 2004 году, описан в статье В.Ф. Анурина «От Москвы до самых до окраин» [26]. Несмотря на некоторое несходство индикаторов, выбранных с Ю.В. Арутюняном и Т.И. Заславской, автор построил профили стратификации, которые оказались близкими к ранее обоснованным моделям (Т. И. Заславской). Если профиль страт столиц в чем-то приближается к социальной структуре стран Запада (в виде ромба), профиль групп провинциальных городов имеет сильно усеченную часть в секторе, где должен бы располагаться средний класс, то профиль села вообще невозможно подвести под единую модель. Автор не поместил профиль стратификации групп села, но если использовать его показатели (среднедушевой доход, безработица, наличие предметов повседневного использования), то окажется, что село имеет только горизонтальное измерение. Групп, живущих в селе и возвышающихся над остальной массой, практически нет. Сельчане в 2004 году были, как следует из личных оценок своего благополучия, в два раза беднее жителей провинциальных городов и в три раза — столиц. Вывод автора: впечатление такое, будто речь идет о жителях разных государств, а не единой России. Вместе с тем, нельзя не отметить факт, отражающий интенсивность духовной жизни: хотя сельчане отстают от горожан по посещению музеев, концертов, кино (эти источники стали малодоступными для них по причинам удорожания проезда, входных билетов и других причин), но по чтению книг они почти не отличаются от жителей крупных городов.

Социальную мобильность исследовал и В.В. Пациорковский, который отметил, что в результате всех перемен на селе сейчас имеется три группы: верхний слой среднего класса (около 5%), переходные группы — 45% и бедные слои — 50%. Несмотря на такой деформированный образ социальной структуры, он делает смелый прогноз о перспективах формирования среднего слоя на селе. Он полагает, что при сохранении нынешних тенденций уже к 2010 году в сельском социуме окончательно

сформируется: верхний слой среднего класса примерно до 5%, средний слой — 15%, нижний слой — 40%, переходные слои — 10% и бедные слои 30% [27].

Весьма популярная в 70-80 годы тема взаимодействия села с городом в постсоветское время почти сошла со страниц социологической печати. Поэтому появление статьи Л.В. Никифорова и Т.Е. Кузнецовой «Город и село: особенности интеграции в советский и постсоветский периоды», опубликованной в «Журнале социальной политики» [28], оказалось очень своевременным. В центре их внимания — интеграционные процессы в системе «город — село». Они показывают, что агропромышленная интеграция происходила в течение всей советской истории. Однако этот процесс шел трудно и противоречиво.

Во-первых, подходы к организации производства, развития города и села, сформированные в 20–30-е годы XX века, действовали на протяжении всей советской истории и их последствия сказываются до сих пор. Суть их в унификации форм ведения производства, в исключительно отраслевом подходе к развитию хозяйства в ущерб территориальному, игнорирование аграрной специфики страны. «В совокупности с нацеленностью на индустриализацию и развитие городов, — пишут авторы, — проблемы социально-экономического развития села, создания в нем инфраструктурных отраслей, улучшения жизни населения на долгие годы выпали из государственных решений». И хотя с 1960-х годов начинается некоторое увеличение вложений в село, но выбор направлений развития не снял проблемы перераспределения средств из села в город.

Во-вторых, переход общества в стадию рыночных реформ усугубил ранее нерешенные проблемы, добавив новые, которые в целом достаточно полно освещены в социологической литературе: это возврат сельского населения к выживанию за счет семейных приусадебных хозяйств, прекращение государственной поддержки сельскохозяйственных предприятий и социальной инфраструктуры, скупка земель узким кругом бывших руководителей колхозов и совхозов и их приближенных и т.д. Конечно, и в этих условиях интеграция имеет место, но как образно сказано, вместо модели «города — сада» (как желаемой с точки зрения урбанизации), складывается модель «города — огорода». Действительно, стихийный обмен, связи на уровне социальных сетей даже усилились в последние 15–17 лет, но в строгом смысле к агропромышленной интеграции их отнести можно с большой оговоркой.

Г.С. Широкалова анализирует изменение взаимосвязей городского и сельского населения в результате реформ 90-х годов [29]. Многие

авторы отмечают, что ныне наметилась тенденция некоторого усиления интеграции в связи с интересом крупных сырьевых и финансовых структур к аграрной сфере. Они скупают не только землю, но и сельскохозяйственные и перерабатывающие предприятия и показывают неплохую рентабельность. Является ли такой путь перспективным с точки зрения интегративных процессов между городом и селом? Анализ издержек, прежде всего социальных, можно встретить в других публикациях, например, у А.А. Хагурова, который отмечает, что продолжается концентрация земельной собственности в руках немногочисленной кучки сельских богачей и магнатов через скупку земельных паев и акций [30]. Рассматривая поведение сырьевых и финансовых структур в Краснодарском крае, автор приводит факты полной потери ответственности их за социальное обустройство местного сельского населения.

Более понятными становятся перспективы интеграции аграрной сферы в жизненное пространство российского социума посредством анализа наиболее актуальных внутренних проблем села и сельскохозяйственного производства, к чему обратились З.И. Калугина и О.П. Фадеева [31]. В статье О.П. Фадеевой «Хозяйственные уклады в современном российском селе» отмечается, что следствием экономической несостоятельности хозяйств стало массовое появление сел без крупного работодателя. Крупные хозяйства (АО, производственные кооперативы) не в состоянии осуществлять нормальную хозяйственную деятельность и зачастую удерживаются на плаву за счет государственных акций финансового оздоровления и процедур товарного кредитования. Поэтому и труд работников оплачивается по минимуму. Чтобы выжить, сельчане используют ресурсы семейного хозяйства, но функционирование этого уклада сдерживается тем, каков уровень крупного предприятия. Когда оно разоряется, владельцам ЛПХ негде приобрести фураж, получить техническую помощь, труднее сбывать продукцию. Лучшее положение в фермерских хозяйствах, но и они зачастую испытывают трудности с кадрами, т.к. здоровые социально и физически работники нашли свои самостоятельные ниши заработка. Кроме того, на селе, пишет автор, формировалась группа и экономическая ниша для тех, кого не прельщает постоянно и много работать. Это поденщики нового типа, работающие рывками — по мере возникновения в них потребностей. Несмотря на все эти сложности, отмеченные уклады могут стать стартовой площадкой интеграции их в создание многопрофильного производства и обслуживания, считает автор [32].

В статье В.В. Пациорковского «Сельская Россия: проблемы и перспективы» [33], фиксируется начало структурных перемен (рост производства в крупных хозяйствах и у фермеров и стабилизация, а то и уменьшение его в семейных хозяйствах населения), обосновано, что перспективами надежного функционирования аграрной сферы (в целом села) является ускоренное развитие других видов занятий и производств. Это будет способствовать сохранению и самого села и сельского хозяйства. В.В. Пациорковский дал оценку Приоритетного национального проекта «Развитие АПК». Необходимость серьезной государственной помощи селу очевидна, ведь в 41 из 89 регионов страны доля населения с доходами ниже прожиточного минимума составляет от 30% и более. Автор приводит данные, что в сельских районах Тульской области, совсем недалеко от Москвы, средняя зарплата не достигает и двух тысяч рублей. В такой ситуации до трети сельчан не могут доехать до больницы, до школы, послать письмо или телеграмму и т.п. Безденежье сдерживает функционирование локальных рынков, нет поступлений и в местные бюджеты. Меняет ли что-то в такой удручающей ситуации реализация национального проекта? Автор твердо отвечает на этот вопрос отрицательно, поскольку его ресурсами могут воспользоваться 5–10% сельчан, причем тех, кто и до появления проекта жил хорошо. Если же рассматривать проект с точки зрения некоего перелома — от неoarхаики, в которую вошло село в последние 15–18 лет, к действительно индустриальному его уровню, то нужны меры не частичные (животноводство, жилье для специалистов), а такие актуальные вопросы как энерговооруженность, механизация и интенсификация производства сельскохозяйственной продукции, оплата труда и подготовка кадров, формирование инфраструктуры рынков, земельная собственность и многое другое. Без решения этих назревших вопросов вступление страны в ВТО может еще более усугубить положение отечественного аграрного сектора и сельского населения, считает автор.

И.Е. Ильин в книге «Аграрная реформа в России на рубеже XX–XXI вв» на основе данных социологических исследований с 1980 по 2005 гг. провел анализ концептуальных моделей аграрного реформирования и обосновал меры корректировки аграрной политики в масштабе полиэтнического региона и в целом всего сельского социума [34]. В другой публикации, названной им «Великий перелом» в Чувашском селе, И.Е. Ильин, подводя итоги, точнее следствия аграрных реформ, отмечает, что земледелец не только не стал самодостаточным субъектом преобразований, он стал скорее объектом манипулирования властей.

Деревня ждет другого, конструктивного перелома, более глубокого и гуманного [35].

Читатель, вероятно, обратил внимание, что число имен социологов из провинции, упоминаемых здесь, далеко превосходит города, где сосредоточен цвет науки. Например, на двух последних Всероссийских социологических конгрессах (2004 и 2006 гг.) и на III Всероссийской конференции Сорокинские чтения (2007 г.) не было ни одной публикации или выступления, специально посвященных селу от ученых МГУ. Секция по аграрной социологии включала в основном социологов провинции. И в других научных центрах Москвы и С. Петербурга аграрная социология не востребована. Хотя село как часть российского социума артикулируется на теоретическом уровне, но прикладных исследований проводится мало, им, к сожалению, присущ узколокальный характер, несопоставимость методик, что ограничивает возможности обобщений и выводов. Не последнюю роль в такой ситуации играет обеднение жизни села по всему пространству сельских реалий [36].

Возможности для участия в международных конференциях улучшились, т.к. финансирование поездок хорошо налажено РГНФ, но вопрос в другом: российским исследователям села, аграрных отношений фактически нечего сказать о позитиве, грамотности социальной политики, вообще о перспективах аграрной сферы. Сколько бы сюжетов не описывали социологи, в конечном счете, дело сведется к проблеме адаптации к новым социально-экономическим отношениям. Это может быть понято, если прошло 3–5 лет с начала реформ, но если и 20 лет не хватает на то, чтобы приспособиться к новым условиям — актуальными остаются оплата труда, отсутствие места работы, неналаженный быт, то становится понятным — что-то не ладно в таком социуме. Скучность, обеднение жизни села имеет и еще один аспект — потерю интереса новых исследователей осуществлять какие-либо научные проекты в сельском пространстве. По сельской тематике, по сравнению с другими, мало защищаются кандидатских и особенно докторских диссертаций. В значительной степени это связано и с ухудшением финансирования науки, что особенно остро отражается на сельской социологии. Ведь нужны командировки, личное наблюдение сельских реалий, что затруднено не только для вузовских ученых, но и ученых институтов академической науки. Отсюда снижение надежности получаемых данных, поскольку малы объемы выборки, нарушается репрезентативность, невозможно лично наблюдать динамику процессов.

В заявлениях политических лидеров России обнародована широко-масштабная программа государственной помощи селу. Появилось пони-

мание и социологическая оценка драматической ситуации в жизни села руководителями регионов и городов. Так, мэрг. Москвы Ю.М. Лужков в своей книге «Сельский капитализм в России», анализируя факт распада экономических структур с. Медыни Калужской области, считает его типичным, когда функционирование сельского хозяйства пущено на самотек. Отраднo, что в конкретном локальном месте ситуация исправлена благодаря поддержке Москвы [37].

Список литературы

1. *Овечкин В.В.* В том же районе. Очерки. Два костра. Записки писателя. М., Правда, 1954. 96 с.
2. *Белов В.И.* Кануны. Хроника конца 20-х годов М., 1976, 331 с.; *Белов В.И.* Лад: очерки о народной эстетике. М., 1982. 293 с.
3. *Арутюнян Ю.В.* Опыт социологического изучения села. М., МГУ, 1968. 104 с.; *Арутюнян Ю.В.* Социальная структура сельского населения СССР. М., Мысль, 1971, 374 с.
4. *Блинов Н.М.* Опыт сравнительного изучения социально-психологических характеристик в отношении к труду промышленных рабочих и труженников села. М., 1968.
5. Копанка 25 лет спустя. М., Наука, 1965.
6. *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Влияние процессов урбанизации и индустриализации на социально-экономическое развитие деревни. // Социально-экономическое развитие села и миграция населения. Новосибирск, 1972; Методологические проблемы системного изучения деревни. Новосибирск, Наука, 1977.
7. *Староверов В.И.* Социально-демографические проблемы деревни. Методология, методика, опыт анализа миграции сельского населения. АН СССР, Ин-т социологических исследований. М., Наука, 1975, 287 с.
8. *Зубков В.А.* Человек и агропромышленная интеграция. Саратов: СГУ, 1991.
9. *Никифиров Л.В.* Социально-экономическая интеграция города и села. М., Наука, 1988.
10. *Симуш П.И.* Мир таинственный. М., 1991.
11. *Шанин Т.* Рефлексивное крестьяноведение и русское село. // Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследовательской России. М., 2002.
12. *Рывкина Р.В.* Драма перемен. М., Дело, 2001, 472 с.; *Старове-*

ров В.И., Захаров А.Н. Трагедия радикально-демократической модернизации российского аграрного строя М., ИСПИ РАН, 2004. 264 с.

13. Сергиенко А.М. Теоретико-методологические и методические подходы к изучению экономического поведения // Экономическое поведение населения агропромышленного региона в годы реформ, Барнаул, 2001. С. 13–55.

14. Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991–2001 гг. М., 2003.

15. Хагуров А.А. Крестьяноведение как социологическая теория среднего уровня и ее методические основы // Тезисы докл. и выступл. на II Всероссийском социол. конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». Т. 3. М., 2003. С. 161–162.

16. Широкалова Г.С. Тенденции изменения социальной структуры села // Тезисы докл. и выступл. на II Всероссийском социол. конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». Т. 3. М., 2003. С. 162–164.

17. Ильин И.Е. Содержание и механизм реализации современной аграрной реформы в Чувашской республике // Тезисы докл. и выступл. на II Всероссийском социол. конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». Т. 3, М., 2003. С. 164–166.

18. Соколова Г. Н. Экономическая социология. М., 2000, 376 с.

19. Великий П.П., Мореханова М.Ю. Адаптивный потенциал сельского социума // Социол.исслед. 2004, № 12, С. 55–64.

20. Казакбаев Р.Х., Лысак И.А. Отношение к труду как условие воспроизводства социально-трудовой сферы села (управленческий аспект). Уфа, 2004.

21. Россия, которую мы обретаем. Новосибирск: Наука, 2003.

22. Арутюнян Ю.В. О социальной структуре общества постсоветской России // Социол. исслед. 2002, № 9, С. 29–40.

23. Арутюнян Ю.В. Трансформация постсоветских наций. По материалам этносоциологических исследований. М., Наука, 2003.

24. Горшков М.К. Российское общество как новая социальная реальность // Доклады Всероссийского социологического конгресса «Глобализация и социальные изменения современной России». М., 2007, С. 25–32.

25. Муханова М.Н. Российское село: социально-структурные процессы в меняющемся обществе // Тезисы докладов III Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения: Социальные процессы в современной России: традиции и инновации», 4–5 декабря 2007 г, Т. 5. М., 2007, С. 379–383.

26. *Анурин В.Ф.* От Москвы до самых до окраин (Социальное неравенство: региональный разрез) // Социология, 2005, № 3–4, С. 232–252.
27. *Пациорковский В.В.* Сельская Россия: проблемы и перспективы // Социол. исслед. 2007, № 1, С. 94.
28. *Никифоров Л., Кузнецова Т.* Город и село: Особенности интеграции в советский и постсоветский периоды // Журнал социальной политики. 2007, т. 5, № 2, С. 179–200.
29. *Широкалова Г.С.* Горожане и селяне в результате реформ 90-х годов // Социол. исслед. 2002. № 2.
30. *Хагуров А.А.* Земельная реформа на Кубани: региональный срез // Социс, 2004, № 5, С. 96.
31. *Калугина З.И., Фадеева О.П.* Контуры будущего сибирской деревни // Регион: экономика и социология, 2006, № 4, С. 141–158.
32. *Фадеева О.П.* Хозяйственные уклады в современном российском селе // Социол. исслед, 2007, № 11, С. 64–69.
33. *Пациорковский В.В.* Сельская Россия: проблемы и перспективы // Социол. исслед. № 1, 2007, С. 90–99.
34. *Ильин И.Е.* Аграрная реформа в России на рубеже XX–XXI вв. // Чебоксары, 2005.
35. *Ильин И.Е.* «Великий перелом» в Чувашском селе. Результаты и следствия аграрной реформы // Социол. исслед, 2007, № 11, С. 69–78.
36. *Староверов В.И., Захаров А.Н.* Либеральный передел агросферы России. Книга первая, 2003; книга вторая, 2004; книга третья, 2005; книга четвертая, 2005, М., ИСПИ РАН.
37. *Лужков Ю.М.* Сельский капитализм в России. М., 2005.

В.В. Ланаева

Российская социология права: история и современность

В российской науке успешно утверждается *социология права как самостоятельная научная дисциплина юридического профиля*; укрепляются позиции социологии права и в качестве *учебной дисциплины в системе юридического образования* (в учебные планы многих юридических вузов страны уже введены курсы по социологии права). Всему этому предшествовал период становления социологического подхода к исследованию права в России, включающий в себя: этап интенсивного развития (конец XIX в. — середина 30-х годов XX в.); этап возрождения и формирования (с середины 1950-х годов) этап обновления исследовательской парадигмы социологии права в условиях постсоветского развития страны.

То, что российская социология права как научная и учебная дисциплина развивается, главным образом, в рамках юриспруденции [1], обусловлено рядом факторов. Прежде всего, следует вспомнить историю становления отечественной социологии, вынужденной искать свою нишу в сфере других наук (в том числе и юриспруденции). Показательно, что целая когорта социологов мирового уровня, прославивших Россию (Л.И. Петражицкий, П.А. Сорокин, Д.Г. Гурвич, Н.С.Тимашев и др.) вышла именно из юридической научной среды. Кроме того, социологический подход к праву в царской России конца XIX в. был востребован либеральным направлением правовой мысли для борьбы с господствовавшим *легистским правопониманием*¹. Характерно, что многие ведущие представители социологической школы права того времени (С.А. Муромцев, М.М. Ковалевский, Л.И. Петражицкий и др.) были видными деятелями либерального движения, а сторонники социологического направления в уголовном праве (М.В. Духовской, И.Я. Фойницкий, Е.К. Тарновский, С.К. Гогель, М.Н. Гернет и др.) многое сделали для раскрытия социально-экономических причин преступности, связанных с крайне бедственным положением социальных низов общества. Помимо этих, сугубо российских факторов, с одной стороны, возникла

¹ Легистским (от «lex» — закон) называется тип правопонимания, отождествляющий право с законом как принудительным установлением государственной власти (в широком смысле слова «закон», включающий в себя судебный прецедент и санкционированный государством правовой обычай).

необходимость постоянной теоретико-правовой подпитки социологических исследований, а с другой, — потребность юриспруденции в глубоком знании того социального содержания, формой выражения которого является право.

Зарождение и интенсивное развитие социологического подхода к праву в России во многом был обусловлен именно неудовлетворенностью ученых *официальной легистской доктриной*, лишающей науку правовых критериев оценки самодержавно устанавливаемого законодательства. Многие из них (В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, Н.А. Бердяев и др.) внесли заметный вклад в развитие *концепции естественного права*, рассматриваемого ими и как реально действующее право, и как некий идеальный, надэмпирический критерий, позволяющий оценивать правовую природу позитивного права (т.е. законодательства). Другие авторы, менее склонные к метафизическому анализу, отдавали предпочтение *социологическому типу правопонимания*, трактуя право как факт социальной жизни — юридически защищенный порядок общественных отношений (С.А. Муромцев), отражение степени достигнутой обществом солидарности (М.М. Ковалевский), средство разграничения социальных интересов (Н.М. Коркунов), особое психическое переживание (Л.И. Петражицкий) и т.д. Право при этом толковалось уже не как система произвольных нормативных предписаний государственной власти, а как объективное явление социальной жизни, которое стихийно возникает в результате процессов социальной саморегуляции. В условиях российского самодержавия такой подход неизбежно приобретал ярко выраженную либеральную направленность.

Большой научный потенциал, накопленный социологическим направлением в дореволюционной российской юриспруденции, сохранял свою инерцию и в первые годы советской власти. Разрабатываемые основоположниками советской теории права концепции права как *порядка общественных отношений* (П.И. Стучка), *формы материальных, экономических отношений* (Е.Б. Пашуканис, И.П. Разумовский), *классово-психологический подход* (М.А. Рейснер) в значительной мере представляли собой развитие идей российских ученых.

Исследования советских теоретиков права 1920-х годов, осуществившиеся в русле *историко-материалистической концепции общества*, сформировали так называемое «социологическое направление», являвшееся самым крупным в советской теории права того периода [2].

В 1920–1930-е годы продолжали развиваться традиции социологического изучения девиантного поведения. Активно велись эмпирические социологические исследования в сфере уголовного права. Так, в кабинетах

по изучению личности преступника и преступности, созданных в ряде городов, шли исследования различных категорий заключенных с помощью анкетных опросов, изучались личности преступников в криминологических клиниках, анализировались судебные дела с последующей статистической обработкой материалов, изучалась уголовная статистика и т.п [3]. (Важную роль в этом сыграло создание в 1918 г. в Центральном статистическом управлении (ЦСУ) Отдела моральной статистики, который возглавил видный криминолог М.Н. Гернет). Координацию криминологических исследований вел созданный в 1925 г. в Москве Государственный институт по изучению преступника и причин преступности.

Социологическими исследованиями причин и уровня преступности занимались и другие юридические научные центры. Всесоюзный институт юридических наук, например, проводил исследования по темам: «Растрата и растратчики», «Хулиганство и хулиганы», «Бандиты и бандитизм». В 1926 г. в связи с всесоюзной переписью населения было осуществлено широкое юридико-социологическое исследование, получены, в частности, данные о контингенте заключенных, о карательной практике и т.п. Тогда же под руководством Е.К. Краснушкина было проведено социологическое и социально-психологическое исследование хулиганства [4]. Изучались формы отклоняющегося поведения — самоубийство, алкоголизм, проституция, наркомания, нищенство. В 1927 г. по материалам Отдела моральной статистики была издана книга «Самоубийства в СССР в 1922–1925 гг.», в которой показатели по СССР сравнивались с данными ряда европейских государств, приводился сравнительный анализ самоубийств по социально-демографическому составу лиц, в различных городах страны. По мнению специалистов, столь обширные сведения о самоубийствах не публикуются в России до сих пор [5]. Исследовалась и наркомания (М.Н. Гернет, А. Раппопорт, Н.К. Топорков и др.). Что касается проблем пьянства и алкоголизма, то лейтмотивом их изучения являлся вопрос об эффективности антиалкогольных запретов¹. Большой вклад в изучение проблемы на основе использования методов статистики внесли М.Н. Гернет, Р. Влассак, Э. Дейчман и др. По-прежнему одним из основных направлений внимания со стороны юристов-социологов оставалась проституция. В 1924 г. была создана Научно-исследовательская комиссия по изучению факто-

¹ Антиалкогольная кампания, начатая еще в 1914 г. введением «сухого закона», была продолжена большевистским правительством в конце 1919 г., но уже с 1921 г. перечень разрешаемых к производству и продаже напитков постепенно расширялся, а в 1925 г. официально было разрешено производство 40-градусной водки; ученые признали неэффективность запретительных мер и антиалкогольных кампаний.

ров и быта проституции, силами которой с использованием метода опроса был осуществлен ряд исследований (в Москве и в других городах). Вниманием ученых не была обойдена и такая форма девиантного поведения, как нищенство¹.

Но социология того времени могла устраивать власть лишь в виде урезанного изложения догматизированного исторического материализма; в последующий период сталинских репрессий в науке и господства легистского понимания права (в духе А.Я. Вышинского) в юриспруденции сохранилась лишь внешняя атрибутика истматовского социологизма, что придавало советской теории права внутренне противоречивый характер. С одной стороны, право определяли как *систему нормативных предписаний, установленных или санкционированных государством* (что лишало такое «право» объективной социальной основы), а с другой, — отдавая словесную дань марксизму, говорили о *материальной обусловленности* (этого произвольно установленного) «*права*» *экономическими отношениями*.

Оживление научной мысли в 1950-е годы не сразу привело к возрождению социологического направления в правоведении. Первоначально возобновились дискуссии о правопонимании, связанные со стремлением ряда юристов расширить официальное «узконормативное» понятие права, включив в него наряду с нормами права также правоотношения и правосознание². Отход от легистского позитивизма начался в советской юридической науке лишь в 1970-е годы, когда на обсуждение была вынесена проблематика *различия (и соотношения) права и закона*, сама постановка которой имела критическую направленность против произвольного характера административно-командного законодательства³.

Показательно, что в 1950–1960-е годы социологические исследования в праве были направлены главным образом на изучение и обобщение практики реализации уже принятого законодательства. «Целью конкретно-социологических исследований права, — писал В.П. Казимирчук в 1960-е годы — является практика, т.е. изучение сферы реализа-

¹ По материалам проведенного в 1929 г. московским Кабинетом по изучению личности преступника и преступности исследования нищенства был выпущен специальный сборник статей «Нищенство в СССР».

² Дискуссии о правопонимании, начатые в 30-х — 40-х годах А.К. Стальгевичем, в середине 50-х годов были возобновлены усилиями С.Ф. Кечежяна, А.А. Пионтковского и Я.Ф. Миколенко.

³ Первой работой такого рода стала работа В.С. Нерсесянца «Различение и соотношение права и закона» (под ред. Д.А. Керимова). М., 1973. Дискуссии тех лет отражены в материалах «круглого стола» // Советское государство и право. 1979. № 7, 8.

ции права в области применения законодательства, судебной практики, практики государственного управления» [6]. В этот период стали проводиться социологические исследования деятельности местных Советов депутатов трудящихся; форм и методов депутатской работы; правовых аспектов свободного времени трудящихся, текучести рабочей силы; организации и укрепления дисциплины труда в колхозах; прав верующих и преодоления религиозных пережитков; причин преступности и личности преступника и др. И хотя сфера социологических исследований в праве была существенно ограничена и деформирована жесткими рамками официальной идеологии и легистского правопонимания советского образца (в соответствии с которыми право сводилось к законодательству, а фактически — к директивам партийных органов и основанных на них приказными установлениями исполнительно-распорядительной власти), тем не менее социология права начала завоевывать свои позиции в юриспруденции, постепенно расширяя предметную область своих исследований.

Все больший интерес к правовой проблематике стали проявлять и социологи, особенно специалисты, занимавшиеся девиантным поведением. В 1970-е годы в ряде социологических исследовательских центров сформировались юридические подразделения, работающие именно в этом направлении (лаборатория социологических исследований НИИ комплексных социологических исследований при Ленинградском университете; сектор социальных проблем алкоголизма и наркомании Института социологических исследований АН СССР; группа изучения проблем пьянства и алкоголизма Ленинградского института социально-экономических проблем и др.), исследования которых — вклад в развитие социологического подхода к праву [7].

Исходя из свойственной легизму (по-советскому) инструменталистской трактовки права (закона) как средства достижения экономических, политических, идеологических и иных (внеправовых и неправовых) целей социалистического строительства, советская социология права была ориентирована главным образом на поиск более эффективных способов реализации этих заданных целей. Пик интереса к данной проблематике пришелся на 1970–1980-е годы, когда ослабление тоталитарных рычагов управления обществом (при сохранении прежнего административно-командного стиля управления страной) уже не позволяло обеспечивать эффективное функционирование общественных отношений, и в обществе усиливались процессы стагнации, которые впоследствии были охарактеризованы как застойные явления. Исследования эффективности действия законодательства получили в эти годы достаточно серьезное институциональное оформление: в структуре

ВНИИ советского законодательства при Министерстве юстиции СССР¹ была создана и функционировала до конца 1980-х годов лаборатория по изучению эффективности действия законодательства, где проводились юридико-социологические исследования эффективности конкретных правовых норм. Аналогичная исследовательская работа осуществлялась и в других научных учреждениях страны, о чем свидетельствует обширная литература, посвященная как теоретическим аспектам, так и анализу эмпирических исследований эффективности законодательства и правоприменительной деятельности, проводимых в различных отраслях правоправедения.

Надо признать, что в целом в советской юриспруденции довольно долго доминировали представления о том, что социологические исследования правовой проблематики должны быть связаны исключительно с изучением действия законодательства. Такое понимание предметной области социологии права иногда даже называли социологическим правопониманием, «ориентированным на право в действии»². Однако очевидно, что это было вовсе не то социологическое правопонимание, которое сложилось в дореволюционной российской юриспруденции. Там «живое право» рассматривалось в его различии с законом и трактовалось как особое социальное явление, как факт социальной жизни. Здесь же говорилось лишь об изучении действия права, по-прежнему полностью отождествляемого с законодательством (таким образом, термин «правопонимание» использовался явно не по назначению, поскольку подобное «социологическое правопонимание» не выходило за рамки традиционного советского легизма [8]).

Однако, несмотря на все трудности, с которыми сталкивалось развитие социологического подхода к изучению права в 1970–1980-е годы, советскими юристами была проделана важная и конструктивная рабо-

¹ В настоящее время Институт законодательства и сравнительного правоправедения при Правительстве Российской Федерации.

² Так, В.М. Васильев и В.Н. Кудрявцев, анализируя итоги проходившей в 70–80-е годы дискуссии о понятии права и характеризуя одно из направлений тогдашнего правопонимания как социологическое, писали: «Право, рассматриваемое не как застывшая совокупность норм, а как деятельность физических и юридических лиц... применяющих и исполняющих правовые предписания, представляет собой предмет социологического изучения...» На этой основе возникло и «правопонимание, ориентированное на право в действии». Наряду с таким «социологическим правопониманием» они выделяли также «нормативное правопонимание», рассматривающее право как систему норм, установленных или санкционированных государством, и «генетическое правопонимание», сосредоточенное «на раскрытии закономерностей происхождения права и его формирования». Правовая система социализма. Ч. 1. Понятие, структура, социальные связи. М, 1986. С. 26, 18.

та по овладению методологией социологических исследований и освоению возможностей применения этой методологии к расширению и углублению знаний о праве. Эта работа, разумеется, не сводилась лишь к изучению воздействия на поведение людей средствами политико-властного регулирования. Исследования юридино-социологического профиля включали в себя (в той мере, в какой позволяли общие идеологические рамки и уровень развитости социологической и правовой теории) изучение широкого спектра социальных условий, в которых осуществлялось правовое регулирование общественных отношений, постепенно втягивая в сферу своего анализа новые социально-правовые проблемы. К этому времени границы социологического подхода к изучению правовых явлений уже заметно расширились за счет исследования проблем теории и методологии социологических исследований правовых явлений [9], проблематики правосознания, престижа права, правовой активности личности, общественного мнения о праве, социального механизма действия права и социальных функций права, социально-правового эксперимента, социальных аспектов законодательного процесса, социальных отклонений и др.

К середине 1980-х годов и в теории права, и в отраслевом правоведении наметился устойчивый интерес к проблемам, связанным с местом и ролью права в системе социальной регуляции, с нормативной структурой общества, с зарождением и функционированием тех социальных норм, которые стихийно складываются в обществе в обход закона или в восполнение пробелов в действующем законодательстве. Наибольшее внимание этой проблематике уделялось в работах советских криминологов, которые фиксировали то обстоятельство, что в реальной жизни стихийно складываются нормы, нарушающие действующее законодательство либо восполняющие пробелы в законодательном регулировании. Особенно активно эти процессы шли в сфере хозяйственных отношений, где сформировалась целая система конкурирующих с законом фактических норм, получившая название «теневой экономики» [10]. Однако попытки ответить на принципиальный с позиций социологии права вопрос о том, каким именно фактическим социальным регуляторам законодатель должен придать форму закона, а какие из них несут антиправовой характер, показывали, что исследователи, ориентированные на легистское правовопонимание, не имели адекватных критериев для выявления правового начала в общественной жизни. Вместе с тем интерес ученых к данной проблематике, способствовавший выведению социологического подхода к праву за рамки изучения лишь сферы действия уже принятого законодательства, привлек внимание к необходимости изучения объек-

тивных процессов нормобразования и генезиса права. Таким образом, исследование проблем социальной обусловленности законодательства уже не ограничивалось лишь абстрактными истматовскими положениями о связи надстроечной правовой формы с базисным экономическим содержанием, а был сделан важный прорыв к выявлению и анализу фактически складывающихся нормативных регуляторов и формированию на этой основе нового направления социологических (в том числе и юридико-социологических) исследований, которое можно обозначить как *социологию нормообразования*.

К концу 1980-х годов отечественная социология права уже вполне сложилась в *самостоятельную дисциплину общенаучного профиля*, занимающуюся изучением права (законодательства) в контексте его социальных связей. Общенаучный характер социологии права для юриспруденции означает, что теоретические и методологические подходы, разрабатываемые в рамках социологии права, применяются в различных отраслях юридической науки, в том числе и в теории права, активно использующей теоретические конструкции и методологические приемы общей социологии и социологии права. Исследования осуществлялись как на теоретическом уровне, так и на уровне эмпирическом, проводившемся в отраслевом правоведении (в уголовном праве и криминологии, трудовом, гражданском, административном праве и т.д.). При этом достаточно четко обозначились три основных направления юридико-социологических исследований: 1) изучение социальной обусловленности законодательства (которое осуществлялось главным образом в рамках историко-материалистической доктрины и практически было оторвано от частных социологических теорий и эмпирического уровня анализа); 2) исследования эффективности действия законодательства и правоприменительной деятельности и 3) комплекс исследований различного профиля, посвященных изучению социального механизма действия права.

Новый этап в развитии российской социологии права относится к началу 90-х годов XX века. Влияние глобальных социальных трансформаций общественной жизни страны на состояние юридико-социологических исследований, однако, не имело однозначно позитивного характера. Произошедшее в этот период резкое снижение финансирования науки фактически лишило юридическую науку возможности продолжать проведение самостоятельных эмпирических исследований юридико-социологического профиля. Конечно, крупные центры изучения общественного мнения, сумевшие встроиться в рынок социологической информации, способны проводить гораздо более репрезента-

тивные исследования, но отсутствие серьезного теоретико-правового сопровождения, как правило, существенно снижает для юристов возможности использовать результаты этих исследований для приращения научного знания о праве и для совершенствования на этой основе социально-правовой практики. Поэтому социология права остро нуждается в конструктивном взаимодействии с социологами, которое позволило бы профилировать проводимые социологические исследования на решение актуальных социально-правовых проблем. Иначе невозможно реализовать прикладную функцию социологии права, связанную с социологическим обеспечением законодательного процесса и правоприменительной (прежде всего — судебной) деятельности.

Понимание необходимости научного (в том числе и социологического) слежения за качеством и эффективностью правотворчества и правоприменения заметно актуализировало проблематику так называемого «правового мониторинга» (система научной оценки, анализа и прогноза процессов и результатов правотворческой и правоприменительной деятельности)¹. Инициативу по разработке методологии мониторинга и координации работы в этой области в масштабах страны взяла на себя Комиссия по методологии реализации конституционных полномочий Совета Федерации Ф.С. РФ. Но пока концептуальную базу правового мониторинга составляют теории, сложившиеся в рамках советского правоведения и ориентированные на легистский тип правопонимания, который уже не адекватен новым социально-правовым реалиям. Поэтому для теории и социологии права актуальна задача формирования новых, основанных на признании приоритета прав человека, *концепций социальной обусловленности законодательства, социальных факторов правотворчества, эффективности действия законодательства и правоприменительной деятельности, социального механизма действия права, социальных функций права* и т.д.

Отличительным признаком современной социологии права является заметное расширение ее междисциплинарных связей с новыми² научными дисциплинами: юридической конфликтологией, юридической политологией, юридической антропологией, юридической этнографией и т.п., процесс выделения которых в качестве самостоятельных сфер зна-

¹ В 2008 г. в структуре аппарата Совета Федерации РФ создан Центр правового мониторинга, в задачи которого входят организация и координация исследований в данной сфере.

² На самом деле, как справедливо отмечает А.И. Ковлер, речь идет о хорошо забытом старом, в становлении и развитии юридической этнологии работал целый ряд известных российских юристов, в числе которых следует в первую очередь назвать М.М. Ковалевского. Ковлер А.И. Антропология права / Учебник для вузов. М, 2002. С. 81.

ния находится в русле общей тенденции развития науки и связан одновременно и с дифференциацией и с взаимопроникновением научного знания.

Однако такое обогащение социологии права не может заменить углубленного анализа собственной юридико-социологической проблематики. А как раз в этой области положение дел обстоит не лучшим образом. В настоящее время нельзя, к сожалению, сказать, что наблюдается тот всплеск теоретической юридико-социологической мысли, на который, казалось бы, можно было рассчитывать. И хотя в последние годы существенно обогатилась учебная литература по этой теме [11], бросается в глаза отсутствие крупных монографических работ, посвященных социологии права, а неразработанность фундаментальных теоретических проблем социологии права негативно сказывается на теоретическом уровне большинства учебников. В значительной мере такое положение дел, на мой взгляд, связано с той неопределенностью, которая существует на данный момент в теории права по ключевому для юриспруденции вопросу — *выбором типа правовопонимания*.

В этой связи важно подчеркнуть, что для юриспруденции точкой отсчета нового периода в ее развитии является принятие Конституции РФ 1993 г., которая не только обозначила начало постсоветской эпохи в жизни страны, и (что особенно важно для теории, а, следовательно, и для социологии права) закрепила в ряде своих норм принципиально новый для отечественной юриспруденции *естественно-правовой тип правовопонимания*¹. Эти изменения в официальной правовой доктрине явились не столько итогом внутреннего развития советской юриспруденции, сколько результатом политического решения, связанного с общей переориентацией общественной жизни страны на западные либерально-правовые ценности. Поэтому отечественная теория права находится сейчас в ситуации, когда по-прежнему доминирующее в ней (в силу набранной за советский период большой инерции) легистское направление вынуждено как-то приспособливаться к закрепленному в Конституции РФ *пониманию права как системы прав человека*. К этому все ощутимее подталкивает теорию и правовая практика, особенно практика правосудия, на которую оказывают большое влияние решения и правовые позиции Европейского Суда по правам человека, а через них — и европейская правовая доктрина, основанная на *естественно-*

¹ Речь идет, прежде всего, о ст. 2 Конституции РФ, согласно которой «человек, его права и свободы являются высшей ценностью»; «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». Ч. 2 ст. 17; ч. 2 ст. 18 закрепляют положение о том, что эти права и свободы «являются непосредственно действующими».

правовом типе правопонимания.

Для социологического подхода к праву этот вопрос исключительно важен потому, что в зависимости от выбора типа правопонимания (т.е. от того, что мы понимаем под правом) выстраиваются принципиально разные парадигмы социологии права. Не следует думать, будто социологический подход к праву ограничивается рамками *социологического типа правопонимания*. Известно, что первоначально социологические исследования правовых явлений основывались преимущественно на позитивистском социологическом правопонимании, трактующем *право как факт социальной жизни*¹. Однако социологические концепции права могут выстраиваться не только на базе социологического позитивизма, но и на основе иных методологических принципов, свойственных другим типам правопонимания² (подобно тому, как современная социология отнюдь не ограничивается той позитивистской методологией, которая была ей свойственна во времена О. Конта).

В развернувшейся в отечественном правоведении дискуссии о типах правопонимания предлагается несколько позиций, значимых для социологии права.

Во-первых, это **социологическое направление правопонимания**, нацеленное на «право в жизни» или «право в действии» в его различении с «правом в книгах»³. Правда, до сих пор в нашей литературе не появилось сколько-нибудь заметных самостоятельных социологических концепций права, и основные усилия исследователей направлены главным образом на построение интегративных моделей, в которых предпринимаются попытки объединить социологический и легистский подходы к правопониманию. Но на этом пути невозможно выстроить логически последовательную теоретическую конструкцию. И если легизм вообще

¹ Хотя бывали и исключения: Г.Ф. Шершеневич свой курс лекций по социологии в части, касающейся права, построил на базе легистского правопонимания (См.: *Шершеневич Г.Ф. Социология: лекции*. М., 1910).

² Социологическое направление исследований основывается и на легистском правопонимании (Спиридонов Л.И. *Социология уголовного права*. М., 1986; *Социология права* / под ред. Сырых В.М. М., 2001), и на социологическом типе правопонимания (Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. *Социология права* // Учебник для вузов. Ростов-н-Д., 2001; Баранов В.М. *Теневое право*. Н. Новгород. 2002 и др.); Лапаева В.В. *Социология права*. Краткий учебный курс. М., 2000, 2008; она же. *Российская социология права*. Курс лекций. М, 2005.

³ Выражение «право в жизни» принадлежит основоположнику социологии права австрийскому юристу Е. Эрлиху, а на противопоставлении понятий «право в книгах» и «право в действии» выстроена известная работа главы американской школы социологической юриспруденции Р. Паунда, которая так и называется — «Право в книгах и право в действии».

отрицает правовой характер несанкционированных законом социальных норм, то социологический тип правопонимания, напротив, склонен считать правом любую сложившуюся на практике фактическую социальную норму.

Во-вторых, Конституция РФ закрепила **естественно-правовой (юснатуралистский) подход к пониманию права**, в рамках которого можно выделить *три основных концепции — социологическую, конвенциональную и философскую*.

1. Социологическая концепция юснатурализма связывает свое понимание права с исторически складывающимися в обществе «массовыми представлениями о справедливом и должном» [12]. На мой взгляд, такой подход не учитывает то обстоятельство, что неоднородность нравственной составляющей массового сознания свойственна даже обществам, в которых большинство населения составляет средний класс (поскольку в рамках этого социального слоя на самом деле существует весьма заметная дифференциация и по социальному статусу, и по нравственным ориентациям). Тем более это относится к современной России, где речь идет не просто о резкой социальной дифференциации, а о социальной поляризации, затронувшей глубинные пласты ценностно-нормативной системы общественных отношений, и, прежде всего, ее этической составляющей.

2. Конвенциональная концепция юснатурализма рассматривает право как систему, основанную на общепризнанных международным сообществом принципах и нормах, за которыми по договоренности признается правовой характер. Данное понимание естественного права, положенное в основу ценностно-нормативной системы интегрирующей Европы, в последнее время подвергается серьезной теоретической критике со стороны противников европейской интеграции, полагающей, что подобное конвенциональное естественное право — это результат договоренностей, которые в значительной мере формируются на уровне бюрократических структур, а не путем демократической процедуры, характерной для процессов формирования национального права в странах правовой демократии¹. И действительно, в политическом пространстве отдельного государства именно демократическая процедура законот-

¹ По словам Президента Чехии В. Клауса, принципы и нормы международного права — это «нечто, приходящее извне. Если же это «нечто» не является продуктом демократической плюралистической политики, следовательно, оно — продукт «чистого разума», а точнее — некой правды, хранителями которой являются немногие избранные (но не избираемые). Значит, это «нечто» является, по сути дела, угрозой демократии». *Клаус В. Почему я не «европеист» // Европа без России. Договор, учреждающий Конституцию Европы, от 20 октября 2004 г. М., 2005. С. 12–14.*

ворчества, осуществляемая путем согласования воли и взаимного учета интересов плюралистических участников национального законодательного процесса, обеспечивает правовую природу законодательства и является гарантией свободы, основанной на принципе формального равенства. Однако в сфере международных отношений представления о естественных правах человека складываются в рамках международных договоров, международно-правовых обычаев и решений международных межправительственных организаций. Существенную роль здесь играют создаваемые международным сообществом (бюрократические по своей сути) структуры, чьи представители и выступают в роли тех «немногих избранных, (но не избираемых)» экспертов, которые, в конечном итоге, определяют, что следует считать естественными, неотчуждаемыми правами человека в современном мире.

3. С учетом сказанного, особого внимания заслуживает философское направление естественно-правового подхода, рассматривающее естественное право не как некие массовые представления о справедливом и должном или реально действующее конвенциональное право, а как абстрактный (теоретический) идеал, выражающий сущность права, с которым следует соизмерять и общепризнанные международным сообществом нормы естественного права, и национальное законодательство отдельных государств. Эта версия получила последовательное теоретическое развитие в рамках **либертарного правовопонимания**, разработанного академиком В.С. Нерсесянцем [13], с целью рационализации естественно-правовой доктрины, расчистку ее от исторических морально-религиозных наслоений и выделение принципа формального равенства в качестве сущностного признака права, отличающего право от иных (и, прежде всего — морально-нравственных) регуляторов. Только в рамках такого подхода, признающего наличие у права конституирующего признака, выражающего его сущность, можно говорить *о праве как об объективном социальном явлении*. Объективным — в том смысле, что оно не зависит от воли главы государства, законодателя, судьи и т.п., а социальным — в том смысле, что оно является продуктом развития общественных отношений, а не задано изначально (как бы свыше) в качестве прирожденного естественного права. Таким образом, *либертарная концепция правовопонимания дает социологии права теоретическую базу, необходимую для разработки социологического понятия права и формирования на этой основе новой концепции предмета социологии права как юридической дисциплины*.

Список литературы

1. Лапаева В.В. Социология права как юридическая дисциплина // Социол. исслед. 1999. № 9.
2. Кульчар К. Основы социологии права. М., 1981; Лукашева Е.А. Общая теория права и многоаспектный анализ правовых явлений // Советское государство и право. 1975. № 4; Сабо И. Основы теории прав М., 1974.
3. Герцензон А.А. Введение в советскую криминологию. М., 1965.
4. Злобин Г.А., Тищенко ВВ., Шлыков С.А. Социологические исследования в праве // Труды ВНИ-ИСЗ. 1975. № 4; Хулиганство и поножовщина. М., 1927.
5. Социология в России. М., 1996. Показателен перечень основных работ М.Н. Гернета, относящихся к области юридико-социологических исследований: «Социальные факторы преступности». М., 1905; «Общественные причины преступности». М., 1906; «Смертная казнь». М., 1913; «Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества». М., 1914; «Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование». М., 1914; Моральная статистика (уголовная статистика и статистика самоубийств). М., 1922; «В тюрьме. Очерки тюремной психологии» М., 1925; «Самоубийства в СССР в 1922–1925 гг.» М., 1927; «Преступность и самоубийства во время войны и после нее». М., 1927; «Преступность за границей и в СССР» М., 1931 и др.
6. Казимирчук В.П. Право и методы его изучения. М., 1965, С. 128.
7. Акопова Е.М. Изучение причин текучести рабочей силы конкретно-социологическим методом // Советское государство и право. 1965, № 7; Социология в России. М., 1996; Гилинский Я.И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социол. исслед, 1991, № 4.
8. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М., 1973, С. 94–105. Фасадный характер этой проблематики создавал впечатление, будто повсюду господствуют и действуют правовые нормы, которые реализуются с помощью правовых механизмов, и что для дальнейшего повышения эффективности действия права надо лишь отладить и усовершенствовать эти механизмы.
9. Право и социология. М., 1973; Боботов С.А. Буржуазная социология права. М., 1978; Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М, 1978; Личность и уважение к закону. Социологический аспект. М, 1979; Сырых В.М. Метод правовой науки: основные элементы, структура. М., 1980;

Козлов В.А., Суслов Ю.А. Конкретно-социологические исследования в области права. Л., 1981; Суслов Ю.А. Конкретные исследования и развитие социологии права. М., 1983; Ошеров М.С., Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. Л., 1986; Леванский В.А. Моделирование в социально-правовых исследованиях. М., 1986; Лапаева В.В. Конкретно-социологические исследования в праве. М., 1987; Яковлев А.М. Социология экономической преступности. М., 1988 и др.

10. Венгеров А.Б., Барабашева Н.С. Нормативная система и эффективность общественного производства. М., 1985; Нерсесянц В.С. Право в системе социальной регуляции. М., 1986. См., напр.: Яковлев А.М. Социология экономической преступности. М., 1988. Привлечению внимания юристов к этим вопросам в значительной мере способствовали соответствующие работы экономистов-социологов и, прежде всего, академика Т.И. Заславской.

11. Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П. Современная социология права. Учебник для юридических факультетов и институтов. М., 1995; Гревцов Ю.И. Очерки теории и социологии права. Курс лекций. СПб, 1996; Юридическая социология. Учебник для вузов. Отв. ред. Глазырин В.Л. М., 2000; Социология права. Учебное пособие. Под ред. В.М. Серых. М., 2001; Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. Социология права. Учебник для вузов. Ростов-н/Д., 2001; Лапаева В.В. Российская социология права. Курс лекций. М., 2005; Степанов О.В., Самыгин П.С. Социология права. Учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2006; Лапаева В.В. Социология права. Краткий учебный курс. М., 2000, 2008 и др.

12. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI в. Взгляд с Ильинки. М., 2007.

13. Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002, № 3; Он же. Философия права. Учебник для вузов. М., 2008, с. 20–30.

В.В. Маркин

Региональная социология: диалог науки и практики

Э. Гидденс еще в конце 1980-х годов указывал, что «надо будет обратить более пристальное внимание на процесс внутренней регионализации даже самых непротиворечивых из современных государств, а также взаимосвязи этого процесса с теми формами социальной организации и социальных связей, которые выходят, за национально-государственные рамки»¹. Это положение актуально и для современного российского общества, которое является одним из самых противоречивых в своей социальной организацией и взаимосвязях регионального порядка. Региональная дифференциация России имеет глубокие объективные основания. Расположенная в 9 часовых поясах (когда астрономическое время прямо социализируется более чем на треть суток), практически во всех известных природно-климатических зонах (от вечной мерзлоты до субтропиков), с огромным различием наборов природно-сырьевых ресурсов и их освоенности (от уникальных и богатейших до бедных или исчерпанных), населенная множеством этносов (от крупнейшего — в более 115 млн. русских до сверхмалых в сотни человек), достаточно типичных и уникальных конфигураций поселенческо-расселенческих структур, различающихся не только по уровню социальной освоенности (здесь могут быть разные методики), но и по показателям людности и плотности на 1 км² — на порядки, — Россия объединяет множество региональных сообществ в особых условиях жизнедеятельности каждого из них.

Региональная дифференциация страны значительно усилилась в процессе социетальной трансформации. Распад СССР, «суверенизация» отдельных субъектов Российской Федерации, разрушение межрегиональных социально-экономических связей, усиление националистических тенденций явились существенными факторами углубления диспропорций в положении регионов, дезинтеграции их в общероссийском пространстве. Лишь в последнее время удалось несколько стабилизировать социально-экономическую и политическую ситуацию в стране и приостановить процесс дезинтеграции регионов.

В известной мере это произошло за счет политико-административного фактора «восстановления властной вертикали», укрепления государ-

¹ Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. Зима 1993/ Том. 1. Вып. 1. С. 67.

ственных структур в регионах и обращения к наиболее острым их проблемам. Однако нечеткость целевых установок государственной региональной политики и фактическое отсутствие стратегических приоритетов регионального развития снижает эффективность общегосударственных и межрегиональных проектов и программ, не обеспечивает скорейшее преодоление социально-экономической отсталости, повышение инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности большинства регионов. Определению общегосударственной региональной политики и ее практической реализации должна способствовать основательная разработка в научно-теоретическом и прикладном аспектах социологических вопросов. В настоящее время в качестве специальной отрасли социологического знания формируется региональная социология (социология регионов). Определенное значение в институционализации этого направления имело обсуждение вопросов, связанных с ней, на VIII Харчевских чтениях «Региональная социология: становление и направления исследований» (октябрь 2006 г.). Этому симпозиуму предшествовала дискуссия в журнале¹, в ходе которой были поставлены вопросы статуса объекта и предмета и т.д.

В конце 2006 г. в структуре Института социологии РАН был образован Центр региональной социологии, с возложением на него как исследовательских, так и координационных функций в данном направлении. Центр подготовил и выполняет крупномасштабные исследования социальных моделей российских регионов, в рамках которых в 2007 г. был проведен экспертный опрос по определению содержания и основных факторов социального развития регионов. В опросе приняли участие 258 экспертов из 86 субъектов РФ². Экспертами были руководители законодательных органов субъектов и представители органов исполнительной власти (заместители главы субъекта, соответственно по экономическим и социальным вопросам). Результаты опроса сопоставлялись со статистическими данными, материалами массовых опросов по ряду регионов и анализировались в разрезе как отдельных субъектов Федерации так и — федеральных округов. Для анализа материалов была представлена специальная методика обработки качественных и количественных данных «Регион — эксперт» с использованием математических и статистических пакетов. Результаты исследования

¹ Социол. исслед. 2006, № 5, 7, 8, 9. Итогом дискуссии была посвящена обзорно-аналитическая статья Н.В. Романовского «Региональная социология или социология в регионах» // Социол. исслед. 2007. № 2.

² Коллектив исследователей: В.В. Маркин (науч. рук.), А.А. Нелюбин, А.Ю. Хоц, М.Н. Муханова.

докладывались на заседании Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ, ряде международных и всероссийских научных конференциях¹.

Таким образом налаживается содержательный диалог социологов и представителей органов региональной власти, в котором, на мой взгляд, должны принять участие и представители бизнеса и институтов гражданского общества.

Вместе с тем, со стороны академической социологии особого внимания заслуживают общие принципиальные вопросы, относящиеся к содержанию и предмету региональной социологии, социологической интерпретации региональной проблематики, специфики социологического подхода к регионам. Базовой категорией здесь выступает само понятие региона, по которому существует множество определений. Не вдаваясь в рассмотрение этого множества, следует все-таки обозначить принципиальные моменты общего и собственно социологического подхода к понятию регион.

В традициях европейского понимания (от латинского *regere* — управлять) этот термин имеет собирательный образ, обозначающий определенную, достаточно крупную (в этом отличие от местности) управляемую, но не имеющую полного суверенитета территорию. Согласно европейской Хартии регионализма (1988г.), регион представляет собой гомогенное пространство, имеющее физико-географическую, культурную и языковую близость, а также общность хозяйственных структур и исторической судьбы². В России под регионом чаще всего понимается территория субъекта Федерации. С чисто праксиологических позиций сегодняшнего дня это вполне допустимо, хотя не снимает вопрос о содержательном и развернутом обосновании данной территориальной составляющей общероссийского пространства, как в аспектах генезиса (основных факторов образования) и актуального состояния (функционирования), так и внутренней структуры, взаимодействия с другими подобными образованиями и центром.

В этом дискурсе регион представляет собой достаточно обособленную по определенным критериям часть общего социаль-

¹ Материалы данного проекта и ряда других исследований по проблематике региональной социологии обобщены в «Региональная социология в России: Сборник материалов социологических исследований» (Отв. ред. В.В. Маркин. М., 2007. 480 с.). В сборнике наряду с работами ученых ИС РАН представлены публикации других ведущих научных и аналитических центров разных регионов страны.

² Бусыгина И.М. Концептуальные основы европейского регионализма / Регионы и регионализм в странах Запада и России. М., 2001. С. 11.

ного пространства, служащую своеобразным трансформатором социально-территориального регулирования в цепи от глобального и общенационального (государственного) к местному (поселенческому) с обратной связью в обоих направлениях. Поэтому социологическое исследование регионов должно учитывать как то особенное, что имеет тот или иной регион в специфике своей социальной конфигурации (конкретные условия, факторы и механизмы социальной организации жизнедеятельности данного территориального сообщества) то есть социальную дифференциацию по территориальному признаку, так и включенность данного сообщества в общесоциетальные связи (общегосударственную организацию) то есть социально-пространственную интеграцию. Поэтому предмет региональной социологии (социологии регионов) находится на пересечении этих направлений, их конгруэнтности, социальной организации жизнедеятельности региональных сообществ, возможностях и средствах регулирования связей локальных сообществ в общероссийской социуме.

Можно выделить две стороны социальной организации региональных сообществ, требующих социологического изучения: объектную — условия и факторы жизнедеятельности людей на данной территории и субъектную, — акторов и их взаимодействие в локализованном социальном пространстве, а также выходах во внешнюю среду (по отношению к региону). В качестве основных факторов социальной организации региональных сообществ выступают: геополитический (для России он имеет особое значение в силу огромной территории и всемогущества властного комплекса); демографический (региональное сообщество должно иметь достаточный народонаселенческий потенциал); экологический (обуславливающий природную среду жизнедеятельности сообщества); экономический (организация хозяйственной жизни сообщества); уровень и качество жизни населения (имеющий высокую степень вариабельности); социальной дифференциации (зависящую от предыдущих факторов); социокультурный (отражающий особенности духовной жизни и менталитета сообщества); этнический (состав и отношение различных этнических групп на данной территории).

Каждый из указанных факторов имеет достаточно разработанный аппарат исследования, в том числе и в социологическом плане, однако ощущим недостаток комплексного междисциплинарного анализа этих факторов, даже на примере отдельных регионов. Чрезвычайно мало исследований компаративного, сравнительно-регионального характера. Буквально единицы исследовательских проектов межрегионального

(макрорегионального) плана. Другой нишей региональной социологии является слабая изученность субъектной стороны. Исследования, посвященные так называемым региональным элитам, начинают наполнять ее, но одних их пока явно не достаточно. Актуальным представляется изучение взаимодействия власти, бизнеса и институтов гражданского общества, в связи с определенной конфигурацией вышеуказанных факторов на региональных полях.

В этом соединении особо выделяется тема региональной идентификации и на данной основе — социального моделирования регионов. Региональная идентификация и ее продукт — социально-пространственная идентичность в социологическом плане прямо связаны с социальным моделированием. Во-первых, региональная идентификация и социальное моделирование регионов имеют единый генезис и целевую направленность — установленные тождества (сходства) (от лат. — *identificare* — отождествлять) какого-то качественно определенного образца (лат. — *modulus* — мера, образец) некому социально-пространственному прототипу (объекту, процессу, явлению) регионального плана.

Во-вторых, региональная идентификация и социальное моделирование регионов предполагают опознание принадлежности к данному локализованному социальному пространству через социальное представление типичного или конкретного региона, мысленный или условный образ, аналогичный ему.

В-третьих, региональная идентификация и социальное моделирование регионов имеют общую структуру социальных субъектов (акторов, агентов), которые, по П. Бурдьё, имеют определенные позиции и диспозиции, в соответствии с которыми они организуют и преобразуют региональное пространство. Этот габитус является одновременно и идентичностью, и социальной моделью регионального сообщества (субсоциума).

Вместе с тем, если в идентификации, особенно в социально-психологическом плане, акцентируются моменты эмоционально-когнитивного, неосознаваемого отождествления субъекта себя с другими субъектами, группами, образцами и т.д., то в моделировании, по определению, происходит осознаваемое отождествление, выражающееся в целенаправленном создании определенного аналога прототипа (объекта, процесса или явления), воспроизводящего в символической форме его характерные черты. Региональная идентификация носит в известной мере спонтанный, самоорганизующий характер. Социальное моделирование формализует идентичность, придавая ей качественную определенность и, как

правило, структурированность. Посредством моделирования может выявляться и устанавливаться амбивалентность и подвижность региональной идентификации. Идентичность выступает как объект и результат моделирования в структурно-функциональном (структурно-факторном) и динамическом видах и через него может верифицироваться в качестве адекватных моделей.

Социальное моделирование регионов представляет по сути проектно-исследовательскую деятельность, требующую соответствующих теоретико-методологических оснований и методико-инструментального, процедурно-технологического аппарата. В данном случае его можно определить как метод (совокупность методов) разработки и обоснования моделей в виде образов — аналогов, идентифицирующих реальные объекты — прототипы локализованного социального пространства (явления и процессы) в ретроспективном, актуальном (современном) и перспективном (прогностическом, в том числе поисковом и нормативном) аспектах.

Общие методологические позиции социального моделирования российских регионов представляют сочетание комплексного (междисциплинарного на социологической основе) подхода, связанного с системным (позволяющим рассматривать регионы как особые подсистемы единого российского общества), структурно-функциональным (дающим возможность определить взаимосвязи внутренних и внешних факторов социального развития регионов), институциональным (представляющим специфику социально-институциональной матрицы региональных сообществ), социокультурным (выявляющим ментальность региональных сообществ), ресурсным (в изучении человеческого потенциала и социального капитала в связи с другими ресурсами социального развития регионов), компаративным (в межрегиональном и межстрановом сравнениях) и конкретно-историческим подходами.

Данные теоретико-методологические позиции исследования региональной идентификации и построение социальных моделей регионов предполагают и соответствующий социологический инструментарий для их реализации. В качестве основных источников получения первичной информации, наряду с социологической интерпретацией статистики, используются материалы экспертных оценок, фокус-групп, массовых опросов и др. Сопоставление материалов, полученных из различных источников, в социологической интерпретации дает возможность выявлять региональную идентичность в факторных динамических социальных моделях. В социальном моделировании ре-

гиональная идентификация имеет два основных аспекта: социальной дифференциации регионального плана и социальной интеграции (или дезинтеграции) регионов в едином общероссийском пространстве сетевых отношений. Принципиально такой подход строится на основе структурного факторного динамического моделирования регионов.

Так, в вышеприведенном исследовании экспертами были выделены основные факторы развития их регионов, сгруппированные по трем степеням влияния: значительно влияющие факторы, умеренно влияющие и слабо влияющие. Среди значительно влияющих факторов на первом месте в большинстве регионов эксперты отметили развитие предприятий. Второе место — отношение федерального центра к региону, третье — наличие (или недостаток) энергетических ресурсов. При этом оказалось, что фактор интеграции региона (его специализация и кооперация с другими) и инновационный фактор не занимают ведущего положения среди значительно влияющих факторов развития.

В отдельных регионах Южного федерального округа на первое место, наряду с развитием предприятий, эксперты также поставили уровень занятости населения, что вполне объяснимо по причине избыточности трудовых ресурсов. Во многих регионах Приволжского федерального округа после фактора развития предприятий они указывают фактор уровня и качества жизни, что свидетельствует о резкой социальной дифференциации населения и повышении степени социальных ожиданий.

В большинстве регионов Сибирского и Дальневосточного федерального округов подчеркивается роль социально-политической обстановки и отношения федерального центра к региону. Это — особая тема взаимоотношений сибирских и дальневосточных субъектов Российской Федерации и Центра. Она заслуживает отдельного исследования.

Большой разброс экспертной оценки значимости факторов регионального развития произошел по инновационному фактору. Так, если в регионах Уральского федерального округа, экспертная оценка значимости его составляет 8,17 балла (по 10 бальной системе), то оценка у экспертов регионов Дальневосточного федерального округа почти в два раза меньше (4,5 балла).

Среди проблемных факторов, осложняющих развитие субъектов РФ, по большинству регионов, наряду с демографическим фактором, экспертами особо отмечены недостатки в межбюджетных отношениях с Центром. Они болезненно воспринимаются в регионах Центрального, Северо-Западного и Уральского федеральных округов, то есть там, где

меньшее число дотационных регионов. Очевидно, политика межбюджетных отношений с ними требует особых форм регулирования.

Многие эксперты проявили заинтересованность в исследовании факторов регионального развития и указали на достаточно основательные возможности более эффективного использования потенциала своих регионов, подтвердив свои оценки разработанными концепциями, программами, которые показывают возможность их реализации при соответствующей поддержке.

В оценке степени влияния органов власти и других структур на ситуацию в их регионах обращает на себя внимание невысокий уровень влияния политических партий, которые в современных условиях работают больше на избирательных кампаниях, не имея четко выверенной и обоснованной региональной политики, реальной возможности влиять на принимаемые государственные решения и отвечать за них. При таком положении политических партий роль сетевых структур в регионах, осуществляющих сообщение разных уровней власти и общества, центральных и региональных политических кланов, в какой-то мере выполняют крупные государственные и частные компании, имеющие свои корпоративные интересы в регионах и располагающие разветвленными медиаструктурами, аналитическими и политтехнологическими центрами.

В этих условиях возрастает роль централизованного контроля и транспарентности деятельности региональных органов исполнительной власти. Согласно Указу Президента РФ № 825, от 28 июня 2007 года, утверждены 43 показателя для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов в форме ежегодных докладов, которые могут стать основой для мониторинга социально-экономического положения регионов и выполнения соответствующих государственных решений. Большинство показателей являются статистическими, и они, соответственно, будут собираться Росстатом. Но 4 показателя — удовлетворенность населения медицинской помощью, качество образования, отношение к уровню криминогенности и в целом удовлетворенность деятельностью органов — должны получаться по результатам массовых опросов населения (в процентах от числа опрошенных), что ставит перед социологической наукой и практикой вопросы обеспечения достоверной информацией, исключения административной зависимости или ангажированности социологических служб при изучении мнения населения, единой методологии и методики проведения опросов, анализа их результатов, высокопрофессионального организационно-консультативного сопровождения всех этих процедур. При этом долж-

ны анализироваться и учитываться оценки и предложения институтов гражданского общества. Выполнение этих требований будет способствовать повышению научной обоснованности оценки эффективности регионального управления, укреплению связей государственной власти и региональных сообществ.

Региональная идентификация и социальное моделирование выступают основными взаимосвязанными направлениями региональной социологии: социологии регионов и социологии в регионах. Они могут быть развиты и обоснованы при условии постоянной рефлексии их социально-экономического развития, социального самочувствия различных групп региональных социумов, их удовлетворенности различными сторонами жизни и деятельности органов власти. Такая социолого-управленческая рефлексия требует постоянного диалога с регионами по поводу идентификации целей, условий и оценки основных факторов их развития и интеграции. Этот диалог с регионами должен перейти в форму полноценного социологического мониторинга и способствовать оптимизации региональной политики.

В.В. Серебрянников

Эволюция военной социологии

Возрождение военной социологии в нашей стране после длительного ее запрета (с середины 1930-х до конца 1950-х годов) непосредственно связано с институализацией советской социологической науки в целом, которая началась на рубеже 1950-х — 1960-х гг. В середине 1960-х годов в Москве, Ленинграде, Киеве, Свердловске, Новосибирске и других городах в основном при военных академиях и училищах, крупных политорганах и окружных военных газетах стали возникать кружки и группы военно-социологических исследований. Энтузиастами их создания выступали, как правило, преподаватели общественных наук военно-учебных заведений, не являвшиеся профессиональными социологами. Они начинали свою деятельность, не располагая учебниками, пособиями, опытом проведения исследований, можно сказать, самоучками, но понявшими значимость этой науки, горевшими желанием овладеть ею как можно основательнее.

Большую роль в возрождении и развитии военной социологии сыграла созданная в октябре 1965 г. в Военно-политической академии им. Ленина в рамках военно-научного общества группа конкретных военно-социологических исследований, которым бесценно руководил почти 15 лет доктор философских наук, профессор, капитан 1-го ранга В.М. Пузик. Здесь начали свой путь известные военные социологи офицеры Ю.М. Бирюков, Л.Г. Егоров (первый начальник кафедры военной социологии Военно-политической академии им. В.И. Ленина и Гуманитарной академии Вооруженных Сил в 1990–1992 гг.), Ю.И. Дерюгин (начальник Группы военно-психологических проблем Главного политического управления СА и ВМФ в 1985–1989 гг.) и другие. Через эту группу прошли сотни слушателей, преподавателей и адъюнктов Военно-политической академии, многие из которых стали энтузиастами распространения социологических знаний и проведения исследований в армии и на флоте. Его членами в 1971 г. подготовлена первая монография по теории, методологии и методике военно-социологических исследований «Предмет и методы конкретных военно-социологических исследований», ставшая добротным подспорьем для всех военных социологов.

В группе конкретных социологических исследований при Киевском высшем инженерном радиотехническом училище ПВО (КВИРТУ), одним из инициаторов создания которой в 1966 г. был кандидат исторических наук подполковник М.Б. Морозов, изучали теорию, технику и методы про-

ведения эмпирических исследований, социологический инструментарий, примененный Ф. Энгельсом при разработке труда «Положение рабочего класса в Англии», других марксистских работ. Этот коллектив установил тесные связи с Институтом философии Академии наук УССР в Киеве. Большую помощь оказывали П.В. Копнин, Л.В. Сохань и др. Их первые исследовательские программы обсуждались именно в этом институте. А первым фундаментальным пособием для них стал вышедший в 1966 г. двухтомник «Социология в СССР», в котором обобщался опыт ряда эмпирических исследований, проведенных в различных сферах советского государства.

В 1968 г. в киевском училище состоялась научная конференция на тему: «Актуальные проблемы формирования научного мировоззрения военного инженера», инициаторами подготовки и проведения которой стали члены социологического коллектива. К этому времени в составе офицерского корпуса Вооруженных Сил резко возрос удельный вес инженерно-технических специалистов (до 50% от всех офицеров). Важно было выяснить, как это сказывается на морально-политическом состоянии войск, воспитательной работе, общественной и культурной жизни подразделений, частей и соединений. Набиравшая силу военно-техническая революция дала заметный импульс технократическим тенденциям в развитии мировоззрения и мышления людей — в том числе военнотехнических специалистов — на Западе, что определенным образом сказывалось на облике и подходе к делам и у части наших офицеров. Проведенные в КВИРТУ и в войсках исследования показали, что это свойственно и определенной части выпускников данного военного вуза, причем чаще всего наиболее одаренным и творческим. Этот «технократический флюс» подвергся тщательному анализу, были разработаны практические рекомендации по обеспечению более всестороннего формирования мировоззрения у будущих военных инженеров, нацеленности на активное участие в воспитании подчиненных, общественной и культурной жизни войск. Материалы конференции изданы, нашли отражение в окружной газете «Ленинское знамя», сборниках статей политуправления Киевского военного округа.

К концу 1960-х — началу 1970-х годов военно-социологические исследования обрели довольно высокие качества, их результаты и практические рекомендации стали широко использоваться командованием и политорганами разного уровня для совершенствования обучения и воспитания военнотехнических различных категорий, обогащения преподавания общественных наук в военных вузах. Методы конкретных социологических исследований уже широко применяются офицерами политических управлений округов, флотов и групп войск. В 1966 г. проведено первое крупномасштабное социологическое исследование в Вооруженных Силах

СССР, организованное Главным политическим управлением СА и ВМФ (руководитель — кандидат исторических наук генерал-майор С.К. Ильин) на базе Одесского и Белорусского военных округов, по теме: «Пути совершенствования деятельности офицеров в воспитании подчиненных, укреплении воинской дисциплины» (опрошено более 1000 военнослужащих). Результаты исследования получили высокую оценку министра обороны СССР Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского, в резолюции которого на аналитической записке написано: «Материал представляет особый интерес, надо наладить систематическую информацию для руководства». Это явилось важным импульсом активизации военно-социологических исследований в армии и на флоте. В 1967 г. работники Главполитуправления СА и ВМФ совместно с учеными Военно-политической академии провели еще два крупномасштабных исследования по проблемам повышения эффективности партийно-политической работы на базе Северо-Кавказского военного округа и Северного флота.

Исключительно важную роль в развитии военной социологии сыграло создание в ноябре 1967 г. Отдела военно-социологических исследований Главного политического управления СА и ВМФ, который десять лет возглавлял доктор философских наук генерал-майор В.К. Коноплев. За эти годы социологи провели исследования по проблемам морально-политической и психологической подготовки войск в ходе крупномасштабных войсковых учений и дальних походов военно-морских сил, взаимоотношений в воинских коллективах, преодолению «дедовщины», укреплению межнациональной дружбы военнослужащих и т.п. Они позволяли заглянуть в «глубинку» морально-политического и психологического состояния войск, вскрыть то, что не всегда хотели видеть некоторые высокопоставленные начальники.

Деятельность и влияние военно-социологических исследований ограничивалась жесткой закрытостью. Результаты изучения общественного мнения различных категорий военнослужащих докладывались только начальнику Главного политического управления и его заместителям. Это превращало отдел в чисто информационный орган для узкого круга руководителей, которые из всего содержания исследований брали несколько цифр (фактов) для своих выступлений.

В 1980-е годы динамично развиваются военно-социологические исследования в Военно-политической академии. В них включаются молодые офицеры, буквально влюбленные в социологию: Н.А. Снесарев, В.Н. Ведерников, И.В. Образцов, С.С. Соловьев, В.П. Сергеев и др. Здесь прошли научные конференции по военной социологии (в 1984, 1985, 1988, 1989 и 1990 годах).

Активизировалась работа военного отделения Советской социологической ассоциации. Ученые стали принимать участие в международных социологических конгрессах, избираться в научно-исследовательские комитеты военно-социологического профиля международной организации социологов (С.А. Тюшкевич, И.С. Даниленко, В.К. Коноплев и др.).

Происходило постепенное становление подготовки кадров военной социологии. Впервые в стране на базе Военно-политической академии им. В.И. Ленина началась подготовка дипломированных социологов-исследователей (первый выпуск состоялся в 1985 г.). В органах военного управления и в военно-учебных заведениях создаются подразделения профессионально-психологического отбора. На кафедре социальной и военной психологии ВПА им. В.И. Ленина была создана предметно-методическая комиссия по социологии.

Мощный импульс процессу институализации социологии придали выход в свет 7 мая 1988 г. постановления Политбюро ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества» и Приказ Министра обороны СССР осенью 1988 г. «О социально-психологической службе в Советской Армии и Военно-Морском Флоте». Социология вновь получила права самостоятельной дисциплины. В войсках и силах флота развернута социально-психологическая служба, военная социология в военно-учебных заведениях получила статус учебной дисциплины.

С начала 1990-х годов начался новый, более интенсивный период развития военной социологии, который, с одной стороны, характеризовался устранением определенного параллелизма в работе научно-исследовательских подразделений, повышением их статуса, организационным укреплением, а с другой, — созданием научно-педагогических и учебных подразделений социологического профиля. Деятельность научно-исследовательских подразделений в период конца XX — начала XXI вв. характеризуется высокой продуктивностью, обусловленной влиянием ряда факторов: рост количества и качества исследований в условиях кардинальных изменений в социально-экономической и политической жизни страны и Вооруженных Силах; наличие интереса к военно-социологическим исследованиям и заказы на их проведение не только со стороны руководства Минобороны, но и высших органов государственного управления; значительное расширение проблематики и глубины исследований, связанное с деятельностью социологических подразделений не только в интересах руководящих органов и структур воспитательной работы, но и главных командований видов и родов войск, главных и центральных управлений Минобороны и Генерального

штаба ВС РФ; разработка теоретико-методологических основ военной социологии, появление значительного количества учебной и учебно-методической литературы; оптимизация организационно-штатной структуры научно-исследовательских подразделений и качественный отбор научных сотрудников с базовым социологическим образованием; расширение возможностей подготовки и выпуска собственных периодических изданий и рост числа публикаций результатов исследований в центральных и региональных СМИ; тесное взаимодействие специалистов в области военной социологии с учеными академических институтов и центров социологического профиля; овладение передовыми социологическими и психологическими методиками и новыми информационными технологиями; повышение актуальности и расширение проблематики военно-социологических исследований — морально-психологическое состояние личного состава армии и флота и пути повышения его эффективности в повседневности войск, структура ценностных ориентаций кадровых военнослужащих, комплектование армии и флота военнослужащими на контрактной основе, повышение престижа военной службы, психологическая устойчивость в боевых условиях и др.

С 1 сентября 2002 г. ведущим исследовательским органом в области военной социологии является Социологический центр Вооруженных сил Российской Федерации (начальник капитан 1-го ранга, кандидат философских наук Л.В. Певень). Главные направления проводимых центром исследований определяются такими проблемами: структура ценностных ориентаций кадровых военнослужащих Вооруженных Сил; формы и методы морально-психологического обеспечения действий войск и сил флота, повышение их эффективности; комплектование Вооруженных Сил военнослужащими на контрактной основе; причины и условия текучести кадров офицерского состава в низовых звеньях и повышение престижа офицерской службы; мониторинг социально-экономического положения кадровых военнослужащих и членов их семей и др.

Роль научно-методического центра продолжает выполнять кафедра социологии Военного университета Министерства обороны. Здесь функционирует специализированный диссертационный совет по социологическим наукам. В этом совете и в специализированных советах при гражданских вузах страны по проблемам военной социологии защищено более 20 докторских и 100 кандидатских диссертаций. В последние годы издан значительный объем литературы по военно-социологической проблематике. Отмечается рост публикаций в периодических изданиях, в том числе и социологического профиля.

Разработка проблем военной социологии перестала быть прерогативой только социологов силовых ведомств. Это направление развивается, например, в ИСПИ РАН, где в Центре социологии национальной безопасности проводится работа по теоретическому осмыслению практики военно-социологических исследований, истории и теории военной социологии, которая начинает развиваться и в некоторых высших учебных заведениях. Так, на социологическом факультете МГУ создана кафедра социологии национальной безопасности. В Российском обществе социологов создано и функционирует отделение военной социологии.

Характерно, что в последние 10–15 лет разработкой проблемы военной социологии занимаются не только социологи силовых структур, но и ученые г институтов РАН (ИСПИ, ИВИ, ИС и др.), высших учебных заведений (МГУ, СПбГУ, КГУ и др.). Большую роль в налаживании сотрудничества военных и гражданских социологов, занимающихся военно-социологическими исследованиями, играет Военная секция Российской социологической ассоциации, Исследовательский комитет «Военная социология». Организуют работу этих структур три сопредседателя: доктор философских наук, профессор В.Н.Ксенофонтов, кандидат философских наук Л.В. Певень и доктор философских наук, профессор В.В. Серебрянников. Ученым секретарем является доктор социологических наук, профессор В.Ф. Бондаренко.

На Всероссийских социологических конгрессах (2003 и 2006 гг.) социологи, занимающиеся военно-социологическими исследованиями, представили около ста докладов и выступлений. Появились новые направления, в частности, положено начало развитию исторических военно-социологических исследований, связанных с Великой Отечественной войной 1941–1945 годов, со Второй мировой войной и другими войнами XX века. По результатам этих исследований прошли научные конференции, семинары и круглые столы. Ученые секции военной социологии приняли участие в подготовке научного труда «Социология Великой Победы», подготовленного совместно с учеными МГУ и Института военной истории МО. Чаще стали исследоваться и выноситься на широкое обсуждение такие проблемы, как: «Военная идеология России: прошлое, настоящее и будущее», «Место и роль Вооруженных Сил в российском обществе», «Духовные ценности общества и армии: проблемы военно-патриотического воспитания военнослужащих и народа», «Социологическое сопровождение перевода комплектования Вооруженных Сил России на контрактную основу» и др.

О.Н. Яницкий

Российская экосоциология за 50 лет: ИТОГИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

История, теория и методы. Охрана природы — важнейшая социальная функция общества, направленная на его самосохранение. Великие российские ученые и обществоведы — В.И. Вернадский, В.В. Докучаев, Д.И. Менделеев, В.С. Соловьев — говорили об этом задолго до возникновения экосоциологии как самостоятельной отрасли знания.

В XX в. экосоциология — растущая по значимости социологическая дисциплина. В СССР она институционально оформилась 40 лет назад, когда была создана Советская социологическая ассоциация. Но до того уже в течение 10 лет группа единомышленников из Москвы, Ленинграда и Новосибирска слушала лекции Ю.А. Левады, сотрудничала с европейскими социологами и эмпирически изучала экологические проблемы города и жилища. (Первым моим учебником по экологии города была книга «Социологические проблемы польского города», которую мы переводили и комментировали вместе с Н.В. Новиковым). В 1964 г. в «Вопросах философии» вышла первая в СССР концептуальная статья «Некоторые методологические вопросы социального моделирования городов», а в 1969 г. — статья о теоретических проблемах урбанизации, фактически открывшая дорогу социологам на этом исследовательском поле. Хотя большая часть книг по экосоциологии находилась в спецхране, социологизирующие урбанисты, экономисты и инженеры, были знакомы с нею через свои профильные издания, а главное — изучали экологию советского города самостоятельно. В общем советские экосоциологи шли в науке тем же путем, что и американские, создавшие в 1920-х годах Чикагскую школу городской экологии.

Три институции были критически важными для становления дисциплины — Советская социологическая ассоциация, Институт международного рабочего движения АН СССР и журнал «Вопросы философии», в совокупности сосредоточившие выдающийся интеллектуальный потенциал. Именно такая его концентрация позволила уже в 1969 г. выпустить под эгидой ССА сборник «Социологические проблемы города», в начале 1970 г. провести первую в СССР международную конференцию по социальным проблемам урбанизации, а осенью того же года выступить с семью (!) докладами на VII Международном социологическом конгрессе МСА в Варне и основать совместно с зарубежным коллегам

ми новый исследовательский комитет МСА «Городское и региональное планирование». Замечу, что один из представленных там докладов назывался «Социально-информационные аспекты урбанизации», — проблема, по тем временам казавшаяся экзотической. Но, как видно сегодня, мы не ошиблись. То, что будущие экосоциологи пришли в социологию из медицины, градостроительства, инженерных наук или журналистики, было их преимуществом, потому что данная научная дисциплина не может существовать вне междисциплинарных и межорганизационных взаимодействий. И еще один важный момент. В 1960—70-х годах мы получили поддержку от ученых, далеких от социологии, но понимающих ее значение. Академики Б.Н. Ласкорин, Н.Н. Моисеев, И.Т. Фролов, В.Е. Соколов, А.Л. Яншин, а также обществоведы Э.А. Араб-оглы, Ю.А. Замошкин поддерживали социологов и экономистов, занимавшихся изучением долговременных последствий гигантских технических проектов. Созданный по инициативе акад. А.П. Виноградова Научный совет АН СССР по проблемам биосферы позволил социологам выступать и печататься. Работники Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО помогали географам, экономистам и социологам в продвижении их идей на международную арену, в частности, без многолетних усилий сотрудника комиссии В.Д. Сухова международный (сравнительный) проект «Города Европы: участие общественности в охране среды» никогда бы не состоялся¹.

Почему с середины 1970-х годов экосоциальная проблематика оказалась в СССР востребованной? Да потому, что впервые в новейшей истории страна перешла от казарменного и бивуачного образа жизни к оседлому, к самоорганизации на местном уровне, обживанию среды своего непосредственного обитания. Как только людьми был достигнут минимальный уровень стабильности, личной безопасности и уверенности в завтрашнем дне, экосоциология стала востребованной.

К концу 1980-х годов советская экосоциология теоретически и эмпирически мало в чем уступала американской и европейской. Говорю об этом уверенно, что подтвердил названный международный проект, в котором участвовали 16 европейских стран, и его итоговая международная конференция. (История экосоциологии в СССР/России была подробно рассмотрена мною в книге «Социология в России» [см. 1] надеюсь, социологи с нею знакомы).

Методы исследований отрабатывались «в процессе». Приобретая в начале своей «карьеры» опыт общесоюзного, а затем и международного

¹ Называю имена только ушедших; оценку ныне действующим может дать лишь история.

исследования (бюджеты времени), мы поняли, что группировки данных по полу, возрасту, образованию и т.д. для экосоциологии недостаточны — нам нужна связь этих данных с конкретным местом, ландшафтом, контекстом. Поэтому экосоциология, во всяком случае в то время, была «теорией и практикой среднего уровня». Регионы СССР, хотя и были «нарезаны» административно, но в природном и социальном отношении были весьма разными, не говоря уже о городах и малых сообществах. Как и наши чикагские коллеги, экосоциологи чаще всего пользовались методами социальной антропологии — социальное картирование, включенное наблюдение, экспедиции, глубинные интервью, изучение человеческих документов. Многие из нас использовали метод «обследования», близкий к журналистскому расследованию; облавив лично десятки микрорайонов и поговорив с работниками коммунальных служб на местах, понимали, как эти социально-пространственные организмы работают на самом деле. Низовая самоорганизация населения с целью благоустройства среды своего непосредственного обитания тогда быстро развивалась. На многих из нас оказал огромное влияние также метод «oral history», который соответствовал духу времени: в 1970–1980-х годах советские люди начали искать и восстанавливать свои корни, социальные и семейные.

Широко применялся метод «изучения случая», прекрасно известный социологам, но очень редко используемый в виду его трудоемкости. Глубоко ошибочно мнение, что, изучая «случай», мы получаем лишь единичное знание, на котором нельзя построить даже «теории среднего уровня». Между тем, помещая некоторое «событие» (конфликт) в центр своего интереса, экосоциологи шли от него «кругами», вширь и вглубь, связывая воедино эволюцию институтов и динамику человеческих сообществ и отдельных личностей. В сущности этот метод есть один из вариантов *storytelling*, то есть «истории развития конкретного конфликта в конкретных обстоятельствах места и времени». Вот почему хроника событий, связывающая все переплетение сугубо местных и транслокальных событий во временную цепь, — важнейший момент этой методики. С гносеологической точки зрения это метод анализа «типичного через локальное».

Еще один важный момент — это социологическая интерпретация данных естественных и технических наук и предлагаемых ими решений. Каждый из нас вынужден был задаваться вопросом: «А как это (инженерный проект, новая дорога, затопление сотен деревень) скажется на ландшафте и живущих там людях?» Здесь социологи многому научились, участвуя в программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера»,

одной из целей которых как раз и была разработка методов такой интерпретации. Наконец, к середине 1980-х гг. через неформальное обучение и международные контакты мы смогли в основном освоить теоретический и методический инструментарий, разработанный нашими западными коллегами. Поэтому я не испытывал больших затруднений, беря интервью у социальных работников в микрорайонах Лондона или в малых городах Нидерландов. Тогда же выяснился любопытный общий момент: и там, и тут этим людям их труд казался гораздо более разнообразным, требующим многих знаний, навыков человеческого общения и потому более привлекательным, нежели в офисе фирмы или в учреждении. Одновременно и позже многие мои коллеги преподавали в Институте прикладного системного анализа (Австрия), в Сорбонне и других университетах.

Основные итоги.

Во-первых, сложилась и до известной степени институционализировалась дисциплина, участники которой вошли в международное сообщество экосоциологов. Причем российские ученые не копировали работы своих западных коллег, а именно осваивали их как инструментарий для решения собственных теоретических и прикладных задач. Эпистемологически два направления, развиваемые отечественной экосоциологией, представляются мне наиболее перспективными — изучение рисков и локальных сообществ, точнее, *обоснование статута локального эко-социального знания*.

Первое направление детерминировано глобализацией рисков, природных и техногенных. Вся теоретическая литература и каждодневная жизнь убеждали в том, что методология и теория риск-анализа (например, риска утери суверенитета вследствие депопуляции РФ или глобального потепления, несущего неисчислимые угрозы нестабильности страны) является ключевой «гранд-теорией». Причем такого рода процессы одновременно кумулятивные и неожиданные, «взрывные», что зафиксировать массовыми опросами не удается — необходимо изучение «длинных волн» по методу Н.К. Кондратьева.

Второе направление — это анализ жизни местных сообществ, на которых держится разнообразие природного и культурного мира. Напомню завещание великого эколога Р. Дюбо: «Храните хранителей!». Как говорил 100 лет назад В.И. Вернадский, только местный центр способен мобилизовать энергию людей на местах. Здесь российские экосоциологи, работая в связке с местными властями и гражданскими инициативами, неизбежно становятся политологами и даже практическими политиками. Такая межсекторальность необхо-

дима, если социолог хочет видеть воплощение результатов своих исследований.

Во-вторых, следуя за процессом де-институционализации экологической политики, экосоциологи совместно с научно-технической интеллигенцией и активными гражданами сосредоточились на локальных и региональных процессах. Таких неформальных центров сейчас множество в России. Их функции чрезвычайно разнообразны: исследования, мониторинг, просвещение, обучение, междисциплинарная коммуникация, помощь местным инициативам в формулировании их требований на языке политики и т.д. Уже выросло поколение местных экосоциологов, которым «Москва не указ» в том смысле, что они изучают свою ситуацию досконально и длительное время. Причем это ни в коей мере не «провинциализация» данной дисциплины, так как лидерами и участниками локальных и региональных экологических проектов все чаще выступают ученые и преподаватели региональных вузов. Плохо другое: этот огромный практический опыт циркулирует лишь в узком кругу и не ассимилируется официальной системой высшего образования, хотя оно само не раз финансировало масштабные проекты типа «Общественные ресурсы образования» [2]. Экосоциологию, за исключением нескольких столичных вузов, на местах преподают случайные люди по составленным по их собственному разумению программам. Чуть лучше ситуация с результатами краеведческих исследований, но и они не входят в обязательные вузовские программы. Число научных и научно-популярных журналов по экологии, издаваемых общественными организациями, на порядок превышает число профильных социологических периодических изданий.

В-третьих, по инициативе Э.С. Кульпина в течение более 20 лет плодотворно развиваются концепция и эмпирические исследования в рамках дисциплины «Социоестественная история» (СЕИ), изучающей долгосрочные тенденции взаимодействия человека и вмещающего его ландшафта с естественнонаучной, исторической, экономической и социологической точек зрения. Ежегодные конференции (в рамках концепции) результируются в ежегодном выпуске сборников на разные темы, но под общей шапкой СЕИ. Это, пожалуй, лучший пример того, как год за годом наращивается творческий и информационный потенциал междисциплинарного коллектива. Это не научная школа, в традиционном ее понимании, но площадка, где идет непрерывный междисциплинарный диалог. Сообщество СЕИ также пример того, как экосоциология из «директивной» дисциплины становится диалогической и горизонтально организованной [3].

В-четвертых, теоретическая и особенно прикладная экосоциология уже давно и все больше говорят на языке теории риска (катастроф, озабоченности, страхов) [4]. Такой подход обусловлен не только Чернобыльской и другими катастрофами, не только превращением малых и больших катастроф в норму повседневности, вызвавших к жизни такой социальный институт как Министерство по чрезвычайным ситуациям, но потребностями развивающегося рынка и самого общества знать меру опасности любого решения или проекта, которые принимаются тысячами на всех уровнях бизнеса и власти. Здесь принципиальными являются несколько выводов: экологические риски являются трансграничными и кумулятивными; они могут мигрировать и трансформироваться, следовательно, ущерб от них трудно поддается подсчету; расходы на поддержание любой технической системы быстро перекрывают доходы от ее создания и главное — люди, местные сообщества являются главным препятствием на пути их распространения. Отсюда разработка социологами и естественниками социальных технологий (общественных слушаний и экологических экспертиз) для оценки возможного ущерба для природы и населения. Считаю своим долгом упомянуть работы по этому направлению социолога медицины В.М. Лупандина, бескомпромиссного ученого и гражданина.

В-пятых, о так называемых общественно-научных исследованиях. В течение 20 лет они все глубже межевалась на политически ангажированных экспертов, фактически составляющих часть государственной бюрократии, и независимых специалистов, практически участвующих в охране природы на местах. Первые образовали элитарное сообщество, обслуживающее разные этажи властных структур, вторые, следуя традиции российской интеллигенции, стали создавать общества и ассоциации юридической помощи гражданским организациям [5] или же пошли непосредственно «в народ». Я называю это явление «адвокативной наукой», выделив их основные типы: нейтральный, сочувствующий, партнерский, полностью вовлеченный [6].

Наконец, российская экосоциология, взаимодействуя с другими дисциплинами, внесла весомый (уже зафиксированный международным сообществом социологов-инвайронменталистов) вклад в изучение экологических движений. Была изучена их динамика за 30 лет (да, движение существует давно!), выявлены их порождающие среды, процессы диверсификации, стратегии, тактики и репертуар действий и многое другое. Следующие выводы представляются принципиальными: эти движения преследуют цель сохранения общего блага и поэтому всегда будут в оппозиции тем, кто преследует благо корпоративное или частное; но эта

оппозиция — конструктивная, направленная на помощь государству и обществу; эти инициативы и движения накопили огромный инновационный потенциал, который должен быть использован как ресурс модернизации общества; гражданское общество не может развиваться без общественных движений тем более, что данное движение быстрее и интенсивнее других развивается как сетевая организация, работающая одновременно в двух социальных пространствах — реальном и виртуальном; движение выполняет важнейшие социализирующую и адаптационную функции, поддерживая молодых людей из российской глубинки, прививая им антипотребительские взгляды и установки, учит их, как отстаивать их базовое гражданское право на чистую и безопасную среду жизни. В этом, последнем, смысле *экологическое движение является авангардом гражданского общества.*

Новые вызовы. Сегодня экология и демография — две стороны одной медали. Критической опасностью для России является продолжающееся сокращение численности ее населения. Поэтому главными задачами являются — «сохранение народа и территории — двух главных богатств страны». Причем не просто сохранение, а «увеличение численности населения и поддержания доли русских». Несоответствие человеческих ресурсов и закрепленного за ним пространства становится угрозой номер один. Поэтому при составлении прогнозов нельзя исходить только из экономического роста, необходимо, прежде всего — из степени всеобщего риска или, как говорят экономисты Н.П. Шмелев и В.П. Федоров, из «степени тяжести» угроз [См. 7, С. 8; 9, С. 22]. Соглашаясь с этими приоритетами, все же сделаю акцент на воспроизводстве здорового и социально активного молодого поколения. В решении этой задачи ключевую роль играет сочетание их воспитания и самостоятельности, возможностей позитивной самореализации.

Но это не все. Отношение: население—территория качественно изменилось. На смену господствовавшему в течение многих веков отношению — *«человек—вмещающий ландшафт»* идет отношение — *«корпорация—техногенный ландшафт»*. Иными словами, необходимо решать нетривиальную задачу соотношения транснациональных потоков и мест. Наряду с понятием *вмещающего ландшафта* необходимо теоретическое осмысление быстро формирующегося *сетевого*, экономически и технологически эффективного, *ландшафта*, который «вмещает» столько финансовых, людских и иных ресурсов, сколько требуется для производства и транспортировки ресурса данного «места». Этот ландшафт практически независим от локальных условий. Это — *целиком сконструированный искусственный ландшафт, функционирующий*

прежде всего в интересах государства и крупных корпораций. Для модернизации страны сетевой ландшафт абсолютно необходим, но создает риски для культуры и способов хозяйствования местных человеческих сообществ и поддерживающих их экосистем.

Развитие техногенных сетевых ландшафтов потенциально чревато социальной напряженностью и конфликтами, поскольку они могут строиться и эксплуатироваться, привлекая финансовые и людские ресурсы, извне. Такие социальные конфликты уже назревают практически по всей Сибири, поскольку для создания нефтепроводов привлекаются рабочие и специалисты из сопредельных стран. Это, очевидно, экономит издержки, поскольку представителей коренных народов надо учить и им надо больше платить. Не повторится ли ситуация столетней давности, когда русскими артелями руководили китайские бригадиры? [8].

Страна берет курс на модернизацию. Может ли быть экологическая модернизация просто результирующей всех других, или же у нее должна быть своя теоретическая модель и своя политика? Полагаю, что, хотя последняя «вписана» в модернизацию других сфер (энерго- и ресурсосбережение, демографическая политика и т.д.), у рассматриваемой области знания / действия есть свои цели и задачи. Их по крайней мере две: в области *природопользования как таковой* — это эффективное использование и сбережение невозобновимых ресурсов и сдвиг в сторону возобновимых; в области *социальной экологии человеческих сообществ* — это реализация их прав на чистую и безопасную среду, на сохранение культурного и биологического разнообразия местных сообществ. Думаю, что растущая тенденция к потребительству, провоцируемая экспансией внешнего рынка и СМИ, должна быть заторможена, поскольку именно они провоцируют потребительский образ жизни. Напротив, внутреннее производство товаров повседневного спроса и их рынок должны всемерно развиваться. Так было во всех странах, вступивших на путь модернизации.

Еще одна перспектива: изучение «виртуальных» сетевых сообществ. Чем уже становится публичная площадка для экологических дебатов в традиционных политических институтах (партиях, парламентах), тем быстрее развиваются эти сообщества, причем в данной сфере они миновали ступень «блогов» и «чатов» и сразу стали разновидностью сетей социальных ступеней, то есть играющих информирующую, обучающую и мобилизующую роли. Одновременно развивается «эконет», сеть особо охраняемых природных территорий, которая критически важна для поддержания устойчивости биосферы. Это — общемировые тенденции, и вряд ли нам удастся их избежать.

Теперь о взаимоотношении среды обитания и рынка как такового. Рынок уже резко изменил всю социально-экологическую организацию российского общества и государства. Да, мы уже включились в глобальный рынок и должны быть на нем конкурентоспособны. Обратная сторона — растущая зависимость от него, тактически она «экологизирует» общество, потому что более цивилизованный Запад отказывается, например, покупать у нас ворованный или вырубленный на заповедных территориях лес. Отсюда определенные успехи в введении добровольной сертификации в лесной и некоторых других отраслях сырьевой промышленности РФ. Другая, осознанная наконец-то, зависимость — вложения в здравоохранение «съедаются» низким качеством среды обитания. Эффект бумеранга, теоретически предсказанный У. Бемом [9], налицо. Это чрезвычайно сложная проблема для экосоциальной политики, потому что впервые придется сопоставлять целевые краткосрочные вложения и средовые «бумеранги», не имеющие ни четкого адресата (носителя), ни определенной территории, ни однозначного срока давности.

Но глобализирующиеся производство и рынок ставят перед социологией ряд еще совершенно новых задач. Впервые экономисты с цифрами в руках показали, что экономика, ее рост, структура и связанные с ней социальные процессы (качество жизни, расселение и массовые миграции, социальное неравенство) зависят от состояния биосферы. Значит, экосоциология должна опираться на знание глобальной экономической и социальной динамики, а это совершенно иные масштаб и методы исследования. Далее, чтобы защищать своих производителей (а торговый протекционизм растет во всем мире), государство должно быть сильным, концентрировать ресурсы в своих руках (о чем писали П. Струве и другие русские политологи еще 100 лет назад) [10, С. 74–76]. Как это согласуется, хотя бы теоретически, с демократией? С необходимостью сохранения местных сообществ и национальных культур? С поддержанием биоразнообразия, на котором зиждется устойчивость биосферы?

В принципе же рыночная среда враждебна принципу закрытости любого территориального, профессионального или научного сообщества, поскольку всякая его закрытость есть потенциальный капитал для рыночных игроков. Как сказал Нобелевский лауреат по экономике К. Эрроу, «рынок не совместим ни с чем. Ни с демократией, ни с авторитарным строем — ни с какой формой правления»... «Если угодно, рынок вообще вытесняет общество как каркас человеческих отношений» [11].

В целом перед российским обществом стоит гигантская по сложности задача — практически одновременный отход от сырьевой экономики, модернизация всего промышленного и инфраструктурного комплекса и переход к инновационной экономике, к «обществу знаний». И все это должно сопровождаться улучшением среды обитания. В противном случае деградирующая среда или «съест» результаты инвестиций в человека, или вытолкнет за пределы страны уже накопленный человеческий капитал.

Список литературы

1. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М.
2. Общественные ресурсы образования. Справочник. Отв. ред. Е.Е. Чепурных. М., 2003.
3. Кульпин Э.С. Социоестественная история: предмет, метод, концепция. М., 1992.
4. Зубков В.И. Социологическая теория риска. М., 2003; Яницкий О.Н. Социология риска. М., 2003; Риск в социальном пространстве / Отв. ред. А.В. Мозговая. М., 2001; Страхи и тревоги россиян. СПб, 2004.
5. Веселов А.К. Общественный экологический контроль в России (пособие для общественных инспекторов). М., 2005.
6. Яницкий О.Н. Диалоги науки и практики // Общественные науки и современность. 2004, № 6, С. 86–96.
7. Шмелёв Н.П., Фёдоров В.П. Угрозы и прогнозы // Современная Европа, 2008, № 1, С. 5–22.
8. Ламин В.А. Далекие, но близкие параллели // Вестник РГНФ, 2006, № 3, С. 5–17.
9. Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. London: SAGE, 1992.
10. Струве П.Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. СПб, 1911.
11. Цит. по: Кустарев А.С. Рецензия на книгу: Ясин Е. Приживется ли демократия в России. М., 2005 // Pro et Contra, 2005, No 2, С. 109.

Д.Л. Константиновский

Размышления о социологии образования

Получив предложение написать обобщающую статью о социологии образования, я испытал соблазн составления официального отчета, в лучшем случае — обзора. Поразмыслив, решил предложить читателю нижеследующие размышления. Сначала коротко — о ситуации в нашей «отрасли».

Отечественная социология образования в траектории восхождения. В юбилейные дни с благодарностью вспоминаю Владимира Николаевича Шубкина, моего учителя, в начале 1960-х годов прошлого века предпринявшего исследования, которые означали старт многих самых разнообразных работ, которые могут быть с большим или меньшим основанием квалифицированы как принадлежащие современной социологии образования. Здесь уместно высказывание Бурдьё, что едва ли можно отделить социологию образования от социологии культуры¹. Копии и модификации шубкинской анкеты распространялись по всей территории СССР, но, рассказывал В.Н. Шубкин, за разрешением использовать анкету счел нужным обратиться к нему только один исследователь — В.А. Ядов.

Так в 1960-е годы возродилась и стала расширяться проблематика, которая разрабатывалась и в дореволюционной России, и после 1917 г., а затем, вследствие известных печальных событий, частью свернулась, а частично ушла в публицистику. В последующие десятилетия — весьма интенсивное развитие исследований, возникновение известных центров в обеих столицах, в Новосибирске, в Свердловске... Описание и анализ перипетий этого *восхождения* — думаю, именно такое определение тут более всего подходит — содержится в очерках становления научных школ социологии образования и социологии молодежи, вошедших в фундаментальный труд, посвященный российской социологии². Едва ли мне удастся избежать перечислений, переходя к сегодняшнему состоянию исследований. Они ведутся в академических институтах, инициируются фондами и Министерством образования и

¹ «В действительности мы все еще находимся в фазе, когда абсурдно отделять, например, социологию образования от социологии культуры», — Бурдьё П. Начала. Пер. с фр. М., Socio-Logos, 1994. С. 65.

² Семенова В. Социология молодежи; Астафьев Я., Шубкин В. Социология образования // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 130–147, 264–280.

науки РФ, предпринимаются преподавателями в вузах самых разных профилей. Не знаю региона, где бы не существовал хотя бы один, хотя бы малый исследовательский центр, ведущий по крайней мере локальную работу по изучению социальных процессов в образовании. На каждой конференции, кем и где бы она ни проводилась, знакомлюсь с интересными исследованиями и исследователями.

Многообразные и основательные проекты Национального фонда подготовки кадров (НФПК) продуцировали целый ряд значимых результатов, высоко оцененных профессиональным сообществом, и создали квалифицированные региональные и столичные коллективы исследователей. Широко известны проекты, реализованные по инициативе Независимого института социальной политики, выполненные в Государственном университете — Высшей школе экономики, Академии народного хозяйства, Московской высшей школе социальных и экономических наук (МВШСЭН). Министерство образования и науки систематически финансирует исследования образования, имеющие социологическую направленность. В Российской академии образования функционирует Центр социологии образования. Позиции Института социологии РАН в этой тематике укрепились в последние годы. Ведут такие исследования питерские коллеги.

Где наиболее сильные центры в регионах? Прежде всего, там, где они существуют сравнительно давно, например, в Самаре, Саратове. И там, где созданы для них условия, из которых главное — кадры. Достаточно одного-двух подготовленных энтузиастов, способных собрать группу заинтересованных, как это произошло, например, в Чебоксарах. Тематика исследований столь разнообразна, что ограничусь перечислением крупных блоков: современное учительство, его проблемы; социальные последствия реформирования образования; специфические проблемы каждой из ступеней образования — дошкольного, начального, основного, старшей школы; неравенство в сфере образования; образование за рубежом; вопросы, связанные с присоединением к Болонской декларации; информатизация образования; непрерывное образование; влияние глобализации на структуру и функционирование образовательной системы.

Как мы смотримся на мировом фоне? Социология во многих странах не стояла на месте, пока ее практически не было в нашей стране. И нам пришлось догонять, заимствовать, учиться. Не вижу в этом плохого. Развитие отечественной социологии образования пошло в том же русле, что и развитие мировой. Постепенно возобладали собственная проблематика, оригинальная интерпретация, наша специфика, притом все это — основанное на опыте и методологии мировой социологии

образования. Не обошлось и без изобретения велосипедов, но это вскоре почти отсеклось.

Сегодня я не вижу нашего отставания. Это ясно и по публикациям, и по тому, что можно наблюдать на международных конгрессах. Все обстоит так же, как и в других отраслях социологии. Показательна была дискуссия о нашей профессии на первом российском (Питерском) конгрессе. Одни говорили — мы никому не нужны, мир нас не понимает, а другие — мы теперь расширяем исследования, у нас общепринятая терминология, нас приглашают в лучшие университеты мира читать лекции. Все дело в том, как исследователь работает, как он, в результате, себя позиционирует. Это свойственно любой сфере деятельности. Однажды я дегустировал вино в частном подвальчике в Венгрии. Говорил хозяину какие-то вежливые слова, сказал о благоприятном для виноделия климате... А он мне в ответ: «Ерунда (он употребил более крепкое слово), работать надо!»

Однако нарисованное мной «широкое полотно», если в него вглядывается мой коллега специалист, обнаруживает не только радужные краски. Увы, практически все известные исследования носят эмпирический характер, многие — прикладной и по большей части утилитарный, связанный с очень конкретной проблематикой. Теоретическая, методологическая сторона присутствует в немногих работах, и притом в небольших дозах. Понимаю, что это беда нынешних исследований не только в социологии образования. Но от этого, как говорится, не легче. Отчасти причина в том, что заказываются, финансируются в основном именно проекты с задачами прикладного характера. Но и сами мы оказываемся не на высоте, не делаем всего, что следовало бы.

И еще: даже не слишком тщательно всматриваясь в это «полотно», замечаешь отсутствие гармонии, чуждые, лишние детали и краски. К сожалению, образование относится к тем сферам, о которых, кажется, легко судить. Каждый считает себя компетентным в медицине, архитектуре и, конечно же, образовании. Следствие — множество квази-специалистов и квази-исследований. Подобно известному персонажу Мольера, обнаружившему, что он говорит прозой, — тот или иной преподаватель или администратор, составив табличку с несколькими данными, открывает для себя, что он социолог, и далее возникают соответствующие претензии, публикации... — и вот уже слышишь со стороны: «Ну и чудите вы, социологи!» — или кое-что покрепче.

Социология образования и власть. Ложные представления о всемогуществе науки относятся и к социологии образования. Эти представления ошибочны не только потому, что данное направление (как,

впрочем, и любое другое) не может познать все, чего хотелось бы исследователю (и не только ему), к тому же, далеко не всегда способно добиться желаемой или требуемой достоверности. Социология образования ограничена и в другом. Нас спрашивают: вы провели исследование, а что в результате изменилось? Другими словами: прислушались к вашим выводам, приняли ваши рекомендации, внедрили их в образовательную практику? Справедливые вопросы.

Едва не все, что является предметом исследования в наших проектах, тяготеет к управленческим решениям. Так принимаются ли решения по результатам наших исследований? Управляемость сферы образования не самоочевидна. Институт образования так тесно и разнообразно связан с обществом в целом и в то же время имеет такие динамику и инерционность, что можно учредить не одно, а несколько министерств и агентств, уполномоченных над ним властвовать, а сфера образования будет изменяться (или не изменяться) прежде всего не потому, что есть эти органы управления.

Образование — такая сфера, где всё так или иначе связано с политическими вопросами. Распределение финансовых потоков... Социальное неравенство... Развитие регионов... Можно продолжать. А ресурсы? Когда В.Н. Шубкин предупредил о проблемах, с которыми общество столкнется при росте численности молодежи, оканчивающей школу, это было услышано: приняли специальное постановление об увеличении приема молодежи на учебу и работу¹. И действительно, прием в вузы был в тот год увеличен сильнее, чем обычно. Государство, тогда свободно распоряжавшееся ресурсами, могло себе такое позволить. Но на следующий год прием в вузы был на столько же уменьшен. Почему? Может быть, и тогда распоряжаться ресурсами нельзя было совсем уж «свободно». Вопросы финансирования всегда были острыми для сферы образования.

Проблемы использования результатов исследования, внедрения их в практику — они в нашей отрасли не очень-то особенные, они сродни тем, какие существуют для любой науки. Спросите физика, биолога, да кого угодно, они расскажут, как прекрасна была бы жизнь на планете, если бы результаты их исследований были внедрены в полной мере. Иногда у нас возникает прямой диалог с управленцами, и тогда мы предполагаем, что они принимают наши данные в расчет. К счастью, это бывает

¹ Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мероприятиях по расширению обучения и устройству на работу в народное хозяйство молодежи, оканчивающей общеобразовательные школы в 1966 году» // Собрание постановлений правительства СССР. 1966. № 3. Ст. 26; Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966. С. 229.

нередко. Заявляю это ответственно, на основании собственного опыта. А иногда — мы кричим «ау» и не слышим даже эха. Что и говорить, общение с управленцами бывает непростым. У нас один язык, у них другой. И наши рекомендации не всегда легко перевести с нашего языка на язык административных решений. Полезно привлекать управленцев к процессу исследования, особенно на заключительных его стадиях. Иногда получается неплохо.

Другая трудность связана с проблемой новизны или, что то же самое, но с обратным знаком, — тривиальности результатов. Практик может думать: «А что нового мне скажут социологи, я больше них знаю!» Точнее, он почти всегда так думает. А когда получает наши результаты — реакция часто такая: «Да я это и раньше знал». Что же с этим делать? Есть у П. Лазарсфельда публикация, давно переведенная на русский язык¹. Он рассказывает об исследовании, приводит шесть выводов из него и спрашивает: не правда ли, банальные выводы, очевидные, стоило ли проводить исследование? Затем оказывается, что в исследовании были сделаны совершенно противоположные выводы — по всем шести пунктам. И они также кажутся очевидными!.. В одном из проектов мы попросили тех, кто будет оценивать результаты нашего исследования, предсказать некоторые его результаты. Конкурс объявили, пообещали приз. И что же? Просьба была обращена к двум десяткам специалистов, все обещали, говорили, что это интересно... Рискнули откликнуться — двое.

Социология образования и образовательное сообщество.

Мы контактируем с педагогами — со школьными учителями, преподавателями вузов, технических лицеев, колледжей. Общаемся с администраторами — директорами школ, руководством вузов. Со школьными психологами. Контактруем, когда проводим обследования и когда обсуждаем наши результаты. Возможно, они бы без нас и обошлись (по крайней мере, они так считают; мы — нет). А вот нам без них совсем нельзя. Мало того, что они — источник информации, они ведь зачастую и объект наших исследований. Во всех случаях главное, что необходимо — взаимопонимание. Оно рождается из доверия. И наоборот, доверие рождается из взаимопонимания. Одно без другого не существует. Секрет взаимоотношений простой: открытость. Все удается, когда приходишь и разговариваешь, как коллега с коллегой, обнаруживая общую заинтересованность, а то и боль, недоумение, озадаченность, тоже общие. Тогда и результаты прислать попросят, и вспомнят о тебе, когда понадобятся — может, через годы — совет или помощь.

¹ Лазарсфельд П. Измерение в социологии // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., Прогресс, 1972. С. 146–148.

Но бывает по-разному. Однажды мне довелось присутствовать на «круглом столе», где встречались работники школ и авторы нововведений для них. «Стол» был организован таким образом: в зале — учителя и директора школ, на сцене — разработчики. Со сцены объявляли, что будет предпринято, в зале шептались. Выступили несколько подготовленных ораторов. Другим желающим высказаться слова не дали. Когда действие закончилось, обеспокоенные учителя сбились в кучки и продолжали шептаться. Я подошел к разработчикам и, воспользовавшись тем, что был знаком с некоторыми, попробовал обратить их внимание на реакцию учителей. «Кухонная философия», — был ответ, сопровождаемый пренебрежительным кивком в сторону расходящихся учителей.

Между тем, любые реформы, любая модернизация станут возможны только тогда, когда учитель делается не объектом тех или иных управляющих воздействий, а субъектом образовательного процесса. Союзником, соавтором изменений. Без его поддержки и активного участия — всякие управленческие попытки изменений бесполезны, обречены на имитацию исполнения, не более того. Но посмотрите на заголовки публикаций — учитель всегда «в страдательном залоге». Сделайте контент-анализ выступлений на конференциях: речь идет о том, что учитель должен делать, сколько надо ему платить и т.п. Постоянно — взгляд сверху. А нужно, чтобы у учителя была субъектная позиция. Это означает: способность и готовность принимать активное участие в образовательном процессе, принимать самостоятельные решения и нести ответственность за результаты своих действий. Конечно, нельзя приказать, как в сказке: «Назначаю тебя субъектом». От такой директивы тоже ничего не изменится. Но, возможно, тут и от нас кое-что зависит. Может быть, от соавторства в исследованиях не так далеко до соавторства в переменах?

Исследователь образования и общество. Интересы едва ли не каждой семьи задевает происходящее в сфере образования. Отсюда — особая ответственность исследователя. Не надо думать, что молодые люди и их родители не знакомы с нашими публикациями, — на бумаге, устными или в интернете. Пусть не напрямую, но в пересказе, в слухах, — изреченное нами добирается до многих. И влияет на ожидания и настроения, на решения, в конечном счете — на судьбы. Вряд ли кто-то из родителей изучает и перепроверяет наши таблицы и графики. Но учитывают выводы, планируя будущее детей, — это точно. Да и управленцы, как я упоминал, во многих случаях нас слышат.

Между тем, мы — я не отделяю себя от коллег по цеху — развенчиваем одни мифы и творим новые. «Университеты опустеют...», у нас слиш-

ком много образованных, мест в вузах больше, чем выпускников школ... И так далее. Простое обращение к статистике, опыту нашей системы образования, даже без проведения специальных обследований, — открывает абсурдность измышлений. Но ведь у кого-то есть эти статистика и материалы опыта, а у кого-то их нет. А кому-то и выгодно оперировать одними данными, а не другими. Еще больше огорчает, когда встречаешься с работами, прямо нацеленными на подкрепление управленческих решений «научным обоснованием». Отдельные показатели трактуются тогда так, чтобы подтвердить не всегда правильный (ох, не всегда!) ход администраторской мысли. «Чего изволите? — это и обоснуем...» Сервильность несовместима с понятиями об ответственности исследователя. Было бы полезно, если бы социологи, в том числе исследователи образования, чаще выходили за стены академических институтов и вузов. А скорее всего, это просто необходимо. Мы нужны друг другу, — те, кому требуются наши данные и их интерпретация, и те, у кого эти материалы имеются. Понимаю, что это не просто. Для телевидения сюжеты социологии образования — не триллер, для газеты — не сообщение об очередном скандале. Лекция — не всегда подходящий жанр. Но какие-то возможности предоставляются! Такой опыт у меня был, когда я получил предложение газеты «Известия». Газета согласилась на то, чтобы интервью публиковались под рубрикой «Ликбез». Хорошо понимаю, что у этих публикаций было много недостатков. Первый блин... Но, по крайней мере, он дал мне право утверждать, что такое в принципе возможно. Что-то удастся опубликовать в интернете. В последнее время целые страницы предоставляет «Российская газета». А перепечатки материалов нашего института, опубликованных в «РГ», дают десятки сайтов!

При этом одна из важнейших наших обязанностей — разъяснять, пусть повторяя в тысячный раз, что образование — сфера особая. Школа — не конвейерное производство, профессор — не служащий, система образования — не подспорье для экономики. Здесь совершается социализация, творится личность, формируется человек, создается главное, что определит будущее страны. Результат, продукт — не винтик для хозяйственной деятельности, которому надо определить место на рынке труда, а гражданин. Бухгалтерский подход тут не годится, калькулятор не должен командовать. Давайте будем стойкими в убеждениях, без которых цивилизация потеряет главный смысл. Да, люди пользуются услугами образования, даже покупают их, но это услуги особые, гуманистического рода. И не надо забывать, не надо умалчивать: пользуясь образовательными услугами, люди оказывают великую услугу государству, стране, обществу; тратят часть своей жизни, зачастую значительную, свою энергию —

самые драгоценные свои ресурсы, — чтобы увеличить своими усилиями, за свой счет самый важный ресурс нации — человеческий потенциал.

Исследователь и исследователи. Тех, кто изучает образование, аналитиков, экспертов, — не так мало и в то же время совсем немного. Тем важнее коммуникации между нами. Однако коммутируем мы не так, как следовало бы. Слаб обмен методиками, подходами, результатами. У нас недостаточно площадок для прямого обмена мнениями.

Конечно, выручают современные средства общения, мы примерно знаем, кто чем занимается. Вузы, академические институты проводят конференции, издают труды. Работают семинары, такие, как в ГУ-ВШЭ, как в ИС РАН. Есть журнал «Вопросы образования», публикуют социологов «Высшее образование в России», «Народное образование», другие журналы. Всегда можно рассчитывать на внимание «Социса», «Социологического журнала». Знают российских социологов образования в исследовательских комитетах Европейской (ESA) и Международной (ISA) социологических ассоциаций. В Российском обществе социологов (РОС) действует Исследовательский комитет «Социология образования», он издает, по возможности, труды коллег, проводит ежегодно круглый стол «Российское образование сегодня», в котором принимают участие и столичные, и региональные исследователи.

Бывает в нашей среде взаимодействие и иного рода... Конкуренция — явление закономерное, она полезна, должны соревноваться предложения, методы, квалификации исследовательских коллективов. Но борьба за ресурсы — а заказы на исследования выступают именно ресурсами — принимает порой не те формы, которые должны бы быть присущи научной среде. Конечно, исследователям не чужды общечеловеческие страсти и слабости. Но есть и научная этика. С чем приходится встречаться, читая иногда рецензию на какой-то проект? Рецензент огульно охаивает проделанную работу, не затруждая себя аргументацией, — возникают одни подозрения; рецензент восхваляет, не анализируя, — возникают другие.

И еще — рейдерство. Не один раз уже выслушивал рассказы, как тем или иным образом была отнята у одних исследователей и передана другим возможность выполнить подготовленный или уже начатый проект — без справедливых оснований, без публичного обсуждения — путем ли формального конкурса, административным ли решением. Бандитская практика, существовавшая в бизнесе применительно к присвоению зданий, предприятий¹ — пришла и к нам? Увы... Неужели наше сообщество настолько теряет себя?

¹ Особый род занятий // Эскавайр. 2007, № 28. С. 192–196.

Реальность и интересы. Совпадают ли реальность образования и интересы исследователей? На мой взгляд — лишь частично.

Больше всего везет высшему образованию. Почему бы преподавателю вуза не изучать студентов? Объект — вот он, под рукой. Предмет исследования, интересующий руководство вуза, всегда найдется, поощрение гарантировано. Возможно, и то сказалось, что исследователи — преподаватели вузов — это родители, предполагающие, что дети будут получать высшее образование, отсюда и интерес к нему. В итоге наибольшая доля исследований была, да, пожалуй, и остается именно в проблематике вузов. Постепенно некоторое смещение произошло в сторону школы. Среднему специальному и начальному профессиональному образованию повезло меньше всего; в частности, и потому, что контингент там трудноват. А между тем, — когда мы изучали планы и судьбы учащихся профтехучилищ, на бланках наших анкет, после нашего «Спасибо за участие в исследовании!», обнаруживали приписанное подростками: «Спасибо вам за то, что мы вас интересуем». В регионах, правда, стали чаще предпринимать исследования ПТУ, как бы они теперь ни назывались: жизнь заставила, потребность в рабочих кадрах.

Кого мы упускаем в нашей работе? Чтобы уточнить это, обратимся к некоторым результатам исследований. В целом вырисовывается такая картина. Отчасти подростки и их родители не проявляют интереса (а потому и активности) к освоению ряда возможностей, предоставляемых системой образования (не хотят их использовать). У этих подростков и родителей либо отсутствует мотивация к достижению относительно высоких позиций в обществе, либо мотивация есть, но они не ищут пути к достижению таких позиций посредством образования. Отношение к образованию, как показывает целый ряд исследований, связано со структурой ценностей, преобладающих в той или иной социальной группе.

Отчасти же сказывается неравенство в возможностях получения образования, особенно ярко выявляющее себя в отношении высшего образования. В результате происходит в значительной мере не выравнивание шансов, не обеспечение социального лифта через образование, а именно легитимация наследования социального статуса и воспроизводство неравенства. При этом терпят неудачу те, кто проявляет активность в получении качественного образования высокого уровня, но не могут преодолеть объективно существующие препятствия, чтобы воспользоваться возможностями, теоретически или потенциально предоставляемыми всем членам общества. Здесь налицо мотивация к достижению относи-

тельно высоких позиций в обществе посредством образования, притом обычно сильно выраженная, однако социальные барьеры препятствуют осуществлению намерений.

Еще одна существенная категория акторов образования — те, кто занижает планку своих ожиданий (и, соответственно, не проявляет необходимой активности), поскольку не надеется преодолеть препятствия в получении образования и /или, после получения его, соответствующих диплому социальных благ; это те, кто не хочет достижений в сфере образования потому, что не может преодолеть барьеры или полагает, то есть прогнозирует, что не сможет преодолеть. Это результат восприятия реальности, — осознания и принятия ее: молодые люди ставят перед собой цели, исходя из реалистической (или пессимистической) оценки существующего положения вещей. Есть мотивация к достижению более высоких позиций в обществе посредством образования, однако намерения корректируются осмыслением барьеров.

В итоге первая из описанных групп акторов (не проявляющие интереса к возможностям в образовательной сфере) — своим отношением к образованию, а третья группа (занижающие свои ориентации) — своим реальным поведением, по сути, поддерживают существующий порядок вещей и способствуют сохранению дифференциации в образовании и неравенства в обществе. Во второй из описанных групп — предпринимающие усилия к тому, чтобы декларируемое сделать реальным. Лидерам в ходе учебы в школе и конкурса при поступлении в учебные заведения удается занять более или менее престижные позиции в образовательной сфере, но значительная часть выходцев из низов терпит неудачу. Словом, получается следующее — применительно и к школе, и к профессиональному образованию (см. табл.).

Типология групп акторов образования

Группа	Цель	Средство	Поведение	Результат
	Социальная мобильность	Образование	Участие в конкуренции	Успех
Победители	+	+	+	+
Аутсайдеры	+	+	+	-
Пессимисты	+	+	-	-
«Другие»	+	-	-	+ -
Отчаявшиеся	-	-	-	-

Наименования групп в таблице, конечно, условные. «Победители» — это те, кто стремятся к восходящей социальной мобильности, возможности для нее видят в образовании, предпринимают активную деятельность для получения образования, дающего потенциал для мобильности, и реально получают такое образование: поступают в соответствующие учебные заведения и оканчивают их, обретая — одни какую удалось, другие — высокую и востребуемую квалификацию. «Аутсайдеры» также хотят получить более высокий статус, чем есть у родителей, или, по крайней мере, воспроизвести, наследовать его; тоже планируют сделать это посредством образования; тоже участвуют в массовом конкурсе, борются за места в учебных заведениях, дающих качественное образование и профессии, актуальные на рынке труда; однако желаемого не получают. «Пессимисты» хотели бы иметь возможности для восходящей мобильности, сознают, что возможности эти дал бы им соответствующий уровень образования, но не надеются преодолеть препятствия в его получении (в силу известных факторов — социальных, экономических и др.); не могут они преодолеть барьеры или считают, что не смогут, — так или иначе, они занижают планку своих ожиданий и отказываются от активных действий.

«Другие» — наименование намеренно условное, скорее — метафора, потому оно в таблице взято в кавычки. Оно означает, что в этой категории иные ценности: социальная мобильность или, по крайней мере, жизненное благополучие также желательны, но достижение их мыслится не посредством образования, а другими путями. Какими? Оставляю читателю пространство для воображения, пространство немалое, в котором поместятся и ларек на рынке, и рэкет, и многое другое. В графе «результат» могут оказаться и плюс, и минус, это уж как повезет. «Отчаявшиеся» — это, к примеру, те оказавшиеся за чертой бедности, у кого нет ресурсов, чтобы из нее выбраться; обладатели сознания, что они находятся в тупике. У них отсутствует цель подняться по социальной лестнице, соответственно — образование не мыслится как средство для собственной мобильности, речи нет о стремлении бороться за остроконкурентные места; вот и прочерк в графе «успех».

Так кого же мы изучаем? Безусловно, «победителей». И таких, кто получает лишь какое-то официальное свидетельство об образовании, и тех, кому удастся стать классным специалистом. При этом чуть задеваем категорию «аутсайдеров». Слегка касаемся «пессимистов». А вот «другие» практически не попадают в поле нашего зрения, хотя игнорировать их мы не имеем права, поскольку группа эта не малочисленная, и тут затрагивается важнейшая проблематика — мотивации к получению

образования. О значимости тщательного исследования категории «отчаявшихся», надеюсь, не нужно упоминать.

Заключение: здесь изложен мой личный взгляд; не претендую на объективность, хотя стремлюсь к ней. А кто бы мог претендовать? Как бы ни отличалась жизнь профессионала от идеальных представлений о ней, мы — позвольте предположить, что многие к моим словам присоединятся, — все равно *будем продолжать нашу работу*. Есть заказы или нет, утилитарно нас воспринимают или мыслят широко. Прислушиваются к нашим рекомендациям или игнорируют их. Принимают или не доверяют. Почему же мы будем все равно продолжать нашу работу? Однозначного ответа нет. Не надо нас идеализировать: мы разные. Поэтому и ответы не одинаковые. Прислушайтесь к разногласию: «для карьеры...» «Для выживания...» «Из любопытства...» «Потому что ничего другого не умеем...» «Оптимисты, надеюсь, что будет польза...» «Потому что иначе свою жизнь не представляем...». Мнения разные, но все вместе мы — нечто целое. И делаем общее дело.

Не кто-нибудь, а исследователь сказал: «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир». Образование — тот мощный и чудесный рычаг, который в значительной степени уже перевернул мир, сделал его другим. Хотелось бы утверждать: лучше, чем мир был прежде. Да, в чем-то лучше, а в чем-то — еще много предстоит работы, в том числе и такой, которую выполнить следует этому рычагу. И, может быть, наши исследования — хотя бы часть опоры, помогающей совершенствовать мир.

Н.В. Романовский

Освоение истории отечественной и зарубежной социологии

О значении истории социологии экс-президент Международной социологической ассоциации П. Штомпка писал: «огромный резервуар теоретических идей мы найдем в *истории нашей дисциплины*, начиная с первых лет XIX в. Изучать историю социологии, — не значит проводить время с антикваром. Традиция нашей дисциплины все еще предельно витальна. Большая часть концепций, моделей, проблем, вопросов, изучаемых нами сегодня, унаследованы от мастеров XIX в. Они заложили очень прочный фундамент под предприятие — социология, и их труды все еще весьма живы». Далее он выделяет актуальный смысл изучения социологами — начинающими и опытными — трудов классиков этой дисциплины: «Их следует изучать не строго в исторической манере, в контексте их времени, или биографий авторов, но в контексте *нашего времени*, так как их плодотворные идеи проливают свет на наши современные реальности» [1, с. 65].

С этой точки зрения понятно, что обстоятельства возрождения в нашей стране социологии в 1950–1960-е годы не были благоприятными. Были жестко установлены рамки для возрождения социологии в советское время, в частности, а) заданный властью диапазон прикладных исследований, и б) использование соответствующих зарубежных образцов социологии конца 1950-х годов. Оба условия не благоприятствовали развитию отечественной истории социологии. История дисциплины не нужна для сугубо прикладных исследований; в американской социологии, передовой для того времени, историю этой науки не жаловали: поворот интереса к истории наступил там позднее.

Вместе с тем, советские обществоведы учились у людей образованных по стандартам отечественной высшей школы. Эти стандарты в досоветской России испытали сильное влияние немецкой науки об обществе с выраженным акцентом на историзм [2, с. 40–47]. История — древнейшая наука, и замена метафизики позитивизмом оказало на ее развитие сильнейшее влияние. Преодоление Контом метафизики клало конец претензий истории быть чуть ли не единственной наукой об обществе и человеке. Но тайны истории продолжали завораживать исследователей как превосходный источник фактов и некая загадка, требующая мудрости, прозрений: истоки настоящего действительно таятся глубоко

ко в прошлом! Историзм немецкой общественной науки не отказывался от выявления в прошлом непонятого, загадочного, сверхъестественного в поведении, в логике действий героев минувших эпох. Возможности неоднозначных качеств знания о минувшем использовал Сталин в политических манипуляциях, в том числе связанных с разрешением оперировать только фактами, которые власти удобны. Причастный к возрождению отечественной социологии высший эшелон партийно-научной элиты (Г.Ф. Александров, Г.П. Францев, А.М. Румянцев) университетские профессора, учившие первых советских (будущих) социологов-профессионалов, были знакомы с традицией историзма. Г. Александров в 1945–1946 гг. предлагал создать в АОН при ЦК ВКП(б) кафедру истории зарубежной философии и социологии¹. Он автор ряда трудов по истории социологии [4]. Г.П. Францев в 1928 г. защищает диссертацию «Древнеегипетские сказки о верховных жрецах», а в 1938-м защищает докторскую (утверждена в 1942 г.) «Фетишизм и проблема происхождения религий», — почти по Дюркгейму [5 с. 124]. Первый директор социологического института А.М. Румянцев в 1947 г. публикует довоенную кандидатскую диссертацию — «Возникновение частной собственности на движимое имущество» (Харьков. 1947).

Воссоздававшаяся в СССР в 1950–1960-е годы социология сразу устремилась к постижению своей истории. Ю.А. Левада, Б.В. Грушин, И.С. Кон, Г. В. Осипов, В.А. Ядов и другие первопроходцы параллельно решали стержневые вопросы формирования облика новой дисциплины: они вынужденно были и эмпириками, и теоретиками, и историками нового дисциплинарного поля. У социологов этой поры заметен интерес к современной (на тот момент) социологии, которая быстро превращалась в историю. Одновременно со становлением социологических специализаций они осваивали наследие классиков — по мере возможности. Этому подчинялись личные предпочтения. Символично назначение И.С. Кона — действующего социолога, аналитика современной социальной реальности в первом институте социологии АН СССР на сектор истории социологии [6, с. 162]. У Ю.В. Левады в «Лекциях» были (несохранившиеся) главы по истории социологической мысли [7, с. 449]. Г.В. Осипов писал и редактировал труды по зарубежной социологии близкого и отдалявшегося прошлого [8]. Провозвестниками «исторического поворота» 1990-х выглядят труды Б.А. Чагина по истории отечественной и зарубежной социологии [9]. Уже угадывались склонности к специализации — история теории со-

¹ Философию разрешили, а социологию вычеркнули — на высшем, замечу, уровне [3].

циологии у Ю. Н. Давыдов, история социологии культуры — у Л.Г. Ионина. И публикации социологов того времени [См., напр.: 10] сейчас стали историей отечественной социологии.

Что до преемственности с русской социологией, возрождающуюся в СССР социологию характеризует судьба первоклассной книги по истории социологии в России Н.И. Кареева. Она увидела свет лишь в 1996 г. [11]. Не раз переиздававшиеся за границей П.А. Сорокиным с 1928 г. «Современные социологические теории» складировались в отделах специального хранения 2-3 научных библиотек.

Среди особенностей явления отечественной истории социологии нельзя не отметить еще одну. Сталин видел связь отставания общественных наук с неэффективностью советской пропаганды¹. В октябре 1952 г. на Бюро Президиума ЦК КПСС он сетовал на слабую теоретическую подготовку кадров и предлагал: «иметь людей со знанием языков...знакомить людей с идеологией врагов» [12, с. 33–34]. В Институте философии АН СССР действовал сектор изучения и критики «буржуазной философии и социологии» [13, с. 31, 60, 63]. В 1949 г. руководитель сектора М.П. Баскин выпустил книгу с характерным названием «Англо-американская социология на службе империализма». В 1948 г. в издательстве «Правда» Г.Ф. Александров публикует брошюру с названием «Банкротство буржуазной социологии». Условием публикаций такого рода была *критика* [14], что отражает, например, подзаголовок работы Л.Г. Ионина о Г. Зиммеле — «Критический очерк». В 1961 г. в программу КПСС вошел раздел о критике буржуазной идеологии (и ревизионизма в рядах компартий мира), что предполагало соответствующее информирование; контакты советских обществоведов с зарубежными коллегами придавали этой информации особое значение. С 1972 г. в системе АН СССР заработал Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН). Его сектор социологии готовил материалы с грифом «Для служебного пользования».

Не удивительно, что с конца 1980-х заявили о себе первые специалисты по истории социологии: И.А. Голосенко, В.П. Култыгин, Р.П. Шпакова, С.С. Новикова и др [15]. Решение предоставить социологии статус «нормальной» науки, расширить подготовку специалистов-социологов университетского уровня сразу же создало огромный спрос на учебную литературу, включая историю социологии. За относительно короткий срок московские, ленинградские, минские социологи подготовили несколько учебных текстов по этой дисциплине для вузов. Началась

¹ Хотя советская действительность играла решающую роль.

специализация по национальным социологическим традициям: отечественной, немецкой, американской, французской — А.О. Бороноев, Ю.Н. Давыдов, Е.И. Кукушкина, Л.Г. Ионин, А.Б. Гофман, В.В. Козловский, и др. В начале 1990-х приходилось для заполнения лакун в учебных текстах по истории социологии прибегать к использованию иностранных авторов: В «Истории социологии в Западной Европе и США» (М. Наука. 1993) примерно половину составили переводы текстов Л. Козера, Г. Йоаса, Дж. Ритцера. Однако пробелы закрывались; количество публикаций по истории социологии, особенно учебной литературы: учебников [16] и хрестоматий [17] неуклонно росло.

Современное предметное поле истории социологии покрыто практически без белых пятен. История социологии в современной России — один из наиболее разработанных разделов социологического знания.

Помимо учебников для студентов-социологов отечественная литература по истории социологии представлена такими группами публикаций:

- 1). История теоретической социологии [18].
- 2). Труды о классиках социологии [19].
- 3). Исследования по истории эмпирической социологии [20].
- 4). История социологии отдельных стран и регионов мира [21].
- 5). История специальных социологических дисциплин [22].
- 6). Труды по истории социологии в царской и послереволюционной России [23].
- 7). Переиздания трудов русских и советских социологов XIX–XX веков.
- 8). Переводы классиков зарубежной социологии — их множество, но еще остаются серьезные лакуны.
- 9). Переводы западных текстов (в основном — учебных) по классической и современной социологии [24].
- 10). Труды и мемуары о прожитой в советской социологии жизни, издания документов [25].
- 11). Материалы по истории социологии в регионах страны, городах (например, в С.-Петербурге [26]).
- 12). Электронные, цифровые базы данных первично обработанных документов. Пока их чаще используют как вторичную информацию исследователи. Но со временем они становятся историческими материалами.
- 13). Воспоминания тех, кто делал историю современной российской социологии [27].

Так, осмысление истории отечественной социологии представляя собой выступления, статьи академика Г.В. Осипова к исполнившимся в 2008 г. 50-летию Советской социологической ассоциации и 40-летию социологического института отечественной Академии наук [28]. Мему-

арные материалы тех, кто — вместе с ушедшими из жизни — возродили современную социологию в России, в ее регионах, заняли более двух номеров журнала «Социологические исследования» (№ 6 и 7 за 2008 г.).

Созданные за последнее десятилетие труды по истории социологии позволяют говорить уже не о пробелах, а о проблемах. Для современного периода отечественной социологии разнообразие взглядов на историю социологии, поиски на университетских кафедрах социологии жизненно важны. У авторов развязаны руки для формирования специалиста, его «агентных» качеств. Университет, конкретный профессор (и студенты) реализуют, могут выбирать ракурс, усваивать специфику специализации. Например, книга С.А. Кравченко [29], возникшая в стенах Университета МИД РФ, — сложилась в ходе преподавания студентам-международникам (не профессиональным социологам), готовящимся иметь дело и с живыми носителями изложенных в книге социологических теорий и парадигм, и с отраженными в них реалиями. Она и выстроена как последовательное изложение «современных социологических теорий» по аналогии с книгами о политических, экономических, психологических и т.п. теориях, с элементами биографической информации об их создателях.

Учебник Г.С. Батыгина и Д.Г. Подвойского, созданный в Университете Дружбы народов, фундаментален в плане социологии и социальной теории. Он вводит в курс развития мировой социальной мысли, достижений социологии на фоне развития социальной философии, других наук [30]. Авторы этого труда стремились максимально удовлетворить интерес аудитории, которой читается курс «История социологии». Творческие портреты восьми классиков социологии даны на фоне среды созданных ими социологических теорий (парадигм), влияний предшественников, достижений науки, философской оставляющей интеллектуальных влияний, то есть научной, интеллектуальной среды удаляющегося от нас времени. В учебнике белорусских авторов, книге Г.Е. Зборовского, в ряде других — стремление иное: воссоздать целостный процесс развития зарубежной и отечественной социологии, что чрезвычайно важно для формирования специалиста-социолога. Г.Е. Зборовский для варианта учебника, изданного в Екатеринбурге, создал главу о социологии в Уральском регионе. В ней будущих социологов знакомят с возможными сферами их дальнейшего трудоустройства, со сферой применения специальной социологической подготовки в регионе. В этом отношении завершение курса истории социологии разделом о социологии конкретного региона имеет звучание не провинциальное, а принципиальное, — своего рода профессионально-ориентационный раздел истории социологической науки.

Литература по истории социологии важна и социологам-профессионалам: ученый, не интересующийся историей своей науки, для России нехарактерен. И у нас, и за рубежом такому читателю предлагают переиздания периодически — с интервалом примерно в 10 лет — наиболее значимых статей, глав из монографий, реально образующих развитие социологии; есть опыт выпуска хрестоматий по специальным социологическим дисциплинам. Такого рода книги, обновляемые примерно раз в десятилетие, используются в зарубежных университетах. О них российский читатель имеет возможность судить по подборке новейших на тот момент трудов немецких социологов — [31]. Это хорошее дополнение к публикуемым в России текстам классиков социологии, недоступным у нас на языке оригинала.

Сложившийся в настоящее время корпус трудов, тенденции его развития — эмпирическая база для анализа процесса и проблем, конструирования дальнейших шагов отечественной истории социологии. Анализ обсуждаемой литературы с использованием метода *социологии социологии* [32] ставит вопрос: в какой мере книги по истории социологии реализуют дисциплинарные возможности социологии? Ниже обозначены ряд главных, по мнению автора настоящего текста, проблем дальнейшего развития отечественной истории социологии.

Приведенные в начале данной статьи слова П. Штомпки посвящены теоретической составляющей истории социологии. В учебной литературе акцент на классику, на теоретическую составляющую социологического знания отражает традицию введения студентов в логику развития социологической науки, социологических теорий, фундаментальной подготовки специалистов. Во всем массиве учебных текстов по истории социологии материал излагается вокруг галереи классиков от Конта до настоящего времени. Но сколько классиков выдержит социология и память обучаемых? В литературе встречаются перечни классиков, достигающие порядка цифр между 20 и 30. Проблему личностей в социологической науке, личности социолога, его усилий и находок следует связывать с прогрессом социологического знания, с его развитием к современным парадигмам как стержню обсуждаемого курса.

Однако более последовательное проведение в учебных текстах по истории социологии этой пока имплицитной тенденции возможно. Поскольку российские университеты акцентируют фундаментальные проблемы социологии, номинально ориентированы на формирование социологов-профессионалов, тексты по истории социологии могли бы показывать, какими профессиональными качествами выделялись классики, как создавались их теории, практики социологического теорети-

зирования, как соотносились в их творчестве социологии теоретическая и эмпирическая составляющие науки? Классики социологии и многие крупные западные социологи уделяли и уделяют внимание историческим разделам своих научных интересов, выстраивают свои теории на тенденциях истории социологической мысли. Этот материал пока слабо отражен в большинстве текстов по истории социологии. Между тем, решение этой задачи помогло бы преодолеть дефицит связи исторического материала с современными теориями, с практической исследовательской методологией (методами, пакетами прикладных программ и т.п.), одним словом — создавать базу будущего вклада в теоретические разделы социологических дисциплин. В связи с ожидаемыми последствиями «болонского процесса» (разделение фундаментальной и специализированной профессиональной подготовки) созданный к настоящему времени в России корпус текстов для изучения истории социологии позволяет двигаться в обоих направлениях.

В России активно развиваются специальные социологические дисциплины. В имеющейся литературе по истории социологии зафиксированы пока лишь фрагменты появления и развития социологических дисциплин в трудах классиков. При обсуждении серии книг по истории эмпирической социологии была высказана мысль о специальных курсах по этой составной части истории [33, с. 136]. Напрашивается мысль о книгах по истории развития социологии, скажем, сферы маркетинга, политических технологий, управления, общественного мнения. Задел в ряде случаев создан. Подготовка же учебных пособий такого плана требует специальных изысканий.

При освещении прошлого социологии не всегда убедительно освещаются воздействия на эволюцию социологии из сфер национальной и общечеловеческой истории (пример — влияние первой и второй мировых войн). Есть проблема и смысловая и терминологическая — социология «западная» или «зарубежная». Г.Е. Зборовским поставлен вопрос о влечении (в анализ мировой социологии) истории отечественной социологии и, тем самым, о более цельном осмыслении развития социологии. Не отделяя отечественную социологию от зарубежной (западной), можно синхронизировать сравнительные представления о месте отечественной социологии в мировой, содействовать целостности образа развития социологической науки. В идеале специалисты, которых готовят факультеты социологии в России, будут измерять себя «аршином» скорее глобальным, чем западным или российским. Особняком стоят импульсы, идущие из сферы научного знания, из наук об обществе: социология научного знания, научные революции, одной из которых пред-

ставляется выход социологии в «киберпространство» и др. В известной мере это еще одна грань истории социологии. Междисциплинарность пронизывает реальную историю социологии, обучение социологов истории, информатике, математике, философии, психологии, этнологии, антропологии. Редкая отрасль наук в том или ином качестве не попадала в орбиту интересов социологов. Данный аспект подводит студентов к важной составляющей социологической практики. Проведение реального исследования требует постижения сути изучаемой сферы на серьезном научном уровне. Известен пример Т. Парсонса, которому довелось заняться получением специальности по психоанализу [34, с. 222–226], что отразилось в дополнениях к теории социального действия и выходу на уровень генеральной теории общества. Да и в интересах будущей карьеры качественно подготовленных социологов — ориентироваться со студенческой скамьи на освоение новых областей своей профессиональной деятельности. Соответственно, акценты на проблемы взаимодействия социологии со смежными науками повышают мотивированность студентов усваивать параллельные с социологией курсы.

Научное воссоздание путей к современной социологии обеспечивает внутреннее единство курса, достоверное раскрытие содержания процессов и проблем развития социологии. Симптоматично: Дж. Ритцер в труде о современных социологических теориях дважды повторяет, что изложенный им материал «встроен в непрерывный исторический процесс» [35, с. 420, 581] — от истоков до современности. Достижению этих целей служит периодизация истории социологии. В исторической науке проблему периодизации принято решать путем выбора основания (критериев) выделения конкретных этапов (периодов). Но не принято выстраивать периодизацию по разным основаниям, когда этап, скажем, «классической социологии» сменяется этапом «социологии послевоенной». «Послевоенному этапу» логически должен предшествовать период «Социология в годы войны», а последнему — «Социология в предвоенные годы» и т.п. Период «социологии в годы войны» уместен при изучении курса социологии будущими военачальниками. Во всяком случае, у периода второй мировой войны как объекта социологического изучения особенностей не меньше, чем у «послевоенного периода».

Что касается числа периодов в курсе истории социологии, я склоняюсь к трем — по решающему для меня основанию — смена качественной специфики социологической науки. Первый период «Возникновение и становление социологической науки в XIX в.»; «Классическая социология. 1900–1960-е гг.» Выделение периода «Современная социология (с 1970-х гг.)» служит основательному ознакомлению студентов с про-

цессами в современной социологии. Постановка такой цели во главу угла требует давать характеристику возникновения и развертывания современных процессов (например, фрагментации) в социологической науке. Следует акцентировать актуальные аспекты развития социологии в теории и в эмпирике. Если не брать ориентиром современную социологию, курс распадётся, станет иррелевантным тому, что изучают студенты. Важно избежать одностороннего, упрощённого прочтения современной ситуации в социологии, и т.д.

Есть разные точки зрения на то, когда возникла социология. Неприемлемо отведение до половины текста учебного текста по истории социологии фактически её предьстории [36]. Исходная точка истории социологии, на мой взгляд, качественно иная, нежели у истории социальной мысли, социальной философии, или истории религиозной мысли. Уход в глубину веков есть подмена социологии социальной философией, связанная с игнорированием (или непризнанием) специфики социологической науки или с попыткой подменить критерии науки иными основаниями. Конечный рубеж курса истории социологии считаю принципиально важным доводить до современности. Нельзя согласиться с доводом в подкрепление противоположной позиции: для беспристрастной истории якобы необходима солидная временная дистанция. Историческая наука преодолела этот распространённый ещё лет пятьдесят назад взгляд. Иной подход, на мой взгляд, заметно обесценивает значимость изучения истории социологии. Достаточно социологии современной с добавлением — классической.

Конечно, история социологии могла бы полнее охватывать институциональную, прикладную, эмпирическую компоненты, проблематику международных сообществ социологов, усилий национальных и профессиональных ассоциаций. Внимание к эмпирической компоненте истории социологии подводит к изучению истории инструментария социологов, раскрытию нового качества интернет-ресурсов и возможностей компьютерной техники. Факторы, способствующие (или противодействующие) поддержанию роли, значимости нашей науки в обществе, нужно знать с тем, чтобы создавать, развивать социологию общественно значимую — «публичную». Полнее могли бы быть представлены в текстах по истории социологии и такие проблемы: 1) развертывание всех составных частей социологической науки и социологической практики; 2) развитие социологии как части института образования, науки, соприкасавшихся с социологией дисциплин; 3) развитие социологии как части общества — общий ход развития социологического знания в его связях с общественными, историческими процессами в отдельных странах и в мировом со-

обществе, «осевым временем» общечеловеческой истории, меняющим координаты отсчета исторического времени; технические революции в овладении знаниями и доступом к ним и т.п. Вопрос в мере интеграции данных аспектов в раскрытие общего хода истории социологии. В случае же с учебными текстами не следует забывать и об их объеме. Не надо делать вид, что студент выдержит все. Выдержит. Но избирательно.

История социологии как учебная дисциплина обнажает проблематику моделирования выпускника-социолога. Проникновение в сущность истории социологии предопределяет содержание и качество обучения будущих социологов. Акцент на истории социологии — важная особенность отечественной социологии, динамики ее движения. Труды по истории социологии последних лет показывают, что отечественная социология нацелена на формирование фундаментально подготовленных практиков. Что предстоит сделать? Выше обозначены значимые направления работы. Уход от фрагментарности и большая компактность предлагаемых студентам учебных текстов потребуют более высокого уровня обобщения материала истории, проникновение в сущностные проблемы и тенденции развития современной социологии.

Заключая: всего важнее социологу понимание сущности актуальных проблем, тенденций и процессов развития социологии в стране и за ее пределами, умение находить в прошлом социологии факты и тренды, интересующие социолога сегодня. На таком пути социологической дисциплине «история социологии» не грозит опасность утонуть в море как происходящего в современной науке, так и во вновь открывающихся данных из прошлого нашей науки. На таком пути она будет востребована аудиторией современной России.

Список литературы

1. *Штомпка П.* В фокусе обучения: социологическое воображение // Социол. исслед. 2005, № 10.
2. *Немецкая социология.* Под ред. *Р.П. Шпаковой.* СПб, Наука. 2003.
3. *Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).* Ф. 17. Оп. 116 (Оргбюро ЦК ВКП (б)). Ед. хр. 233. Л.11.
4. *Александров Г.Ф.* История социологии как наука. Минск: Издательство БГУ. 1958; *Он же.* Очерк истории социальных идей в древней Индии. Минск, 1959; *Он же.* История социологических учений: Древний Восток. Москва, 1959.

5. Романовский Н.В. Первый президент Советской социологической ассоциации (к 100-летию со дня рождения Г.П. Францева) // Социол. исслед. 2003, № 9, с. 123–128.

6. Пугачева М.И. Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР, 1968–1972 годы // Социол. журнал. 1994, № 2.

7. Кукушкина Е.И. История социологии: Учебник. М., 2009, с. 449

8. Осипов Г.В. Современная буржуазная социология (Краткий очерк). М., Наука, 1964; История буржуазной социологии конца XIX — начала XX веков. М., Наука, 1979; История буржуазной социологии первой половины XX века. / Отв. ред. Л.Г. Ионин, Г.В. Осипов. М., Наука, 1979; Социология в социалистических странах. М., 1984; Из истории социологической мысли в социалистических странах. Т. 1–2. М. 1988; и др.

9. Чагин Б.А. Очерк истории социологической мысли в СССР (1917–1969). Л., 1971; Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX — начала XX вв. Под ред. Б.А. Чагина. Л., 1978.

10. Левада Ю.А. Лекции по социологии; Семенов Ю.Н. Киноискусство и массовая аудитория. М., 2008, 368 с.

11. Кареев Н. И. Основы русской социологии. СПб, 1996.

12. Вопросы истории, 1998, № 7.

13. Батыгин Г.С. Преемственность российской социологической традиции // Социология в России. Под редакцией В.А. Ядова. М., 1998.

14. Критика современной буржуазной теоретической социологии / Под ред. Ю.Н. Давыдова и др. М., 1977; Ионин Л.Г. Понимающая социология. Историко-критический анализ. М., Наука, 1979; Давыдов Ю.Н. Критика социально-философских воззрений франкфуртской школы. М., Наука, 1977; Ионин Л.Г. Георг Зиммель — социолог. Критический очерк. М. 1988; и др.

15. Голосенко И.А. Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар, 1991; Култыгин В.П. О Конт и Г. Спенсер — основоположники социологической науки. М., АОН при ЦК КПСС. 1991; Култыгин В.П. Ранняя британская социология. М., 1992; Култыгин В.П. Ранняя итальянская социология. М., 1992; Кукушкина Е.И. Русская социология XIX — начала XX вв. М. 1993; Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М. 1997; Новикова С.С. Развитие социологии в России. М. 1996; Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. М., 2000; и др.

16. Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии. Учебник. М., 2004 (2007); Волков Ю.Г., Нечипуренко В.И., Самыгин С.И. Со-

циология: история и современность. Ростов-на-Дону. 1999; *Воронцов А.В., Громов И.А.* История социологии. XIX — начало XX века. Ч.1. Западная социология. Ч. 2. Русская социология. Учебное пособие, М., 2005; *Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А.* Западная теоретическая социология. СПб, 1996; *Добренёв В.И., Кравченко А.И.* Социология: в 3-х томах. Т. 1: Методология и история. М. 2000; *Добренёв В.И.* История социологии (XIX — первая половина XX века). М., 2004; *Зборовский Г.Е.* История социологии. Классический и современный этапы. Учебник для вузов. Екатеринбург, 2003 (Московское издание — Гардарики. 2004); *История социологии в Западной Европе и США.* Под общ. ред. *Г.В. Осипова.* Учебник для вузов. М., 2001; *Капитонов Э.А.* Социология XX века: история и технология. Ростов-на-Дону. 1996; *История социологии. Учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов вузов.* Под общ. ред. *А.Н. Елсукова.* Минск 1997(1993); *Кравченко А.И.* История социологии: Учебник. М., 2006; *Луков В.А.* История социологии в конспективном изложении. М., 2001; *Миненков Г.Я.* Введение в историю российской социологии. Минск, 2000; *Осипова Н.Г.* Становление и развитие западной социологии. Краткое учебно-методическое пособие. М., ИСПИ РАН. 2002; *Плахов В.Д.* Западная социология XIX–XX вв.: от классики до постнеклассической науки. Эпистемологическое обозрение. Учебник. СПб, Алетейя, 2003; и др.

17. *Западноевропейская социология XIX века. Тексты.* Сост. *В.П. Трошкина* / Под ред. *В.И. Добренёва.* М. 1996; *Социология в России.* Сб. текстов Сост. *Е.И. Кукушкина, Е.К. Прокудина.* Вып. 1. М., 1997; *Американская социологическая мысль.* Сб. текстов. Сост. *Е.И. Кравченко.* М., 194; *Хрестоматия по общей социологии.* Сост. *В.П. Култыгин, А.Г. Кузнецов.* М. 2004; и др.

18. *Баньковская С.П., Гофман А.Б., Давыдов Ю.Н.* История теоретической социологии. М. 1993; *Очерки по истории теоретической социологии XX столетия.* М., 1994; *Давыдов Ю.Н.* Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М. 1998; *История теоретической социологии.* В 4-х т. Ответ. ред. и составитель Ю.Н. Давыдов. М. 2002; и др.

19. *Ионин Л.Г.* Георг Зиммель — социолог; Американская социологическая мысль. Тексты. М. МГУ, 1994; *Ионин Л.Г.* Понимающая социология; *Константинов В.Н.* Российский социолог Лев Мечников. Владимир, 1994; *Голосенко И.А.* Социология Питирима Сорокина. Русский период деятельности. Самара. 1992; *Патрушев А.И.* Расколдованный мир Макса Вебера. М. 1992; *Кравченко Е.И.* Эрвин Гоффман. Социоло-

гия лицедейства. М. 1997; *Кравченко Е.И.* Джордж Герберт Мид: философ, психолог, социолог. М., МГЛУ, 2006. 315 с.; и др.

20. *Лапин Н.И.* Эмпирическая социология в Западной Европе. Уч. пособие. М., 2004; *Беляева Л.П.* Эмпирическая социология в России и Восточной Европе. М., 2004; *Ионин Л.Г.* Философия и методология эмпирической социологии. М., 2004; и др. См. также рецензию на эту серию книг: *Тощенко Ж.Т.* Новое слово в истории социологии // Социол. исслед. 2005, № 1.

21. *Бурганова Л.А.* Ранняя американская социология. Казань, 1997; *Баразгова Е.М.* Американская социология (традиции и современность). Екатеринбург-Бишкек. 1997; *Осипова Н.Г.* Современная французская социология. М., 1997; *Курбатов В.И.* Современная западная социология. Ростов-на-Дону. 2001; *Голенкова З.Т., Нарбут Н.П.* История социологической мысли в странах Центральной и Восточной Европы. М., 2003; *Немецкая социология.* Под ред. *Р.П. Шпаковой.* СПб. Наука. 2003; *Брисеньо-Леон Р.* Вызов для социологии: ситуация в Латинской Америке // Социол. исслед. 2003, № 7; *Алли Ш., Муни К., Стюард П.* Социология в ЮАР (1920–1970) // Социол. исслед. 2006, № 3; *Цыбикова Б.Ц.* Становление и развитие социологии в Китае. Дисс. на соискание...канд. социол. наук. М., ИСПИ РАН, 2005; *Митупова С.А.* Становление и развитие социологии в Японии. Дисс. на соискание... канд. социол. наук. М., ИСПИ РАН, 2007; и др.

22. Эта литература пока представлена, в основном, главами в монографиях и статьями по истории изучения общественного мнения, военной социологии, изучения девиантного поведения (Социология великой победы. М., ИСПИ РАН. 2005; Патрушев. Хронометраж времени и др...) В ряде монографий Б.З. Докторов знакомит социологов России с историей методов изучения общественного мнения, электорального поведения, рекламы, маркетинга — напр.: *Докторов Б.З.* Первопроходцы мира мнения: от Гэллапа до Грушина. М., ФОМ, 206; *Он же.* Реклама и опросы общественного мнения в США. История зарождения, Судьбы творцов. М., ЦСП, 2008; и др. Книга «Социология в России» под ред. В.А. Ядова (М., 1998) излагает историю основных дисциплин, разрабатывавшихся в Институте социологии РАН.

23. Социология в России. Под ред. *В.А. Ядова.* М., 1998; *Култыгин В.П.* Классическая социология. М., 2000 (Советская социология, с. 451–463); *Шпаковский В.В.* Общее и особенное в развитии социологической науки в России. Учебное пособие. Тамбов. 1997; и др.

24. *Беккер Г., Босков А.* (сост.). Современная социологическая теория: В ее преемственности и изменении. М., 1961; Новые на-

правления в социологической теории: Пер. с англ. М., 1978; Американская социологическая мысль. М., 1984; *Тернер Дж.* Структура социологической теории. М., 1985; *Монсон П.* (сост.) Современная западная социология: теории, традиции. СПб, 1992; *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М., 1993; Современная немецкая социология: 1990-е годы. Под ред. *В. Козловского* и др. СПб, Социологическое общество им. Ковалевского. 2002; *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб, 2002; *Козер Л.* Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М., Н Современная немецкая социология: 1990-е годы. Под ред. *В. Козловского* и др. СПб, 2002.

25. Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968. Ред. *Л.Н. Москвичев.* М., 1997; Социология и власть. Сборник 2. Документы 1969–1972. Ред. *Л.Н. Москвичев.* М., 2001; Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах. Отв. ред. *Г.С. Батыгин.* М., ИС РАН, 1994; *Пугачева М.И.* Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР, 1968–1972 годы // Социол. журнал. 1994. № 2. С. 158–172.

26. *Фирсов Б.М.* История советской социологии 1950-1980-х годов. Курс лекций. СПб, 2001; *Голосенко И.А., Козловский В.В.* История русской социологии XIX–XX вв. М. 1995; Ленинградская социологическая школа 1960–1980-е годы. М.-СПб, 1998; Социология в Ленинграде — Санкт-Петербурге во второй половине 20 века / Под ред. *А.О. Боронова.* СПб, Изд-во СПбГУ, 2007; *Грушин Б. А.* Четыре жизни в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М. 2001; и др.

27. *Ашин Г.К.* Памяти учителя // Социол. исслед. 2003, № 9; *Дыльнов Г.В.* Социологический факультет Саратовского государственного университета // Социол. исслед. 2004, № 4; *Боронов А.О., Скворцов Н.Б.* Социология и социологическое образование в Санкт-Петербургском университете: традиции и современность // Социол. исслед. 2005, № 8; Экономическая социология в России: поколение учителей. Сост., отв. ред. *В.В. Радаев.* М., ГУ-ВШЭ, 2008; и др.

28. *Осинов Г.В.* Три встречи с Питиримом Сорокиным 2004, № 5; *Осинов Г.В.* Возрождение российской социологии (1960–1990-е годы XX века): страницы истории // Социол. исслед. 2004, № 2; *Осинов Г.В.* Российская социология в XXI веке // Социол. исслед. 2004, № 3; *Он же.* Возрождение социологии в России. Как это было на самом деле // Социол. исслед. 2008, № 6; и др.

29. *Кравченко С.А.* Социология: Учебное пособие для вузов. М., 2002 (второе, дополненное издание — 2005 г. Третье — дополненное и переработанное (с подзаголовком — Парадигмы через призму социологического воображения) — 2007 г.).

30. *Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г.* История социологии. Учебник. М., Новый учебник. 2004 (2007).

31. *Зборовский Г.Е.* История социологии. Классический и современный этапы. Учебник для вузов. Екатеринбург. 2003 (М., 2004).

32. *Гоулднер А.У.* Наступающий кризис западной социологии. Перевод с английского. СПб, Наука, 2003 [1971]. С. 50–52.

33. *Максимов Б.И.* Производственная социология в Ленинграде — Петербурге: просто страница истории или нечто большее? // Социология в Ленинграде — Санкт-Петербурге во второй половине XX века; *Гилинский Я.И.* Российская социология девиантности и социального контроля в 1960–1990-е годы XX столетия // Там же; *Гилинский Я.И., Афанасьев В.С.* Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. Учеб. пособ. СПб, 1993; *Ащеулова Н.А.* История социологии науки в Ленинграде — Санкт-Петербурге / Автореф. канд. диссер. СПб, СПбГУ, 2006; и др.

34. Социол. исслед. 2006, № 2.

35. *Парсонс Т.* О построении теории социальных систем: интеллектуальная автобиография // *Т. Парсонс.* Система современных обществ. М., 1998.

36. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории.

37. *Бачинин В.А., Сандулов Ю.А.* История западной социологии. СПб, 2002; *Желтов В.В., Желтов М.В.* История западной социологии: этапы, идеи, школы. Учебное пособие. Кемерово, 2004; и др.

Раздел III. **Социология в российских регионах**

*Ж.Т. Тощенко,
член-корреспондент РАН*

Региональные социологические центры 1960–1970-х годов

В становлении социологической науки в 1960-е годы видную роль сыграли региональные социологические центры (лаборатории, кафедры) в ряде университетов и институтов Европейской части Советского Союза, Сибири, Урала, Дальнего Востока. Хочу сразу оговориться — в моем анализе не будет социологических центров Москвы и Ленинграда, о которых много написано, многое известно, многое опубликовано. Я намерен остановиться на деятельности региональных центров, которые внесли наибольший вклад в возрождение социологии. В известной степени выступаю в данном случае свидетелем того, что происходило реально в этот период времени и что, к сожалению, не получило освещения в литературе, даже в известной монографии «Социология в России», основное внимание в которой было уделено событиям в Москве, Институте социологии, и в Ленинграде (Санкт-Петербурге).

Прежде всего, назову эти центры (лаборатории, кафедры). При академических институтах в эти годы возникли отделы или сектора: в Институте экономики Уральского отделения Академии наук СССР (рук. Коган Л.Н.), в Новосибирске, в Институте экономики и организации промышленного производства (рук. Заславская Т.И.) и в Институте истории, философии и филологии (рук. Бойко В.И.), Сибирского отделения Академии наук, а также в Дальневосточном научном центре (рук. Рыбаковский Л.Л.). Гораздо большее число социологических подразделений и лабораторий было образовано при вузах: в Уфимском авиационном институте (рук. Аитов Н.А.), Уральском (рук. Руткевич М.Н.), Горьковском (Нижегородском) университетах (рук. Фролов С.Ф.), Пермском политехническом институте (рук. Файнбург З.И.), Алтай-

ском пединституте (рук. Барулин В.С. и Воробьев Н.А.), Красноярских университете (рук. Тощенко Ж.Т.) и педагогическом институте (рук. Голосов В.Ф., Сергеев М.И.), Иркутском университете (Мельников Г.И.), Хабаровской высшей партийной школе (рук. Хохлюк Г.С.). В эти годы получили признание социологические подразделения Орловского пединститута (рук. Левыкин И.Т.), Мордовского университета (рук. Сухарев А.И.), Самарского (Куйбышевского) политехнического института, затем университета (рук. Молевич Е.Ф.). Саратовского политехнического института (Ярская В.Н.). Весомо звучал голос социологов Харьковского университета (Якуба Е.А.), Львовского университета (Олесневич О.), Белорусского университета (Давидюк Г.П.), Ташкентского университета (Гилязитдинов Д.М.). Специфическое, но важнейшее направление исследований наркотизма велось в Тбилиси (Габиани А.А.). В 1960–1980-е годы активно функционировали социологические центры в странах Балтии, особенно в Эстонии и Литве.

Специфические черты, характерные для этих подразделений:

Во-первых, все они получили развитие и поддержку в рамках других научных дисциплин и в первую очередь философии и экономики. Можно сказать, что эти науки дали пристанище и убежище новой ветви социальных наук и сыграли большую роль в воспитании и подготовке специалистов нового профиля. Другая ветвь их деятельности — подготовка кадров связана с вузами, в которых базой, опорой и местом проведения исследований стали во многих случаях кафедры научного коммунизма. И хотя к специализации этих кафедр впоследствии клеймилась как догматическая, идеологически зашоренная (что вполне справедливо по отношению к ряду таких кафедр, особенно в Москве и Центральной части России), на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке многие из них стали настоящими социологическими исследовательскими центрами, вели масштабные эмпирические исследования, получившие признание в стране и за рубежом. И преподавалась на этих кафедрах теория научного коммунизма в социологическом разрезе, как анализ конкретных ситуаций в стране, в регионе, том или ином городе, населенном пункте или организации, что вызывало у студентов живой интерес; часто через них шло пополнение желающих стать социологами.

Во-вторых, эти центры комплектовались разными специалистами — философами, экономистами, историками, юристами, представителями точных и естественных наук — математиками, инженерами, физиками, биологами. Впрочем, такая ситуация была характерна для всей страны. Разнообразие источников пополнения, с одной стороны, говорило о том,

что этим специалистам нужно было многому учиться заново, усваивать то, что необходимо для квалифицированного выполнения проводимых исследований. А с другой — обогащалась становившаяся на ноги наука, так как каждый представитель иного научного профиля привносил с собой свое, особенное, содействуя всестороннему и комплексному анализу решаемых проблем. Родство многих наук приводило к таким принципиальным достижениям как исследование В.А. Устинова, которое во многом легло в основу математического обеспечения социологической информации, хотя саму свою работу он строил на обработке исторических источников из сибирских архивов.

В-третьих, для этих центров была характерна ярко выраженная особенность — они развивались при мощной поддержке хозяйствующих субъектов — предприятий и организаций. Руководители заводов, строительных трестов, производственных объединений остро чувствовали потребность в анализе социальных факторов развития и ждали от социологов реальной помощи в решении проблем, которые их волновали. Вот что говорил мне, например, директор огромного растущего предприятия — Красноярского алюминиевого завода Василий Венедиктович Стриго: «Я хорошо знаю возможности техники и технологии, знаю управленческие функции, знаком с передовым отечественным и зарубежным опытом в области металлургии. Но по большому счету не знаю людей, которыми руковожу, чем они живут, что думают, к чему стремятся. И я чувствую, что без этого знания я не могу коренным образом улучшить управление нашим огромным хозяйством». Нечто аналогичное говорил и В.П. Абовский, руководитель Главкрасноярскстроя — организации, ведущей строительство в Красноярском крае, Тувинской и Якутской республиках и насчитывавшей тогда несколько десятков тысяч человек. С заказами: изучить и дать ориентиры к совершенствованию обращались к социологам многие руководители предприятий Урала, Сибири, Европейской части СССР.

В-четвертых, многие из этих центров стали инициаторами крупных всесоюзных, всероссийских и даже международных конференций. Свердловск, например, систематически проводил научные встречи: по социальной структуре советского общества (эта тема прозвучала ранее в Минске, Львове), проблемам социологии культуры, молодежи. Уфа стала центром проведения многих конференций по социальному планированию на предприятиях, в селе, регионах и городах. В Новосибирске почти десятилетие проводились конференции молодых социологов и экономистов Сибири (среди вдохновителей и организаторов которых была энергичная и оптимистическая Л.Г. Борисова), что во многом способствовало привлечению и становлению новых сил в нашу науку. В Красноярске прошли две все-

союзные конференции (в 1971 и 1973 гг.) по управлению социальными процессами, на которых с аргументированными и смелыми докладами выступил бывший директор Норильского комбината, только что избранный первым секретарем крайкома КПСС В.И. Долгих.

Считаю важным назвать ряд руководителей обкомов и крайкомов партии, которые искренне поддерживали социологов на местах, понимали роль эмпирических исследований в анализе реальных проблем и помогали их решать. Они многое не только сделали, но и защищали ученых (в отличие от коллег в Москве и Ленинграде) от всевозможных нападок. Как правило, это были секретари по идеологии: М.Ф. Ненашев (Челябинск), в дальнейшем проявивший себя на должности главного редактора газеты «Советская Россия» яркими и бескомпромиссными материалами в годы брежневского застоя, Л.Н. Пономарев (Свердловск), П.Г. Макеева и К.М. Чернов (Красноярск), В.А. Панова (Пермь), В.А. Смирнов (Горький). На Украине многое сделал для развития социологических исследований секретарь ЦК ЛКСМУ и затем ЦК КПУ А.С. Капто, который был известен в социологическом мире публикациями о социальной активности молодежи.

Говоря об этих центрах, хочу сказать о направлениях их деятельности в эти годы, поисках, раздумьях и размышлениях, о том несомненном вкладе, который был внесен этими первыми социологическими ростками. Прежде всего, отмечу плодотворную работу по поиску и исследованию социальных резервов в промышленности. Этой проблематикой занимались многие исследователи, среди которых назову, прежде всего, уфимскую школу социологии во главе с Н.А. Аитовым и пермяков во главе с З.И. Файнбургом. В этих центрах проводились разнообразные и актуальные исследования, волновавшие руководителей производства — стимулирование труда, движение рабочей силы, подготовка молодежи к труду, трудовая дисциплина. На Пермском телефонном заводе, где социологической лабораторией руководил В.И. Герчиков, осуществлялись даже исследовательские эксперименты, в частности, о роли функциональной музыки в повышении эффективности труда, которые поддерживались директором завода Титаренко, мыслившего не только техническими, но и социальными категориями. Много новаторского внесли исследования С.Ф. Фролова в Нижнем Новгороде, который одним из первых выпустил монографию о проблемах социального планирования на предприятиях. «Молодежь и производство» — эта тематика долгие годы была ведущей в работе свердловских социологов, проводивших исследования на предприятиях Урала, конференции и регулярно выпускавших сборники и коллективные монографии по этим проблемам.

Своеобразной модификацией этой производственной тематики стали исследования социологической лаборатории Красноярского университета по общей проблеме «Становление и развитие новых производственных коллективов» (см. об этом подробнее статью Ж.Т. Тощенко «Социальные проблемы новых производственных коллективов». Социол. исслед. 1975, № 4) и социологической лаборатории Иркутского университета, исследующих «Социальные проблемы новых городов». Выбор этой тематики был продиктован временем: только в Красноярском крае, например, существовало 15 Всесоюзных и несколько региональных ударных строек. Это означало, что в край на стройки века прибыло несколько десятков тысяч добровольцев по комсомольским путевкам. На их пути стояли проблемы освоения и получения новых профессий, организации труда, жилищные и бытовые проблемы, желание учиться и отдыхать. Решение социальных проблем «тыла» запаздывало и не по вине молодежи, в результате чего стройки лихорадило, замедляло ввод их в строй. Во многом в этом были повинны решения «сверху», которые ориентировали руководителей строек и их коллективы на решение в первую очередь производственных задач, откладывая социальные вопросы «на потом».

В этот же период с аналогичными проблемами столкнулись иркутские коллеги. Их увлек анализ возникновения и способы решения насущных проблем новых городов — Братска, Ангарска и других городских поселений, которые возникали на базе строительства электростанций, нефтеперерабатывающих предприятий, целлюлозно-бумажных комбинатов. Опыт строительства новых городов показывал, что это не просто архитектурные сооружения. Строительные или территориальные проблемы не менее важные социальные вопросы, которые надо решать сразу же, не откладывая. Братск, например, начал формироваться как поселки городского типа в соответствии с ведомственной принадлежностью — гидростроителей, эксплуатационников, целлюлозно-бумажного комбината и предприятий стройиндустрии. А так как единого плана не было, стал формироваться город, крайне неудобный для совместного проживания, плохо связанный между собой единой обслуживающей системой. Если бы эти вопросы решались предварительно, просчетов можно было бы избежать. Выводы и рекомендации социологов стали частью таких предложений, однако учтены они были, к сожалению, лишь частично.

Социально-экономическими проблемами производства плодотворно и эффективно занималась новосибирская экономико-социологическая школа, исследующая проблемы современного села. Коллектив под ру-

ководством Т.И. Заславской многие годы изучал состояние, образ жизни, трудовую деятельность сельских тружеников. Они не только исследовали, но и провели ряд интересных экспериментов по повышению производительности труда на селе в Алтайском крае и Новосибирской области (об этом см. подробнее монографию «Новосибирская экономико-социологическая школа»). Сельской тематикой очень обстоятельно и кропотливо занимались в Орле. Под руководством И.Т. Левыкина была осуществлена серия исследований по социальному и духовному состоянию российской сельской глубинки, которая, к сожалению, не получила развития по некоторым объективным и субъективным обстоятельствам. Что касается сельской проблематики, долгое время ею занимались и в Минске — в этой связи следует напомнить труды И.Я. Писаренко.

Среди направлений социологического поиска в эти годы громко и убедительно заявила о себе уральская школа социологии культуры, которую долгие годы вел Л.Н. Коган. Пожалуй, в эти годы не было в стране таких подразделений, которые бы так плодотворно и успешно исследовали проблемы культуры. И это были не надуманные исследования — они были тесно связаны с реальной жизнью. Изучалась деятельность учреждений культпросветучреждений (клубов, библиотек, киносети), их влияние на сознание и поведение, прежде всего, молодежи. Стоит отметить, что здесь были заложены первые исследования театра, филармоний, деятельности художников и писателей — всего того, что в последствие составило такую отрасль социологии искусства.

Стоит особо отметить и усилия уральских социологов по разработке проблем социальной структуры советского общества. В эти годы М.Н. Руткевич и Ф.Р. Филиппов выпустили книгу «Социальные перемещения», где, не употребляя «буржуазное» слово «стратификация», они впервые в поставили вопрос о том, что и рабочий класс и инженерно-техническая интеллигенция глубоко дифференцированы и стоит говорить о таких группах как «рабочие-интеллигенты», «интеллигенты-рабочие», а также о ряде других групп, которые не только по квалификации, но и по другим социальным признакам — образ жизни, общественная и трудовая активность — серьезно отличались друг от друга.

Логично, что всесторонняя заинтересованность в исследовании социальных проблем производства привела к объединению исследователей к работе над одним из впечатляющих коллективных произведений — «Методических рекомендаций по планированию социального развития коллектива», выдержавших три издания, а затем таких же рекомендаций для региона и отрасли. В планах социального развития и ученые, и практики видели действенный инструмент решения социальных про-

блем предприятия, региона, отрасли. И они сыграли огромную роль в развитии самостоятельности трудовых коллективов, и в меньшей мере — городов и районов. Это движение научных работников и представителей производства было настолько мощным, действенным и необходимым, что в Конституции СССР, принятой в 1978 г., была законодательно закреплена обязанность составлять планы экономического и социального развития на всех уровнях социально-экономической организации общества. К сожалению, такая директивность сыграла плохую шутку — планы стали составляться для отчета, для проверяющих комиссий, а не как инструмент реальных дел. Инициатива, которая шла снизу, была во многом задавлена бюрократическим рвением. Но в эти же годы вышли первые монографии по обобщению опыта социального планирования в 1969 г. монографии С.Ф. Фролова о социальном планировании на предприятии (Горький, 1969) и Ж.Т. Тощенко о социальном планировании на всех уровнях развития общества, в том числе с учетом анализа зарубежного опыта (Красноярск, 1971).

Получили признание за свою глубину и полноту исследования общественной трудовой и политической активности, которые вели на Урале Ю.Е. Волков и В.Г. Мордкович, а в Харькове — Е.А. Якуба. В этой связи особо хочется отметить работы рано ушедшего из жизни В.А. Смирнова, книга которого по социальной активности рабочих пользовалась большой популярностью.

Развивались и специфические области научного поиска, среди которых наиболее заметными были исследования, которыми руководил член-корреспондент Академии наук В.И. Бойко: он изучал социальные проблемы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. Его исследование представляли собой своеобразный синтез исторических, этнографических и социологических исследований, результаты которых были использованы при подготовке законодательных актов, касающихся этих народов. Эти результаты, насколько я помню, сопоставлялись с исследованием канадских и американских ученых, совместно обсуждались и дискутировались, так как и в этих странах были схожие проблемы, связанные с жизнью северных народов.

Не были в стороне исследователи из республик, краев и областей СССР от того, что составляет фундамент социологической теории — теория, методология и методы. Помимо упомянутого В.А. Устинова, внесшего огромный вклад в разработку и обоснование математических методов обработки социальной информации, нужно отметить работы алтайского исследователя Н.А. Воробьева, подготовившего фундаментальный труд по методологии и методам работы с социологическими данными.

Особо хотелось бы отметить начало интенсивной разработки проблем социологии образования. Наиболее яркими инициаторами этого направления стали новосибирские социологи В.Н. Турченко и Л.Г. Борисова. Турченко разрабатывал общие проблемы образования, уделяя внимание высшей школе. Борисова была просто влюблена в школу, в проблемы жизни учителей, в содержание и методы обучения подрастающего поколения. В дальнейшем этой тематикой интенсивно занимались красноярские социологи во главе с А.М. Гендиным и М.И. Сергеевым, которые в своих исследованиях охватили весь спектр проблем образования — от детских дошкольных учреждений до высшей школы и эффективности работы людей, получивших те или иные виды образования.

И, наконец, знаменателен такой факт. В эти годы в недрах социологических подразделений выросли, окрепли социологи, которые потом стали заметными крупными исследователями реальных социальных процессов. В Новосибирске — Р.В. Рывкина, Е.Г. Антосенков, Ф.М. Бородкин, Л.Г. Борисова, В.Н. Турченко, на Урале — Ф.Р. Филлипов, Г.Е. Зборовский, Ю.Г. Вишневский, Л.Я. Рубина, В.Т. Шапко, в Уфе — Ф.С. Файзулин, Д.М. Гилязитдинов, в Красноярске — Г.Ф. Куцев, Л.Л. Шпак, В.Г. Немировский, Н.Г. Гапоненко, П.П. Великий, на Алтае — С.И. Григорьев, Ю.Е. Ростов, в Горьком (Нижем Новгороде) — Л.А. Зеленов и др.

А.О. Бороноев

Социологические исследования в Ленинграде — Санкт-Петербурге (1960–1990-е годы)

Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград — один из регионов, где рождалась и возрождалась отечественная социология. Возрождение социологии в Ленинграде, как и в целом в стране, началось с 1960-х годов. В основном развивались два направления: историко-социологические [1] и эмпирические исследования различных сфер жизни и социальных отношений советского общества.

Историко-социологические изыскания осуществлялись на кафедре истории философии философского факультета Ленинградского университета и в секторе изучения общественной мысли ленинградского отделения АН СССР (позднее Ленинградский сектор Института философии АН СССР, а затем кафедра философии АН СССР). У истоков этих исследований стояли М.В. Серебряков, Н.Н. Андреев и Б.А. Чагин. Последний фактически был основной фигурой этой деятельности. Он начал изучение истории отечественной социологии в рамках более широкой темы — истории общественной мысли в России. Его первая монография (1934) о творчестве Ф. Меринга освещала не только философские, но и социологические взгляды автора. Результаты его деятельности представлены также в коллективном труде «Социологическая мысль в России» (1978), ставшем второй фундаментальной работой по истории отечественной социологии после еще не изданного в то время труда Н.И. Кареева «Основы русской социологии» (1996). К этому времени сформировалась достаточно сильная группа историков отечественной социологии — И.А. Голосенко, В.М. Зверев, И.Г. Лиоренцевич, И.С. Кон, В.И. Клушин и т.д.

Историко-социологическая проблематика была представлена и на кафедре истории философии, которой с 1968 г. заведовал А.А. Галлактионов. В 1970-1980 годы в научный оборот были введены имена А. Радищева, П. Чаадаева, М. Ковалевского, А. Богданова, А. Щапова, П. Лаврова, К. Михайловского, Н. Данилевского, В. Лесевича, П. Сорокина, Н. Милюкова, П. Кропоткина, П. Ткачева, М. Бакунина, А. Герцена, Н. Бердяева (см., например: [2]). Традиции исследования истории российской социологии продолжают сегодня на факультете социологии Санкт-Петербургского университета под руководством А.О. Бороноева.

Нельзя не упомянуть и освоение западного опыта подобных исследований. В 1960–1970-е годы появились переводы социологических работ, их комментарии и самостоятельные исследования [3]. На философском факультете выступали Т. Парсонс, Р. Мертон, некоторые молодые ученые проходили стажировку за рубежом.

Вторым направлением социологической деятельности были эмпирические исследования. Это диктовалось необходимостью: обострились проблемы интенсификации производства, производительности труда, совершенствования управления, эффективности науки, образования и воспитания молодого поколения и т.д. Развитию эмпирических направлений, безусловно, способствовало ослабление идеологического контроля, иногда и прямое приглашение социологов партийными и государственными органами к проведению подобных исследований. Особо важную роль сыграл семинар по проблемам социологии в конце 1950 — начале 1960-х годов [4]. Первыми результатами дискуссий стали сборник «Проблемы марксистской социологии» (1962, авторы В.П. Рожин, Б.А. Чагин, А.Г. Харчев, И.С. Кон) и книга В.П. Рожина «Введение в марксистскую социологию» (1962). В эти же годы были опубликованы актуальные теоретические работы по социологии: В.Я. Ельмеев «Наука и производительные силы общества» (1959); В.А. Ядов «Идеология как форма духовной жизни (1961); А.Г. Здравомыслов «Проблема интереса в социологической теории» (1964), И.С. Кон «Позитивизм в социологии» (1964), А.В. Дроздов «Человек и общественные отношения» (1966), Б.Д. Парыгин «Общественное настроение» (1966) и т.д. Большую роль в актуализации социологических исследований сыграла монография В.П. Тугаринова «Личность и общество» (1965), где были обозначены проблемы социальной типологии и социализации, ценностной структуры и ценностных ориентаций человека и социальной деятельности. Все это сделало возможным открытие на философском факультете в 1962 г. социологической лаборатории под руководством В.А. Ядова. В эти же годы на философском факультете возникла лаборатория социальной психологии (рук. Е.С. Кузьмин). На базе этих лабораторий с включением лабораторий экономических исследований экономического факультета (В.П. Полозов), дифференциальной психологии и антропологии (Б.Г. Ананьев) в 1965 г. был образован Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ) (см.: [5]).

НИИКСИ постепенно расширял свою деятельность. В 1967 г. была создана лаборатория социологических проблем молодежи (В.Т. Лисовский), затем — лаборатория юридических исследований (В.В. Орехов),

управления (А.А. Годунов). Деятельность НИИКСИ активизировала формирование исследовательских групп, секторов в других учебных и научных подразделениях города и Северо-Запада. Например, в Ленинградском отделении Института истории естествознания и техники АН СССР был создан сектор социологии науки (Ю.С. Мелещенко, С.А. Кугель). В 1975 г. различные секторы и отделения центральных научно-исследовательских институтов АН СССР объединились в Институт социально-экономических проблем АН СССР (ИСЭП), где развивались региональная, городская социология и социология труда и образа жизни параллельно с лабораториями НИИКСИ. Основными темами и их исполнителями были: социология города — А.В. Дмитриев, П.Н. Лебедев, М.Н. Межевич, А.В. Лола, В.А. Воротилов, И.И. Сигов и др., региональная социология — Г.Н. Черкасов, В.А. Воротилов, О.П. Литовка, Н.Т. Агафонов; социология труда и образа жизни — Б.Д. Парыгин, Б.М. Фирсов, О.И. Шкаратан, Г.М. Романенкова, Н.А. Лобанов и др. [6]. Социологическая тематика была представлена на кафедрах вузов и в др. научных учреждениях. В НИИ вечерних и смежных школ Академии педагогических наук под руководством С.Г. Вершловского велись исследования мотивов повышения общеобразовательного уровня молодых рабочих, результаты которых представлены в сборнике «Молодежь и труд» (1979). Социологические исследования проводились также сотрудниками Всесоюзного научно-исследовательского института профессионально-технического образования.

В целях координации социальных исследований в Ленинграде в 1965 г. под руководством В.П. Рожина и под эгидой партийных органов был создан общественный Институт социальных исследований. Институт сыграл большую роль в институционализации отечественной эмпирической социологии. Его усилиями в Ленинграде в 1966 г. был проведен первый Всесоюзный симпозиум «Опыт проведения конкретно-социологических исследований в СССР», в работе которого приняли участие около 600 человек из 68 городов Советского Союза [7].

Социологическим центром в Ленинграде в тот период был НИИКСИ при ЛГУ. Сотрудники лаборатории социологических исследований под руководством В.А. Ядова (сотрудники А. Здравомыслов, В. Водзинская, А. Киссель, Б. Орнатский, А. Шаев, Г. Саганенко) работали над темой «Отношение рабочего к труду», результаты этой работы представлены в книге «Человек и его работа» (1967), которая в период распространенности схоластической ориентации в социальных науках заложила традиции конкретно-социологического исследования. Было выявлено,

что отношение к труду мало зависит от идеологических установок людей, главную роль играют три составляющих: отношение к работе, к профессии (специальности) и усвоение значимости труда как социальной ценности.

Чрезвычайно интересным проектом ленинградской социологии того времени было социальное планирование. Зачинателями этого направления были В.Я. Ельмеев (директор НИИКСИ в 1965-1968 гг.), В.П. Полозов, Б.Р. Рященко. Одними из первых они представили цели социального планирования и разработали методологические основы составления и реализации этих планов. Первым опытом стало составление плана социального развития коллектива объединения «Светлана». До конца 1980-х годов это направление было ведущей комплексной темой НИИКСИ. Были составлены планы социального развития предприятий, среди которых «Электроаппарат», «Металлический завод», «Пискаревский глиноземный комбинат» и т.д., районов города и области и городов России (Пензы, Калуги, Мурманска, Орла, Выборга, Ангарска) [8]. Работы по социальному развитию определяли активную коммуникацию социологов с властями, чего не было в мировой социологии и что отсутствует сегодня в отечественной. Социальное планирование развития различных коллективов, поселений, регионов не было прерогативой только ленинградских ученых. В 60-е годы подобные исследования проводились в Перми (З.И. Файнбург), Красноярске (Ж.Т. Тощенко), Уфе (Н.А. Аитов), Москве (В.Г. Подмарков, В.В. Колбановский, Н.И. Лапин).

Проект социального развития (планирования) послужил основой заводской социологии. В начале 1980-х годов, по данным Б.И. Максимова, одного из зачинателей «заводской» социологии, было около 70 социологических подразделений на ленинградских предприятиях и в учреждениях закрытого типа («Мезон», «Позитрон», «Электросила», Ижорский и Кировский заводы, Главленинградстрой и т.д.). Например, социологическая лаборатория Кировского завода состояла из 12 человек [9]. Заводские социологи обеспечивали составление планов социального развития, проводили предплановые исследования, исследования по проблемам-темам — текучести кадров, адаптации молодых рабочих и инженеров, структуре социальных потребностей, форм организации труда, самоуправлению и неформальным отношениям в коллективах, одной из задач социологов были сопровождение реализации принятых планов и создание социальных технологий. Из заводской социологии вышли, кроме Б.И. Максимова, известные сегодня социологи — А.В. Тихонов, И.А. Громов, Н.Г. Скворцов, А.А. Сарно и др.

В деятельности ученых НИИКСИ большое место заняли исследования в области социологии молодежи, связанные прежде всего с творчеством В.Т. Лисовского. Под его руководством в 1967 г. при поддержке ЦК ВЛКСМ была создана лаборатория, на которую было возложено обобщение и координация исследований в этой сфере. Лаборатория в сотрудничестве с другими научными образованиями провела множество эмпирических исследований, которые затронули весь комплекс молодежных проблем. В формировании этой школы приняли активное участие А.А. Козлов, С.Н. Иконникова, Т.В. Пелевина, Т.Г. Поспелова, Л.И. Сугакова, Г.А. Журавлева, З.В. Сикевич и др. В настоящее время лаборатория стала основой подготовки кадров по профилю «Организация работы с молодежью» на факультете социологии СПбГУ.

Одним из пионерных направлений исследований НИИКСИ были работы в области социологии права. Они исполнялись в рамках лаборатории юридических исследований, которая была создана в 1965 г. под руководством члена-корреспондента АН СССР Д.А. Керимова. В ней в разное время работали А.С. Пашков, В.В. Орехов, Я.И. Гишинский, П.Н. Лебедев, А.Н. Шаров, Л.И. Шишкина и др. Главной темой исследований на первом этапе стали правовые и криминальные проблемы советского общества. Одной из первых публикаций по результатам исследований стал сборник под редакцией А.С. Пашкова «Трудовая дисциплина как объект социального планирования на промышленных предприятиях» (1969).

Логика комплексного и междисциплинарного подходов предопределила поиски в области социальных проблем девиантности. Несмотря на все трудности, были проведены эмпирические исследования преступности, пьянства, суицидального поведения, трудовых правонарушений в Ленинграде, Орле, Мурманске, Пскове [10]. В арсенале ленинградских девиантологов — исследования форм проявления девиантности, основные понятия и специфические методы социального контроля, мониторинг различных проявлений девиантности в сравнении с зарубежными странами и издание первых монографических и учебных изданий [11].

Важное место занимают исследования в области социологии образования. Изучение образовательного процесса и проблем подготовки специалистов определялось необходимостью повышения качества их подготовки, совершенствования учебных планов, проблем личностного развития, профессиональной социализации учащихся вузов и т.д. В 1974 г. в НИИКСИ при ЛГУ была создана лаборатория исследования

проблем подготовки специалистов в вузах (рук. Е.Э. Смирнова). В ней была осуществлена серия значимых проектов по повышению качества подготовки специалистов, разработаны концепция модульной системы образования и методика конструирования модели специалиста в различных областях деятельности, что нашло отражение в сборнике «Становление специалиста» (серия «Человек и общество», 1989) и на Всесоюзной конференции «Социология образования» 1990 г. [12]. Социологические проблемы подготовки специалистов среднего звена изучались учеными Всесоюзного научно-исследовательского института профессионально-технического образования.

Видное место занимали изыскания в сфере политических процессов, проводимые прежде всего на кафедре научного коммунизма философского факультета (рук. А.К. Белых). В своей программной статье «О политике как общественном явлении» он обосновал необходимость специальных политических исследований (Вестник ЛГУ. 1957. № 5). В составе кафедры работали В.Д. Виноградов, А.В. Дмитриев, Н.М. Кейзеров, Д.З. Мутагиров, Л.И. Селезнев, А.А. Федосеев, Л.Т. Кривушин, О.М. Соловьев, М.А. Василик. Ими были опубликованы фундаментальные работы по политической социологии и политологии: А. Белых «О соотношении экономики и политики» (Л., 1959), А.В. Дмитриев «Политическая социология США» (Л., 1971); А.В. Дмитриев, Н.М. Кейзеров «Предмет буржуазной политической социологии» (Человек и общество, 1969, выпуск. V), А.А. Федосеев «Политика как объект социологического исследования» (Л., 1974) и т.д. Стоит отметить, что ленинградская школа ориентировалась на политическую социологию.

В конце 1970-х годов активизируются исследования проблем образа жизни, в частности, населения крупного города. Многие ленинградские социологи были объединены вокруг темы «Социалистический образ жизни как объект комплексного социального исследования» под руководством А.С. Пашкова. Результаты исследований представлены в сборнике «Образ жизни населения крупного города: комплексное социальное исследование» (Человек и общество, 1988, выпуск XXIII)¹. Приходится выразить сожаление, что сегодня подобных исследований в отечественной социологии практически нет, категория «образ жизни» вытесняется из структуры социологических понятий.

¹ Результаты научных поисков по названным и другим направлениям, которые осуществлялись в НИИКСИ при СПбГУ в сборнике «Человек и общество», 31-й выпуск которого вышел в 2005 г. Сборники этой серии — важные документы истории развития социологических исследований в Ленинграде и в других центрах с 60-х годов XX века по настоящее время.

Безусловно, социологические проекты осуществлялись в Ленинграде и в других высших учебных заведениях, научных учреждениях. Например, А.Г. Харчев в Ленинградском секторе Института философии РАН проблем семьи, исследования которой составили основу фундаментальной работы «Брак и семья в СССР. Опыт социологического исследования» (М., 1964). В группе А.Г. Харчева работали В.Б. Голофаст, С.И. Голод, А.А. Клецин, И.С. Кон и др.

С 1960-х годов и до настоящего времени особое место занимает социология науки. Ее теоретическую основу заложили И.А. Майзель, В.Я. Ельмеев, М.Я. Корнеев и др. Определение предмета социологии науки, развитие ее методологии и проведение эмпирических исследований связано с деятельностью С.А. Кугеля и Ю.С. Мелешенко. В 1968 г. в структуре Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР был создан сектор социологии науки, в рамках которого проводились систематические исследования и семинары. Заслугой сектора было то, что его сотрудники отошли от понятия «науковедение», которого придерживались многие исследователи в других регионах (В.Ж. Келле, М.Г. Ярошевский, Г.М. Добров) и развивали социологию науки. Основными темами поисков были структура и профессиональная мобильность научных кадров, специфика деятельности научных коллективов и ученых, социальные проблемы науки, этика научной деятельности, научные элиты, школы, наука и общество. Ленинградско-петербургская школа социологии науки сегодня развивает свои широкие связи как внутри страны, так и вовне нее, что проявляется прежде всего в деятельности Международной школы науки и техники [13].

Среди социологических исследований 1960-х — 1980-х годов в Ленинграде нельзя не выделить работы в области социологии религии (М.Ю. Смирнов). Исследования в эти годы касались в основном религиозных традиций в сознании и в быту населения.

В этот период был реализован ряд проектов по выявлению причин сохранения религиозности и религиозной обрядности, факторов формирования атеистических убеждений в различных социально-демографических группах населения (В.Д. Кобецкий, Д.Н. Аптекман, Б.Я. Рамм, Н.П. Андрианов, Г.В. Воронцов и др.). Среди работ, изданных в то время, наиболее значим труд В.Д. Кобецкого «Социологическое изучение религиозности и атеизма» (Л., 1978). В период перестройки религиозная тематика была сведена почти на нет, т.к. потеряла политико-идеологическое звучание и поддержку.

В 1960-е годы растет интерес к социологии искусства (Л.И. Новожилова, Ю.В. Перов, В.Ф. Рябов, М.Б. Глотов, А.Н. Сохор и др.).

Наиболее распространенной стала точка зрения, что предметом социологических исследований является художественная жизнь общества [14]. Однако социология искусства в Ленинграде не получила широкого развития, поскольку не смогла выйти из-под влияния философской эстетики.

Безусловно, социологические исследования в эти годы не ограничивались представленными темами. Названы только наиболее известные, имеющие интересные результаты и влияние, которые развиваются и сегодня и представляют собой важную часть российской социологии. Вне нашего внимания остались исследования села (А.В. Воронцов), СМИ (Б. Фирсов), общественного мнения (О.И. Иванов) и т.д.

Один из зачинателей социологии шестидесятых годов А.Г. Здравомыслов сказал в недавней беседе: «без осмысления того, что сделали мы, социологии нет». Краткий обзор исследований показывает, что советский этап развития отечественной социологии в деятельности ленинградских ученых весьма значителен. Исследования касались многообразных социальных проблем советского общества. Опыт их изучения нуждается в дальнейшем осмыслении и использовании.

Список литературы

1. *Воронове А.О., Синютин М.В.* Ленинградская школа историков русской социологии (1950–1980) // Социология в Ленинграде — Санкт-Петербурге во второй половине 20 века / Под ред. А.О. Боронова. СПб, 2007.

2. *Голосенко И.А.* Социологическая ретроспектива дореволюционной России. Избранные сочинения в 2-х книгах. Кн. 2. СПб, 2002; Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века) / Под ред. Е.И. Кукушкиной. М., 2006.

3. *Колбановский В.В.* К истории постсталинской социологии: от ренессанса до реформации // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб, 1994.

4. *Орнатская Л.А.* В.П. Рожин и ленинградская социология в 60-е годы XX столетия // Социология в Ленинграде — Санкт-Петербурге во второй половине 20 века.

5. *Ананьев Б.Г., Ельмеев В.Я.* Методологические основы комплексных исследований человека // Социология и идеология. М., Наука, 1968.

6. *Тхакахов В.Х., Костюк Е.С.* Социология города: Ленинградский опыт (1970–1980-е годы) // Социология в Ленинграде — Санкт-Петербурге во второй половине 20 века.

7. *Порембский В.* Советская социология глазами западных ученых // Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953–1968 / Отв. ред. *Л.Н. Москвичев*. М., 1997. С. 103; Опыт проведения конкретно-социологических исследований в СССР. Тезисы докладов на Всесоюзном симпозиуме. 16–19 февраля. 1966. Л., 1966.

8. *Шаров А.Н.* Список НИР по проблематике социального планирования, проводимых НИИКСИ в 1967–1987 гг. // Социология в Ленинграде — Санкт-Петербурге во второй половине 20 века.

9. *Максимов Б.И.* Производственная социология в Ленинграде — Петербурге: просто страница истории или нечто большее? // Там же.

10. *Гилинский Я.И.* Российская социология девиантности и социального контроля в 1960–1990-е годы XX столетия // Там же.

11. *Гилинский Я.И.* Отклоняющееся поведение как социальное явление // Человек и общество. Вып. VIII. Л., 1971; *Гилинский Я.И.* Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социол. исслед. 1991. № 4; *Гилинский Я.И., Афанасьев В.С.* Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. СПб, 1993.

12. *Бороноев А.О., Михеева Л.Д.* Всесоюзная научно-практическая конференция «Социология образования» // Вестник ЛГУ, 1990, Серия 6, Вып. 4.

13. *Ащеулова Н.А.* История социологии науки в Ленинграде — Санкт-Петербурге / Автореф. канд. диссер. СПб, СПбГУ, 2006.

14. *Перов Ю.В.* Художественная жизнь общества как объект социологии искусства. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. С. 54–60.

Л.Н. Москвичев

Трудные пути возрождения. Заметки очевидца

Пятидесятилетие Советской социологической ассоциации, совпадающее с сорокалетием основания Института конкретных социальных исследований АН СССР — это большое событие, имеющее значение для понимания драматической истории и самой природы отечественной социологии. Это — знаковое событие для всего корпуса социально-гуманитарных наук и всей отечественной науки. Полувековой путь возрожденной российской социологии был и, несомненно, будет и дальше предметом изучения и осмысления, воссоздания подлинной, документированной истории возрождения российской социологии. В нашей стране и за рубежом идет активная работа в этом направлении. Хочу сослаться на издание Института социологии РАН: «Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах». СПб, 1999 (Отв. ред. Г.С. Батыгин). В Институте социально-политических исследований РАН на рубеже веков проводилась работа по поиску и публикации документов из архивов бывшего ЦК КПСС в соответствии с проектом «Социология и власть. 1950–1990». Опубликованные документы раскрывают сложные, порой трагические моменты во взаимоотношениях властных структур и социологического сообщества в период возрождения отечественной социологии в послевоенные годы. Было издано три сборника: «Социология и власть», Сборник 1: 1953–1968. М., 1997; «Социология и власть». Сборник 2: 1969–1972. М., 2001; «Социология и власть». Сборник 3: 1973–1984. М., 2003. (Все сборники вышли под ред. Л.Н. Москвичева). Поэтому для меня лично эта история является в значительной части и предметом научных изысканий. Однако в этих записках я хочу привести эпизоды, свидетелем или участником которых был сам, в отдельных случаях опираясь на документы.

Я начинал изучать социологическую науку, будучи аспирантом кафедры философии АОН при ЦК КПСС с 1965 г. Ныне в ряде публикаций и в устных разговорах роль АОН нередко подается в негативном ключе. Некоторые важные эпизоды действительно подтверждают такие мнения. У некоторых социологов старшего поколения могли сохраниться личные негативные воспоминания. Что было, то было. Но это далеко не вся правда о роли АОН в возрождении отечественной социологии в послевоенные годы, возрождении, начавшемся в период хрущевской «оттепели». В АОН с конца 1950-х — начала 1960-х годов складывались специфические формы становления социологических исследований и

социологической науки в целом, формы, обусловленные, с одной стороны, потребностями и логикой развития социологии, с другой стороны, статусом Академии общественных наук при ЦК КПСС. Как известно, интересы науки и интересы власти, как правило, не совпадают. Мудрость сторон — в осознании этой истины и в желании находить способы взаимоприемлемого партнерства... А это, к сожалению, бывает не всегда.

Хочу напомнить, что в составе учредителей Советской социологической ассоциации (ССА) была кафедра диалектического и исторического материализма АОН, а первым Президентом ССА был Г.П. Францев — тогдашний ректор АОН. В 1959 г. он был утвержден членом Совета Международной социологической ассоциации от ССА на два последующих года (до очередного V Международного социологического конгресса). Это был незаурядный, талантливый человек, исследователь первобытных форм религии, истории европейской общественной мысли, партийный публицист. Вместе с тем говорили, что он имел сложный характер, особенно во взаимоотношениях с подчиненными. Весной 1965 г. он перестал быть ректором АОН и был направлен в Прагу шеф-редактором международного журнала «Проблемы мира и социализма». Именно Г.П. Францев был причастен к первым шагам развития социологии и в АОН. Об этом я могу судить по собственным наблюдениям. В частности, с середины 1960-х гг. стала все более активно пробиваться социологическая проблематика в научных исследованиях профессорско-преподавательского состава, в диссертациях аспирантов и докторантов разных кафедр. В этом направлении активно работал В.Г. Афанасьев — руководитель кафедры научного коммунизма, будущий академик АН СССР, будущий главный редактор «Правды», крупный специалист по проблемам социальной кибернетики и управления, один из зачинателей в послевоенные годы исследований и подготовки кадров в области социального управления. Его научная деятельность (как и многих других профессоров, преподавателей и аспирантов кафедры) была далека от догматизма, который вроде бы вытекал из названия кафедры. С этой кафедрой активно сотрудничал проф. Ю.А. Замошкин — один из первых активных социологов послевоенных лет. Социологические исследования вели многие аспиранты. Теоретические работы В.Г. Афанасьева по проблемам системности, теории и практики управления, информатике, исследованию операций внесли важный вклад в становление и дальнейшее развитие научных знаний организационно-управленческой деятельности, философии и социологии управления социальными системами и отношениями. Думается, и сейчас актуальны многие идеи, высказанные В.Г. Афанасьевым в 1960–1980-е годы. Таковы его разработки проблем, касающихся моделей программно-целевого

планирования и управления, в том числе комплексных целевых программ. (См. его работу «Общество: системность, познание и управление». М., 1981). В начале 1960-х гг. в АОН была организована лаборатория социологических исследований во главе с к.ф.н. И. Г. Петровым, разрабатывавшая тематику предмета и методов социологических исследований.

Отдельно следует сказать о таком очень талантливом ученом как Г.Н. Волков. Он долгое время работал на кафедре В.Г. Афанасьева, позднее в журнале «Проблемы мира и социализма», в журнале «Коммунист». Разносторонне образованный (окончил философский факультет МГУ), яркий преподаватель и исследователь, кажется, самый молодой на кафедре, он привлекал внимание новым, нестандартным взглядом на проблемы, которых касался. Чрезвычайно скромный, его почти каждый день можно было видеть в читальном зале библиотеки Академии на Садово-Кудринской улице, где мы с ним и познакомились. Отличался разнообразием творческих интересов, умением облекать серьезную научную идею в публицистически образную форму. Об этом можно судить по названиям его книг: «Эра роботов или эра человека?» (1965), «Сова Минервы» (1973, 1985), «Истоки и горизонты прогресса» (1976); о личности и мировоззрении К. Маркса — «Рождение гения» (1968), «Путь гения» (1976); о А.С. Пушкине — «Тебя, как первую любовь...» (1980) и т.д.

Важное место в научном творчестве и преподавательской деятельности Г.Н. Волкова занимала сама наука как объект не только философского, но, прежде всего, социологического анализа. Особо выделю его книгу «Социология науки. Социологические очерки научно-технической деятельности» (1968), которая явилась результатом его спецкурса лекций для аспирантов. Это была новаторская работа: в 18-ти очерках давалась картина науки как многостороннего, чрезвычайно сложного интеллектуального, социального и культурного феномена: наука как опредмеченное знание, как форма общественной деятельности, как основная форма богатства. Особое внимание было уделено взаимодействию науки и человека: какие требования наука предъявляет человеку, какие требования человек предъявляет науке. Думаю, не ошибусь, если скажу, что «Социология науки» — это первое в нашей социологической литературе произведение, дающее сравнительно целостный социологический «срез» науки в период бурного ее развития у нас и за рубежом. Несколько позднее Г.Н. Волков продолжил исследования в работе «Истоки и горизонты прогресса: социологические проблемы развития науки и техники» (1976). В ней особое внимание уделено рассмотрению проблем научно-технического прогресса, научно-технической революции, их социальных последствий. Само название работы подчеркивало ведущую роль науки и техники в

социальном прогрессе нашей страны и человеческого общества в целом. Эти, а также другие публикации Г.Н. Волкова стоят в ряду произведений других авторов того времени (М.М. Карпов, М.К. Петров, Г.М. Добров, В.Ж. Келле и др.) и сыграли важную роль в формировании отечественной социологии науки как отрасли научного знания.

На кафедре философии АОН социологическая мысль была связана с именем Э.А. Араб-Оглы. Он был социологом широкого профиля, занимался исследованиями научно-технической революции, ее социальных последствий, экологии, истории общественной мысли, зарубежной социологии, демографии, социального прогнозирования. Был блестящим публицистом. На кафедру он был переведен осенью 1965 г. из журнала «Проблемы мира и социализма», где проработал семь лет. К тому времени он был известным специалистом и публицистом в международных социально-научных и журналистских кругах. В АОН он работал до 1986 г. (с перерывом в 1966–1971 гг., когда, не покидая АОН, заведовал отделом социологии в ИМРД). Это был интеллигент высокого уровня, можно сказать, интеллектуал международного класса. Его выделяли энциклопедическая образованность, знание многих европейских языков. Видимо, сыграло роль то, что хотя он формально закончил географический факультет МГУ, но одновременно учился в МГИМО. Декретом Президента Франции Ж. Помпиду в 1971 г. Э.А. Араб-Оглы удостоен звания почетного профессора Сорбонны. Был лично знаком, находился в переписке со многими западными интеллектуалами: Р. Ароном, Д. Беллом, Р. Мертоном, Г. Каном, А. Сови, бразильским демографом Жозуэ де Кастро и другими. В интервью, помещенном в книге «Российская социология шестидесятых годов», он подробно рассказал о своей деятельности в период работы в журнале «Проблемы мира и социализма».

Естественно, что Э.А. Араб-Оглы оказывал существенное плодотворное антидогматическое влияние на научную жизнь кафедры философии, всей Академии, более того — социологического сообщества в целом. Он одним из первых поставил вопрос о применении кибернетических методов и в целом кибернетики в социологии. (См.: «Социология и кибернетика: применение кибернетики в общественных науках» // Вопросы философии. 1958, № 5.) Работая на кафедре, Э.А. Араб-Оглы написал ряд интересных работ: «В лабиринте пророчеств» (М., 1973) — аналитические очерки о западной футурологии, «Экологические и демографические прогнозы» (М., 1978), «Обозримое будущее: социальные последствия научно-технической революции» (М., 1986). В них содержался целый ряд важных, новаторских и до сих пор актуальных научных идей. Одна из них — соотношение научного и технического прогресса. Особенно подробно

им разработана проблема опережающего развития науки по отношению к технике, более того — опережающего развития фундаментальной науки по отношению к прикладной. И особенно оригинальная и плодотворная идея — о соотношении поколений людей и поколений машин.

Лично мне в жизни повезло: моим руководителем по кандидатской диссертации был именно Э.А. Араб-Оглы. Он подсказал мне тему: «Критический анализ западных концепций “конца идеологии”». Такому предложению я был очень рад по ряду причин. Меня не привлекали темы, касающиеся абстрактных «столбовых», традиционных проблем диамата и истмата. Предложенная Э.А. тема была и для марксистской теории необычной, нестандартной. Она обязывала заняться иностранным (прежде всего английским) языком и соответствующей литературой. Забегая вперед, и докторскую диссертацию я писал по материалам западной социологии знания. Помимо критического анализа различных версий социологии знания было и стремление освоить часть социологически зрелой литературы. Естественно, в кандидатской диссертации я отстаивал марксистскую позицию, стараясь дать более детальный социологический анализ проблемы идеологии с использованием зарубежных материалов; стремился связать проблемы идеологического сознания с проблемами форм и способов социальных изменений. У меня вышло несколько публикаций, а после защиты диссертации — монография «Теория “деидеологизации”: иллюзии и действительность» (М., 1971). Книга в целом была встречена положительно, переведена в издательстве «Прогресс» на английский и испанский языки, вышла в переводах в ГДР, Чехословакии, Монголии, Португалии, в США. Тем не менее, на одном из заседаний парткома АОН она подверглась резкой критике за «объективизм», недостаточную наступательность против буржуазной и ревизионистской идеологии. Заступничество ректора АОН М.Т. Иовчука «спасло» от грозившего наказания. Но история с книгой не закончилась. В один прекрасный момент меня приглашают в спецхран библиотеки и говорят: «На ваше имя получено письмо и большой пакет с книгами и текстами из США. Письмо и некоторые тексты (репринты) мы вам отдаем, а книги должны оставить здесь. Таков порядок». Это было письмо с положительной оценкой моей книги о теории «деидеологизации» от известного американского социолога и политолога С.М. Липсета, позицию которого по вопросу о «конце идеологии» я довольно резко критиковал. Лишь потом я узнал, что среди присланных книг и текстов была его работа «Политический человек» («Political Man»), которую мне не дали. Показал письмо М.Т. Иовчуку. Реакция: «Какая может быть переписка между заместителем заведующего кафедрой философии АОН при ЦК КПСС и американским социологом-антикоммунистом? И почему он обращается к Вам «уважаемый коллега»?»

Сколько могу, объясняю. В заключение: «Конечно, надо ему ответить и послать персонально экземпляр книги на английском языке». Разумеется, я бы сделал это и без подсказок. Книгу я послал, но, к сожалению, продолжение «переписки» не последовало. Таковы были времена...

Восстановление социологического понимания общества в нашей стране, социологии как науки в целом проходило действительно в период, когда явно обозначилась огромная область проблем, которые не поддавались непосредственному экономическому и политическому регулированию — требовалось социальное регулирование, знание и понимание социума. Эта потребность ощущалась на разных уровнях управления, в экономике, в СМИ, но особенно в научных кругах.

В АОН в 1970-е годы социологические исследования стали организовываться и проводиться на разных кафедрах в довольно больших масштабах. Постепенно формировались молодые кадры. Достаточно активно, хотя в разных направлениях и в разной стилистике, работали И.Т. Левыкин, Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовский, В.М. Соколов, несколько позднее — М.К. Горшков и др. Особое место занимал руководитель кафедры философии Х.Н. Момджян. В течение ряда лет он избирался президентом Советской социологической ассоциации и вице-президентом Международной социологической ассоциации, но научных работ по социологии не писал.

Общая обстановка в стране требовала развертывания социологических исследований и развития этой науки. В ЦК и Правительство посылали регулярно отчеты и предложения. Ректор АОН М.Т. Иовчук поощрял такие тенденции в самой Академии. Он подготовил предложения о создании Академии социальных и политических наук с выборными академиками и член-корами, в которую можно было бы передать постепенно социально-гуманитарные институты АН СССР. Об этом он говорил неоднократно на заседаниях ученого совета и ректората, это зафиксировано в документах. Однако его предложение не было принято («Социология и власть». Сб. 2, С. 137–139).

Эти сложные времена в еще большей степени проявились в известной истории с «Лекциями по социологии» Ю.А. Левады. Многие документы и стенографические материалы этой истории опубликованы в упоминавшейся книге под редакцией Г.С. Батыгина и в нашем сборнике. Но мне привелось наблюдать обсуждение «Лекций» непосредственно на объединенном заседании кафедр философии АОН и ВПШ в октябре 1969 г. Обсуждение проходило два дня. Председательствовал Х.Н. Момджян — руководитель кафедры философии АОН. С основным оценочным докладом (сообщением) выступил Г.Е. Глезерман — проректор АОН. В первый день в актовом зале Академии собралось довольно много народу, по большей части молодежь —

не работники Академии. На второй день заседание перенесли в зал ученого совета, который вмещал значительно меньше публики, и усилили пропускной контроль. Впечатление от этого «мероприятия» очень противоречивое и неопределенное. Было очевидно, что оно делается по «рекомендации» или по «указанию». Но, сколько помню, никого «оттуда» не было. Четко определились «стороны»: профессора и преподаватели АОН и ВПШ выступали преимущественно с резкой критикой «Лекций» и обвинениями автора в отступлении от принципов диалектического и исторического материализма, работники ИКСИ и других научных учреждений преимущественно защищали некоторые позиции автора, отвергали обвинения в отступлениях и, в свою очередь, обвиняли противоположную сторону в некомпетентности. Дело доходило до совершенно оскорбительных обвинений. Создавалось впечатление, что «стороны» больше заботились не о том, чтобы доказать истинность своего понимания социологии как науки, а о критике оппонента. В конце заседания академик Ф.В. Константинов, как мне показалось, попытался примирить «стороны», склоняясь при этом в сторону критической оценки «Лекций». Было понятно, что научной дискуссии в полном смысле этого слова не получилось. Заключительное выступление Ю.А. Левады выглядело с научной и человеческой точек зрения достойным.

И еще один момент хочу отметить. Видимо, эта «история» и некоторые другие факторы послужили основанием для частичного узаконения социологии как науки — введения в Номенклатуру научных работников новой специальности «прикладная социология». Правда, она вводилась в отрасль философских наук. Очевидна и логическая, и содержательная путаница. Тем не менее, такая путаница просуществовала до 1989 г., когда после Постановления Политбюро ЦК КПСС от 7 июня 1988 г. о признании социологии и политологии самостоятельными науками, Государственный комитет по науке и технике ввел новую Номенклатуру специальностей научных работников. Тогда по предложению экспертного совета ВАК¹ (В.А. Лекторский, Ж.Т. Тощенко и др.) по социологическим наукам ввели семь профессиональных специальностей. С некоторыми видоизменениями они существуют поныне. В то же время ВАК снял политические и идеологические требования с диссертаций и диссертантов. Тем самым была существенно демократизирована отечественная система аттестации научных и научно-педагогических кадров. Это дало возможность принять несколько принципиально важных конкретных решений, в частности, вернуть ученую степень доктора философских наук А.А. Зиновьеву, ходатайствовать перед Минвузом России о возвращении ученого звания профессора Ю.А. Леваде.

¹ Москвичев Л.Н. работал в 1984–1991 гг. — заместителем Председателя ВАК СССР, в 1992–1998 гг. — начальником управления общественных наук ВАК России.

С.И. Григорьев

Эволюция социологии в Сибири за полвека

Развитие социологии и социологического образования в сибирских регионах во второй половине XX века — первые годы нового столетия в главном определялось динамикой общественно-исторических событий в стране, характером задач, которые она решала. При этом, разумеется, необходимо учитывать и влияния на сибирскую социологию эволюции ее как научной и учебной дисциплины во всем мире, в СССР и в России, а также деятельности социологов, работавших и работающих в сибирских регионах, в вузах и НИИ сибирских городов.

Что касается деятельности сибирских социологов, начнем с Новосибирска, который и гласно, и негласно считается столицей Сибири. В этом городе первые социальные исследования в 1960–1970-е годы осуществлялись в рамках следующей социальной и логической цепочки: поиск резервов роста производительности труда — обоснование необходимости и путей улучшения условий жизни и труда работников — анализ специфики, культуры их труда и отдыха — исследование влияния этих факторов на эффективность производства и качество жизни населения. Главным стало научное направление, связанное с изучением и обоснованием эффективных путей формирования и использования трудовых ресурсов Сибири, которое в дальнейшем разделилось на две ветви:

- 1) изучение бюджетов времени населения;
- 2) исследование трудовой мобильности и миграции работников [1, с. 22–23].

Формирование кадрового потенциала социологов и организационно-исследовательских структур данного научного направления в Новосибирске в 1960-е годы было связано главным образом с таким ученым, как **Г.А. Пруденский**. Его труды посвящались теоретико-методологическим исследованиям социального времени работника. Он одним из первых в стране поставил вопрос о необходимости учитывать и изучать не только рабочее, но и свободное время трудящегося человека. В изучении взаимосвязи между рабочим, внерабочим и свободным временем, производительностью труда и развитием человека, эффективностью экономики и уровнем жизни людей рождались новое экономико-социологическое направление исследований, стратегия формирования отечественной экономической социологии [1, с. 20].

В 1960-е годы появились работы Л.В. Стародубского, посвященные воспроизводству, распределению и использованию трудовых ресурсов Сибири, труды В.Д. Патрушева по проблемам интенсивности и производительности труда, рабочего и внерабочего времени, В.И. Переведенцева — по трудоустроенности экономики сибирских регионов, миграциям и условиям жизни населения. В 1962 г. в ИЭ и ОПП СО РАН возник и начал активно развиваться новый исследовательский коллектив — лаборатория по применению статистических и математических методов в экономике (ЛЭМИ). Ее инициатор — А.Г. Аганбегян пригласил будущих социологов: Ф.М. Бородкина, В.А. Калмык, З.В. Куприянову, М.А. Монину, В.Н. Шубкина. К ним вскоре присоединились Е.Г. Антосенков, Р.В. Рывкина, В.Э. Шляпентох и другие. В 1962 г. была создана также ЛЭМИ Новосибирского госуниверситета (НГУ) — первая в вузах страны хозрасчетная лаборатория во главе с 1963 г. — М.К. Калмык.

В эти годы в ИЭ и ООП сложился коллектив исследователей во главе с Т.И. Заславской, вошедший в историю под названием экономико-социологической школы. Одновременно в Институте истории, философии и филологии появился отдел по исследованию малочисленных народов Севера и Дальнего Востока (рук. В.И. Бойко). Однако основные пути развития Новосибирской экономико-социологической школы формировались первоначально преимущественно в русле экономической социологии. В чем это выразилось?

Во-первых, отметим разработку проблем рабочего, внерабочего и свободного времени населения (В.Д. Патрушев, В.А. Артемов, В.И. Болгов, Э.А. Елизаров, Л.С. Колобов, Р.П. Ломков, В.Г. Фомин и др.). *Во-вторых*, активно исследовались вопросы формирования трудовых ресурсов территорий (в первую очередь районов нового хозяйственного освоения) за счет миграции, демографического воспроизводства и повышения квалификации, образовательного потенциала населения, изучалась эффективность использования кадров с помощью разработки балансов труда (труды Л.П. Ляшенко, Е.В. Виноградовой и др.). *В-третьих*, значимые результаты были достигнуты в исследовании трудовой мобильности, которая приобрела в Сибири 1960-х годов новый характер и масштабы (работы Е.Г. Антосенкова, З.В. Куприяновой, В.А. Калмык и др.). *В-четвертых*, в те же годы в число приоритетных выдвинулось изучение профессиональных ориентаций выпускников 8-х и 10-х классов во главе с В.Н. Шубкиным и его группы — Л.Г. Борисова, Ю.Д. Карпов, Ю.А. Коваленко и др.). Наконец, под руководством Т.И. Заславской развернулась работа над серией проектов по социологии села, среди которых ключевыми стали уже в конце 1960-х годов исследования сель-

ской миграции [см.: 2, 3, 4]. Отмеченные исследования стимулировали исследования текучести кадров в Иркутске (Н.М. Токарская), Омске (Н.А. Черников), Барнауле (В.В. Мищенко) и др.

Для творческой деятельности школы экономической социологии на разных этапах ее развития был характерен фундаментальный методологический подход — *системное видение* организации и функционирования экономики, ее механизма [5, 6, 7]. В первой половине 1980-х годов главный акцент в научной разработке проблем представителями этой школы был сделан на анализе социальных механизмов реализации общественного развития [8, 9, 10]. Об этом свидетельствует книга, посвященная истории новосибирской экономико-социологической школы [1].

Достижения новосибирских социологов позволили во второй половине 1980-х годов масштабно представить экономическую социологию как направление развития отечественного социологического знания *не только на уровне прикладных исследований, но и в теоретико-методологическом формате, как специальную социологическую теорию* [1, с. 90–108]. Этому была посвящена довольно большая группа публикаций [11, 12, 13], обобщающих развитие экономической социологии в Сибири, в российской и мировой социологии в целом.

Труды О.Э. Бессоновой и С.Г. Кирдиной во многом по-новому представили *характеристику социального механизма*, его взаимодействия с политической системой общества, социальной сферой, гражданским обществом. При этом были подвергнуты критике, пересмотрены многие положения экономической социологии, сформулированные в 1960–1980-х гг., заимствованные в зарубежной социологии, в особенности — на Западе [14, 15]. Весьма интересны разработки М.А. Шабановой по созданию современной социологической концепции свободы [16, 17]. Социальное обоснование меры свободы и несвободы в обществе, в том числе в сфере экономической жизни, потребовало вновь вернуться к поиску оптимального сочетания пропорций государственной, кооперативной (корпоративной) и частной собственности, а также путей решения проблем справедливости. Еще одним новым направлением развития новосибирской школы стала разработка проблем адаптации [18, 19].

В рамках модернизации экономической социологии нельзя не отметить разработок новосибирских социологов последних 15–20 лет по *социально-экономической стратификации* [20, 21], а также по изучению *специфики инновационных процессов* в экономике, трансформации социального механизма хозяйственного развития, особенно — на селе и в социальной сфере [22, 23]. Здесь ключевыми разработками оказались труды З.И. Калугиной, В.Д. Смирнова, В.И. Герчикова,

В.С. Тапилиной, Т.Ю. Богомоловой, С.Г. Саблиной и др. Интересны исследования *социально-территориальной структуры* сибирских регионов [24, 25], *региональных особенностей* демографического поведения населения, его образа жизни, повседневной деятельности [1, 26, 27].

Плодотворно развивались исследования по *социологии молодежи и образования*. Публикации книг и статей В.Н. Турченко по тематике «НТР и революция в образовании», а также В.Н. Шубкина, С.И. Вавилиной и Л.Г. Борисовой четко обозначили это особое направление социальных исследований [28, 29, 30]. Продолжилось изучение различных *групп учащейся молодежи*, ее жизненных планов и социально-профессиональных ориентаций, характера активности и качества работы занятых в сфере образования (исследования И.И. Харченко, О.Н. Никитиной, Л.Г. Борисовой, Л.М. Растовой, Н.А. Матвеевой и др.).

Растущий интерес к проблемам *национально-регионального развития* в стране потребовал от социологов более широкого взгляда на происходящее в российском обществе. Отметим, прежде всего, изучение проблем развития малых народов Сибири, специфику их экономического и духовно-культурного развития (рук. Бойко В.И.). В 1990–2000-е годы центрами изучения данной проблематики стали Новосибирск (отдел социологии Института философии и права СО РАН, Ю.В. Попков), Горноалтайский госуниверситет, Алтайский госуниверситет, Бурятский госуниверситет (рук. И.И. Осинский).

Позитивными оказались результаты совместного проекта бурятских и Санкт-Петербургских социологов по теме: «Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона» (А.О. Бороноев) [31]. Результативным было исследование ментальности славянских народов, проживающих в Сибири [32], что нашло отражение в коллективной монографии «Жизненные силы русской культуры: пути возрождения в России начала XXI века» [33].

Проведение учредительного съезда Межрегиональной общественной организации «Объединение социологов Сибири» — правопреемника Сибирского отделения Советской социологической ассоциации — стало этапным событием. Оно отразило возникновение в 1990-е гг. в Сибири полицентрично развивающегося социологического сообщества, координация взаимодействия членов которого сместилась из Новосибирска в г. Барнаул в связи с известным организационным ослаблением в начале 1990-х годов Новосибирской экономико-социологической школы, возникновением в Алтайском госуниверситете крупнейшего в Сибири социологического факультета. К началу XXI столетия стали очевидны результаты плодотворной деятельности во многих регионах

Сибири ведущих российских социологов, что было специально отмечено на конференции в Красноярске [34, с. 3–4]. В Красноярском крае основы развития современной социологии заложили такие известные стране ученые, как Ж.Т. Тощенко, Г.Ф. Куцев, П.П. Великий.

В этом регионе социологические исследования развивались по трем основным направлениям: промышленная, заводская социология 1960–1980-х гг. (Ж.Т. Тощенко, В.В. Сартаков, Г.Ф. Куцев и др.); социология села, поселенческая социология, социология социокультурного развития (П.П. Великий, Л.Л. Шпак, А.А. Барклянский и др.); социология образования и молодежи (М.И. Сергеев, А.М. Гендин, В.Ф. Голосов и др.). Сформировалось два основных центра развития социологии: Центр социологии образования в Красноярском госпединституте (руководитель А.А. Голосов) и социологическая лаборатория в Красноярском госуниверситете (Ж.Т. Тощенко), разрабатывавшая проблематику *стимулирования, оптимизации развития социальных резервов трудовой деятельности, ее социальной организации*. Ж.Т. Тощенко на основе исследований предложил конкретные шаги в познании сущностных сил работника производства, проследил влияние на них условий трудовой деятельности, быта, а также социально-психологического климата на предприятии, возможностей участия трудящихся в управлении производством, общественной жизни коллектива [35]. Г.Ф. Куцев, проректор и заведующий кафедрой КрГУ в 1970–1980-е гг., активизировал исследование проблем социального развития городских поселений и региональных общностей [46, 47]. Одновременно П.П. Великий акцентировал внимание на актуальных проблемах *сибирского села*. Его исследования были связаны с изучением комплекса факторов, влияющих на содержание и функционирование социокультурных подсистем села. По итогам этих исследований им была опубликована монография «Духовная жизнь советского села» [38]. П.П. Великий установил, что масштабы адаптации сельского населения к экономическим, политическим и социальным новациям во многом зависят от традиций, обычаев и привычек людей, хотя сложившиеся приемы управления опирались на идеологию развитости, сплоченности, единства, дисциплинированности работников в трудовых коллективах, в сельских сообществах в целом.

Одним из важных направлений стало развитие социологии образования и молодежи. В Красноярском госпединституте в 1960-х гг. Центр социологии образования, физической культуры и спорта (рук. А.М. Гендин и М.И. Сергеев) в 1970–1980-е гг. осуществил ряд крупных социологических исследований, посвященных анализу образа жизни, подготовки педагогических кадров школ и профтехучилищ, школьни-

ков, студентов, молодых рабочих, социокультурных аспектов развития образования в крупных городах [39, 40]. Сегодня это направление активно развивают М.И. Шилова, доц. О.Н. Никитина, к.с.н. С.Н. Лыкова.

В 1990-е гг. В.Г. Немировский сумел сформировать большую группу социологов, провести серию исследований, опубликовать цикл работ об универсальной парадигме [41, 42, 43]. Социальные проблемы общественных организаций, социолого-правовые вопросы исследует группа ученых Сибирского юридического института МВД РФ во главе с Д.Д. Невирко. Интенсивное развитие социологии в Красноярском крае оказало позитивное влияние на разворачивание социологических исследований в других регионах Сибири. Сегодня трудно представить развитие социологии в Кемерово без Л.Л. Шпак, творческий путь которой начинался в 1970-е гг. в Красноярске. Творческую биографию президента Тюменского госуниверситета Г.Ф. Куцева также нельзя рассматривать без ее красноярских страниц. На Алтае сегодня известно имя А.В. Ковалевой, приехавшей в Барнаул из Красноярска. И такие примеры можно продолжать¹.

Остановимся на эволюции *алтайской* социологической школы [34, 44, 45 и др.]. Возрождение социологии на Алтае в 1960-е годы было связано с формированием групп обществоведов, занимающихся прикладными социологическими исследованиями в Барнаульском госпединституте и в Алтайском политехническом институте. В пединституте определились два основных направления исследований: 1) изучение социально-профессиональных ориентаций учащейся молодежи и проблем воспитания (З.В. Ионина, И.И. Крамаренко), 2) анализ изменений религиозных и атеистических ориентаций населения региона (Н.И. Антонова, З.В. Ионина, В.П. Соловьев). В Алтайском политехническом институте исследования концентрировались главным образом на проблемах миграции, оптимизации управления ею на региональном уровне (В.С. Барулин, В.П. Родионов, А.А. Воробьев, Ю.Е. Растов и др.) [45, 48]. Теоретико-методологический аспект социального знания был также представлен, особенно в публикациях В.С. Барулина и Н.А. Воробьева [46, 47]. Тематика текучести кадров на предприятиях края исследовалась социологами Барнаула и Новосибирска [49, 50]. Проводились и самостоятельные исследования алтайских социологов [51, 52].

Лидерами формировавшейся в 1960-е гг. алтайской социологии стали В.С. Барулин и Н.А. Воробьев. В.С. Барулин, возглавляя кафедру

¹ Объем статьи не позволяет подробно рассмотреть специфику региональных социологических школ Омска, Томска, Иркутска, Улан-Удэ, иных территорий, где своя история развития социологии, где живут и работают люди, творившие ее.

философии в Алтайском политехническом институте, в 1961 г. создал на ее базе своеобразные курсы по ликвидации социологической неграмотности. За 20 лет жизни в г. Барнауле В.С. Барулин дал путевку в жизнь большой группе алтайских обществоведов, которую не без оснований называли «барулинской школой»: Н.А. Воробьев, Ю.Е. Растов, М.Я. Бобров, А.А. Удоденко, П.Н. Гуйван, В.А. Филиппов, А.П. Суханов, А.И. Ореховский, В.Д. Боровиков, В.П. Гусев, Л.М. Растова, В.П. Радионов, Р.С. Ким, В.П. Соловьев, Б.Н. Трухин и др.

Видным социологом Алтайского края в 1960–1970-е гг. был Н.А. Воробьев. Его отличали убежденность и целеустремленность в реализации потребностей модернизации отечественного обществознания через возрождение и развитие социологии, огромная работоспособность и сила воли, незаурядные организаторские способности и личностные человеческие качества, порядочность. Он создал в 1960-е гг. и длительное время возглавлял Алтайский филиал Советской социологической ассоциации, лично участвовал в большинстве крупных социологических исследований 1960-70-х гг. на Алтае, вовлек в социологически ориентированную деятельность большую часть обществоведов Алтайского госмединститута и созданного в 1973 г. Алтайского госуниверситета. По его инициативе был разработан и читался несколько лет спецкурс по основам социологических знаний для директорского корпуса и специалистов в области социального управления [53, с. 3–7, 17–21 и др.].

Н.А. Воробьев инициировал на рубеже 1960–70-х гг. организацию первых социологических служб на заводах и фабриках Алтайского края. На базе краевого университета марксизма-ленинизма было открыто социологическое отделение, которое один раз в два года начало выпускать специалистов с профильной социологической подготовкой. Этот опыт был в измененном виде повторен в 1980-е гг., когда вновь активизировались модернизационные процессы в стране. Работу на Алтае в это время координировал Ю.Е. Растов.

Со временем вектор развития алтайской социологической школы в 1980-х гг. во многом изменился, более многообразной стала панорама направлений деятельности социологов. В эти годы наиболее масштабно и динамично развивался социологический коллектив, возникший на основе вузовской лаборатории социологического обеспечения учебно-воспитательного процесса АлтГУ, также Межвузовский центр проблем молодежи, созданный при крайкоме ВЛКСМ. С 1982 г. здесь стал базироваться и Алтайский филиал Сибирского отделения Советской социологической ассоциации, деятельность которого было поручено координировать автору этих строк.

К этому времени удалось организовать алтайский региональный коллектив социологов, включившихся в масштабный общесоюзный лонгитюдный проект «Пути поколения», который тогда возглавлял д.с.н., проф., заведующий отделом Института общественных наук АН Эстонии М.Х. Титма. В данном проекте к тому времени участвовало 12 регионов СССР, в том числе Алтай и Красноярский край [53, 54]. На этой основе в Сибири был осуществлен цикл исследований, конференций и публикаций, посвященных анализу формирования социального потенциала, жизненных сил различных групп молодежи и в целом молодого поколения сибиряков [55, 56].

Достижения алтайских социологов в области социологии молодежи, социологии образования, исследований социальной структуры советского общества, проблем справедливости, социального управления позволили в 1988 г. открыть на базе АлтГУ Проблемную отраслевую лабораторию социологии молодежи и социального развития, а также кафедру общей социологии. Именно эти подразделения стали основой отделения социологии, а с 1995 г. — социологического факультета, позволили разработать специальные и отраслевые теории социологического витализма [57, 58, 59].

В 1990-е гг. был реализован ряд всероссийских, региональных и международных проектов. Стал регулярно выходить ежегодник «Актуальные проблемы социологии, психологии и социальной работы», межрегиональный журнал «Образование и социальное развитие региона» (гл. ред. С.И. Григорьев), его приложение «Сибирский социологический вестник». В 1998 г. на базе факультета социологии АлтГУ была инициирована целевая федеральная учебно-научно-издательская программа «Основы качества национального социального образования для России XXI века», в рамках которой за десятилетие опубликовано более 100 учебных пособий и учебников нового поколения по социологии, социальной работе, социальной педагогике, организации работы с молодежью. Традиционным стал всероссийский конкурс «Культура и образование: социальные силы коренных народов России рубежа XX–XXI века».

Исторически значимым было участие в 1992–1996 гг. алтайских социологов в федеральной научно-исследовательской программе «Полигон», в рамках проектов которой исследовались изучались демографические и социально-психологические последствия влияния Семипалатинского полигона, жизненное пространство и здоровье населения Западной Сибири [60, 61], а также разработка проблематики эволюции жизненных сил славянских народов, другие работы [62, 63]. Осуществление на Алтае международных проектов позволило социологам АлтГУ открыть в 1994 г. Колледж социальных наук (итог российско-канадского

проекта 1992–1994 гг.), Алтайский краевой кризисный центр для мужчин (итог российско-шведского проекта 1991–1993 гг.), опубликовать в 1999 г. коллективную монографию с участием известных зарубежных социологов «Социология рубежа XX–XXI веков: новые направления исследований» (ред. С.И. Григорьев и Ж. Коэнен-Хуттер).

Расширение социальной базы социологии в Сибири, активное развитие прикладных и теоретических исследований создали во многом принципиально новую ситуацию и являются основой для специального рассмотрения, обстоятельного анализа, который нами начат [64, 65] и над которым сейчас работает коллектив социологов Сибири.

Список литературы

1. Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Ред. *Т.И. Заславская, З.И. Калугина*. Новосибирск, Наука, 1999.
2. *Заславская Т.И.* Распределение по труду в колхозах. М., 1966.
3. Социальные проблемы трудовых ресурсов села / Ред. *Т.И. Заславская*. Новосибирск, Наука, 1968.
4. Миграция сельского населения: цели, задачи и методы регулирования / Ред. *Т.И. Заславская*. Новосибирск — М., Наука, 1969.
5. Проблемы системного изучения деревни / Ред. *Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина*. Новосибирск, Наука, 1975.
6. Подготовка и организация работ по созданию подсистемы АСУП «Кадры» / Ред. *Е.Г. Антосенков*. Новосибирск, 1976.
7. Математическое моделирование в социологии: методы и задачи / Ред. *Ф.М. Бородкин, Б.Г. Миркин*. Новосибирск, Наука, 1977.
8. *Герчиков В.И.* Социальное планирование и социологическая служба в промышленности: методология с позиций практики. Новосибирск, Наука, 1984.
9. Проблемы функционирования заводских служб адаптации и стабилизации кадров / Ред. *Т.Н. Вершинина, Н.В. Чернина*. Новосибирск, 1984.
10. Пути совершенствования социального механизма развития советской экономики / Ред. *Р.В. Рывкина*. Новосибирск, 1985.
11. Социально-экономическое развитие сибирского села / Ред. *Т.И. Заславская, З.В. Куприянова*. Новосибирск: Наука, 1987.
12. Экономическая социология и перестройка / Ред. *Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина*. М., Прогресс, 1989.

13. *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни. Очерки теории. Новосибирск: Наука, 1991.
14. *Бессонова О.Э.* Институты раздаточной России: ретроспективный анализ. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 1997.
15. *Кирдина С.Т., Бессонова О.Э., О'Салливан Р.* Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России: демонстрационные проекты в жилищном хозяйстве. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1996.
16. *Шабанова М.А.* Социология свободы: трансформирующееся общество. М., 2000.
17. *Шабанова М.А.* «Неправовая свобода» и социальная адаптация // Свободная мысль. 1999. № 11.
18. *Корель Л.В.* Социология адаптации: этюды адаптологии. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 1997.
19. *Корель Л.В., Тапилина В.С., Трофимов В.А.* Миграция и жилище. Новосибирск: Наука, 1998.
20. *Калугина З.И.* Личное подсобное хозяйство в СССР: социальные регуляторы и результаты развития. Новосибирск, Наука, 1991.
21. Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений. Материалы к Мировому конгрессу по сельской социологии / Под ред. *З.И. Калугиной*. Новосибирск, 1996.
22. *Барсукова С.Ю., Герчиков В.И.* Приватизация и трудовые отношения: от единого и общего к частному и разному. Новосибирск, 1997.
23. *Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С., Михеева А.Р.* Социальная структура: неравенство в материальном благосостоянии. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 1992.
24. *Троцкий А.Я.* Трансформация социально-территориальной структуры региона // Социальная траектория реформируемой России. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Ред. *Т.И. Заславская, З.И. Калугина*. Новосибирск: Наука, 1999. С. 478–498.
25. *Горяченко Е.Е.* Территориальная общность в изменяющемся обществе // Социальная траектория реформируемой России / Ред. *Т.И. Заславская, З.И. Калугина*. Новосибирск: Наука, 1999. С. 499–533.
26. *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества. М., 2002.
27. Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Ред. *Т.И. Заславская, З.И. Калугина*. Новосибирск: Наука, 2003.
28. *Турченко В.Н.* НТР и революция в образовании. Новосибирск: Наука, 1972.

29. *Борисова Л.Г., Солодова Г.С., Фадеева О.П., Харченко И.М.* Неформальный сектор: экономическое поведение детей и взрослых / Ред. *О.П. Фадеева*. Новосибирск: НГУ, 2001.
30. *Шубкин В.Н.* Начало пути. М., 1979.
31. Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона / Ред. *А.О. Бороноев*. СПб., 2007.
32. Жизненные силы славянства на рубеже веков и мировоззрений. Часть I–II / Ред. *С.И. Григорьев, Т.А. Семилет*. Барнаул, 2001.
10. Жизненные силы русской культуры: пути возрождения в России начала XXI века / Ред. *С.И. Григорьев, Т.А. Семилет*. М., 2003.
34. Региональные социологические школы на пороге XXI века / Ред. *Д.Д. Невирко*. Красноярск, 2001.
35. *Тощенко Ж. Т.* Социальная инфраструктура: сущность и пути развития. М., 1980; *Он же.* Социология труда: опыт нового прочтения. М., 2005.
36. *Куцев Г.Ф.* Молодежь и молодые города. М., 1977.
37. *Куцев Г.Ф.* Новый город. Социологический очерк на материалах Сибири. М., 1982.
38. *Великий П.П.* Духовная жизнь советского села. М., 1982.
39. *Гендин А.М.* Предвидение и цель в развитии общества (философско-социологические аспекты социального прогнозирования). Красноярск, 1970.
40. *Гендин А.М.* Социокультурный анализ состояния современной школы (по материалам исследований в г. Красноярске). Красноярск, 1992. (соавт.)
41. *Немировский В.Г.* Основы теоретической социологии. Красноярск, 1994.
42. *Немировский В.Г.* Универсальная диагностика российского общества. Красноярск, 2007.
43. *Немировский В.Г.* Современная теоретическая социология. Красноярск, 2003.
44. Мой, твой, наш, ваш социологический... / Ред. *С.И. Григорьев*. Барнаул, 2000.
45. Алтайская социологическая школа: история, современность, перспективы развития / Ред. *С.И. Григорьев, Ю.Е. Растов*. Барнаул, 2000.
46. *Барулин В.С.* Отношение материального и идеального в обществе как проблема исторического материализма. Барнаул, 1969.
47. *Воробьев Н.А.* Методологические проблемы анализа объекта социологического исследования. Барнаул, 1974.

48. Барулин В.С., Родионов В.П. Методологические проблемы анализа субъективных и объективных факторов миграции сельского населения // Труды Алтайского политехнического института им. И.И. Ползунова. Вып. 37. Барнаул, 1974.

49. Мищенко В. Проблема текучести и закрепления кадров в промышленности г. Рубцовска // Проблемы сохранения постоянных кадров на машиностроительном предприятии. Новосибирск, 1968.

50. Антосенков Е.Г., Мищенко В. Т. Текучесть кадров в промышленности и пути ее сокращения. Барнаул, 1971.

51. Красилов П.Ф. Социально-экономическое планирование развития г. Рубцовска и сокращение текучести кадров // Социально-экономическое планирование и проблемы использования трудовых ресурсов в свете требований XXV съезда КПСС. Барнаул, 1978.

52. Воробьев Н.А. Некоторые вопросы социологических исследований на промышленном предприятии. Барнаул, 1968.

53. Выбор пути / Ред. С.И. Григорьев. Барнаул, 1986.

54. Социальное расслоение возрастной когорты. Пути поколения / Ред. М.Х. Титма. М., 1987.

55. Григорьев С.И., Немировский В.Г. Молодежь Сибири на пороге зрелости. Барнаул, 1986.

56. Григорьев С.И., Немировский В.Г. Студенчество России о смысле жизни и справедливости. Барнаул, 1997.

57. Григорьев С.И., Матвеева Н.А. Виталистская социология образования. М., 2004.

58. Григорьев С.И., Субетто А.И. Основы неклассической социологии. М., 2000.

59. Гусякова Л.Г. Виталистская модель социальной работы. Барнаул, 2006.

60. Семипалатинский полигон: каков след на социальном в Алтайском крае / Ред. С.И. Григорьев. Барнаул, 1997.

61. Социология жизненных сил человека: от метафоры к концепции / Ред. С.И. Григорьев, Л.Д. Демина. Барнаул, 1997.

62. Григорьев С.И. Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего. Барнаул, 1998.

63. Григорьев С.И. Основы виталистской социологии XXI века. М., 2007.

64. Григорьев С.И. Тенденции современного социологического образования в России: к успеху или кризису // Социол. исслед, 2007, № 5. С. 124–128.

65. Григорьев С.И. Достижения и проблемы социологического образования в России начала XXI века // Высшая школа, 2007, № 1.

Н.М. Байков

Социология на Дальнем Востоке: становление и развитие

Становление и развитие социологии на советском Дальнем Востоке осуществлялось в двух направлениях: партийно-политическом и академическом, но в рамках конкретных социологических исследований. С образованием Советской социологической ассоциации и ее Дальневосточного отделения партийные инстанции видели в социологии новый эффективный способ идеологической деятельности на научной основе. Поэтому создавали и возглавляли его руководители Хабаровской Высшей партийной школы (ВПШ) — доктор исторических наук В.И. Степанов, а затем доктор философских наук Г.С. Хохлюк. Многие годы руководила социологической лабораторией в ВПШ доцент П.Т. Алексеенко. В проведении исследований активно участвовали преподаватели, слушатели, а также партийные и советские работники. Ассоциация имела филиалы в краях и областях Дальнего Востока.

Опыт развития социологии в 1960–1970-е гг. свидетельствует, что рекомендации социологов касались не только проблем партийного строительства, идеологической работы, но и социальной политики, текучести рабочих кадров, состояния трудовой дисциплины, социального планирования городов и районов, развития трудовых коллективов, общественной активности трудящихся, трудового, правового, интернационального воспитания, целого ряда других направлений жизнедеятельности дальневосточников. Достаточно напомнить, что тема первого исследования, проведенного социологами Хабаровской ВПШ, «Организация труда и воспитания в студенческих отрядах Хабаровского края» (1968 г.). В последующие годы спектр исследований был существенно расширен. Значительная их часть связана с разработкой комплексных планов социально-экономического развития коллективов региона. За 1968–1977 гг. хабаровчане выполнили более 40 научно-исследовательских работ [1].

С середины 1970-х гг. значительное место в исследовательской тематике заняли проблемы формирования и развития трудовых коллективов на строительстве Байкало-Амурской магистрали (БАМ). Важность результатов определялась их внедрением в процессе совершенствования управления трудовыми коллективами. Полученные данные позволяли также выявлять негативные тенденции, сложившиеся в

зоне Байкало-Амурской магистрали, которые проявились уже на стадии ее строительства.

Популярность социологии на Дальнем Востоке постепенно росла. Методы социологических исследований активно внедрялись в практику деятельности крупных предприятий и организаций. Возникает и развивается заводская социология. В 1970–1980-е годы почти на всех крупных предприятиях региона (завод «Энергомаш», нефтеперерабатывающий завод им. С. Орджоникидзе, завод «Дальдизель», судостроительные заводы им. С. Кирова, Хабаровское швейное объединение «Восток», авиационный завод им. Ю. Гагарина и др.) на штатных должностях работали социологи, а на ряде предприятий были созданы социологические лаборатории.

В Хабаровской высшей партийной школе осуществлялось социологическое образование слушателей, для которых читался курс лекций по теоретическим проблемам нашей науки, вопросам социального планирования, методике и технике конкретных социологических исследований, практике применения результатов исследований в партийной и советской работе.

Необходимо отметить значительную помощь, оказанную социологами и социологическими организациями центральных городов страны процессу становления и развития социологии на Дальнем Востоке. Тесные контакты были установлены с рядом научных институтов Москвы (Институт социологии АН СССР, МГУ им. М.В. Ломоносова, Академия общественных наук при ЦК КПСС), Ленинграда, Новосибирска, что позволило приглашать в Хабаровск ведущих социологов страны — В.И. Бойко, Т.И. Заславская, А.Г. Здравомыслов, Л.Л. Рыбаковский, Ж.Т. Тощенко, В.Э. Шляпентох и др.

В начале 1990-х гг. дальневосточные социологи боролись за выживание, многое из того, что было создано в предшествующий период, подверглось разрушению. Перестала существовать заводская социология, закрылись многие социологические центры при учебных заведениях, резко сократилось проведение исследований. Тем не менее, в 1991 г. в Дальневосточном социально-политическом институте, образованном на базе Хабаровской ВПШ, была создана кафедра социологии и социальной психологии, которую возглавил выпускник аспирантуры АОН при ЦК КПСС Н.М. Байков. Во вновь образованном Дальневосточном кадровом центре социологическую группу возглавила доцент В.И. Бондаренко. В 1991–1995-е гг. по инициативе и силами социологов осуществлена подготовка двух групп по специальности «Социология» на базе высшего образования, некоторые из них в последующем нашли свое призвание в

науке и педагогической деятельности, защитили кандидатские диссертации по социологии (Д. Клепиков, И. Распопова, Ю. Зиньковский).

Среди тех, кто внес весомый вклад в становление и развитие социологии, — доктор философских наук Г.С. Хохлюк, ученый секретарь Дальневосточного отделения Советской социологической ассоциации, кандидат социологических наук Л.С. Чурилова, кандидат философских наук В.И. Бондаренко, которая ведет научно-педагогическую деятельность на кафедре социальной работы и социологии Дальневосточной академии государственной службы (ДВАГС). В социологической лаборатории работали инженер-социолог Л.А. Кривоносова, доктор социологических наук, научный сотрудник Е.П. Чадаева, доцент кафедры государственного управления ДВАГС, кандидат философских наук О.В. Лебедева. Продолжают традиции социологических исследований сотрудники кафедры социальной работы и социологии ДВАГС (зав. кафедрой Л.А. Кривоносова), преподаватели: доктор социологических наук Н.М. Байков, кандидат психологических наук Л.К. Золотарева и М.А. Сидорова, доктор экономических наук В.В. Миндогулов и др.

В середине 1990-х гг. в ДВАГС был создан Информационно-аналитический центр проблем управления (директор Л.В. Каширина), осуществляющий социологические и психологические исследования. Совместно с преподавателями академии его сотрудники выполнили более 70 научно-исследовательских проектов, имеющих мониторинговый характер. На их основе изданы монографии [2], сборники научных статей, проведены международные, всероссийские и региональные научно-практические конференции.

Радикальные изменения на постсоветском пространстве оказали неоднозначное влияние на развитие социологического образования и на Востоке России. При всех негативных последствиях, удалось сохранить немногочисленный кадровый потенциал вузовской социологии и открыть подготовку научно-педагогических кадров высшей квалификации по социологическим наукам ДВАГС.

Одним из пионеров социологического «движения» в нашем регионе был кандидат философских наук Н.А. Свиридов. Он создал и долгие годы возглавлял социологическую лабораторию в Дальневосточном государственном университете. Его основные работы посвящены проблемам адаптации моряков рыбного флота, изучению студенчества и молодежи. Заметный вклад в становление и развитие социологии на Дальнем Востоке вносит зав. кафедрой Дальневосточного государственного университета путей сообщения Б.В. Смирнов. Он начал социологическую деятельность еще в 1970-е годы.

Важной вехой в подготовке социологических кадров высшей квалификации на Востоке России является открытие (2001 г.) и успешная деятельность регионального диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальностям (22.00.03 — Экономическая социология и демография, 22.00.04 — Социальная структура, социальные институты и процессы) и 4-е кафедры: социологии, политологии и социальной работы ТОГУ под руководством И.Ф. Ярулина, проведены такие исследования, как «Мониторинг мероприятий содействия занятости, осуществляемых в Дальневосточном округе, выявление особенностей и проблем, оценка эффективности реализуемых мероприятий» (2001); «Профессиональное самоопределение учащейся молодежи г. Хабаровска» (2003); «Профориентационная работа и стратегии поведения молодых специалистов на рынке труда» (2004); «Специфика профориентационной работы и переобучения безработных с высшим образованием» (2006); «Социологическое обследование населения района им. Лазо по оценке эффективности PR-компаний службы занятости» (2007). Тематика научно-исследовательских работ формируется на основе потребностей региона, анализа проблем и перспектив социально-политического развития.

В Дальневосточном техническом университете (Владивосток) ведутся социологические исследования в области изучения этнической идентичности и проблем адаптации, социальной психологии (рук. С.Е. Ячин). В Центре социологических исследований Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС) (рук. И.Д. Санацев). Основными направлениями исследований стали местное самоуправление в регионе, мусульманские диаспоры Приморья, тенденции маргинализации и маргинальные диаспоры, корейская диаспора и ее социально-политическая роль, социальная адаптация пенсионеров и другие [4]. Центр также ведет постоянный мониторинг социально-политической ситуации в Приморском крае, доверия к местной власти, удовлетворенности качеством жизни населения; занимается политическим и социальным прогнозированием.

* * *

У истоков зарождения социологии в Магаданской области в 1960–1970 гг. стояли В.В. Яновский, Е.М. Кокорев. Основные направления исследований — проблемы образа жизни на Севере. Большую помощь в их организации оказывали известные российские социологи Л.Л. Рыбаковский и Ж.Т. Тощенко. Под руководством члена-корреспондента РАО

Е.М. Кокарева в Северо-Восточном госуниверситете с 1991 г. ведется подготовка социологов. В этом вузе создана социологическая служба, которая проводит исследования по проблемам общего и профессионального образования, изучение общественного мнения, состояния и перспектив его интеллектуальных ресурсов, социокультурного развития коренных малочисленных народов Севера.

В 2002 г. открылся Центр социально-экономических исследований при Камчатском государственном техническом университете, который активно содействует научному обеспечению разработки и реализации региональных программ социально-экономического развития региона. В 2004–2007-е гг. социологи Камчатки выполнили ряд актуальных проектов, раскрывающих особенности экономического поведения населения кризисных территорий (2004–2006 гг.), перспективы развития альтернативных источников существования для местного населения на проектных территориях в Камчатской области и Корякском автономном округе.

Становление и развитие академической социологии на Востоке России связано с именем Л.Л. Рыбаковского, который начал проводить исследования народонаселения региона. Он первым систематизировал данные о населении Дальнего Востока за 150 лет со времени его освоения русскими. В 1969 г. его исследования легли в основу фундаментального труда «Проблемы формирования народонаселения Дальнего Востока». В последующие годы исследования в области трудовых ресурсов и уровня жизни населения были продолжены в Хабаровском комплексном научно-исследовательском институте, а потом и в Институте экономических исследований ДВНЦ АН СССР, образованном в 1976 г. Исследования по проблемам населения и трудовых ресурсов вели Е.Л. Мотрич, И.С. Безруков, К.М. Игнатъев. Социальными проблемами уровня жизни занимались Т.В. Трошина и В.Г. Белоусов. С начала 1980-х годов на Дальнем Востоке начали интенсивно развиваться комплексные исследования социальных проблем. Разработки проблем народонаселения, трудовых ресурсов, социальной инфраструктуры вели также М.Е. Литовкина, М.И. Леденев, Ю.Л. Неймер, А.М. Шкуркин, М.Г. Лаврененко, В.Н. Дьяченко.

В начале 1990-х гг. в Институте экономических исследований ДВО РАН был создан отдел социальных проблем во главе с А.С. Ревайкиным, который придал работам по данному направлению характер комплексных программных исследований, идеологией которых стал тезис о примате социального над экономическим. Были выполнены исследования по проблемам демографии и миграции населения, собрана богатейшая

база данных по трудовым ресурсам, разработаны комплексные материалы по проблемам доходов населения, уровня жизни, развитию социальной инфраструктуры, получены оценки трудовой и миграционной мотивации. В настоящее время социальные проблемы дальневосточного региона изучает немногочисленная группа академических ученых, как правило, в русле экономической социологии и демографии. Среди них отмечу активную деятельность известных российских исследователей демографических и миграционных процессов Е.Л. Мотрич, В.В. Миндогулова, проблем социологии труда А.М. Шкуркина [5].

В постсоветский период при Институте истории, археологии и этнографии ДВО РАН создан (1995 г.) Центр исследований социально-политических процессов (рук. А.С. Вашук), который занимается исследованием социальной политики и процессов формирования социальной структуры российского Дальнего Востока [6]. При этом основной упор делается на социально-демографические исследования в области миграционных процессов (Д. Вишнеvский), маргинальности в Приморье (Н. Семечкин) и др. Различные аспекты социологии рынка в дальневосточных регионах с начала 1990-х годов активно разрабатывает научно-исследовательский Институт рынка Минэкономразвития РФ (Хабаровск) (рук. В.К. Заусаев).

Несмотря на позитивные результаты процессов становления и развития социологии на Востоке страны, постсоветский этап дает повод лишь для сдержанного оптимизма. Развитие социологического образования в большинстве дальневосточных вузов носит фрагментарный характер. Кадровый потенциал кафедр социологии пока недостаточен, как в количественном, так и в качественном отношении, нет штатных социологических центров и лабораторий.

В неопределенном положении находится и академическая социология на Востоке России: в институтах Дальневосточного отделения РАН она представлена научными интересами отдельных работников, нежели коллективами социологических лабораторий и центров. Не обладая ресурсами для самостоятельного существования, академическая социология представляет собой скорее престижное интеллектуальное занятие, чем стабильную профессиональную деятельность. Как и многие предшествующие годы в академической науке, ориентированной на изучение российского общества, во многом господствует экономический детерминизм. С большой оговоркой можно отметить, что лишь в последние годы, когда проблемы миграции населения с Дальнего Востока стали предметом озабоченности не только региональной, но и федеральной власти, социальные проблемы стали предметом обсуждения на Дальневосточ-

ном международном экономическом форуме в г. Хабаровске (2007 г.). Очевидно, что давно назрела необходимость создания в нашем округе самостоятельного академического научно-исследовательского института социологического профиля, а Минобразованию и науки РФ оказать более существенную поддержку в подготовке социологов в системе высшего профессионального образования.

Список литературы

1. Опыт развития социологических исследований на Дальнем Востоке / Под ред. Г.С. Хохлюка. Хабаровск-Владивосток. 1974.

2. См.: *Байков Н.М.* Государственная служба в социальном измерении. Хабаровск, 2000; *Байков Н.М.* Кадровый потенциал органов власти: опыт социологического анализа. Хабаровск, 2002; Качество жизни населения: технологические оценки. Хабаровск, 2003; *Кривоносова Л.А.* Управление качеством жизни населения. Хабаровск, 2005; *Березутский Ю.В.* Социальный потенциал молодежи региона: социологический анализ. Хабаровск, 2005; *Каширина Л.В.* Динамика социально-психологических состояний больших социальных групп / Под ред. чл.-кор. РАН А.А. Деркача. М., 2004.; Феномен реальности: методологические основы и эмпирическое измерение / Под ред. Н.М. Байкова и В.Н. Шияна. Хабаровск, 2006; *Сидорова Н.П.* Феномен бедности в региональном измерении / Под ред. Н.М. Байкова. Хабаровск, 2005 и др.

3. *Смирнов Б.В., Тюрина Ю.А.* Социализация, образование, воспитание: формы взаимодействия. Хабаровск. 2005; *Смирнов Б.В., Теличева Е.Г.* Институализация рынка труда в России. Хабаровск, 2003 и др.

4. *Санацев И.Д.* Сравнительный анализ моделей местного самоуправления в России, США и Западной Европе. Владивосток, 2004.

5. *Мотрич Е.Л.* Население Дальнего Востока России. Владивосток— Хабаровск. ДВО РАН. 2006; *Миндогулов В.В.* Демографическое развитие региона в условиях трансформирующейся экономики. Хабаровск, 2003; *Шкуркин А.М.* Трансформация адаптационных свойств труда в процессах самоорганизации социумов. Биробиджан, 2003; *Шкуркин А.М.* Адаптационные функции труда в синергетическом мировидении. Биробиджан, 2005.

6. *Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н.* и др. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток. 2002.

*Г.Е. Зборовский,
Ю.Р. Вишневский*

Социология на Урале: особенности, достижения и проблемы

Полвека со дня основания Советской социологической ассоциации — качественно новый этап в развитии отечественной социологии, в том числе и социологии на Урале, период ренессанса региональной социологии. Уральская социология заявила о себе сразу и решительно: «ворвалась» в отечественную науку первой серьезной работой — «Подъем культурно-технического уровня рабочего класса в СССР» (1961) и благодаря активному старту изначально заняла свое достойное место в ряду ведущих научных центров развития социологии в стране (Ленинград, Москва, Новосибирск), мало в чем им уступая. У истоков социологической науки на Урале были М.Т. Иовчук, Л.Н. Коган, М.Н. Руткевич. Значительную роль в становлении и развитии социологии на Урале сыграли: Л.М. Архангельский, Ю.Е. Волков, С.Ф. Елисеев, О.Н. Жеманов, Г.М. Коростелев, Г.В. Мокроносов, В.Г. Мордкович, В.Г. Нестеров, Г.П. Орлов, Ю.П. Петров, Ф.Р. Филиппов, Л.Е. Эпштейн и др.

В 1960-е годы на Урале шел процесс экстенсивного развития социологических исследований, который означал, во-первых, вовлечение ученых и специалистов областей и автономных республик региона (вслед за Свердловской областью — Пермской и Челябинской, чуть позднее — Оренбургской и Курганской областей, Башкирской и Удмуртской автономных республик); во-вторых, появление вузовских, академических и производственных центров и структур.

Однако социологической школы на Урале в 1960-е гг., по всей видимости, еще не существовало. Ее формирование и развитие падает на 1970-е — первую половину 1980-х гг., ставших поистине периодом расцвета социологии на Урале. Поэтому, прежде чем перейти к конкретному рассмотрению процесса становления и развития социологии на Урале в целом (Свердловская, Пермская, Челябинская области, Башкирская автономная республика, в особенности, — наиболее развитыми в социологическом отношении), дадим самую общую характеристику Уральской социологической школы.

Особенности Уральской социологической школы

Что такое социологическая школа? С нашей точки зрения, для появления научной школы в социологии необходимо наличие нескольких совпадающих по времени, месту, содержанию и направленности обстоятельств (речь идет, конечно, о каком-то конкретном периоде и его продолжительности). Как правило, процесс становления занимает 15–20 лет, это тот срок, когда школа должна сформироваться как некое научно-творческое неформальное сообщество, объединенное на основе единых методологических принципов и подходов, и проявить себя соответствующим образом в социологической деятельности; школа характеризуется наличием ярко выраженного лидера (лидеров), институционального статуса (к примеру, принадлежности к университету), центра для обмена научными идеями и творческих встреч (теоретический семинар, издаваемый журнал, регулярно выходящие сборники научных трудов), общих профессионально-этических установок ее представителей.

Можно утверждать, что все эти признаки были присущи тому научно-творческому неформальному сообществу, которое мы именуем Уральской социологической школой. Ее признанным лидером стал выдающийся отечественный социолог Л.Н. Коган (1923–1997), к которому позднее «присоединились» на этом статусном уровне в Уфе Н.А. Аитов (1925–1999), в Перми — З.И. Файнбург (1922–1990). Центрами неформальных творческих сообществ социологов стали: в Свердловске — отдел социологии Института экономики Уральского филиала АН СССР, затем (с переходом Л.Н. Когана в университет) философский факультет и факультет политологии и социологии Уральского государственного университета; в Уфе — Уфимский авиационный институт, в Перми — Пермский политехнический институт. А общим неформальным творческим объединением стали постоянно проводившиеся конференции, семинары, школы, где обучали будущих «заводских» социологов, но главным образом — Уральские социологические чтения, проходившие в различных городах — республиканских и областных центрах региона, где в среднем раз в два года социологи имели возможность творчески общаться и публиковать в сборниках доклады и выступления. Первые чтения были проведены в 1976 г. в г. Ижевске. Организатором Уральских чтений был Л.Н. Коган.

Уральская социологическая школа «заявила» о себе целым рядом особенностей; отметим главные.

• В рамках школы *шло параллельное развитие сразу трех «ветвей» российской социологии — вузовской, академической, производ-*

ственной (заводской), причем между ними изначально установились и долгое время (вплоть до развала заводской социологии в начале 1990-х гг.) существовали интенсивные творческие связи. Заводская социология на Урале по существу была любимым детищем и вузовской, и академической науки, которые ее взрастили и поставили, что называется, на ноги.

- На Урале достаточно быстро происходил *процесс институционализации социологии и ее общественного признания*, чему в значительной степени способствовали властные структуры региона. Представители власти принимали участие в организации социологической деятельности, проведении конкретных исследований (часто выступая их заказчиками), конференций и семинаров, Уральских социологических чтений. Что способствовало росту популярности социологии, придавало ей определенного рода «паблисити». В немалой степени этому содействовали местные СМИ, пропагандировавшие работу социологов в печати, по радио, телевидению. Несмотря на отсутствие в стране социологического образования и следовательно профессионально подготовленных кадров специалистов, на предприятиях вводились должности и структуры (лаборатории, секторы, бюро и даже отделы и службы) «под социологов».

- Уральская социологическая школа, несмотря на широкий спектр научных направлений и исследуемых проблем, имела среди них явно выраженные приоритеты, которые были обусловлены спецификой социально-экономических и культурных процессов в регионе, — это *проблематика исследований в области труда, культуры, образования, молодежи, социальной структуры, политических процессов, свободного времени и др.*

Уральская социологическая школа не имеет широкого международного признания, а ее известность не простирается далее российской социологической науки, но в ней она всегда занимала и занимает достаточно заметные позиции. Продолжается практика проведения конференций и социологических чтений (в том числе новых — «Когановских», «Файнбургских», «Аитовских»); издаются совместные материалы чтений и конференций, а также специализированных выпусков журнала «Социологические исследования»; создан ряд диссертационных советов (кроме совета в Екатеринбурге — самого «старого») в Уфе, Перми, Челябинске, где в качестве оппонентов и представителей ведущих организаций выступают прежде всего социологи Уральского региона; они также активно участвуют в Российском обществе социологов и его руководящих органах; представлены в редакционном совете журнала «СОЦИС» и др.

Институционализация социологии в Уральском регионе в перестроечный и постперестроечный период

Новый период развития социологии на Урале, пришедший на смену застою (вторая половина 1970-х гг. — вторая половина 80-х гг.), был связан с существенными преобразованиями и в стране, и в науке. Они привели к дальнейшей институционализации социологии, строго говоря, к ее принципиально иному этапу.

Так же как и во всей стране, социология на Урале стала «узаконенной» — и как вузовская специальность, и как научная дисциплина, и как профессия. Подготовка по специальности «социология» осуществляется почти во всех областных и республиканских центрах Урала — Екатеринбурге, Уфе, Перми, Челябинске, Ижевске. Ведется она не только в классических (Уральском, Башкирском, Пермском, Тюменском, Удмуртском, Южно-Уральском), но и технических (Пермском), педагогических (Уральском, Российском профессионально-педагогическом) университетах, Гуманитарном университете г. Екатеринбурга, Челябинской государственной академии культуры и искусства. Общее количество студентов, обучающихся по специальности «социология», в уральских вузах составляет около 3 тыс. человек. По этому показателю вузы Уральского региона уступают только московским и находятся на уровне вузов Северо-Западного региона (включая Санкт-Петербургские). Понятно, что необходимой стала подготовка кадров преподавателей высшей квалификации — кандидатов и докторов наук, а это потребовало создания специализированных диссертационных советов. Если в доперестроечные времена существовал лишь один такой совет в Уральском государственном университете, то в новых условиях 2 совета в Екатеринбурге (в Уральской академии государственной службы и Уральском государственном техническом университете), 3 совета в Уфе (в Башкирском государственном университете и Уфимском государственном авиационно-техническом университете), совет в Пермском государственном техническом университете, 2 совета в Тюмени (в классическом университете и нефтегазовом техническом университете). Сегодня на Урале можно защищать докторские и кандидатские диссертации по всему спектру социологических специальностей.

Процессы институционализации социологии на Урале коснулись и развития академической науки. Создано еще одно научное подразделение Уральского отделения РАН СССР — Институт философии и права, сейчас в нем как и в Институте экономики есть социологический отдел; социологические исследования ведутся также в Челябинском филиа-

ле Института экономики. Серьезные изменения институционального характера проявились на Урале и в области коммерциализации социологии: появились рынки социологических услуг — коммерческие социологические структуры, целые фирмы, деятельность которых связана с подготовкой и проведением конкретных социологических исследований по самому широкому спектру проблем (во многих из них участвуют социологи вузовских кафедр, для которых педагогическая деятельность часто становится второстепенной, поскольку не является источником достаточных доходов).

Появившиеся новые возможности социологии, возросшую популярность этой науки стали использовать и государственные структуры (службы занятости, органы управления образованием, молодежной политикой и др.), заказывая отдельным коллективам социологов исследования и обеспечивая публикации их результатов.

Серьезным фактором институционализации социологии на Урале явилось издание в 1990-е гг. — начале XXI в. многих переводных работ, учебников и учебных пособий. В условиях голода на постсоветскую социологическую литературу особое значение имели реферированное издание учебника Э. Гидденса, ряд учебных пособий по социологии, подготовленные Г.Е. Зборовским и Г.П. Орловым («Введение в социологию», учебник для студентов гуманитарных вузов, «Социология»), Р.Т. Насибуллиным («Основы социологии»), Ю.Р. Вишневским (курс лекций «Социология» для технических вузов), Л.Я. Рубиной («Социология для педагогических вузов»). Издание учебников и учебных пособий позднее было сконцентрировано на работах, нацеленных на общепрофессиональную и специальную подготовку студентов-социологов (учебники Г.Е. Зборовского по общей социологии и истории социологии). Особое внимание уральские социологи уделили подготовке книг по различным отраслям социологического знания. Это работы Л.Н. Когана, Г.Е. Зборовского в области социологии культуры, социологии духовной жизни, социологии досуга, Г.П. Орлова — по социологии свободного времени, Ю.Р. Вишневского и В.Т. Шапка — по социологии молодежи, Б.С. Павлова — по социологии семьи, Е.Н. Заборовой — по социологии города, Г.Е. Зборовского и Е.А. Шуклиной — по социологии образования, Г.Е. Зборовского и Н.Б. Костиной — по социологии управления, Е.С. Баразовой по зарубежной (американской) социологии. Вклад социологов Урала в отечественную науку определяется не только названными выше работами; было написано и издано много монографий. Если учесть, что на Урале за последние 15 лет было защищено около 100 докторских диссертаций по социологии, можно

представить себе этот колоссальный объем научной работы. Нельзя не отметить в этом отношении и специализированные выпуски журнала «Социологические исследования», состоящих в основном из публикаций уральцев. Институционализации социологии на Урале способствовала активная деятельность ученых в рамках Российского общества социологов и его Уральского отделения (председатель отделения — Ю.Р. Вишневецкий). Хотя в связи с созданием Российского общества социологов некогда единое Уральское отделение разделилось на ряд областных и республиканских отделений, социологами региона, несмотря на это «отпочкование», было принято решение сохранить Уральское отделение Российского общества социологов. Его консолидирующая роль стала очевидной после того как в течение нескольких лет наблюдался «парад социологических суверенитетов».

Стремление к единству вновь дало о себе знать. В Уральском регионе оно проявляется в виде регулярно продолжающейся практики проведения социологических Чтений, в условиях перестроечных процессов их было проведено десять: VII чтения (1989 г.) проходили в Ижевске, VIII (1991 г.) — в Челябинске, IX (1994 г.) — в Екатеринбурге, X (1996 г.) — в Екатеринбурге, XI (1998 г.) — в Челябинске, XII (2000 г.) — в Перми, XIII (2001 г.) — в Екатеринбурге, XIV (2003 г.) — в Тюмени, XV (2005 г.) — в Екатеринбурге, XVI (2006 г.) — в Челябинске. Чтения «отметили» свое тридцатилетие, во многом оправдав их характеристику, данную еще Л.Н. Коганом на X Уральских социологических чтениях: «...главной особенностью нашего Отделения стало проведение в различных городах Урала... социологических чтений, являвшихся своеобразным отчетом вузовских и заводских социологов Урала о проделанной ими работе. Думаю, что не погрешу против истины, если скажу, что именно эти чтения во многом способствовали появлению дружеских профессиональных связей между уральскими социологами, пробудили у многих из них стремление к повышению своей квалификации. Разумеется, далеко не все из поставленных нами задач удалось решить: в нашем регионе не сложилось современной социологии села, социологии девиантного поведения, социологии религии и морали и т.д. До последнего времени сказывается несомненная недооценка математически-статистических методов. Однако при всех этих (и других) пробелах уральские социологи получили заслуженную известность и авторитет не только в стране, но и за ее пределами».

Однако центробежные тенденции, доминировавшие в российском обществе в 90-х гг., не могли не повлиять на ситуацию в социологии. Воз-

никло явление социологического изоляционизма, за которым как его неизбежный результат следует снижение научного уровня исследований. Это не что иное, как расплата и наказание за разрыв связей в научном сообществе и стремление к самодостаточности. Извлечение уроков из негативного опыта, консолидация усилий социологов разных научных центров, вузов, кафедр, городов, областей, республик — важная задача, решение которой позволит уральским исследователям не только сохранить свою школу, но и усилить ее роль в развитии отечественной социологической науки. В современных условиях на развитие социологии на Урале определенный отпечаток накладывает реконструкция федеральных округов, вне Уральского округа оказались ряд областей и республик «Большого Урала» (Пермская, Оренбургская области, Башкортостан, Удмуртия); но одновременно вошли в состав УрФО Тюменская область и два автономных округа — Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий. Это несколько осложнило решение организационных вопросов в рамках профессионального сообщества социологов Урала: новые связи еще только устанавливаются, а сеть традиционных профессиональных связей еще сохраняется.

Современные центры и направления развития социологии на Урале

Социологическая наука на Урале в последние 20 лет развивалась достаточно активно в целом ряде центров. Лидером остается факультет политологии и социологии Уральского государственного университета, где развитие социологической науки вплоть до лета 1997 г. возглавлял ветеран социологической науки Л.Н. Коган. Социологию в университете представляют известные в профессиональной среде специалисты (Е.В. Грунт, Г.Б. Кораблева, А.В. Меренков, Г.П. Орлов, Л.Л. Рыбцова и др.). Крупными социологическими центрами Екатеринбурга стали и другие вузы: Уральский государственный технический университет (Ю.Р. Вишневецкий, В.Т. Шапко), Гуманитарный университет (Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина, А.С. Ваторопин), Уральский государственный педагогический университет (Л.Я. Рубина), Уральский государственный экономический университет (Е.Н. Заборова), Уральская академия государственной службы (Е.С. Барзгова, В.Б. Житенев, Н.Б. Костина, В.Г. Попов), Уральский государственный университет путей сообщения (Н.И. Шаталова), Институт экономики УрО РАН (А.И. Кузьмин, Б.С. Павлов, А.Ф. Суховой). В Перми основным центром развития социологии продолжает оставаться гуманитарный факультет Пермского

государственного технического университета (В.Н. Стегний, М.А. Слюсарянский, О.Л. Лейбович, С.Л. Парамонова), в Челябинске — Государственная академия культуры и искусств (В.С. Цукерман), филиал Уральского академии государственной службы (С.Г. Зырянов).

Несколько крупных центров находится в Уфе: Башкирский государственный университет (Дж.М. Гилязитдинов, Р.И. Ирнараров, Р.М.Тухватуллин, Ф.У. Мухаметлатыпов и др.), Уфимский государственный авиационно-технический университет (Р.Т. Насибуллин, Ф.С. Файзуллин, А.Б. Курлов, А.А. Аимбетов, Т.П. Моисеева, В.Д. Голиков, Л.А. Ширяев и др.), а также Уфимский государственный нефтяной университет (Ю.Н.Дорожкин). В Ижевске назовем Удмуртский государственный университет (Н.С. Ладыжец, М.Н. Макарова) и Ижевский государственный технический университет (Л.А. Сабурова).

Остановимся на основных направлениях исследований социологов Екатеринбургa, Перми, Челябинска, Уфы, Тюмени, Ижевска.

У социологов Перми приоритетно исследование комплексной проблемы «Общество и личность», они уделяют внимание методологии системного анализа, разработке принципов историзма и диалектики; ученых волнуют многие актуальные проблемы общероссийского и регионального характера: занятость, безработица, социальная защита семьи и детства; продолжается исследование проблем социальной стратификации общества рыночного типа, социальных факторов формирования рынка труда в переходный период, особенностей социального управления в современном российском обществе; одним из важных направлений работы пермских социологов являются регулярные мониторинговые исследования социального самочувствия населения Прикамья. Своеобразным обобщением результатов этих исследований стали традиционные сборники материалов Файнбургских социологических чтений «Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований».

Челябинские социологи исследуют проблемы социальной защиты населения, проживающего на территориях радиоактивного заражения, ведут мониторинг динамики общественного мнения и социально-политических ориентаций населения, изучение информационного пространства, новых социальных институтов и практик в жизни южноуральцев, формирование социальной политики в новых условиях хозяйствования, маркетинговые исследования, диагностика социальной ситуации в городах и на предприятиях, общественные потребности в кадрах социокультурной сферы, работа с персоналом, социология здоровья и др.

Разнообразен круг интересов социологов республики Башкортостан: злободневные проблемы трансформации и реформирования общества в России и Башкортостане, социальные проблемы устойчивого развития региона, исследования отношений между федеративным центром и субъектами Федерации; многочисленные аспекты совершенствования межнациональных и этнополитических отношений, развития национально-культурных объединений; факторы и механизмы выявления социального потенциала; изучение различных сторон образования как социального института, молодежная проблематика, вопросы развития студенчества, формы проявления девиантного поведения и т.д.

Социологические исследования ученых Екатеринбурга характеризуются большим диапазоном интересов — от проблем развития социологической истории на ее различных этапах и изучения истории классической и современной зарубежной социологии до анализа конкретных проявлений общественной жизни в экономической, социальной, политической, духовной сферах. Большое внимание уделяется социологическому анализу человека (взаимосвязь природного и социокультурного). Многие направления исследований предполагают осуществление региональных проектов по социальным проблемам перехода к рыночной экономике, различным аспектам реформирования общества (в политической сфере, в области управления, образования, снижения уровня безработицы и др.). Социологи исследуют социально-экономические условия жизнедеятельности различных групп молодежи, учебной и внеучебной активности учащихся и студентов; специально следует сказать о таком направлении исследований как изучение процессов включения молодежи в новые экономические, социальные и политические реалии, в том числе и различные формы их девиантного поведения, возможности социальной реабилитации в связи с ним и предупреждения правонарушений.

Следует отметить в качестве важного направления социологических исследований и то, что екатеринбургские социологи в течение 12 последних лет осуществляли мониторинг социокультурных ориентаций студенчества города и области. По их инициативе был реализован своеобразный опыт проведения федеральных исследований под эгидой РОС — «Студенчество России о Великой Отечественной войне» (2005), «Гражданская культура российского студенчества» (2006–2007). При этом в первом исследовании участвовали социологии 11 регионов страны, во втором — 16.

Особое направление исследований связано со сферой образования, его различных структур, уровней, подсистем, субъектов, их

взаимодействий. Постепенно определяются новые линии интересов в этой сфере — качества образования, самообразования, сравнительно недавно ставшего предметом специального социологического исследования, потребностей в образовании различных социальных групп общества.

Развиваются у социологов Екатеринбурга и такие отрасли социологической науки как гендерная социология, социология глобалистики, социология города, социология труда. Предметом социологических исследований являются культура предпринимательства, власть и гражданское сообщество России, социальное взаимодействие и социальное партнерство, формирование социальных ориентаций современного российского чиновничества. Социологи Екатеринбурга активно «двинулись» на Север, изучая жизненные планы населения северных территорий России, стратегию межрегиональной интеграции в условиях российского Севера и особенности управления социальной и социокультурной сферами малых северных городов.

Здесь были названы лишь основные (да и то, вероятно, не все) направления, в рамках которых в 1990-е гг. — начале XXI в. вели свои исследования социологи Урала. Но даже простой перечень показывает колоссальный научный потенциал большого отряда отечественных социологов всех поколений, которому в XXI в., без сомнения, суждено достижение новых высот. Овладение ими — особая задача молодежи, получающей сегодня профессиональное социологическое образование, готовящейся занять место рядом со своими товарищами и коллегами.

Ю.Г. Волков

Становление и развитие социологии на Юге России

Возрождение социологии как прикладной научной дисциплины началось в СССР в середине прошлого века. В 1964 г. в Ростовском государственном университете была создана первая на Юге России социологическая лаборатория, научным руководителем которой был назначен Ю.С. Колесников. В конце 60-х — начале 70-х гг. были организованы социологические лаборатории в Ростовском государственном педагогическом институте (заведующий И.П. Чернобровкин) и Новочеркасском политехническом институте (заведующий В.А. Чуланов).

Первые опыты по проведению прикладных социологических исследований в Ростовском регионе были связаны с проблематикой социологии образования, труда и промышленных организаций [1]. В их русле были реализованы крупные научно-исследовательские проекты в Ростове-на-Дону (Ростсельмаш, Роствертол, Химзавод, Ростовэнерго, ГПИ «Спецавтоматика», Управление гражданской авиации), Шахтах (комбинат «Ростовуголь»), Волгодонске (Химкомбинат, зерносовхоз «Гигант»), Киеве, Риге, Сургуте, Салехарде и др. городах. В эти годы ростовские социологи приняли активное участие в реализации первого в стране мониторингового проекта Б.А. Грушина «Таганрог-1», связанного с изучением общественного мнения населения среднего российского города.

Большое значение для развития социологии в Ростовском регионе и на Юге России в целом имело создание в 1985 г. при Ростовском государственном университете Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем (директор В.Н. Овчинников). Сотрудниками института с учетом результатов социологических исследований были разработаны программы социально-экономического развития Атоммаша, Волгодонского ТПК, а также «Комплексная программа научно-технического прогресса Ростовской области»; «Комплексный план социально-экономического развития города Ростова-на-Дону», отмеченный серебряной медалью ВДНХ СССР; «Генеральная схема развития и размещения производительных сил Ростовской области».

В советское время социология находилась под жестким партийно-государственным контролем, поэтому результаты конкретных социологических исследований не только не становились базой для разработки и принятия социально-экономических решений, но и стоили карьеры

некоторым руководителям предприятий, тесно сотрудничавшим с социологами, и самим социологам, осмеливавшимся высказывать критические замечания. Так, в 1981 г. в главном партийном журнале «Коммунист» была опубликована критическая статья директора Ростовского химзавода В.Н. Задорожного, которая базировалась на результатах социологических исследований, проведенных ростовскими учеными, и была посвящена проблемам развития западного промышленного узла Ростова-на-Дону [2]. Реагируя на эту статью, Совет Министров СССР признал критику правильной и определил меры по решению социально-экономических проблем. Однако через год по инициативе областной партократии В.Н. Задорожный был снят с должности директора предприятия: ему не простили того, что он «вынес сор из избы».

В 1990-х гг. начался новый этап институционализации социологии как научной дисциплины в постсоветской России, в том числе и в региональном разрезе. В период рыночных преобразований произошло значительное расширение региональных заказов на социологические продукцию и услуги. Ростовским социологам «посыпались» заказы со стороны местных органов государственной власти, крупных отечественных и зарубежные компаний, маркетинговых фирм и социологических фондов. Активизировалась социологическая деятельность Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, результаты научных исследований которого оказались востребованными в проблемном поле прогнозирования социально-экономического развития регионов и городов Юга России, регионального менеджмента, социологии управления, региональной экономики и маркетинга, этнополитических проектов, электорального поведения. В рамках междисциплинарных проектов с участием сотрудников института в 2001—2007 гг. были реализованы проекты программ и стратегий развития Ростовской области, Республики Адыгея, Карачаево-Черкесской Республики, Кабардино-Балкарской Республики, Ставропольского и Краснодарского краев, а также проекты фундаментальных исследований проблем развития и модернизации социумов Северного Кавказа (в рамках программ Южного научного центра РАН, Северо-Кавказского научного центра высшей школы, ФЦП «Юг России»).

На новый уровень вышли исследования в области социологии образования, в активе которых двадцатилетний мониторинг общественного мнения студентов РГУ, диагностика процессов социализации студенчества, сетевые проекты по мониторингу процессов модернизации высшего образования в России (по программам «Социоцентра» Минвуза РФ), разработка моделей маркетинговых стратегий поведения вузов в условиях региона, оценки состояния рынка труда специалистов и рынка образова-

тельных услуг. Последняя крупная разработка в этой области связана с реализацией национального проекта «Образование» в рамках программы развития вновь созданного Южного федерального университета — проект «Мониторинг трудоустройства выпускников и оценка соответствия их места работы полученной в вузе специальности и квалификации».

В 1990-х гг. в Ростовском регионе стали возникать новые социологические центры. Один из них был создан в Северо-Кавказском научном центре высшей школы Г.П. Предвечным, которому удалось объединить группу молодых ученых и выполнить ряд социологических проектов управленческого характера. В 1992 г. по заказу Госкомнаца России была подготовлена научно-исследовательская программа «Социально-политическая обстановка на Северном Кавказе и стратегия национальной политики России». В этом же году по заказу администрации г. Ростов-на-Дону на основе результатов социологических исследований была разработана «Модель управления культурой в период перехода к рынку». В 1973 г. по заказу Северо-Кавказской экономической Ассоциации была подготовлена программа «Социально-экономическое развитие Северного Кавказа», целью которой была координация деятельности исполнительных органов власти субъектов федерации на Юге России. Была разработана также программа «Социально-экономического развития Курского района Ставропольского края».

В середине 90-х гг. в ИППК при РГУ (директор Ю.Г. Волков) была создана «Группа стратегического анализа и планирования» (руководители А.В. Лубский, И.В. Мостовая). Результатом ее деятельности стала разработка на основе результатов социологических исследований ряда программ: «Социально-экономическое развитие г. Гуково и стратегия деятельности городской администрации» (1994 г.), одобренная Правительством РФ; «Социально-экономическое развитие Краснодарского края и стратегия деятельности администрации в средне-срочной перспективе» (1995–1996 гг.), принятая Законодательным собранием Краснодарского края.

В 2000 г. в ИППК при РГУ был создан Центр системных региональных исследований и прогнозирования (директор центра — проф. В.В. Черноус). Основными направлениями деятельности его стали: проведение региональных научных исследований; организация научных конференций и семинаров по теоретической и прикладной регионалистике; создание компьютерной информационной базы данных по Южному Федеральному Округу.

В настоящее время ИППК Южного федерального университета активно сотрудничает с ведущими академическими учреждениями России. В институте совместно с Институтом социально-политических исследований РАН созданы Лаборатория проблем молодежи и обеспечения

безопасности на Юге России и Лаборатория проблем федерализма и формирования гражданского общества на Юге России; совместно с Институтом социологии РАН — Лаборатория комплексных исследований российской повседневности. Ведется работа по созданию Южнороссийского филиала Института социологии РАН. Для его развития подписан трехсторонний договор между ИППК ЮФУ, ИС РАН и Министерством образования Ростовской области.

За последние пять лет сотрудниками ИППК ЮФУ было выполнено 10 проектов по грантам российских и зарубежных фондов и организаций, а также договорам с органами государственной власти, в т. ч.: «Ислам и исламизм на Северном Кавказе: история и современность»; «Ксенофобия как вызов социальной безопасности на Юге России: разработка механизмов преодоления»; «Федеративные отношения на Юге России: современное состояние и перспективы развития»; «Глобальные и социокультурные факторы конфликтогенности и стабильности на Юге России»; «Этнократии на Северном Кавказе: механизмы формирования и пути трансформации в региональную элиту». Учеными ИППК ЮФУ за последнее время опубликованы 8 монографий и 3 сборника научных статей по социологической проблематике [3].

Одним из центров социологических исследований в Ростовском регионе является Северо-Кавказская Академия государственной службы. Здесь под руководством заведующего кафедрой социологии Г.П. Зинченко осуществляется социологический мониторинг проблем государственной службы в Южном федеральном округе, проводятся конкретно-социологические исследования, по проблемам взаимоотношения органов государственной и муниципальной власти с гражданами, социальной напряженности, электоральной активности, межнациональных отношений, профессионализма государственных служащих.

Важным центром социологических исследований на Юге России становится Педагогический институт Южного федерального университета, в котором наиболее эффективно работает «Центр прикладных социологических исследований» (научный руководитель Г.С. Денисова). Сотрудниками этого центра был выполнен ряд научно-исследовательских проектов по этносоциологии и социологии миграции [4]. Часть из них поддержана отечественными грантами и договорами с Администрацией Ростовской области.

В 2003 г. в Ростове-на-Дону был создан Южный научный центр РАН. В его структуре функционирует «Объединенный отдел социально-экономических и политических проблем южных регионов» (научный руководитель — академик РАН Г.Г. Матишов). Социологические исследования в отделе проводятся несколькими региональными научно-

исследовательскими лабораториями. 1) Лаборатория региональной конфликтологии (заведующий В.А. Авксентьев, научный консультант член-корр. РАН А.В. Дмитриев; основные направления — региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа). 2) Лаборатория демографических и миграционных процессов (заведующий В.С. Белозеров; основные направления — региональные этнодемографических и миграционные процессы). 3) Лаборатория политико-идеологических исследований (заведующая С.Ю. Иванова; основные направления — региональная идентичность, региональные идеологии, элиты, этнократии). 4) Лаборатория политической социологии (заведующий И.В. Юрченко; основные направления — участия населения Юга России в региональных политических процессах, региональная безопасность). 5) Лаборатория этнологии (заведующая Т.Т. Тарасова; основные направления — этническая идентичность, межэтнические конфликты на Юге России, диаспоры на Юге России, приграничные миграционные процессы). 6) Лаборатория этносоциальных исследований (заведующий С.С. Белоусов; основные направления — этническая миграции на Юге России, адаптации мигрантов в условиях иноэтнического окружения). В отделе создан Сектор геополитики и анализа информации (заведующий В.Н. Рябцев; основные направления — геополитические процессы в Южном федеральном округе, исламский радикализм, этнический и религиозный терроризм, исламофобии на Юге России).

В качестве базового проекта ЮНЦ РАН в 2003–2006 гг. реализована программа «Общероссийская и региональная идентичность как факторы консолидации современного российского общества (на материалах Юга России)» (руководитель Л.Л. Хоперская). В рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» совместно с Институтом этнологии и антропологии РАН и Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН реализован научно-исследовательский проект «Локальные этнополитические конфликты в начале XXI века (на примере Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев)» (руководитель Л.Л. Хоперская). Сотрудниками ЮНЦ РАН разрабатываются сценарии социально-экономического и политического развития южного метарегиона, составлен «Атлас социально-экономических проблем, угроз и рисков Юга России» [5].

В настоящее время в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» реализуется подпрограмма «Анализ и моделирование геополитических, со-

циальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе», которая включает несколько социологических проектов. 1) Миграционные процессы в условиях приграничья Юга России (руководитель Т.Т. Тарасова). 2) Диаспора как социокультурный, экономический и политический феномен на Юге России (совместно с Центром изучения межнациональных отношений Института социологии РАН; соруководители проекта — доктор исторических наук Л.М. Дробижева и доктор политических наук М.А. Аствацатурова). 3) Формирование современной российской идентичности и патриотизма как консолидирующей основы поликонфессионального и полиэтничного социума (руководитель С.Ю. Иванова). 4) Разработка теоретико-методологических основ региональной конфликтологии (совместно с Институтом социологии РАН; руководитель — В.А. Авксентьев).

В Ростовском регионе ведется активная работа по подготовке научно-исследовательских кадров. В настоящее время в ИППК ЮФУ работает Диссертационный совет (председатель — доктор философских наук Ю.Г. Волков), в котором проводятся защиты диссертаций по социологическим специальностям: социальная структура, социальные институты и процессы; социология управления. С 2001 по 2007 г. в совете было защищено 158 диссертаций, из них докторских — 28, кандидатских — 130. В Педагогическом институте ЮФУ работает Диссертационный совет (председатель — доктор социологических наук Ю.С. Борцов), в котором проводятся защиты диссертаций по социологическим специальностям: социология культуры, духовной жизни; теория и история культуры — социологическим наукам. С 2001 по 2007 г. в совете было защищено 102 диссертации, из них докторских — 7, кандидатских — 95.

В ЮФУ осуществляется профессиональная подготовка социологов на факультете социологии и политологии (декан В.И. Курбатов). Первые попытки организации социологического образования в высшей школе были предприняты в регионе еще в 1970–1980-х гг. В те годы на экономическом факультете РГУ была введена специализация по социологии труда. Были осуществлены и выпуски экономистов-социологов, которые стали после окончания университета первыми профессионально подготовленными «заводскими социологами», востребованность которых в то время была достаточно высокой в связи с созданием на всех ведущих градообразующих предприятиях социологических лабораторий, лабораторий НОТ и УП. В настоящее время подготовка социологов ведется на кафедрах теоретической социологии; прикладной социологии; политической социологии; конфликтологии. Преподавателями и сотрудниками факультета социологии и политологии ЮФУ за последние годы был проведен ряд социологи-

ческих исследования по заказам правоохранительных органов и бизнес-организаций, а также по темам: «Рынок труда и рынок образовательных услуг», «Социальный спрос на профессиональное образование».

Список литературы

1. *Рубин Б.Г., Колесников Ю.С.* Студент глазами социолога. Ростов н/Д, 1968. *Чуланов В.А., Мялкин А.В., Гитченко С.В.* Методы и процедуры социологических исследований культурно-технического уровня работников. Новочеркасск, 1970. Социально-психологическая атмосфера производственного коллектива / Отв. ред. Ю.С. Колесников. — Ростов н/Д, 1973. *Задорожный В.Н., Чернобровкин И.П.* Образ жизни работников производственного объединения: социально-управленческий аспект. Ростов н/Д, 1981.

2. *Задорожный В.Н.* Проблемы развития западного промузла г. Ростова-на-Дону // Коммунист, 1981, № 1.

3. *Волков Ю.Г.* Идентичность и идеология: взгляд в будущее. М., 2006; *Котова Т.А.* Образовательные стратегии российской молодежи: социологический анализ. Ростов н/Д, 2006; *Попов М.Ю.* Правовая социализация личности как ресурс становления социального порядка в российском обществе. М., 2006; *Арутюнов В.В.* Паблицити в системе социальной ответственности российских корпораций. Ростов н/Д, 2005; *Герасимов Г.И.* Трансформация образования: социокультурный потенциал развития российского общества. Ростов н/Д, 2005; *Гордиенко Ю.Ф.* Проблема выбора в трансформирующемся обществе. М., 2005; *Епифанцев С.Н.* Этносоциетальная трансформация на Северном Кавказе на рубеже XX–XXI вв. Ростов н/Д, 2005; *Лубский А.В.* Конфликтогенные факторы на Юге России. Ростов н/Д, 2005; Этноэтатизм и этнократии на Юге России. Ростов н/Д, 2006; Факторы конфликтогенности на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2005; Молодежь Юга России: положение, проблемы, перспективы. Ростов н/Д, 2005.

4. *Денисова Г.С.* Конфликтогенность социокультурного пространства Ростовской области. Ростов н/Д, 2007; *Денисова Г.С., Контарев А.В.* и др. Трудовая миграция в России: проблемы работы органов внутренних дел (результаты научных исследований). Ростов н/Д, 2005.

5. Современное состояние и сценарии развития Юга России: Материалы научно-практического семинара ЮНЦ РАН (7–8 декабря 2005 г.). Ростов н/Д, 2006. Атлас социально-экономических проблем, угроз и рисков Юга России / Под ред. Г.Г. Матишова. Ростов н/Д, 2007.

Ф.С. Файзуллин

Формирование социологической школы в Башкортостане

Формирование и развитие социологической школы в Башкортостане связано прежде всего с именем профессора Н.А. Аитова. Созданная им в 1964 г. социологическая лаборатория в Уфимском авиационном институте стала ведущим научным образованием среди научных учреждений страны. Постепенно в нее включились ученые других научных учреждений Башкирии. Одним из главных направлений научной работы было исследование проблем *социальной структуры общества*. В работах Н.А. Аитова [см.: 2] обоснована мысль о множественности критериев социальной дифференциации общества, осуществлен анализ тенденций развития его различных классов и слоев, предложено новое определение содержания категории «класс». Социологи находили новые неизученные аспекты этой проблемы, которая на определенных этапах развития общества становилась чрезвычайно актуальной. Так, в 1971 году был опубликован труд «Некоторые проблемы социальных перемещений в СССР», в котором коллектив авторов (Н.А. Аитов, Ф.С. Файзуллин, Л.Г. Земцов, Л.Н. Фенин) анализировали проблемы социальной мобильности: переход труженников сельского хозяйства в ряды рабочего класса, рабочих и крестьян в ряды интеллигенции, рабочих с низким уровнем квалификации в группы высококвалифицированных рабочих и т.д.; рассматривали вопросы социальной географии крупных городов, особенности социальной мобильности в различных типах поселений, роль миграции в процессе социальных перемещений. В монографии «Советский город: социальная структура», подготовленной в основном уфимскими социологами, эти и многие другие идеи нашли дальнейшее развитие и углубление. Социологи стремились проанализировать социальные различия во всех сферах городского образа жизни. Сравнительное социологическое исследование под руководством Н.А. Аитова было проведено в 1982–1984 годах в 14 городах 11 российских краев и областей страны. Исследователи исходили из того обстоятельства, что величина города, его место в классификации городов сами по себе уже являются социально-дифференцирующим фактором; вместе с основой социальных различий — социально-экономической неоднородностью труда рассматривались социальные различия в семейных отношениях, жизненный путь горожан, их образование, уровень культуры и социальной активности, социальные перемещения и т.д.

В 1970-е годы С.Ф. Елисеевым были проведены социолого-философские исследования *структуры рабочего класса*: удалось раскрыть внутренние тенденции дифференциации рабочего класса, воздействие динамики общественных отношений и научно-технического прогресса на социальный облик его основных групп; были поставлены и весьма оригинально решались проблемы разделения и распределения труда, отношения к труду различных групп населения. Комплексному рассмотрению жизни и деятельности рабочего 1970-х годов были посвящены исследования по программе «Социальный портрет советского рабочего» (рук. Н.А.Аитов), проведенного в 1976–79 г.г. и охватившие 15 тыс. респондентов в Набережных Челнах (Татарстан), Магнитогорске (Челябинская обл.), Нефтекамске, Стерлитамаке, Учалах (Башкортостан). Полученные данные раскрывали источники пополнения рабочего класса, структуру, изменение характера труда рабочих под воздействием НТП, процесс превращения труда в первую жизненную потребность, политическую активность рабочих, их моральные качества и культурно-технический уровень развития. Отечественные исследователи того времени в абсолютном большинстве рассматривали рабочих главным образом как *рабочников*, поэтому исследования духовной жизни советских рабочих, проведенные в 1970–1980 г.г. под руководством Р.А.Злотникова, отличаются анализом структуры и содержания свободного времени, уровня образования, ценностных ориентаций, нравственных установок и их реализации, что давало целостное представление о социальном облике советских рабочих той эпохи.

В настоящее время *изучение социальной структуры и социальной стратификации* остается одним из главных направлений социологических исследований в Башкортостане. Их результаты обобщены в монографиях [8, 20]. В условиях коренных изменений общественных отношений динамика рабочей силы и населения в целом, их созидательный потенциал приобретают особую значимость. Изучению этой проблемы посвящены работы Ф.Б. Бурхановой, Ф.А. Игибаевой, Р.Т. Насибуллина, Р.М. Валиахметова, Р.А. Галина. Так, Ф.Б. Бурханова на большом эмпирическом материале показывает как созидательные особенности башкирской семьи, так и ее социальные проблемы.

С начала 1970-х годов изучение *проблем развития города и села* становится важным направлением нашей научно-исследовательской деятельности. Необходимость комплексного и системного подхода к изучению процессов урбанизации и развития городов, совершенствования управления, социальной динамики города была остро поставлена тогда в ряде статей Н.А. Аитова. Новый подход требовала рассмотрения

города как органического целого, где неразрывны сферы труда, быта, общественно-политической деятельности и культуры горожан. Решение большинства социальных проблем возможно только при системном подходе к городу как единому хозяйственному, социальному и культурно-бытовому комплексу. Разработке методологических проблем, исследованию различных сторон развития и функционирования городских поселений посвящен ряд научных работ Ф.С. Файзуллина, где одним из первых в отечественной литературе была обоснована необходимость выделения *социологии города*, внесен существенный вклад в разработку и совершенствование концептуального аппарата социологической теории города, в определение и углубление понимания сущности и содержания ее основных понятий и категорий [21, 25]. Результаты исследования дали возможность системно показать особенности городского образа жизни, раскрыть основные факторы и противоречия, определяющие развитие образа жизни городского населения, выявить качественные преобразования и различия, имеющиеся в этой области между социальными группами, а также жителями разных типов городских поселений; определить основные этапы и своеобразие процесса адаптации мигрантов к условиям высокоурбанизированной среды.

Особенностью проведенных исследований городов явилось органическое сочетание теоретического изучения с проверкой сформулированных в результате анализа гипотез на материалах конкретных социологических исследований. Эти исследования проводились во многих городах нашей республики и соседних областей Урала. Одновременно панельный характер конкретных социологических исследований городов в 1970-е и 1980-е годы (с интервалом в 10 лет), параллельное изучение *социально-экономических проблем села* в этих регионах дали возможность глубже раскрыть динамику и особенности социальной структуры и образа жизни городского населения, разработать принципы управления развитием этого феномена. *Файзуллин Ф.С.* «Социологические проблемы города» (1982); *он же* «Социология города» (1997); *Файзуллин Ф.И., Галлямов Р.Р.* «Урбанизация общества: закономерности развития и проблемы управления» (1993) [3, 4].

С 1979–1995 годов активно проводились *исследования социальных проблем села*, в результате которых Ю.В. Акатьевым, М.М. Садриевым были выявлены основные демографические, экономические, социальные факторы с наибольшей силой влияющие на изменения отношения аграрных работников к труду, на эффективность сельскохозяйственного производства в условиях радикальной экономической реформы, вызванные отчуждением крестьянства от земли и средств труда, социальной

несправедливостью во взаимоотношениях города и деревни. Социологами была предпринята попытка прогнозировать развитие социально-экономических структур сельского хозяйства с учетом различных форм собственности. В 1970–1980 годы Р.Б. Камаев обратился к традиционным проблемам преодоления различий между городом и деревней, оригинальность его исследования заключалась в том, что рассматривались вопросы управления этим процессом.

В 1985 г. Министерством высшего образования было принято решение о разработке Государственной научно-технической программы «Социальные проблемы научно-технического прогресса». Разработка и реализация одного из ее разделов были поручены кафедре философии и социологической лаборатории УАИ-УГАТУ, которая курировала научно-исследовательскую работу почти двухсот вузов страны. По результатам исследований в Башкортостане были проведены три Всероссийские конференции: «Социальные проблемы ускорения научно-технического прогресса» (1986), «Ускорение научно-технического прогресса и совершенствования образа жизни» (1988), «Социальные проблемы оптимизации научно-технического творчества» (1989); их материалы обобщены в двух монографиях: «Факторы торможения научно-технического прогресса» (1993) и «Научно-технический прогресс: проблемы и пути решения» (1992). Представлен комплексный социологический анализ особенностей научно-технического прогресса на современном этапе и его социальных последствий; причин и условий, сдерживающих научно-технический прогресс; системный подход к исследованию противоречий НТП в обществе; факторы торможения НТП, их действия в области фундаментальных и прикладных наук, в сфере производства, в системе подготовки кадров.

Научно-техническое творчество до 1980-х годов не являлось объектом пристального внимания исследователей, а в работах по этой проблематике основное внимание концентрировалось на изучении гносеологических проблем. Что же касается методологических, социальных, экономических, организационных аспектов, то их разработка в отечественной литературе была весьма редким явлением. Вместе с тем, в период модернизации в связи с необходимостью активизации творческого начала в деятельности людей, организации творчества на новой основе, исследование именно этих сторон проблемы приобретает особую актуальность и значение. Поэтому работы Л.А. Ширяева, посвященные методологическим вопросам указанной проблемы, следует рассматривать как достаточно удачную попытку, способствующую прорыву в изучении научно-технического творчества; его исследования дали основание

утверждать, что выход из создавшегося в 80-е годы кризиса в сфере научно-технического творчества немыслим без необходимости освобождения интеллектуального потенциала от экономических, социальных, психологических и других сил торможения, без полной реализации накопленного в стране научного ресурса, без перехода к новому типу научно-технической деятельности, базирующейся на комплексном использовании компьютерной техники и принципиально новых формах организации творческого взаимодействия интеллектуальных сил.

В современных условиях актуализировалась проблематика отношения к технике, которая в 1980-е годы исследовалась В.Г. Голиковым [см.: 9]. Роль образования и социального статуса в формировании отношения к технике, как фактору духовной культуры, облегчающего человеческий труд, воспитывающего человеческие потребности и т.д. подвергались обстоятельному социологическому анализу. Научно-технический прогресс, безусловно, оказывает существенное воздействие на все сферы жизнедеятельности человека, но, прежде всего, естественно, на *содержание и характер труда*. Этот вопрос обстоятельно анализируется в ряде исследований, проведенных Т.П. Моисеевой [16]. Переход от централизованного, административно-командного разделения труда к рыночному, саморазвивающемуся, являются объективной закономерностью, необходимым условием формирования новых производственных отношений, достижения устойчивого экономического и социального развития. В исследовании *проблем труда*, заслуживают внимания работы Ф.У. Мухаметлатыпова и прежде всего его монография, научный анализ трудовой мобильности; прикладные разработки, являющиеся составной частью этого фундаментального исследования, активно были внедрены в практику на целом ряде предприятий республики и Российской Федерации.

Следующее направление общественнознания, куда внесли существенный вклад исследователи — это *социология образования*. Еще в 1960-е годы вопросы образования затрагивались Н.А. Аитовым в связи с изучением проблем подготовки квалифицированных кадров; Л.Г. Земцевым при изучении социального облика сельского учителя; В.Д. Поповым — как подсистема общества, функционирующая в направлении формирования гармонического развития личности [19]. Проекты перестройки образования в стране разрабатывались в исследованиях М.М. Садриева, М.Т. Шафикова, посвященных текучести учительских кадров в сельских школах, в работах А.В. Корпачева и Г.А. Карташева, средних специальных учебных заведениях. Развитие научно-образовательных комплексов, интеграция науки и образования, интеллектуально-образо-

вательный потенциал республики, роль образования в процессе профессионализации, гуманитаризации и гуманизации образования, национальные аспекты в учебно-образовательной деятельности, социальные перемещения молодежи в студенчество, формирование военных инженеров в технических вузах стали объектом исследований С.Ф. Елисеева, Ф.С.Файзуллина, Л.А. Ширяева, Е.Ю. Бикметова, А.Я. Зарипова, Ю.А.Лязиной, Г.А. Кабаковича и др. Исследования А.Б. Курлова, Ф.Г. Хайруллина посвящены вопросам развития и функционирования технического вуза; раскрыты особенности пополнения кадров технических вузов, качество образования и пути его повышения, социальный облик студентов втуза, управление развитием вузов и т.д. [14, 15, 28].

Этнополитическая стратификация (регион, республика, этнос). Поскольку город и село являются главными составными частями региона, и эффективно управлять ими можно только учитывая их взаимосвязь, социологи УАИ-УГТУ, по сравнению с исследователями других центров, раньше осознали необходимость глубокого исследования *проблем региона как системы*. На материалах конкретных исследований, проводившихся на Урале и в Сибири, Н.А. Аитов анализировал *особенности социального развития регионов*, принципы существования различий в уровнях жизни их населения, пути их преодоления [2]. При этом «регион (в его понимании) — социально-территориальная общность, характеризующаяся локализацией единых для страны общественных отношений». Особое внимание при этом уделялось исследованию миграции между регионами, городами; деревнями, средствами ее регулирования, а также проблемам управления экономическим и социальным развитием регионов. В исследованиях Ан.А. Ахмадеева (начало 1990-х годов) доказано, что закономерности функционирования и развития региона обусловлены исторически сложившейся системой расселения и общественного разделения труда, особенностями социально-экономической и природно-географической структуры территориальной общности, спецификой регионального образа жизни. Причинами кризиса региональной политики ученый считал пренебрежение объективными экономическими и социальными законами развития территории в системе региональных отношений; особый интерес представляет его методика анализа основных тенденций, способствующих оптимизации социальных процессов, а в перспективе — достижению социальной гармонии в системе региональных отношений [5].

Исследование *социального развития республики* является фундаментальной проблемой современной социологии регионов и определяет новый этап и уровень развития этой концепции. Это связано, во-первых,

с тем, что начался качественно-новый этап в общественной жизни, формируются новые общественные отношения, требующие неординарных решений по стимулированию интенсификации социального развития регионов, поиска эффективных путей выхода из кризисной ситуации в национально-территориальных образованиях и в стране в целом. Во-вторых, утверждение суверенитета республики ведет к усилению самостоятельности органов законодательной и исполнительной власти в решении широкого круга проблем развития республики. В итоге повышается ответственность органов управления за качество принимаемых решений, что предполагает (и требует) активного привлечения научной общественности к разработке основ экономической и социальной политики, к решению обширного круга проблем в политико-правовой области и духовной жизни.

В исследовательской программе «Социальное развитие Республики Башкортостан: социологические, политические и правовые проблемы» (научный руководитель Ф.С. Файзуллин), реализованной в 1994–1997 годах особое место занимали анализ социально-политических проблем суверенности, определение основных путей совершенствования политической системы, разработка моделей местного управления и самоуправления; принципиальное значение имело изучение процессов изменения общественных отношений в результате расширения форм собственности и перехода к рыночной экономике, создания механизма соблюдения принципов социальной справедливости и разработке системы защиты человека в новых условиях [22]. К приоритетным направлениям относилась и проблема международных отношений, поиск путей их нормализации и гармонизации; обновление жизни республики, интенсификация интеллектуального ее потенциала; рекомендации по повышению его эффективности, использованию и реализации. Системный анализ всех сторон социальной жизни республики по существу в исследовательской практике нашей страны был осуществлен впервые.

Начиная с 1970-х годов в республике активно изучалось *развитие политической системы в новых условиях*. В этой области существенный вклад в науку внесли Ф.Б. Садыков, Ю.Н. Никифоров, Ю.Н. Дорожкин, М.А. Аюпов, Г.Т. Галлиев, Дж.М. Гилязетдинов [8] и др. Анализировались основные противоречия политической системы доперестроечного периода, разрабатывались основные пути совершенствования современной политической системы России; вопросы политико-государственного устройства Башкортостана и его восприятия электоратом, проблемы реформы местной власти; актуальные вопросы самоуправления и рас-

ширения демократии; тенденции, неуклонно ведущие к становлению интегративного общества [22].

Проблемы межэтнических отношений всегда были предметом исследования социологов, социальных философов и историков Башкортостана. Ученые показали, как межэтнические отношения отражают сложившиеся в стране экономические, социальные, политические, духовно-идеологические и бытовые отношения, оказывают влияние на функционирование и развитие общества, сказываются на состоянии *социально-политической обстановки* в стране и республике [27].

Как уже отмечалось, в городах возникает проблема взаимной адаптации представителей разных национальностей, что создает своеобразие городов, как места, где интенсивно протекают этнонациональные процессы. В связи с этим возникала необходимость изучения отдельных этнических групп, их поведения в многонациональной среде, выявление тенденций их дальнейшего развития. Именно это было осуществлено в 1990-х г. М.Д. Киекбаевым [13]. На примере башкирского городского населения ему удалось: определить общее и особенное в механизме функционирования этнической группы в многонациональном городе; установить, что в условиях формирования новых общественных отношений происходит поляризация социально-профессиональной структуры городских башкир с выделением «верхушки» — высококвалифицированной гуманитарной интеллигенции и довольно большого слоя малоквалифицированных работников, что целые социальные «ниши», отрасли и сферы экономики в городе (промышленное производство, предпринимательство, торговля и т.д.) остаются почти неосвоенными башкирами; выявить, что из-за существенных диспропорций в социально-профессиональной структуре городских башкир, происходит концентрация их в непроектных сферах; раскрыть многоярусность этнических процессов городского башкирского населения, достаточно четко проявляющаяся при сравнении образа жизни башкир-горожан первой генерации и их детей, родившихся уже в городе. Еще в 1960-е годы А.Ш. Мамлеев и Р.Н. Кутушев изучали различие интересов и духовной культуры у представителей разных наций, проживающих на территории Башкирии. В 1980-е годы кафедра философии и социологическая лаборатория УАИ стали одним из ведущих центров исследования проблем межнациональных отношений. Поэтому не случайно они были включены в разработку и реализацию государственной научно-технической программы «Народы России: возрождение и развитие» (1991–1996).

Оригинальность и новизна результатов исследований *развития этноса*, проведенных в 1990-е годы Ф.С. Файзуллиным [27], Р.И. Ир-

назаровым [11], А.Я. Зариповым, Дж.М. Гилязетдиновым [8] и их последователями заключается в следующем: раскрыта неоднозначность последствий влияния перехода к рыночным отношениям на сферу межнациональных отношений: наряду с расширением возможностей для утверждения равенства появляются новые виды неравенства; выявлены определяющие противоречия в политическом и социокультурном развитии этносов страны, определены тенденции их развития и на этой основе разработаны прогностические модели возможных сепаратистских движений; обнаружено, что в полиэтническом обществе различающиеся по численности своих представителей этносы не обладают одинаковыми возможностями для утверждения и совершенствования собственно-этнических качеств, что вызывает необходимость регулирования процессов сохранения и развития национальной самобытности; доказано, что существующая система правового регулирования межнациональных отношений в социально-территориальных образованиях не обладает достаточной эффективностью и поэтому нуждается в существенном улучшении; на основе системного анализа разработана новая концепция этносов как субъекта политического и социокультурного развития; раскрыты основные причины и закономерности возникновения этнополитических движений, выявлены объективные и субъективные факторы превращения этноса в активного субъекта общественно-политических и социокультурных процессов; установлено, что этнополитические движения на современном этапе приобрели международный характер, их интернационализирующим фактором стало стремление к достижению суверенности, к подлинному федералистическому государственному устройству и созданию благоприятных условий для свободного развития коренного населения; определены детерминирующая роль этнического сознания и духовной культуры в становлении и развитии этнополитических движений основные этапы эволюции исторического самосознания этноса, его роль и функции в общественном прогрессе народа; выявлена специфика сложившихся отношений неравенства между народами в нашей республике в экономической сфере, выражающаяся: а) в их неравномерном представительстве в отраслях народного хозяйства, тесно связанных с научно-техническим процессом, б) в сосредоточенности основной массы некоторых из них в слабо развитых в экономическом отношении регионах республики, в) в различиях культурно-технического уровня у представителей этносов и т.д.; г) определены различия между народами Башкортостана по их социальной структуре — составу и расстановке общественных групп, по их количе-

ственным и качественным показателям в условиях и уровне жизни и подверженности к миграционным движениям. Роль общественного мнения в решении этнических и межнациональных проблем раскрывается в работах Р.М. Тухватуллина.

Социологи Башкирского государственного университета провели фундаментальное исследование «Возрождение и развитие тюркских народов России», которое получило высокую оценку. В работе сделаны научно обоснованные выводы об исторических путях тюркских народов, закономерностях их развития, общих чертах и особенностях их национально-культурных проблем.

Исследования, посвященные развитию этносов, дали возможность наметить основные контуры национальной политики и управления межэтническими отношениями [1, 8, 13, 17, 27].

Формирование и бурное развитие социологических наук в конце 1960-х — начале 1980-х годов было связано, прежде всего, с необходимостью совершенствования *управления всеми сферами общественной жизни* и, прежде всего, разработкой *основ социального планирования*. Поэтому первые социологические работы в республике, как и в стране в целом, были посвящены вопросам социального планирования. В 1970–1980-е годы в республике регулярно проводились симпозиумы и конференции, посвященные именно этой проблематике. Под руководством Н.А. Аитова в эти годы опубликованы «Методика социального планирования областей», «Методика социального планирования производственных коллективов», «Методика планирования социального развития района и села», «Методика социального планирования города», которые получили высокую оценку научной общественности страны. В этих работах активное участие принимали Ю.В. Акатьев, С.Ф. Елисеев, Р.Б. Камаев, Л.И. Коровина, Я.П. Ладыжинский, Ф.С. Файзуллин и др.

Кроме методик общего характера разрабатывались и вопросы планирования, управления различными сторонами общественной жизни. Так, А.А. Баимбетов. в исследовании «Социальное планирование как механизм управления процессом борьбы с общественными явлениями и профилактикой антиобщественного проявления» поднял новый пласт проблем; впервые была обоснована необходимость и реальность управления процессами борьбы со всеми девиациями; раскрыта связь между уровнем социальной дифференциации и антиобщественными проявлениями, показано, что высокая степень социального неравенства способствует их росту и наоборот, чем ниже степень социального неравенства, тем ниже и уровень антиобщественных проявлений; определена и обоснована роль социального планирования как механизма управления процессом борь-

бы с антиобщественными явлениями и профилактики антиобщественного поведения. Общественная практика показала, что интенсификация развития общества связана органическим сочетанием отраслевых и территориальных форм социального планирования. Системный подход к решению проблем требовал в первую очередь обоснования важнейших методологических принципов [7]. Проблемы управления обществом, отдельными его сферами, создания условий для устойчивого развития страны и ее регионов продолжают оставаться предметом исследования башкирских социологов и в условиях качественных преобразований общественных отношений. Об этом свидетельствуют монографии и сборники, изданные в последние годы [20, 24].

Анализ истории развития социологической науки в Башкортостане дает основание утверждать, что она отражает, во-первых, общие закономерности формирования и прогресса этой отрасли научного знания и, во-вторых, имеет свои особенности. Социологи республики не были простыми продолжателями уже сложившихся или складывающихся направлений социологической науки, а определяли новые направления развития и новые подходы к пополнению сформировавшихся отраслей знания.

Список литературы

1. *Абдулатипов Р.Г., Файзуллин Ф.С.* и др. Российская Федерация: нации и межнациональные отношения. Новосибирск, НГТУ, 1993, 149 с.
2. *Аитов Н.А.* Проблемы социально-классовой структуры советского общества. Саратов: СГУ, 1982. 136 с.; *Он же.* Советский рабочий. М., 1981. 158 с.; *Он же.* Социальное развитие регионов. М., 1985; *он же.* Социальное развитие городов: сущность и перспективы. М., 1979, 48 с.
3. *Акатьев Ю.В.* Отношение работников сельского хозяйства к труду. Уфа, 1992, 168 с.
4. *Акатьев Ю.В., Ахмадеев А.А.* Социология села. Уфа, 1997, 102 с.
5. *Ахмадеев Ан.А.* Социологические проблемы региона. М., 1992, 98 с.
6. *Бикметов Е.Ю.* Образование как сфера общения. Уфа, 1998, 108 с.
7. *Вильданов У.С., Файзуллин Ф.С.* Методологические проблемы совершенствования системы планирования. Саратов, 1990, 176 с.
8. *Гилязетдинов Дж.М.* Трансформация российского общества и этнические процессы. Уфа, 2005, 364 с.
9. *Голиков В.Д.* Отношение к технике как социальный феномен. Саратов, СГУ, 1985.

10. *Зарипов А.Я., Файзуллин Ф.С.* Этнополитические движения как социальный феномен. Уфа, 2000. 134 с.; *он же.* Этническое сознание и этническое самосознание. Уфа, 2000, 174 с.
11. *Ирназаров Р.И.* Равенство этносов в республике Башкортостан. Уфа, 1997, 160 с.
12. *Карамышева Н.М.* Управление социальными процессами в производственных организациях в условиях становления рыночных отношений. Уфа, 2007, 212 с.
13. *Киекбаев М.Дж.* Башкиры в городах Башкортостана: история и современность. Уфа, 1998, 226 с.
14. *Курлов А.Б.* Технический вуз: социальные проблемы развития в новых условиях. Уфа, 1995, 202 с.
15. *Курлов А.Б., Лязина Ю.А.* Социальные перемещения молодежи в студенчество. Уфа, 2000, 145 с.
16. *Моисеева Т.П.* Общественное разделение труда, рынок и социальная справедливость. СПб, Уфа, 1999, 220 с.
17. *Насибуллин Р.Т.* Население Республики Башкортостан: социально-демографический анализ. М., 1997.
18. Научно-технический прогресс: проблемы и пути решения. Под ред. *Файзуллина Ф.С.* М. Уфа, 1990, 196 с.
19. *Попов В.Д.* Общество, образование, личность. Саратов, 1981.
20. Приоритетные направления социально-экономического развития республики Башкортостан. Уфа, 2007, 503 с.
21. Советский город: социальная структура. М., 1988, 286 с.
22. Социальное развитие Республики Башкортостан / Под ред. *Файзуллина Ф.С.* Уфа, 2001, 327 с.
23. Социологическая наука и социологическое образование в Республике Башкортостан. Уфа, 2003, 288 с.
24. Социальные проблемы устойчивого развития региона. Уфа, 2005, 316 с.
25. *Файзуллин Ф.С.* Социология города. СПб, Уфа, 1997, 160 с.
26. Факторы торможения НТП. Под ред. *Файзуллина Ф.С.* Уфа, УГАТУ, 1993, 130 с.
27. *Файзуллин Ф.С., Асылгужин Р.Р.* Этничность и этническая идентичность. Уфа, 2006, 140 с.
28. *Хайруллин Ф.Г.* Гуманизация высшего технического образования как фактор духовно-нравственного воспроизводства инженерных кадров. Уфа, 1998, 218 с.

С.С. Балабанов

Нижегородские социологи: учителя и ученики

В 1960-е гг. становление социологии в нашем регионе началось с того, что руководство Горьковского обкома партии и Горьковского университета им. Н.И. Лобачевского обратилось в Министерство высшего и среднего специального образования СССР с просьбой открыть социологическую лабораторию при университетской кафедре философии. 6 июня 1966 г. министерство нашу просьбу поддержало. Заведующим был назначен к.ф.н. С.Ф. Фролов. Лаборатория создавалась как учебно-вспомогательное подразделение для обслуживания учебного процесса, но фактические задачи были гораздо шире. Учась социологии «на ходу», преподаватели вели занятия по этой дисциплине в Доме политического просвещения, проводили исследования в своем и других вузах, на промышленных предприятиях города и области. «Соцлаб» стала центром издательской деятельности городских социологов. Было положено начало серии сборников «Социология и высшая школа» (15 выпусков за 1969–1990 гг.), «Управление — коллектив — личность». В разное время лабораторией руководили к.ф.н. Б.Н. Зеленков, Р.И. Никифоров, к.ф.н. В.И. Туранский, к.ф.н. С.С. Балабанов., к.и.н. А.А. Иудин. После её создания были установлены контакты с Институтом социологических исследований АН СССР.

В университете и других вузах региона в 1970-е гг. проводились конкретно-социологические исследования (В.И. Мишин, В.П. Киселев, О.М. Сичивица, Н.Д. Шимин, Л.А. Зеленов, А.М. Изуткин, А.И. Панов, Е.Г. Головин, А.Я. Левин, Т.А. Кантемирова, Л.А. Голубинский, В.Ф. Анурин и др.). В Горьковском обкоме ВЛКСМ был создан «Общественный институт социологических исследований», проводивший исследования по молодежной тематике. В те же годы на Горьковском авиационном заводе им. Орджоникидзе создается одна из первых в СССР заводских соцлабораторий. Их число медленно, но верно увеличивалось, в штатных расписаниях отделов научной организации труда и управления появлялись должности социологов. В городе химиков Дзержинске активно работала городская социологическая лаборатория.

Еще один отправной момент институционализации социологии в Нижегородском регионе связан с организацией Волго-Вятского (затем Горьковского) отделения Советской социологической ассоциации. (ВВО ССА). Оно было создано весной 1979 г. и объединило социологов, рабо-

тающих в Горьковской и Кировской областях, Мордовской, Чувашской и Марийской автономных республиках. Инициатором создания ВВО ССА и его «мотором» был д.ф.н., проф. В.Г. Мордкович, незадолго до этого приехавший в Горький. После его отъезда в Москву ВВО ССА возглавлял Л.А. Зеленев, В.П. Киселев, С.С. Балабанов, Г.С. Широкалова.

Вехой становления региональной социологии в нынешней столице Поволжья стало создание в 1980 г. Горьковского отдела Института социологических исследований АН СССР. Событием тех лет стала монография «Советский город: социальная структура»; основные авторы ее — Н.А. Аитов, В.Г. Мордкович, М.Х. Титма (М., 1988). Сотрудники отделения активно включились во всесоюзные исследования, проводимые ИСИ АН СССР, например, по образу жизни (рук. И.Т. Левыкин), по социальной структуре рабочего класса (рук. Г.В. Осипов) и др. В 1980–1990 гг. продолжалось создание социологических лабораторий на промышленных предприятиях, внедрение социально-экономического планирования трудовых коллективов. При отделе была создана первая в городе социологическая библиотека, банк анкет, совместно с ВВО ССА проводилась учеба социологов. Большой резонанс имело открытие в Горьком Волго-Вятского отделения Всесоюзного центра по изучению общественного мнения (ВЦИОМ). Первым руководителем был к.э.н. В.Я. Захаров. Сегодня отделение возглавляет О.М. Праздничков.

Уникальным для социогуманитарных наук в Нижнем Новгороде стал функционирующий почти 40 лет «Философский клуб» (рук. проф. Л.А. Зеленев), в работе которого активно участвуют социологи города. В 2008 году состоялся его 36-й по счету, уже — международный симпозиум. Число участников, судя по количеству публикаций его материалов, растет с каждым годом.

Советский период развития социологии в Нижегородской области характеризовался, с одной стороны, поддержкой партийным руководством области и города социологов, большой востребованностью социологической информации, поддержкой инициатив социологов, с другой — обилием запретных тем, жестким контролем за «политически правильными выводами», цензурными рогатками, большими трудностями в публикации материалов. Нелишне напомнить, что все исследования проводились на общественных началах, главная статья расходов — оплата услуг типографии по размножению анкет. С тиражированием было немало проблем. В 1989 г. в Н.Новгороде впервые появилась статья расходов на исследования — «оплата труда анкетеров».

Значительный импульс развитию социологии в регионах дали социально-политические и экономические трансформации в России,

включение социологии как учебной дисциплины в программы подготовки студентов, открытие подготовки специалистов по социологическим специальностям. Существенно увеличилось число вузов и их филиалов, численность студентов. На кафедры стали приходиться преподаватели, получившие социологическое образование.

Лидирующие позиции в подготовке социологов и проведении социологических исследований занимает факультет социальных наук (ФСН) Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (декан к.и.н., доц. В.А. Блонин). На факультете 4 социологических кафедры. Заведующие кафедрами являются и научными руководителями социологических исследований. Так, кафедра общей социологии и социальной работы известна вкладом в организацию обучения высококвалифицированных специалистов. Она имеет магистратуру по социологии социальной работы, аспирантуру и докторантуру по социологии. Зав. кафедрой З.Х. Саралиева осуществляет научное руководство исследованиями, посвященными актуальным проблемам и перспективам развития социальной сферы общества, в т.ч.: «Семья в новых социально-экономических условиях»; «Социально-экономическая зависимость как феномен массового сознания»; «Религия как фактор социально-психологической адаптации населения»; «Молодежь в городе»; «Женская безработица»; «Сексуальные преследования на работе»; «Этническая самоидентификация национальных меньшинств в Нижегородской области»; «Общество и армия»; «Нижегородские студенты на рубеже веков»; «Пожилые люди — взгляд в XXI век», «Великая Отечественная война в памяти поколений»; «Детерминация жизненных планов молодежи благосостоянием семьи», «Многодетные семьи Нижегородской области», «Благополучные дети и трудные подростки» и др. Под ее руководством разработана «Концепция успешной семьи», одобренная Правительством Нижегородской области и принятая к внедрению (2004 г.).

Широко известны исследовательские группы социологов ряда других вузов, в том числе Волго-Вятской академии государственной службы (ректор д.с.н., проф. В.А. Мальцев, зав. кафедрой д.с.н. С.А. Тихонова), Нижегородского педуниверситета (зав. кафедрой д.ф.н., проф. А.А. Терентьев), группы, возглавляемые д.ф.н., проф. В.Ф. Ануриным (Нижегородский коммерческий институт), д.с.н., проф. Г.С. Широкаловой (Нижегородская сельскохозяйственная академия) и др. В регионе функционирует отдел Института социологии РАН (рук. к.ф.н., доц. С.С. Балабанов). Его тематика научных интересов обширна — от современной семьи, социального развития молодежи, политических процессов до социологии инноваций, подготовки научных кадров в аспирантуре. Многие

исследования отдел осуществляет в тесном сотрудничестве с упомянутым ФСН ННГУ, демонстрируя интеграцию академической и университетской науки. В них активно участвуют Е.С. Балабанова, А.М. Бекарев, А.А. Иудин, Н.Н. Иванишина, В.П. Козырьков, П.И. Куконков, М.В. Масловский, Н.В. Мартынова, А.В. Прудник и др. Направления исследований нижегородских социологов определены, в значительной степени, социальным заказом администрации области, научными связями с вузами и НИИ России, международными проектами. О научных интересах социологов региона, глубине разрабатываемой ими проблематики можно судить по опубликованным работам [1–24].

Список литературы

1. *Анурин В.Ф.* Динамическая социология. М., 2003.
2. *Балабанова Е.С.* Социально-экономическая зависимость: теория, история и современность: Монография / Науч. ред. *З.Х. Саралиева*. Н. Новгород, 2004.
3. *Балабанова Е.С.* Экономическая зависимость женщин: сущность, причины и последствия // Социол. исслед, 2006, № 4.
4. *Балабанов С.С.* Рабочие в регионе: объектно-субъектные аспекты анализа / Социальная стратификация российского общества. Отв. ред. д.ф.н., проф. *Голенкова З.Т. М.*, 2003.
5. *Балабанов С.С., Бедный В.И.* Дисциплинарная дифференциация аспирантской среды // Университетское управление: практика и анализ, 2006, № 1.
6. *Бекарев А.М.* Свобода человека в социальном пространстве: Монография. Н. Новгород, 1999.
7. *Зеленов Л.А.* Социология города: Уч. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2000.
8. *Ивашиненко Н.Н.* Эволюция взаимодействия финансовых структур и населения России (1987–2002 г.): Монография. Нижний Новгород, 2002.
9. *Иудин А.А.* Экономические установки населения и массовое политическое сознание (1988–1999). Н. Новгород, 2000.
10. *Калачева Т.Г.* Профессиональная среда государственной службы: Монография. Н. Новгород, 2004.
11. *Козырьков В.П.* Гуманитарная экспертиза в контексте культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 2007, № 2.

12. *Куконков П.И.* Мониторинг социальных напряжений и конфликтов в крупных региональных центрах России / Россия реформирующаяся. Ежегодник / Вып. 6. М., Институт социологии РАН, 2007.
13. *Мальцев В.А.* Государственный служащий современного типа. Монография. Н. Новгород, 2003.
14. *Мальцев В.А.* Проблемы высшего образования в условиях информатизации. Н.Новгород, 2006.
15. *Мартынова Н.В., Лапина О.В., Музычук Н.Ю.* Качественные характеристики труда руководителей малых предприятий научнотехнической сферы / Россия реформирующаяся: Ежегодник 2003 / Отв. ред. *Л.М. Дробижева*. М., Институт социологии РАН, 2003.
16. *Масловский М.В.* Социология политики: классические и современные теории. М., 2004.
17. *Петрова И.Э.* Конструктивистский подход в социальной работе / Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки, Вып. 1 (6), 2007.
18. *Саралиева З.Х.* Социальная работа как отрасль социального знания // Социология, 2005, № 1.
19. *Свадьбина Т.В., Любимова А.Б.* Современная семья: методология, проблемы, перспективы. Н. Новгород, 2005.
20. *Терентьев А.А.* Социализация молодежи современной России и система образования: Монография, Н. Новгород, 2007.
21. *Тихонина А.С.* Профессиональная среда государственной гражданской службы: теоретико-методологические и методические аспекты социологического анализа. Н. Новгород, 2005.
22. *Чернова И.В.* Гендерные отношения в социальной стратификации современного общества: состояние и перспективы развития. Монография. Н. Новгород, 2001.
23. *Широкалова Г.С., Зинякова М.В.* Реалии российской деревни // Социол. исслед, 2006, № 7.
24. *Широкалова Г.С., Аникина А.В.* Политический выбор русской православной церкви как фактор, определяющий ее будущее // Социол. исслед, 2007, № 10.

М.А. Слюсарянский

Пермская социологическая школа: вчера, сегодня, завтра

Пермские социологи, проводя исследования в широком спектре актуальных проблем, внесли свой вклад в развитие теоретической и прикладной социологии. В 1960-е годы при Политехническом, а затем Педагогическом и Сельскохозяйственном институтах (ныне — университетах и академии), Государственном университете были созданы социологические лаборатории и исследовательские группы. Их работа, в свою очередь, стала импульсом возникновения социологических служб на ряде предприятий, в организациях и учреждениях Западного Урала.

Особую роль в развитии социологии в Пермском регионе сыграла созданная в 1967 г. лаборатория социологических исследований Пермского политехнического института. Ее основателем был известный в стране ученый, доктор философских наук, профессор Захар Ильич Файнбург. Как научный руководитель З.И. Файнбург определил три направления исследований и сформировал, соответственно, в структуре лаборатории три сектора: социология труда (руководитель М.А. Слюсарянский), социология культуры (В.М. Лихачев), социальное планирование (Е.С. Шайдарова). На базе теоретико-прикладных разработок лаборатория социологии выполняла (и до сих пор выполняет) исследования по адаптации, мотивации труда, образу жизни, управлению, социальному прогнозированию, отслеживает изменения, происходящие в поведении отдельных социальных групп в условиях перехода к обществу рыночного типа.

В числе первых в стране пермские социологи разработали планы социального развития промышленных предприятий, городов, регионов; пермский телефонный завод на долгие годы стал полигоном для прикладных исследований в области промышленной социологии и психологии, а работы сотрудников лаборатории получили признание своих коллег. В то же время кафедра и лаборатория социологии под руководством З.И. Файнбурга, приобретает неформальный статус социологического центра Прикамья, а к середине 1970-х годов Пермский филиал Уральского отделения советской социологической ассоциации по количеству работающих и характеру выполняемых социологических исследований уже занимал одно из ведущих мест в стране. Всего в тот период в вузах,

на предприятиях, в организациях и учреждениях области трудились более 100 социологов.

Можно сказать, что в Перми сложилась *социологическая школа* («*файнбургская школа социологии*»), особенностью которой является органичное сочетание глубокого теоретического анализа социальных феноменов современности, выявление глубинных причин их возникновения и конкретных прикладных результатов — основы рекомендаций, методик, учитывающих специфику обследуемых организаций, учреждений, регионов.

В 1970–1980-х годах получили развитие новые для отечественной социологии научные направления, определившие работу в этих предметных областях на долгие годы: проблемы коллективности, социологии культуры (З.И. Файнбург), социологии труда (З.И. Файнбург, М.А. Слюсарянский), социальной структуры трудовых коллективов (А.Г. Антипов, А.Н. Фадеев, Е.С. Шайдарова), нормативно-целевой подход в социальном планировании (В.И. Герчиков), проблемы личности (В.Н. Стегний); профессиональной ориентации молодежи (Г.Г. Бажутин, Н.Н. Захаров), проблемы заводской социологии (В.Р. Лащев, Г.В. Разинский, А.Н. Пономарев, А.М. Баландин), социологии религии (М.Г. Писманик, М.Ф. Калашников), социологии морали (С.П. Парамонова), социологии города (О.Л. Лейбович). Ежегодно проводились научно-практические конференции по различным областям социологического знания, было открыто социологическое отделение вечернего Университета марксизма-ленинизма, самое востребованное у слушателей университета, что способствовало повышению квалификации социологов. Подтверждением приоритетности и качества проводимых исследований явилось проведение в Перми в 1982 г. IV Уральских социологических чтений, в которых приняло участие большинство работающих в социологии исследователей. В 1990-е годы в социологической науке, как и в обществе в целом, произошли сложные процессы реорганизации — в предметной и методических областях, а также в организационной структуре сообщества пермских социологов. В предметной области это связано со стремлением к критической переоценке, переосмыслению общественной ситуации, с особым интересом к альтернативным путям выхода из кризиса, к спектру изменяющихся здесь возможностей, различных сценариев общественного развития; появились новые предметные области с акцентом на исследования региональных проблем. Объектом внимания социологических центров и исследовательских групп в Перми стали следующие направления социологических исследований: роль новых и старых социокультур-

ных групп в процессах либерализации и приватизации экономики; изменения в трудовых отношениях, мотивациях поведения различных социально-профессиональных групп; изменения в уровне и качестве жизни населения и отдельных групп; характер социальной стратификации и становление «среднего класса». По этим направлениям проведены социологические исследования (руководитель М.А. Слюсарянский) при поддержке РГНФ и на хоздоговорной основе с заинтересованными организациями — Администрацией Пермской области, городским комитетом по образованию и науке, комитетом социальной защиты, рядом промышленных предприятий Пермского края. Это свидетельствует об институционализации социологической науки, о формировании у разных управленческих структур потребности в информации аналитического характера, которая могла бы аккумулировать результаты социологических исследований. В 1992 году в структуре областной администрации появился сектор социологического мониторинга (руководитель В.А. Бурко), целью которого стал анализ общественного мнения по ряду социально-экономических и социально-политических проблем. На основе «Соглашения о взаимодействии» Администрации Пермской области, Регионального объединения работодателей Пермской области «Сотрудничество», областного совета профсоюзов, Пермского государственного университета в рамках проекта Европейского союза «Трудовое законодательство и арбитраж» в 2004 году создан Пермский центр социального партнерства и социологических исследований (руководитель Е.Б. Плотникова). Ряд разработанных в этот период социальных концепций (проблемы семьи, социальной защиты, социальной дифференциации) легли в основу региональных программ, утвержденных в качестве официальных документов Законодательным собранием Пермской области.

Наряду с проведением прикладных социологических исследований пермские социологи не прекращают работы над фундаментальным обобщением результатов, полученных в ходе прикладных исследований. В период с 1993 года по настоящее время сотрудниками кафедры социологии и политологии ПГТУ и лаборатории социологии был выполнен ряд социологических проектов по грантам РГНФ (социальная стратификация российского общества, проблемы формирования среднего класса, рынок труда и занятости, социальные проблемы регионального развития) и опубликованы монографии: «Проблемы социальной стратификации в переходный к рынку период», «Тенденции и факторы формирования российского среднего класса: региональный аспект (особенности учительства как социальной группы)» и другие.

Развивая традиции «файнбургской школы», пермские социологи в современных условиях существенно обогатили методический арсенал сбора и анализа социологической информации, активнее стали использовать в социологии возможности качественных методов.

Существенно изменились формы научной и учебной деятельности: с 1993 года в Пермском государственном техническом университете, а с 1996 года в Пермском государственном университете началась подготовка по специальности социология, что способствует обретению и развитию качеств научной школы (за счет воспроизводства научных кадров — аспирантура и докторантура на кафедрах); прошли уже 10 выпусков специалистов, в 2008 году будет первый выпуск магистратуры по программе «Социология труда и предпринимательства». В ПГТУ работает диссертационный совет по присвоению ученой степени кандидата социологических наук, где успешно прошли защиты научных работ около 40 социологов Прикамья и других регионов.

Пермское отделение Российского общества социологов совместно с кафедрой социологии и политологии ПГТУ организует, ставшие традицией Всероссийские конференции «Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований» (*Файнбургские чтения*). На сегодняшний день проведено 9 конференций памяти З.И. Файнбурга, на которых пермские социологи и их коллеги из других регионов имели возможность представить и обсудить результаты исследований.

Существенным фактором в жизни пермского сообщества социологов является то, что все полнее заявляет о себе новое поколение молодых исследователей, получивших профессиональное социологическое образование, что несомненно будет способствовать дальнейшему качественному развитию социологии в Пермском регионе.

Список литературы

1. *Файнбург З.И.* Предвидение против пророчеств: Современная утопия в облике научной фантастики / Мемориальное издание под общ. ред. проф. *Г.З. Файнбурга*. Пермь, Изд-во ПГТУ, 2007.
2. Социология о социальных процессах российского общества: монография / Под науч. ред. проф. *В.Н. Стегния*. Пермь, 2007.
3. Социология труда: Теоретико-прикладной толковый словарь / Под общ. ред. *В.А. Ядова*. Тематические редакторы: *Герчиков В.И., Климова С.Г., Романов П.В., Слюсарянский М.А., Шербина В.В., Эйдельман Я.Л., Ярская В.Н.* СПб, Наука, 2006.

4. Тенденции и факторы формирования российского среднего класса (особенности современного учительства как социальной группы) / Колл. авторов, руков. М.А. Слюсарянский. Пермь, Изд-во ПГТУ, 2001.

5. Гуманитарная подготовка инженеров и специалистов в Пермском государственном техническом университете: опыт, проблемы, перспективы / Науч. ред. В.Н. Стегния: 2-е изд., перераб. М., 2001.

6. Система воспитания инженеров и специалистов в условиях модернизации образования: опыт, проблемы, перспективы / Науч. ред. В.Н. Стегния. Пермь, Изд-во ПГТУ, 2003.

7. Стегний В.Н. Политология. Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2004; *Он же*. Основные сферы социального прогнозирования: Учеб. пособие. Пермь: Изд-во ПГТУ, 2005; *Он же*. Осознание личностью своего социального будущего: Монография. Пермь, 2007.

8. Левченко В.В. Психология состязательности. Пермь, 2005.

9. Парамонова С.П. Динамика морального сознания (Введение в социологию морали). Т. I, ч. I. Пермь, Изд-во ПГТУ, 2006.

10. Материалы Всероссийских научных конференций «Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований». Пермь, Изд-во ПГТУ, 1992, 1994, 1996, 1998, 2000, 2002, 2004, 2006.

11. Материалы Всероссийских научно-практических конференций «Формирование гуманитарной среды и внеучебная работы в вузе, техникуме, школе». Пермь, Изд-во ПГТУ, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007.

*В.Г. Немировский,
М.И. Сергеев*

Развитие социологической науки в Красноярском крае (60-е годы XX в. — начало XXI в.)

Первые социологические исследования в крае были проведены в 1960-х г.г. под руководством профессора В.Ф. Голосова (1908–1972), в то время единственного доктора философских наук на всю Сибирь. Будучи широко эрудированным профессионалом, он чутко реагировал на потребности времени, поддерживал в исканиях представителей всех социальных и гуманитарных наук — историков, экономистов, филологов. Именно его проницательное видение позволило ему решительно одобрить поиски решения новых нарождающихся потребностей, появление новой возрождающейся науки и со всей страстью поддержать инициаторов ее становления и развития.

Социология в крае начиналась с двух социологических подразделений, сначала в Красноярском пединституте, а некоторое время спустя — в Красноярском университете. В это время обе лаборатории вели исследовательские работы на Красноярском алюминиевом заводе, затем среди строителей — в трестах и управлениях Главкрасноярскстроя.

Возглавивший в 1967 г. лабораторию (в дальнейшем Центр) социологических исследований профессор М.И. Сергеев, член-корр. Международной академии наук ВШ сделал большой акцент на проведение комплексных исследований, для реализации которых объединялись вместе с социологами и физиологами, экономисты, и медико-педагогические кадры, спортсмены. Постепенно в поле внимания этой лаборатории были вовлечены проблемы образования, подготовки педагогических кадров, работа с молодежью, начиная с детских дошкольных учреждений.

В эти же годы при кафедре философии Красноярского государственного университета под руководством Ж.Т. Тощенко была организована социологическая лаборатория. Она проводила новаторские по тому времени социологические исследования на крупнейших предприятиях региона, осуществляла консультирование и составление планов социального развития и проектирования, — не только на предприятиях, но и города Красноярска, ряда сельских районов. Одним из результатов исследований стали по-настоящему пионерские работы Ж.Т. Тощен-

ко «Социальное планирование» и «Социальная инфраструктура» [1]. В эти годы во время проведения конкретных исследований зародилась будущая концепция «Социология жизни», серьезная научная школа, представители которой — Э.И. Мартынова, В.В. Сартаков, А.А. Сидоров и другие продолжили социологические исследования в регионе после отъезда Ж.Т. Тощенко в Москву в 1975 г.

В середине 1970-х годов кафедре философии и социологическую лабораторию Красноярского университета возглавил доктор философских наук, профессор Г.Ф. Шафранов-Куцев (позднее зам. Председателя Госкомитета по народному образованию СССР, ректор, затем президент Тюменского государственного университета). Под его руководством были продолжены исследования в области промышленной социологии, реализованы крупные социологические проекты в сфере социального планирования, разработаны «Планы социального развития» и «Социальные паспорта» Красноярского края, различных городов и районов края; особое внимание уделялось анализу проблем социального развития малых городов [2].

Значителен вклад в развитие социологии в крае, внесенный доктором философских наук, профессором П.П. Великим, чьи научные интересы были связаны с анализом комплекса факторов, влияющих на содержание и функционирование культуры советского села [3]. В середине 1980-х годов кафедру научного коммунизма (к тому времени произошло разделение кафедры философии КГУ) возглавила И.С. Малолеткова (в настоящее время — доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социально-политических теорий СибФУ). Социологическую лабораторию возглавил доктор социологических наук В.Г. Немировский, который в 1990 г. возглавил кафедру социологии, а в 2007 г. Центр социологических исследований в Сибирском федеральном университете.

В Красноярском государственном педагогическом университете с 1960-х годов, когда социология стала «модной» наукой, в разные годы в Центре трудились видные российские ученые: доктор экономических наук, проф., член-корр. РАО А.Н.Фалалеев, проф. Н.И. Дроздов, проф. В.И. Усаков, проф. К.В. Рубчевский, доценты И.А. Медведев, В.С. Финогенко, В.А. Пинаев, В.П. Рубчевский., А.С. Рыбаков, С.Л. Садырин, Н.А. Игнатов, Л.В. Яблокова. Успешно сотрудничают в области социологических исследований проф. М.И. Бордуков, В.П. Иванов. Серьезный вклад в математическое обеспечение социологических исследований вносит проф. Р.А. Майер. В 1980–1990-е годы усилия сотрудников Центра были сконцентрированы на изучении социально-экономических проблем образования, профессиональной ориентации и адаптации, а

также физической культуры и здорового образа жизни учащейся молодежи. За 40 лет своей работы сотрудники Центра, в том числе — зарубежные учёные, работавшие по совместным исследовательским проектам — опубликовали 265 научных работ в области экономической социологии, социологии физической культуры и спорта, социологии образования. Центр имеет обширные зарубежные и внутрироссийские связи, выиграл грант Европейского университета, провёл ряд представительных конференций.

С 1991 г. научные интересы творческого коллектива сосредоточились на решении проблем школьного и вузовского образования в Красноярском крае, организации социологического мониторинга эволюции потребностей в образовательных услугах и ценностных ориентаций участников образовательного процесса в условиях формирования рыночных отношений. В то же время в рамках международного исследования «Социокультурные аспекты образовательной ситуации в мегаполисе» сотрудниками Центра изучались соответствующие вопросы развития общеобразовательной школы в Красноярске: развернуто и сегодня весьма интенсивно продолжается изучение мотивации к учительской профессии, образ жизни студенческой молодежи, подготовки, функционирования и повышения квалификации педагогических кадров, в том числе для специального (коррекционного) образования. Богатейший материал, накопленный Центром в ходе исследований, нашел отражение в большом количестве изданий — 263 монографии, брошюры, статьи, опубликованные в стране и за рубежом (в том числе за рубежом) [4]. У социологов Центра сложились прочные связи с отечественными и зарубежными научно-исследовательскими учреждениями и вузами.

В 1970-х — начале 1990-х годов в Красноярске и крае активно работали социологические лаборатории и центры в других вузах и на ряде крупных промышленных предприятий. Например, во ВТУЗе (ныне — Сибирская аэрокосмическая академия), на Красноярском алюминиевом заводе, Красноярском заводе комбайнов, Норильском горно-металлургическом комбинате и др. Социологи Красноярского государственного университета в течение ряда лет активно участвовали во Всесоюзном лонгитюдном исследовании «Пути поколения» (научн. руководитель проекта — доктор филос. наук, профессор М.Х. Титма), в других проектах по молодёжной тематике [5].

В 1990-е годы в региональной социологии, как и в системе организации социологической науки всей страны, произошли серьёзные изменения в связи с новыми социально-экономическими и политическими условиями жизни. Часть существовавших в государственных организа-

циях социологических центров и лабораторий была закрыта, появились новые, негосударственные социологические организации, в том числе — филиалы и отделения ряда российских и московских исследовательских фирм; были созданы подразделения, выполняющие социологические функции, и в ряде госучреждений, например, в Администрации Красноярского края, Администрации г. Красноярска, Краевом комитете государственной статистики и др. Таким образом, в регионе сложился ряд активно действующих социологических организаций. Среди университетских организаций можно отметить плодотворно работающий коллектив профессора В.Х. Беленького (в настоящее время кафедра социального управления Сибирского федерального университета); разрабатывают главным образом проблемы социальной структуры современного российского общества [6].

С середины 1990-х годов работают социологи Сибирского юридического института МВД РФ под руководством профессора, полковника милиции Д.Д. Невирко. Они изучают социальные процессы в сфере правовых отношений в регионе, предупреждения преступности, обеспечения прав и интересов граждан. Ими на протяжении более 10 лет изучается мнение населения, сотрудников милиции о деятельности органов внутренних дел, других правоохранительных структур [7]. Учебно-методическое пособие «Анализ прогнозирования текучести кадров молодых специалистов, выпускников образовательных учреждений МВД России» (колл. авторов — С.Д. Назаров, Д.Д. Невирко, Н.А. Горбач) в 2006 г. завоевало 3-е место в конкурсе научных работ по проблемам совершенствования подготовки кадров для органов внутренних дел, проводимом Министерством внутренних дел РФ.

Научный коллектив под руководством профессора В.Г. Немировского разрабатывает с конце 80-х годов XX века концепцию постнеклассической (универсальной) социологии, развивающей как российскую культурно-философскую традицию, так и новейшие направления системного подхода. Принципиально новый методологический инструмент — диатропический «принцип минимального универсума» — представляет собой универсальную «матрицу», которая может быть наложена на любую социальную структуру или процесс с целью их анализа или прогнозирования. В вузах Красноярска в настоящее время работают доктора социологических наук С.В. Гришаев, В.Е. Шинкевич, А.М. Логвинов, разрабатывающие различные аспекты социального развития страны, проблемы управления, преодоления негативных явлений и процессов.

Красноярскими социологами разработаны основные теоретико-методологические принципы постнеклассического подхода в социоло-

гии, соответствующий новаторский социологический инструментарий, проведены многочисленные прикладные исследования, организованы межрегиональные научные конференции. Всё это нашло отражение в многочисленных публикациях в России и за рубежом [8].

Список литературы

1. *Тощенко Ж.Т.* Социальное планирование. Красноярск, 1971. В дальнейшем она была издана под названием «Социальное планирование в СССР». (М., Политиздат. 1980). На основе данных социологических исследований в Сибири была подготовлена первая по данной проблеме монография в стране: *Тощенко Ж.Т.* Социальная инфраструктура: сущность и пути развития. М., Мысль, 1980.
2. *Куцев Г.Ф.* Молодежь и молодые города М., 1977; *Он же.* Новый город. Социологический очерк на материалах Сибири. М. 1982; *Он же.* Человек в северном городе. Свердловск, 1987.
3. *Великий П.П.* Духовная жизнь советского села. М., 1982; *Он же.* Сельская зона КаТЭКа. Красноярск, 1986.
4. См. например: *Гендин А.М.* Предвидение и цель в развитии общества (философско-социологические аспекты социального прогнозирования). Красноярск, 1970; *Гендин А.М., Сергеев М.И., Томашова Г.Т.* Дошкольное учреждение в условиях реформирования системы образования (опыт комплексного социологического исследования). Красноярск, 1998; *Гендин А.М., Дмитриев А.А., Сергеев М.И., Дмитриева Л.И.* Социокультурные аспекты функционирования педагогических кадров в системе специального образования. М. – Воронеж, 2004; *Гендин А.М., Дроздов Н.И., Сергеев М.И., Майер Р.А., Бордуков М.И.* Качество подготовки педагогических кадров и актуальные проблемы повышения их квалификации. Красноярск, 2005.
5. *Немировский В.Г.* Молодёжь Сибири строит будущее. Красноярск, 1986, *Немировский В.Г., Григорьев С.* Молодёжь Сибири на пороге зрелости. Барнаул, 1988; *Он же.* Молодёжь 80-х: потребности, ценности, идеалы. Красноярск, 1989; *Он же.* Смысл жизни: поиски и проблемы. Киев, 1990.
6. *Беленький В.Х.* Активность народных масс. Красноярск, 1973; *Он же.* Трудовой коллектив как социальный субъект. Красноярск, 1990; *Он же.* Преобразования в России и народные массы. Красноярск. 2001; *Он же.* Проблемы современной российской интеллигенции. Опыт социологического анализа. Красноярск. 2005; *Данилова Э.В., Лунев В.В.*

Социальная структура современного российского общества. Красноярск, 2006.

7. *Невирко Д.Д., Шинкевич В.Е.* Основы организации научного исследования. Уч. пособ. Красноярск, *Невирко Д.Д., Горбач Н.А., В.Е. Шинкевич В.Е., О.Н. Круглянина О.Н.* Изучение и формирование общественного мнения о деятельности органов внутренних дел. М., 2007.

8. *Немировский В.Г., Невирко Д.Д., Гришаев С.В.* Социология. Классические и постнеклассические подходы к анализу социальной реальности. Уч. пособ. М., 2003; *Невирко Д.Д., Шинкевич В.Е.* Феномен социальной мобилизации в системе стимуляции социальной активности сотрудников органов внутренних дел в условиях реформирования современного российского общества. Красноярск, 2006; *Немировский В.Г., Кудрявцева В.И.* Универсумный подход к прогнозированию социальных систем. Минск. 2004; *Логвинов А.М.* Эволюция производственной организации в последней трети XX века. Красноярск. 2004; *Логвинов А.М., Полежаева Л.М.* Управление персоналом. Уч. пособ. Красноярск, 2005; *Логвинов А. М.* Социология рекламной деятельности: учебное пособие. Красноярск, 2005; *Немировская А.В.* Ценности в массовом сознании: структура и динамика. Красноярск, 2005; *Стариков П.А.* Современные технологии организации творческого процесса. Уч. пособ. Красноярск, 2005; *Невирко Д.Д.* Особенности универсумной социализации человека. Уч. пособ. Красноярск. 2004; *Немировский В.Г., Соколова Е.В.* Структура и динамика смысложизненных ориентаций студенческой молодёжи. 1988–2004 гг. Постнеклассический подход. Красноярск, 2006; *Труфанов Д.О.* Ценностная концепция современных единоборств. Красноярск, 2006; *Немировский В.Г.* Тайные общества и заговорщики. Куда они ведут Россию? СПб, 2007; *Немировский В.Г., Невирко Д.Д.* Социология человека: от неклассических к постнеклассическим подходам. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007.

В.В. Гаврилюк

Тюменские социологические практики

Институционализация социологии в Тюменской области относится к началу 70-х гг. XX в. Специфика региона — преимущественно молодежный состав населения северных округов области, задавали зарождающейся социологии круг неотложных исследовательских задач. Они были связаны с необходимостью решения социальных проблем нефтяников, строителей, газовиков, дорожников тюменского Севера. Комсомольско-молодежные отряды, вахтовики, старожильческое население региона, коренные народы оказались участниками небывалого процесса освоения природных богатств, обустройства северных территорий. Проблемы взаимоотношения человека и северной природы, стабилизации трудовых коллективов, молодой семьи, взаимоотношения этнических групп, промышленной аборигенной культуры, ценностных ориентаций молодежи, профессионального и общего образования, социального управления этими процессами в регионе — все это становится предметом исследований социологов [1].

В 1971 г. группа молодых ученых Тюменского индустриального института начала проводить прикладные исследования для города и региона. В 1972 г. при РТО НПП СССР создана секция социологии при НТО НПП СССР (председатель Совета НТО Г.П. Богомяков, руководитель секции К.Г. Барбакова). В рамках этой секции социологи проводили для работников социальных служб конференции, семинары, курсы повышения квалификации. В это же время начали создаваться социологические службы на предприятиях: моторном заводе (рук. Н. Брагина и В. Фадеев), при Всесоюзных производственных объединениях (ВПО) геологоразведки, лесной, нефтяной, газовой промышленности: Главтюменьнефтегаз (Г.М. Юрасова), Нижневартовскнефтегаз (Ф.И. Бирюков), Сургутнефтегаз (В.А. Зубов), Юганскнефтегаз (В.А. Владыкин), Главтюменьгеология (В.С. Дмитриев). В 1978 г. введена должность главного социолога в Главтюменьгеологии (А.Н. Силин), в НИИ ПЛЕСДРЕВ (В.М. Семин, А.И. Кулябин), в институте ЗАПСИББУРНИПИ (С.М. Бабицкая). В. Фадеев представлял заводскую социологию СССР на Всемирном съезде социологов в 1974 г. (г. Варна) [2].

В 1975 г. в области был заложен первый учебный опыт по социологии: при вечернем университете марксизма-ленинизма открыт двухгодичный социологический факультет, где читались курсы социологии,

социальной психологии, методологии и методики социологического исследования. Их посещали работники социальных и социологических служб, руководители предприятий, отделов, организаций, молодежь — аспиранты и преподаватели различных кафедр города. Таким образом формировался интерес к социологии, понимание значимости социологических исследований. В 1976 г. создан Тюменский филиал Сибирского отделения Советской социологической ассоциации, что явилось признанием деятельности тюменских социологов со стороны профессионального сообщества и фактом общественной жизни в регионе. Первым его председателем стал Ю.М. Федоров, позже эту роль выполняли К.Г. Барбакова, Г.Ф. Куцев. В 1981 г. Г.Ф. Куцев, уже известный в то время социолог, был назначен ректором Тюменского государственного университета. Это значительно активизировало социологическое сообщество в регионе; наряду с уже сложившимися группами исследователей в ТИИ, ТВВИКУ, на промышленных предприятиях появился еще один крепкий, жизнеспособный и творческий коллектив социологов — в ТюмГУ. Социологические лаборатории в Тюменском индустриальном институте и Тюменском государственном университете стали серьезной школой и стартом в большую социологию для начинающих социологов. Для уже имеющих опыт — способом его трансляции и возможностью реализации творческого потенциала. Этому способствовали масштаб и характер выполняемых в лабораториях исследовательских проектов, например, комплексная программа «Человек на Севере». Этот проект явился этапным во всех отношениях — как с точки зрения теоретической, так и значимости полученных практических результатов; в плане организационном он объединил исследователей разных профилей и направлений: гуманитариев, «технарей», медиков и др. По результатам проекта изданы монографии, защищены кандидатские диссертации.

Проекты, ориентированные на практические результаты, — особенность развития социологии в регионе. Она тесно связана с анализом и реализацией управленческих решений, деятельностью органов государственной власти и муниципального управления. Так, социологический опрос жителей региона, проведенный социологами ТюмГУ в 1989 г., позволил региональным властям кардинальным образом решить вставшую особенно остро в тот переломный момент проблему территориальной целостности и единства Тюменской области [3]. При активном участии тюменских социологов разрабатывались программы «Кадры 2000» и «Кадры 2010», молодежной политики для региона, социально-экономического развития, социальной

реабилитации лиц, освободившихся из УИНН, реабилитации инвалидов, программы социальной политики для отдельных категорий населения, разработаны и внедрены инновационные проекты, например, «Социально-гуманитарный университет третьего возраста», где тюменские пенсионеры обучаются на четырех факультетах: социологии, валеологии, психологии и информатики.

С 1980-х гг. в Тюмени проведено более 20 областных, всесоюзных, всероссийских и международных конференций, в 2001 г. прошли первые всероссийские геллаповские чтения.

К сожалению, период социально-экономических реформ, экономический кризис привели к разрушению структур промышленной социологии в регионе — к началу 1990-х гг. не осталось ни одной социологической лаборатории на предприятии. Вузовская же социология продолжала развиваться, велась серьезная подготовка профессиональных социологов. В 1988 г. в Тюменском государственном университете создана кафедра экономики и социологии труда, готовившая несколько выпусков востребованной специальности — «экономистов-социологов». Там же в 1991 г. открыт первый Совет по защите диссертаций, позднее — кафедра экономической социологии. Сегодня подготовка профессиональных социологов осуществляется и в Тюменском государственном нефтегазовом университете, конкурс на поступление в него достигает 10 человек на место. В обоих университетах открыта аспирантура, докторантура, работают два докторских Совета по защите кандидатских и докторских диссертаций почти по всем специальностям социологии. В 1997 г. создан региональный институт прикладных социологических исследований, который возглавил доктор социологических наук А.Н. Силин. В 2002 г. в ТюмГУ открыт институт гуманитарных исследований с сектором социологических исследований. В Нефтегазовом университете в 2003 г. открыт научно-исследовательский институт изучения проблем общества. Издаются два журнала — «Вестник Тюменского государственного университета» (ТюмГУ) и «Социология. Экономика. Политика» (ТюмГНГУ), включенные в перечень ВАК РФ.

Не каждый областной центр в России имеет сегодня в своей структуре социологическую службу. В Тюменской областной Думе работает информационно-аналитическое управление, возглавляемое кандидатом социологических наук В.А. Юдашкиным, которое осуществляет мониторинговые исследования социально-экономического развития региона, социального самочувствия населения региона. Его результаты востребованы законодательным органом, активно используются при разра-

ботке управленческих решений. Уровень социальной компетентности депутатов объясняется и высоким образовательным потенциалом депутатского корпуса: из 34 депутатов Думы — 13 имеют ученые степени и звания (среди них 2 доктора и 3 кандидата социологических наук).

Социологии в Тюмени чуть более 30 лет. Можно говорить о существовании тюменской научной социологической школы, возглавляемой доктором философских наук академиком РАО Г.Ф. Куцевым и доктором философских наук К.Г. Барбаковой. Основная проблема научной школы связана с поиском путей устойчивого социального развития региона. Научные и научно-методические работы социологов тюменского отделения — монографии, статьи, учебники и учебные пособия известны в регионе, становятся элементом жизни научного сообщества. Региональные отделения Российской социологической ассоциации, Российского общества социологов насчитывают более 80 членов, среди которых около 20 докторов и 30 кандидатов наук, аспиранты. Социологическое сообщество региона, объединенное в профессиональные организации и сотрудничающее во временных творческих коллективах, ставит сегодня вопрос о создании «Социологического форума» как постоянно действующего органа консолидации и экспертизы проводимых в регионе исследований с целью повышения их качества и укрепления ответственности социологов-профессионалов.

Список литературы

1. Программа развития образования Ямало-Ненецкого автономного округа на период 2000 г. ТюмГУ, 1996. / Под ред. *Куцева Г.Ф., Гаврилюк В.В., Карнаухова Н.Н., Силина А.Н. и др.*; Программа профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа: концептуальные модели развития и пути их реализации. Тюмень, 1997; Программа «Социальная реабилитация граждан, освободившихся из учреждений УИН Минюста РФ по Тюменской области на 2003–2005 гг.». Под ред. *В.В. Зыкова, В.В. Гаврилюк, В.М. Чимарова*; «Социальная реабилитация бывших заключенных». Под ред. *В.В. Зыкова, В.В. Гаврилюк, В.М. Чимарова*. Тюмень, 2004; Профессиональное образование в Тюменской области: программа модернизации до 2010 г. Тюмень, 2004.

2. Территория — ведомство — человек в Сибири: социально-демографический и социально-политический аспекты. Тюмень, 1981; Управление нравственным воспитанием в трудовом коллективе: союз теории и

практики (доклады научно-практической конференции). Тюмень, 1983; Производство, быт, семья (доклады научно-практической конференции). Тюмень, 1984; Взаимодействие отраслевых и региональных проблем в социальном развитии нефтегазового комплекса. Тюмень: ТюмНИ, 1985; Образ жизни молодой советской интеллигенции. Общие закономерности. Региональные особенности (монография). Депон. Тюмень, ИНИОН АН СССР № 230085, 1985; *К.Г. Барбакова и др.*; Проблемы совершенствования социальной и поселенческой структуры районов нового промышленного освоения в условиях ускорения социально-экономического развития (доклады обл. научно-практической конференции). Тюмень, ТГУ, 1987; Социально-экономические проблемы молодежи районов нового промышленного освоения. Тюмень, 1987; Международная конференция «Социально-экономические и социокультурные детерминанты развития личности в условиях интенсивного освоения северных регионов», Тюмень-ЮНЕСКО, 1990; Научно-технический потенциал Тюменской области: состояние и пути развития. Тюмень, 1991; Социально-экономические проблемы региона в переходный период. Тюмень: ТюмГУ, 1998; Социально-экономические проблемы трансформации российского общества. Тюмень: ТюмГУ, 1998; Международная конференция «Социально-экономические проблемы региона в переходный период». Тюмень, 1999; Материалы областной научно-практической конференции «Дальнейшие пути развития и совершенствования социального партнерства в Тюменской области» (16 марта 2000 г.). Тюмень, 2000; Глобализация, федерализм и региональное развитие. (21–23 сентября 2001 г.) Тюмень, 2001; Модель специалиста XXI века в контексте модернизации высшего образования. Тюмень, ТюмГУ, 2004. Модернизация образования в условиях глобализации, (конф., посвящ. 75-летию ТюмГУ), Тюмень, 2005; Гуманитарные стратегии российских трансформаций: материалы международной научно-практической конференции Тюмень, 2008.

3. *Куцев Г.Ф.* Экономические и социальные ориентиры высшей профессиональной школы России // Вестник Тюменского государственного университета. Серия «Экономика и социология», 2008, № 3; *Куцев Г.Ф.* Когда следствие ведут не знатоки, и какие юристы или экономисты нужны российскому обществу // Информационно-аналитический журнал «MosCapWorld». № 1. — 2008; *Куцев Г.Ф.* Российская высшая школа: парадоксы реальные и мнимые // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Современное общество и социология» 24–25 сентября 2008 года. Тюмень, 2008; *Шафранов-Куцев Г.Ф.* Я сам торил свою тропу: Книга воспоми-

ний // ИОКЦ «Детство. Отрочество. Юность», 2008; *Шафранов-Куцев Г.Ф.* Социологическое знание в системе гуманитарной подготовки студентов в российской высшей школе // Сорокинские чтения. Отечественная социология: обретение будущего через прошлое. / Под ред. *В.В. Гаврилюк.* Тюмень, 2008; Единый государственный экзамен в контексте модернизации российского образования (монография). Тюмень. *Зыкова В.В., В.В. Гаврилюк и др.; Гаврилюк В.В.* Провинциальная молодежь эпохи перемен. Тюмень, 2005; *Силин А.Н.* Опыт работы Главтюменьгеологии по управлению социальными процессами в трудовых коллективах. М., ИС АН СССР, 1989; *Подлузский Д.А., Силин А.Н.* Человеческий фактор в организации геологоразведочного процесса. М., Недра, 1990; *Силин А.Н.* Тюменский Север не колония / ЭКО, № 7, 1989; *Силин А.Н.* Человек на Севере / Вестник АН СССР, № 6, 1990; *Силин А.Н., Хайруллина Н.Г.* Управление людьми в организации: современные подходы и технологии. Тюмень, 2005; Тюменская область: общество и наука (социально-экономическое и этнокультурное развитие) Тюмень, 2005; *Барбаков О.М., Барбакова К.Г., Гаврин А.С., Костко Н.А.* Искусство управления городом: социальные эксперименты на виртуальном пространстве. Курган, 2005; Сборник «Россия: Центр и регионы». Вып. 17. М., РИЦ ИСПИ РАН, 2006; *Голенкова З.Т., Барбакова К.Г.* Знания как фактор безопасности общества (коллективная монография). Тюмень, 2008; Интеллигенция и власть: динамика взаимодействия. Курган, 2008; *Барбакова К.Г., Мансуров В.А., Беспалова Ю.М.* Ценностные ориентации в культуре западно-сибирского предпринимательства второй половины XIX — начала XX вв. Тюмень, 1998; *Беспалова Ю.М.* Пространство биографий в социологии культуры / <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/bespalovabiostudies.html>; *Беспалова Ю.М.* Проблема судьбы в социологии культуры / <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/bespalova fate.html>

А.С. Готлиб

Социология в Самаре: попытка этнографии

Методологические сомнения. Пытаясь ответить на просьбу журнала рассказать о социологии в Поволжье, перебираю старые официальные и полуофициальные бумаги с сочными черными буквами машинописного текста: Постановления Пленумов правления ССА, список людей и организаций, входивших в Поволжское отделение ССА, отчеты о деятельности нашей социологической лаборатории и многие другие. Мучительно стою перед выбором: какую позицию избрать — независимого исследователя, нацепившего на себя одежды веберовской «свободы от ценностей» и пытающегося посмотреть на развитие социологии в конкретном регионе «объективно», с высоты «царской ложи», как удачно выразилась Н.Н. Козлова [1, с. 86]? Или напротив, попытаться посмотреть на эту пусть и недавнюю, но все же историю изнутри, с позиции ее участника, в чью память «впечатана» эта самая история?

Мысленно, по привычке педагога со стажем, перебираю плюсы и минусы того и другого подхода: так называемый объективный подход прельщает неприхотливостью, понятностью и «невыбываемостью» из общего ряда таких повествований: институции, люди, темы исследований. Но как вписать в такой текст смыслы, которыми я и мои коллеги наделяли события своей профессиональной жизни, мотивы прихода в социологию и ожидания, связанные с этим, как передать духовную, интеллектуальную атмосферу, в которой работали, как «схватить» неформальные правила и нормы, стихийно складывающиеся и регулирующие и наше поведение, и наше мироощущение?

Решаю — работать в формате этнографического подхода — попытаюсь совместить несовместимое: позицию участника изучаемого процесса (включенное наблюдение длиной в жизнь) и отстраненного (от слова «странный») наблюдателя, «чужака». Дополнительно в качестве методов сбора информации использую анализ документов и свободное интервью с самарскими социологами.

Как это начиналось. Социология в Самаре началась с создания в конце 1969 году социологической лаборатории на базе кафедры философии крупнейшего вуза города — Куйбышевского политехнического. Инициатором создания выступил куйбышевский областной комитет партии [2, с. 6]. Он же осуществлял патронаж над первыми исследова-

ниями лаборатории, проводившимися под руководством Л.В. Князевой. Тематика их говорит сама за себя: «Состояние идеологической работы в первичных организациях» (изучались куйбышевский завод координатно-расточных станков и строящийся ВАЗ).

Сегодня может казаться странным, что именно партийные органы, реальная и самодостаточная власть советской России, твердо знавшая, по какому пути вести народные массы и принципиально не ориентированная на мнение народа, именно они были и инициаторами первых лабораторий в стране и зачастую заказчиками первых социологических исследований. На мой взгляд, убедителен Г. Батыгин: «социология удачно вписывалась в научную версию коммунистического строительства» [3, с. 24] в ситуации, когда технократическая идея научного управления обществом безгранично владела умами властвующей партийной элиты.

Первым научным руководителем лаборатории стал Е.Ф. Молевич, молодой заведующий кафедрой философии, недавно приехавший из Свердловского университета, ученик М.Н. Руткевича. Куйбышевский политех знал Евгения Фомича как блестящего педагога, сумевшего за несколько лет преподавания превратить философию, «чужестранку» в техническом вузе, из третьестепенного предмета в один из самых любимых студентами. Кроме того, Политехнический любил Молевича как удивительного ведущего дискуссионного клуба, собирающего на диспуты в битком набитом конференц-зале сотни студентов, умеющего создать атмосферу открытости и доверительности даже при обсуждении «запретных» тем. Непререкаемый авторитет Е.Ф. Молевича в вузе и городе был прекрасной стартовой площадкой для первой в городе, первой в Поволжье социологической лаборатории.

Подчеркну, что с самого начала существования лаборатория работала на хозрасчетных основаниях, сама зарабатывала себе на жизнь. С 1971 года бессменным ее руководителем вплоть до открытия социологического факультета становится Б.Г. Тукумцев, еще одна легендарная личность самарской социологии, верный Санчо Пансо социологии труда во времена расцвета этой отрасли социологического знания в 1970–1980-е годы и во время относительного падения интереса к ней в трудные 90-е. Роль Тукумцева в жизни лаборатории и всей самарской социологии огромна. Его энтузиазм, преданность социологии, организационный опыт, его способность убеждать и вдохновлять в сочетании с блестящим тактическим умением сглаживать реальные или потенциальные конфликты (сказывался опыт бывшего партийного работника) много раз спасали лабораторию от закрытия, приносили новые договоры, а значит, давали возможность жить в профессии ее сотрудникам.

Тогда, в начале 70-х, в лабораторию пришли, и по сей день активно работают в социологии, люди, не получившие базового социологического образования (его просто не было в стране), формально — непрофессионалы: «инженерствующие гуманитарии» и «гуманитарствующие инженеры» И.Е. Столярова, А.Ф. Боковенко, О.К. Самарцева, Л.М. Полянцева, автор этой статьи и многие другие. Что заставило их (нас) бросить свои профессии, если не любимые, то, по крайней мере, обеспечивающие спокойное и стабильное существование, каковы мотивы прихода в социологию? Гуманитарии, преимущественно журналисты, приходили в социологию, неудовлетворенные набравшей силу цензурой: «*в материалах оставались одни прилагательные, а сути уже не было*» (из интервью с самарским социологом И.Е. Столяровой). Атмосфера редакций с ее «кухонной», для узкого круга, правдой и гладкописью опубликованных материалов выталкивала некоторых из них, в том числе в социологию, где, казалось, легче дышать.

Внешней стимулирующей ситуацией прихода инженеров в социологию была ориентированность социологических исследований, проводимых на хозрасчетных основаниях, на изучение *социальных проблем промышленных предприятий*: предприятия имели деньги на научные исследования и потому были их основными заказчиками. В массовом же сознании знание предприятия ассоциировалось прежде всего с инженерными профессиями.

Еще одна причина уже внутреннего плана — неудовлетворенность полученным инженерным образованием, невозможность реализовать свои гуманитарные наклонности в инженерной профессии: 1960-е годы (да и 70-е тоже) были временем победы «физиков» над «лириками», периодом огромных конкурсов в технические вузы, на волне которых в них попадали и «разнообразные не те».

Свой непрофессионализм начинающие социологи 70-х с лихвой компенсировали самообразованием: стало уже банальностью говорить, что это (второе) поколение социологов вышло из знаменитой в отечественной социологии книги «Человек и его работа», ставшей для них (нас) главным учебником по методике и технике социологического исследования. Но это действительно так. Еще одна базовая книга, которую начинающие социологи изучали, как верующие катехизис, — «Методика и техника статистической обработки первичной социологической информации», подготовленная Институтом философии АН СССР и опубликованная в 1968 году. Знаменитая «сиреневая книга» открывала новый мир, доселе неизвестный: все эти перекрестные таблицы, коэффициенты корреляции, доверительные интервалы воспринимались как музыка.

У лаборатории вплоть до конца 1970-х, до перехода в полном составе вслед за Е.Ф. Молевицем в Самарский госуниверситет не было своего помещения. И обсуждение методического инструментария проводящихся исследований, и поиски решения то и дело возникающих организационных проблем, как и самообучение, проходило на чьих-то квартирах, более или менее свободных в данный момент (чаще была квартира Тукумцева). Такая «келейная» жизнь порождала особую атмосферу внутренней солидарности, доверия друг другу в странном сплаве с духом состязательности, острой критикой друг друга (резкие споры возникали, как правило, при разработке инструмента исследования). Вынужденная «келейность» создавала и особое чувство «посвященности», выручавшее в трудные моменты.

Самообразованию способствовал патронаж группы питерских социологов во главе с В.А. Ядовым. Нам «была предоставлена возможность использовать в работе ленинградскую методологическую базу и приезжать в город на Неве для прохождения стажировок. Предприятия города Куйбышева стали контрольными объектами известного исследования “Человек и его работа–76”» [2, с. 10].

Питерские социологи задавали не только высокую планку содержательного обсуждения проблемы, но и создавали образцы научной коммуникации, «правила игры» в научном сообществе, что было не менее важно: *«они преимущественно спорили, ругались, все они были молодые и отчаянные, и Ядов разрешал им быть отчаянными».*

Социологическая повседневность: 1970–80-е годы. Эти годы были для самарских социологов временем интенсивной и экстенсивной исследовательской работы преимущественно на предприятиях области, хотя был и опыт работы далеко за пределами Куйбышева (Волгодонск — завод «Атоммаш» и г. Нетешин — Хмельницкая АЭС). Основные темы исследований были типичными для той эпохи: социальная эффективность бригадных форм организации труда (Б.Г. Тукумцев, Д.М. Завершинский, С.А. Ключников), анализ потенциальной и реальной текучести рабочих кадров (О.К.Самарцева), адаптация молодых рабочих к условиям предприятия (автор этой статьи) и т.п.

Самым ярким событием в их профессиональной жизни стала работа на ВАЗе. ВАЗ покорила социологов не только масштабами, «умной» организацией труда и производственного пространства, но прежде всего редкой востребованностью их труда со стороны руководителей завода. Б.Г. Тукумцев, руководитель всего комплекса исследований, проводившихся на ВАЗе, говорит об этом так: *«С таким масштабом социальных проблем и с такой готовностью управленцев завода решать их*

раньше не приходилось иметь дело. Все оконченные работы (а это были, в основном, новые социальные технологии) без задержки использовались в практике управления» [2, с. 14].

Одна из самых интересных, практически уникальная — система профессионального продвижения рабочих ВАЗа. Основное назначение этой системы — упорядочить перемещение рабочих, занятых малоквалифицированным трудом (работа на конвейере), стремящихся всеми правдами-неправдами убежать с конвейера в надежде найти лучшее применение своим знаниям и умениям. Основная идея системы профессионального продвижения «вылепилась» из выводов исследования, проведенного на ВАЗе И.Е. Столяровой: возможность профессионального роста входит в мотивационное ядро факторов, влияющих на удовлетворенность работой. Система давала возможность рабочим (кто, конечно, хотел этого) перемещаться на более квалифицированное место работы, предварительно пройдя дополнительное обучение. Правда, для того чтобы это осуществилось, рабочие должны были 3 года отработать на конвейере. Для основных цехов были созданы карты рабочих мест, четко выделены оптимальные (с точки зрения имеющейся квалификации и переподготовки) траектории перемещения, а также введена практика учета потребностей в продвижении. Опросы рабочих проводились систематически. Фактически профессиональное продвижение по-ВАЗовски было попыткой примирить противоположные интересы работодателей и рабочих: первые получали относительную стабильность на непрестижных рабочих местах, вторые — возможность повысить содержание своего труда и соответственно его оплату. Уникальность этого опыта для самарских социологов трудно переоценить: результаты исследования, что называется, внедрялись на глазах (большая заслуга в этом была и социальной службы ВАЗа), система работала, принося реальную пользу людям.

Еще одна грань самарской социологии в этот период — участие в известном советском феномене под названием «Социальное планирование развития предприятий». ВАЗ, Куйбышевский судоремонтный, Новокуйбышевский нефтеперерабатывающий, металлургический завод им. Ленина, шоколадная фабрика «Россия» — лишь первые, выхваченные из памяти предприятия Куйбышевской области, где сотрудники лаборатории занимались анализом социальной ситуации, чтобы потом на его основе разрабатывать планы социального развития. И дело не в повальной моде на социальное планирование в середине 1980-х, как считает А.И. Кравченко [4, с. 317]. Мода, как известно, предполагает выбор. Конечно, разработка таких планов была скорее делом техническим, не-

жели творческим, для которого накопленный социологами к тому времени научный потенциал был в значительной мере избыточным, лишним. Да и сами эти планы крайне редко воплощались в жизнь, оставаясь зачастую для руководителей красивой игрушкой-безделушкой. И все же для молодых социологов такой опыт был не только вариантом зарабатывания денег, но и способом погружения в «живую жизнь», в реальные проблемы работающих людей, возможностью заглянуть за горизонты собственного опыта, лично расти.

Если разработка планов социального развития стала для самарских социологов делом привычным, то участие в акции протеста было скорее исключительным, но памятным событием. Осенью 1989 г. под Чапаевском был разбит лагерь протеста — участники выступали против готовившегося пуска завода по ликвидации химического оружия, объекта 1212, как он назывался в бумагах военного ведомства. Это была первая в СССР официально разрешенная протестная акция. Больше месяца ее участники, включая женщин и детей, делали транспаранты, организовывали митинги протеста в близлежащих городах и селах, готовили листовки, которые потом через машинистов поездов дальнего следования, салютующих в знак солидарности и притормаживающих на соседнем перегонном пути, распространялись по всей стране. По просьбе Совета профсоюзов области и Чапаевской неформальной группы «Инициатива», главного заперщика этого действия, самарские социологи Л.М. Полянцева, О.А. Мелешкина, В.Н. Рогачев, А.А. Флоров неделю работали в лагере, живя с протестующими бок о бок.

Главная задача, как ее поставили одновременно и партийные органы, и инициаторы акции, состояла в том, чтобы социологическими методами изучать отношение участников лагеря протеста к ситуации, их мнения об условиях разрешения конфликта, оценки куйбышевских и чапаевских властных структур. В этой ситуации социологи выступали своеобразным информационным мостом между властью и протестующими, хотя сохраняли нейтральную позицию исследователя, только производящего информацию, им не всегда удавалось. Для социологов это был не только прекрасный профессиональный опыт: «*Такого свободного интервью никогда в жизни у нас не было..., все говорили с удовольствием и часами*» (из интервью с Л.М. Полянцовой), но и человеческий: опыт солидарности с «простыми людьми», которых изучаешь; причастности к справедливому делу, значимому для многих; опыт коллективного действия, которое, оказываясь, может «горы свернуть». По итогам акции было принято правительственное решение о перепрофилировании завода в учебный центр по подготовке специалистов для работы на подобно-

го рода предприятиях. В нем оговаривалось, что должны использоваться не настоящие отравляющие вещества, а имитационные материалы.

В эти годы самарская социология, как впрочем, и социология других городов Поволжья, прирастала еще одним отрядом социологов — заводскими социологами. По распоряжению ряда министерств на предприятиях, преимущественно успешных и технически передовых, создавались социологические отделы. Явление это было странное, если учесть отсутствие в стране профессионального социологического образования, да и социологическая литература практически не издавалась. Тем не менее, пришедшие в эти службы люди (инженеры, экономисты) были очень преданны социологии, хотели учиться и с удовольствием это делали. Кроме того, заводские социологи, своеобразные «инородцы» в производственной среде, особенно в первые годы нуждались и в психологической поддержке коллег: многие руководители не могли определить им фронт работ, не знали, что с ними вообще делать, усиливая и без того существовавшее у них чувство растерянности и беспомощности.

С появлением так называемой заводской социологии социологическая лаборатория, единственный в то время в Куйбышеве научный социологический центр, получила еще одно направление деятельности: обучение работников этих служб, их консультирование, или говоря современным языком, тьюторство. В Куйбышеве на базе Дома техники в течение многих лет, начиная с 1973 года, действовал постоянный семинар — «Школа заводского социолога», который не только вводил заводских социологов в круг проблем социологии труда, обучал их социологическим процедурам, но и давал радость профессионального общения. Параллельно с преподаванием в этой Школе сотрудники лаборатории участвовали в обучении партхозактива Куйбышевской области, говоря советским языком, которое регулярно проводил обком партии. Для самарских социологов участие в социологическом просвещении руководителей, как правило, очень заинтересованных и умных слушателей, имело особую значимость, воспринималось как своего рода миссия, служение социологической науке. Вместе с тем, это преподавание одновременно и укрепляло их в своей профессиональной идентичности, правильности сделанного выбора [5, с. 16].

В эти годы произошло еще одно важное событие в социологической жизни Поволжья: открытие в мае 1980 года Поволжского отделения Советской социологической ассоциации, председателем которой стал Е.Ф. Молевич, а секретарем — Л.М. Полянцева. Открытие Поволжского отделения на базе Куйбышева не было делом случайным: здесь

уже с 1974 года действовало Куйбышевское отделение ССА, действовал опорный пункт Института социологических исследований АН, сюда часто приезжали для чтения лекций московские и ленинградские социологи, словом, протекала интенсивная социологическая жизнь. С этого момента начинается процесс «собираения» земель поволжских на почве социологии: в Поволжское отделение, кроме Куйбышевского, входили Татарский, Ульяновский, Пензенский, Саратовский, Волгоградский и Астраханский филиалы.

Вот как об этом рассказывает Л.М. Полянцева, еще одна легенда сармарской социологии, на чьей инициативе, энергии и преданности делу во многом держалось Поволжское отделение ССА: *«Самое правильное, что у нас было организовано, это выездные заседания бюро в филиалах. Ежегодно мы выезжали в какой—нибудь филиал и брали с собой обязательно заводских социологов. И самое эффективное ...мы общались и одновременно пропагандировали социологию в филиалах... Приезжая, мы читали лекции на всех уровнях... Допустим, профессора Молевич Е.Ф., Нугаев М.А. читали лекции в обкомах, на партхозактивах, сотрудники лаборатории — на уровне руководства предприятий, а заводские социологи общались с коллегами: консультировали, обменивались опытом. Вот это очень хорошая связка была».* Это «пропагандирование» социологии, особенно значимое в тех филиалах, где о ней имели весьма туманные представления, вкуче с устанавливающимися профессиональными и человеческими связями, давало свои плоды: в Саратове, Пензе, Набережных Челнах, Волгограде стали регулярно проводиться социологические Чтения, социологи филиалов охотно участвовали в Куйбышевских научных конференциях. Одна из них, всесоюзная конференция «Перестройка и социология труда», первая в стране конференция, посвященная проблемам социологии труда, проводившаяся в 1989 г. в Тольятти, была особенно интересной. В ней приняли участие ведущие социологи страны: Н.И. Лапин, В.А. Ядов, Ж.Т. Тощенко, А.Г. Здравомыслов, А.И. Пригожин, А.Н. Зайцев, В.С. Дудченко. Впервые в истории куйбышевской социологии конференция происходила на спонсорские средства, что позволило организовать ее эффективно и в бытовом плане. Участники (около 200 человек) жили на берегу Волги в прекрасном пансионате.

«И подули ветры перемен». Кардинальные преобразования российского общества конца 1980 — начала 1990-х сказались на социологии Поволжья не самым лучшим образом. С ликвидацией ССА практически прервалась связь между филиалами Поволжского отделения, «умерла» заводская социология, первой приняв на себя удар вынужденных сокра-

щений (исключение — сохранившаяся социологическая служба ВАЗа), резко сократилось количество исследований, заказываемых предприятиями. Начинаясь новая жизнь, социологам необходимо было осваивать новые «правила игры».

Первое правило подсказывала жизнь: в стране зарождалось высшее социологическое образование. Оно (правило) состояло в том, чтобы найти применение высокому научному потенциалу лаборатории, создав на базе Самарского государственного университета подготовку социологов. С тех пор, с 1989 г., с момента создания социологического факультета, преподавание социологических дисциплин стало основным видом деятельности социологов. Тот факт, что у истоков создания факультета стояли исследователи, определило и его «непохожесть», особенности его облика: акцент на эмпирическом изучении социальных феноменов. Здесь стремятся реализовать «*исследовательскую педагогику*» в терминах П. Бурдьё, идеальный образец методологии преподавания в высшей школе, по его и нашему мнению. Исследовательская педагогика воплощается в Большом социологическом практикуме, дисциплине, введенной в учебный план, чтобы преодолеть вынужденную разорванность исследовательского цикла в рамках традиционного практикума по методам исследования: под руководством педагога-Мастера студенты от начала до конца осуществляют эмпирическое исследование, приобретая, в соответствии с идеей Бурдьё, мастерство из «рук в руки». Еще одну особенность факультета декан В.Я. Мачнев, много сделавший для его развития, видит в том, что факультет «*активно ищет своего будущего студента: преподаватели выходят в школы, рассказывают о профессии, об университете. Да и Школа юного социолога — одна из первых и лучших в университете. Может быть, поэтому даже в ситуации начинающегося демографического спада ежегодный набор студентов приближается к 100*».

Сегодня факультету более 15 лет. Здесь выпускаются студенты по четырем специализациям: «социология управления», «социология коммуникации», «социология политики», «социальная психология». На 5 его кафедрах уже преподают лучшие выпускники факультета, кандидаты наук: Запорожец О.Н., Баева Е.С., Фазульнова С.Н., Егорова С.В., Миронова Е.А., Васькина Ю.В., Бочаров В.Ю., Митрофанова С.Ю., Алмакаева А.М., Крупец Я.Н. Написаны учебники, получившие признание социологической общественности, изданы монографии [6]. В 2006 году выпущен первый в отечественной социологии толковый словарь по социологии труда, проводятся летние школы, научные конференции. Так, летом 2000г. при поддержке Института «Открытое

общество» в Самаре прошла не менее жаркая по накалу дискуссий Летняя школа, собравшая молодых преподавателей и аспирантов со всей страны: «Методологический потенциал качественной социологии и способы ее реализации в социологических исследованиях» (руководитель автор этой статьи). В 2007 г. успешно прошла всероссийская научная конференция, — совместно с Институтом социологии РАН, НИК РОС по социологии труда и самарским отделением РОС: «Проблемы труда, трудовых отношений и качества жизни» (члены оргкомитета от Самарского госуниверситета Н.В. Авдошина, В.Ю. Бочаров), поставившая в центр поиск новых методологических подходов к анализу труда и социально-трудовой сферы.

Второе правило игры в условиях кардинальных перемен в общественной жизни состояло в том, что надо активно искать заказчика. Им стала администрация Самарской области. В целом, можно выделить ряд направлений исследований, где заказчиком в разные годы выступал тот или иной департамент администрации: исследования развития предпринимательства (руководители в разные годы Б.Г. Тукумцев, В.А. Кузнецов); анализ состояния системы социальной защиты в области (руководители Б.Г. Тукумцев, В.С. Левичева); анализ адаптации высшей школы к современным условиям (руководитель автор статьи), городские исследования (руководители Е.С. Баева, О.Н. Запорожец). В течение многих лет осуществляются исследования в режиме мониторинга как специфической исследовательской стратегии: мониторинг социально-трудовой сферы промышленных предприятий области (руководитель Н.В. Авдошина), мониторинг сельского хозяйства области (руководитель А.Ф. Боквенко) и мониторинг социально-экономической адаптации населения области к меняющимся социальным условиям (руководитель — автор этой статьи).

Сегодня, к счастью, нарушена вынужденная гомогенность социологического поля Самары: время перемен и человеческая активность породили разнообразие социологических организаций. Выделяется Самарский институт сравнительных исследований трудовых отношений (руководители И.М. Козина и М.В. Карелина), чье магистральное направление деятельности — социологический анализ рынка труда и трудовых отношений, проблемы становления гражданского общества в России. Интересен опыт Фонда социальных исследований (руководитель В.Б. Звоновский), занимающегося исследованиями в области политики, маркетинговыми исследованиями. Свое лицо имеет городская общественная организация социологов «Социологический Центр» (руководитель В.С. Левичева), изучая преимущественно проблемы соци-

альных групп, нуждающихся в социальной защите. Серьезно заявил о себе в последнее время социологический центр «Социальная механика» (руководитель М.В. Чураков), занимающийся маркетинговыми и политическими исследованиями, разработкой и реализацией PR-проектов, тестированием их эффективности. Социологическая жизнь в регионе продолжается.

Список литературы

1. *Козлова Н.Н.* Как работать с советским архивом // Методологический потенциал качественной социологии и способы его реализации в социологических исследованиях. Самара, 2000.
2. *Тукумцев Б.Г.* Очерки истории первой самарской социологической лаборатории. Самара, 2000.
3. *Батыгин Г.С.* Институционализация российской социологии: преемственность научной традиции и современные изменения // Социология в России. М., 1996.
4. *Кравченко А.И.* Социология труда и производства // Социология в России. М., 2000.
5. *Готлиб А.С.* Автоэтнография (разговор с собой в двух регистрах) // Социология: 4М, № 19.
6. *Молевич Е.Ф.* Общая социология. Курс лекций. Изд.2, перераб. и допол. М., 2003; *Готлиб А.* Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подход. Методология. Исследовательские практики. Изд. 2-е, допол. М., Флинта, 2005.

А.А. Хохлов

Пути социологии на Орловщине

Орёл — заметный социологический центр. Вузы города успешно готовят специалистов-социологов. В докторском диссертационном совете защищаются докторские и кандидатские диссертации. Нет ограничений на издание социологической литературы. 40 лет назад, когда я, будучи студентом, пришел в социологию, об этом можно было мечтать. В те времена социология только обретала статус самостоятельной науки. Ее «детскими болезнями» оставались догматизм, боязнь истины, уход от острых проблем жизни. Социология плелась за практикой, разъясняла то, что уже произошло, но не говорила о том, что может произойти. В то же время социологи видели и вскрывали противоречия в развитии советского общества, предлагали партийным и государственным органам пути их решения. И все же социология отставала в своем развитии от других стран. Царила описательная полуправда, лакировалась действительность. Эмпирические работы подгонялись под заранее определенные выводы. Уделом социологов было лишь описание того или иного социального или политического явления, а не вскрытие причин происходящих социальных процессов.

Большим вопросом оставалась открытость социальной статистики, которая изначально являлась базисом для социологических исследований. Среди социалистических стран СССР занимал последнее место по развитию социальной статистики. Нужно сразу оговориться, что речь идет не о данных, что лежали в фондах ЦСУ, а которые публиковались в официальных источниках. В стране были засекречены данные о преступности, алкоголизме, заболеваемости, доходах, даже информация о миграции населения шла под грифом «Для служебного пользования». Социологи недоумевали: если у нас наблюдаются неблагоприятные тенденции, зачем это скрывать? Наоборот, надо выносить все больные проблемы общества на коллективное обсуждение. Существовало множество бюрократических рогаток для получения научных данных. У ведомств всегда были секреты. Поэтому социологи, вместо того чтобы идти дальше и глубже статистики, вынуждены были собирать элементарные статистические сведения.

На Орловщине в 1960-е гг. социологов области объединяла лаборатория Орловского педагогического института, которой руководил зав. кафедрой философии И.Т. Левыкин. Он сумел сплотить вокруг социоло-

логической лаборатории увлеченных исследователей. Среди них были Н.П. Алексеев, В. Холкина, А. Колесников, Г. Орлов, В. Токарь и др., ставшие в последующем известными учеными. Изучались в основном социальные проблемы села. В 1971 г. И.Т. Левыкин защитил докторскую диссертацию, и его пригласили на работу в Академию общественных наук при ЦК КПСС, а затем в Институт социологических исследований АН СССР, в котором он проработал более 20 лет заместителем директора по науке. Его работа «Некоторые методологические проблемы изучения психологии крестьянства» (Орел, 1970) стала отправной вехой в ряду социологических и социально-психологических исследований по этому направлению. В монографии «Теоретические и методологические проблемы социальной психологии» (1975), подготовленной на базе многолетних эмпирических исследований, получила дальнейшее развитие его научная концепция. И.Т. Левыкин оставил после себя много учеников и более 150 научных работ, в том числе: «Коллектив колхозников» (1975); «Сельская молодежь» (1970); «Общее и особенное в образе жизни людей» (1987).

После переезда И.Т. Левыкина в Москву от созданной им социологической лаборатории стали «отпочковываться» исследовательские группы. Параллельно развивалась отраслевая социология — создавались лаборатории на крупных промышленных предприятиях Орла, в других городах и районах области.

К тому времени социологические исследования на Орловщине имели уже более чем столетнюю историю. Еще в середине XIX века И.В. Ледовская изучала на материалах орловской вотчины Куракиных бюджет русского помещика. Позднее, в 1960–1970-е годы XIX века, социальные исследования были проведены секретарем статистического комитета Орловской губернии А. Тарачковым. В 1900–1901 гг. крупное эмпирическое обследование Орловской губернии провел известный в то время социолог и статистик М. Кашкаров. После Октябрьской революции первое социологическое исследование на Орловщине осуществлено в 1928 г. группой социологов под руководством С. Алексеева, которая называла себя группой «Орловский край».

В 1980-е гг., чтобы собрать разноведомственное социологическое хозяйство в единую структуру, было решено создать Орловский филиал Советской социологической ассоциации (рук. — ректор Орловского государственного педагогического института Н.С. Антонов). На базе педагогического, сельскохозяйственного институтов, а также орловских филиалов Всесоюзного заочного машиностроительного и Московского государственного института культуры были созданы научно-

методические секции филиала по социологии города и села, культуры и воспитания. Такая организационная структура обеспечивала потребности города и области в социологических исследованиях и соответствовала научным интересам большинства социологов.

Советская Социологическая Ассоциация с её отделениями и филиалами оказалась удачной организационной формой общественного самоуправления, так как позволяла не только обеспечивать совместную научно-исследовательскую деятельность, но и направлять ее в русло решения актуальных проблем экономической и социальной сфер жизни области. Ряд вопросов в регионах иногда решается быстрее и легче, чем в центре. Среди них — плодотворное взаимодействие с органами власти. В 1970-е гг., пожалуй, самой острой из всех проблем развития Орловской области был большой отток рабочей силы из сельской местности. Область была одной из первых в стране по числу уезжающих за ее пределы. Перед органами управления встал вопрос о поиске причин и выработке мер по урегулированию этой проблемы. К ее решению привлекли социологов. Результаты их исследований показали, что среди наиболее существенных причин оттока — некомплексное развитие производственной и социально-бытовой инфраструктуры большинства сельскохозяйственных предприятий, явное смещение акцентов на приоритетность развития производственных мощностей (кстати, во многих случаях тоже негармоничного). К анализу результатов социологического исследования были привлечены работники облплана, других областных организаций. Так началась большая работа на селе по преобразованию социальной сферы орловских сельчан.

В условиях перевода производства на бригадную форму организации труда и оплаты по конечному результату наряду с экономическими и организационными возникло множество социальных проблем. В органы власти стала поступать информация о том, что кое-где руководством допускаются волевые приемы, формальный подход, не учитываются особенности производства. Традиционные формы анализа не смогли дать полного объяснения причин возникновения этих явлений. На помощь пришли социологи, изучившие положение дел на промышленных предприятиях Орла и выявившие, что при новой форме организации труда снизилась заинтересованность в высококачественном труде наиболее квалифицированной части рабочих из-за искусственного «дотягивания» зарплаты работников низшей квалификации до среднего уровня; выросла конфликтность в трудовых коллективах.

По материалам исследования состоялась городская научно-практическая конференция с участием руководителей и специалистов всех

предприятий города. Рекомендации, предложенные конференцией, были обсуждены в трудовых коллективах, по ним проведена принципиально новая корректировка отдельных элементов организации труда. Повторные исследования, проведенные на тех же предприятиях через три месяца, показали, что многие из ранее стоявших проблем нашли свое решение.

Связь социологии с практикой на местах укреплялась. В начале 1986 г. в редакции областных газет, телевидения и радио стали поступать многочисленные письма от молодежи по вопросам досуга. Для изучения ситуации было начато исследование, которое показало, что проведение досуга молодежи имеет здесь тенденцию к индивидуализации, а в его структуре стали преобладать пассивные виды: просмотр телепередач, слушание радио и музыкальных записей. Среди форм досугового времяпрепровождения доминировали чтение газет, специальных журналов, а также работа по дому, то есть виды деятельности, которые осуществляются вне общения. В то же время общественная работа, техническое и другие виды творчества, спорт, занятия художественной самодеятельностью, предполагающие активное общение, занимали 8, 11, 15-е места (из 18). Анализ результатов исследования позволил найти причины создавшегося положения. Среди них — узкопрофильность сети культурных учреждений, неоптимальность их размещения, избытие типизированных, малоинтересных рабочих программ, низкая квалификация и непрофессионализм в работе сотрудников учреждений культуры, бедность репертуара местных кинотеатров.

В те годы большое внимание уделялось изучению экономического сознания различных категорий трудящихся, уточнению объективных и субъективных причин его отставания от потребностей экономического развития страны, определению рычагов социального воздействия, которые в органической взаимосвязи с политическими, экономическими, организационными и иными мерами способствовали бы реализации такого сознания в практической деятельности людей. В Орле эта работа велась совместно с кафедрой, а затем Центром социологических исследований Академии общественных наук при ЦК КПСС (Ж.Т. Тощенко). Аналогичные исследования по той же методике проводились в ряде областей страны, что особенно важно, так как сравнение местных результатов с общероссийскими давало возможность не только видеть сходные проблемы, но и заимствовать опыт их решения.

Многолетняя практика проведения социологических исследований на Орловщине позволила сформировать солидную по тем временам базу социологической информации — около 60 мегабайт, хранившуюся в

вычислительном центре областного статистического управления. Орловскими социологами был накоплен опыт в проведении панельных исследований в сопоставимой группе промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Начиная с 1964 г. в четырех районах области каждые пять лет обследовались 32 сельскохозяйственных предприятия, а с 1975 г. аналогичная работа проводилась и на 12 промышленных предприятиях города Орла. Сопоставимые методики получения и обработки данных давали возможность корректировать не только стратегические направления, но и активно влиять на ускорение социально-экономического развития территорий и отраслей народного хозяйства области.

Перелистывая социологические бюллетени Орловского филиала ССА за 1987 г., можно увидеть, над чем 20 лет назад работали орловские социологи. В. Зеленцов и В. Уварова публикуют результаты исследований по социальным проблемам торговой сферы Орловщины, Н. Ладенков исследует структуру производственной и внепроизводственной деятельности ИТР совхозов и колхозов; В. Буровин изучает общественное мнение как фактор укрепления трудовой дисциплины среди молодежи АПК; А.С. Кононыгин анализирует проблемы социального развития села; Г.М. Орлов проводит социологический анализ условий труда сельских механизаторов; Т.М. Аленичева (Кононыгина) рассматривает работу партийных комитетов как социальный резерв перестройки; А.М. Буровлев размышляет о проблемах самодеятельного музыкального творчества в клубах; Г.В. Смирнова исследует образ жизни орловцев; И.Ф. Петров — их культурные потребности и т.д.

За полувековую историю многое изменилось к лучшему, но часть вопросов так и остались нерешенными. Как и раньше, органы власти у нас мало считаются с мнением социологов. Парадокс, но на письма и жалобы частных лиц ответ дается в течение месяца, а на научные записки ученых мало кто реагирует. Так и не создано действенного механизма включения социологии в жизнь общества. А ведь сегодня, как никогда, надо внедрять социальное проектирование в управление обществом и государством, создавать социологические службы при органах власти.

Еще один тормоз в развитии социологии — отсутствие должного спроса на нее. С одной стороны, это объясняется низкой культурой руководителей, а с другой — низкой квалификацией социологов. Поэтому необходимо совершенствовать методическое обеспечение социологов на местах, распространять опыт лучших социологических служб, периодически проводить аттестацию профессиональных социологов на основе повышения их квалификации, расширять сферу объектов исследования (не должно быть зон вне социологии).

Перманентной остается проблема организации и единства — серьезный тормоз в развитии российской социологии. Амбиции отдельных «социологических лидеров» разорвали сообщество социологов на части.

В регионах отголоски этого раздора слышатся особенно остро. Всем социологическим обществам и ассоциациям, дабы заполучить статус федеральных организаций, требуются отделения в регионах. У РОСа свое отделение, у РоСА — свое и т.д. А в Орле, в других небольших областях России социологи едины, разделяться не собираются. И не надо их к этому подталкивать. Мы готовы сотрудничать со всеми социологическими центрами столицы, которые всерьез озабочены развитием социологии в регионах.

На местах следовало бы развивать не только отделения и филиалы центральных организаций, но и свои социологические центры в ВУЗах, в трудовых коллективах. Нужна нормативная база для работы региональных социологов. Необходимы «Положение» о филиалах, лабораториях при вузах, на заводах. Следует предоставить региональным отделениям право открывать счета в банках для проведения исследований. Нужна постоянная сеть интервьюеров, нужны типовые методики, единый банк данных. Социологических организаций в стране много, а исследовательской сети, единства и интегрирующей силы пока нет.

Каждые 20 лет в истории российской социологии наблюдается всплеск исследований. Так было в 1960-е, в 1980-е гг., сейчас назревает очередная. Нужно искать новые связи социологии с деятельностью государственного аппарата; улучшать социологическое образование; учить социологии руководителей; вводить спецкурсы. Но нынешние федеральные социологические центры вряд ли на это способны. Пора возродить единую Социологическую ассоциацию под эгидой Российской академии наук. В ней каждый найдет своё место.

В.Н. Ярская

Саратовские опыты

В нашем регионе первые кафедры социологии и истории социально-политических учений были открыты в Саратовском университете в 1920 г. [1, 2]. Работали в нем И.П. Разумовский («Сущность идеологического воззрения», 1923), ректор 1928–1932 гг. С.З. Каценбоген («Курс марксистской социологии в 2 ч.», 1925), Г.Ю. Маннс («Хулиганство и борьба с ним», 1928). С начала 1930-х годов этот процесс был прерван. Длительный перерыв в преподавании и развитии социологии как науки закончился в СГУ лишь через 60 лет в 1990 г. организацией кафедры социологии. Ее руководитель Г.В. Дыльнов возглавил в 2000 г. проект создания *социологического факультета СГУ*. Сейчас здесь шесть кафедр, исследовательские центры, готовятся специалисты по четырем специальностям. Факультет участвует в международных проектах, ведет исследования проблем социально-политического реформирования современного российского общества, истории отечественной социологии, функционирования системы местного самоуправления [2, 3]. Научной общественности известны работы О. Антоновой, С. Ивченкова, Т. Калугиной, Н. Шахматовой и др.

Возрождение саратовской социологии началось с промышленной тематики [4, с. 159–160] в лаборатории комплексных социально-экономических исследований (ЛКСЭИ) автодорожного института (ныне СГТУ), где работали *«трудовики»*, накапливая опыт полевых работ. Известный исследователь крестьянской жизни, а тогда молодой стажер В. Виноградский [5, 6], И. Зиньков, Р. Пашян, А. Трубицын разрабатывали проекты комплексного развития и планирования промышленных предприятий и районов. В 1980-х гг. на базе СГТУ был открыт социологический центр, осуществлявший исследования урбанистических проблем, и региональных этнических (немцев Поволжья), проблем образования, семьи, занятости, отношения населения к местной власти. В эти же годы в Институте социально-экономических проблем АПК (ныне Институт аграрных проблем РАН), организованном профессором В. Островским, и затем в лаборатории социальной структуры и социодинамики изучалась социальная жизнь поволжского села (руководитель — П.П. Великий) [7, 8]. Ближе к данной тематике с 1990 г. работает и кафедра *экономической социологии* в Саратовском государственном социально-экономическом университете во главе с А. Кочетовым.

В конце 1980-х гг. саратовские социологи чутко прореагировали на

вызовы социальных трансформаций, культурных изменений и углубляющегося социального неравенства [9, 10, 4]. Мы сразу оказались в водовороте тех исторических событий. Организовали в 1988 г. региональное отделение ВЦИОМ, а в начале 1990-х годов включились в программы «Народы России» [11] и (рук. А.А. Овсянников) «Общественное мнение: социология вуза». В их реализации участвовали зав. кафедрами М. Елютина [20], А. Понукалин. В 1989 г. начали действовать и образовательные программы по социологии — Высшие социологические курсы (в Саратове несколько выпускников — А. Завгороднев, Л. Константинова, С. Константинов, Е. Ярская-Смирнова).

В 1991 г. образовалась социологическая группа в Саратовском научном центре Академии наук. Одновременно осуществлялся проект Научного парка в Поволжском межрегиональном учебном центре Федеральной службы занятости, усилия которых сфокусировались на социологии занятости, социальной адаптации, подготовки персонала для центров занятости. Как проректор по НИР, я привлекла к управлению Научным парком В. Чепляева. В Научном парке И. Иванова провела масштабные исследования по стилизации потребления, П. Кузнецов — по социологии адаптации и занятости, С. Жукова, Н. Федотова, Ю. Овинова исследовали проблемы молодежи, взаимодействия поколений и стартовых позиций [11, 12]. Программами по социально-психологическому обеспечению адаптации занимался О. Ежов [9, с. 11; 5; 13].

Одна из особенностей социологического сообщества СГТУ — активно прикладной характер научных разработок (рук. Е. Ярская-Смирнова). Среди приоритетных исследований саратовских социологов — проблемы социальной политики и социальной интеграции, разработка модели антидискриминационной социальной работы [9, 12], концепция государственной политики по социальной интеграции детей с ограниченными возможностями, концепция семейной политики, которые переданы в региональные административные органы и учреждения. Проводятся исследования социального пространства и времени [13], социологии образования [14], антропологии профессий [15], визуальной антропологии [16], социологии насилия [17]. Осуществляются проекты по социологии молодежи в контексте социальной работы, социальной геронтологии [18, 19]. Получили известность международные летние школы по тематике социального неравенства и образования, истории, теории и практике социальной политики, социальной работы, гендерных исследований, визуальной социологии с участием ученых Великобритании, Швеции, США.

С 1996 г. Е. Ярская-Смирнова вместе с П. Романовым [21, 22] организовали Центр социальной политики и гендерных исследований. Новые

исследовательские задачи возникают в связи с глобальными и локальными социальными процессами, изменениями методологических ориентиров социальной науки. Среди направлений, составляющих сегодня содержание работы Центра, — новые подходы в социологии менеджмента, социальная антропология современного российского общества, моделирование семьи и родительства, социальная политика и права человека [23, 24, 25, 26]. Центром социальной политики осуществлены исследовательские проекты «Право на жизнь в обществе: образовательная интеграция детей-инвалидов»; «Доступность дополнительных услуг образования для молодых инвалидов», «Бедность в обществе постсоветского капитализма»; «Социальная политика в контексте трансформаций российского общества: идеология и реалии социальных реформ». С 2003 г. издается «Журнал исследований социальной политики».

Представленные фрагменты развития социологической науки в Саратове, конечно, охватывают далеко не полный круг проблем, определяющих будущее социологической науки региона, но ясно, что здесь не существует единой научной школы ввиду большого разнообразия взглядов ученых на развитие социологии как науки и учебной дисциплины. Профессиональные сообщества социологов Саратова многочисленны: они, как и в других регионах, осуществляют свою деятельность в отделах и на кафедрах университетов, академических центров города и области.

Список литературы

1. Социология в Саратове: Хрестоматия / Под ред. *Аникина Л.С., Дыльнова Г.В.* Саратов, 2006.
2. Социология в Саратовском университете. 2-е изд. / Под ред. *Дыльнова Г.В.* Саратов, 2005.
3. *Дыльнов Г.В.* Государство и местное самоуправление: региональные проблемы. Саратов, 1999; *Аникин Л.С.* Становление местного самоуправления в Российской Федерации. Опыт социологического исследования. Саратов, 1997.
4. *Зайцев Д.В., Шебланова В.В.* Социология в Саратове // Мир России, 2006, № 1. С. 159–167.
5. <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/69626.html>.
6. *Виноградский В.Г.* Жизнь Любы Курановской: семья, хозяйство, бюджет // Социол. исслед., № 1, 2002.
7. <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/79832.html>
8. *Великий П.П.* Проблемы управления в сфере межнациональных отношений. Саратов, 1988.

9. *Зайцев Д., Ловцова Н., Щепланова В.* Становление научной школы: десять шагов в социологию. Саратов, 2005.
10. *Суркова И., Щепланова В.* Валентина Николаевна Ярская и Саратовская школа социологии // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2005, № 3 (8), С. 168–169.
11. *Козловский В.В.* Интервью с профессором Валентиной Н. Ярской // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005, № 1, С. 10–23.
12. *Ярская-Смирнова Е.Р.* Одежда для Адама и Евы: гендерные эссе. М., ИНИОН РАН, 2001.
13. *Печёнкин В.В.* Информационные технологии в социальной структуре общества. Саратов, 2001.
14. *Ярская В.Н., Лошакова И.И., Зайцев Д. В.* и др. Социология образования. Под ред. *Д.В. Зайцева*. Саратов, 2004.
15. *Профессии.doc.* Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / Под ред. *Романова П.В., Ярской-Смирновой Е.Р.* / М., 2007.
16. *Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность* / Под ред. *Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, В. Круткина*. Саратов, 2007.
17. *Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность* / Под ред. *Ярской-Смирновой Е., Романова П., Круткина В.* Саратов, 2007.
18. *Елютина М.Э.* Геронтологическое направление в структуре человеческого бытия. Саратов, 1999.
19. *Чеканова Э.Е.* Социальные процессы старения: структуралистско-конструктивистский анализ. Саратов, 2004.
20. *Антонова В.В.* Государственная служба Канады и США: влияние мультикультурализма. Саратов, 2002.
21. *Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р.* Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов, 2006.
22. *Романов П.В.* Социология менеджмента и организаций. Ростов-н/Д, 2004.
23. *Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р.* Социальная антропология. Р.н/Д, Феникс, 2004.
24. *Ярская В.Н.* Экзистенциальные смыслы и гражданские перспективы социального образования // Журнал исследований социальной политики. Том 2, № 3, 2004.
25. *Социальная политика в современной России: реформы и повседневность* / под ред. *П. Романова, Е. Ярской-Смирновой*. М., 2008.
26. *Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность* / Под редакцией *П. Романова и Е. Ярской-Смирновой*.

Ф.Г. Зиятдинова,
А.Н. Ершов,

Социология в Татарстане

Современное состояние социологии в Татарстане — итог долгого и непростого пути. Зарождение этой науки в регионе относится к 80-м годам XIX в. Первыми социологическими работами в Казани стали статья В.В. Ивановского «Опыт изучения деятельности органов земского самоуправления в России» (1882) и защищенная им в Казанском университете диссертация «Организация местного самоуправления во Франции и Пруссии в отношении сравнительного участия в ней различных общественных классов» (1886). Анализ предмета исследования автор предпосылает обстоятельные размышления о теоретических аспектах местного самоуправления, не утратившие своей актуальности и в настоящее время. Спустя три года (1889) появляются работы социолога Н.В. Рейнгардта по теории и истории социологической науки. В то же время начинает свою научную и педагогическую деятельность Г.Ф. Шершеневич — автор одного из первых (Москва, 1910 г.) отечественных учебников социологии, который был высоко оценен рецензентами (среди них был выдающийся российский социолог Н.И. Кареев).

Первые татарстанские социологи были не только позитивистами, как и большинство ученых того времени, но и сторонниками *психологического направления в социологии*. По-видимому, это связано с тем влиянием, которым заслуженно пользовался среди казанских обществоведов выдающийся российский психиатр *В.М. Бехтерев*. Именно по решению Общества невропатологов и психиатров при Императорском Казанском университете, председателем которого он тогда был, в 1893 г. в Казани начинается издание работ видных зарубежных социологов — Г. Тарда, Р.Вормса и др. Под его влиянием для казанской социологической школы стал традиционным подход к анализу и интерпретации социальной действительности, интегрирующий социологические и психологические методы исследования. Возможно, эта традиция повлияла на то, что *становление отечественной социальной психологии оказалось неразрывно связанным с именем нашей землячки — профессора МГУ Г.М. Андреевой*.

Интерес к зарубежной социологии в дореволюционную эпоху выражался и в интенсивных контактах представителей социологического сообщества региона с научными кругами Европы, прежде всего, Фран-

ции, бывшей в то время своего рода «столицей» мировой социологии. Эти контакты сосредотачивались вокруг влиятельного журнала «*Revue Internationale de Sociologie*» и таких организаций, как *Institute International de Sociologie* и *La Societe de Sociologie de Paris*, а также социологической лаборатории Рене Вормса. Большой интерес социологов региона вызвали первые международные социологические конгрессы, подробные отчеты о работе которых были представлены в научной печати упоминавшимся В.В. Ивановским.

С именами первых татарстанских социологов связаны также работы по *методологии социальных исследований*. В работах В.В. Иванова «Учение о народе», «Общество и государство», «Роль общественных наук в деле образования и воспитания», статьях *Н.В. Рейнгардта* «Г. Слонимский и социология», «Н.К. Михайловский и его труды», учебниках *Г.Ф. Шершеневича* «Социология» и *Н.В. Первушина* «Наука социология», *М. М. Хвостова* «Лекции по методологии и философии истории» закладывалась база исследования методологических проблем социального познания. Дальнейшие успехи этого направления связаны с именами члена-корреспондента АН СССР *А.И. Данилова* и его ученика, первого председателя Научного Совета по социологии АН Республики Татарстан и Татарстанского отделения Российского общества социологов, члена-корреспондента АН РТ *В.В. Иванова*, памяти которого посвящаются ежегодные конференции, проводимые социологами Казанского государственного финансово-экономического института (КФЭИ). Уже на рубеже XIX–XX вв. в Татарстане начали складываться социологические школы и направления, которые, несмотря на все трудности и противоречия истории, не только «дожили» до нашего времени, но и стали теоретической, методологической и методической основой, на которой произошло возрождение научной социологии в регионе, образовался прочный фундамент успешного развития социологических исследований, который продолжал сохраняться и в первые годы Советской власти. В разгар гражданской войны в 1919 г. в Казанском университете открывается факультет общественных наук, на котором впервые в истории социология стала учебной дисциплиной, общей для всех трех отделений данного факультета. Год спустя в Казани был издан учебник «Социология», написанный *С. Фарфоровским* и *И. Кочергиным*. Это было первое учебное пособие по социологии в Советской России, созданное в соответствии с программой Наркомпроса РСФСР. В 1921 г. создается «Ассоциация для изучения общественных наук при высших учебных заведениях города Казани», начавшая выпускать свои «Сборники», на страницах которых публиковались труды зарубежных

и отечественных авторов (Л. Brentano, Р.Ю. Виппер, П.И. Кругликов, Н.В. Первушин и др.). Ответом на запросы практики было создание в середине 1920-х годов в Казани первого в мире Института научной организации труда (*А.И. Гастев*), деятельность которого заложила основы экономической социологии. В конце 1920-х годов отношение к социологии стало меняться. Эмпирические исследования активно развивались, поскольку власти была необходима объективная информация о состоянии и тенденциях развития различных сторон жизнедеятельности общества. С другой же стороны, утверждалось представление о марксистской теории как единственно верной научной теории общества, раз и навсегда осветившей все проблемы не только прошлого и настоящего, но и будущего развития социума. В результате социология как наука на долгие десятилетия фактически была подменена социальной статистикой и тем, что польские коллеги определяют как «демоскопия» — описанием жизни народа. Собственно социология стала отождествляться с буржуазной наукой и даже с «лженаукой». Статус социологии как самостоятельной науки был упразднен.

Одним из первых актов возрождения стало участие советских социологов в работе III Международного социологического конгресса в Амстердаме (1956 г.). Отчет «Об итогах IV Всемирного социологического конгресса» осенью в 1959 г. был одобрен ЦК КПСС, что послужило началом создания социологических групп в академических институтах и вузах Москвы, Ленинграда, Свердловска и т.д. В *Казанском государственном университете социологическая лаборатория была открыта в январе 1964 г.* Научным руководителем лаборатории стал *Н.А. Аитов*, много сделавший для становления и развития социологии в Поволжье и Башкирии, крупный специалист в области социологии труда, социального планирования и проектирования. К этому же времени относятся и первые совместные проекты социологов Татарстана и Москвы. Летом 1966 г. в Казани, Бугульме и ряде районов республики были проведены социологические исследования, организованные совместно социологической лабораторией КГУ и Академией общественных наук при ЦК КПСС. Несколько позже, в 1970-е годы, Татарстан, как типичная советская автономная республика, привлекает внимание социологов Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Свердловска и других крупных научных центров. Складываются прочные связи с такими известными отечественными социологами, как Л.М. Дробижева, В.Т. Лисовский, М.Х. Титма, О.И. Шкаратан, В.А. Ядов и др.

Таким образом, в 1960–1970-е гг. татарские социологи заняли достойное место в советском социологическом сообществе. Под руководством

Р.Г. Балтанова, сменившего уехавшего в Уфу *Н.А. Аитова*, возрождается традиция исследований культуры и духовной жизни общества, восходящая к психологическому направлению в социологии, проложенному еще первыми социологами региона в XIX в. В середине 1960-х годов было проведено масштабное исследование религиозности населения республики совместно с сектором социологии религии АОН при ЦК КПСС.

Под руководством *Н.А. Аитова* и *М.А. Нугаева*, ставшего преемником *Р.Г. Балтанова*, стала активно развиваться социология труда. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. были проведены исследования трудовой активности рабочих предприятий республики совместно с учеными Москвы и Ленинграда. *М. А. Нугаев* выявил значительную диспропорцию в качестве профессиональной подготовки среди рабочих КамАЗа.

Социологи республики находили подходы к выявлению наиболее актуальных проблем в жизни трудовых коллективов. *М.А. Нугаев* вспоминает о разговоре с главным бухгалтером «Камгэсэнергостроя» (г. Набережные Челны), заявившим в ответ на предложение о социологических исследованиях причин текучести рабочей силы: «Зря Вы ломитесь в открытую дверь. Я могу заранее сказать: главное — это жилищная проблема». Однако участники исследования выявили, что основной причиной текучести кадров здесь в 1970–1971 гг. были организация и стимулирование труда. Тогда же социальные проблемы региона послужили основой книги «Интернациональное и национальное», в которой были проанализированы тенденции развития трудовых ресурсов, динамика физического и умственного труда, создания рабочих мест, материального и морального стимулирования, характер межнациональных, семейных и межличностных отношений. Такой комплексный подход стал определяющим в работе социологических подразделений предприятий КамАЗа и Татнефти, созданных в 1970-е гг.

В то время еще не могло быть и речи о переводах и издании трудов зарубежных социологов, включая классиков мировой социологии, особенно в регионах. Если в центральных издательствах начиная с середины 1960-х гг. изредка выходили переводные работы *Ф. Йейтса*, *Т. Куна* и др., то на местах чаще приходилось довольствоваться самостоятельными переводами. Так, в Казани сохранился машинописный текст книги *W. Goode, P. Halt «Methods of Social Research»* (New York, London, 1952). Прямые личные контакты тогда не могли получить широкого распространения даже между социологами Советского Союза и стран народной демократии, не говоря уже о контактах с западными учеными. Но это отчасти возмещалось деятельностью научного «Самиздата».

Другим направлением профессиональной деятельности социологов республики стало сотрудничество с практиками. Убеждаясь, что социологические исследования действительно могут дать оперативную, всестороннюю информацию, помогают осмыслить тенденции социальных изменений в масштабах предприятия, района, города, области, руководство в центре и на местах активнее начинало поддерживать социологов. На Втором Всесоюзном семинаре по социологическим исследованиям идеологической деятельности летом 1966 г. ряд партийных работников отметили необходимость организационной и финансовой поддержки социологических исследований, равно как и необходимость социологического просвещения руководящих кадров. В числе организаций, накопивших к этому времени положительный опыт такой работы, был отмечен и Татарский обком КПСС. При райкомах и горкомах партии создавались социологические службы или общественные советы по социологическим исследованиям. Так, в течение ряда лет общественный совет по социологическим исследованиям Вахитовского РК КПСС г. Казани изучал эффективность политической и экономической учебы, воспитательной работы с населением по месту жительства, организацию быта и отдыха в студенческих общежитиях района.

Надо отметить, что сама жизнь активно побуждала молодых и инициативных руководителей сверять эффективность своей работы с результатами опросов общественного мнения. Так, проведение в городе Нижнекамске в 1981 г. Всесоюзной научно-практической конференции «Педколлектив и личность» положило начало активному сотрудничеству руководителей и группы социологов города с Министерством образования страны, Академией общественных наук, известными социологами — Ж.Т. Тощенко, Г.Е. Зборовским, В.Э. Бойковым и др. Поиски наиболее эффективных форм взаимодействия таких социальных институтов общества, как семья, трудовые коллективы, коллективы по месту жительства населения, в социализации молодежи и подростков привели к созданию в городах Нижнекамске, Альметьевске, Казани социально-педагогических комплексов. Опыт их работы был обобщен Академией педагогических наук страны. Проблемы социологии образования исследуются в настоящее время не только казанскими социологами, но и специалистами из городов Нижнекамска, Набережные Челны, Альметьевска. Важнейшее значение в этот период социологи Татарстана придавали *подготовке и воспитанию молодых научных кадров*. С 1970 г. курс методологии и методики конкретных социологических исследований читался на отделении научного коммунизма КГУ. В 1972 г. начинается социологическое обучение практических работников. При

Советском райкоме партии г. Казани организуются занятия с работниками аналитических служб предприятий, строительных организаций и учреждений района. В 1973 г. открывается «Школа социолога» на Камском автомобильном заводе.

Молодые социологи республики проходили полевую практику и за пределами Татарстана: в Ленинграде под руководством В.Т. Лисовского, в Горьком — С.С. Балабанова, в Эстонии — М.Х. Титмы, Я.А. Леймана, Ю.А. Пярнитса и др., в Латвии — А.И. Иванова. В 1982 г. в рамках Поволжского отделения Советской социологической ассоциации был образован ее Татарстанский филиал. Под его эгидой при Доме политпросвещения Татарского ОК КПСС открылась двухгодичная «Школа социолога».

Тормозом для развития социологии оставалось долгое время отношение к ней как к дисциплине сугубо эмпирической и потому только обслуживающей другие общественные науки посредством своей методики и исследовательских процедур. Социология продолжала развиваться преимущественно на общественных началах. Зачастую социологические исследования использовались лишь для иллюстрации тех или иных умозрительных выкладок.

Известная неопределенность в развитии отечественной социологии продолжалась до 1988 г., когда было принято постановление ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества», означавшее конституирование социологии в качестве самостоятельной науки. В 1990-е гг. курс социологии постепенно вводится во всех вузах, многих средних общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях республики. Создаются кафедры, социологические исследовательские центры и лаборатории. К 2000 г. в Татарстане действовало четыре совета по защите кандидатских диссертаций по социологическим специальностям. В республике работают 15 докторов и 100 кандидатов социологических наук. Начали выходить монографические исследования, завоевавшие признание научной общественности России, оригинальные учебники и учебные пособия. Казань стала центром подготовки квалифицированных социологических кадров для ближнего и дальнего зарубежья. Здесь проходили защиты диссертаций социологами Казахстана, Вьетнама, Лаоса, Эфиопии. Установились прочные международные связи татарстанских социологов. Огромную роль в их формировании и развитии сыграли созданные в это время Центр социологии культуры КГУ (С.А. Ерофеев и Э.С. Рахматуллин) и Институт культуры мира ЮНЕСКО при КГФЭИ (Э.Р. Тагиров).

Социологи Татарстана вносят заметный вклад в развитие теории и практику исследования актуальных проблем постсоветского социального пространства, в научное сопровождение процесса реализации национальных проектов. Активно разрабатываются вопросы методологии и методики применения социального конструирования, обеспечивающие современное видение социальной действительности. В рамках формирующейся социологии муниципальных образований ряд ученых успешно работают над парадигмой социального управления, основанной на дифференцированном подходе к задачам, методам и организации работы органов государственной власти и муниципального управления. Татарстанские социологи разрабатывают проблематику формирования и развития социологии молодого города и, в частности, теорию и методологию исследования особенностей социальной динамики в полиэтническом регионе. Разработана оригинальная концепция и методика изучения и мониторинга качества жизни горожан и качества социального потенциала региона в целом, основанная на комплексном, междисциплинарном подходе к проблеме. Социологи города Альметьевска предложили концепцию «ресоциализации» городской молодежи. В рамках национальных проектов социологи республики работают над проблемами социологии села, образования, здравоохранения. Они выступили инициаторами внедрения в российские социальные практики принципов культуры мира, разработанных ЮНЕСКО, использования их в качестве методологической основы для изучения и оптимизации конфессиональных, межэтнических отношений, проблем модернизации образования и т.д. Они стали одними из пионеров отечественной конфликтологии. Примечательно, что первый международный конгресс конфликтологов проходил в Казани.

В последние годы с участием социологов были разработаны «Критерии оценки профессиональных и личностных качеств государственных и муниципальных служащих Республики Татарстан», ряд методических рекомендаций для органов местного самоуправления. Были осуществлены или находятся в стадии реализации научно-исследовательские проекты «Оценка трудового потенциала организации», «Город и власть», «Проблемы трудоустройства молодежи», «Проблемы социальной напряженности в российском обществе», «Семья, религия, молодежь», «Качество образования: личностные мотивы выпускников вузов и требования рынка труда», «Общество и жизненные стили: на пути к гармонизации субкультурных сообществ», «Исследование качества социального потенциала региона», «Социальное самочувствие населения муниципального района» и др. Становятся традицией такие Всероссийские конференции,

как Казанские социологические чтения (проводятся с 2005 г.), Адлеровские чтения (проводятся на базе Альметьевского государственного нефтяного института с 2006 г.), конфликтологические конференции в КГТУ (проводятся с 2007 г.) и др.

Одним из приоритетов социологического сообщества региона является забота о подготовке и воспитании молодых кадров исследователей. Сегодня в аспирантуре вузов республики по социологическим специальностям обучается около 150 человек. Ежегодно в Республике защищается 20–25 кандидатских и докторских диссертаций по этой научной дисциплине. В 2008 г. возобновилась деятельность постоянно действующих семинаров и мастер-классов по проблемам теоретической и прикладной социологии, методологических и методических семинаров для молодых социологов Татарстана. Большое значение придается организации и активизации научно-исследовательской работы студентов. Они принимают активное участие в различных научных конференциях, конкурсах научных работ. Активно работают студенческие социологические лаборатории в ряде научных центров.

Еще одно направление исследований — участие в комплексных научно-прикладных программах и международных проектах (разработка концепции татарстанской семьи, Программа развития образования в РТ, Республиканская комплексная программа профилактики наркотизации населения РТ, российско-финский семинар по идентичности и бытовому расизму среди молодежи и пр.). Активно развиваются научные контакты социологического сообщества РТ с учеными Франции (Центр подготовки управленческих кадров в Лилле, парижские университеты, Французская академия наук), Германии (Институт мировой экономики в Киле), Турции (Стамбульский университет), США, Великобритании, ЮАР, Китая, Пакистана, Египта, Ирана и ряда других стран. Научным Советом по социологии АН РТ принят разработанный творческой группой под руководством А.Н. Ершова комплекс мероприятий *по пропаганде и популяризации социологических знаний*. Сегодня работа татарстанских социологов в значительной степени координируется и интегрируется в рамках данного проекта. Опираясь на достигнутое, развивая накопленные традиции творчества в области социологии, они стремятся добиться нового качественного уровня социологических исследований в Республике, укреплять их связь с практикой, запросами социума.

Раздел IV. **Новая повестка дня социологии в России**

*Г.В. Осипов,
академик РАН,*

Формирование теории и структуры отечественной социологии в процессе борьбы за ее возрождение

При всех сложностях и ограничениях тоталитарного режима, социология в СССР формировалась как самостоятельная научная дисциплина не на основе некритического перенесения на местную почву западных социологических концепций и теорий, а как наука, отвечающая насущной необходимости решать внутренние потребности советского общества. Прежде всего, она была призвана обосновать формы и методы преодоления и устранения назревших социальных, социально-экономических и социально-политических противоречий, порожденных в значительной степени идеологией социального утопизма и социального мифотворчества.

Опыт без малого полувекового сопротивления социологов-шестидесятников и партократов, социологии и власти весьма поучителен и для последующих поколений. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Несовместимость социологии с государственной идеологией

Негативное отношение к социологии с позиций правящей в стране партократической элиты, за исключением короткого периода, имело весьма веские аргументы и основания.

Во-первых, как наука она не вписывалась в идеологическую структуру знания, сконструированного на основе заимствованного с Запада социально-политического учения — марксизма. В делении марксизма на три составные части — политэкономию, философию и социализм — для социологии, равно как и для смежных с ней социальных наук: со-

циальной психологии, социальной антропологии, демографии и др., не оставалось места. В лучшем случае, социальные науки были преданы забвению. Статьи о них не включались не только в философские словари, но и во все издания Большой советской энциклопедии.

Во-вторых, знание об обществе в контексте идеологии марксизма-ленинизма сводилось к знанию философскому — диалектическому и историческому материализму. Если диалектический материализм интерпретировал общество с позиций наиболее общих законов развития, в равной степени действующих в природе, обществе и мышлении и известных как законы диалектики, то исторический материализм устанавливал наиболее общие, но специфические законы развития общества (закон единства производительных сил и производственных отношений, законы возникновения и развития классов, неизбежности классовой борьбы и др.).

Исторический материализм как одно из направлений социальной философии, бесспорно, имел и имеет право на существование. Но, будучи внеучным (т.е. философским) инструментом познания и к тому же являясь в СССР *единственной* официально признанной на государственном уровне дисциплиной в ранге научного знания об обществе, он не только подменял собой само это знание, т.е. социологию, но и всячески противостоял ей.

Как в первом, так и во втором случае, возрождение, становление и развитие социологической науки в СССР угрожало *подорвать основы* государственной идеологии партokratического режима, означало возникновение *тенденции перехода от внеучного знания об обществе к знанию научному*, т.е. знанию социологическому.

Партократы, используя все рычаги государственной власти, корпоративно стремились дать отпор такой угрозе, и, как следствие, социологическое знание было поставлено вне закона. Однако история распорядилась по-своему. Во второй половине 1950-х годов схоластическое и догматическое теоретизирование вокруг законов диалектического и исторического материализма ввергло общественные науки в глубокий *идейный кризис*. Начались лихорадочные поиски выхода из этого кризиса, была поставлена задача облечь абстрактные конструкции и схемы марксистско-ленинской философии и научного коммунизма в плоть и кровь *конкретного знания*. В ее решении обозначились два пути.

Первый путь, на котором настаивало большинство советских философов (академик Ф.В. Константинов и др.), связывался с получением учеными-обществоведами широкого доступа к государственной статистике. Но государственные статистические данные не подтверждали,

а по многим позициям опровергали мифологические идеологические схемы партократов, которые это хорошо понимали. Такой путь решения проблемы оказался нереальным¹.

Второй путь — проведение учеными собственных *эмпирических исследований* различных сторон жизнедеятельности советского общества (академик П.Н. Федосеев). Эту точку зрения поддержали некоторые академики, сразу поставив вопрос об организации самостоятельных научных подразделений, задачей которых стал бы сбор эмпирических социальных данных для их последующего обобщения и анализа с позиций философии (академик М.Б. Митин и др.).

Партократы сочли эту идею безвредной, и молодые философы-энтузиасты принялись реализовывать ее на практике. Но первые же попытки таких исследований высветили две проблемы. Во-первых, эмпирические данные не вписывались в структуру философского знания, а их включение в его систему означало бы рецидив позитивизма, т.е. того, с чем философы-марксисты со времени возникновения теории О.Конта вели бесконечную борьбу. Во-вторых, по мере проведения эмпирических исследований стали постепенно складываться понятийный аппарат и структура *собственно социологического знания*, выходящие за пределы знания философского.

Эти две проблемы были быстро подмечены философами (в первую очередь академиком Ф.В. Константиновым) и партократами. С идеями проведения широких эмпирических исследований и возможного становления социологии как науки об обществе альтернативной философии началась непримиримая борьба. Как только эта тенденция реально обозначилась, последовала резкая негативная реакция со стороны руководства «идеологического фронта». Составившие его философы и партаппаратчики предприняли попытки сохранить монопольное право интерпретировать процессы общественного развития страны с позиций государственной идеологии. Они постарались направить проведение конкретных социологических исследований в апологетическое русло.

¹ В данном случае можно вспомнить мой разговор с членом-корреспондентом АН СССР В.Н. Старовским, который, возглавляя Государственный комитет по статистике, был одним из немногих государственных деятелей, не сомневавшихся в существовании социологии как науки. «Я несколько раз ставил перед И.В. Сталиным вопрос об издании журнала «Вопросы статистики», — рассказывал Старовский. — Сталин обходил этот вопрос молчанием, но, в конце концов, прореагировал: «Передайте В.М. Молотову, чтобы он подготовил решение об учреждении этого журнала и назначении Вас его ответственным редактором», — распорядился И.В. Сталин. И, помолчав немного, добавил: — Но чтобы в этом журнале не было... никакой статистики» (архив мой — Г.О.).

Руководство Идеологического отдела ЦК КПСС неоднократно требовало от ученых «научно обосновывать» непрерывно множасьщиеся мифологические лозунги партии и выявлять «ростки коммунизма» в советском обществе. Поскольку в условиях тоталитарного режима постановку иных, реально актуальных для общества вопросов инициировать было либо крайне сложно, либо попросту невозможно, то добросовестные социологи старались давать расширенную интерпретацию поставленных перед ними задач.

Таким образом, за счет расширения рамок объекта исследования удавалось выявить и подвергнуть социологическому анализу действительно, а не только надуманные проблемы общественного бытия.

Нонконформистски настроенные социологи стали практиковать конкретные исследования под общим девизом укрепления «связи общественной науки с жизнью», к чему ученых-обществоведов формально призывало руководство страны со всех высоких трибун, в том числе трибун съездов КПСС. Борьба со своими собственными установками партийное руководство страны не решалось. Так что исследовательскую работу социологов даже в условиях тоталитаризма невозможно было окончательно запретить на государственном уровне.

Однако некоторые действия, связанные с попытками власти втиснуть социологическую практику в прокрустово ложе государственной идеологии, то и дело предпринимались. Среди них:

а) реанимация теории Николая Бухарина, согласно которой отождествлялись исторический материализм и социология. Исторический материализм, утверждал академик Ф.В. Константинов, это и есть социология, и другого знания у коммунистов не было и быть не может;

б) возврат в активный научный оборот концепции Огюста Конта, ставившего знак равенства между социологией и обществознанием. Социология — это не специальная наука, а обществознание, — «обосновывал» устаревшую, во многом ошибочную концепцию классика мировой социологии профессор В.Ф. Халипов;

в) отождествление социологического знания напрямую с теорией научного коммунизма. Этой идее были посвящены труды профессора А.М. Ковалева.

Столь же апологетическую роль была призвана играть и концепция, утверждавшая, что социологическое знание есть лишь низший эмпирический уровень знания в системе исторического материализма или теории научного коммунизма.

В условиях реализации этих теорий и концепций социологам отводилась роль сборщиков фактов, интерпретацию которых на так назы-

ваемом высшем уровне социального знания предлагалось осуществлять представителям исторического материализма и научного коммунизма. Естественно, с такой точкой зрения социологи никак не могли согласиться. В противовес вышеизложенным «теориям» и «концепциям» они утверждали, что *«социология — это наука, которая проводит социологические исследования»*. Так появились понятия: «конкретные социальные исследования», «социологические исследования» и «прикладная социология». Советские социологи должны были не столько наращивать конкретное знание, сколько развивать и совершенствовать методы и технику получения фактологического материала. Таким образом, поле деятельности полнокровной социальной науки — социологии искусственно ограничивалось сугубо методическими задачами.

Социологическое знание приобретало все большую автономность. Не вписываясь в систему знания философского, равно как и в государственную идеологию марксизма-ленинизма, оно постепенно, шаг за шагом, завоевывало научные позиции, вытесняя знание вненаучное. Результаты конкретных исследований способствовали формированию общесоциологической теории, складывалась структура отечественной социологии, выявлялись общие контуры ее предмета¹.

Основной аргумент, который власть и обслуживающие ее философы использовали в борьбе против социологической науки, как раз и заключался в том, что она, якобы, не имеет своего предмета. Проблемами труда, вне рабочего времени, быта, развития города, деревни, науки, культуры, воспитания молодежи, обеспечения пенсионеров, воспроизводства и развития рабочего класса и т.д. занимаются, как утверждали они, экономическая наука и государственные учреждения управления, и социология здесь ни при чем. В ответ социологи выдвинули концепцию *объекта и предмета социологии*.

До сих пор многие социологи безуспешно пытаются определить предмет социологии через специфику ее объектов. А потому среди бесконечного количества этих самых различных определений нет ни одного более или менее удовлетворительного.

Согласно принятой частью российских социологов точке зрения, предметом социологии может быть любой объект окружающего мира в его социальном аспекте, т.е. в его социальной обусловленности и со-

¹ Первой публикацией, в которой понятие «социология» употреблялось в позитивном смысле и подводились некоторые итоги становления социологической науки в СССР, стал двухтомник «Социология в СССР» (М., Мысль, 1965). Но, прежде чем этот двухтомник был опубликован на русском языке, его издали на английском языке в Англии в издательстве «Tavistock publication».

циальном воздействии на окружающий мир. Социология исследует не социальные объекты, сколь бы важными они ни были, а законы функционирования и развития этих объектов, которые реализуются посредством деятельности людей. Законы, в соответствии с которыми движется и изменяется окружающий нас социальный мир или социальная реальность, — это *законы социальной деятельности людей*. основополагающим понятием социологии, в данной интерпретации, является понятие *социального*, которое реализуется на практике в процессе взаимодействия людей в конкретную социальную реальность. Именно *социальные законы*, в отличие от законов экономических и законов других общественных наук, являются предметом социологической науки. Отсюда следует и определение предмета социологии, в свое время получившее известное признание в зарубежной социологической литературе¹.

Следуя крайне абстрактной схеме классификации наук, разработанной Огюстом Контom, а затем, по существу, воспроизведенной Фридрихом Энгельсом, советские марксисты сводили все многообразие законов окружающего мира к законам общественным, под которыми обычно подразумевались законы философские и экономические.

Исследования социологов с постановкой вопроса о социальных законах позволили отойти от этой догматической схемы, вычленив и сформулировать понятие социальных законов. Была выработана и представлена научной общественности *новая классификация* общественных наук, которая включала науки экономические, социальные, политические и духовно-нравственные. Каждый кластер этих наук, соответственно, исследует действие своих специфических законов — экономических, социальных, политических и духовно-нравственных.

Любой объект окружающего мира может стать предметом любой науки об обществе — экономической, социальной, политической и духовно-нравственной, но лишь в своем собственном ограниченном аспекте. Все другие сферы жизнедеятельности общества выступают в этом случае как опосредствующие факторы или среда действия того или иного закона, являясь предметом той или иной конкретной науки об обществе.

В зарубежной научной социологической литературе, где есть только одно понятие — понятие социальных наук, к этим наукам наряду с социологией, социальной психологией и др. обычно относят также общественные науки, например, науки экономические. В отечественной социологии понятия «общественные науки» и «науки социальные» содержат различное смысловое значение.

¹ Социальная мысль в СССР. М., 1970, С. 187.

Выделяя четыре основные сферы жизнедеятельности общества, исследуя функционирование и развитие специфических законов, отечественные социологи не только обосновали *новую классификацию общественных наук*, но и стимулировали *становление и развитие ряда других наук*, входящих в систему наук социальных. Это, в первую очередь, социальная психология, социальная антропология и др. Сюда же относятся демография и этнология.

Становление социологической науки существенно подрывало государственную идеологию во всех ее основополагающих аспектах. Отсюда — уже отмеченное нами неприятие социологии и борьба партократического режима с конкретными носителями социологического знания. И чем очевиднее становились для непредвзятого сознания несовместимость и даже отчасти антагонизм бурно развивающейся отечественной социологии и косной в своем догматизме советской государственной идеологии, тем яростней, ожесточенней приистекала эта борьба.

Несовместимость социологии с теорией исторического материализма

Согласно теории исторического материализма, развитие и функционирование общества детерминировано объективными, независимыми от воли и сознания людей законами и закономерностями, которые носят целенаправленный, т.е. телеологический характер, что с исторической неизбежностью предопределяет переход всех стран и народов к социализму и коммунизму¹.

В процессе проведения социологических исследований социологи пришли к выводам, диаметрально противоположным абстрактным схемам исторического материализма. Во-первых, согласно социально-социологическому знанию, общество — это не результат действия каких-то вечных мистических законов, а следствие взаимодействия объединенных в самые различные социальные группы индивидов, которые осуществляют свою совместную деятельность в определенных условиях места и времени, т.е. в условиях конкретного социального бытия или социальной реальности. Таким образом, социальные законы — это *законы социальной деятельности* людей. Чтобы понять общество, данную социальную реальность, необходимо исследовать *цели и мотивацию* социальной деятельности индивидов, цели и мотивацию их включения в те или иные социальные группы. Каждая социальная

¹ Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. Произв. в 3-х томах. М., 1979, С. 127–187.

группа (на самых различных уровнях), под прикрытием общенациональных целей и интересов, преследует свои собственные цели и интересы. В результате взаимодействия и борьбы различных социальных групп (коллективов, социальных движений, партий, государственных администраций, объединений бизнесменов и т.д.) складывается такая структура социальных отношений, социальных норм и ценностей (антиценностей), к которой никто не стремился и которую никто не хотел. Эта социальная реальность становится пространством обитания и деятельности личностей или социальных групп, самыми различными путями пришедших к власти. Иначе говоря — объектом манипуляций властных структур.

Во-вторых, данная социальная реальность, в свою очередь, становится важнейшим фактором, определяющим направление, характер и содержание социального поведения остальных групп индивидов.

Патриотизм или национальное предательство, рост или сокращение рождаемости, повышение или падение уровня и качества жизни населения и т.д. — это не что иное, как *производный продукт* данной социальной реальности, которая функционирует и развивается по своим собственным, т.е. социальным законам, будучи продуктом социальных действий властных структур, которые, в свою очередь, вольно или невольно следуют логике этих законов и воспроизводят в своей социальной деятельности эту социальную реальность.

Следовательно, исходным пунктом науки об обществе являются не крайне абстрактные и вечные «общественные» законы, а *социальная деятельность людей и социальные законы*, реализующиеся в процессе этой деятельности, определяющие функционирование (позитивное, негативное, противоречивое) социальной реальности, которая также является продуктом социальной деятельности. В основе развития общества лежит *человеческий фактор*. Человек — это субъект и объект социальных отношений, общества в целом. Он — продукт системы, а система, в свою очередь, — продукт деятельности властных структур.

Поэтому *познать и объяснить общество, его социальную или антисоциальную сущность можно только исходя из человеческого фактора и измерения социальных отношений людей*.

Подход к обществу с позиций человеческого измерения, сохранения и укрепления социальных связей и отношений позволяет сопоставлять деятельность людей, включенных в различные уровни социального взаимодействия и управления и перманентно принимающих социально значимые решения, с социальными последствиями их действий: негативными или позитивными. Степень такого взаимодействия, индекс его

результативности дают возможность определить содержание реальной *социальной ответственности власти* перед народом.

Выводы из конкретных социологических исследований различных сторон жизнедеятельности советского общества (труда, внерабочего времени, быта и т.д.) оказались несовместимыми не только с абстрактными концепциями исторического материализма, но и с вытекающим из них тезисом о неизбежности перехода советского общества к коммунизму.

Согласно государственной статистике того, уже на десятилетия отдаленного от нас периода отечественной истории, более 90% работников промышленных предприятий активно участвовали в социалистическом соревновании. Исследования социологов показали, что 90% из них считали свое участие в таком соревновании чисто формальным, а в ряде случаев — приносящим больше вреда, чем пользы. Обнаружилось явное противоречие официальной (объективной) статистики и неофициально (субъективного) показателя социологических исследований.

Выявилось также, что в промышленности СССР не только не преодолено, но даже усилилось отчуждение труда, что свободное время не стало фактором развития трудящихся, что так называемое «преодоление существующих различий между умственным и физическим трудом» на практике ведет к деqualификации работников, занятых в обоих этих видах труда и т.д. Но самое главное заключалось в том, что приведение производственных отношений в соответствие с общественным характером производительных сил резко отрицательно сказалось на качестве труда и, соответственно, на результатах трудовой деятельности. Обозначилась тенденция застоя, проявилось игнорирование новейших достижений научно-технического прогресса. В обществе усилилась социальная напряженность. Социологи сделали попытку обосновать необходимость перехода к товарно-денежным отношениям в условиях социализма путем всемерного использования закона стоимости. Если бы эта идея была поддержана, то развитие экономики страны пошло бы по пути «рыночного социализма», что позволило бы избежать многих социальных последствий и катастроф, в том числе величайшей геополитической катастрофы XX века — развала Советского Союза.

Чтобы избежать обвинений в антисоветизме (а избежать их так и не удалось) и скрыть явное несоответствие двух диаметрально разных подходов к анализу проблем функционирования советского общества (социально-философского и социологического) социологами была выдвинута концепция теорий *среднего уровня*. Эти теории как бы связывали исторический материализм с реальной действительностью. Одна-

ко на практике такой связи не получилось, теории среднего уровня не вписывались в абстрактную структуру исторического материализма и апологетическую структуру «научного» коммунизма. На основе теорий среднего уровня и стала постепенно складываться параллельная историческому материализму и научному коммунизму наука — социология.

Формирование социологической науки осуществлялось в определенной степени латентно и стихийно. На словах социологи вынужденно признавали исторический материализм как высший уровень знания об обществе и законах его функционирования и развития, но их практическая деятельность носила прямо противоположный характер. С неизбежностью встал вопрос о партийности социологических исследований. В советский период все мы — и я, и В. Ядов, и А. Здравомыслов, и В. Шубкин, и многие, чтобы не сказать большинство, наших коллег состояли в коммунистической партии. Мало кто сомневался в научности марксизма и его составной части — исторического материализма. Но постепенно, все более вовлекаясь в систему социологического знания, в борьбу за становление этого знания, социологи стали осознавать ненаучный характер философии марксизма и утопичность социальных и социально-политических конструкций «научного коммунизма». При этом продолжали свои научные изыскания, ориентируя их, насколько позволяли реалии времени, на утверждение в стране научного статуса социологии, на служение советскому, российскому обществу.

Чтобы показать, насколько нам это удавалось, приведу в подтверждение своих слов не мнение коллеги-соотечественника, которого можно было бы заподозрить в корпоративной предвзятости, а выдержку из специальной исследовательской работы тогдашнего западного социолога Алекса Смиренко: *«Сектор конкретных социологических исследований осуществил за минувшие шесть лет важнейшую задачу утверждения в Советском Союзе социологии в качестве научной дисциплины»*¹.

По его мнению, советская социология занималась тогда как чисто теоретическими исследованиями, так и исследованиями практическими, которые могли бы существенно облегчить рациональное экономическое планирование и экономическую деятельность страны. Характерное признание, особенно ценное, ибо сделано из-за рубежа. Мы, действительно, «облегчали рациональное экономическое планирование и экономическую деятельность страны», несмотря на то, что партийное руководство видело в социологах чуть ли не врагов советской власти.

¹ Alex Simirenko. Social thought in the Soviet Union, Quadrangle books 1969. Цит. по: А. Смиренко. Вклад советских социологов в мировую науку. М., Прогресс, С.184–187.

Оценивая уровень состояния социологии как науки, А. Симиренко писал: «До сих пор наиболее четким является следующее определение, данное этой науке (марксистской социологии)»: «Марксистская социология — это наука о закономерностях становления, развития и смены общественно-экономических формаций, закономерностях, формах проявления которых выступают различные конкретные социальные (материальные и духовные) явления, процессы, факторы. Эти факторы являются не только продуктом человеческой деятельности, более или менее отражающим и выражающим объективные возможности и потребности социального развития далекой исторической эпохи, но и факторами, активно воздействующими на сознание людей и вследствие этого определяющими социальное поведение и деятельность»¹. Это, если можно так выразиться, переходное понимание предмета социологии. В настоящее время некоторые социологи приняли более четкое и нейтральное определение предмета социологии. Об этом далее.

Тогда же социологи выступали, в основном, за то, чтобы:

- проводить исследования советского общества на научной основе;
- перейти в этих исследованиях от среднестатистических показателей уровня жизни населения к качественным показателям уровня жизни, к конкретному человеку;
- придать исследовательской работе в области социологии системный характер, вооружить ее надежным современным методологическим и технологическим инструментарием.

Если исторический материализм без всяких оговорок был объявлен знанием партийным, иными словами, выражал интересы правящей партократии, то социология с самого начала своего возникновения была наукой объективной и, следовательно, внепартийной. Чтобы избежать обвинений во внепартийности (и соответствующих карательных санкций), социологи выдвинули концепцию *трех функций* социальной науки, определив их как идеологическую, собственно научную и практическую. Согласно этой концепции, социология как наука подобна физике, химии и др. Так же, как корпус естественных наук, она дает объективное знание о таких явлениях, как общество, о происходящих в нем процессах. Но как любое другое научное знание, она может выполнять и идеологическую функцию, например, обосновывать (отрицать) правомочность существующего государственного режима. Поэтому на практике от позиции конкретного ученого или научного коллектива во многом зависело,

¹ Там же.

во благо или во зло для общества и человека может быть использовано социологическое знание. Отечественными учеными был сделан вывод: *«Социологическое знание может оказаться страшнее атомной и водородной бомбы, если оно будет использоваться как средство манипуляции людьми, как средство разрушения социальных связей и как средство, направленное на нравственную, психологическую и физическую деградацию человека»*. Социологи сразу же выступили против использования социологического знания в целях превращения людей в манкуртов. К сожалению, предупреждение было проигнорировано властью в период «демократических» преобразований в России. В результате, верховная власть в стране оказалась в руках узкого круга лиц, которые осуществляли ее исключительно в интересах личного обогащения. Народ стал их заложником¹.

Согласно теории исторического материализма, с обобществлением собственности и ликвидацией антагонистических классов автоматически исчезают социальные корни антисоциальных явлений или антисоциального поведения. Очевидный факт сохранения этих явлений и поведения в Советском Союзе объяснялся действием так называемого закона отставания сознания людей от их общественного бытия. Сами же они рассматривались не иначе как пережитки капитализма. Апологетическая суть этой мифологемы сейчас не вызывает сомнений. Исследования социологов опровергли этот псевдотезис. Антисоциальные явления и антисоциальное поведение *социально обусловлены*. И эта обусловленность определяется как социальным бытием, так и социальным взаимодействием индивидов в различных социальных группах. Кроме того, существует и генетическая предрасположенность конкретного индивида к тем или иным формам поведения, которые мотивируются или стимулируются двумя вышеназванными факторами. Отсюда вновь встает вопрос о *социальной ответственности* властных структур за сконструированное ими социальное бытие и институциональные формы социального взаимодействия индивидов.

Социологи, по крайней мере большая часть из них, не отвергли гуманистические идеалы коммунизма, как известно, в определенных аспектах совпадающие с идеалами христианства². Но они опровергли утверждения марксизма-ленинизма о том, что эти идеалы будут воплощены в реальность вследствие действия так называемых объективных законов общественного развития, которым в социальной филосо-

¹ *Примаков Е.М.* Минное поле политики, М., 2006, С. 335–336.

² *Джонсон Х.* Христианство и коммунизм. М., 1957.

фии марксизма придавался фаталистический, мистический характер. Общечеловеческие гуманистические идеалы, социальные ценности христианства, традиции и обычаи русского и братских ему народов огромной страны были трансформированы советской властью в социальные цели, достижение или реализация которых возможны лишь на основе социалистического планирования. В это же время советскими социологами впервые в истории социологической науки была создана система показателей социального развития и планирования, которая должна была стать базой *социального конструирования* советского общества с гуманистических позиций¹. С точки зрения плюралистической в идейном плане современности курьезом выглядит тот факт, что такие понятия и методы, как гипотеза, наблюдение, социальный эксперимент, опросы и многие другие в период господства партократии были изъяты из арсенала социальных наук как не соответствующие методологии исторического материализма. Позже социологам вновь пришлось возвращать их в науку.

Проведение социологических исследований потребовало введения ряда новых понятий, т.е. практически создания собственного языка социологии. Первые попытки такого рода вызвали бурную негативную реакцию со стороны философов.

Социологами впервые в отечественной науке на высоком профессиональном уровне были разработаны *статистические методы* анализа информации, методы выборки и измерения в социологии². Был выдвинут тезис о математической верификации социальных концепций и теорий, который также полностью отвергался философами и партократами.

Постепенно стали складываться основополагающие контуры *общей социологической теории*. Исходным теоретическим положением социальной философии марксизма — исторического материализма является тезис: «общественное бытие определяет общественное сознание» и «общественное бытие — первично, сознание — вторично». Социологическая наука обосновала диаметрально противоположный тезис.

¹ Социальные исследования: построение и сравнение показателей. М., 1978; Исследования построения показателей социального развития и планирования. М., 1979; Показатели социального развития и планирования. М., 1980.

² Маслов П.П. Социология и статистика. М., 1967. Количественные методы в социальных исследованиях. М., 1968. Измерение и моделирование в социологии. Наука, Новосибирск, 1969; Осипов Г.В., Андреев Э.П. Методы измерения в социологии. М., Наука, 1977; Статистические методы анализа информации в социологических исследованиях. М., 1979 (второе издание), изд. первое — 1967; Математические методы в социологическом исследовании. М., Наука, 1981; и др.

Произошло кардинальное смещение координат приоритетности естественно-исторической теории общества (теории исторического материализма) в сторону *социально-исторической теории* общества (общей социологической теории), согласно которой определяющее влияние на развитие общества оказывают социальная деятельность, человеческий потенциал. Согласно общей социологической теории, социальное бытие и социальная структура, будучи главенствующими факторами в содержании и характере социального поведения и социальной деятельности людей, являются, в свою очередь, результатом деятельности конкретных личностей и возглавляемых ими групп или партий. Поэтому совокупность данностей общества (хороших или плохих) — это не результат действия каких-то фатальных или мистических законов, систематизированных в учении исторического материализма, а следствие усилий вполне конкретных личностей, которые должны нести социальную (вплоть до уголовной) *ответственность* за свои социальные действия, социальные, политические, экономические и прочие последствия этих действий. Одним словом, людей, входящих в различные властные структуры, надо, по словам К.Маркса, в свою очередь воспитывать, т.е. прививать им привычку управлять обществом и социальными отношениями людей с позиций науки гуманизма и социальной ответственности.

Такие выводы социологической науки коренным образом противоречили теории и практике властных структур Советского Союза. Субъективизм, волюнтаризм, мифотворчество, являющиеся стержнем партюкратической власти, оказались несовместимыми с основополагающими принципами социологии. Власть в создавшейся ситуации скорее была готова пойти на уничтожение социологической науки, но ни в коем случае не отвечать за негативные последствия своей социальной деятельности, доказательно вскрытые социологией.

Решение теоретико-методологических проблем социологического знания, обобщение опыта проведенных социологами 1960-х годов социологических исследований способствовали написанию первых учебников по социологии, специальных научных трудов по различным областям социологического знания. Это позволило сделать некоторые выводы.

Общество — это не объективная (согласно интерпретации исторического материализма), а объективно-субъективная реальность. Человек, в широком понимании этого слова, — продукт общества как социальной системы, включающей сложное взаимодействие различных факторов — от экономических до психологических. В свою очередь,

общество — это результат действий личностей, включенных в самых различных социальных формах в общественный процесс. В зависимости от того, какими ценностями руководствуется человек — научными, религиозными, мифологическими, криминальными, философскими, идеологическими, нравственными и др., осуществляя свои социальные действия, таким получается и данное общество. Именно в процессе социальной деятельности личностей, а не в результате действия мистических или фатальных сил, развивается и функционирует данное общество. Взаимодействие порой прямо противоположных личных интересов, партийных пристрастий и групповых целей, в конечном счете, приводит к тому, что складывается малоэффективная и рискованная политическая и социально-экономическая система, к которой никто не стремился и которой никто не хотел. Следствием являются постоянные конфликтные ситуации, социальные и другие кризисы, нарушающие стабильность и равновесие данной общественной системы. Для того, чтобы социальные действия людей осуществлялись целенаправленно, необходима в каждом конкретном случае их корректировка с использованием всех имеющихся средств государственного воздействия в соответствии со стратегической программой развития России, отвечающей национальным интересам и социально-историческим традициям народов нашего Отечества.

Специфика социологии как науки об обществе заключается в том, что она: а) разрабатывает общую социологическую теорию, которая позволяет понять общество как единую объективно-субъективную социальную систему; б) акцентирует внимание на социальных или асоциальных действиях личностей; в) анализирует и оценивает последствия этих действий в человеческом измерении с позиций не среднестатистического, а конкретного человека и укрепления социальных связей; г) ставит вопрос о социальной ответственности людей, совершающих те или иные социальные действия или принимающих те или иные решения. *Социология, в данном понимании, это наука об общих и специфических социальных законах и закономерностях развития и функционирования исторически сложившихся социальных систем, о механизмах и формах проявления этих законов в деятельности личностей, социальных групп, классов, народов, социальной ответственности властных структур и личностей за социальные последствия совершаемых действий.*

Российскими социологами выявлены особенности социологического знания, рассматривающего общество как единый социальный организм. Проведено разграничение между предметом и объектом социологиче-

ского знания. Объект социологического знания, социологического исследования — это окружающая, не зависящая от нас социальная реальность. Предмет социологического знания — это социальный аспект данного объекта, свойства, стороны данного объекта. Определение объекта и предмета социологического знания необходимо для проведения, составления научной программы социологического исследования.

Введено понятие социального закона и определены механизмы функционирования социальных законов. Социальные законы выражают сущностную связь социальных явлений и процессов, выступают законами социальной деятельности людей или их собственных социальных действий.

Исследование процессов трансформации привело к выводу о том, что изменение общественных отношений, их перестройка возможны лишь тогда, когда люди, уверенные в возможности реализации стоящих перед ними конкретных социальных целей, сознательно включаются в процесс изменения этих отношений. Если обновление общества не затрагивает психологии и сознания людей, если оно ограничивается только структурными реформами или перестройкой хозяйственного механизма без учета социальных качеств людей, то оно никогда не сможет дать значительных позитивных результатов. Исходным пунктом любой социальной трансформации являются люди и условия, позволяющие реализовать их потенциальные возможности, проявить их способности и устремления.

Особенности системы (экономической или социальной) заключаются в том, что она обычно апеллирует к тем социальным качествам человека, которые общи или сходны у всех членов системы, игнорируя при этом тот факт, что действующие в системе личности являются, прежде всего, индивидуальностями, и что их индивидуальность есть высшее благо общества, оказывающее решающее влияние на содержание, характер и направленность их социальной деятельности и социального поведения.

И задача социологии как науки в современных условиях заключается в том, чтобы не только установить в количественной форме, в какой степени создаваемые человеком структуры, организационные и правовые формы учитывают его потребности и интересы, но и способствовать проявлению индивидуальности человеческой личности, практической реализации ее знаний, способностей и творческих задатков.

Социальные системы, зависящие от индивидуальных социальных качеств личностей, их создающих и в них участвующих, как бы совершенны они ни были, всегда содержат множество элементов несоответствия

этих качеств требованиям системы. Причины дисфункциональных расстройств систем чаще коренятся в личностных факторах этого несоответствия, чем в чисто системных элементах. Отсюда следует вывод, что устранение этих дисфункциональных расстройств и достижение наибольшей эффективности функционирующих систем требуют научно обоснованного согласования, соответствия между объективными требованиями системы и социальными качествами действующих личностей. Иными словами, требуется преодоление явлений, вытекающих из деиндивидуализации действующих личностей.

Несовместимость социологии с мифологической практикой

На различных временных этапах применительно к советскому, а затем и к российскому обществу социологами выдвигались конструктивные идеи и концепции, обосновывающие необходимость его реформирования на принципах гуманизма.

В первую очередь был поставлен вопрос о необходимости научного анализа социальных и иных последствий для человека и общества социально значимых решений, принимаемых государством и компартией (которая практически управляла государством). Речь шла о *социальном конструировании на основе научного знания* оперативной и перспективной политики государства. Иными словами, о переходе к *обществу знания*.

Исследуя различные стороны жизнедеятельности советского общества, социологи пришли к выводам:

1) что существующая система тотального государственного обобществления и государственного планирования пришла в резкое противоречие с интересами конкретных людей, является тормозом для повышения уровня и качества их жизни. В этой связи ими сделаны выводы:

а) о необходимости исключения из системы государственного планирования сферы бытового обслуживания и торговли и передачи этих сфер малому и среднему предпринимательству;

б) о всемерном использовании закона стоимости¹;

2) что существующая система среднестатистических показателей национального дохода, вала и уровня жизни фальсифицирует реальную действительность. В этой связи социологами:

а) стали исследоваться реальные показатели и индикаторы социальной и социально-политической ситуации;

¹ Эти идеи были поддержаны Председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным, но отклонены решением Политбюро КПСС.

б) были введены научно обоснованные показатели качества жизни, разработаны методики их применения;

в) определены пути перехода в области исследования социального положения от среднестатистического человека к человеку реальному;

г) созданы реальные системы учета социальных изменений (позитивных или негативных), отвечающих или не отвечающих интересам конкретного человека и общества, методике их применения¹;

3) что сложилась система значительного социального и материального неравенства различных групп граждан. Социальное расслоение стало угрожать единству советского общества. Резкое ухудшение материально-духовных условий жизни значительной части населения усиливает социальную напряженность в обществе, которая в кризисной ситуации может быть использована в подрывных, антисоветских целях экстремистами, националистическими группами, а также агентами влияния. По этим вопросам был подготовлен и представлен в ЦК КПСС специальный материал;

4) что реальная социальная наука подменяется социальным утопизмом и мифотворчеством, что лозунги, которые провозглашаются очередными съездами КПСС, например: «Экономика должна быть экономной», «Превратим Москву в образцовый коммунистический город» и подобные им, компрометируют саму государственную власть и ее политику.

В очередной раз социологи Советского Союза призвали властные структуры нести социальную ответственность за свои социальные действия и их последствия. Ведь создавая те или иные социально-политические ситуации, ту или иную социальную реальность, власть не просто затрагивает интересы миллионов людей, но порождает, формирует те или иные формы и типы гражданского социального поведения.

Вместо заключения

В XXI век человечество вошло с большим «грузом» проблем, от решения которых зависит его будущее. Эти проблемы возникли не случайно. Они есть результат непродуманных, дилетантских, лоббистских и других решений, диктуемых, таким образом, потребителям рынка и интересами узких групп людей, как по отношению к природе, так и человеческому обществу. Возможно вследствие этого появление новых геополитических реалий, стихийное развитие которых может иметь непредсказуемые глобальные последствия.

¹ См. Стандартизация показателей в социологическом исследовании. М., 1981; Показатели и индикаторы социальных изменений. М., 1995 и др.

Осмысление этих реалий, их научный анализ, предотвращение их последствий для общества возможны только с позиций социологии и смежных с ней наук. Именно поэтому XXI век провозглашен ЮНЕСКО веком социальных наук. По научно-техническому, естественнонаучному, социальному и социально-экономическому содержанию XXI век будет качественно отличаться от предыдущего века.

На рубеже XX–XXI веков сложился ряд взаимосвязанных процессов, объединяющих индивидов, группы, сообщества, государства, рынки, корпорации, национальные правительства и неправительственные организации в сложные сплетения социальных отношений, стала разрастаться сеть всемирной взаимозависимости. Сформировались транснациональные (ТНК) и мультинациональные корпорации (МНК), которые организуют сети глобального производства и распределения, представляющие интересы развитых государств. Их сотни тысяч, они контролируют 70% мировой торговли и 30% мирового производства.

Глобализация экономики породила ряд негативных социальных реалий, наличие которых социология не может обойти молчанием. Произошло и продолжает расти резкое расслоение стран и регионов по количеству потребляемого сырья. Например, потребление нефти на одного среднестатистического человека Земли составляет 554 кг, в Канаде — 2415 кг, Заире — 210 кг, а в Индии — 62 кг, Эфиопии — 14 кг; 43% добываемых редких металлов расходуется в Японии, 36% — в США. Если бы 90% населения Земли приблизились по уровню потребления к США, то добычу сырья на планете пришлось бы увеличить в сотни раз, и весь сырьевой ресурс Земли был бы исчерпан в течение двух-трех десятилетий.

Обозначенное выше противоречие усугубляется демографическим кризисом, продолжающейся демографической экспансией человека на планете. Если еще 10 лет назад население Земли составляло 5,6 млрд человек, то сегодня — примерно 7 млрд, а к 2030 г. оно достигнет, по имеющимся прогнозам, 10 млрд человек. Экстремальный рост народонаселения планеты происходит, главным образом, за счет развивающихся стран, тогда как население развитых стран неуклонно стареет и сокращается. Такое положение дел стимулирует неконтролируемую миграцию, все более активное «перетекание» трудовых ресурсов из стран «третьего мира» в устоявшиеся социально-этнические сообщества Европы и Северной Америки, что, в свою очередь, чревато разрастанием серьезных этнических, конфессиональных, цивилизационных конфликтов. Наряду с этим в мире сложилась тенденция резкого роста и распространения ан-

тисоциальных явлений, заметно проявление идеологии расизма, в чем, кстати, повинны и некоторые социологи.

Наряду с негативными все отчетливее проявляется ряд позитивных социальных тенденций, требующих социологического осмысления. Снижается значение традиционных (технократических) технологий и возрастает роль технологий новых — информационных, социальных, интеллектуальных. Определяющими факторами мирового развития становятся человеческий потенциал, социальный капитал, научные знания. Все большую роль в управлении всех уровней приобретают технологии, активно использующие научные знания.

Идеология эконоцентризма и технологического детерминизма, прагматизма и крайнего индивидуализма отжила свой век; на смену ей приходит идеология *антропоцентризма* в качественно новом ее понимании; реальный социальный мир предстает в *человеческом измерении*; экономика и техника являются средством, а человек, его материальное, физическое и нравственное состояние, возможность проявить свою индивидуальность становятся *основным социальным индикатором* прогрессивности или реактивности всех явлений и процессов современного мира.

Отсюда вытекает определяющая роль социальных наук в современном мире и, в первую очередь, социологии, изучающей человека как социальное существо с помощью научного метода. От физических и биологических наук социальные науки отличает именно концентрация внимания на человеке как члене общества и создаваемых им группах и обществах.

Рассмотрим основополагающие моменты отношений российского общества и социологии. Основная задача российского общества с социологической точки зрения — это преодоление антагонистического противоречия между *реальными возможностями страны, как единственной самодостаточной страны мира, у которой наличествует мощный арсенал средств их реализации, и крайне низким, оскорбительным и унижительным уровнем и качеством жизни народа.*

Важнейшими инструментами преодоления этого противоречия — иных пока не изобретено — выступают *социально и национально ориентированные государство и рынок.*

Практика и теория отечественной социологической науки позволяют сделать вывод, что государственные решения, которые на первый взгляд или согласно здравому смыслу должны были бы иметь позитивный социальный эффект, часто в процессе реализации приводят к явно выраженным негативным последствиям для человека и общества. Речь не идет о тех решениях, которые, в результате лоббирования, принимаются госу-

дарственными органами России в интересах определенных социальных групп и личностей, и явно или латентно направлены на ущемление интересов значительной части народа России. Имеются в виду те не подержанные должными усилиями властных структур решения, о которых уже сложилась печальная поговорка: «Хотели как лучше, а получилось, как всегда». Отсюда проистекает не только *отчуждение* народа от государства, но и отношение народа к государству как чуждой, если не враждебной ему внешней силе.

История не имеет смысла, смысл имеют социальные *действия личностей*, включенных в различные социальные общности и преследующих различные цели, способствующих (или не способствующих) принятию социально значимых для человека и общества решений. И постичь этот смысл можно главным образом с позиций социологии, социальной психологии и других социальных наук, которые способны понять мотивацию социальной деятельности личности, особенно включенных в систему государственного управления и дать анализ возможных последствий их деятельности для человека и общества. Речь в этом случае идет о *социальной ответственности* лиц и групп лиц, принимающих социально значимые решения.

Остановимся на важнейшей традиции русской социальной мысли различать в социальном познании истину, не только как научно обоснованное соответствие суждений фактам, но и отношение к ним с позиций добра или зла. Истина, не связанная с добром (в частности, справедливостью) — это, на мой взгляд, ущербная истина. Именно в социальной деятельности «мир дан человеку в единстве реального и должного, не только в его сопричастности реальному, но и в ответственности за переход настоящего в будущее». Сочетание истинной и ценностно-нормативной оценки знания воплощено в категории «правда».

В свое время Фрэнсис Бэкон в труде «Новый органон» выделил четыре класса факторов, порабощающих обыденное сознание человека. Он назвал их идолами. Это «идолы рода», «идолы пещеры», «идолы рыночной площади» и «идолы театра». Исходя из анализа современных идеологических реалий арсенал «идолов» можно пополнить. В первую очередь — это «идолы вербализма», когда культ слова, власть слова приводят к извращению и уничтожению живого и реального смысла вещей (демократия). И еще «идолы фразеологии», когда анализ сложнейших социальных, экономических процессов заменяется броскими фразами («все, что находится на территории России, принадлежит России», «разрешено все, что не запрещено законом», «налог на роскошь» и т.д.). Но реализация этих фраз имеет последствия. Материальные и духовные. Кто

все это подсчитал? На основе тех или иных фраз складываются предрассудки, которые повторяются политиками, публицистами, журналистами, телеведущими и представляют риторическую основу воздействия на содержание и характер обыденного сознания, и формирование на его основе общественного мнения. Вступая в противоречие с действительностью, «вербалистика» и «фразеология», порождают у человека неуверенность не только в своем будущем, но и в смысле своей собственной деятельности, в целом к жизни.

Социологические исследования подтвердили гипотезу Е. Чазова, высказанную в 2001 г. о том, что демографическая ситуация имеет социальную и социально-психологическую обусловленность и проистекает из нейропсихологической напряженности, связанной с низкой оценкой социальных перспектив, безысходностью социально-экономического положения, отсутствием путей для желаемой реализации своего человеческого потенциала. Эффект негативного социального напряжения подобен эффекту тяжелой депрессии, при которой ценность жизни утрачивается.

Нельзя ожидать ничего путного от людей, живущих в обществе социальной неопределенности и риска. Общая социальная атмосфера откладывает четкий отпечаток на характер и содержание деятельности людей, их социальных действий.

Социология и государственность. Социологи, отстаивающие национальные интересы России, продолжают вскрывать причины социальных взрывов и конфликтов методами научного анализа, практически доказывая, что *без введения социологии в систему научного управления российским обществом страна обречена и впредь, раз за разом, переживать досадные, дорого обходящиеся людям ошибки и упущения.*

Речь идет не о социологии как придворной служанке власти, а как о независимой научной дисциплине, стоящей на страже национальных интересов российского общества, российского народа, социально и национально ориентированного правового государства. Речь идет о том, чтобы социологическая наука внесла свой достойный вклад в укрепление российской государственности на основе цивилизованной (а не силовой или штыковой) демократии, безоговорочно признающей верховенство закона, уважающей волеизъявление народа, такой демократии, которая опирается на политическую свободу.

Метод проб и ошибок нанес Великой стране и ее народу огромный демографический, материальный и духовно-нравственный ущерб, намного превосходящий потери в Великой Отечественной войне. Он должен быть исключен из социальной и политической практики.

А. Г. Здравомыслов

Российская социология в пространстве мировой культуры

Культурные предпосылки социологического мышления

Вопрос о культурных предпосылках социологического мышления рассматривается в современной социологической литературе как в теоретических, так и в историко-социологических исследованиях. Как правило, этот вопрос ставится в весьма общей форме. Задача настоящего проекта состояла в том, чтобы максимально конкретизировать саму постановку вопроса путем намеченного сопоставления состояния культуры социологического мышления в пяти странах: США, Великобритании, Франции, Германии и России. Нет нужды специально обосновывать выбор этих стран. Можно сказать, что этот выбор постулируется.

Начнем рассмотрение вопроса со Смелзера, который достаточно четко фиксирует эту проблему в зиммелевских лекциях. Во второй главе, посвященной проблемам *мезосоциологии*, Смелзер констатирует: «Мы — социальные ученые — по-видимому, запрограммированы на то, чтобы при рассмотрении взаимоотношений различных аналитических уровней друг к другу (речь идет о микро-, мезо-, макро- и глобальном уровнях социологического анализа — А.З.) быть предрасположенными (biased) определенным образом: это предрасположенность к методологическому индивидуализму. Мы живем в рамках западной культурной традиции, которая опирается на культурные ценности индивидуализма. Воспитанные в этой традиции, мы предрасположены к тому, чтобы рассматривать отдельную личность в качестве отправной точки анализа. Иными словами, культурная традиция склоняет нас к тому, что естественной единицей (natural unit) в поведенческих и социальных науках является индивидуум. Эта же склонность препятствует неформальным образом признанию других уровней социальной организации в качестве столь же естественных» [1].

Это высказывание примечательно во многих отношениях. Прежде всего, в нем в общей форме признается влияние культурной традиции на варианты социального мышления. Во-вторых, в данном случае говорится о западной культурной традиции, регион действия которой не определен. Возможно, что сфера ее влияния определяется несколько-

ми странами западноевропейской культуры, при этом неясно, как обстоит дело с Восточной Европой и Россией, и входят ли представители японской и китайской социологии в обозначенную сферу влияния? Далее, Смелзер утверждает, что западная культурная традиция опирается на культурные ценности индивидуализма. Эта постановка вопроса вызывает большие сомнения. Прежде всего, следует признать, что индивидуалистическая установка является доминирующей в рамках англо-саксонской культуры. Что касается социологии в Германии и Франции, то далеко не всегда она была преобладающей. Тезис о преобладающей роли индивидуализма в западной или даже только в американской культуре может быть оспорен. Этому тезису противостоят определения социологии как теории социальных отношений (Великобритания), теории социального пространства П. Бурдьё или коммуникативной социологии Ю. Хабермаса. В одной из своих последних работ американский социолог Р. Коллинз избирает в качестве отправного пункта при анализе цепей ритуального взаимодействия *«ситуацию в большей мере, нежели индивидуума»*. При обосновании разработанной им теории «радикальной микросоциологии», он прямо утверждает, что взгляд на мир сквозь призму индивидуума как социального актора несостоятелен. *«Этот способ восприятия мира представляет собою результат специфических религиозных, политических и культурных традиций ближайших столетий. Это некая идеологическая установка относительно того, как надо смотреть на самих себя и на других, составляющая общепринятой идиомы, аналитически отнюдь не самая полезная в качестве отправного пункта микросоциологии»* (курсив мой — А.З.) [2].

Идеологическая (методологическая) установка, состоящая в восприятии индивидуума в качестве естественной исходной единицы в социологии, предполагает определенное развертывание социологии как дисциплины — от индивида к различным формам группового взаимодействия, к социальным институтам и, наконец, к макрообщности. Культуры, ориентированные на коллективность, будут предполагать иные способы развертывания этого же предмета. Вопрос о доминировании индивидуалистической или коллективистской культурной традиции возникает и в связи с интерпретацией специфики социологического знания в европейских странах. О. Конт рассматривал созданное им детище как высшую точку прогресса общественной мысли. В историко-социологической литературе имеют место и иные точки зрения. Известный американский историк социологии Р. Нисбет утверждает, что «социология является следствием интел-

лектуального течения, порожденного *историческими потрясениями*» (курсив мой — А.З.). Нисбет считает, что «социология появляется на почве традиционалистской и романтической реакции на Великую Французскую революцию — реакции, тесно связанной с философией эпохи Просвещения» [3].

Обративший внимание на различие основных подходов к социологии как предприятию науки французский социолог Р. Будон, подчеркивает, что положение Нисбета «приложимо лишь к французской социологической традиции (Конт, Дюркгейм). Что же касается немецкой (Вебер, Зиммель), итальянской (Парето, Моска), американской (Парсонс, Мертон) традиций, а также той части французской традиции, которая не подпала под влияние Конта (Токвиль), то в них, напротив, заметна постоянная соотнесенность с индивидуалистической методологией, берущей свое начало в эпохе Просвещения» [4].

Заметим, что противостояние «индивидуалистических и коллективистских подходов» наблюдается не только в рамках французской традиции, но и в рамках немецкой (Маркс contra Вебер), итальянской (Лабриола и Грамши contra Парето), американской (Коллинз contra Смелзер), не говоря уже о традициях социального мышления в России.

Обратим внимание и на то, как рассматривает этот вопрос вполне сопоставимый со Смелзером французский социолог П. Бурдьё [5]. Он констатирует: «господствующие традиции у каждой нации могут придавать противоположные значения крайним точкам одних и тех же оппозиций». Он настаивает на необходимости рационального диалога между европейскими культурами, который предполагает «осознание и понимание разных национальных полей, поскольку искажения текстов тем вероятнее, чем меньше знание контекста создания текста». «Различия между историческими традициями столь велики, — предупреждает этот автор, — что применение к иностранному культурному продукту категорий восприятия и оценки, усвоенных в результате нахождения в национальном поле, может создать ложные оппозиции между похожими вещами и ложные сходства между разными вещами». Бурдьё обращает внимание на факт борьбы за доминирование определенных принципов мышления в сфере культуры, а, следовательно, и за интерпретацию социальной реальности и поясняет свою мысль с помощью следующего примера. В современной европейской истории противостояние интерпретаций основывается на двух оппонирующих друг другу принципах. В первом случае речь идет о «*примате национальной культуры, глубины, философии и т. п.*», во втором — утверж-

дается «*примат цивилизации, ясности, литературы*». Нетрудно заметить, что противопоставление культуры и цивилизации, глубины и ясности, философии и литературы означает противопоставление немецкой и французской традиций. С одной стороны, мы имеем социологию, опирающуюся на классику немецкой философской мысли, основанную на трудах Канта и Гегеля, а с другой стороны, на социологию, опирающуюся на блестящие образцы французской социальной мысли в лице Декарта, Паскаля, авторов французского Просвещения, таких представителей французской литературы как Стендаль и Бальзак и их современники [6]. Разумеется, названные принципы можно рассматривать и в качестве дополняющих друг друга, но Бурдьё в данном случае, имея в виду интеграционные процессы европейского масштаба, отдает себе отчет в том, что преобладание той или иной системы принципов социального мышления обеспечивает создание механизмов доминирования в общеевропейских структурах разного уровня.

Различение в культурных навыках социального мышления, отмеченное Бурдьё, оказывается далеко не единственным хотя бы потому, что и та, и другая комбинации принципов объединяются принадлежностью к континентальной культуре, которая уже в ином отношении оказывается противостоящей англо-саксонской традиции.

Но в данном случае для нас важна другая сторона дела, а именно, признание того, что именно *культурная традиция* формирует определенные склонности и предубеждения в социологической исследовательской практике. Именно этот тезис заслуживает внимания и может быть развернут на основе *выявления специфики ценностного содержания национальных культур*. Так, М. Крозье полагает, что «чисто французские культурные традиции задают определенный стиль поведения: в случае возникновения «проблем» в функционировании какой-либо организации каждый стремится по-своему приспособиться к ситуации, не пытаясь прибегнуть к совместным действиям... В какой-то мере это объясняет специфику социальных изменений, свойственных Франции. Этот процесс принимает форму длительных периодов застоя с последующим вступлением в фазу кризиса» [7].

Три определения культуры

Обнаружив признание влияния национальной культуры на способы социологического мышления, сделаем следующий шаг анализа и выделим **три аспекта**, наиболее важные для выявления ценностного содержания культуры.

Первый состоит в рассмотрении культуры как *определенной целостности*, не столько формирующей, сколько резюмирующей характер социального мышления и социальных эмоций в данной стране в его соотношении с социальным мышлением, свойственным иным национальным традициям. Этот уровень привлекает ныне всеобщее внимание, поскольку апелляция к национальным интересам становится общим местом в современном политическом дискурсе. В историко-социологической литературе достаточно часто наблюдаются различия между терминами «национальная социология» и «социология в данной стране» [8].

Второй уровень определяется таким пониманием социологии, которое воспринимает ее как ответ на *исторические потрясения*, специфически воздействующие на все содержание национальной культуры и, естественно, на характер социального мышления данной нации. Этот уровень аналитического рассмотрения проблемы связан с выявлением роли социально-культурной травмы и формированием травмированного массового сознания. В современной социологии мы находим новое направление, ориентированное на исследования этой проблематики. Оно получило название «культурной социологии» [9] (в отличие от социологии культуры). Понятие культурной или социально-культурной травмы, выдвинутое в современной социологической литературе, позволяет подойти к анализу реальности гораздо более основательно, чем, например, идея противоречия. Травма есть переживаемая боль — сильное побуждение к действию, характер которого иррационален. Травмы возникают как следствия поражений, несбывшихся надежд, резкого изменения привычного социального пространства, как память об утратах. Они становятся массовыми, и в тех случаях, когда источник боли не находит рационального объяснения и методов избавления, они приводят к деградации волевого начала, к стихийной трансформации всей структуры общественных отношений.

Третий уровень и, соответственно, третий способ в выявлении внутренней структуры ценностного содержания национальной культуры, сопряжен с политическими, социальными, экономическими и культурными дифференциациями внутри данной культурной целостности. Этот уровень не поддается единой генерализирующей верификации. В конце концов, он предполагает персонафикацию социологической проблематики, в ходе которой может быть выявлено не только влияние культуры на конструирование социологической теории, но включение социологического творчества в культурный процесс.

Культура как целостность и предлагаемый схематизм

Остановимся вначале на первом уровне. Здесь речь идет о сопоставлении национальных культур именно как самодостаточных целостностей. При этом соответствующие национальные характеры, терминологически преобразованные в аналогичные «ментальности» или «менталитеты» рассматриваются подчас в качестве последних оснований мотивации социального действия, обнаруживающегося в некотором локальном измерении. Эта методологическая конструкция: «национальная культура» — «структуры национального мышления» — «национальные характеры» — «менталитеты и ментальности» — «варианты социального действия» представляет собою в современных условиях неизбежный ход объяснительных рассуждений постольку, поскольку национальные общности и национальные культуры — как минимум в своем языковом разнообразии — существуют в качестве социальной реальности. Они существуют как на макроуровне, так и на микроуровне. Их существование воспроизводится как в идеологических формулах относительно национальных интересов, так и в ритуалах интеракции, вплетающихся в повседневную жизнь каждого индивида (примером могут служить брачные предпочтения).

Оставаясь в пределах первого уровня, можно было бы предложить в качестве предварительной объяснительной гипотезы общекультурных воздействий на формирование социального мышления следующую схему распределения ценностно-значимых характеристик, которые могут служить кодами в пространстве культурного взаимодействия. В выстраивании этих кодов мы намеревались выделить по пяти значимых характеристик для каждой национальной культуры, при этом пытались избежать «негативных характеристик», которые функционируют в массовых представлениях о «других». В этих характеристиках как бы резюмируется позитивный опыт социального мышления, который представляется в качестве фундаментальных ценностей, работающих на перспективу, охраняющих культурное своеобразие данной нации самыми многообразными способами, среди которых преобладающие личностные характеристики, определенные нормы мыслительной деятельности, восприятие властных структур, ориентации на традиции и стремление к инновациям. Разумеется, мы не претендуем здесь ни на завершенность предлагаемой схемы, ни на эмпирическую обоснованность каждой из систем. Скорее, это материал к размышлению, открытый для критики (см. табл. 1).

Таблица 1. Культурные коды пяти сравниваемых стран
(как ориентиры взаимопонимания)

<p><i>Франция</i></p> <p>Приоритет политического мышления. Ясность и логика. Просвещение. Элитарность. Разнообразие.</p>	<p><i>Великобритания</i></p> <p>Неприкосновенность личности. Самоуправление. Эмпиризм. Понимание границ власти. Терпимость.</p>	<p><i>Германия</i></p> <p>Порядок. Приоритет философии. «Конституционный патриотизм». Упорство. Вытеснение прошлого.</p>
<p><i>США</i></p> <p>Прагматизм. Патриотизм. Набожность. Достижимость. Мультикультурализм.</p>	<p><i>Россия</i></p> <p>Восприятие власти как отчужденного начала. Эмоциональность. Обучаемость. Креативность. Сопротивляемость угрозам извне.</p>	

Обозначенные выше признаки, достаточно часто используемые в объяснительных моделях «национальных характеров», в свою очередь включаются в объяснения существенных событий социальной жизни.

Подчеркнем, что это гипотетические характеристики, которые нуждаются в обсуждении и эмпирической проверке. Вместе с тем, этот способ рассмотрения проблем весьма распространен как на уровне обыденного сознания, так и на уровне сложных теоретических построений. И он приобретает тем большее распространение, чем более напряженной и конфликтной является ситуация, предполагающая объяснение. Это объясняется тем, что у всех людей имеются этнические установки, которые закладываются вместе с освоением речи и первоначальными нормами социализации [10]. Идеи национально-этнической детерминации социальных событий и процессов, отношений между людьми, социальными группами и государствами прямо-таки ложатся на почву «естественного» противопоставления «нас» и «их». И все же, как уже было сказано, очерченный уровень анализа оказывается несостоятельным в том случае, если

игнорируется следующий аналитический пласт. На более глубоком уровне рассмотрение национальной культуры исходит из идеи ее процессуальности. В этом случае культура рассматривается не в качестве единой ценностной доминанты, а в качестве *противоречивого процесса ценностного воспроизводства, включающего в себя борьбу и противоборство не только между национальным и интернациональным определениями социальной реальности, но и многочисленные коллизии в рамках собственно национальных традиций*. События политической жизни страны приобретают ценностное содержание, поскольку они, будучи переработаны «культурой», становятся пунктами объединения и расхождения интересов и ценностных установок, моментами совпадения и несовпадения социальных чувств, групповых и личностных диспозиций, причинами возникновения противоположных мотиваций во вновь и вновь возникающих конфликтах и противодействиях. С этой точки зрения тезис о реальности бытия национальных культур верен, но... недостаточен! Национальная культура — верхний слой социальной реальности, оболочка сложного взаимодействия разнонаправленных социальных процессов. Тем более проблематичным было бы стремление вывести и социальное мышление как некоторую обобщенную характеристику, и социологию прямо из этого верхнего слоя.

Следует также принять во внимание, что культура данного общества включает в себя разнообразные способы реагирования на травмирующие события. Так, российское культурное пространство существует не только в форме исторического знания, но и в форме литературы, поэзии, музыки, живописи, осмысления всей совокупности травмирующих событий российской истории, действующих с исключительно длительным эффектом, приводящим к обогащению национального самосознания. Аналогичные процессы развертывались и во всех иных культурных пространствах. Приведенная выше схема очерчивает некую совокупность характеристик, не являющихся исключительными для своей собственной культуры, лишь комбинация характеристик раскрывает культурное своеобразие общества. Сама схема лишь иллюстрирует способы мышления, которые складываются на основе абстрактного культурологического подхода. Но этот подход фиксируется в массовом сознании, используется в практике повседневного общения в силу того, что у культурного представителя той или иной нации непременно складываются образы не только своей, но и иных наций — их национального самосознания.

Процессуальное понимание культуры и идея культурно-исторической травмы

Несколько иная картина получится в том случае, когда мы введем понятие социально-культурной травмы и включим это понятие в ту же самую схему культурных пространств (см. табл. 2).

Таблица 2. Травмирующие события пяти сравниваемых стран

<p style="text-align: center;"><i>Франция</i></p> <p>Экономический кризис 1930–1938 гг. Странная война 1939–1940 гг. Компьенский мир. Оккупация Франции. Раскол нации как следствие политики государственного коллаборационизма правительства Виши. Война во Вьетнаме и в Алжире и утрата статуса колониальной державы.</p>	<p style="text-align: center;"><i>Великобритания</i></p> <p>Вторая мировая война: — «странная война»; — Дюнкерк; — бомбардировки Лондона, Ковентри. Утрата статуса ведущей колониальной державы.</p>
<p style="text-align: center;"><i>Германия</i></p> <p>Поражение Германии в Первой мировой войне. Воспитание личности нацистского типа и передача ей власти. Развязывание Второй мировой войны Преступления против человечества: — холокост; — деятельность айнзац-команд; — Катюнь, Орадур-сюр-Гланн. Поражение под Сталинградом. Крах третьего Рейха.</p>	<p style="text-align: center;"><i>США</i></p> <p>Гражданская война 1864 г. Апартеид. «Великая депрессия». Пёрл-Харбор. Применение ядерного оружия при бомбардировках Хиросимы и Нагасаки. Война во Вьетнаме. Война в Ираке. Террористическая акция 11 сентября 2001 года.</p>
<p style="text-align: center;"><i>Россия</i></p> <p>Гражданская война 1917–1921 гг. Травма индустриализации и коллективизации. Большой террор 1937–1938 гг. Гулаг. Травма нацистского нашествия. Смерть Сталина. Распад СССР и крушение социализма. Война в Чечне.</p>	

Заметим одну из особенностей представленной таблицы. Травмирующее событие может быть результатом и эндогенного и экзогенного развития. Примером травм первого порядка являются революции и гражданские войны. Травмы второго порядка — войны между государствами и в особенности войны XX века. В гражданской войне конфликт приводит к расколу нации, и травма оказывается результатом военных действий «брата против брата и сына против отца». Жертвами оказываются обе воюющие стороны и те, кто не определился сознательно в этой войне или попытался занять «третью сторону». Преодоление травмы предполагает, что сознание новых поколений пройдет через круги ценностной конфронтации и переосмыслит новые жизненные реалии. Однако пережитый раскол в жизни общества не исчезает бесследно. Важно строить политику преодоления травмы, не допуская унижения тех, кто считал, что они боролись «за правое дело», и не превращать примирения в реванш, который, в конце концов, приводит к разрушению травмированного сознания, к состоянию «хаоса», в котором нет ориентиров и нет будущего. Гражданские войны были пережиты Францией, Соединенными Штатами, Испанией, Россией. Германия и Великобритания не переживали гражданских войн или пережили их в качестве династических противостояний, осмысленных в художественном творчестве, и именно таким образом «переработанных» в культуре. Вторая мировая война принесла травмы иного рода. Сама эта война оказалась травмирующим событием мирового масштаба.

Вместе с тем, необходимо принять во внимания, что взгляд на общество только через призму травмированного сознания, как правило, искажает общую картину рассматриваемого общества. Здоровое общество находит в себе силы к преодолению травмы не только за счет деятельности СМИ, роль которых явно преувеличена авторами теории травмы [11], но, прежде всего, с помощью иной композиции социального действия, которое создает социальную базу преодоления травматического сознания. Для иллюстрации нашей мысли приведем схему 3, в которой продемонстрирован баланс между событиями российской истории, травмирующими массовое сознание, разрушающими идентичность общества, и событиями, имеющими противоположный смысл.

Национальные школы — предварительная характеристика

Национальные социологические школы могут быть адекватно представлены лишь в контексте истории соответствующих стран. При этом важно осмыслить, как решающие события общественно-

политической истории страны стимулировали (или блокировали) социологическую мысль и задавали ей определенное направление [12]. Эта гипотеза может быть подтверждена с достаточной убедительностью при сопоставлении особенностей развития главных национальных социологических школ [13]. Можно предположить, что необходимость выхода из экономической депрессии конца 1920-х годов стала мощным стимулом развития социологии в США как раз в то время, когда формировались основные постулаты теории социального действия. Во Франции возникновение школы Э. Дюркгейма связано с переосмыслением опыта революционных потрясений этой страны, что привело к формулировке одной из главных идей всего направления — идее органической солидарности. В России потребность в развитии демократических институтов стала доминирующим фактором развития и распространения социологических исследований с конца 1950-х до начала 1970-х гг. и с середины 1980-х («перестройка») по настоящее время.

Таблица 3. Баланс событий травм и контртраум
(на примере России)

<i>Травмирующие события</i>	<i>События — контртраумы</i>
Гражданская война.	Установление советской власти.
Травма коллективизации.	Создание индустриального общества.
Большой террор 1937–1939 гг.	Подвиги челюскинцев, В. Чкалова, создание образцов советского искусства.
ГУЛАГ.	Создание наиболее демократичной массовой системы образования.
Травма нацистского нашествия.	Победа над фашистской Германией.
Смерть Сталина.	Первый этап демократизации.
Распад СССР и крушение социализма.	«Оттепель».
Война в Чечне.	Переход к рыночной экономике, новой политической системе.
	Стабилизация политической системы с конца 1990-х и в первом десятилетии 2000-х годов.

В Великобритании таким фактором стала задача создания «государства благосостояния» («welfare state»), которая и породила потребность в институционализации социологии в 1950-е годы [14].

Во всех случаях в процессе легитимизации социологии в конкретных странах важную роль играли те формы социального мышления, которые были присущи именно данной стране. В концентрированном виде соответствующие формы мышления были выражены в философской культуре. Американская социология опиралась, прежде всего, на прагматизм [15], английская — на эмпиризм и шотландскую школу Просвещения [16], социология во Франции — также на традиции Просвещения и на политическую философию. Становление российской социологии в до-революционный период было связано с философско-политическими дискуссиями на тему о перспективах и судьбах России в соотношении с судьбами стран Западной Европы. С 40-х гг. XIX века эта тема становится постоянной в российском социальном мышлении.

Представляется несомненным, что важным фактором развития поля социологии является освоение ею общего культурного этоса своей страны, так как именно в сфере культуры происходит формирование запроса со стороны общества на разработку определенных социологических идей. В свою очередь разработка этих идей вписывается в культурный процесс данного общества, становится его частью. В конечном счете, культурное брожение совместно с социальным осмыслением проблематики приводит к формулировке новых интересов и новых ценностных ориентиров в обществе.

Персонификация процесса социологического теоретизирования

Напомним, что мы, в известной мере, искусственно выделили пять стран для сравнительного анализа развития социологии. Чтобы понять способ возникновения новых идей — хотя бы в рамках социологии — представим себе эмпирическую картину ее развития по странам. Можно было бы в качестве единиц наблюдения избрать публикацию наиболее важных трудов. Но мы сосредоточимся на именах «известных социологов», авторитет которых трудно оспорим. Мы расположим эти имена в соответствии со странами их деятельности и с учетом хронологических рамок их жизни, несмотря на то, что многие из них могли бы принадлежать одновременно нескольким странам. Итак, перейдем к таблице имен, представленных не только по странам, но и по времени их жизни. Список этих имен может быть оспорен, с учетом весомых аргументов дополнен, но мы принимаем на себя риск представить его в таком виде и ожидаем корректирующих предложений от коллег, из какой бы страны они не исходили (см. табл. 4).

Таблица 4. Ведущие деятели социологии, распределенные по пяти сравниваемым странам (с учетом поколенческого фактора)*

<i>Франция</i>	<i>Германия</i>	<i>Велико-британия</i>	<i>США</i>	<i>Россия</i>
О. Конт (1798–1857)	К. Маркс (1818–1883) Ф. Энгельс (1820–1895)	Д. С. Милль (1806–1883)		А.И. Герцен (1812–1870) М.А. Бакунин (1814–1876)
А. Токвилль (1805–1859)		Г. Спенсер (1820–1903)		
Э. Дюркгейм (1858–1917)	Г. Зиммель (1858–1918) М. Вебер (1864–1920) Ф. Тённис (1855–1936)	А. Маршалл (1842–1924) Б. Бут (1840–1916) А. Баули (1869–1957)	Г. Хьюз (1829–1862)	Н.Я. Данилевский (1822–1885) П.Л. Лавров (1823–1900), Н.Г. Чернышевский (1828–1889)
Э. Гобло (1859–1935) М. Мосс (1872–1950) М. Хальбвакс (1877–1945)	В. Зомбарт (1863–1941) А. Вебер (1868–1958)	С. Раунтри (1871–1954)		В.В. Берви-Флеровский (1829–1918)
		Л. Хобхаус (1864–1929)	Л. Уорд (1841–1913) Р. Парк (1864–1944) Д. Мид (1863–1931)	Н.К. Михайловский (1842–1904) В.О. Ключевский (1841–1911)
	Т. Гейгер (1891–1952) К. Мангейм (1983–1947) Н. Элиас (1897–1990)	Т. Маршалл (1893–1981) М. Гинсберг (1889–1970) Т. Боттомор (1920–1992)	В. Томас (1882–1958) Г. Блумер (1900–1987)	М.М. Ковалевский (1851–1916) Г.В. Плеханов (1856–1918) В.И. Ульянов-Ленин (1870–1924) Л.Б. Троцкий (1879–1940) И.В. Сталин (1879–1953) Н.И. Бухарин 1888–1938 П. Сорокин (1889–1968)

Продолжение таблицы 4

<p>Ф. Бродель (1902–1985)</p> <p>Ж. П. Сартр (1905–1980)</p> <p>Р. Арон (1905–1983)</p> <p>М. Фуко (1926–1984)</p>	<p>Т. Адорно (1903–1969)</p>	<p>К. Поппер (1902–1994) Д. Рекс (р. 1925)</p> <p>Л. Локвуд (р. 1929)</p> <p>Э. Геллнер (1925–1996)</p> <p>Д. Голдторп (р. 1935) П. Андерсон (р. 1938)</p>	<p>Р. МакИвер (1882–1970)</p> <p>Т. Парсонс (1902–1979) Р. Мертон (1910–2003)</p> <p>Л. Козер (1913–2003) Р. Миллс (1916–1962) А. Гоулднер (1920–1980) И. Гофман (1922–1982)</p>	<p>Е.О. Кабо. (19??–19??)</p>
<p>М. Крозье (р. 1922)</p> <p>А. Турен (р. 1925)</p> <p>П. Бурдьё (1930–2002)</p> <p>Р. Будон (р. 1934)</p>	<p>Т. Лукманн (р. 1927)</p> <p>Н. Луман (1927–1998)</p> <p>Ю. Хабермас (р. 1928)</p> <p>Р. Дарендорф (р. 1929)</p>	<p>М. Арчер (р. 1950) В. Рансиман (р. 1934) З. Бауман (р. 1925)</p> <p>А. Гидденс (р. 1938)</p> <p>Д. Платт (р. 1944 ?)</p>	<p>П. Л. Бергер (р. 1929)</p> <p>И. Валлер- стайн (р. 1930)</p> <p>Н. Смелзер (р. 1930)</p> <p>Ч. Тилли (1929–2008)</p>	<p>Г.М. Андреева (р. 1924) Б.А. Грушин (1929–2007) Т.И. Заславская (р. 1927), Ю.А. Замошкин (1929–1993) А.Г. Здравомыслов (1928–2009) И.С. Кон (р. 1928) Н.И. Лапин (р. 1931) Ю.А. Левада (1930–2006) Г.В. Осипов (р. 1929) О.И. Шкаратан (р. 1931) В.Н. Шубкин (р. 1923) А.Г. Харчев (1921–1987) В.А. Ядов (р. 1929)</p> <p>Ж.Т. Тощенко (р. 1935) О.Н. Яницкий (р. 1933)</p>

Окончание таблицы 4

М. Кастельс (р. 1942) Б. Латур (р. 1947) Л. Болтански (р. 1940) А. Кайе (р. 1944) Л. Тевено (р. 1949)	У. Бек (р. 1944) Г. Иоас (р. 1948)	К. Кроуч (р. 1950?) Д. Урри (р. 1946) А. Оукли (р. 1944)	Р. Коллинз (р. 1941) Д. Александер (р. 1945) Т. Скокпол (р. 1947)	А.Б. Гофман (р. 1945) Л.Г. Ионин (р. 1945) М.К. Горшков (р. 1951) Н.Е. Покровский (р. 1951) Г.С. Батыгин (1951–2003) А.Ф. Филиппов (р. 1958)
--	---	---	--	---

* Выделены фигуры, которые, так или иначе, оказали заметное влияние на социологическое мышление за пределами своих стран.

Внимательное изучение предложенной таблицы позволяет сделать ряд констатаций, которые, несомненно, могут стать предметом более обстоятельных размышлений в ходе последующего изложения материала. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что основоположники социологии появились на свет в европейских странах и в России в промежутке времени с 1798 по 1820 год. Их детство приходится на время ближайших последствий Великой Французской революции и наполеоновских войн; период их взросления и первые публикации относятся к первой половине XIX столетия. Так или иначе, их работы связаны и с событиями французской революции 1848 года. В течение десятилетий они оказывали мощное воздействие на интеллектуальную среду европейских стран.

Несомненно, что сами по себе события Французской революции оказали огромное воздействие на социальное мышление эпохи, породив уже в эти годы два типа мышления или две парадигмы: мышление, принимающее и ориентированное на революцию, и мышление, обосновывающее прогресс, опирающийся на реформы. Первый тип рассчитан на влияние в массовых движениях, основанных на классовых, национальных или гендерных интересах. Второй ориентирован на государство и иные социальные институты, сохраняющие социальную стабильность. На основе первого типа складывается протестное мышление, на основе второго — академическая социология. В нашем исследовании мы преимущественное внимание уделяем второму типу, поскольку он вполне вписывается в академическую среду, и лишь упоминаем о существовании первой парадигмы, история которой образует отдельную ветвь в развитии мировой общественной мысли [17]. Несомненным фактом истории

социальной мысли и социологии является как открытая, так и латентная полемика между обоими направлениями и их взаимовлияние.

Важно иметь в виду, что в ходе постоянных дискуссий социология меняет содержание. Прежде всего, это обусловлено изменениями самого предмета социологии общества в целом. Как правило, изменения общества осуществляются одновременно с изменениями его политического устройства, которое сопряжено с определенными взглядами как на общество, так и на природу человека. Кроме того, изменения в содержании социологии обусловлены динамикой научных открытий и полемикой вокруг них в смежных дисциплинах гуманитарного профиля. Переплетение этих факторов оказывается особенно значимо в эпоху перехода социологии от классики к модерну, и от модерна к постмодернизму. В какой-то мере это совпадает с эпохами европейского исторического развития — от предвоенной ситуации к послевоенному периоду, от биполярной системы мира к его современному многополюсному состоянию.

Обратим внимание на то, что возникновение и распространение социологического мышления с момента его возникновения приобретает межнациональный характер. И этот интернационализм проходит несколько этапов. Так, идеи марксизма с самого начала формулировались как точка зрения «пролетариата», они были сопряжены с лозунгом «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» и представляли собою теоретическую платформу международного рабочего движения и Первого интернационала [18]. Однако этот интернационализм был весьма далек от современных форм научного взаимодействия. Один из современных исследователей творчества Маркса Ф. Уин приводит на этот счет любопытный пример. На одном из заседаний Бюро Первого интернационала французский социалист (будущий зять Маркса) П. Лафарг объявил нации и национальности «чистой воды вздором». «Маркс рассмешил своих английских коллег, указав, что «наш друг Лафарг, как и прочие, кто отменил национальности, обратился к нам на «французском», то есть, на языке, который не понял девять десятых присутствующих». Он насмешливо добавил, что, отрицая существование национальностей, наш юный фанатик, «видимо, совершенно неосознанно подразумевает их ассимиляцию образованной французской нацией» [19].

Что касается идей О. Конта и Г. Спенсера, то они удивительно быстро становятся известными во всех европейских странах. Причины их популярности можно усмотреть, прежде всего, в том, что они несли в себе: а) образ целостного общества — «национального государства»; б) идею прогресса, основного на «научном знании общества»; в) апелляцию к переменам, которые могли бы быть осуществлены «сверху». Заметим по

пути, что Конт и Маркс не вступали в интеллектуальный контакт друг с другом. Герцен и Маркс жили в Лондоне одновременно, но не испытывали друг к другу симпатий. Лишь Д.С. Милль и О. Конт находились в переписке между собой. Иными словами, межнациональный характер возникающей социологии основан не на творческом сотрудничестве социологов и социальных мыслителей, а на приятии идей определенного типа в соответствующих «социальных средах», образующихся в разных странах на основе возникновения схожих социальных и классовых структур. «Среда рабочего движения» не принимает академической социологии, она воспринимает идеи марксизма, который адресован именно этой среде. А «интеллектуальная среда» воспринимает социологию Конта и Спенсера и отторгает идеи классовой политической борьбы. В то же время в европейских странах формируются группы пересечения этих солидарностей, поскольку среди интеллектуалов возникают персонажи и группы, претендующие на выражение интересов рабочего класса, трудящихся или народной массы в самых различных ее пониманиях.

Опираясь на схему, можно высказать дополнительные соображения по поводу интернационализации социологии. Э. Гидденс справедливо отмечает, что крупной вехой на этом пути стала работа Т. Парсонса, опубликованная в 1937 г. — «Структура социального действия» [20]. Эта работа — серьезная попытка обосновать теоретическую евроамериканскую социологию. Она опирается на труды М. Вебера (Германия), Э. Дюркгейма (Франция), А. Маршалла (Великобритания) и В. Парето (Италия), которые благодаря включению в работу молодого Парсонса в качестве предшественников в разработке «Большой социологической теории» как бы объединяются в едином теоретическом пространстве. Парсонс сам усматривает определенный идеологический смысл такого объединения. В предисловии 1968 г. к переизданию своего главного труда он так отмечает значение своей работы: «Для истории этой книги важно то, что в ней рассмотрены эмпирически некоторые наиболее широкие вопросы, касающиеся природы современного индустриального общества и, в особенности, вопросы природы капитализма. Более того, это было сделано в то время, когда Российская революция, Великая депрессия, фашистское движение и приближение Второй мировой войны поставили множество фундаментальных социальных проблем. В теоретическом плане работа сконцентрирована на вопросе о границах экономической теории. Этот вопрос решался с таких позиций, при которых не сохранялось преемственности ни с прочными теоретическими традициями «экономического индивидуализма», ни с противостоящими им социалистическими теориями даже британских демократических социалистов, не говоря уже о марксистах.

Эти ориентации были исключительно важны для интеллектуальных кругов, поскольку многие их представители были вовлечены в обсуждение дилеммы «индивидуализм — социализм», а экономическая наука представлялась в это время самой важной из общественных наук» [21].

Появление этой книги означало три важных поворотных момента. *Во-первых*, означало поворот в теоретическом социологическом мышлении в США, которое было до конца 1930-х гг. представлено, с одной стороны, Чикагской школой, ориентированной на теорему Томаса в ее индивидуалистической интерпретации, и, с другой, — философствующей версией социологии, предложенной П.А. Сорокиным, который претендовал на анализ всех мировых культур, всех мировых кризисов и революций. Теперь обе эти версии социологии отвергнуты. Это был важный шаг в формировании именно национальной теоретической социологии США. *Во-вторых*, работа Парсонса означала демонстрацию преемственности социологии США по отношению к традициям европейского социологического мышления. Ведь к моменту публикации этой книги имена М. Вебера и Э. Дюркгейма были почти забыты. Что касается А. Маршалла и В. Парето, то они вообще не существовали в поле социологии, так как Маршалл рассматривался как экономист, а трактат Парето был мало кому известен. Именно Парсонс одних европейских авторов воскресил, а других — возвел в сан социологов. Выбор опорных точек был тщательно продуман в методологическом плане: теоретические установки этих авторов должны были находиться между крайностями индивидуализма и коллективистских социалистических ориентаций. Тот факт, что К. Маркс не был включен в число основателей социологии, несмотря на блестящие характеристики современного общества и на разработку теории капитализма, не может быть объяснен случайной забывчивостью. Это было сознательное (или подсознательное) «исключение» («exclusion») как «факт идеологической борьбы». *В-третьих*, работа Парсонса обосновала теоретически самостоятельность социологии от смежных социальных наук. Методологическим ее основанием стал системный подход, рассмотрение «общества как системы» с опорой на определение Дюркгейма. Экономическая наука была «поставлена на место». Она теперь не могла претендовать на самую важную роль среди общественных наук, а рассматривалась, прежде всего, с точки зрения одной из функций социального целого — *адаптации* социума к природе, предприятия или отрасли производства к социальной системе, индивида к сложившейся социально-экономической ситуации. А само «целое» — «общество», «социальный организм», «реальность *sui generis*» — оказались в ведении социологии. Желания, мотивы поведения отдельных индивидов передавались в ведение психологии. Социология

же рассматривала теперь агрегированные мотивы, порождавшиеся системой ценностей — высшего контролера в функционировании системы социального действия. Теория Парсонса и его ученика Мертона, как показал впоследствии Гидденс, стала основанием социологического «ортодоксального консенсуса», готового принять в свои объятия марксистскую социологию [22]. Правда, такой поворот дела относится уже к периоду после Второй мировой войны, когда Советский Союз выполнил свою реальную историческую миссию.

Именно в это время наступил третий этап интернационализации социологии, связанный с деятельностью Организации Объединенных Наций, ЮНЕСКО и Совета ЮНЕСКО по общественным наукам, который выстроил официальную линию коммуникаций между двумя социальными системами, сложившимися в мире в этот период. Так называемое возрождение социологии в СССР после смерти Сталина было во многом обязано именно деятельности этих институций. Достигнутая в этот период возможность дискуссии и обмена мнениями предполагала значительный поворот в сторону деидеологизации социальных наук и, прежде всего, социологии. Позиция Поппера в интерпретации социального знания в гораздо большей степени подходила ситуации, чем позиции Маркузе или Адорно.

Десятилетия, прошедшие до падения СССР, не следует понимать как время бесплодных усилий. Это время носило исключительно противоречивый характер. Каждая из сторон стремилась к защите и упрочению своих интересов, но в то же время каждая из них старалась «не перегнуть палку», поскольку мир находился на грани гибели. «Ортодоксальный консенсус» на Западе был разрушен в конце 1960-х, когда наступила пора студенческих волнений. На его месте, как свидетельствует Э. Гидденс, «возникло приводящее в замешательство множество конкурирующих друг с другом теоретических концепций, не обладавших в полной мере теми преимуществами, которые были характерны для ортодоксального консенсуса» [22, с. 8].

В то же время над миром доминировала гонка вооружений. Она рассматривалась с обеих сторон как «фактор сдерживания», но это средство было такого рода, что оно могло оказаться сильнее, нежели провозглашаемая цель. Гонка вооружений означала углубление тупиковой ситуации. В перспективе обе стороны могли оказаться в ловушке, продемонстрированной Карибским кризисом 1962 г. Через четверть столетия после этого события советская сторона провозгласила сохранение человечества и мира на Земле высшей ценностью в сравнении с классовыми интересами [23]. Осуществление этой задачи означало необходимость уступок, которые стали внешним фактором распада Варшавского догово-

вора, разрушения Берлинской стены, а затем и распада СССР. Однако в 1970–1980-е гг. именно благодаря системе надблоковых контактов, которые носили вполне легальный характер, сохранялось взаимодействие между общественными науками.

Разумеется, взаимодействие это настолько ослабло, что теперь его нельзя характеризовать как фактор интернационализации социологии. Главное, что было создано в послевоенный период, — это система международных институтов в области общественных наук, и она продолжала действовать и в период холодной войны, обеспечивая функционирование международных социологических форумов и исследовательских комитетов, которые стали каналами продвижения ныне действующей группы авторов в области теоретической социологии. Большинство имен зафиксировано в последних строках схемы — Э. Гидденс, З. Бауман, П. Бурдьё, У. Бек, представляют континентальную часть «сонма великих» в социологии, Н. Смелзер и Д. Александер — заокеанскую часть этой ведущей группы. Когда-то Н. Смелзера в кулуарах называли «охраняющим врата» (gate-keeper) профессии, последние годы этот титул еще более подходит Гидденсу благодаря тому, что издательство Polity-Press находится под его влиянием.

Схема иллюстрирует два пути развития социологии в европейских странах и США. В США, Франция и Великобритания идеи социологии разрабатывались на основе преемственности социального мышления, благодаря чему возникал кумулятивный эффект накопления социального знания. Причем можно заметить, что в англосаксонской культуре социология с каждым поколением усиливала компонент эмпирического знания. Что касается Франции, то здесь сильнее сказывается традиция философского подхода к социальной проблематике. Не случайно фигуры Сартра и Фуко часто включаются в состав французских социологов. Эти авторы не могут быть исключены из истории французской социальной мысли, поскольку они оказали огромное влияние на формирование послевоенного стиля социального мышления. Эти предшественники модернизма создали новые образцы мышления в рамках французской традиции. Во Франции, также как и в англо-саксонском мире, идеи основоположников социологии не пропадают и не теряются. Они становятся предметом преподавания для каждого нового поколения. Более того, общее образование в этих странах все в большей мере наполнялось социологическим содержанием.

В каждой из названных стран своеобразное отношение к марксистской традиции. Наиболее благоприятно оно во Франции и Великобритании. Можно сказать, что французский опыт в лице Бурдьё связан с усвоением и переработкой всего положительного, что было связано с

марксистской социальной теорией. А опыт Великобритании связан с теми ветвями марксизма, которые рассматривались как реформистские и «ревизионистские», и здесь он оказался весьма плодотворным. В США марксистское мышление никогда не обладало практическим влиянием, что определяется особенностями развития капитализма в этой стране и особенностями ее культуры. И все же, одним из наиболее заметных социологов марксистского направления является И. Валлерстайн — автор теории миросистемы. Что касается Германии и России, то социология в этих странах развивается своими путями, которые существенно отличаются друг от друга, так же как и история этих стран. Сходство между ними не должно вытеснять понимания различий. Более конкретный анализ ситуации в социологии названных стран может стать содержанием последующего анализа.

Список литературы

1. *Smelser N.J. Problematics of Sociology: The Georg Simmel Lectures*, 1995. Berkley: University of California Press, 1997. P. 30.
2. *Collins R. Interaction Ritual Chains*. Princeton University Press, 2004, P. 4.
3. Цит. по: *Будон Р.* Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М., 1998, с. 11.
4. Там же, с. 76.
5. Социальные условия международной циркуляции идей // П. Бурдые. Социальные пространство: поля и практики. СПб, 2005. С. 547–552.
6. См.: *Везен Ф., Фердые Ф.* Философия французская и философия немецкая. Воображаемое. Власть / Под ред. *Бибихина В.В.* М., 2002.
7. Цит. по: *Будон Р.* Указ. соч., С. 23–24.
8. Так, в четырехтомном издании «История теоретической социологии» под редакцией Ю.Н. Давыдова в первом томе используется термин «русская социология», однако в последующих томах та же самая проблематика преподносится под рубрикой «Социология в России». Работа А. Холси называется «A History of Sociology in Britain», но обсуждение этой книги, вышедшее по инициативе Британской академии наук, получило название «British Sociology. Seen from without and within» ed. by *A.H. Halsey, W.G. Runciman*. The British Academy, 2005.
9. *Alexander J.C. The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology*. Oxford University Press, 2003.

10. Важно заметить, что французская социология, следуя французской культурной традиции, не признает понятия «этничность». *Schnapper D. A View from a French Sociologist // British Sociology seen from without and within. Ed. by A.H. Halsey, W.G. Runciman. Oxford University Press, P. 111.*

11. Речь идет об упоминавшейся работе: *J. Alexander. The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology. Oxford University Press, 2004.*

12. Из известных нам историков социологии наиболее близко к выявлению влияния социально-политического и культурного контекста на направленность социологических идей и их содержание подходит Л. Козер в работе «Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте». (М., 2005). В особенности содержательны с этой точки зрения главы о К. Марксе и М. Вебере. Автор этой работы рассматривает порознь социальный и интеллектуальный контексты формирования социологических идей и их восприятия.

13. Основным признаком национальной социологической школы выступает язык, который объединяет авторов самых разных мировоззренческих и методологических позиций. Владение им определяет и границы аудитории, способной воспринимать социологические тексты.

14. *Halsey A.H. A History of Sociology in Britain: Science, Literature and Society. Oxford University Press, 2004.*

15. В литературе отмечается связь чикагской школы с прагматизмом Джеймса и Дьюи, в то же время при рассмотрении истоков американской социологии необходимо отметить сильное влияние протестантской этики.

16. *Halsey A.H. Op.cit., P. 55.*

17. См. подробнее: *Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М., Интер-версо, 1991.*

18. Первый Интернационал провел 5 международных конгрессов. Он существовал с 1864 по 1876 годы, подготовив почву для образования европейских социал-демократических партий.

19. *Уин Ф. Карл Маркс. М., 2003. С. 316.*

20. *Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. М., 2005, С. 6–7.*

21. *Parsons T. The Structure of Social Action / A study of Social Theory with special reference to a group of recent European Writers. V. I, N.Y. — London: The Free Press, 1968, P. VI.*

22. *Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. М., 2005. С. 8.*

23. *Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.*

Ж.Т. Тощенко,
член-корреспондент РАН

Чему учить социолога и с чего начинать?

Два десятилетия назад (еще одна юбилейная в этом году дата социологов) началась государственная подготовка социологов в Московском и Ленинградском (Санкт-Петербургском) университетах. Справедливости ради надо отметить, что их стали готовить в ряде университетов, начиная с 1960-х годов. Но в то время они выпускались под видом (маркой) философов, экономистов, историков, юристов. Эта мимикрия в значительной степени зависела от того, на какой кафедре (или факультете) работал энтузиаст и поборник заботы о подготовке специалистов данного профиля и насколько его поддерживали руководство вуза и мыслящие идеологические работники партийных комитетов. Тогда же была осуществлена и подготовка проектов программ (среди других и я входил в группу по подготовке такого плана в МГУ наряду с профессором В.Н. Князевым, в то время руководителем отделения прикладной социологии философского факультета, и профессором Н.И. Дряхловым, одним из энтузиастов социологического образования). Могу заметить, что этот план в своей основе и до сих пор составляет при некоторых модификациях базовую часть государственных стандартов как первого, так и второго поколения.

Сегодня очевидно, что в подготовку специалистов-социологов надо вносить существенные коррективы, менять стратегию обучения. Обусловлено это, на мой взгляд, следующими причинами.

Во-первых, *существующие учебные планы отстают от потребностей жизни*, недостаточно и слабо учитывают серьезные сдвиги, происшедшие в обществе, в том числе и изменения, которые предъявляются к нашей профессии. Все они были рассчитаны на другую эпоху, другие потребности. И если мы не реагируем на них, сталкиваемся с трудностями в работе со студентами, ибо они склонны сопоставлять преподаваемые им курсы с тем, какие требования предъявляют к ним нынешние и будущие работодатели, новая ситуация в развитии общества и государства.

Во-вторых, *сама практика работы социологов* на различных участках в экономике, политике, в сфере культуры и образования *показала недостаточность и определенную ущербность программ обучения*, когда выпускникам приходится во многом доучиваться в процессе своей трудовой деятельности, компенсируя недостатки вузовской подготовки.

Считаю, что специализации в рамках нашей профессии слабо отражают реальные потребности общества.

В-третьих, *ситуация обострилась в связи с уже утвержденным переходом нашей профессии на бакалавриат* (как массовую профессию) и магистратуру (как подготовку специалистов для научной работы, преподавания и некоторых видов управления). Бакалавриат требует подготовки специалистов, исходя из принципиально иных позиций: нужно готовить их для практической работы таким образом, чтобы выпускники сразу включались в реальную жизнь, в реальную практику и умели разговаривать языком производственной, трудовой и повседневной жизни. От них требуется не просто знание определенных научных дефиниций, а такое их знание, которое бы способствовало включению в решение задач, волнующих данную организацию. Поэтому наши планы должны быть не просто «подлатаны» и подправлены, а серьезно и кардинально пересмотрены.

Чему учить социолога

Сначала хотел бы поделиться некоторыми соображениями, основанными на накопленном опыте преподавания, с соображениями и мнениями коллег, с которыми мне в процессе работы в академическом журнале «Социологические исследования» приходится знакомиться по присылаемым в редакцию материалам.

Первое и исходное положение — подготовка социолога должна базироваться на широком фундаменте всех социальных и гуманитарных наук. Иначе говоря, будущему социологу необходимо знать и философию, и историю, и экономику, и политологию, и культурологию, и право, и психологию (к сожалению, такого полного набора нет в предшествующих стандартах). Это не дань моде, а острая необходимость, потому что квалифицированный специалист призван обладать основами всех без исключения социальных и гуманитарных наук, образующих базу интеллектуального потенциала, разбираться во всем том богатстве, которое накоплено нашими коллегами по социально-гуманитарным дисциплинам, в их основных результатах и выводах, чтобы не множить глупости, не демонстрировать примитивный уровень. Чтобы не было перлов подобных «открытиям» (примеры беру из статей, присланных в редакцию), что «философ Гоббс жил в XIX веке», что «на Марсовом поле в Санкт-Петербурге похоронены участники Октябрьских боев» (некоторые утверждали, что там покоятся жертвы сталинских репрессий) (правильный ответ — похоронены жертвы февральской революции 1917 г.), что «К. Маркс творчески развивал идеи Э. Дюркгейма», что «Столыпин вы-

двинул идею строительства Транссибирской магистрали», что «в древнекитайской армии имелись социологи» и т.п. Ясно, что отсутствие широкой гуманитарной базы порождает выскочек, верхоглядов, ограниченных людей, которые неминуемо станут предметом насмешек, а не уважения, а наука подвергнется дискредитации.

Второе требование — это знакомство с основными положениями естественных наук, а также серьезная математическая подготовка. В современном мире нельзя быть полноценным специалистом, не зная математического аппарата в той степени и в таком ракурсе, который необходим для успешной работы. В этой связи хотелось бы напомнить слова Платона, начертанные им при входе в его Академию о том, что без знания математики невозможно постичь мир, объяснить его развитие, научиться мыслить. В нашем университете (РГГУ) мы практикуем следующий алгоритм изучения математики. На первом курсе реализуется курс «Введение в математику», в котором преподаватели обновляют знания части разделов школьной программы, необходимых для дальнейшего изучения математических дисциплин, таких, как «Дифференциальное и интегральное исчисление», «Теория вероятностей», «Математическая логика», «Теория измерений» и других предметов, которые нам обеспечивает кафедра интеллектуальных систем, возглавляемая замечательным педагогом, философом и математиком профессором В.К. Финном. Как показывает практика, наши выпускники в дальнейшем не испытывают серьезных затруднений, когда приступают к работе, и где требуется если не знание всех премудростей количественного анализа, то вполне внятное взаимодействие с математиком, обеспечивающим обработку социологической информации. Конечно, на этом пути мы встречаемся с чисто человеческими трудностями: ведь немало выпускников школ, идя на гуманитарную социологическую специальность, рассчитывают, что они навсегда распростились с математикой. Приходится много работать, чтобы убедить в вечно старой и вечно новой истине, что без математики (вернее, ее части) невозможно стать полноценным специалистом. Думаю, что и другие наши коллеги должны уделить внимание математике более значительное внимание. Иначе сама жизнь внесет коррективы, и это будет болезненнее.

Третья компонента — усвоение комплекса дисциплин, которые касаются самой социологии. Можно сформулировать несколько этапов (шагов) в постижении предмета.

Первый шаг — теория, что предполагает усвоение того, что является ее объектом и предметом, ее функциями, генезисом идей.

Принципиальной особенностью современной концепции социологии является трактовка ее объекта как гражданского общества и

предмета социологии как общественного сознания и поведения людей в конкретно-исторических условиях. Социальная жизнь человека начинается с осознания окружающих его реалий, выработки установок и претворения их в жизнь с учетом объективных условий глобального и конкретного характера. Исходя из этого, объектом социологии является не общество вообще (общество изучают и социальная философия, и история, и политология, и юридические науки, и культурология), а общество в его социально-человеческом обличье. И это положение — *человек в обществе и общество для человека* — разделяет все больше социологов. Именно это составляет суть *предмета социологии*.

Но требуется одно уточнение. С чего начинается человек в своем социальном облике? С сознания, со способности познавать и изучать мир, оценивать его с личных и общественных позиций, осмысливать, исходя из определенных ценностей, окружающую действительность, и на этой основе строить поведение, учитывая влияние как макросреды (всех общественных отношений), так и мезо- и микросреды (опосредованное — житель города или деревни, и непосредственное окружение — член коллектива, конкретной организации). *Это подтверждается и практикой конкретных исследований — предметом практически всех исследований в современной социологии стало изучение состояния и тенденций реального общественного сознания, реального поведения (деятельности) в условиях определенной социальной среды.* Изучение этих феноменов — общественного сознания, поведения и среды — является той реальностью, из которой состоит социальная жизнь общества, всех ее субъектов — людей и образуемых ими классов, социальных групп и общностей, социальных сетей, организаций, институтов во всей сложности их взаимодействия и взаимосвязи. Без человека, без его социальной сущности нет общества. Без него все окружающая действительность превращается в груду железа в виде механизмов и станков, мертвых сооружений, в набор важных, но бесполезных орудий и предметов производства.

Второй шаг в усвоении социологии — это ее *методология*, т.е. такой уровень теоретического знания, который выражен на языке, позволяющем оперировать информацией посредством соответствующих индикаторов и показателей. Помимо методологии для социологии очень важны методы познания социальной реальности. И не только потому, что она этим серьезно отличается от других наук, а потому, что она предполагает использование статистико-математического аппарата, многообразных специфических способов познания. *Строго говоря, социология имеет дело не с самой реальностью, а с восприятием этой реальности отдельными индивидами, социальными группами и слоями.* Для

этого она выработала конкретные приемы и инструменты, с помощью которых производится съем (сбор) информации с последующим ее анализом и интерпретацией. Реализацию этих целей призваны обеспечить курсы «Методология и методы социологических исследований». Кроме того, наши студенты пишут учебно-исследовательские проекты, которые являются своеобразным тренажем по подготовке будущих программ исследования. Короче говоря, этот компонент необходимого знания связан с умением студента подготовить программу социологического исследования, уметь выявить проблемную ситуацию, сформулировать цель, задачи и гипотезы исследования, предложить соответствующий инструментарий получения эмпирической информации.

Третий шаг в подготовке специалиста-социолога связан с усвоением генезиса идей в *истории социологии*. Ведь социология отражает *качественный этап* в истории человечества, когда общество предстало перед нами в человеческом измерении, когда не просто люди, а каждый человек становится субъектом исторического процесса (начало этому положили великие буржуазные революции). Именно с этого периода начинается новое осмысление роли человека, всех без исключения людей во всех ипостасях их сознания и поведения, превращения в участников экономических, социальных, политических и культурных изменений. Конечно, этот процесс происходил постепенно, с трудом, со срывами и отступлениями, но несомненно, что человеческое измерение общества пробивало себе путь, что нашло отражение в постоянном научном поиске. Конечно, этот этап в развитии социальной мысли не мог начаться вдруг, с открытого листа — предпосылки иного подхода к человеку и обществу созревали исподволь. Но этим предпосылкам надо отвести подобающее место, а не делать пещерных людей представителями социологии в период охоты на мамонтов или сбора урожая с ветвей дикорастущих плодовых деревьев. Поэтому методологическая подготовка крайне необходима, ибо без нее нет полноценного специалиста. На опыте РГГУ реализации этого требования подчинен обстоятельный (на полтора года) курс по истории зарубежной и отечественной социологии

Четвертый шаг — это конкретизация социологии как науки, реализация требования *оперировать не умозрительными схемами, а реальными проявлениями жизни*, что, прежде всего, находит отражение в состоянии общественного сознания, в различных формах и видах деятельности, в возможностях их проявления в конкретно-исторических условиях. Исходя из этого, для социологии важен анализ социальных проблем основных сфер общественной жизни: экономической, социальной, политической и духовной. И соответственно, чтение таких крупных социоло-

гических курсов как экономическая и политическая социология, социология духовной и социальной жизни, И хотя отнесение отдельных проблем к той или иной сфере несколько условно, автор исходит из того, что является преобладающим при ее рассмотрении. Поэтому все исследования соотношены с экономическими (*экономическая социология*), социальными (*социология социальной жизни*), политическими (*политическая социология*) и духовными процессами (*социология духовной жизни*).

Пятый, заключительный шаг состоит в усвоении социологических знаний, умении их применять — *анализ реальных, актуальных, острых, насущных конкретных проблем социальной жизни общества*: будь то стимулирование труда, положение семьи, наркомания, деятельность политических партий, роль телевидения в духовной жизни общества, состояние и противоречия религиозного сознания и другие многочисленные вопросы, которые возникают в общественной жизни и которые требуют своего решения. Именно поэтому объектом социологического анализа становятся многообразные и многочисленные явления общественной жизни. Этому отвечают и специальные социологические теории — социология молодежи, социология города, социология права, социология образования и т.д., а также конкретные процессы в нашей жизни — различные формы отклоняющегося поведения, новаторство в рыночных условиях, новые стратегии прогнозирования, миграция в ее этническом или профессиональном измерении и т.д. Это дает простор новым курсам, которые рождены творчеством конкретного преподавательского коллектива.

С чего начинать обучение социолога

Сегодня знакомство с будущей профессией начинается обычно с курсов, которые в разных вузах имеют свое название. К примеру, «Введение в социологию», «Общая социология», «Основы социологии» и др. С их помощью студенты начинают постигать мир человековедения и человековедения. Ими мы закладываем основу успешного освоения будущей профессии. Но как они читаются? Что мы вкладываем в эти названия? И что имеем на самом деле?

Во-первых, в этих курсах весьма распространен социально-философский подход, когда студенты сначала знакомятся с такими понятиями как цивилизация, общество, его типы и формы, виды, история развития. Такой анализ волей — неволей игнорирует факт, что общество является объектом исследования не только социологии — на его изучение в равной мере претендуют и другие социальные и гуманитарные науки. Конечно, это необходимый компонент обучения, но не с него надо на-

чинать изложение. Такой подход весьма далек от знакомства с реальной ситуацией будущей профессии.

Во-вторых, в этих курсах большое внимание уделяют знакомству с историей социологии. Студенты узнают, кто стоял у истоков, кто внес те или иные идеи в эту науку. При этом нередко значительное место уделяется предтечам социологии, начиная с древних веков, что, на наш взгляд, отражает изложение истории социальной (а не социологической) мысли. Такой подход также вряд ли может быть признан правильным, ибо он повторяет в краткой форме специальный курс «История социологии», который читается позже, а главное он мало приближает к будущей практике.

В-третьих, нередко этот курс после краткого введения начинают с анализа злободневных социальных проблем, оставляя за кадром вопрос о логике построения курса социологии, о ее понятийном аппарате. И, наконец, существующие курсы носят некий просветительский характер. В их рамках говорят о современных требованиях к профессии социолога, о месте социологии в структуре социологического знания, об особенностях подготовки для будущей работы, о специфике обучения в данном университете.

В чем состоит наша постановка вопроса — с чего надо начинать учить социолога? Предлагается *принципиально новый подход* к построению первоначального курса, который читается студентам, решившим стать профессионалами в этой области знаний. *Ключевым в знакомстве с началами социологии является ее понятийный аппарат.* Проблема последнего — это проблема логичности, точности, последовательности и непротиворечивости знания, образующего целостность и завершенность конструкции любой науки. Мы нередко об этом забываем. Начинаем изучать методологию, историю, различные специальные социологические теории, в которых студент сталкивается с понятиями, с которыми его ранее не знакомили. И преподаватели позднее, уже на старших курсах пытаются восполнить этот пробел и дополнительно к своим проблемам объяснять *социологическую интерпретацию понятий, т.е. то, что студент должен знать как алфавит или таблицу умножения.* Этих ошибок не было бы, если знакомство с дисциплиной начинать с объяснения сначала эмпирических социологических понятий, затем давать обобщающие и структурообразующие понятия и категории, такие как общность, социальный институт, социализация, стратификация и т.д. Исходя из этого, эмпирические понятия могут быть представлены через такие компоненты, как знание, потребности, интересы, мотивы, ценностные ориентации, установки, мнение, настроение и т.д., т.е с теми, с которыми встречается каждый социолог, проводящий исследования. Оперирование

этими конкретными «носителями» сознания позволяет наполнить «кровью» и «плотью» многие понятия, которые позволяют затем представить социологическое знание на теоретическом и методологическом уровнях.

Для такого подхода социология использует все богатство научного знания о *сознании* вообще и общественном сознании, в частности, а также о реализации этого сознания в *поведении (деятельности)* и их роли в социальной жизни, *о влиянии объективных условий и субъективных факторов* на сознание и поведение. Для социального анализа важны и выводы психологической науки о сознании и поведении индивида, отдельных микро- и макрогрупп (напр., толпы).

На основе уже имеющегося знания социология дает свою интерпретацию общественного сознания и поведения людей, формирует понятийный аппарат (например, о компонентах сознания и деятельности), свое видение объективного и субъективного в общественных процессах, свое представление об уровнях человеческой деятельности. К сожалению, нередко мои коллеги — преподаватели лукавят, когда говорят в теоретическом плане об обществе, а в прикладном — о компонентах сознания и поведении людей, не всегда давая студентам методы их познания.

Поскольку при подготовке бакалавров особое значение приобретает практическая направленность будущей профессии, такой подход к понятийному аппарату позволяет будущему социологу оперативно включиться в реальную жизнь, говорить с заказчиком, потребителем и источником информации на вразумительном языке, сочетающим в себе научный и прикладной аспект. Мы являемся свидетелями того, как изменяется понятийный аппарат всех наук, в том числе и социологии, как он совершенствуется, обогащается, как существующие понятия наполняются новым содержанием, как появляются новые, которые существенно корректируют и уточняют наши представления об изучаемой реальности.

Студент, решивший овладеть этой наукой, должен в совершенстве знать понятия социологии и в первую очередь те из них, которые наиболее точно и отчетливо отражают его квалификацию и мастерство, необходимое для выполнения профессиональных обязанностей. Вот для чего необходимо знать именно те понятия, которыми оперирует не только наука, но и практика, т.е. говорить с ней тем языком, который понятен обществу, людям, с которыми мы работаем, тем представителям управления, которые оперируют со знанием людей, человека. Что это значит с точки зрения социологии? Мы не можем спросить само общество — оно предстает перед нами информацией о человеке, его сознании, поведении, результатах деятельности. Изучение

любой организации, любой социальной группы, любого явления и процесса начинается не с того, что мы «спрашиваем» этот процесс, явление или организацию как таковые, в конечном счете с информацией о них мы обращаемся в людям, которые составляют эти общественные феномены, сопоставляем с ранее имеющейся информацией (которая, кстати, тоже подготовлена людьми) и лишь на этой основе переходим к более широким обобщениям. Иначе говоря, если *предмет социологии предстает перед нами как неразрывное единство сознания, поведения и условий окружающей среды*, предлагается приступить к анализу тех понятий, которыми социолог пользуется в своей повседневной работе и которые образуют эмпирическую трактовку всех без исключения социальных процессов и явлений. А к ним, т.е. к тем, которые социолог использует в своей повседневной работе, относятся компоненты сознания, поведения (деятельности) и окружающей среды.

Поясним нашу позицию. Курс «Основы социологии» («Введение в социологию», «Общая социология») *начинается с краткого знакомства с генезисом идей социологии, определением объекта и предмета наук, ее уровней и структуры, функций и места в системе других наук*. Затем мы приступаем к анализу тех компонентов, которые образуют *социологическую структуру сознания, т.е. структуру ее элементарных понятий* (знание, мнение, потребности, мотивы, ценностные ориентации, установки, стереотипы и т.д.), не исключая анализ специфических форм сознания как идеология, социальное настроение, стереотипы и архетипы, а также деформаций сознания (аномия, фрустрация, парадоксы, отчуждение, и т.д.). Кроме того, в этой части дается представление о возможностях операционализации *поведения (деятельности)* и их различных проявлений. Наконец, этот раздел *завершается эмпирической трактовкой условий окружающей среды*, ибо сознание и поведение во многом зависят от внешних условий, представленных макро-, мезо- и микросредой. Данная структура исходит из того факта, что основная форма получения социологом информации — это статистические и социологические данные в самом широком смысле этого слова.

Следующий раздел посвящен *обобщающим, синтезирующим понятиям*, которые формируются на более высоком уровне абстракции. Все они — социальные отношения, социальное развитие, социальные процессы, социальная структура, социальные институты и организации и т.д., являются синтезом комплекса элементарных понятий, являющихся не механическим, а новым уровнем принципиально иных логических конструкций.

Далее следует *анализ структурообразующих понятий*, которые выходят на еще более высокий уровень абстракции — представления

о сферах общественной жизни (такой подход коррелирует с выводами социальных философов), предусматривающий характеристику экономической, социальной, политической и духовной жизни, и соответственно компоненты каждой из этих сфер. Например, экономическая социология может быть представлена проблемами рынка, труда, занятости, города, деревни, демографии, миграции, экологии. Возможен учет и других компонентов экономической жизни — регионов, территорий, социальной инфраструктуры и т.д.

Курс завершается анализом таких универсальных категорий-понятий как общество, цивилизация, формация. Возможна характеристика таких категорий-понятий как вселенная, ноосфера, человечество и т.д. В работе «Мир как органическое целое» русский философ Н.О. Лосский писал: «Сохранить и развить идею индивидуума можно только на почве органического мировоззрения в той его форме, которая примиряет индивидуализм с универсализмом, избегая крайностей в обоих направлениях». Идея, что человек в его социальном окружении, в реальности повседневных забот и намерений является объектом и предметом социологического анализа, разделяется многими социологами. И в этом отношении мы не находимся в стороне от мировой социологической мысли. Антропоцентрическая идея в социологии все больше и больше разделяется учеными во многих странах мира, что особенно ярко появляется в творчестве П. Штомпки, Э. Гидденса, А. Турена и др. Так, в творчестве П. Бергера выражена суть современной социологии — *человек в обществе, и общество в человеке*, что ставит человека и его реальные заботы, тревоги, переживания и действия в центр анализа социальной жизни. На наш взгляд, эти идеи в той или иной мере исповедуют и многие современные российские социологи — Н.И. Лапин, С.И. Григорьев, Г.В. Дыльнов и др.

Именно эти знания о понятиях и категориях, о месте социологии среди других социальных наук и составляют суть тех дисциплин, которые по-разному называются в разных университетах («*Введение в социологию*», «*Общая социология*») и которые, на наш взгляд, возможно объединить в «*Основы социологии*».

Некоторые особенности подготовки социологов

Еще раз повторю требование об органическом соединении (сплаве) научного (теоретического) и прикладного характера социологического знания. В рамках такого подхода можно было бы предлагать новые разработки, поиск новых подходов, приглашать коллег из других уни-

верситетов, открывать мастер-классы. Лично я считаю, что, *изучая сознание и поведение человека в обществе, мы исследуем его в контексте социальных общностей и групп, сознание и поведение которых приобретают социальные характеристики, имеют общественное значение, образуют устойчивые социальные процессы и явления.* Именно убежденность в том, что в основе социологического знания лежит реальный анализ сознания и поведения людей и их зависимости от объективных условий, и образует ту парадигму, которую я называю *социологией жизни.*

Нужно отметить еще одно важное методологическое и методическое требование. Несмотря на то, что все мы имеем свое мнение и свою приверженность той или иной концепции, мы должны освещать и другие подходы, существующие в мировой и отечественной социологии. Если разобраться по существу, антропоцентрическая направленность все больше и больше пробивает себе дорогу среди других направлений социологической мысли. Это тем более важно, что в истории российской (русской, советской) социальной мысли всегда ярко и четко проявлялось внимание к человеку, личности, индивиду, вполне оправданно считая его воплощением социальности реальной жизни.

Такое построение курса реализует еще одну важную функцию участия социологов в управленческом процессе — социологическая информация используется в процессе управления, вписана в *механизм регулирования социальной жизни общества.* Это особенно важно, когда мы преподаем социологию для других специальностей: для инженеров, для учителей, для специалистов сельского хозяйства и для других профессий, которым приходится иметь дело с людьми, управлять ими, принимать решения, исходя не только из личных представлений о происходящем, но и из того, к чему тяготеет большинство людей как во всем обществе, так и в той организации, где работает управленец.

Новому стандарту должен быть присущ еще один знаковый компонент, который я всей душой приветствую — это то положение, что только 50% бюджета учебного времени отводится федеральному компоненту, обязательному перечню дисциплин, который должен быть предложен всем без исключения, а остальное отводится университетской инициативе. Это замечательное решение, так как оно раскрывает возможности каждого университета, каждого конкретного коллектива вложить в процесс подготовки социологов свою специфику, свои предпочтения и свой ответ на потребности рынка труда.

Следовательно, наши суждения по совершенствованию образования имеют двоякую нацеленность. Они направлены, во-первых,

на уточнение и изменение учебного процесса будущих социологов, на совершенствование проекта Госстандарта Министерства образования и науки. *Во-вторых*, (что особенно важно) — на студентов других специальностей, для которых социология преподается в виде общеобразовательной дисциплины, но которые в данном изложении могут узнать много полезного для своей будущей работы (для будущих инженеров — раздел «Экономическая социология», для гуманитарных специальностей — раздел «Социология духовной жизни», для менеджеров и управленцев — раздел «Социология управления»).

И, наконец, *данном построением курса устраняется одностороннее представление о профессии социолога*. В самом расхожем представлении социолог — это «человек с анкетой», он обращается с ней к окружающим людям по месту работы, жительства, а то и просто на улице, чтобы узнать их мнение по тому или иному вопросу. Такой подход придает социологу имидж человека, который-де не теряет связи с реальностью (другое дело, как эти усилия оцениваются в обществе). Но нет ничего печальнее отождествлять социологию со сбором мнений по случайным (а нередко и глупым) вопросам, что дискредитирует ее как науку и низводит до некоего вспомогательного средства познания, да еще и такого, которым можно манипулировать. Преодолеть эту противоречивость призвана не только сама наука (при помощи монографий, учебников, публикаций в СМИ), но и процесс ее преподавания, формы и методы обучения, которые, базируясь на научных знаниях, избирают определенную логику отбора материалов, определенную структуру их подачи, определенный алгоритм подготовки специалиста, начиная с первых его шагов в вузе и завершая получением им диплома.

Итак, студенту, на наш взгляд, целесообразно дать представление о различных концепциях нашей науки. И главное не противопоставлять их друг другу, хотя насчитывается их достаточно большое количество. Так, П. Монсон сравнивает социологию с *«лодкой на аллеях парка»*, предполагая сложный путь познания жизни и поведения людей. П. Бергер, придавая значение роли социологии в проникновении в неизвестное, сравнивал социолога с *разведчиком*. Многие социологи, в том числе и отечественные, говоря о функциях социологии, считают, что социолог — это *аналитик, соучастник управления, прогнозист*. На наш взгляд, его лучше сравнить с *социальным врачом*, который проводит анализ и диагностику состояния тех или иных процессов и на этой основе делает выводы, а если необходимо и предложения, о том, как поступать в сложившейся ситуации.

В.В. Радаев

Возможна ли позитивная программа для российской социологии

Российская социология нуждается в позитивной программе своего развития. Стенания по поводу того, что в ней все плохо, а будет еще хуже, не слишком перспективны. Но и подходить к этому вопросу в святой уверенности, что здесь уже и так благополучно (за исключением некоторых внешних проблем), тоже безосновательно.

В этой связи несколько удивляют победные ноты, прозвучавшие на учредительном съезде Союза социологов России, где в основном докладе была представлена картина триумфального шествия российской социологии со времен О. Конта до наших дней¹.

Про наши дни сообщалось, в частности, что в стране работают 35 факультетов социологии, 25 отделений и 85 кафедр, ежегодно выпускается до 8 тыс. социологов. Мы искренне рады этим обстоятельствам. Но хорошо было бы оценить качество подготовки выпускников и, главное, уровень тех, кто их готовит. С наукой, говорят, тоже все прекрасно — ежегодно по социологии защищается в среднем 60 докторских диссертаций. А если произвольно отобрать и прочесть хотя бы несколько из этих диссертаций? Сохранится ли после этого наше радужное настроение? В докладе отмечалось, что в стране появилось более десятка социологических журналов и еще в 67 изданиях из списка ВАК можно опубликовать статьи по социологии. Отлично. Но давайте посмотрим, сколько российских социологов регулярно публикуются в международных социологических журналах, и соотнесем эти данные с числом докторов социологических наук.

Бесспорно, всех нас интересует состояние отечественного высшего социологического образования. Если верить докладу, его развитие сдерживают шесть факторов: отсутствие четкой государственной политики; недооценка социологической компетентности населения, субъектов власти, персоналий бизнеса; недостаточное целевое финансирование; отсутствие федеральной нормативной основы для практической подготовки социологов; затяжка с утверждением новых государственных образовательных стандартов; слабая государствен-

¹ Жуков В.И. Социология в современной России (Доклад на учредительном съезде Союза социологов России 27 июня 2007 г.) // Социол. исслед. 2007, № 12, С. 3–12. В тексте даются ссылки на эту статью.

ная поддержка программ повышения квалификации [с. 9]. Обратите внимание: за исключением малопонятного пункта про недооценку компетентности..., все сдерживающие причины — сугубо внешние, более того, вина и ответственность во всех случаях перелагаются на государство. А у нас самих, значит, все нормально? Нет, конечно, в паре абзацев ритуально перечисляются внутренние проблемы (нельзя же не отметить недостатки!). Но в целом, как говорится, «все хорошо, прекрасная маркиза!»

Удивительно, что бравурные марши раздаются вскоре после того, как студенты социологического факультета МГУ, этого ведущего вуза страны, рискуя вылететь из университета, заявили во всеуслышание, что их учат «не тому и не так». До какой же точки кипения их нужно было довести? Победные реляции звучат в тот самый момент, когда в наиболее тиражных учебных пособиях того же факультета обнаружен систематический и циничный плагиат. Материалы, которые приходилось видеть, это четко доказывают. Причем перед нами объективные свидетельства, не связанные с «вкусовыми» или идейными расхождениями отдельных социологов. Эта проблема даже не упоминается (если не считать туманного заявления о том, что издательский рынок наводнен литературой, которая «не всегда соответствует»). Проблема систематического плагиата считается несущественной? Но ведь это же скандальное и позорное дело! И отнюдь не частный случай одного лишь соцфака МГУ (который при этом чудесным образом продолжает претендовать во главе УМО на грифование **всех** прочих учебников). Почему эта проблема не обсуждается? Возможно потому, что ее страшно поднимать — слишком много скелетов таится в шкафах. Вместо этого, нам предлагают другую «проблему», разъясняя, что это за литература, которая «не всегда соответствует», — «массовое распространение получили переводные, неадаптированные учебники и учебные пособия» [с. 9]. Вот, оказывается, откуда проистекает основная угроза! Кстати, любопытно, что плагиаторы списывали преимущественно с российских книг — вероятно, им так лучше «адаптировать» свои произведения.

Но давайте отвлечемся от парадных шествий (в объявленный в России Год социологии их будет немало) и обозначим свою позицию. Любая позитивная программа должна строиться не на перечне свершений и взятых количественных рубежей. Она должна начинаться с идентификации ключевых проблем и разворачиваться в напряженном поле этих проблем. При этом под «проблемой» я понимаю не просто какие-то общие или частные недостатки, а существенные нестыковки, расхождения в позициях, болезненные разрывы в понимании, которые мешают нам

жить и которые приходится преодолевать. Позитивная программа, соответственно, представляет не свод готовых рецептов немедленного и гарантированного излечения от всех болезней, а совокупность векторов, своего рода ориентиров, показывающих, в каком направлении целесообразно продвигаться, чтобы преодолеть эти разрывы.

Попробую обозначить несколько таких векторов. Оставим в стороне собственно организационные проблемы и сосредоточим внимание на вопросах, связанных с профессиональной позицией социолога.

Нужно ли быть понятными для «непосвященных»

Посмотрим на наиболее традиционные жалобы, исходящие от социологов: студенты не хотят заниматься социологической теорией, желая приобрести более прикладные знания и навыки; практики игнорируют результаты социологических исследований, не прислушиваясь к сделанным выводам; государство недофинансирует науку и образование. В этих жалобах нет ничего специфически социологического, на это жалуются все представители социальных наук. И главное, вновь перед нами обвинения в адрес внешних обстоятельств, в то время как правильнее было бы начинать с «разбора собственных полетов». Такая позиция менее удобна, но зато более конструктивна — при всех наших амбициях весь мир не переделать, а сфера нашего эффективного и контролируемого действия находится в пределах вытянутой руки.

Каковы же внутренние проблемы российской социологии? Начнем с поверхностности: почему те, от кого ожидается интерес к социологической теории, сами его не проявляют или проявляют слишком вяло? Здесь обнаруживается первое досадное обстоятельство: социологическое теоретизирование часто напоминает «ковыряние палкой в тумане», представляя собой описание увиденного и прочитанного на какую-нибудь актуальную тему (таблицы с цифрами, полученными в ходе очередного полевого исследования, тоже не слишком в этом отношении помогают). Все это накладывается на чрезмерные амбиции, попытки представить социологию в качестве всеобщей теории при недостаточно определенном методологическом ядре и выборе безграничных объектов. Не раз приходилось видеть, как студенты в проектах своих работ определяют объект исследования как «население России» или «властные отношения». Смешно?! Но ведь студенты — своего рода зеркало, отражающее то, что происходит во «взрослой» части сообщества. И всегда ли мы следуем императивам максимально возможного определения (и, следовательно, ограничения) объекта и строгости своих суждений по поводу этого

объекта? Но псевдотеоретизирование — только часть общей беды. Нередко ему противопоставляются теоретические конструкции, построенные путем нагромождения эзотерических форм. Причем терминологические изыски очевидно рассматриваются как способ профессиональной защиты от дилетантов. Многие коллеги искренне убеждены, что «не могут чумадые на фортепьянах играть», т.е. теория доступна только избранным. А потом мы еще жалуемся на то, что никто не ломится в нашу «башню из слоновой кости».

Действительно, производить сложную теоретическую работу способны немногие. Но важно понять, что мы хотим иметь на ее выходе. Зная, что это спорный вопрос, я тем не менее полагаю, что вместо выстраивания защитных порядков против неопитов и профанов (например, против студентов и представителей других специальностей, интересующихся социологией), теории должны быть относительно транспарентными, т.е. понятными, по крайней мере, образованной и получающей образование публике. Это вовсе не означает, что содержание наших теорий должно быть примитивным, «святая простота» тоже не вызывает умиления. Напротив, это содержание, как и используемые методологические инструменты, могут быть сколь угодно сложными. Но если мы не можем донести результаты наших размышлений и наблюдений до «непосвященного», значит, мы сами не вполне понимаем то, о чем говорим. И не нужно бояться, что если нас легче будет понять, то и ценить нас будут меньше.

В качестве теста на ясность содержательного изложения можно предложить проверку нашей способности (или неспособности) к написанию учебников по социологии для школьников — не скороспелых компиляций и не переложений выученного по вторичным источникам структурного функционализма, а учебников, отражающих состояние современной социологической теории, привязанных на иллюстративном уровне к российской проблематике (в данном отношении я солидарен с теми, кто считает, что переводных книг недостаточно). Вопрос в том, кто сейчас в состоянии подготовить такие книги и решить на высоком уровне эту поистине национальную задачу?

Как прояснять теоретические основания

Чтобы быть понятными для других, нужно сначала стать понятными для самих себя, а для этого необходимо прояснять основания собственных теорий. И первое, с чего следует начинать, — четкое определение исходных понятий. Вы скажете, зачем нам эти прописные истины? Но

давайте соберем вчерашних выпускников социологических факультетов и попросим их определить, что такое «социальные структуры», «институты» или «культура». Уверяю, возникнут трудности, и не потому, что опрашиваемые ничего не знают, а поскольку ответы будут разные.

Вы скажете, что единых социологических определений в принципе не может быть, поскольку давно нет единой социологии — она мультипарадигмальна. С этим отчасти приходится согласиться, но тогда давайте четче дифференцировать подходы и каждый раз разяснять, с какой методологической позиции мы рассматриваем те или иные положения, при этом не претендуя на их универсальность. И тогда молодой социолог достойно ответит на поставленные ему вопросы: с точки зрения такого-то подхода «институт» — есть... Многие ли сегодня способны это сделать?

Далее, последовательно дифференцировать социологические (и любые другие) подходы нельзя без выделения аксиоматической базы. Удивительно, но по этому «простому» вопросу среди социологов нет никакого единства. И, по моему, даже сама проблема не вполне осознается. Можно, скажем, яростно критиковать экономистов за присущий им детерминизм, но у них эта проблема снята — аксиоматика, конечно, выделяется по-разному (современная экономическая теория тоже многолика), но делается это весьма отчетливо. В то время как коллеги-социологи спрашивают: разве в социологии тоже должны быть аксиомы? А разве мы не должны все подвергать проблематизации? И как здесь вообще возможны положения, не требующие доказательств, если сами подходы столь разнородны? На мой взгляд, не только возможны, но и необходимы. Только строиться они должны в рамках каждого из предлагаемых подходов (например, сетевого, институционального, социокультурного и др.) — как его исходное основание, позволяющее приверженцам данного подхода опираться на него как на фундамент, а противникам — давать его содержательную критику, разбирая фундамент по кирпичикам. При этом мы вовсе не имеем в виду, что аксиоматика является чем-то неизбыточным, раз и навсегда данным, тем более, если дисциплина продолжает развиваться. Но на каждой данной ступени исходные предположки следует определять как можно четче.

А что происходит, когда аксиоматика четко не выделяется? Аксиомы тихо, по умолчанию, переносятся в область исследовательских задач и гипотез. И вместо того, чтобы, скажем, зафиксировать на аксиоматическом уровне, что социальные сети (или институты, или культура) имеют значение, и далее строить действительно проблемные гипотезы, начинаются бесконечные обоснования того, что эти

сети (институты, культура) действительно важны — в любой сфере, какую бы мы ни взяли. Исследование из решения задач превращается в процедуру оправдания избранного подхода и закономерно приходит к утвердительным выводам (ведь куда ни пойдешь, везде сети, институты, культура...).

Почему большинство исследовательских гипотез (если они вообще формулируются) у начинающих и, к сожалению, у вполне опытных исследователей являются самоочевидными, т.е. по существу никакими гипотезами не являются? Часто потому, что, желая казаться «настоящими профессионалами», мы закладываем в гипотезы предполагаемые (или уже полученные) результаты, превращая их в риторические формулы, так сказать, «отдавая дань...» А еще потому, что хотим непременно верифицировать собственные теоретические построения (зачастую аксиоматического свойства), чтобы доказать их (а, следовательно, и свою) значимость.

Что в этом отношении действительно требуется, так это принципиально отделять гипотезы, с одной стороны, от аксиоматики в рамках конкретного подхода, а с другой — от предполагаемых результатов. Это значит, что вместо доказательств чуть ли не всеобщей применимости избранного (и столь «полюбившегося» нам) подхода, мы должны стремиться к фальсификации собственных теоретических положений (вполне в попперовском духе), отчетливо демонстрируя, где они оказываются неприменимыми, т.е. фиксируя области действия, где наши сети, институты, культура и пр. не играют решающей роли. Почему-то это считается проявлением слабости, в то время как эксплицирование собственных границ (т.е. нормальная рефлексия второго уровня после рефлексивно-ограничения внешнего объекта) как раз и является проявлением содержательной силы. Готовы ли мы воспринимать такой взгляд как норму и основание для собственной деятельности?

Что делать с методологическим плюрализмом

Известно, что единой «гранд-теории» в социологии нет со времен Т. Парсонса. Периодические попытки предложить такую теорию оказались безуспешными. Труды Питирима Сорокина и других соотечественников, при всем к ним уважении, в этом деле вряд ли помогут. Что делать в этом отношении? Может быть, приступить к строительству новой «гранд-теории»? Многим коллегам симпатична подобная мысль, и они склонны ожидать пришествия нового Маркса (Вебера, Парсонса, Лумана — в зависимости от пристрастий). Но большинство, видимо, со-

гласится с тем, что «поезд ушел» и ждать больше нечего. Социология слишком разнородна, чтобы претендовать на единение в смысле формирования общего методологического ядра.

Значит, каждый должен идти своим путем, при этом гордо игнорируя других? Это как раз то, что мы имеем сегодня. И разнородный образовательный и профессиональный бэкграунд российских социологов старшего и среднего поколений этому только способствует (ведь одни из нас вышли из философов, другие — из историков, третьи — из экономистов). Или, быть может, попытаться доказать, что один из подходов — наиболее адекватный, развязать очередную «битву методов», например, снова, в который раз поспорить о приоритете количественных или качественных методов? Дебаты, конечно, необходимы, и, более того, социологам их явно не хватает. Но вопрос в том, с какой целью они ведутся. Чтобы одержать верх и оказаться в доминирующем положении? Вряд ли на это стоит тратить лучшие годы.

Ключевым проектом в этом отношении должно стать строительство «методологических мостов» между подходами (конвенциональных связей, интерфейсов, конфигураторов, называть это можно как угодно). Здесь напрашивается следующая аналогия. Всем нам нравятся такие города, как Санкт-Петербург или Венеция, где разъединенные природой части связаны многочисленными мостами. Почему не представить это как модель? Заметим при этом, что мосты — не просто механические соединения и в то же время не символические дополнения к архитектурным ансамблям. Именно они во многом формируют город как единое пространство. И если засыпать или перекрыть внутренние каналы и реки в безумной попытке превратить разные части города в одну безразмерную площадь, он, потеряв свою структуру, скорее, умрет, нежели расцветет с новой силой. Если же обратиться к социологическим направлениям, многое ли здесь делается для «наведения мостов»? Не для формирования общей методологии всего и вся, а для построения содержательных связей между диверсифицированными подходами?

Как перепрыгнуть через пропасть между теорией и эмпирикой

Серьезный разрыв проявляется также в напряженной связи между теоретическими подходами и эмпирическими свидетельствами. Наглядный пример — работы многих наших студентов и аспирантов: обзор теорий — в одной главе, эмпирические исследования — в другой и, что характерно, связь между ними почти не прослеживается или остается

сугубо формальной. И разве это касается только дипломов и кандидатских диссертаций?

Разрыв между теоретическими построениями и социальными измерениями реален и серьезен, часто речь идет о необходимости преодолеть пропасть между ними в три-четыре прыжка. И тем не менее другого выхода нет.

В этой связи прежде всего хочется обратиться к тем, кто увлечен социологической теорией. Мы не можем бросать идеи в пространство — скорее всего, они «упадут на дно» и больше о них никто не услышит. Предлагать какую-либо модель «для будущих исследований» в надежде на то, что появятся некие продолжатели дела с горящими глазами и перенесут эти идеи на сторону эмпирических исследований, слишком уж романтично. С большой вероятностью этого никогда не произойдет. Нужно все делать самому, совершая полный исследовательский цикл и преодолевая пагубное разделение труда между теми, кто «витают в облаках», и теми, кто «копается в земле». Сходный запрос правомерно послать и другой стороне — тем, кто любит повторять: «Мы, однако, не теоретики, мы все больше с цифрами...». Хочется заметить, что цифры сами по себе никому не нужны.

Но разве любые социологические конструкции можно операционализировать и затем верифицировать на эмпирическом уровне? Нет, существует род мировоззренческих, или еще можно назвать, идеологических, построений (например, теории капитализма или открытого общества, глобализации или индивидуализации), которые изначально слишком общи и(или) ценностно перегружены, чтобы нуждаться в подтверждении конкретными фактами. Такие мировоззренческие системы играют важную стимулирующую роль, указывая на какие-то крупные тенденции. Но их желательно отделять от собственно социологических теорий, которые ожидают последующей операционализации и тестирования основных предположений. Без четкого разделения двух этих типов логических конструкций нам не перешагнуть даже небольшие препятствия, не говоря уже о преодолении крупных разорванных пространств.

И еще одна хорошо известная, но извечно больная область: нужно хорошо знать свое ремесло, имея в виду все необходимые процедуры и методы сбора и анализа данных. С некоторой долей шутки, можно сказать, что во многих случаях в споре между приверженцами М. Вебера и последователями П. Сорокина победит тот, кто лучше знает SPSS и статистику. Кому-то это тоже кажется самоочевидным? Но что можно сказать, когда в билетах на государственном экзамене по социологии в

2007 г. все на том же факультете социологии МГУ современная теория заканчивается Парсонсом, а вопросы по количественным методам отсутствуют вовсе (если не считать таковым один вопрос о типах выборок)? Можно ли это считать случайностью или частной недоработкой?

Важно понять, что это проблема не только организации учебного процесса на каком-то одном факультете. Существует суровый и почти повсеместный дефицит тех, кто может преподавать социологам количественные методы. Есть много прекрасных математиков и статистиков, которые не чувствуют социологической проблематики, и, напротив, много социологов, которые не владеют соответствующими методами.

Выскажу «крамольную» мысль: не исключено, что в ближайшее время придется отыскивать и приглашать наших соотечественников, закончивших американские университеты (в европейских университетах этому тоже не очень учат), которые способны преподавать социологические методы на должном уровне. А как же наш российский патриотизм? Торжество настоящего патриотизма как раз и проявится в том, что хотя бы часть ранее уехавших коллег вернется на Родину и найдет здесь адекватные условия для жизни и работы.

Нужно ли открываться для профессионального сообщества

Много говорится о дефиците связей внутри профессионального социологического сообщества. И это стоит нашей заботы. Но ведь речь идет не только о том, чтобы слушать друг друга на конференциях и читать опубликованные статьи и книги. Действительно зрелое профессиональное сообщество должно быть более открытым — внутренне и внешне.

В связи с этим зададим несколько «неудобных» вопросов. Почему так трудно найти на сайтах российских университетов полные тексты программ учебных дисциплин? Нам говорят: потому что коллеги боятся, что кто-то украдет их ценные разработки. Позвольте с этим не согласиться. Основная причина, на наш взгляд, в другом — просто многие не хотят их показывать, поскольку в одних программах обнаружится литература как минимум двадцатилетней давности и соответствующая скудному списку из локальной библиотеки, а многие другие окажутся и вовсе некондиционными (несоответствующими элементарным стандартам) или попросту списанными с чужих источников.

Например, в Высшей школе экономики все программы учебных дисциплин доступны в сети Интернет. Несомненно, так удобнее для студентов. Но это также и принципиальная профессиональная позиция,

обращенная к нашим коллегам: заходите на сайт и смотрите; если что-то делается не так, критикуйте нас, будем благодарны. Воруют ли наши продукты? Да, воруют. Пожалуйста, мы не против. И пусть тот, кто ворует, или тот, кто не в состоянии подготовить материалы на должном уровне, тихо сидит в своем закрытом углу. Сославшись на любые причины, он не будет открываться, чтобы не стать объектом неформального академического контроля со стороны профессионального сообщества — единственного достойного оценщика наших усилий.

Далее, почему бы не вывесить в открытом и свободном доступе все защищаемые диссертационные работы (подчеркну, не только авторефераты, а работы целиком)? Тоже боимся воровства? Но эта проблема вообще решается элементарно. Разработчики системы «Анти-плагиат» уже заключили рамочное соглашение с ВАК РФ. Все вывешенные диссертационные работы без труда можно поместить в одну электронную базу, и любая проверка займет менее одной минуты. Или мы боимся, что уменьшится число докторов и кандидатов наук?

Следующий пункт: почему столь сложно найти на сайтах факультетов стандартную информацию о преподавателях, включая полные списки их публикаций. Это тоже коммерческая тайна? Или выяснится, что с публикациями не все ладно — их нет или они содержатся в источниках, которые невозможно обнаружить в каталогах достойных библиотек?

При желании нетрудно решить эти вопросы. Технические препятствия давно преодолены: доступ в Интернет есть почти у всех, а для того, чтобы сделать новую страницу на сайте, кому-то из наших студентов понадобится всего один день. Придется, конечно, тратить некоторые усилия на ее поддержание, периодически обновляя информацию, но это отнюдь не гигантские усилия.

Если у нас действительно серьезные амбиции, открытость внутри российского социологического сообщества, конечно, лишь первый шаг. Мы должны стать более открытыми для сообщества международного, и не только для российской диаспоры, проживающей в разных концах света. Можно, конечно, считать, что у нас по определению все на международном уровне, только об этом, к сожалению, никто не узнает. Здесь возникает проблема иностранного (читай: английского) языка и перевода того, что мы делаем на этот язык. Речь идет также о создании действительно международных учебных программ на том же английском или на других языках, обучаться по которым приедут иностранные студенты из дальнего зарубежья, — для включенного обучения или для получения наших дипломов. Эта задача, конечно, уже более высокого порядка, требующая куда больших целенаправленных

усилий. Но и в этом направлении двигаться нужно. И, конечно, не для того, чтобы подзаработать на приезжающих иностранцах, а для того, чтобы стать сопоставимыми и включиться в это международное общество на рутинном уровне.

Как привязать себя к практике

Наши студенты постоянно нервничают, найдут ли они себе работу по специальности по окончании вуза. А многие из них торопятся начать работать в период обучения — причем, не только из-за денег, но во многом для обретения опыта и уверенности в том, что они «востребованы».

В этом заключается еще одна специфическая черта социологии и общая трудность для социологов. Академический рынок труда слишком мал, а неакадемический рынок почти не предъявляет спроса на социологов как таковых. Однако важно понимать, что этот спрос есть, и он достаточно объемен. Просто он существует в латентной форме и предъявляется под другими именами: всем нужны маркетологи, пиарщики, специалисты по рекламе и работе с персоналом. При этом выпускники хорошего социологического факультета (а в условиях растущего рынка, даже и не очень хорошего) находят себе применение и утверждают, что работают «по специальности». Университеты не могут заниматься их трудоустройством (это не их функция, к тому же выпускники прекрасно решают эту задачу самостоятельно). Но учитывать этот неявный спрос (или, точнее, помогать выпускникам его улавливать) — наша задача.

В целом очень важно не отгораживаться от практиков, а контактировать с ними несмотря на очевидные трудности и ограничения, связанные с такими контактами. Преподаватели и исследователи должны вести с ними периодический диалог (социологическое исследование как раз одна из форм такого диалога). Не помешает и практический опыт работы или участия в каких-то бизнес-проектах, хотя, конечно, совмещать эти виды деятельности могут не все. В любом случае, инициатива по организации такого диалога должна исходить с нашей стороны, потому что практики «слишком заняты» (как будто мы не заняты вовсе!) и, главное, не готовы решать за нас наши задачи. Нужно вовлекать их в свой процесс — читать лекции, открывать специальные базовые кафедры, «навязывать» студентов для руководства и организации практики. Это позволит поддерживать еще одну форму «связи с реальностью».

В последнее время оживляется интерес со стороны бизнеса к образовательным программам и сотрудничеству с ведущими университетами.

Причина его проста: рынок труда продолжает расти, а дефицит квалифицированных кадров становится все острее. И если раньше руководители компаний просто просили: «ну, дайте кого-нибудь толкового», то теперь, по крайней мере некоторые из них, понимают общую системность и существенность разрыва между теми, кто им нужен, и теми, кого они вынуждены нанимать за все возрастающие зарплаты. Нужно поддерживать и канализировать этот неустойчивый интерес.

При контакте с практиками (представителями бизнеса или государственного управления) социологи не должны идти на поводу их текущих запросов, потому что временные и содержательные горизонты у них, как правило, слишком узкие. Нужно брать сформулированные практиками задачи и решать их по-своему. И окажется, что на социологическую аналитику и здесь есть спрос, хотя первоначально он, возможно, и не предъявлялся. Углубленной аналитики всегда не хватает, сколько бы текущей информации не было в распоряжении наших практически ориентированных коллег.

И еще одно рассуждение более деликатного и спорного свойства. Относительно пониженный интерес к трудам социологов во многом связан с тем, что мы работаем преимущественно в дескриптивном и ретроспективном ключе, т.е. в основном описываем и анализируем ранее свершившееся, а не предсказываем то, что случится завтра и послезавтра. Социологи любят типологизировать и не любят предсказывать. У этого есть объективные основания. Социолог изучает социальные структуры, а последние — это устойчивые связи, воспроизводимые в течение определенного, относительно длительного времени. Наблюдая нечто, возникающее на наших глазах, мы еще не знаем, утвердится ли оно в качестве такой структуры или будет сметено потоком времени. Поэтому основные социологические инструменты, даже если исследуется настоящее, ориентированы на прошлое. Это ни плохо, ни хорошо, такова специфика дисциплины. Хуже другое: специалисты-практики, в каких бы сферах они не работали, как раз прошлым интересуются в наименьшей мере. Добавим, что часто они слабо интересуются и настоящим, считая, что в своей области им и так все известно (скорее всего, они заблуждаются, но переубедить их нелегко). Присущий им неизменный прагматизм проявляется, в частности, в том, что их преимущественно интересует ближайшее будущее. Поэтому, кстати, экономисты, даже при весьма механическом использовании регрессионных моделей, имеют куда больший успех.

Нравится нам это или нет, но если мы хотим теснее связать свои интересы с интересами практиков, нам придется учиться работать на предсказательном уровне. И не думаю, что подобные попытки обречены на

неудачу. Если социальные структуры существуют сегодня, то с определенной (достаточно большой) вероятностью они будут существовать и завтра. А более отдаленной перспективой (о которой как раз любят рассуждать теоретики футурологического склада), практически никто не интересуется.

Как стать настоящим патриотом

В последнее время присущий социологии методологический плюрализм дополнился в России попытками идейного и институционального раскола социологического сообщества. В самой организации очередного союза или ассоциации, разумеется, ничего плохого нет. Хуже то, что под знаменами нового объединения прозвучали обвинения в адрес российских социологов-шестидесятников, которые, если аккуратно выразиться, немало сделали для становления новой российской социологии (при этом важной роли Г.В. Осипова в этом процессе, думаю, никто не собирается оспаривать).

Каковы же основания, по которым начали делить социологов? Ничего нового, увы, нас здесь не ожидает. В очередной раз провозглашается грядущее торжество отечественной мысли, взошедшей «без механического экспорта идей» (вероятно, имеется в виду импорт, но это детали). И есть, якобы, горстка «заблудших», которые не веруют в русскую социологическую традицию и пытаются стать проводниками тлетворного влияния Запада.

Я, разумеется, никак не против русской социологической традиции, пусть даже о ней мало кто знает вне России. Но, во-первых, исключения все же есть, а во-вторых, даже если бы и вовсе никто, кроме нас, не знал эту традицию, все равно ее следует изучать как важнейший элемент собственной истории. Дело в другом: не следует этим и ограничиваться.

Попытка представить дело как продолжение благородного исторического спора «западников» и «славянофилов» (или в менее благородной версии — «патриотов» и «космополитов») тоже не совсем удачна. Скорее, речь идет о противостоянии изоляционизма с характерными заклананиями, что у нас и так все «на международном уровне», и попыток встраивания России в сложные глобальные процессы, в стремлении найти ей там достойное место. И кто здесь патриотичнее — большой вопрос. Точнее, патриотизм мы понимаем по-разному.

Если действительно заботиться о состоянии российской социологии и ее месте в международном профессиональном сообществе, то первое, что нужно делать, — это переходить от доморощенных местечковых

теорий к детальному изучению мирового наследия и правил игры, по которым строятся мировые академические практики. Когда, например, у тебя сильный неспадающий жар, можно, конечно, лечиться традиционными средствами, но лучше все-таки прибегнуть к антибиотикам, хотя их и придумали «буржуазные специалисты». Или еще один образ: большинство из нас (по крайней мере, если речь идет о мужчинах) продолжает любить футбол, несмотря на хроническое отсутствие у национальной сборной команды серьезных успехов на международной арене. И даже когда мы в очередной раз проигрываем, мы же не предлагаем ввести свои правила игры (например, не пытаемся заменить их правилами игры в традиционно русскую лапту), хотя правила игры в футбол (как и многих других игр) придуманы не в России и что-то наверняка нам может в них не нравиться. Правила «игры в науку», которой мы занимаемся, увы, тоже придуманы не в России.. И что же нам теперь, выдумывать свои правила?

Иное дело, что западные теории тоже не стоит фетишизировать. Вместо бездумного поклонения и некритического заимствования, их стоит эффективно использовать. Это не более чем рационально выстроенные инструменты, которые следует отбирать для своих нужд и пускать в дело. Но, конечно, для этого сначала придется изучить, как ими пользоваться, чтобы не «уродовать» себя и других.

И, наконец, еще более трудная задача. Из того, что правила организации академического сообщества социологов и его профессиональной деятельности относительно универсальны и выработаны на иной почве, вовсе не означает, что невозможно существование национальной российской социологии. Я верю, что она возможна. Но сложность заключается в том, что, вырастая из наших культурных оснований, из специфического опыта, она должна преодолеть разрыв с внешними культурными основаниями. Для этого придется играть в «свою» игру по «чужим» правилам и с носителями этих правил, чтобы попросту не остаться наедине с собой и не заниматься самоудовлетворением. Словом, и здесь речь идет о построении внешнего интерфейса.

Выстраивать содержательные связи

Если суммировать все сказанное выше, фактически речь идет о выстраивании внутренних и внешних интерфейсов, или содержательных связей, социологии. Следует быть понятными для тех, кто уже обращен или может быть обращен к социологии, каким бы сложным ни было содержание наших построений и выводов. Для этого при-

дется прояснять собственные теоретические основания — дифференцировать многочисленные социологические подходы и выделять их аксиоматику. В основу социологических исследований должны закладываться не формально актуальные темы, а проблематизирующие гипотезы, в которых следует избегать тавтологического повторения аксиом и «предугадывания» будущих результатов. Проверая такие гипотезы, мы должны без боязни фальсифицировать собственные теоретические положения, аккуратно вычерчивая место используемых подходов.

Определив место этих подходов, надо немедленно строить методологические связи между ними вместо того, чтобы погружаться в общесоциологические рассуждения. При этом следует отделять мировоззренческие системы от операциональных социологических теорий, а последние доводить до уровня конкретных измерений. А чтобы связывать разрозненные теории и эмпирические свидетельства и при этом получать нетривиальные результаты, придется усиленно изучать ремесло — методы и процедуры сбора и анализа данных. И, наконец, все наши продукты, исследовательские и образовательные, должны выставляться на открытый суд профессионального сообщества — сначала российского, а по мере накопления сил — и международного.

Построение другой необходимой связи предполагает улавливание неявного спроса на социологию и социологов со стороны практиков разного толка. Нужно втягивать их в содержательные диалоги, используя организационные рамки образовательного и исследовательского процесса. Чтобы по-своему решать стоящие перед практиками задачи, социологам придется, помимо прочего, учиться не только описывать прошедшее и настоящее, но и предсказывать будущее, не теряя при этом специфики собственных инструментов.

Наконец, решение амбициозной задачи позиционирования России в международном сообществе предполагает прежде всего освоение мирового (в том числе, и российского) наследия и совокупности правил, по которым строится академическая наука. Играя по «чужим» правилам с представителями иных культур, следует попытаться занять свою позицию в этой игре.

А.В. Тихонов,

Посткризисный синдром отечественной социологии и проблемы новой повестки дня

Слова, использованные в названии, требуют поясняющей интерпретации. Что понимается под отечественной социологией? Что такое посткризисный синдром и почему его нужно выделять в качестве особого признака? Что такое повестка дня отечественной социологии и почему появляется проблема ее выработки? На ответах на эти вопросы мы и намерены остановиться.

В первом приближении отечественная социология может быть определена как исторически развивающееся производство знаний о закономерностях функционирования и изменения эмпирического объекта, каким выступает «данное нам в ощущении» российское общество, представленное в научной абстракции как социальная реальность. Субъектом производства выступает вполне определенная группа профессионально подготовленных людей — социологическое сообщество. Она (группа) организует и осуществляет этот процесс и одновременно находится в сложных социальных, интеллектуальных и когнитивных отношениях со своим эмпирическим объектом. Занятие это — неслыханно сложное дело: мчаться на перекладных «Русь-тройки», страны, несущейся неизвестно куда, временами останавливаясь, проваливаясь в бездну, но снова восстанавливающейся и снова несущейся. Куда? И в гонке этой надо тщательно, добросовестно и «по науке» измерять скорость, направление и другие параметры головокружительной езды, не забывая спрашивать пассажиров, барина и кучера о здоровье и о том, что они думают по поводу последнего поворота, докладывать о результатах своих изысканий в надежде быть услышанным и убежденным, что когда-нибудь сумасшествие образумится, упорядочится и произойдет это не без твоего аналитического участия.

Посткризисный синдром — вполне естественное после очередного крутого поворота истории тяжелое размышление и переживание социологами своего нового положения в изменившейся стране (институциональный аспект) и своего места и роли в науке, а конкретнее — в социально-научном знании (эпистемологический аспект). Социологическая мысль имеет длительную интеллектуальную историю, которую отсчитывают от Платона, Аристотеля, Макиавелли или других мировых мыслителей, а у нас — от Радищева, Чаадаева или Герцена. Поэтому

тренды эпистемологического статуса отечественной социологии и ее институционального статуса не совпадают, что время от времени создает напряжения в самом социологическом сообществе и его отношениях с обществом-государством (ниже будем употреблять слово «общество» — А.Т.), оказывая заметное влияние и на производство социологического знания. Ожидания обществом реальной пользы от социологии может не совпадать со способностью нашей науки производить такое знание, с одной стороны, а с другой, — ожидание социологии на применение в обществе уже полученного знания может не соответствовать возможностям и желаниям общества использовать его в силу хотя бы постоянно происходящего столкновения интересов доминирующих групп. Поэтому история отечественной социологии за последние более чем сто лет полна примеров как полного или частичного несоответствия во взаимодействии социологии и общества, так и трогательного и опасного слияния научной схемы общественной жизни с идеологической и политической практикой [1]. Появление нынешнего посткризисного синдрома обусловлено очередным витком коэволюции взаимодействия социологии и общества, наступившего после тяжелейшего системного геополитического, геоэкономического и геокультурного кризиса СССР—России в 1990-е годы прошлого века и, одновременно, героического этапа для отечественной социологии. Масштаб события хорошо определил Н. Смелзер в предисловии к русскому изданию своей книги «Западная социология от Ф. Тённиса до наших дней»: мировая социологическая общественность была введена в заблуждение представлением о том, будто рост сложных, рациональных, целенаправленных организаций означает общее ослабление примордиальных сил. Более того, много раз в своей истории Советский Союз пытался подавить семьи, религию и, прежде всего, этническую общность — нацию. В конечном счете эта попытка потерпела неудачу... Во многих отношениях история Советского Союза и вообще история Восточной Европы после Второй Мировой войны преподала нам урок, суть которого лучше всего выражает следующая фраза: «неукротимость примордиального»... В настоящее время эта исконные силы, одним словом, силы Гемайншафта, видимо, снова заявляют о себе в региональном, этническом и лингвистическом сознании, в социальных движениях и политической борьбе во всем мире. Это событие требует, чтобы социологи переосмыслили прежние теории социальных перемен и обратили на примордиальные структуры достойное внимание, какового они всегда заслуживали, но которое не всегда им уделялось» [2].

На наш взгляд, эти замечания частично учтены в мировой социологии, поскольку в ней, если судить по материалам XVI Всемирного социоло-

логического конгресса в Дурбане (ЮАР, 2006), у социологов появилось скептическое отношение к определению современной эпохи в терминах глобализации, так как за ними стоят навязываемые миру универсалии американской и европейской моделей общества модерна. Поэтому на конгрессе был сделан акцент на проблематике суверенитетов национальных государств и локальной специфики этносоциальных объектов [Подробнее см. 3]. У нас, по аналогии, проблематика социетальной трансформации стала уходить на второй план, а региональные и особенно этнокультурные проблемы стали все больше попадать в объектив социологического внимания. Но это еще не тот урок, который могли извлечь из российских событий американские, европейские и особенно российские социологи. Н. Смелзер, на наш взгляд, односторонне поставил проблему, обратившись к примордиальным структурам, хотя суть дела во взаимодействии и взаимообусловленности сложных, рациональных и целенаправленных организаций и самодеятельных, самоорганизующихся, спонтанных социальных, этнических, национальных, конфессиональных и других процессов, вплоть до родственных общностей, кланов, ментальных сетевых групп и явлений индивидуализации (З. Бауман). То есть это те вопросы, которые действительно ставил еще Ф. Тённис (общество и общность), а за ним — Ю. Хабермас (колонизация жизненного мира), а у нас — А. Ахиезер, говоря об отчужденном большом обществе и малом комфортном, Н.И. Лапин, выдвинувший еще в советское время в качестве предмета исследования планируемые и спонтанные процессы, методолог науки Г.И. Рузавин, когда говорил, что «взаимодействие организации и самоорганизации может стать общей, фундаментальной основой новой парадигмы развития всех систем и структур современного общества».

Но речь идет даже не о том, на что меньше или больше нужно обращать внимание. Речь идет о более четкой и научно обоснованной формулировке проблемной ситуации и для мировой, и для отечественной социологии, от чего зависит ориентация всех социальных и гуманитарных наук и процесса производства знания, его адекватность или неадекватность существующей реальности. На этой основе складывается и повестка дня, которая должна отличаться признаками научной новизны, задавать тон, определять тематику и направления самых различных исследований. Поэтому можно сказать, что отечественная социология призвана сначала оценить, а затем и преодолеть посткризисный синдром и артикулировать свою повестку дня в соответствии с правильно понятой и сформулированной проблемной ситуацией. Именно через проблемную ситуацию конкретизируется такая абстракция как социальная

реальность. То, что это непростая задача, мы убедимся, обратившись к некоторым симптомам посткризисного синдрома.

В качестве первого признака можно назвать тот факт, что за последние восемь лет внимание социологического сообщества переключилось с вопроса, куда идет Россия, на вопрос, куда идет отечественная социология. Это видно по изменению повестки Всероссийских социологических конгрессов. Первый (27–30 сентября 2000 г.) под девизом «Общество и социология: новые реалии и новые идеи» был целиком посвящен вопросам «выработки концептуальных оснований и стратегий развития российского общества, поиска путей преодоления кризисных явлений и социальных конфликтов, определению направлений вывода России на рельсы устойчивого развития», хотя никто «сверху» социологов о выработке концепций и направлений не просил и никаких рекомендаций не ждал [5]. Второй (30 сент. – 2 окт. 2003 г.) под девизом «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы» уже искал ответы для России на глобальные вызовы, хотя социологов, как и в первом случае, никто об этом не просил. Осознание того, что социологическое знание может оказаться невостребованным властью, было неприятной неожиданностью для государственно настроенных социологов, что нашло отражение в докладе Г.В. Осипова на этом конгрессе: «Если говорить о России, то приходится констатировать, что произошло умаление места и роли социологии государственными институтами. Этим в значительной мере объясняется глубина кризиса, постигшего нашу страну... Если научное знание не вовлечено в систему властных отношений, то властные структуры управляют обществом на основе социальной мифологии, которая оплачена твердой валютой социальных потрясений и катастроф» [6]. Тезис более чем спорный, но факт есть факт, что часть социологического сообщества не под давлением государства, а добровольно, по старой российской и советской традиции «служения» попыталась восстановить в условиях нового политического режима статус социологии как государственной науки. Эта готовность, по всей видимости, не встретила понимания. Для нас это весьма знаковый симптом посткризисного синдрома. Как писал Г.С. Батыгин: «Отличительная черта российской социологии — ее исключительное влияние на общественную и политическую жизнь. История не знает другого такого подчинения общества теоретической схеме. Что же касается тематической программы и основных теоретических ориентаций, то российская социология в полной мере наследует западную традицию просветительского миллениаризма, соединяя ее с мистической верой в исключительность «русского пути» [7]. Таким

образом мы становимся свидетелями нового поворота в отношениях социологии и власти, социологии и политики, требующего осмысления. Третий конгресс (21–24 окт. 2008 г.), в программном комитете которого работал автор этих строк, на первое место ставит проблемы самой социологии в связи с происшедшими в нашем обществе изменениями. Его девиз: «Социология и общество: проблемы и пути взаимодействия». Выдвижению этой темы в повестку дня предшествовал целый ряд обсуждений и довольно критических высказываний в отношении состояния и перспектив отечественной социологии, что нашло отражение в статьях Л.Г. Ионина и А.Г. Здравомыслова относительно способности нашей социологии вырабатывать собственную повестку дня, ее ангажированности и автономности [8]. Особенно категорическим нам показалось высказывание Ю.Л. Качанова: «Российской социологии чужда истина. Это утверждение звучит как приговор, обжаловать который можно, лишь предъявив хотя бы одну истину отечественной социальной науки. Именно истину, а не «рецепцию западной мысли». Не произведя своей истины, российская социология не имеет ни малейшего влияния на интеллектуальное производство в целом или на политику» [9]. Не будем сейчас обсуждать доказательную базу такого утверждения. Оно, несомненно, нуждается в отдельном разговоре. Важно только, что «смертный» приговор вынесен, а это уже, согласитесь, — симптом. Обратимся и к другим свидетельствам посткризисного синдрома.

По иронии судьбы на последнем (2006 г.) Международном симпозиуме, организованном Московской высшей школой социальных и экономических наук и Междисциплинарным академическим центром социальных наук, который в течение десяти кризисных лет был самой авторитетной дискуссионной площадкой по проблеме «Куда идет Россия?», в отношении современного состояния отечественной социологии прозвучали весьма неприятные слова. Это подвигло организатора данного симпозиума Д.М. Рогозина сделать заявление относительно этики социологов, которые склонны «воспроизводить литературный образец, лубочную картинку происходящих событий, существенно уступающую в объяснительной и прогностической функции даже элементарному здравому смыслу» [10]. Но все же мы приведем и другие высказывания как свидетельства проявления посткризисного синдрома. Самым шокирующим можно считать обвинение социологами своего общества в его неразвитости, слабости, в том, что оно «не испытывает нужды в соответствующем социальном знании или интерпретациях» (Л.Д. Гудков), в том, что подавляющее большинство людей живут «тра-

вяной жизнью» и ничего не создают, кроме себе подобных... потому что думать не приучены... «Тезис о том, что простые люди ежедневно своей повседневной деятельностью создают общество, заново сочиняют нормы и правила — это чистая интеллигентская утопия» (О.Б. Божков) и в том, что сегодняшний российский, как и прежний советский социум, — это сообщество, не желающее ставить себя под вопрос. «Оно предпочитает вытеснять общие проблемы или забалтывать неприятную реальность, на расхожем нынешнем языке — «не грузить себя», «не париться» (Б.В. Дубин). Здесь можно обойтись и без комментариев. Наши феноменологи, этнометодологи и все исследователи повседневности могут отдыхать, но неразличение эмпирического и научного объектов для социолога — это уже симптом «весеннего обострения» в общем посткризисном синдроме. Конечно, в высказываниях этих и других участников симпозиума есть немало и ценных замечаний, с которыми можно не соглашаться, но которые нужно иметь в виду. Одно из них — это обвинение в заимствованиях у западной социальной науки, другое — в аморфности самой российской реальности, в которой, якобы, «нет ни политики, ни публичной сферы, ни культуры», почему как бы не существует и соответствующих проблем, а только этикетки, третье — нет в наличии научной среды, ее необходимой плотности, разделяемых интересов, чувства солидарности в средствах защиты собственной автономии, а есть команды, либо тусовки. Поэтому нет и соответствующей полемики, теоретических дискуссий. Наконец, на исследуемую тематику и постановку проблем все больше стремятся оказать влияние государственная власть и ведомственная бюрократия, поэтому на роль ведущих направлений выдвигается проблема защиты особого исторического пути России, отстаивания национальных интересов страны и национальной безопасности. Отказ от постоянного коллективного обсуждения актуальных проблем развития российского общества и переключение на проблемы методологии социального познания означает обсуждение второстепенных вещей, «бантиков» и представляется печальным симптомом научной слабости или деградации (Л.Д. Гудков).

Здесь нельзя не привести более полную цитату из высказываний этого автора, значительно не соответствующей нашей оценке ситуации: «Сегодня в социальных и экономических науках в России не происходит ничего такого, что заставило бы ставить вопрос о кризисе базовых парадигм или теоретическом тупике. В первую очередь потому, что научная работа в отечественных социальных науках еще не вышла из фазы первоначального описания реальности советского и постсоветского обществ,

не освоены даже азы социологической предметной теории», а «ученые в значительной степени сохраняют инерцию государственнического отношения к науке, стремясь, как и прежде, обслуживать интересы власти, точнее, временщиков у власти, ... в их головах понятие «академической автономности» еще не возникло (и не исключено, что никогда и не возникнет)» [11].

Все это можно принять всерьез и обсуждать на тех площадках, которые, к счастью, никто еще не закрыл, если бы не явная ангажированность авторов политикой, правда, альтернативной существующему режиму, называемому Л.Д. Гудковым «полицейским». Любая нагруженность дискуссий о научном познании политикой отбрасывает социологию к ее предистории, когда только формировались онтологические предпосылки социологического знания и только начинало проявляться различие общества и государства как различных сущностей, поскольку до того в средневековой общественной жизни, в «граде земном» господствовал, по выражению Блаженного Августина, «мрак» и заправляла всем этим «разбойничья шайка», то есть тогдашняя государственная власть. Так что критические инвективы в адрес отечественной социологии, будь они и из самых благородных чувств, с тех или иных политических позиций, скорее относятся к симптомам донаучного состояния социологической мысли, чем к современной социологической науке. Все же и этот критический залп в адрес отечественной социологии нельзя сбрасывать со счетов.

Есть немало и других высказываний. Они касаются институционального и эпистемологического статусов отечественной социологии, а также отношений в самом социологическом сообществе. Частично позицию по этим вопросам автор высказал в сборнике трудов ИС РАН [12]. Однако появились и новые публикации, на которые следует обратить внимание. Общий лейтмотив сводится к тому, что наша социология как институт и как научная дисциплина не успевает за метаморфозами российского общества. В.В. Козловский, высказавший это соображение, исходит из онтологического допущения, что общество потребления уже стало фактом российской реальности «как огромный мегамаркет», а социология в России становится все более интересной для самих социологов, и тогда встает совсем не риторический вопрос: а интересна ли она для общества, в котором социологи живут и работают [13]. Это действительно важный вопрос, на который хотелось бы получить социологический ответ. В этой связи В.В. Козловский считает необходимым поставить диагноз состоянию всей российской социологии, то есть выявить, по его словам, уровень ее институализации, степень профессионализма

и значимости социологов, определить полноту социального знания и его соответствия запросам общества, наконец, тестировать качество социологического образования. Процедуру диагноза он проводит на основе ряда фактуальных обобщений. Приведем их в кратком изложении: 1) в отечественной социологии сегодня происходит институциональное дробление и размежевание социологического сообщества наряду с ростом количества специалистов-социологов и объектов исследовательских и образовательных социологических услуг; 2) происходит кризис социологического образования в ведущих университетских центрах, основной причиной которого является борьба в социологическом сообществе за институциональную власть, символический капитал и ресурсы; 3) происходит монополизация государством производства социологического знания и образования и вытеснение из руководства этим процессом общественности и самого социологического сообщества; 4) происходит одностороннее использование социологов некоторыми структурами в острых ситуациях, когда социологам отводят скорее роль оплаченных подрядчиков, чем самостоятельных, независимых экспертов и аналитиков; 5) публичная непроявленность гражданской позиции социологов в контексте наиболее важных социально-политических и культурных событий отражает консервативный характер современных социальных наук в России. «Публично молчащая социология весьма органично встроена в идеологическое обеспечение вчерашнего дня, но она хронически отстает от запросов будущего»; 6) происходит диверсификация социологического знания, размывание поля социологии, изменение профиля профессиональной деятельности социологов. В этом пункте автор обращает внимание на всем известные, но все еще недостаточно отраженные факты фрагментации социологического знания, отсутствия комплексных лонгитюдных исследований, а также стремительное отпочковывание от академической социологии неклассических направлений, таких как социальная и культурная антропология, исследование рынков, коммуникации, не говоря уже о чисто прикладных отраслях.

В.В. Козловский видит причину всех этих бед в приверженности отечественной социологии классическим концепциям общественной жизни, в изображении мира системным, функциональным, структурированным и статичным, в то время как он стремительно меняется. Поэтому социология не влияет на формирование подрастающего поколения, в том числе и через высшую школу. Она просто не отражает современных реалий. Этим Козловский косвенно признает, что период экстенсивного накопления переводных учебников и заимствованных текстов закончился и для университетских профессоров, а включение студентов

в научно-исследовательский процесс, чем можно бы поправить положение с кризисом образования, тормозится все еще невысоким теоретико-методологическим уровнем самого профессорско-преподавательского состава, склонного к традиционной, проблемно неориентированной организации учебного процесса. Здесь, как говорится, круг замыкается. Чтобы радикально изменить социологическое образование, нужно, чтобы «воспитатель сам был воспитан». Это же знаменитое изречение можно отнести и к другим застойным явлениям отечественной социологии, заблокировавшим ее развитие. Все они упираются в способность или неспособность социологического сообщества вынести уроки из пройденного пути, оценить свое новое положение в обществе и выработать адекватную новой эпохе повестку дня.

Отмеченные выше симптомы посткризисного состояния могут быть как свидетельством безнадежного заболевания «пациента», так и отправной точкой для нового витка коэволюции нашего общества и отечественной социологии. Но в целом эти равнодушные к судьбе социологии оценки все же свидетельствуют, на наш взгляд, о потенциале преодоления пессимистических настроений. Наш «американец» Б.З. Докторов, проживающий сейчас в США, тоже говорит об отставании отечественной социологии на примере слабого использования в России постгэллаповских опросных технологий, но не так пессимистично. Он верит, что на вызовы нового века, по крайней мере, в изучении общественного мнения, Россия ответит либо повторением американского опыта, используя «преимущество отсталости», то есть способность к ускоренной адаптации, либо, что не исключено, предложит свои ответы [14]. Это глубококомысленное «либо-либо» относится не только к изучению общественного мнения, но и к ситуации с перспективами отечественной социологии в целом.

Нам остается без лишних эмоций и категорических суждений отнестись к посткризисному синдрому отечественной социологии как к актуальному предмету метатеоретического анализа. У российской социологии есть своя история, которая неразрывно связана с историей мировой и отечественной социологической мысли и с историей своего общества. По всем признакам у нас завершился бурный этап экстенсивной институционализации со своими плюсами и минусами¹. Плюсы: полипарадиг-

¹ Ю.А. Левада в одном из последних выступлений назвал его «сырьевым», по аналогии с ориентацией нашей экономики, но отметил, что «сравнивать достигнутое нужно, в первую очередь, не с тем, что было 50–30–20 лет назад, а с тем, что можно и, вероятно, нужно было бы добиться за последние годы, и что не смогли, не сумели, не решились поднять», — *Левада Ю.А. Проблема сырьевого уровня научного знания // Пути России: проблемы социального познания. М., 2006. С. 20.*

мальность, признание социологии как академической науки и университетской дисциплины, появление нового поколения дипломированных специалистов, освоение западной социологической мысли, мониторинговые исследования и другие. Минусы: фрагментация социологического знания, разделенность социологического сообщества на группировки, трудности внутривидеодисциплинарной коммуникации, отсутствие общих теоретико-методологических ориентиров и другое. Он совпал с этапом социально-политической стабилизации российского общества — государства, достигнутого ценой заметного секвестирования представительной демократии, либеральных свобод и укрепления непомерно разросшегося коррумпированного аппарата. Не вызвали энтузиазма у российской интеллигенции и последние выборы Президента, превратившиеся из состязательного политического процесса в плебисцит государственной программы. Процесс кризисной трансформации с неопределенным вектором развития, которым еще недавно как научной проблемой занимались отечественные обществоведы и социологи, действительно завершен. Появилась качественно новая социальная реальность со своими трудно решаемыми проблемами и новыми рисками. История многих государств знает примеры решительного и амбициозного вывода своих обществ из кризиса. Но все они были болезненными, непопулярными и не гарантировали удачу. Другое дело наша социологическая история. Кроме разве что американской, в период Великого кризиса 1930-х годов, история социологии не знает другого примера самоотверженной научно-исследовательской работы социологов прямо в эпицентре тектонических социальных потрясений, как работа российских социологов в период 1990-х годов. Многочисленные исследования, измерения и личные переживания участников — золотой фонд и фундамент развития отечественной социологии на долгую перспективу. Работа социолога не исключает оценок и ценностных суждений относительно своего объекта. Но есть ценности и «ценности». Научный этос предписывает социологам скорее пересматривать онтогносеологические основания, тематику и методологические средства своей науки при встрече с новым и, может быть, не всегда неприятным объектом, чем навязывать ему политизированные и идеологизированные схемы. Это самая большая трудность и проблема, с которой столкнулась отечественная социология на новом витке своего развития. В этом отношении менее вредными были бы молчание и непубличность социолога, чем онтологизация своих политических взглядов в тематической и предметной областях исследований. У нас и на Западе эта ситуация называется проблемой ангажированности социологии. На Западе она активно обсуждалась Р. Милсом и А. Гоулднером в 1960-е

годы [См.: 16], когда они делили социологов на две категории: живущих ради социологии и живущих за счет социологии. Это деление относилось как к тем, кто занимался фундаментальными исследованиями, так и прикладными. Правда, американцы не предусмотрели российского варианта: есть еще и те, кто, как поется в социологическом гимне петербуржца А. Вейхера, «удачно это совмещает». Мы никого не имеем в виду персонально, но следует все же сказать, что уменьшение числа и тем более исчезновение из отечественной социологии профессионалов, живущих ради социологии, будет означать ее действительную деградацию, невосполнимую ни академическими титулами, ни ангажированностью со стороны властей.

В отношении отставания от западного социологического мейнстрима следует сказать, что такое отставание или не столь значительное, как кажется, или является временным. Проблема не в том, что мы растворились в западной социологии, а в том, что мы еще недостаточно выделились как самостоятельное и творческое направление мировой социологической мысли. Сегодня мы имеем у себя те же положительные, негативные и застойные тенденции, которые свойственны и западной социологии. Если судить по упомянутой статье Ж.Т. Тощенко и Н.В. Романовского [3], в мировой социологии, как и у нас, можно отметить экспансию во времени и пространстве. Это проявляется в повышении внимания к своей истории, в распространении по регионам, расширении тематики путем освоения других отраслей научного знания. Заметный импульс к развитию социологии вширь придают у нас и у них информационные технологии, «превратившие научное знание поистине во всемирный инструмент». К положительным тенденциям мы можем отнести и появление в поле социологии новых научных объектов, прежде всего, национальных государств, закономерностям развития которых сегодня отдается предпочтение по сравнению с еще недавно актуальной проблематикой глобализации. В эту тенденцию попадает и отечественная социология, которая в результате кризиса приобрела свой еще неопознанный научный объект, имеющий исключительно большое всемирно-историческое значение. К отрицательным тенденциям или, по крайней мере к таким, которые осложняют жизнь социологии, можно отнести повсеместное, у нас и у них, размывание ее проблемного поля, на что обращают внимание и многие другие авторы. Как пишут Ж.Т. Тощенко и Н.В. Романовский, это делает далеко непростым взаимоотношение социологии со смежными науками, из-за чего социология постоянно встречается с опасностью быть растворенной в других науках. Это хорошо заметно на примере появления «культуральной социологии» Дж. Алек-

сандера, в которой культура рассматривается как независимая от социальных отношений переменная. Если «культурный поворот» в социологии приветствуется как ее движение от социальных групп к социальным действиям и от них — к социокультурной обусловленности социальных явлений [17], то панкультурологический подход, это уже притязание на переворот в науке об обществе с позиций гуманитарного знания, тенденция к которому имеет место и в отечественном обществоведении [18], что не может проходить мимо дискуссионных площадок.

К застойным явлениям мы относим отсутствие заметных изменений в метатеоретической стратегии развития современной социологии. Здесь, как пишут Ж.Т. Тощенко и Н.В. Романовский, «больших подвижек в последние десятилетия не наблюдается», если не считать высказываний Э. Гидденса и И. Валлерстайна и некоторых других в пользу создания в перспективе интегрированной социальной науки. В методологии у них и у нас по-прежнему доминируют три подхода: 1) социологический реализм, постулирующий первичность общества по отношению к человеку, 2) социологический номинализм, идущий от человека к обществу, и 3) социальный конструктивизм, соединяющий сознание, поведение людей и групп со средой их взаимодействия [19]. У нас к этому нужно добавить и сохраняющий свою жизненность подход со стороны аутентичного исторического материализма [20]. Нужно сказать и то, что эти подходы развернуты еще и по уровням. Если первый относится к макроуровню, а второй наиболее часто применяется на микроуровне, то третий представлен на мезоуровне, что четко прослеживается в «Социологии» П. Штомпки, принятой многими отечественными социологами за настольную книгу. Надежда на концептуальное преодоление различий между подходами и уровнями остается, но это тот вопрос, который касается основ всей исторически развивающейся социологии как науки и не может быть решен средствами внутридисциплинарной методологической рефлексии, хотя «прорыв» в этом отношении, конечно, будет зависеть от степени развитости социологии в той или иной из национальных школ.

Если обобщить сказанное, то можно предположить, что именно эта последняя застойная тенденция в мировой и отечественной социологии рано или поздно будет поставлена в повестку дня социологического дискурса, а вопрос готовности отечественной социологии к участию в его решении уже сегодня становится интенциональным фактором нового этапа ее институционализации.

Собственно, тенденции развития мировой социологии и потребности перехода отечественной социологии на интенсивный этап своего развития на данный момент времени совпадают. Мы имеем даже чуточку

бóльшие шансы к осуществлению научного «прорыва», поскольку, помимо способности усваивать зарубежные достижения, мы опираемся на более чем вековую традицию собственной, если учитывать и вклад русского зарубежья, социально-философской и социологической мысли и уникальный опыт участия в революциях начала и конца XX века, последствия которых западная социология наблюдала со стороны. У нас складывается впечатление, что в некоторых оценках состояния и перспектив отечественной социологии преобладает недооценка опыта ее участия в событиях мирового значения и переоценка временного, переходящего этапа экстенсивного развития, из которого еще не извлечены уроки для установления нового механизма взаимодействия социологии и общества.

Не имея возможности эмпирически представить всю палитру высказываний относительно состояния и перспектив отечественной социологии, воспользуемся возможностью целостного представления феномена посткризисного синдрома. С одной стороны, он имеет все признаки несоответствия ожиданий социологического сообщества установить новые отношения с властными структурами, декларирующими принципы прагматизма, заинтересованности в электоральной поддержке, не говоря уже о демократии, плюрализме и либеральных ценностях, и фактической селекцией властными органами и сильноресурсными структурами источников социального знания на «своих» и «чужих». Если «свои» получают доступ к ресурсам в обмен на экспертно-информационные услуги, то «чужие», несмотря на значимые научные результаты, теряются в малотиражных изданиях, представляя интерес только для узкого круга специалистов. С другой стороны, в посткризисном синдроме есть немало и наносного, идущего от интеллектуальной моды, от постмодернистского и структуралистского отказа обсуждать какие-либо проблемы соответствия знаний объективной реальности, вплоть до обвинений интегрального теоретизирования в попытках установить в социологии новую идеологическую монополию. *В целом, несмотря на повышенную и даже крикливую критичность в адрес властей и социологии, состоящие социологического знания говорят о его значительном потенциале в решении как научных, так и практических проблем.* Сегодня его реализация, как никогда ранее, зависит от коммуникативных и интегративных процессов в самом социологическом сообществе. Чтобы избежать стагнации в производстве социологического знания и в программах вузовской подготовки, наше сообщество вынуждено будет пойти на интеграцию и аккумуляцию знания и поставить в повестку дня задачу создание собственных объяснительных теорий и

соответствующего ему арсенала методологических средств эмпирических исследований. К этому подталкивает нас потребность в новом состоянии отечественной социологии и со стороны смежных социальных и гуманитарных дисциплин, таких как экономика, право, психология, социальная антропология и др., так же, как и социология, уставших от следующих одна за другой методологических волн и поворотов (лингвистического, социально-конструктивистского, синергетического, культурологического и других), которые не приводят к расширению горизонта дисциплинарного знания и средств познания, а направляются на преодоление, якобы, «отживших» философских и научных традиций, фактически «работая» на свою самоидентификацию в развивающейся структуре мировой науки. Характерен в этом отношении результат «хождения по модам» такой близкой нам дисциплины как история. За XX век она пережила все парадигмальные искушения от неопозитивизма К.Г. Гемпеля до семиологизма Х. Уайта в своих попытках наиболее адекватно описать и объяснить исторические факты. В результате историки пришли к почти общему мнению, что следует все же вернуться от анализа «языка к анализу опыта», считая, что акцентирование внимание на проблеме исторического опыта имеет наиболее фундаментальное значение для будущего самой исторической дисциплины и для философии истории [21]. К методологии исторического опыта возвращает нас и Б.Н. Миронов своей двухтомной «Социальной историей России» с подзаголовком «Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства» [22]. Поэтому и возвращение отечественной социологии (можно эту точку зрения считать умеренным консерватизмом) к проблеме интеграции знания на основе позитивных результатов собственных эмпирических исследований может оказаться не менее полезным, чем у историков. Здесь нелишне воспользоваться подсказкой эпистемологов, которые не менее, чем мы, а может, даже более, беспокоятся о состоянии социальных наук и производстве ими положительного знания. Мы имеем в виду работы Р. Коллинза, Н.С. Розова и целого ряда других отечественных и зарубежных философов и методологов науки [23]. Н.С. Розов предлагает обратить первостепенное внимание на уточнение критериев доказательного социологического знания как результата более тесной связи теоретических и эмпирических исследований. Связке теории и эмпирии особое внимание уделяет и А.Г. Здравомыслов в цитированной выше статье.

Итак, для продвижения отечественной социологии необходимо рассмотреть и обсудить возможность оценки производимых результатов по следующим критериям и принципам: 1) требований вернуть-

ся к выполнению традиционных логико-методологических процедур (к принципу корреспондентности, то есть эмпирического подкрепления теоретических выводов, и принципу когерентности, то есть согласования результатов с ранее принятыми теориями); 2) использовать критерии, взятые из социологии науки (принцип монотонного роста согласия в социологическом сообществе и принцип образовательной трансляции устоявшегося знания) и 3) ввести новый критерий, предложенный Н.С. Розовым — принцип превращения, перехода вновь полученного доказательного знания в основание дисциплины или ее отраслей [24].

Все зависит от признания социологическим сообществом необходимости переориентации своей деятельности с экстенсивных показателей роста числа исследований и текстов, а также защищенных диссертаций, на общезначимые конечные результаты. Для этого предлагается обсуждение и принятие сообществом коммуляционистской стратегии, что означает ориентацию сообщества на воспроизводимость эмпирических данных, готовность исследователей всякий раз проверять эту воспроизводимость и применять подкрепленные теоретические положения в качестве основания следующих этапов исследований. Одновременно с этим, желательно было бы обсудить вопросы перехода к новой стратегии по четырем направлениям: 1) повышение стандарта эмпирических исследований, в которые включить обязательные требования проверки, а не только упоминания результатов предшественников; 2) проведение работы по созданию банка теоретических положений, которые в рекомендательном порядке следует учитывать при организации новых исследований; 3) акцентировать внимание на исследовательских методах и процедурах получения и интерпретации данных, которые могут работать в качестве научного достижения и использованы для триангуляции социальных фактов, определенных в разное время в разных научных традициях; 4) обращение особого внимания на создание благоприятного коммуникативного климата в социологическом сообществе для экспликации накопленного, но непризнанного и слабо используемого в работах коллег знания.

Р. Коллинз, автор последней идеи, выделяет три причины, по которым происходит накопление социологией «неработающего» знания: 1) закрытость исследовательских групп и сообществ для внешнего общения; 2) игнорирование и «забывание» прошлых результатов как якобы устаревших и по постановке проблем и по используемым понятиям; 3) трудности состыковки результатов, полученных в различных сообществах и оформленных в различных парадигмах и традициях [25].

Объективной основой интеграции знания и интенсификации его производства в отечественной социологии является укрепление ее позиций как научной дисциплины. В современной методологии науки в качестве ударной силы рассматриваются не гранд-теории, на что многие из наших коллег делают сегодня упор, а целостная научная дисциплина с ее развитой уровневой и тематической структурами и комплексом эмпирических исследований. Вопрос только в том, в какой мере та или другая дисциплина по своим онтогносеологическим основаниям соответствует вовлекаемым в исследование объектам и как она позиционирует себя в научной и социальной среде [26].

Все это в полной мере относится и к отечественной социологии. Реализация потенциала нашей научной дисциплины требует принятия коммулятивистской стратегии, о которой говорилось выше, пересмотра своих оснований в связи с наметившимися переменами в этом отношении в мировой социологической мысли и решением задачи получения опережающего положительного знания относительно реально происходящих в России процессов модернизации сверху. Работа в этом направлении позволила бы, на наш взгляд, превратить отечественную социологию из довольно статичной удобной для преподавания структуры, состоящей из общей социологии и ее отраслей, предмета и объекта, теории и эмпирии, методологии и методов, фундаментальных и прикладных исследований в динамически развивающуюся научно-исследовательскую программу, способную держать руку на пульсе меняющейся реальности и формировать новую повестку дня не только от конгресса к конгрессу, но и постоянно в потоке развивающихся социологических практик.

Казалось бы, альтернатива посткризисному синдрому отечественной социологии существует, и вслед за эпистемологической «осенью» обязательно наступит эпистемологическая «весна», требуется только заняться делом: «реконструировать логику отдельных реальных научных исследований, общий ход развития познания в разных науках и все это более активно и целенаправленно использовать самими социологами в рефлексии над своей деятельностью» [26]. «Из известных мне подходов, — пишет далее Н.С. Розов, — всеми этими признаками обладает только логический эмпиризм, точнее, сочетание идей К. Поппера, К. Гемпеля и И. Лакатоса». Однако не так прост и доверчив отечественный социолог. «Современник Галиллея был Галиллея не глупее, — писал Е. Евтушенко. — Он знал, что вертится Земля, но у него была семья». Наш социолог тоже многое знает. Он знает, например, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя, что служить бы рад — прислуживаться тошно. Он в молодом возрасте испытывает большое искушение самому

оседлать Русь-тройку, но, становясь постарше, уже не хочет связываться с «грязным делом» и терять преимущества интеллектуала, стоящего над схваткой. Он знает, что нет пророка в своем Отечестве и что даже просто сказать «а все же Россию умом понять можно», как это сказал один социологический «дед» в период помрачения научных умов относительно настоящего и будущего страны, это уже подвиг. Он знает не хуже историков, что за разговорами об интеграции социально-научного знания всегда торчат чьи-то «ослиные уши». Или тех, кто пытается обозначить подлинную проблему, или тех, кто заинтересован в институциональном доминировании. «Когда мы наблюдаем развернутое заявление о связности (имеется в виду борьба за интеграцию исторической науки на основе «нового культурного поворота» в 80-е годы прошлого века. — А.Т.) мы должны оглянуться вокруг, чтобы увидеть, кто осуществляет захват власти в академическом сообществе, кто кого пытается вытеснить и объявить второстепенным» [21, с. 315]. И неплохо различает эти позиции, но не стремится придавать этому знанию публичную форму. В этой установке есть здоровое зерно усвоенного исторического опыта: не нужно подставлять свою науку под удары внешних сил, в принципе незаинтересованных в научном знании об обществе.

И, тем не менее, по мере накопления положительных результатов исследований, зная теорему У. Томаса и, тем более, классику, что идея, овладевшая массами, становится материальной силой (К. Маркс), ему трудно выдерживать научный нейтралитет. Ведь не смогли его выдержать выдающиеся физики XX века, сделав публичное заявление о последствиях накопления и применения ядерного оружия. Не смогли оставаться нейтральными ввиду грядущего истощения ресурсов планеты при сохранении существующих темпов экономического роста ученые «Римского клуба». Им все же удалось посадить за один стол сильных мира сего и принять в 1992 г. в Рио-де-Жанейро повестку дня на XXI век, следствием чего стал Киотский протокол, бурное обсуждение в парламентах различных стран проблем экологии и всемирное экологическое движение. В связи с опасными тенденциями глобализации в однополярном варианте и ростом активности примордиальных сил становится проблематичной способность «восьмерки» (девятки или десятки), как и институтов ООН, справляться с растущим напряжением. В нашей стране ожидаемая и приветствуемая многими социально-политическая стабилизация и амбициозные программы ускорения социально-экономического развития также несут в себе большую опасность. Эта опасность называется депривацией, прямой дорогой ведущей к социальным взрывам, явлением, известным студентам из курса социо-

логии (кривые Дж. Дэвиса, например), но неизвестным разработчикам «нового курса», судя по упорному игнорированию проблем социального участия граждан в управлении страной и усилению непрозрачности действий властей всех уровней. Что может сделать в этих условиях социология, о чем нас часто спрашивают в частных беседах? В этом вопросе отечественная социология тоже попадает в резонанс с мировой. Куммуляционистская стратегия подготовки эпистемологической «весны» — дело не отдельных смелых и талантливых одиночек, а всего социологического сообщества. И в этом отношении наука не делится на региональную, национальную, парадигмальную или поколенческую. Печальный опыт такого деления известен. «Знание — власть» — это не структуралистский выверт М. Фуко, относившего, как известно, социологию к «бледным теням» подлинных наук, а признание особого значения науки в современном мире. Это признание прослеживается от ноосферной концепции В.И. Вернадского до сегодняшней экономики знаний. Если кто-то из нас по старинке еще думает, что мы все еще имеем дело с политической властью как с необученной «шайкой разбойников», то мы глубоко ошибемся. Во-первых, власть давно уже плюрализовалась и уже пора ставить вопрос, о какой власти идет речь [27]. Во-вторых, все виды власти прочно связали свою судьбу с услужливым знанием интеллектуалов, разработчиков доктрин, программ и манипулятивных технологий, для которых социология представляет собой немалую угрозу, если даже она выдерживает нейтралитет. Когда слышится утверждение, что социология — это уже не наука или еще не наука, как это делает британский социологический словарь Н. Аберкромби, С. Хилла и Б.С. Тернера (М., 2004), то нужно еще посмотреть, кто и в чьих интересах это говорит. Можно вполне определенно считать, что в связи со становлением эпистемологического статуса мировой социологии будет происходить и становление ее институционального статуса и в целом, и через институционализацию в регионах мира и в национальных государствах. Появление феномена «власть — знание» еще недавно осознавалось как угроза обществу от бесконтрольной с его стороны связи науки и государства, что сопровождалось критикой научно-технического прогресса, как виновника гонки вооружений и экологических катастроф. По этому поводу методологический анархист П. Фейерабенд выступил с категорическим манифестом в пользу отделения науки от государства [28]. Однако многочисленные факты возрождения активности примордиальных сил и, в частности, появление высокой идеологической, технической и финансовой оснащенности международного терроризма, показывает, что связь науки, и не только естественной, но и социологи-

манитарной, с неподконтрольными обществу силами представляет собой угрозу для его существования. Поэтому в мировом социологическом сообществе и в его национальных отделениях вызревает потребность в новых подходах относительно институциональной роли социологии в миросистеме и в национальных государствах, в частности, потребность в прямом обращении с полученными результатами непосредственно к человечеству и обществу «через головы поэтов и правительств». В этом качестве может выступить не отдельный социологический авторитет, а только все дисциплинарное сообщество во взаимодействии с другими социологически мыслящими научными силами. В отечественной философии и методологии науки утвердилась концепция универсального эволюционизма, которая могла бы служить интеллектуальной базой для интеграции знаний об обществе и для согласованных гражданских действий. Она может быть основанием и для отечественной социологии. России, включенной в мировое сообщество и переживающей быстрые и неоднозначные трансформации, может быть, не столько в связи с особенностями ее исторического пути, сколько с особенностями склада ума наших ученых, с их способностью к неординарным обобщениям социально-философского и социально-научного характера может и предстоит роль первопроходца в формировании социологического взгляда на проблемы XXI века.

Поскольку человек, природа и общество в представлении современной науки обладают своими особыми «плотностями», то регулирование отношений в системах человек — человек, общество — природа, общество — личность не может обойтись без высших императивов, на которые могли бы ориентироваться все страны и континенты, правительства и народы. Если отношения человека с человеком подпадают под «категорический императив» И. Канта, а отношения общества и природы под «экологический императив» Н.Н. Моисеева, то о социологическом императиве, регулирующем отношения человека и современного общества, должно побеспокоиться само социологическое сообщество. В качестве варианта можно предложить его следующую формулировку: неизбежная и необходимая рационализация общественной жизни не должна приводить к деградации ее естественных форм и личностных качеств членов общества. Но императивы, как и «десять заповедей», сами по себе не работают. В океане сегодняшнего внеучного знания об обществе, уже загнавшего мировой «пролетариат» (А. Тойнби), как и наших пензенских «сидельцев», в безысходность ожидания конца света, кто, кроме социологического сообщества, может взять на себя миссию говорить об обществе «правду и только правду»?

Список литературы

1. *Голенкова З.Т., Гридчин Ю.В.* История социологии // Социология в России. М., 1996, С. 83 и др.
2. *Смелзер Н.* Социология. Учебник. М., 1994, С. 13.
3. *Тощенко Ж.Т., Романовский Н.В.* О тенденциях развития социологии в современном мире // Социол. исслед., 2007, № 6, С. 8–9.
4. *Рузавин Г.И.* Самоорганизации и организации в развитии общества // Вопросы философии, 1995, № 8, С. 63.
5. Общество и социология: новые реалии и новые идеи. Труды I ВСК. СПб, 2000, С. 3.
6. *Осипов Г.В.* Российская социология в XXI веке. Доклад на II ВСК, М., 2003, С. 34. Этим идеям посвящена монография: *Осипов Г.В.* Социология и социальное мифотворчество. М., 2002.
7. *Батыгин Г.С.* Институционализации российской социологии: преемственность научной традиции и современные изменения // Социология в России. М., 1996, С. 14.
8. *Ионин Л.Г.* Парадоксальный сон. Статья к эссе. М., 2005. С. 258; *Здравомыслов А.Г.* Поле социологии: дилемма автономности и ангажированности в свете наследия перестройки // Общественные науки и современность. 2006, № 1.
9. *Качанов Ю.* Эпистемология социальной науки. СПб, 2007, С. 183.
10. *Рогозин Д.М.* О проблемах социального познания в современной России: введение // Пути России: проблема социального познания. М., 2006, С. 11.
11. Пути России: проблемы социального познания. М., 2006, С. 21, 26, 35, 38.
12. *Тихонов А.В.* Эпистемологический статус социологического знания и некоторые проблемы внутринаучной рефлексии в отечественной социологии // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 6, М., 2007.
13. *Козловский В.В.* Государство и социология в России // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб, 2007, № 1, С. 5, 7, 8.
14. *Докторов Б.З.* Изучение общественного мнения в ближайшем десятилетии: Россия перед лицом вызовов нового века // Пути России: проблемы социального познания, М., 2006, С. 91–93.
15. Свобода, неравенство, братство. Под ред. *М.К. Горшкова*. М., 2007; статьи *М.К. Горшкова*, *Н.Е. Тихоновой*, *П.М. Козыревой*, *З.Т. Голенковой*, *Ю.Д. Красина* и др. в сб. ИС РАН «Россия реформирующаяся». Ежегодник. Вып. 6. Социальная политика и социальные реформы глазами россиян. Вып. 1, М., 2007; и др.

16. *Иванов О.И.* Вызов Алвина Гоулднера академической социологии и марксизму. Предисловие к кн. // *Гулднер А.* Наступающий кризис западной социологии. СПб, 2003, С. 6.

17. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М., 2005. С. 241.

18. *Шендрик А.И.* Культура в мире: драма перемен. М., 2007, С. 10; и др.

19. См. подробнее: *Тоценко Ж.Т.* Социология. М., 2005, С. 33–40.

20. *Руткевич М.Н.* Общество как система. Социологические очерки. СПб, 2001. С. 17 и др.

21. *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М., 2007, с. 87.

22. *Миронов Б.Н.* Социальная история России. Т. 1, 2. СПб, 2003, Т. 1, С. 1.

23. Достаточно сослаться на дискуссию «Проблемы методологии гуманитарных наук», в которой приняли участие В.А. Лекторский, В.С. Степин, В.Г. Федотова, И.Т. Касавин, Е.А. Мамчур и др. в журнале «Эпистемология и философия науки». 2007, № 2.

24. *Розов Н.С.* «Осень» и будущая «весна» эпистемологии: перспективы номологического синтеза в социальных науках // Эпистемология и философия науки. 2007, Т. XII. № 2, С. 104.

25. *Коллинз Р.* Социология философии: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.

26. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000, С. 706.

27. *Девятко И.Ф.* От теории социетальной эволюции к анализу глобального общества: альтернативные интерпретации и перспективы синтеза // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 6. М., 2007. С. 101–103. Подчеркивая принципиальную новизну вклада М. Манна в анализ доисторических и исторических обществ в его попытке ответить на вопрос, а что, собственно, эволюционирует, Девятко выделяет: идеологическую, экономическую, военную и политическую власти и их взаимопереходы через переплетение сетей и институционализацию доминирующих видов.

28. *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М., 1986, С. 507.

С.Г. Кирдина

Современные социологические теории: актуальное противостояние?

Развитие теоретического знания в зарубежной социологии и в России отражает динамику современного мироустройства. Речь идет о процессах формирования новых центров влияния, росте глобальных рисков и поиске ответов на связанные с этим вызовы, о разрушении старых и создании новых мировых коалиций. А «реальные перемены в мире всегда формировали социальные теории» [1, с. 5]. В социологии наблюдается теоретический «бум»¹, растет накал теоретических дискуссий. Россия вынуждена самоопределяться в борьбе идей. Является ли противостояние социологических теорий необходимым моментом развития и интеграции социального знания? Каковы перспективы российской социологии в этом движении? Попытка ответить на поставленные вопросы в предлагаемой статье основана на материалах журнала СОЦИ 2003–2008 гг.

Методологическое и цивилизационное противостояние: мировые тенденции

Признание мультипарадигмальности современного социологического знания — одно из общих мест многих дискуссий. Почему мы полагаем возможным говорить не просто о сосуществовании концепций, но о противостоянии социологических теорий? Потому что по двум отмеченным ниже взаимосвязанным направлениям имеют место попытки доминирования, наталкивающиеся на сопротивление. Во-первых, речь идет об альтернативных методологических подходах, условно называемых индивидуалистским и холистским. Во-вторых, усиливается ревизия достижений «западной» социологической науки со стороны представителей «незападных» цивилизаций. Рассмотрим оба направления.

Методологический индивидуализм и холизм. Наличие двух взаимодополняющих социологических парадигм, представляющих со-

¹ П. Штомпка приводит такие аргументы в пользу этого утверждения. Исследовательский комитет по теоретической социологии - один из крупнейших среди 50 исследовательских комитетов Мировой социологической ассоциации. Растет подписка теоретических журналов, возникают новые периодические издания, проводятся конференции по социальной теории, выпускается и переиздается множество теоретических книг [2].

циальную реальность либо как совокупность индивидов (субъективистская парадигма или методологический индивидуализм), либо как общество в целом (объективистская парадигма или холистский подход)¹ — характерная черта теоретической социологии. Следование той или иной парадигме определяет направленность исследований и формирует исследовательские программы. Но в последние годы сосуществование названных парадигм обрело конкурирующий характер. Отечественные и зарубежные исследователи фиксируют, что нынче преимущественное развитие имеет теория, направленная на изучение индивидуального действия, а не структурных характеристик общественного целого. А.Б. Гофман, подробно разбирая специфику теоретико-методологических подходов при анализе социальной реальности, отмечает доминирование *в социологии сверхиндивидуализированной концепции человека* [4, с. 19] и попытку отказа от холистского подхода и понятия общества.

Французский исследователь Ш.-А. Кюэн, характеризуя состояние современной социологии, отмечает аналогичное явление. Говоря об интерпретации данных эмпирических социологических исследований, он пишет, что доминирует интерпретация индивидуального действия [5, с. 15]. Другими словами, имеет место отказ от холистских парадигм в пользу индивидуалистской концепции социогенеза. Действительно, если сегодня индивидуальное действие признается в качестве «социального атома», то необходимо в таком случае начинать с его объяснения. «Этот «индивидуализм» является не только методологическим (или социологическим) — ему сопутствует широкое распространение индивидуализма культурного, для которого «забота о себе»... значительно преобладает над заботой о коллективных институтах, авторитет которых имеет тенденцию к утрате доверия и легитимности» [5, с. 16]². Кюэн указывает и на разрыв между микро уровнем анализа (поведение индивида) и макроуровнем (анализ социальных структур, порождаемых агрегированием индивидуальных поведений), поскольку у «методологических индивидуалистов» возникает «соблазн выводить коллективные явления из индивидуальных причин действия» [5, с. 19], что возвращает социологов к атомизированному видению социального.

Доминирование индивидуалистского подхода проявляется в избирательном отборе материалов для международных конференций

¹ Выделяются и иные парадигмы, например, конструктивистская [3]. Тем не менее, отмеченные две продолжают формировать мейнстрим социологической теории.

² Косовский конфликт, выявив падение роли международного права, иллюстрирует данное утверждение.

социологов. На 8-й конференции Европейской социологической ассоциации (сентябрь 2007, Глазго) руководители ряда исследовательских комитетов подчеркивали приоритет материалов, посвященных индивидуальным и коллективным действиям, а не работам в духе структурного анализа.

Поэтому, несмотря на то, что, как считает Ж. Тощенко, «среди социологов XX века направленность на интеграцию объективного и субъективного компонентов стали разделять все больше представителей» [3, с. 9], эти подходы по-прежнему противостоят друг другу. Исследования в рамках методологического индивидуализма и субъективистской парадигмы доминируют.

Как отмечает В.А. Ядов, при выборе методологии «исследователь опирается, как правило, на некоторое представление о научной картине мира» [6, с. 9]. Эта картина мира отражает важные для понимания социальной реальности проблемы и процессы. Она — следствие национальной принадлежности и условий первичной социализации ученых, определяется культурными доминантами обществ, где работают социологи. Мы видим, что индивидуалистские концепции преобладают, прежде всего, в странах, где доминирует соответствующая ментальность, где такие концепции эвристичны для понимания социальных процессов. Речь идет об ареале «западной цивилизации», где зародилась социологическая наука. Для государств с иной культурой концепции европейских и американских теоретиков не столь эффективны. Проявляется критическое отношение ученых «незападных» государств к методологии и теоретическим достижениям лидеров мировой социологии.

«Западные» и «незападные» теории. Развитие социологической теории в последнюю четверть века состоит в переходе от фиксации эпохи модерна к изучению эпохи глобализма. Сначала постмодерн характеризовался преимущественно линейным рассмотрением общественного развития, признанием в качестве естественных и необходимых траекторий, которые складываются в западных странах. Израильский ученый Ш. Эйзенштадт [7] «создал теорию множественных модернов и связал направления социальных перемен с культурными ценностями и историческими паттернами их институционализации» [1, с. 10]. Тем самым признавалось многообразие путей социального развития и его обусловленность особенностями национальных государств. Соответственно, теоретическое осмысление путей этого развития порождает формирование концепций, обобщающих опыт США, Европы, других стран.

Несмотря на поддержку подобных идей рядом исследователей, *мейн-стрим* социологической теории, при ее внешней фрагментарности, по-

прежнему составляют теории «западной ментальности». Для других государств можно говорить преимущественно о «заочной» науке, которая достижения стран Европы и США пытается тиражировать без какой-либо адаптации к местным условиям [8, с. 15]. В наибольшей мере это характеризует работы молодых социологов развивающихся и переходных стран, где не сформировалась или прервана традиция национальных социальных исследований. Для молодых социологов движение в фарватере мировой социологии — средство успешной карьеры в мировом социологическом сообществе.

Я не сторонница тех, кто сетует по поводу зарубежных социологически веяний. Необходимость овладения мировыми достижениями социологической мысли не вызывает сомнений, и в России процесс этот должен быть более активным. Но прагматичные попытки применения концепций мировой наук для понимания социальных изменений в «незападных странах» не всегда успешны. Зачастую они хороши при анализе новых явлений, но слабо применимы при изучении долговременных и глубинных тенденций. Другим настораживающим результатом применения некоторых «западных» теорий является формирование негативной идентичности «незападных» стран. Социальная реальность России и СНГ, государств Юго-Восточной Азии и др. регионов или не вписывается в рамки предлагаемых теорий, или получает в них низкие оценки. Например, в отношении России речь идет о «не-современном обществе», о «недостаточной рыночной дисциплине», о недопустимом «идеологическом вмешательстве в экономику», «тоталитарной системе» и т.д. (определения из [9]). И даже если здесь есть правда, это не вся правда: признание лишь таких характеристик создает деформированный образ страны, способно породить «комплекс неполноценности», снизить социальный иммунитет. Складывается ситуация: осознается низкая релевантность заимствуемых концепций в контексте социальной реальности конкретных обществ за пределами Европы и США, но именно эти концепции активно продвигаются «на информационном рынке» современных социологических теорий.

Формой сопротивления этому процессу является резкая критика индивидуалистических либеральных концепций представителями «незападных» стран. На страницах журнала СОЦИС такая точка зрения отчетливо представлена в статье сербского ученого З. Видоевича [10]. Социологические теории, современные и классические, базирующиеся на принципе методологического индивидуализма западной цивилизации, Видоевич считает неподходящими для других стран: «Даже в учении Маркса планетаризация западного капитализма была предпосыл-

кой всемирного наступления коммунизма, и его теория при всей своей критичности по отношению к капитализму — это специфический вид оправдания «вестернизации» мира. Незападные цивилизации Маркс рассматривал как исторически нижестоящие по отношению к западной», — пишет Видоевич [10, с. 40]. По его мнению, подобное отношение сохраняется в среде американских и европейских социологов.

В последние годы предпринимаются попытки преодолеть непонимание между «центром» и «периферией» социологической науки. Очередной выпуск «Sociological Theory Newsletter RC 16» Мировой социологической ассоциации 2007 г. посвящен изложению концепций «периферийных социологов», предлагающих «незападные» концепции. Его редакторы (из Скандинавии и Бразилии) рассылали приглашения социологам, живущим за пределами Европы и США, представить свои теоретические взгляды. Но противостояние сохраняется. Оно отражает противостояния цивилизаций в современном мире. Общественные науки, социология, могли бы внести и вносят вклад в его преодоление. Одна из помех в этом процессе — «первородный грех» социологии.

«Первородный грех» — причина противостояния

Социология «вылупилась» из философии с амбициозной миссией «познать и измерить общество». Ее становление совпало с подъемом точных и естественных наук, оттачивались формулировки, теории проверялись экспериментами. Почему то, что применялось для проникновения в тайны природы, нельзя развивать и для познания общества? И социология (Г. Спенсер, О. Конт, Э. Дюркгейм и др.) стала по аналогии строить исследования общественной жизни.

Но с постановкой этой естественно-научной задачи обозначилась проблема, которая до сих пор сдерживает, на наш взгляд, развитие социологии как науки. Поскольку она проявилась при зарождении социологии, я назвала эту проблему «первородным грехом» социологии. Это — известные присущая гуманитарным и общественным дисциплинам субъективность, оценочный характер суждений. М.М. Бахтин, рассуждая о естественнонаучном и гуманитарном знании, писал, что когда исследователь ставит вопрос и получает ответ, в любом случае имеет место личностная интерпретация процесса знания [11, с. 370]. В социальных науках эта оценочность, субъективность, проявляется наиболее выпукло, и Маркс в свое время выразил это емкой фразой: «...наша задача — изменить мир». Таким образом, утверждение, что «социологическая теория — антипод идеологии» [12, с. 21], вряд ли характеризует общую ситуацию в социологии.

Более того, в эпоху постмодерна «личностная окраска» социологических суждений — своеобразное кредо социолога. Как отмечает И.Ф. Девятко, постмодернистская позиция предполагала «предпочтительность моральной ангажированности и социальной гиперактивности теоретика в сравнении с более традиционными представлениями о его стремлении к объективности и беспристрастности» [13, с. 35]. Социологи, имея свои взгляды на «правильное» и «неправильное» устройство общества, вплетают их в рассуждения о предмете своего исследования. Социология становится способом обоснования личных или групповых взглядов, базисом оправдания идеологических предпочтений. Российские ученые среднего и старшего поколений помнят борьбу с этим «первородным грехом», когда советской социологии приходилось преодолевать искушение «быть служанкой социализма».

Субъективность, вольная и невольная идеологическая ангажированность задают направления методологических схем, выбора теорий. Субъективность присутствует не только при проведении собственных исследований, но и в оценке результатов коллег по цеху. На наш взгляд, социологическая квалификация, помимо знания предмета, проблем и методов изучаемой науки, требует характеристик особого рода. По аналогии со сферой музыки необходим «социологический слух»¹, способность чисто «слышать» общество так, чтобы личные ценности не деформировали (минимально деформировали) восприятие социальной реальности. Возможно, такое свойство нельзя воспитать. Не может быть классным хирургом человек, боящийся крови, а певцом — человек без слуха. И социологом может стать далеко не всякий получивший соответствующий диплом. А до тех пор, пока у нас нет такого «теста», велика вероятность получения социологических нарративов вместо научного знания. Лишь единицы обладают совершенным «социологическим слухом» и способностью с умением хорошего ремесленника делать свое дело, невзирая на свои взгляды, на политические наигрыши жизни. По-видимому, «первородный грех социологии» — зависимость суждений социолога от его личностных характеристик — выражает принцип дополнительности Нильса Бора² в социальных, а не естественных науках. Вряд ли он может быть преодолен. Но вы-

¹ Данное выражение впервые использовано мною при выражении благодарности В.А. Ядову, обладателю безупречного, на мой взгляд, «социологического слуха».

² Для квантовой физики принцип дополнительности означает, что при любом измерении важна позиция исследователя. Он выбирает измерительное устройство, язык, ставит вопрос, на который хочет получить ответ. Соответственно, имеет место множественность представлений об объекте, каждое из которых связано с особенностями операторов [14].

званные им «шумовые эффекты» можно снижать, принимать их во внимание. Этому способствуют четкость способов фиксации и выражения фактов, строгая логика получения данных, обоснованные программы исследований и измерений, системность умозаключений, возможность обоснования любого научного положения опытным путем и т.д. Субъективность — препятствие формирования конвенциональной лексики и моносемичной, точной терминологии. Это мешает принятию построений в качестве общих и приемлемых для социологов разных стран и групп с неодинаковыми теоретическими взглядами. Соответственно, субъективность оценок усиливает противостояние социологических теорий, реализующих разные методологические подходы и воплощающих разные картины мира.

Ответы на вызовы: поиски решения

Преодолеть противостояние социологических теорий в самой науке можно двумя путями. **Первый** — диалог представителей направлений и школ, поиск взаимопонимания. Этому служат дискуссии в изданиях, на конференциях, симпозиумах, в образовательных проектах, в организационных структурах — национальных и международных. Тем не менее, противостояние скорее усиливается. Сообществу социологов трудно противостоять тенденциям обострения международной обстановки, формирования новых центров экономического, демографического и энергетического влияния. **Второй путь** — попытки построения интегральных или универсальных теорий, формирование единого понятийного языка социологического сообщества. В этом направлении ведутся поиски, и на этом пути зарубежные и отечественные исследователи видят будущее социологии.

В обзоре, суммирующем взгляды зарубежных социологов относительно перспектив развития социологической теории [1], отмечаются усилия в этом направлении. Так, И. Валлерстайн указывает на необходимость развития нового терминологического языка, позволяющего превратить политические, экономические и социокультурные категории в единые действия акторов, что соответствует претензии социологии на формирование аналитической истины для движения обществ к намечаемым целям [там же, с. 5]. С. А. Аржоманд полагает, что обилие теорий в социальной теории можно свести к одной большой концепции. В качестве таковой он, активный сторонник Макса Вебера, видит концепцию возрастания роли рационального суждения (там же, с. 10). Х. Эссер, профессор Мангеймского университета, издавший в

Германии в конце XX века семитомную «Социологию», также видит конечную формулу своих усилий «в теоретической интеграции различных социологических парадигм в один унитарный и всеобъемлющий концепт социологического объяснения» [15, с. 31]. Аналогичные тенденции отмечает В.П. Култыгин, фиксируя появление нового класса универсальных социологических теорий, цель которых в том, чтобы на признанном всеми языке объяснить картины социальных процессов [16, с. 11].

Ш.-А. Кюзн, поддерживая стремление к построению «высоких теорий» (Ч.Р. Миллс), полагает, что попытки эти недостаточно успешны: имеет место «упадок общей теории и разрыв микро— и макроуровневой анализа» [5, с. 17]. Слабость «общетеоретических амбиций» он связывает с относительными неудачами известных «высоких теорий», «с определенным отказом современных социологов от кумулятивного знания, то есть знания, обладающего определенным уровнем устойчивости и общности. Поэтому поиск закономерностей не занимает более почетное место в планах исследователей», — полагает французский ученый (там же, с. 18). Похожую позицию занимает Э. Гидденс, в конце 2007 г. призвавший содействовать возвращению социологии подобающего ей (утраченного ныне) места в обществе. Одно из средств он видит в возрождении стиля мышления, который был у истоков социологии [17, с. 5] и характеризовался интегральными представлениями о социальной структуре и обществе, где «все функционально взаимосвязано ради поддержания его стабильности» [6, с. 21].

Оба названных пути реализуются и в отечественной социологии. С одной стороны, имеют место необходимые теоретические дискуссии, которые Хабермас трактует как «сотрудничество в поисках истины» [18, с. 49]. С другой, предпринимаются попытки построения универсальных теорий, в которых можно преодолеть отмеченное методологическое и цивилизационное противостояние. Работа здесь идет, на мой взгляд, по двум основным направлениям. К первому можно отнести исследование в рамках структурно-деятельностного или деятельностно-активистского подхода. Тем самым, делается попытка **преодолеть методологическое противостояние** холистского и индивидуалистского подходов современной социологической теории. При этом деятельностно-активистский подход представляется продуктивным для анализа многих проблем современного российского общества и «адекватным современным реалиям внутрисоциумных и миротрансформационных процессов» [6, с. 86]. Признанными достижениями здесь являются деятельностно-структурная теория трансформационного

процесса [19, 20] и социологическая теория трансформации свободы [21]. Интересные результаты с применением названного подхода получены при анализе современной социальной структуры российского общества (см. [22]).

Второе направление противостояний в социологической теории связано с применением подходов естественных наук к анализу социальных процессов. Речь идет об использовании системного, кибернетического, эволюционного, синергетического подходов [см., напр.: 23, 24, 25 и др.]. Среди поступающих в журнал СОЦИС теоретических статей «находит отражение преимущественно синергетика» [26, с. 11]. Названные разработки способствуют **преодолению цивилизационного противостояния** в социологической теории. Методологии «несоциальных» естественных наук не оставляют места «первородному греху социологии», привносящему идеологическую и культурно-цивилизационную специфику. Использование естественнонаучных подходов в социологии характеризует стремление к построению новых теоретических концептов, которые С.А. Кравченко называет теориями «пятого» поколения, которые изучают нелинейную социокультурную динамику, процессы самоорганизации социума, обеспечивающие возникновение порядка из хаоса [27, с. 5].

Теории «пятого» поколения отражают изменения в мировоззрении, динамику общественных взглядов. Так, развитие эволюционного подхода в социальных исследованиях выражает, отмечают социологи, осознание специфики массового общественного сознания, когда парадоксальность и одновременно «постепенность, эволюционность любых масштабных преобразований становится консенсусной позицией для российского общества и его социальных групп» [28, с. 34]. В свою очередь, актуальность синергетического подхода спровоцирована не только работами И. Пригожина и И. Стенгерс, но и трансформацией российского общества. В работах, посвященных анализу проблем трансформации, имеет место прямое обращение к синергетическим идеям и использование синергетических образов и понятий, например, точки неопределенности и точки бифуркации [29, 30]. В современных социологических работах, опирающихся на классический понятийный аппарат и по букве не прибегающих к синергетической методологии, при внимательном рассмотрении, отмечает Л.Д. Бевзенко, «можно увидеть присутствие интуиции нелинейности социальной системы, ее процессуальности..., потребности в обращении к тем феноменам, которые и составляют основной предмет самоорганизационного подхода» (<http://www.phils-ci.univ.kiev.ua/biblio/Bevzenko/Chater-4.html>).

Развитие синергетического или самоорганизационного подхода в отечественной и мировой социологической теории отвечает на призыв М. Буравого активизировать «публичное» начало социологии, включающее формирование *современного мировоззрения* [31, с. 30]. Теории «пятого» поколения, на наш взгляд — одно из воплощений такого мировоззрения. Но какое новое понимание социальной реальности они дают?

Идеи самоорганизации и теория институциональных матриц

Применение естественнонаучных идей к социологическим теориям плодотворно, если достигаются следующие цели. Во-первых, уточняется язык понятий, а описание социальной реальности становится более глубоким и адекватным. Во-вторых, если используемая идея позволяет определить механизмы развития (эволюции, изменения) объекта исследования, — дополнить или построить логическую модель его внутренних взаимосвязей. В-третьих, использование идей и подходов естественных наук уточняет ограничения и условия действия социологических теорий, их валидности для определенного класса социальных объектов. В-четвертых, обращение к естественнонаучным подходам, как правило, сопровождается заимствованием математического инструментария проверки гипотез, заложенных (верифицируемых) в социологической теории. Последний момент особенно важен, поскольку теории, в том числе и социальных наук, не могут в XXI веке претендовать на звание таковых, не будучи формализованными. Развитие теории институциональных матриц в свете идей самоорганизации позволило, на наш взгляд, достичь каждой из означенных целей.

Во-первых, описание развития общества как взаимодействия институтов альтернативных X- и Y-матриц в терминах самоорганизации становится более точным и определенным. В кибернетике доказано, что наиболее экономичным способом воспроизводства живых систем (социальные системы таковые) является воспроизводство инструкций, правил взаимодействия между элементами. Предполагается, что основной процесс в их развитии — «непрерывное самовоспроизведение начального набора инструкций, что эти наборы инструкций, следовательно, служат элементами развития, что между получающимися наборами инструкций возможно общение и что нормальное развитие системы, состоящей из этих наборов инструкций, в конечном счете, определяется только этими инструкциями» [32, с. 199]. В социальных системах

такими основополагающими правилами являются *базовые институты* [33, с. 47–48 и др.]. Описанные в теории институциональных матриц процессы становления, воспроизводства и взаимодействия базовых институтов получают дополнительное обоснование с точки зрения общих законов сложных систем.

Во-вторых, уточняется положение о доминировании институтов одной из матриц в процессе социального развития при комплементарности других как механизм социального развития. Характерная особенность жизни, отмеченная Л. Пастером и проанализированная в работах И. Пригожина [34, с. 149], В.А. Геодакяна [35] и др., состоит в диссимметрии, то есть в нарушении симметрии. Диссимметрия может быть обусловлена единичным событием, случайным отбором, но после того как выбор произведен, в дело вступает так называемый автокаталитический процесс, — отобранная структура порождает себе подобные структуры [34, с. 149]. Доминирование либо Х-, либо Y-институтов выражает фундаментальный закон диссимметрии в распределении альтернативных элементов и соответствует неравновесным условиям, определяющим возможность развития сложных систем. Соответственно, институциональная среда представляет собой бинарно-сопряженную структуру, в которой действует принцип иерархии, необходимый для развития живых систем. Принцип иерархии выражается в том, что доминирует, то есть имеет более высокий иерархический статус, либо Х-, либо Y-матрица, в зависимости от условий внешней среды — основного фактора эволюции.

В-третьих, в естественных науках обосновано: для того, чтобы возникла эволюция, сложность системы должна превышать определенный уровень. Социальные системы отвечают этому условию и могут рассматриваться как системы, необратимо эволюционирующие к более высоким формам сложности. Необратимость в системах связана с необратимостью времени и «начинается тогда, когда сложность эволюционирующей системы превосходит некоторый порог» [34, с. 265]. Отмеченный в теории институциональных матриц переход от догосударственных к государственному общественным структурам, с которого начинается необратимость процесса устойчивого доминирования одной из матриц в социальном развитии, мы полагаем таким порогом.

В-четвертых, на основе синергетического подхода удалось на модельном уровне доказать зависимость между уровнем коммуналности-некоммуналности материально-технологической среды и типом формирующихся базовых институтов (для случая экономических институтов). Эти результаты опубликованы [36, 37].

Перспективы российской социологии в преодолении актуального противостояния

На мой взгляд, сообщество российских социологов обладает высоким потенциалом содействия преодолению методологического и цивилизационного противостояний в современной социологической теории. Наши возможности здесь определяются спецификой российской общественной науки. С одной стороны, традиции отечественного теоретизирования состоят в развитии холистского подхода. Наши обществоведы испокон веку отличались целостным взглядом на социальное устройство. Общество, экономические и политические процессы рассматривались у нас в широком культурном контексте, анализ коллективных действий преобладал над изучением индивидуального поведения. Поэтому неизбежно «развитие теоретической социологии в России, опирающейся на отечественные традиции теоретизирования» [38, с. 122]. С другой стороны, в последние десятилетия российские социологи всех поколений активно осваивали и применяли теоретические достижения мировой, преимущественно западной социологии, где в наибольшей мере представлен методологический индивидуализм. Таким образом, в нашем сообществе представлены и развиваются оба подхода, создавая предпосылки их гармоничного сосуществования и синтеза (см. подробнее [3]).

Возможности российской социологии в **преодолении цивилизационного противостояния** в мировой социологической теории обусловлены геополитическими и культурными особенностями российского социума. Евразийство России, ее многоконфессиональность и полиэтничность помогают понимать западных и восточных соседей. Историческая роль нашей страны в диалоге цивилизаций способствовала выработке терминов, осмысляющих различающиеся между собой культурные и институциональные стандарты разных стран. Участие российских социологов в выработке универсальных понятий для обозначения социальной реальности разных цивилизаций имеет большие перспективы.

Содействует ли современная ситуация в обществе и социологии России тому, чтобы потенциальные возможности были реализованы? Отмечу три фактора, способствующих положительному ответу на данный вопрос.

В предыдущие два-три года обозначились позитивные изменения в оценке науки вообще и социологии в частности со стороны общества. Осознается специфика общества знаний, повышается запрос на качественное преподавание, в том числе общественных дисциплин. Увеличивается государственное финансирование фундаментальной науки, в несколько раз возросла доля гарантированных выплат в заработной

плате ученых, модернизируется оснащение рабочих мест. Намечается тенденция прогрессивных изменений в возрастной структуре научных кадров. Хотя проблемы сохраняются, общественный потенциал социологии начинает возрастать.

В систему национальных приоритетов устойчиво встраиваются социальные направления. Об этом говорят тематика национальных проектов и программ (жилье, здоровье, образование, семья и т.д.). Соответственно, растет запрос на результаты социологических исследований со стороны властных структур и организаций, концентрирующих все больший объем финансовых и материальных ресурсов. И хотя имеет место точка зрения о том, что в современной России «беспринципного прагматизма» политиков нет нужды в социологической истине [39, с. 20], значимость социологической науки и потребность в ее результатах, на наш взгляд, очевидны. Трудно не согласиться с тем, что услышаны, осознаны и начинают решаться многие социальные проблемы (демографические, социального расслоения и др.), о которых отечественные социологи говорили десятилетиями. Актуален спрос политических структур на варианты национальной идеи, без которой невозможна долговременная стабильность в обществе. В социологической среде формируется точка зрения, согласно которой «миссия российской социологии... в XXI веке —... инициирование создания института общенациональной цели» [40, с. 10].

В российской социологии идет смена поколений и лидеров. Выдающиеся социологи «советского» поколения (В.А. Ядов, Т.И. Заславская, А.Г. Здравомыслов, Н.И. Лапин и многие другие) продолжают активно и плодотворно работать; их публикации одни из самых читаемых социологами. Сформировалось поколение, порожденное перестройкой: они конкурируют за авторитет в социологическом сообществе. Эта конкуренция способствует, на мой взгляд, развитию социологической теории в стране. В то же время, в сфере духовного производства не удается избежать и «недобросовестной конкуренции». Иногда ученый, продвигая свой концептуальный продукт, использует агрессивный маркетинг, применяемый в конкуренции однотипных (взаимозаменяемых) товаров. Необходимый элемент правильной стратегии — не реклама своего товара, а *методы переубеждения* потребителя в правильности выбора ими товара конкурента. В качестве иллюстрации приведу дискуссии по поводу собственных работ, где сформулированы положения о «чистых типах» общественного устройства — институциональных матрицах, условно названных X- и Y-матрицами (подробнее в работах автора и на сайте www.kirdina.ru) [41].

Выводы. В современном обществе развитие теоретического социального знания не является автономным процессом. В нем отражаются коллизии мирового развития. Обостряющееся противостояние государств, наций и цивилизаций провоцирует противостояние социологических теорий, независимо от воли и желаний социологов. Я выделила два направления такого противостояния — методологическое и цивилизационное. Методологическое противостояние касается индивидуалистского и холистского подходов. Ось цивилизационного противостояния разделяет «западные» и «незападные» теории. «Первородный грех социологии» — присущая социальным наукам оценочность суждений — усугубляет противостояние.

Актуальность противостояния социологических теорий связана не только с ситуацией в современном мире. Оно может стать этапом развития и интеграции социального знания. В этом движении Россия имеет особые перспективы. Они связаны с ролью России в диалоге культур, что создает предпосылки для выработки общечивилизационного понятийного языка описания разных социальных структур и их динамики. В последние годы параллельно развиваются исследовательские программы в русле традиционного для отечественного обществоведения холистского подхода и осваиваемого индивидуалистского подхода, а также синтезирующего их структурно-деятельностного (деятельностно-активистского) подхода. Если российскому социологическому сообществу удастся действовать как «участникам процесса коллективной учебы, работающим в поисках истины» (Хабермас), перспективы России в преодолении мирового противостояния социологических теорий могут быть реализованы.

Список литературы

1. Три подхода к будущему социологии // Социол. исслед. 2005, № 3.
2. Штомпка П. Теоретическая социология и социологическое воображение // Социол. журнал. 2001, № 1.
3. Тоценко Ж. Т. Парадигмы, структура и уровни социологического анализа // Социол. исслед. 2007, № 9.
4. Гофман А.Б. Существует ли общество? От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности // Социол. исслед. 2005, № 1.
5. Кюэн Ш.-А. В каком состоянии находится социология? // Социол. исслед. 2006, № 8.

6. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций. СПб, 2006.

7. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

8. «Автономная» социология — идея или гипотеза? // Социол. исслед. 2006, № 9.

9. ДеБолт Дж. У. Причины и следствия неудач модернизации в России // Социол. исслед. 2006, № 1.

10. Видоевич З. Либеральный тоталитаризм // Социол. исслед. 2007, № 12.

11. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

12. Резник Ю.М. Социальная теория и теоретическая социология на пути к интеграции // Социол. исслед. 2007, № 9.

13. Девятко И.Ф. Состояние и перспективы социологической теории в мире и России // Социол. исслед. 2007, № 9.

14. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961.

15. Романовский Н.В. Мультипарадигмальная социология — auf Wiedersehen? // Социол. исслед. 2005, № 12.

16. Култыгин В.П. Теоретическая социология за рубежом накануне конгресса // Социол. исслед. 2005, № 9.

17. Гидденс Э. К социологическому сообществу! // Социол. исслед. 2007, № 9.

18. Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий // Социол. исслед. 2006, № 1.

19. Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России: структурный аспект. Глава 8 // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск, 1999.

20. Заславская Т.И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социол. исслед. 2001, № 8.

21. Шабанова М.А. Социология свободы: трансформирующееся общество. М., Московский научный фонд, 2000, Серия «Монография», № 8.

22. Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М., 2001.

23. Бевзенко Л.Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. К.: Институт социологии НАНУ, 2002.

24. Ельчанинов М.С. Российская трансформация с точки зрения социальной синергетики // Социол. исслед. 2003, № 8.

25. *Василькова В.В.* Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной организации. СПб, 1999.
26. *Романовский Н.В.* Теоретическая социология в России — рамочные условия // Социол. исслед. 2008, № 1.
27. *Кравченко С.А.* Социологическая теория: дискурс будущего // Социол. исслед. 2007, № 3.
28. Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя // Социол. исслед. 2005, № 9. См. также: *Тоценко Ж.Т.* Парадоксальный человек. Изд. 2-е. М., 2008.
29. Куда идет Россия? .. Альтернативы общественного развития / Под общ. ред. акад. *Т.И.Заславской*. М., 1994.
30. *Заславская Т.И.* Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. М., 1997.
31. О современном этапе развития социологии // Социол. исслед. 2007, № 1.
32. *Антер М.* Кибернетика и развитие / Пер. с англ. М., Мир, 1970.
33. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Изд. 2-е. Новосибирск, 2001.
34. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. Изд. 4-е, стереотипное. М., 2003.
35. *Геодакян В.А.* О структуре эволюционирующих систем // Проблемы кибернетики. М.: Наука, 1972. Вып. 25, С. 81–91.
36. *Кирдина С.Г.* Модели экономики в теории институциональных матриц // Эк. наука современной России. 2007, № 2(37), С. 34–51.
37. *Кирдина С.Г., Малков С.Ю.* Моделирование самоорганизации экономики отраслей с повышающимися и понижающимися предельными издержками // Эволюционная теория, теория самовоспроизводства и экономическое развитие. Материалы 7-го международного симпозиума по эволюционной экономике, 14–15 сентября 2007, Пущино / Отв. ред. *Маевский В.И., Кирдина С.Г.* М., 2008.
38. *Малинкин А.Н.* Полипарадигмальный подход и ситуация в российской социологии // Социол. исслед. 2006, № 1.
39. *Качанов Ю.Л.* Истина и политический контекст в научных практиках социологов // Социол. исслед. 2005, № 9.
40. *Кузнецов В.Н.* Общенациональная цель как фундаментальная проблема социологии // Социол. исслед. 2005, № 4.
41. *Бессонова О.Э.* Образ будущего России и код цивилизационного развития. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2007.

Л.А. Беляева

Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации

В настоящее время нет единого мнения в определении понятий «уровень жизни» и «качество жизни» и их операционализации через систему показателей. Часто они используются как взаимозаменяемые, а перечни показателей, которые их описывают, во многом совпадают¹. Тем не менее, понятия эти следует разделять. *Уровень жизни* более узкая категория по сравнению с *качеством жизни*. Он определяется условиями существования человека в сфере потребления и измеряется через социально-экономические показатели общего благосостояния людей. Эти показатели включают доходы, потребление, жилищные условия, услуги образования, здравоохранения и т.д. Они могут операционализироваться как через систему статистических показателей, так и субъективных оценочных суждений.

Качество жизни представляет собой более широкий комплекс условий жизнедеятельности человека и включает в себя уровень жизни, а также такие составляющие, которые относятся к экологической среде обитания, социальному благополучию, политическому климату, психологическому комфорту. Для измерения качества жизни недостаточно статистических показателей, даже очень подробных и достоверных, необходимы субъективные оценки соответствия этих параметров потребностям людей. По своей природе качество жизни — это объективно-субъективная характеристика условий существования человека, которая зависит от развития потребностей самого человека и его субъективных представлений и оценок своей жизни. Некоторые объективные составляющие качества жизни могут быть более актуализированы в сознании человека, другие менее, третьи совсем не актуальны в силу опыта, культурного капитала, ценностных предпочтений. Субъективные оценки важны уже в силу того, что они могут быть дифференцированы по регионам, социальным и демографическим группам и позволяют составить объемную картину настроений в обществе. Они проецируются на всю систему отношений: между индивидами, социальными группами, регионами, а также на отношения индивидов с социальными институтами и главным институтом — государством. Измерение субъективных оценок качества

¹ Типичный пример такого смешения — монография «Качество и уровень жизни населения в новой России (1991–2005 гг.)». Рук. авт. кол. проф. В.Н. Бобков. М., 2007.

жизни может давать информацию о существовании и возникновении в обществе социальных напряженностей. Можно дать следующее определение: **«качество жизни»** — это комплексная характеристика условий жизнедеятельности населения, которая выражается в объективных показателях и субъективных оценках удовлетворения материальных, социальных и культурных потребностей и связана с восприятием людьми своего положения в зависимости от культурных особенностей, системы ценностей и социальных стандартов, существующих в обществе.

Весьма симптоматично, что о качестве жизни стали говорить на Западе с середины 1960-х годов, когда возникли предпосылки формирования постиндустриального общества, главные акторы которого (профессионалы, специалисты) — приверженцы идеалов этого феномена в самом широком смысле. Категория эта получила в современных исследованиях широкое применение, став, пожалуй, одним из немногих интегральных показателей, которые характеризуют уровень экономического развития общества с ориентацией на потребности населения.

Существенным достоинством показателя качества жизни является возможность анализа динамики изменений за отдельные периоды, когда ведутся наблюдения, с тем, чтобы показать вектор развития общества. Кроме того, что также очень важно, сохраняется возможность анализировать отдельные компоненты качества жизни, которые могут при их сведении воедино нивелироваться и оставлять за пределами внимания те или иные нерешенные проблемы в отдельных сферах жизнедеятельности населения.

Категории «уровень» и «качество» жизни могут включать от нескольких до десятков показателей. Приведу два крайних примера. Используемые в этих случаях методики являются в настоящее время наиболее признанными и востребованными в исследованиях интересующей нас проблемы.

В агрегированном показателе — *индекс развития человеческого потенциала* (ИРЧП), разработанном в ООН для сравнения стран по уровню и качеству жизни, сегодня применяются три частных индекса¹:

1. Продолжительность предстоящей жизни при рождении.
2. Грамотность населения.
3. Реальный ВВП на душу населения (в долларах США).

При этом второй показатель формируется из двух индексов: совокупной доли учащихся и грамотности взрослого населения. Среднее арифметическое число от трех частных индексов это и есть индекс развития человеческого капитала. В нем учитываются не только объемы потре-

¹ <http://atlas.socpol.ru>.

бления материальных благ, но и возможности для развития человека, обеспечиваемые здравоохранением и образованием. Этот индекс отвечает поставленной перед ним задаче — сравнению стран мира по уровню развития, который не сводится к экономическому уровню, а учитывает те условия, которые создаются для демографического воспроизводства, культурного развития и благосостояния населения.

С 1990 г. ООН публикует данные о величинах ИРЧП по странам. Индекс может также рассчитываться и для регионов (что делается сейчас в России [1]), для этнических групп, мужчин, женщин и т.д. Значения индекса варьируются от 1 (для более развитых стран) до 0,2 (для стран с низким уровнем развития). Динамика этого показателя в 90-е гг. в России в период перехода к рыночной экономике отразила значительное снижение уровня и качества жизни. В настоящее время, исходя из уровня ИРЧП, рассчитываемого по 174 странам, выделяются три группы: с высоким (ИРЧП более 0,8), средним (от 0,5 до 0,8) и низким (менее 0,5) уровнем развития. В первую группу входит около 50 государств. Вторая, самая многочисленная, включала около 90 стран. Россия по рейтингам последних лет попадала в первую двадцатку этой группы и в 2004 г. занимала 65-е место среди 177 стран мира¹.

По представленным в 2007 г. данным, Россия переместилась в 2005 г. в первую группу стран, но при этом спустилась на две строчки рейтинга, заняв 67-е место [2]. Дело в том, что расширился до 70 список стран первой группы. По сравнению с прошлым рейтингом еще 7 государств так повысили качество жизни, что смогли достигнуть величины индекса более 0,8. Перемещение России в первую группу объясняется ростом ВВП на душу населения. Другие частные индексы вносят слабый вклад в эту динамику. Опережают Россию из стран бывшего СССР Литва, Эстония, Латвия (43–45 места соответственно) и Белоруссия (64-е место). В Белоруссии ниже уровень доходов (\$7918 на душу населения против \$10845 в РФ), но выше продолжительность жизни и ниже доля неграмотных (на 0,2%).

Другой полярный пример — методика С.А. Айвазяна [3], которая включает пять компонентов, каждый из которых объединяет внутри себя несколько показателей:

1. Качество населения (12 показателей).
2. Благосостояние (14).
3. Социальная безопасность (или качество социальной среды) (11).
4. Качество окружающей среды (8 показателей).
5. Природно-климатические условия.

¹ <http://raiting.rbc.ru>.

При этом показатели природно-климатических условий оцениваются экспертами по нескольким параметрам и применяются в виде поправочных коэффициентов в общих индексах качества жизни.

Этот же автор в другой работе [4] применяет методiku, содержащую почти 300 показателей, относящихся к качеству жизни. С помощью пошаговой регрессии «с присоединением» и «с исключением» из этого числа показателей формируется набор частных критериев категории «качество жизни», который в итоге включил в себя: ВВП на душу в текущих ценах с учетом паритета покупательной способности; производительность (ВВП на одного работающего); личное конечное потребление на душу в год; доля занятых в сфере обслуживания; доля неграмотных среди населения старше 15 лет; уровень персональной и имущественной безопасности члена общества (экспертные оценки); доля доходов 20% богатейшего населения; уровень инфляции (потребительских цен); реальный рост ВВП на душу населения. Эта методика позволяет проводить межстрановые сравнения по разработанному синтетическому показателю качества жизни, что и было сделано автором. Оказалось, что Россия занимала в 1996 г. 41-е, а в 1999 г. 42-е место среди стран мира и ее рейтинг ниже США, почти всех европейских стран и многих стран из третьего мира [3].

Остановимся еще на одном индексе качества жизни, который был разработан в Независимом институте социальной политики. Это так называемый «кризисный индекс качества жизни», в котором отражаются наиболее острые проблемы переходного периода, зафиксированные в статистических показателях регионов¹. Для его получения рассчитываются следующие частные индексы:

1. Индекс отношения среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму.
2. Индекс доли населения с доходами выше прожиточного минимума.
3. Индекс уровня занятости населения.
4. Индекс ожидаемой продолжительности жизни.
5. Индекс младенческой смертности.

Интегральный индекс представляет собой среднее арифметическое четырех индексов, последний из которых объединяет индекс ожидаемой продолжительности жизни и младенческой смертности. Рассчитанный по регионам России, кризисный индекс качества жизни показал в 2002 г. их огромные различия. В последующие три года значения

¹ <http://atlas.socpol.ru>.

индекса несколько улучшились, но все еще остаются весьма тревожными. В целом по стране к 2005 г. индекс вырос с 0,681 до 0,735, что связано с повышением уровня жизни и сокращением бедности. Если в 2002 г. по регионам индексы принимали значения от 0,35 до 0,82, то в 2005 г. от 0,45 до 0,89. В 2002–2004 гг. на первых трех местах рейтинга находились Москва, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа. В 2005 г. в тройку лидеров вошел Санкт-Петербург, потеснивший Ямало-Ненецкий округ на 4-е место. Среди регионов, чей индекс выше общероссийского, только четыре не относятся к сырьевым (Москва, Санкт-Петербург, Свердловская и Самарская области). Самые низкие индексы (менее 0,600) стабильно имеют ряд автономных округов и республики Калмыкия, Тыва и Ингушетия. Среди староосвоенных регионов Европейской части России очень низкий индекс имеют Ивановская и Владимирская области, занимающие соответственно 81 и 71 позицию в рейтинге из 88 регионов России. Индекс весьма информативен для анализа проблем развития регионов в условиях кризиса, но продолжает оставаться актуальным и в период экономической стабилизации, поскольку включает показатели, обладающие большой инерционностью, тем более для многих регионов экономический кризис еще не пройден.

Все рассмотренные индексы рассчитываются по официальным статистическим показателям, которые не зря часто называют «лукавыми цифрами». К тому же среди них много обобщенных и средних по стране или региону данных, что сегодня не позволяет учесть в полной мере качество жизни отдельных групп населения. Кроме того, существенный пробел этих методик заключается в том, что они не учитывают мнение самого населения по различным аспектам жизни. Между тем, объем благ и условий жизни, которыми располагают жители страны или отдельных регионов, по-разному распределены между категориями населения и не одинаково ими оцениваются. Существенные различия в восприятии своего качества жизни возрастными, гендерными, образовательными группами, оценка его соответствия социальным стандартам, существующим в ближайшем окружении, и сравнение с отдаленным социальным ареалом формируют субъективные представления о качестве жизни в стране, которое дифференцировано по регионам, поселениям, социальным группам и слоям. Оно не менее важно, чем объективные характеристики качества жизни. Именно субъективные мнения позволяют говорить о социальных связях, об удовлетворенности отдельными сторонами жизни и жизнью в целом, о социальной стабильности или конфликтах, других жизненно важных

процессах, которые не отражает современная статистика. В этом контексте качество жизни — это степень удовлетворенности человеком своей жизнью в целом и ее отдельными компонентами на основе его собственной субъективной оценки. Перефразируя известное выражение, можно сказать: «что одному хорошо, то другомуплохо». И не учитывать мнение самого населения в оценке качества жизни было бы не совсем правильно. Именно поэтому в данной статье в дополнение к объективным критериям предлагается методика субъективной оценки качества жизни. При этом используется индексный метод представления данных, который дает возможность измерить множество разных проявлений качества жизни с применением отдельных шкал и свести эти измерения путем суммирования в одну шкалу. Индексы — это коэффициенты сведения частей такой сложной совокупности явлений как качество жизни в интегрированные показатели.

Прежде чем перейти к изложению методики, дадим вербальную характеристику высокого качества жизни. Эта характеристика, в отличие от существующих, раскрывается через несколько комплексных воздействий на позиционирование индивидов в обществе: (1) формируется такой уровень самоидентификации с данным обществом, когда жители испытывают чувство гордости и желание жить в своей стране и своем регионе; (2) создается позитивный жизненный потенциал общества, когда социальные практики во всех областях: политической, общественной, научной, предпринимательской, культурной и т.д. вносят вклад в улучшение качества жизни всего населения; (3) обеспечиваются социальные стандарты качества жизни для всех жителей страны; (4) граждане относятся к государству как эффективному защитнику своих жизненных интересов; (5) жители испытывают доверие к органам власти на всех уровнях — от руководства страны до органов местного управления и могут влиять на их деятельность.

Методика формирования частных и общих индексов качества жизни

В таблице изложена система субъективных показателей качества жизни, сведенная в 4 компонента.

1. Уровень жизни (благополучие).
2. Качество социальной среды.
3. Качество природной среды.
4. Социальное самочувствие населения.

**Субъективные показатели
качества жизни населения**

Компоненты качества жизни	Частные индексы
I. <i>Уровень жизни (благополучия)</i>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Индекс материального уровня жизни. 2. Индекс удовлетворенности жильем. 3. Индекс доступности медицинской помощи. 4. Индекс доступности образования.
Общий индекс уровня жизни: среднее арифметическое 4-х частных индексов	
II. <i>Качество ближайшей социальной среды</i>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Индекс самоидентификации с жителями своего поселения. 2. Индекс защищенности от преступности. 3. Индекс защищенности от бедности. 4. Индекс защищенности от произвола чиновников. 5. Индекс защищенности от произвола правоохранительных органов.
Общий индекс качества социальной среды: среднее арифметическое 5-ти частных индексов	
III. <i>Качество экологии</i>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Индекс защищенности от экологической угрозы. 2. Индекс чистоты воздуха. 3. Индекс чистоты воды.
Общий индекс качества экологии: среднее арифметическое 3-х частных индексов	
IV. <i>Социальное самочувствие населения</i>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Индекс уверенности в будущем. 2. Индекс удовлетворенности жизнью. 3. Индекс самостоятельности.
Общий индекс социального оптимизма: среднее арифметическое 3-х частных индексов	
Интегральный индекс качества жизни: среднее арифметическое 4-х общих индексов	

Качественные характеристики населения, которые некоторыми исследователями включаются как один из элементов качества жизни, в предлагаемой методике не используются, поскольку население рассматривается нами как носитель изучаемого качества жизни. Из анализа был исключен еще один компонент — политическая стабильность и демократия. Дело в том, что для оценки влияния этого компонента на качество жизни нужно, чтобы он воспринимался самим населением как лично актуальный, и оно видело прямую зависимость деятельности политических институтов от мнений и интересов всех социальных групп общества. Этого нельзя отметить по имеющимся сейчас социологическим исследованиям. Низкая политическая активность граждан, низкий уровень доверия власти, неверие в ее желание и способность оказать позитивное влияние на жизнь «простого» человека не позволяют предполагать, что этот компонент сегодня влияет на оценки населением качества своей жизни. Для того чтобы этот компонент «заработал», необходима иная мера ответственности представителей власти перед населением.

В таблице представлены также названия частных индексов по каждому компоненту (2-я колонка). Предлагается рассчитать 15 частных индексов качества жизни и на их основе сформировать 4 общих индекса, соответствующих четырем компонентам качества жизни. Далее 4 общих индекса сводятся в один **интегральный индекс качества жизни**. Возникает принципиальная возможность сравнить качество жизни различных социальных групп и слоев, регионов на основании того, как сами жители оценивают различные стороны своей жизни.

Но ограничиться только интегральным индексом в характеристике качества жизни, оставляя за скобками частные и общие индексы, было бы опрометчиво, поскольку в этом случае теряется большой объем информации, характеризующей отдельные компоненты жизни, определяющие в конечном итоге, как живет человек в России. Все они важны, хотя такие как индекс уровня жизни и индекс социального оптимизма представляются наиболее весомыми, но это сейчас, когда неблагополучие, бедность и неуверенность в будущем наиболее тревожные проблемы для многих людей и именно от них стараются избавиться большинство людей. С преодолением низкого уровня жизни другие проблемы (экология, социальная среда, политические свободы и права личности) все более будут влиять на оценку самим населением качества жизни в стране.

Другой мотив, по которому необходимо рассчитывать и анализировать частные и общие индексы качества жизни, состоит в том, что при построении общих и тем более интегрального индексов, происходит нивелирование, усреднение качества жизни, замеренного по этим индексам, и оста-

ются вне внимания острые проблемы, осложняющие жизнь населения. Аналогичное положение возникает и при расчете индекса развития человеческого потенциала, по которому, например, Тюменская область в 2004 г. была на втором месте в общероссийском рейтинге, пропустив перед собой только Москву. Но произошло это, в основном, за счет высоких доходов в Тюменском регионе и особенно в автономных нефтегазовых округах. По индексу дохода область занимала в этом году 1-е место, но по индексу продолжительности жизни регион находится во второй десятке, а по индексу образования пропускает перед собой 17 регионов. При расчете ИРЧП по Тюменской области первый показатель нивелирует два других [1].

Для получения субъективных индексов по каждому компоненту качества жизни используется методика, применяемая для расчета индекса экономических ожиданий в странах Европы. Аналогично рассчитываются индексы потребительских настроений в Левада-Центре. Суть методики состоит в следующем. По каждому вопросу анкеты, характеризующему качество жизни, из доли положительных ответов вычитаются доли отрицательных и к этой разнице прибавляется 100, чтобы исключить появление отрицательных величин. Значения частного индекса могут меняться в пределах от 0 до 200. Индекс равен 200, когда все население положительно оценивает определенную сторону жизни. Индекс равен 100, когда доля положительных и отрицательных оценок одинакова. Снижение индекса ниже 100 означает преобладание негативных ответов. Общий индекс по каждому компоненту рассчитывается как среднее арифметическое частных индексов и также может принимать значения от 0 до 200.

Формула расчета частных индексов:

$$I_{\text{части}} = (X - Y) + 100,$$

где X — доля положительных ответов (оценок);

Y — доля отрицательных ответов [оценок].

Общие индексы по каждому компоненту рассчитываются как среднее арифметическое частных индексов:

$$I_{\text{комп.}} = \frac{I_{\text{части}1} + I_{\text{части}2} + \dots + I_{\text{части}N}}{N},$$

Интегральный индекс рассчитывается как среднее арифметическое общих индексов.

Эмпирический материал, на котором данная методика будет апробироваться, представлен в шестой волне мониторинга «Наши ценности

и интересы сегодня», проводимом с 1990 г. Центром социокультурных изменений ИФ РАН¹. Это исследование дает богатый материал для комплексной характеристики качества жизни в стране в целом и в разрезе гендерных, социальных групп, по типам поселений, а также любым другим социальным слоям и группам. В данной статье для примера взяты четыре стандартные для всех социологических исследований группировки: по полу, уровню образования, профессиональному статусу, городскому и сельскому населению. Для характеристики различных сторон жизни населения в интервью были использованы порядковые шкалы, в том числе ранговые. В ряде случаев для получения частных индексов предлагается использовать процедуру суммирования шкал. В других случаях, если представляют интерес составные части индекса, индексы считаются отдельно по каждому субъективному показателю.

Уровень жизни — первый компонент ее качества. Он оценивается с использованием нескольких частных индексов: 1. Индекс материального уровня жизни; 2. Индекс удовлетворенности жилищными условиями; 3. Индекс медицинского обслуживания; 4. Индекс доступности образования. Рассмотрим, как они формируются.

1. Индекс материального уровня жизни рассчитывается как сумма шкал, в которых учитывается не только самооценка материального уровня жизни, но и его динамика по сравнению с прошлым годом и ожидания в следующем. Таким образом, этот индекс носит комплексный характер. По массиву в целом он равнялся 116. Его значение позволяет считать, что положительные оценки уровня жизни немного превышают отрицательные. У женщин он составил 112, а у мужчин 126. Среди групп по образованию самый высокий индекс у респондентов с незаконченным высшим (229) и высшим образованием (116). Самый низкий у лиц с незавершенным средним образованием (87). Как видим, данный индекс довольно чутко реагирует на различия образовательных групп.

2. Индекс удовлетворенности жилищными условиями. Во всероссийском мониторинге на вопрос о качестве жилья 60% населения России ответили, что полностью или частично удовлетворены своим жильем, 32% частично или совсем не удовлетворены. По России в целом он составляет 128. То, что его значение весьма далеко от 200, говорит о

¹ Руководитель исследований член-корреспондент РАН Н.И. Лапин. Полевое исследование в 2006 г. проведено Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), директор к.ф.н. В.Г. Андреенков. Размер выборки составил 1200 респондентов в возрасте 18 лет и старше. Выборка вероятностная, многоступенчатая, территориальная. Репрезентативна населению России по полу, месту проживания, возрасту, образованию, экономическому положению. Автор благодарит канд. полит. наук А.В. Андреенкову за методические замечания, высказанные при подготовке статьи.

нерешенности жилищного вопроса для значительной части населения. Среди отдельных групп населения индекс заметно варьируется. Больше удовлетворены этим компонентом качества жизни мужчины, жители села по сравнению с горожанами, лицами с высшим образованием. В группе с незаконченным высшим много молодежи, для которой вопрос собственного жилья пока не решен.

3. *Индекс доступности медицинской помощи*, по данным всероссийского мониторинга 2006 г., составляет 98. Это один из самых низких индексов среди всех компонентов качества жизни. Ниже 100 оценили качество медицинского обслуживания и мужчины, и женщины, все образовательные группы, жители города и села. Среди групп по занятиям только у руководителей индекс больше ста (110), самую низкую оценку медицинское обслуживание получило у специалистов (60). Три проблемы медицинского обслуживания больше всего беспокоят россиян: «трудно попасть к врачу, большие очереди» — 1-е место; 2-е — «недостаточная квалификация врачей»; 3-е — «врачи выписывают лекарства, которые трудно достать или они очень дорогие». Доли респондентов, отметивших эти недостатки, соотносятся как 41%, 35%, 23%.

4. *Индекс доступности образования* по всероссийскому массиву составил 98. При этом четко прослеживается проблема недоступности образования для лиц с не очень хорошим материальным положением и не занимающих руководящие должности. Только в двух верхних материальных слоях (из шести) индекс превысил 100, у руководителей он составил 166. При широкой распространенности платного обучения эти данные не удивительны, а скорее вызывают озабоченность неравными стартовыми возможностями для молодежи из разных материальных и социальных слоев.

На основании четырех рассмотренных индексов можно составить общий индекс уровня жизни — по первому компоненту качества жизни. По массиву в целом он в 2006 г. был довольно низким (104) и при этом демонстрирует свою изменчивость при обращении к мнению разных социальных групп общества. Самый высокий он у руководителей (148), самый низкий — у лиц с незаконченным средним образованием (94).

Качество социальной среды — второй компонент качества жизни рассчитывается на основе мнений населения о близости с жителями того места, где они живут, и о своей защищенности от разного вида опасностей. Как показал и мониторинг, и данные других исследований, первые пять мест среди опасностей с большим отрывом занимают преступность, бедность, экологические угрозы, произвол чиновников и правоохранительных органов. Все эти опасности оцениваются большинством населения очень высоко. Например, 70%

опрошенных сказали, что они совсем не защищены и, прежде всего, от преступности. По другим видам угроз свою незащищенность отметили также более 50% опрошенных. Индекс экологической безопасности рассчитывается в рамках III компонента, здесь же используются для анализа четыре: защищенность от преступности, произвола правоохранительных органов, произвола чиновников и защищенность от бедности. Однако, несмотря на такие тревожные настроения, респонденты довольно высоко оценивают свою близость с жителями своего поселения — города или села. Это обстоятельство позволяет говорить о дифференцированном отношении к тем, кто живет рядом и имеет те же жизненные проблемы, и к тем субъектам потенциальной опасности, которые не включаются в близкий круг. Кстати, более 80% респондентов положительно относятся к своему региону, и эта оценка не слишком зависит от принадлежности к той или другой социальной и демографической группе. Общий индекс качества социальной среды по массиву в целом довольно низкий (94). Для разных групп населения он выше с учетом уровня образования и роста профессионального статуса.

Качество экологии — третий компонент качества жизни. Индекс экологической безопасности определяется по трем составляющим — защищенность от экологической угрозы, чистота воздуха и чистота воды. По данным всероссийского мониторинга, в России он имеет низкое значение (78), т.е. преобладающая доля населения дала негативную оценку экологической безопасности своего существования. Самый высокий индекс зафиксирован у лиц с незаконченным средним образованием (103) и жителей села (100). Самый низкий — у специалистов (64). Вообще данная группа наиболее критически настроена по отношению ко многим составляющим качества жизни. Качество ее жизни не ниже, чем у некоторых других групп населения, но говорит это о более высоком уровне информированности и о том, что специалисты ощущают в России недооценку своего труда и образования по сравнению с руководителями и предпринимателями, кроме того, референтной группой для специалистов часто служат представители аналогичных профессиональных групп за рубежом.

Социальное самочувствие населения — четвертый компонент качества жизни. По нему рассчитывается индекс социального оптимизма, который основывается на оценках населением своего будущего, удовлетворенности жизнью, уверенности, что оно само может решать проблемы ее улучшения. Исследования показали значительное улучшение социально-психологического состояния населения, что отразилось и в довольно высоких показателях индекса. По всероссийскому мониторингу он равен 130. Разброс значений от 170

(у руководителей) и 155 (у лиц с незаконченным высшим образованием) до 99 у лиц с незаконченным средним образованием.

Интегральный индекс качества жизни рассчитывается как среднее арифметическое общих индексов по каждому из четырех компонентов. Остается нерешенным вопрос: какой вес принять для каждого частного индекса при расчете общих индексов по каждому компоненту и интегрального индекса по всем четырем компонентам. Можно предположить, что индекс материального уровня жизни должен иметь больший вес, чем, например, качество социальной среды, но сейчас удовлетворительно решить этот вопрос не представляется возможным. Можно представить реальную ситуацию, что жители тех регионов, которые имеют невысокие доходы, в большей мере удовлетворены другими компонентами качества жизни, которые компенсируют недостаточность материальных средств. Например, такими компенсирующими факторами могут выступать обеспеченность жильем, экологическая безопасность проживания, высокая оценка социальной среды и т.д. При субъективной оценке качества жизни невольно возникает вопрос: что лучше — иметь высокие доходы, но при этом жить в ветхом жилье и подвергаться экологической опасности, работать и жить в неблагоприятных климатических условиях, или иметь средний и даже низкий доход, но жить в своем доме в экологически безопасной местности и работать на безопасных производствах. Расчеты специалистов показали, что более 40% различий в заработной плате работников схожих профессий разных регионов России носят компенсирующий характер. То есть они (и как следствие вообще доходы) компенсируют стоимость жизни в регионе, условия труда, низкую продолжительность жизни, профессиональные заболевания, плохой климат и т.д. [5].

В проведенных расчетах все индексы признаются сейчас одинаково значимыми, и интегральный индекс рассчитывается как среднее арифметическое общих индексов по каждому компоненту. При этом наблюдается отмеченный выше компенсирующий эффект одних компонентов качества жизни другими. Показатели этого индекса варьируются около 100, незначительно отклоняясь вверх или вниз по гендерным и образовательным группам. Другая ситуация с социально-профессиональными группами и жителями города и села. Руководители имеют индекс 127, значительно отрываясь от других профессий. Жители села также оценивают качество своей жизни на 14 пунктов выше горожан. Возникает закономерный вопрос: какие же частные индексы вносят наибольший вклад в выравнивание или в дифференциацию интегрального индекса качества жизни по тем группам, которые мы рассматриваем? Руководители имеют наиболее высокий индекс качества жизни под влиянием трех общих индексов — уровня жизни,

качества социальной среды и особенно социального оптимизма. Но обратим внимание, что по оценке экологической безопасности руководители немного отличаются от большинства других профессиональных групп. Видимо, их качество жизни напрямую связано с индивидуальными ресурсами и социальными сетями, в которые они включены. Факторы, остающиеся вне их контроля, не содействуют повышению оценок качества жизни, здесь руководители имеют близкие позиции с другими профессиональными группами. По оценкам сельских жителей их качество жизни выше, чем в городе. При этом уровень своего благосостояния жители села оценивают примерно так же, как и горожане. Здесь очевидно влияние более низкого социального стандарта, характерного для села, и сглаженность проблем материального расслоения. Основное влияние на повышение интегрального индекса оказывают качество социальной среды (соответствующий индекс на селе на 17 пунктов выше, чем в городе) и качество экологии (выше на 31 пункт). Сравнение качества жизни социальных слоев, выделенных в результате кластерного анализа, и среднего класса также показало большие дифференцирующие возможности интегрального и общих индексов.

Таким образом, использование предложенной методики в дополнение к объективным показателям уровня благосостояния открывает возможности для учета субъективного мнения жителей страны о существенных сторонах их жизни с учетом культурного и социального капитала различных групп общества и существующих в разных социальных средах стандартов качества жизни. Эта методика может быть полезна и в анализе качества жизни в регионах России.

Список литературы

1. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2006/2007 гг. М., Весь Мир, 2007.
2. «Коммерсант», 2007, 28 ноября.
3. Айвазян С.А. Межстрановой анализ интегральных категорий качества жизни населения (эконометрический подход). Препринт № WP/2001/124, М., ЦЭМИ РАН, 2001.
4. Айвазян С.А. Россия в межстрановом анализе синтетических категорий качества жизни населения // <http://www.hse.ru/iournals/worldross/vol014/Ivazian1.htm>
5. Оценков А.Ю. Межрегиональные различия в заработной плате в России // Модернизация экономики и общественное развитие. В трех книгах. М., ГУ-ВШЭ, 2007. С. 60.

В.К. Левашов

Современная Россия: опыт социологического анализа

Российское общество и государство вступили в новый социально-политический цикл, началом которого явились выборы нового Президента РФ, нового состава Государственной Думы, формирование новых органов государственной власти и неизбежные в этих случаях изменения проводимой политики. Как всегда в подобного рода процессах процедура выборов, обновления власти сопровождается активной политической полемикой, в которой многие точки зрения поляризуются. Политики, находящиеся у власти, стараются показать позитивные результаты развития, достигнутые в период их правления. Картина современной России в соответствии с логикой политического действия, как ни сдерживай воображение под напором СМИ, получается благостной: в стране успешно идут рыночные реформы, российская экономика набирает темпы развития, государственная власть и ее «вертикаль» крепнет, а общество повышает свое благосостояние и здоровеет душой. Оппоненты не жалеют черной краски: демократические реформы свернуты, политический процесс деградирует, «силовики» преследуют врагов политического режима и проводят латентную «бархатную» приватизацию, коррупция процветает, и т.д. К сожалению, современный публичный демократический электоральный процесс и у нас в стране, и за рубежом не исключает подобных стрессовых ситуаций. В этот период рациональная политика может отдаляться от реальных гражданских интересов общества, минимизироваться и даже замираться. И наоборот, иррациональные политические эмоции, эпитеты и суждения приближаются к самым низким и откровенным формам. Тем важнее в это сложное время становления новой политической команды оценивать с научно-критических позиций перспективы развития страны и гражданского общества, выстраивать устойчивую траекторию движения в будущее, не утрачивая материальных предпосылок и темпов развития, отведенных временем. Речь идет об анализе итогов прошедшего периода и формировании новой повестки дня для российского общества и государства.

Социально-экономические реалии

2007 год стал для России девятым годом постоянного экономического роста с момента финансового кризиса 1998 г. В среднем темпы прироста экономики составили 7% в год. Хотя на первоначальном этапе высокие

цены на нефть и относительно дешевый рубль являлись основными движущими силами этого роста, но, уже начиная с 2003 г., потребительский спрос и, в меньшей степени, инвестиции стали играть значительную роль. За последние шесть лет средний прирост мировых портфельных инвестиций составлял свыше 10%, реальные доходы населения — 12%. На протяжении всего этого периода постоянно снижалось количество бедных и продолжал увеличиваться средний класс.

За этот период Россия упрочила также свое международное финансовое положение. Федеральный бюджет стал профицитным в 2001 г., а 2007 г. был закончен с 6% приростом ВВП. В последние семь лет Россия использовала свой стабилизационный фонд, образованный за счет нефтяных налогов, для досрочной выплаты долгов Парижскому клубу кредиторов и МВФ. Иностраный долг уменьшился до 31% ВВП, в основном за счет уменьшения государственного долга, хотя корпоративные долги выросли значительно. Доходы от экспорта нефти позволили стране увеличить валютные резервы с 12 млрд долл. в 1999 г. до приблизительно 470 млрд долл. к концу 2007 г. и занять третье место в мире по размерам валютных резервов.

Во время первого президентского срока В.В. Путина был проведен ряд важных реформ в области налогообложения, банковского дела, трудового и земельного законодательства. Это позволило упрочить деловую и инвестиционную составляющие российского экономического будущего, при этом объем прямых иностранных инвестиций увеличился с 14,6 млрд долл. в 2005 г. до примерно 30 млрд долл. в 2007 г. ВВП вырос на 7,4% в основном за счет увеличения объема продаж услуг и товаров на внутреннем рынке, а не вывоза нефти, минеральных ресурсов и других товаров экспорта, как это было в прошлом. Во второй половине 2007 г. инфляция опять начала увеличиваться, в основном за счет роста цен на продовольствие, и к концу года достигла 12%. Россия подписала двухстороннее соглашение с США о взаимном доступе товаров и услуг, что является своего рода прелюдией к возможному вступлению в ВТО, а российские компании активно участвовали в сделках слияния и поглощения в нефтегазовом, металлургическом и телекоммуникационном секторах.

Однако, несмотря на последние достижения и успехи, существует ряд серьезных проблем. Нефть, природный газ, металлы и круглый лес составляют более 80% экспорта и дают 30% государственных доходов, ставя страну в зависимость от цен на мировых сырьевых рынках. Российская же промышленность находится в полуразрушенном состоянии, предприятия требуют полной перестройки или модернизации, если страна хочет добиться экономического роста. Банковская система, несмотря

на увеличивающееся потребительское кредитование и высокие темпы роста, все еще относительно мала и слаба, если сравнить ее с банками других стран с развивающимися рынками. Политическая неопределенность, коррупция и широко распространенное недоверие к национальным структурам продолжают угнетающе действовать на отечественных и зарубежных инвесторов. Подбор и композиция статистических данных, оценки и акценты в выводах аналитиков ЦРУ позволяют с известной долей объективности судить о положении дел и динамике развития страны со стороны. Мнения экспертов подобного ранга важны для процессов подготовки и выработки стратегического курса развития и повестки актуальных политических действий. По данным международных экспертов Всемирного банка «Россия по объему экономики теперь занимает седьмое место в мире»¹. Тенденции в развитии страны, уровне и качестве жизни населения характеризуются (см. табл. 1, 2).

Таблица 1. Основные макроэкономические показатели
(в % к пред. году)²

<i>Основные макроэкономические показатели</i>	<i>2001</i>	<i>2002</i>	<i>2003</i>	<i>2004</i>	<i>2005</i>	<i>2006</i>	<i>9 мес. 2007</i>
Рост ВВП	5,1	4,7	7,3	7,2	6,4	6,7	7,9 *
Рост промышленного производства	4,9	3,7	7,0	8,3	4,0	3,9	6,6
Рост инвестиций в основной капитал	8,7	2,6	12,5	10,9	10,5	12,6	21,2
Баланс федерального бюджета (% GDP)	3,0	2,3	1,7	4,2	7,5	7,5	7,5
Индекс потребительских цен (ИПЦ)	18,6	15,1	12,0	11,7	10,9	9,0	9,3 **
Текущий счет платежного баланса (\$ млрд)	35,1	32,8	35,9	60,1	86,6	94,5	57,1
Валютные резервы (\$ млрд)	36,6	47,8	76,9	124,5	182,2	303,7	447,0 **

* Данные за первое полугодие 2007 г.;

** Данные за 10 месяцев 2007 г.

¹ <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/02>

² Источник: Росстат, Минфин, ЦБ РФ.

Таблица 2. Социальные показатели
(% к пред. году)¹

	2003	2004	2005	2007	9 мес. 2006	9 мес. 2007
Рост реальных располагаемых доходов	14,9	9,9	8,8	10,2	10,6	12,4
Рост реальной заработной платы	10,9	10,6	10,0	13,4	12,9	16,2
Среднемесячная заработная плата (долл. США)	179,4	237,2	301,6	394,7	380,2	497,4
Уровень безработицы (определение МОТ)	8,6	8,2	7,6	7,1	7,3	6,3

Высокие темпы роста ВВП, нехватка рабочей силы, административные повышения заработной платы в государственном секторе и пенсий привели к большему, чем ожидалось, росту доходов населения. Практически во всех секторах экономики рост номинальной заработной платы значительно превышал 20%. Среднемесячная заработная плата в 2007 г. выросла до 520 долларов. Средний уровень безработицы снизился до 6,3%.

Быстрый рост ВВП и промышленного производства обусловлен увеличением внутреннего спроса, ростом потребления домохозяйств и повышением уровня деловой активности. Самые высокие темпы роста наблюдались в строительстве и розничной торговле. Рост производства в обрабатывающей промышленности определялся высокими показателями нескольких отраслей: производство машин и оборудования, производство электротехнического и оптического оборудования, производство транспортного оборудования.

Однако сопоставление индексов производства по видам экономической деятельности, в котором объемы производства в дореформенном 1991 г. приняты за 100%, составленное на основе источников Федеральной службы государственной статистики, показывает уже не столь оптимистическую картину (см. табл. 3).

¹ Источник: тот же.

Таблица 3. Индексы производства по видам экономической деятельности
(% к 1991 г.)¹

	1992	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2006 в % к 2005
Добыча полезных ископаемых*	88,2	70,7	74,3	78,8	84,2	91,5	97,7	99,0	101,3	102,3
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	94,7	77,8	80,9	85,8	92,1	101,6	109,4	111,4	114,2	102,5
Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	71,0	52,0	60,0	57,7	57,2	58,6	63,6	61,6	62,7	101,8
Обрабатывающие производства*	81,8	47,5	51,0	52,0	52,6	58,0	64,1	67,8	70,8	104,4
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	80,0	50,2	54,5	58,9	63,1	67,5	70,5	73,6	77,6	105,4
Текстильное и швейное производство	71,9	22,0	23,4	25,2	24,6	24,9	23,9	23,5	25,2	107,3
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	78,0	20,8	15,5	17,6	19,6	21,9	21,8	21,2	24,7	116,7
Обработка древесины и производство изделий из дерева	78,7	40,8	37,5	36,6	38,1	41,8	45,4	47,4	47,6	100,5
Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	88,0	62,7	81,2	89,0	92,6	99,8	104,9	106,2	113,0	106,4
Производство кокса и нефтепродуктов	82,8	62,2	60,1	61,8	64,6	66,0	67,6	71,3	75,6	106,1

¹ Источник: http://www.gks.ru/free_doc/2007/b07_11/14-03.htm.

Окончание таблицы 3

	1992	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2006 в % к 2005
Химическое производство	79,0	54,7	69,8	70,0	70,1	73,9	78,8	80,8	82,3	101,9
Производство резиновых и пластмассовых изделий	79,5	38,4	52,5	53,3	53,4	56,3	63,9	67,4	75,3	111,7
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	80,9	46,9	40,3	41,8	42,3	45,4	49,2	50,9	56,4	110,8
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	82,3	57,6	66,8	69,9	73,5	78,8	81,9	86,6	94,2	108,8
Производство машин и оборудования	84,4	38,1	32,3	34,4	31,4	37,4	45,3	45,3	46,8	103,3
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	79,8	37,3	45,3	49,1	45,3	364,9	87,3	105,4	99,6	94,5
Производство транспортных средств и оборудования	85,3	45,0	53,1	39,1	38,7	44,1	49,2	52,2	53,9	103,3
Прочие производства	91,2	60,7	60,4	65,5	68,1	75,5	83,4	84,0	90,0	107,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды*	95,3	80,2	76,9	78,0	81,7	84,4	85,5	86,5	90,1	104,2

* Данные приведены с учетом поправки на неформальную деятельность.

Статистические данные свидетельствуют, что наша страна в последние годы медленно наращивает темпы добычи полезных ископаемых, производства продукции промышленности и сельского хозяйства. Существенно возрос за период 2000–2008 гг. внешнеторговый оборот и улучшилось сальдо внешнеторгового баланса. Но по остальным показателям промышленного и сельскохозяйственного производства Россия 2008 года еще не «дотянулась» до России 1990 года, по некоторым позициям — в разы. С учетом темпов роста инвестиций и развития можно предположить, что положение страны укрепилось к началу нового политического цикла. Однако, судя по данным социальной статистики и результатам опросов общественного мнения, эти перемены вряд ли кардинально изменили качество жизни российских граждан и улучшили их социальное положение.

Об этом можно судить, в частности, по **индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП)**, содержащему показатели о трех важнейших совокупных сторонах состояния человеческого общества: ожидаемой продолжительности жизни при рождении; уровню грамотности взрослого населения к количеству учащихся начальных, средних и высших учебных заведений; ВВП на душу населения. Они по сути дела, характеризует степень гражданской зрелости общества, качество политической креативности, воли и организационной эффективности современного государства по отношению к своим гражданам.

Величина ИРЧП для РФ равна 0,802, что дает нашей стране в рейтинге 177 стран 67 место. По сравнению с предшествующим, Россия в 2005 г. ухудшила свое положение в этом международном рейтинге и опустилась вниз на две позиции. Такая динамика показывает, что происходящие в экономике позитивные изменения не имеют кумулятивного социального и гуманитарного эффекта. Россия входит в группу стран со средним уровнем развития человеческого потенциала (диапазон значений 0,500–0,799). В 1990 г. рейтинг нашей страны составил 0,818, что соответствовало тогда приблизительно 35 месту. В 1995 г. величина ИРЧП составила 0,771, в 2000 — 0,785, в 2005 — 0,802. Это означает, что после глубокого провала наша страна начинает восстанавливать утраченные позиции.

Однако было бы неправильным полагать, что ИРЧП в основном зависит от величины ВВП на душу населения. Измерения по другим странам показывают, что это далеко не так приведем пример.

В рейтинге ИРЧП Беларусь заняла в 2000 г. 84 место с показателем 0,804. При значительно меньшем показателе ВВП на душу населения (7918 долл.; Россия — 10845) Беларусь вышла вперед за счет большей

ожидаемой продолжительности жизни при рождении — 68,7 (Россия — 65,0) и более высокого уровня грамотности взрослого населения — 99,6 против 99,4 в России. Таким образом, наша страна проигрывает соревнование по показателям, характеризующим социальную и гуманитарную составляющие устойчивого развития информационного общества.

Прогноз развития экономики России на 2008 год, составленный до начала мирового финансового кризиса на основании мнений авторитетных отечественных экономистов, в общем показывает неплохие перспективы для России (см. табл. 4).

Таблица 4. Экономика России в 2008 году
(Консенсус-прогноз «Ведомостей»)¹

<i>Показатели</i>	<i>Прогноз, 2008</i>	<i>Итоги, 2007 (оценка МЭРТ)</i>
ВВП (рост, % к пред. году)	6,9	7,6
Индекс потребительских цен (рост, % декабрь к декабрю)	10	12
Промышленное производство (рост, % к пред. году)	5,9	6
Инвестиции в основной капитал (рост, % к пред. году)	16,5	20
Реальные доходы (рост, % к пред. году)	11,1	12,5
Реальная зарплата (рост, % к пред. году)	12,2	15,1
Чистый приток капитала (\$ млрд)	59,1	80
Прямые иностранные инвестиции (\$ млрд)	47	41–45
Экспорт (\$ млрд)	397	315,7 (январь–ноябрь)
Импорт (\$ млрд)	285	198,7 (январь–ноябрь)
Внешний долг корпораций и банков на конец года (\$ млрд)	477,5	378,1 (январь–сентябрь)
Цена на нефть (Urals \$/барр., среднегодовая)	73,9	69,1 (расчеты Reuters)
Обменный курс ЦБ (руб./\$ на конец года)	24,5	24,55 (на 30 декабря)

В опросе участвовали экономисты Citibank, «Ренессанс Капитал», Ing Bank, «Тройки Диалог», ИБ «Траст», HSBC Bank, Альфа-Банка, Deutsche Bank, Банка Москвы, Центра Развития, ФК «Уралсиб», Казначейства ВТБ.

¹ Источник: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2008/01/09/139301>.

По мнению зарубежных и отечественных экспертов, фундаментальные факторы роста российской экономики достаточно сильны и долговременны. Есть все основания предполагать, что российские рынки будут достаточно устойчивыми, несмотря на углубление мирового финансового кризиса.

В целом динамика экономических и социальных показателей свидетельствует, что российскому обществу и государству в силу благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры и решительных действий в сфере политического управления удалось преодолеть глубочайший социально-экономический кризис 90-х годов XX века, стабилизировать и начать выправлять положение дел в сфере экономики, что не замедлило позитивно сказаться на общей социально-политической ситуации в стране. Формирование обществом новых органов представительной власти впервые за пятнадцать лет проходило в условиях экономического подъема и спокойной социально-политической обстановки. Предшествующие же восемь лет носили подготовительный характер, создавали условия для начала строительства и устойчивого развития российского общества. Потеряв темп развития, Россия, чтобы сохраниться, должна следовать не просто инновационной стратегии, по которой уже идут в общество знания большинство развитых стран. В политике, экономике, социальной и духовно-нравственной сфере предстоит найти и взять на вооружение авангардные методы развития, которые позволят в полной мере без надрыва использовать имеющиеся в стране производительные силы.

В этой связи в рамках новой повестки дня для нашей страны актуализируется задача локализации и минимизации эффектов мирового финансового кризиса. Адекватная политика в социально-экономической сфере действительно может превратить экономику России в зону стабильности и устойчивого развития. Для этого в стратегической перспективе предстоит найти и консолидировать необходимые ресурсы для отладки и запуска социально-экономических механизмов устойчивого развития российского общества. В среднесрочной перспективе предстоит поддержать экономический рост, привлечь новые инвестиции и технологии с целью реанимации, модернизации и запуска на новой информационно-технологической основе все еще замороженное, недогруженное или полуразрушенное российское промышленное и сельскохозяйственное производство.

Социально-психологические ресурсы развития. Среди них важнейшим следует считать: уровень доверия граждан к курсу проводимых экономических реформ (см. табл. 5)¹. К моменту выборов Президента РФ

¹ Здесь и далее приводятся данные социологического мониторинга «Как живешь, Россия» Аналитическим отделом стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН с 1992 г. (науч. рук. д.соц.н. В.К. Левашов). В исследовании

больше трети граждан страны (35%) относились к курсу экономических реформ в основном положительно, четверть (24%) — отрицательно, 19% — безразлично, а 22% затруднились ответить. Судя по динамике перелом настроений общества в сторону оптимистических оценок произошел в 2007 г. Важно сохранить этот позитивный настрой на будущее. Сделать это будет непросто. На социополитическую обстановку в стране начинают воздействовать факторы глобального характера, в частности, мировой рост цен на продукты питания и продукцию сельскохозяйственного производства. Индикатор тревожности чутко среагировал на появившиеся угрозы благополучию граждан.

Таблица 5. Динамика отношения населения к курсу проводимых экономических реформ (РФ, % от числа опрошенных)

	<i>В основном положительно</i>	<i>В основном отрицательно</i>	<i>Безразлично</i>	<i>Затруднились ответить</i>
1995, январь	11	51	15	23
1997, январь	15	47	10	28
1998, декабрь	9	67	7	17
1999, ноябрь	11	60	9	20
2000, декабрь	23	42	17	18
2001, декабрь	28	40	11	22
2002, декабрь	24	40	14	22
2005, сентябрь	22	39	17	22
2007, январь	29	31	18	22
2008, февраль	35	24	19	22

В 2007 — начале 2008 годов уровень тревоги граждан по поводу дороговизны жизни, повышения тарифов на услуги заметно возрос. Экономические тревоги, таким образом, не покинули общество, они вновь стали доминировать в сознании населения.

Судя по самооценке денежных доходов, российские граждане продолжали использоваться квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства, национального и социально-профессионального состава. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности составлял на различных этапах 1312–1866 респондентов. Эмпирическим объектом исследования выступало взрослое население России. Исследования проведены при поддержке РФФИ (проект № 07-06-00126а).

ют жить в стесненных материальных условиях. В обществе ничтожно мало (3%) число граждан, у которых денег достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать, они, в частности, могут позволить себе купить квартиру. Для остальных граждан доступна покупка лишь товаров длительного пользования («обеспеченные» — 18%), покупка необходимых продуктов и одежды («ограниченные в средствах» — 46%), покупка только продуктов питания («бедные» — 26%), денег не хватает даже на продукты («нищие» — 7%).

Несмотря на то, что все большее число граждан поддерживают проводимые реформы, фундаментальные социополитические противоречия будут воспроизводиться на новых этапах развития. Большая часть граждан так и не приняла результаты приватизации государственной собственности (см. табл. 9). Идеология государства в вопросах собственности еще не стала понятной и приемлемой для большинства общества. Легитимность структуры собственности лежит в основе гражданского общества, его устойчивого развития в будущем. Поэтому решить проблему публичной и юридической легитимности собственности означает консолидировать общество с помощью представлений о социальной справедливости.

Отмечая в целом положительно отношение к курсу реформ, население по-прежнему считает, что российское государство защищает в основном интересы богатых граждан и бюрократов (см. табл. 6).

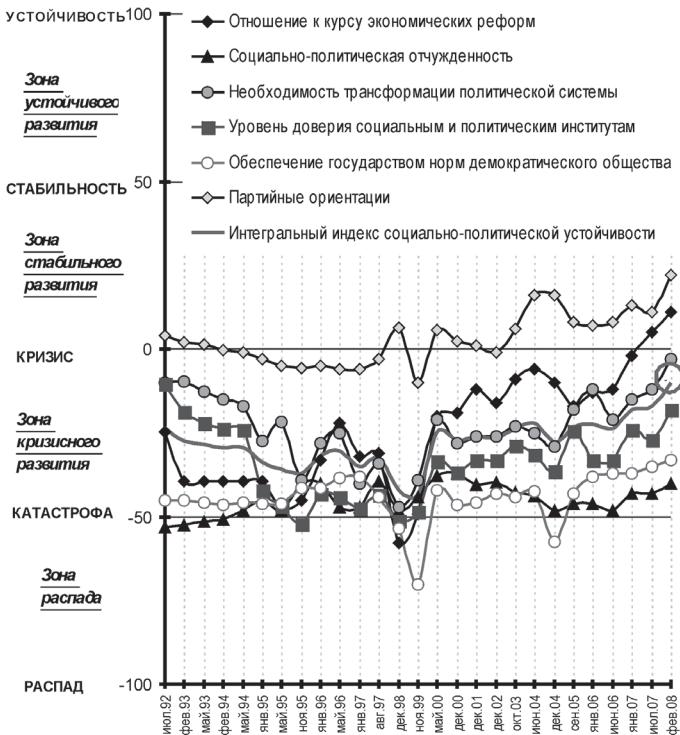
**Таблица 6. Распределение ответов на вопрос:
«Чьи интересы, по Вашему мнению, выражает
и защищает сегодня российское государство?»
(% от числа опрошенных)¹**

<i>Время опросов</i>	<i>Бедных слов</i>	<i>Сред- них слов</i>	<i>Бога- тых слов</i>	<i>Всех граждан России</i>	<i>Государ- ственной бюрократии</i>	<i>Затруд- нились ответить</i>
2000, декабрь	1	8	46	9	44	9
2001, декабрь	0	6	40	9	38	21
2002, декабрь	1	7	61	6	54	10
2003, октябрь	1	8	53	9	54	13
2004, июнь	1	8	50	9	52	15
2005, сентябрь	1	8	54	8	52	15
2006, январь	0	8	50	10	51	12
2006, июнь	1	11	62	7	55	11
2007, январь	2	10	52	8	51	14
2008, февраль	2	11	49	12	42	14

¹ Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Прошедшие годы либеральных реформ показали, вокруг каких представлений может консолидироваться российское общество. По данным всероссийских исследований, люди наиболее высоко оценивают такие качества жизни общества, как коллективизм (44%), порядок (38%), патриотизм (36%), справедливость (34%), нравственность (25%), что связано у них с представлениями о социализме и только одним положительным качеством реформируемого общества — частной собственностью (57%). Даже такая характеристика, которой так любят гордиться либералы, как права человека, вызвала позитивную реакцию у 13%.

Несмотря на то, что российское общество продолжает воспроизводить фундаментальные противоречия, социополитическая устойчивость повышалась на протяжении последних десяти лет. Значение интегрального индекса социополитической устойчивости возросло до — 10,1 и приблизилось к зоне стабильного развития (см. рис. 1).

Факторы стабильности и устойчивого развития

Социологические наблюдения и измерения последних лет показывают, что общество медленно сдвигается в зону стабильного развития, умеренно позитивных настроений и легитимного отношения к существующему политическому режиму.

Во-первых, удалось избавиться от долгов и задержек в выплатах заработной платы работникам бюджетной сферы. Экономика и государственная машина, находившиеся на грани остановки и распада, начали функционировать в режиме расширенного воспроизводства и обеспечения безопасности общества. Страна отошла от пропасти экономического и финансового коллапса.

Во-вторых, у значительной части российского общества возникла трудовая мотивация деятельности. Она стала замещать криминальную мотивацию и культуру, которая вышла наружу и заняла доминирующее положение в правовой неразберихе и нигилизме 1990-х годов.

В-третьих, заметным становится повышение уровня и качества жизни части населения. Уменьшаются группы с минимальными доходами. Целенаправленно повышается жалование и денежное довольствие государственным служащим, военнослужащим и работникам правоохранительных органов, пенсионерам, студентам. Правда, заметим еще раз, в этой области в центре общественных тревог по-прежнему остаются вопросы дороговизны жизни, повышения тарифов на услуги ЖКХ, экологии, преступности, наркомании, алкоголизма, коррупции, падения нравов и культуры, произвола чиновников.

В-четвертых, достигнуты позитивные результаты в минимизации угроз со стороны вооруженных террористов, в обеспечении безопасности жизни жителей крупных городов Южного федерального округа. Массовый страх и паника конца 1990-х покинули столицу и другие города страны. Насилие полностью не ушло с улиц, но оно вытеснено из центра массового сознания.

В-пятых, внедрение реформы политической «вертикали» позволило остановить развал государственной власти в стране. Откровенные коррупция и криминал стали получать отпор в сферах политики и экономики, насколько это позволили структура собственности, качество элиты и демократические процедуры.

В-шестых, мировая конъюнктура цен на углеводородное сырье позволила российскому государству практически решить проблему внешнего долга страны. Россия из крупнейшего мирового должника превратилась в богатейшего собственника мировых валютных резервов.

В-седьмых, восстановление и наращивание активного экономического потенциала привело к резкому увеличению веса страны на внешнеполитической арене, переводу ее из региональных в мировые державы и лидеры. Глобальная и региональная безопасность страны стала отвечать уровню и характеру угроз, которые возникают в современных международных отношениях.

Наряду с достигнутыми в сферах внутренней и внешней политики успехами, в отношениях между государством и обществом присутствуют противоречия и проблемы. Ощутимый удар по доверию граждан к власти и проводимым ею реформам нанесла монетизация льгот. Закон № 122 Правительства РФ вступил в силу в 2004 г., но последствия его будут ощущаться в форме общественного недоверия власти, сомнений в честности и искренности политиков еще долгие годы. Реформа больно ударила не только по материальному положению граждан. Она стала разрушать традиционные, в чем-то архаично патерналистские формы отношений между государством и обществом, которые лежат в фундаменте коллективистского типа массового сознания россиян. Только частично удалось достичь цели административной реформы — поставить под контроль центра формирование властных органов в регионах. Не удалось наладить связь и контроль снизу, общества над властными органами на местах. Это не замедлило сказаться на росте бюрократических аппаратов и усилении произвола чиновников, коррупции и массовом распространении взяточничества и поборов в государственных и муниципальных органах власти.

В наибольшей мере граждане обоснованно ожидали активной и успешной работы государства по объявленным приоритетными национальным проектам социальной сферы: образованию, здравоохранению, доступному жилью и повышенному вниманию к сельскому хозяйству. Однако результаты работы по проектам, мнения граждан говорят о том, что пока не удалось достичь кардинального перелома.

Введение медицинского страхования и монетизация услуг здравоохранения привели к тому, что сложные и дорогие методы лечения стали недоступны для широких слоев населения. Больницы в центре и на местах по-прежнему во многих случаях не в состоянии осуществлять диагностику и лечение пациентов на уровне стандартов развитых стран.

Сложные, неоднозначные процессы происходят в сельском хозяйстве. Несмотря на предпринимаемые усилия и отдельные позитивные достижения, они resultируются в постоянном росте цен на пищевые товары и пока еще неослабевающей зависимости от поставок многих видов продовольствия из-за границы.

Застопорилась реформа ЖКХ. Оказались оторванными от жизненных реалий законы нового жилищного кодекса. На рынке строительства жилья так и не заработала в комфортном для большей части граждан режиме ипотека. Спекулятивно вверх взметнулись цены на жилье в столице и крупных городах, лишая социальной перспективы многие слои граждан, в первую очередь, молодежь.

Низкий уровень и качество жизни большинства населения страны на фоне роскоши и богатства новой политической и экономической элиты неизбежно выдвигают в центр обсуждения вопросы о социальной цене реформ, социальной справедливости, коррупции и приоритетах будущей государственной политики. Курс экономических реформ в его воплощенной социальной эффективности поддерживается меньшинством населения, хотя число сторонников реформ за 15 лет увеличилось приблизительно в 3 раза, а число противников уменьшилось в два раза. Во многих сферах жизнедеятельности страны по-прежнему воспроизводится нелегитимный, криминальный характер общественных отношений.

Видимый прогресс в сфере социально-экономических отношений нивелируется тем, что большинство граждан не ощущают себя активными участниками политической жизни страны. В обществе уменьшился объем и характер радикальных настроений, однако уровень доверия к политическим институтам остается невысоким.

Сегодня половина граждан России не видят своего места в сложившемся партийно-политическом пространстве. Возникает вопрос о причинах такого политического абсентеизма. Можно предположить, что он вызван не только постсоветской разочарованностью и «усталостью» граждан от политики, их стремлением к стабильной жизни без новых революций и экономических потрясений. По всей вероятности, сложившаяся традиционная модель, образы и практика политических партий «вождистско-аппаратного» типа уже не являются социально эффективными.

В России все яснее, по мнению граждан, проявляются признаки гражданского общества. В меньшей степени в сфере социальных гарантий, прав человека, личной безопасности, равенства перед законом, в большей — в сфере обеспечения свободы политического выбора, терпимости к чужому мнению, свободы слова. Измерение потенциала гражданского общества в России показывает, что он недостаточно высок и требует усилий для развития как со стороны общества, так и государства.

Как показывают данные социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», в целом в российском обществе и государстве сложились необходимые предпосылки для нового этапа развития, основанного на стратегии устойчивого развития и политической культуре консолидированных интересов.

Принимая во внимание достигнутый уровень социально-политической устойчивости российского общества (ИСПУ) — лучший за весь пятнадцатилетний период реформ (см. рис. 1), а также неизбежные изменения в политическом и экономическом развитии страны, которые произойдут после выборов президента, правительства, парламента, развитие социополитического процесса может пойти по трем сценариям (см. рис. 2). Траектория социально-консолидированного устойчивого развития возникает в том случае, если государство и общество найдут режим постоянно социально консолидированного взаимодействия. Олигархический застой станет продолжением политики реализации интересов высшей бюрократии и крупнейших собственников. Радикальный хаос наступит в случае кризиса гражданского общества, правового государства и ухудшения экономического положения населения.

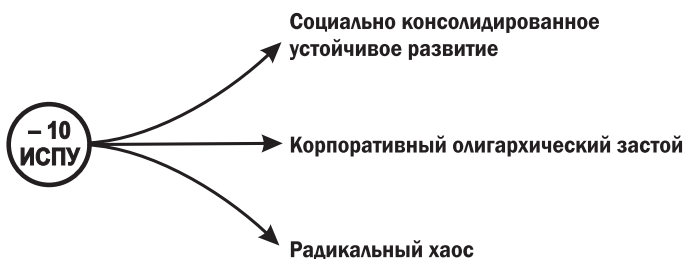

Рис. 2

Разработка национальной стратегии развития России как повестки дня и программы действий на XXI век — дело чрезвычайной важности. Соединение национальных традиций России и стратегии устойчивого развития позволят избежать пустой траты усилий и обратят социальную энергию во благо национального и глобального развития. Поступательное развитие в нашей стране попало в западню, подготовленную радикальными реформами. Поэтому перед обществом стоит задача не только адаптации идей и разработки стратегии безопасного и устойчивого развития для России, но и утверждения их в общественном мнении и сознании политиков. По сути, речь идет о новой метрике социального развития. Она позволяет на основе верифицируемых количественных измерений уйти от черно-белой «грубой» картины мира. В устойчиво развивающемся обществе будущего предстоит не только чувствовать и думать, «смеяться и плакать», но и научиться точно измерять жизнь, ставить диагноз, обладать достоверной информацией и принимать адекватные решения.

О.Н. Яницкий

Кризис и социология

Постановка вопроса

Мировой финансово-экономический кризис не обошел стороной Россию. Между тем, реакция на него нашего социологического сообщества, не в пример экономистам и политикам, достаточно вялая. Есть уже результаты стандартных опросов по схеме «лучше—хуже», есть некоторые работы, сравнивающие кризис 1998 г. и нынешний и, наконец, есть некоторые идеи насчет возможных сценариев кризиса (Сатаров). На 3-м Всероссийском социологическом конгрессе, когда кризис уже был очевиден, не было ни доклада, ни дискуссии о нем. Приходится признать, что для теоретической социологии, может быть за исключением работ А. Здравомыслова, это вопрос новый. Или неактуальный?

Чем объяснить, что при далеко не благополучной истории с периодическими провалами и распадами, при вечной установке «догнать и перегнать» — российской социологией утерян интерес к будущему? Этому есть одно объяснение: полное подчинение «текущему моменту» или ближайшему будущему, которое властью и большинством населения мыслится, как экстраполяция настоящего. Потребителю нужны свежие (лучше скандальные) новости в социологической упаковке. Поэтому комментировать, что было вчера, — милое дело. Своего рода «интерактив», близкий к шоу. Моменты осмысления и «радикального сомнения» (У. Бек), тем более — прогноз и возможные сценарии развития полностью элиминированы. По существу это значит, что российская социология отсечена от «творения истории».

Не оценивая ситуацию в нашей науке в целом, все же выскажу некоторые соображения. Актуален для нее этот вопрос потому, что впервые все общество, и богатые и бедные, почувствовало тяжелую пяту глобализации, от которой не уйти. Россия включена в систему, которая периодически испытывала и будет испытывать кризисы. Если за три месяца кризиса Россия утратила 20% резервов [1], нетрудно подсчитать, когда она почувствует эту тяжесть в полной мере.

Что не так в социологии

Здесь без знания социальной философии или социологии истории не обойтись. Общества готовятся к кризису по-разному: одни меняют законодательную базу и совершенствуют институты общества и государства,

другие закрывают границы, вводят протекционистские меры, третьи вооружаются, подавляют демократические институты, четвертые диверсифицируют экономику и поддерживают университеты. Итак, две философии и две стратегии: готовиться к кризису, изменяя себя, или пытаться его избежать, сохраняя всеми силами status quo. Мы делали последнее и, как выясняется, не лучшим образом: мало что не готовили людей к кризису, мы копили «подушку безопасности» и культивировали веру масс, что «у нас не может быть плохо». Видимо у новой, сконструированной в начале 1990-х гг. экономической системы нет «исторической памяти», хотя был дефолт 1988 г. Мы надеялись догнать Запад, перенимая его методы, но не сознавая, что тем самым перенимаем его риски и увеличиваем свои.

В этом отношении интересна работа В.А. Ядова 2002 г. «Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества». Исходя из тезиса, что сегодня «предлагать сценарии будущего российского общества вряд ли кто осмелится» (!), автор перечислив факторы, которые «было бы разумно учитывать в построении прогнозных сценариев» (особенности институтов, субъектов социальных изменений и российского характера — Ядов делает ударение на «поколенческой когорте нынешней молодежи»), заключает, что «российское общество находится на пороге завершения переходного периода», что «люди начинают чувствовать себя увереннее, а это признак выхода из социального кризиса». Однако несколькими страницами ранее автор солидаризируется с точкой зрения Р. Коуза, Д. Норта и Э. Гидденса, согласно которой нормой является «постоянная трансформация социальных институтов как реакция на динамизм эпохи». Ядов солидаризируется и с идеей И.К. Пантина о необходимости «стратегии «опережающего развития» в смысле упреждения кризисных ситуаций» [2, С. 349, 351–362]. Вопрос: кто и как будет строить эти сценарии опережающего развития, остается открытым.

Между тем, западные социологи «рискуют» строить если не сценарии, то прогнозы. Как предупредил И. Валлерстайн, опиравшийся на работы Н.К. Кондратьева, период с 1990 по 2025–2050 гг. «будет характеризоваться недостатком мира, стабильности и законности». Конкретно, полагал Валлерстайн, произойдет замедление производства, снижение доходов населения и увеличение безработицы, «рост военных расходов, оправдываемых не столько действительно военными потребностями, сколько созданием противочиклического спроса, рост теневой экономики, финансовый кризис в господствующей стране (то есть в США), рост международной напряженности, валютная нестабильность в мире, сокращение производства дешевых продуктов питания, усиление нелегальной миграции» [3, С. 32].

Но были и более близкие предупреждения. И экономисты, и граждане всегда оценивали риски того или иного своего шага. В экономической науке рискологические исследования велись с середины XIX века, в социологии — последние тридцать лет. Работы У. Бека в России широко известны. В Институте социологии РАН эти исследования ведутся более 20 лет под руководством А.В. Мозговой. Мною рассматривались стадии нарастания риска и его предельный («критический») случай [4]. И что же? — А ничего. Оказывается, книги и переводы западных авторов — это одно, а то, что власть и люди делают, — совсем другое. В лучшем случае анализировались социальные конфликты. Но откройте любую монографию, газету, журнал, пишущие на экономические темы. Риск, степень риска — ключевые темы. Почему социология оказалась столь глухой к проблематике риска как неустраняемого элемента социальной динамики? У меня есть только одно объяснение: социологи столь уверовали в либеральную модель, что даже ее теневые стороны, неоднократно проанализированные западными и нашими авторами, рассматривать не хотели. Иными словами, заповедь научного анализа — подвергать сомнению любую гипотезу, а тем более идеологическую доктрину, российскими социологами забыта. Можно сколько угодно иронизировать по поводу убогости «российского обывателя», уподобляя его роботу, но анализировать макротренды российского общества никто не хотел. Я исключаю редкие случаи, когда «Литературная Газета» и другие издания открывали дискуссии по этому поводу. Но в них речь чаще всего шла об интерпретации нашего прошлого или о вопиющих «случаях» (коррупции, нарушения прав человека и др.), которые, впрочем, давали достаточно пищи размышлениям о будущем.

У западных коллег позиция несколько другая. Д. Смит, главный редактор журнала «*Current Sociology*»: «как политически и социологически интерпретировать такие мощные силы как алчность, страх и ярость?». И — прогноз: «Борьба за обладание большим постепенно будет вытесняться борьбой за сохранение того, что уже есть, которая, в свою очередь, ..постепенно превратится в основополагающую борьбу за выживание. Эта борьба уже стала главной для бедняков. Раньше или позже, относительно богатые окажутся в той же лодке» [5, Рр. 347, 349].

А вот мнение современных российских экономистов: наша экономика — «это экономика иждивенчества. Ее следствиями стали укоренение в обществе привычки жить в долг, апология потребительства, разрастание перераспределительных функций власти, рост коррупции и формирование среднего класса не из представителей малого и среднего бизнеса и профессионалов-менеджеров, а из числа лиц, причастных к

распределению бюджета и нефтегазовой ренты» [6]. Потребительское общество всегда живет в долг, не по средствам, не по вкладу, который оно вносят в реальный сектор ее производительных сил. В результате гигантски выросла зависимость от импорта. За семь лет кредиты физическим лицам выросли в 75 раз, внешний долг — до 500 млрд. долл.! Но если в развитых странах производительность труда растет примерно с той же скоростью, что и потребление, в России этого нет. Некоторые теоретики прямо называют нашу экономику «раздаточной», по существу директивной или волюнтаристской, — без обратной связи. Принцип сдаточно-раздаточных отношений: «от каждого — по-дати, каждому — по чину». основополагающим «элементом институционального ядра раздаточной экономики России является институт раздачи материальных условий для жизнеобеспечения населения страны... Раздаток является клеткой социально-экономического организма раздаточной системы, подобно тому как товар является слепком товарно-денежных отношений и рыночной системы» [7, С. 10, 37–38]. Если раздача денег, которая осуществляется администрацией страны, один из главных механизмов предотвращения кризиса, то социология как наука здесь лишняя. И тут мы подходим к главному вопросу: все ли в порядке в нашем собственном инструментарии, не утерjali мы чего-то важного?

Да, утерjali. Одной из причин игнорирования нашей социологией цикличности развития капиталистического общества через взлеты и падения было *изживание социальной прогностики*. То, чем бурно занимался в течение многих лет И.В. Бестужев-Лада, не оставило и следа. Одну из причин я вижу в монодисциплинарности советской прогностики. Принцип и суть всякого прогноза — междисциплинарный подход. Мир становится более взаимозависимым, и социология должна строить прогнозы, прежде всего, опираясь на данные экономической и других смежных наук. Я согласен с В. Радаевым, что «если мы хотим точнее связать свои интересы с интересами практиков, нам придется учиться работать на *предсказательном уровне*», учиться «не только описывать прошедшее и настоящее, но и предсказывать будущее, не теряя при этом специфики собственных инструментов». И это касается необходимости интеграции трех основных практик внутри социологии: фундаментальных исследований, образования и прикладных исследований и разработок [8, С. 14, 17, 19].

Единственное, с чем согласиться не могу, это с тезисом Радаева о необходимости отделения мировоззренческих систем от операциональных теорий. Американцы сначала потратили половину своего стабилизационного фонда на поддержку банковской системы, а потом повернули на

180 градусов, став кредитовать непосредственно население, сберегая *человеческий капитал*. Разве это не сигнал, что либеральная модель требует, как минимум, коррекции, потому что не соответствует интересам миллионов граждан? Еще раз подчеркну: нынешний российский кризис — результат бездумного следования догмам ультралиберализма. А о чем говорят наши политические лидеры и флагманы бизнеса? — О новой архитектуре глобального миропорядка. Это ли не призыв к пересмотру парадигмы?

Длительный опыт работы научил меня, что проще и надежней все делать самому, выстраивая полный цикл исследования: от мировоззрения через теорию до тестирования полученных эмпирических результатов практикой, коей для теоретика является оценка и критика его выводов со стороны общественности, профессиональной и гражданской. О необходимости уменья *социально интерпретировать* данные смежных наук я уже говорил не раз. Пора каждое экономически значимое решение переводить на язык его социальной и экологической *цены*. Если законодатели и чиновники этого не делают, то это должны уметь делать мы. Когда власти говорят, что при кризисе нужна помощь «системообразующим банкам», то каждый житель по крайней мере должен понимать, чем это именно для него обернется.

Итак, не интересуясь тем, что говорят экономисты и представители других смежных наук, российская социология проспала экономический кризис, о котором наши и зарубежные экономисты предупреждали уже как минимум пять лет. Такова цена ее отказа от междисциплинарности.

Позиция большого бизнеса

Правительство РФ уже обнародовало и реализует «приоритеты спасения». Это — системообразующие банки, ОПК, строительство, машиностроение и сельское хозяйство. План предусматривает также поддержку инвестиционных программ естественных монополий, государственных корпораций и малого бизнеса. Если к тому же правительство определило, кому именно и как помогать (бизнесмены называют это «режимом ручного управления кризисом»), то к коллегам, проводящим массовые опросы, у меня возникают вопросы. Какой смысл проводить опросы по существующим методикам, если заранее ясно, что работники крупных корпораций, включенных в список приоритетных отраслей, будут в выигрыше или по крайней мере будут жить не хуже, а те, кто остался вне этого списка, например, наука, медицина и образование, которые являются моторами и необходимыми условиями рывка модернизации,

значительно хуже? Как пишут специалисты, доля расходов на науку в бюджете 2006 г. была меньше чем в 1992 г., а число научных работников за тот же период сократилось более чем вдвое. [6, С. А04].

Кризис несомненно закончится, но «выздоровление» не может быть иначе, как «точечным». Что тогда дает нам, профессионалам, и массовому читателю очередное измерение «средней температуры по госпиталю», когда одни, получив многомиллиардные субсидии от государства на сохранение своего бизнеса, могут отправляться лечиться в лучшие клиники Европы, а другие все еще будут ждать приезда фельдшера из больницы соседнего района? Причем, как утверждают специалисты, в отличие от правительственной Программы-2020, в которой делалась ставка на инновационную экономику, «список самых опекаемых отраслей совпадает со списком самых неэффективных» [9, С. А01].

Но наш крупный бизнес смотрит дальше, глобально, полагая, что вообще мы переходим к новому этапу (фазе) развития мировой экономики. Как говорит известный бизнесмен М. Прохоров, «резкое изменение среды обитания» и условий в мировой экономике уже произошло. «Глобализация незаметно привнесла новые правила игры, которые снесли старые устойчивые экономические системы и создали мировую болезнь — недоверие», которая из экономики перешла на социальные и политические отношения. «Поэтому главная задача текущего момента — это создание новой системы доверия — как в мировой экономике, так и в отдельно взятой стране». Отсюда, «не надо спасать то, что спасти нельзя: старой доброй экономики уже не будет ни на Западе, ни у нас. Будут новые правила игры, отношение стоимости денег к активам, оценка конкурентных преимуществ, мультипликаторы и риски» [10, С. А05]. Кто и когда определил, чего спасти уже нельзя и чего трогать не надо? Двадцать лет мы жили по принципу «выживания — отмирания». Уже сегодня, по некоторым подсчетам, в стране ежегодно пропадает без вести около 100 тыс. человек! А если каких-то предприятий спасти нельзя, что будет с работниками на местах? С их семьями? В малых городах и поселках, если закрывается единственное градообразующее предприятие, то ситуация становится катастрофической: и жить будет не на что и денег нет, чтобы куда-то переехать. На сколько тогда возрастет эта цифра «исчезнувших»? Причем не только физически, но интеллектуально.

Хотелось бы спросить коллег: вы понимаете масштаб проблемы, или же цена вопроса вас опять не интересует? А еще Прохоров придает важнейшее значение именно *среде обитания*: созданию среды, благоприятной для экспансии «российского капитала в первую очередь на рынки

развивающихся стран» и современной инфраструктуры здесь, в России (дороги, жилье, современные города). Но это — совсем не та среда, состояние которой в малых городах и поселках близко к катастрофическому. Кризис, конечно, несет в себе и позитивный импульс, подталкивая людей к обучению и переобучению, прежде всего в сфере управления финансами и экономикой. Причем это касается тех, кто остается, так и тех, кого уволили или кто ожидает сокращения. Но, как рекомендуют специалисты, желательнее не уходить далеко от своей профессиональной ниши, но увидеть ее в новом ракурсе [11, С. А07]. Как это ее «увидеть в новом ракурсе», если останавливаются целые заводы?

Наконец, большой бизнес говорит: «Академически правильные решения в экстремальных условиях не работают — решения должны быть просты, всем понятны, комплексно связаны между собой и реализовываться быстро и одновременно..» [10, С. А05]. Все верно: ученых надо было слушать раньше, тогда сегодня можно было иметь на руках уже готовый набор возможных сценариев выхода из кризиса. Замечу, что председатель Федеральной резервной системы Бен Бернанке изучал уроки Великой депрессии в США 1929 года и начал готовиться к кризису еще в сентябре 2007 г. [12, С. Б06]. Но помимо этого здесь заложена ключевая проблема современности: наука критически «не успевает» отслеживать результаты собственных инноваций. Как ее решать? Первое: возродить социальную прогностику в совокупности ее «коротких» и «долгих» прогнозов. Второе: в периоды кризиса социология должна иметь право голоса в принятии тех самых «простых и всем понятных» решений.

Бизнес, население и социология

Меры по поддержке банков, финансовой системы, сети ресурсных потоков современной экономики понятны и необходимы. Но ее главными агентами остаются люди, работники, совокупный человеческий капитал. Что будет с ними? Посмотрим, что происходит сейчас в обществе «больших финансовых потоков». По большому счету, то же, что и до этого: борьба за перераспределение этих потоков, идущая далеко поверх регионов и «мест». Перераспределение, как правило, силовым способом, а также с использованием «личного ресурса» (знакомств) и персональных предпочтений. Населению до этого дела нет. Для социологии это означает, что если она хочет иметь вес в обществе, она должна если не предсказывать, то хотя бы социологически интерпретировать закономерности движения этих потоков и их социальные последствия.

Но вот начался кризис. Жизнь в кредит (компаний, банков и массы

физических лиц) закончилась. Началось, как элегантно выражаются наши финансисты, «сжатие» реального сектора экономики, людей труда, производящих потребительские ценности, а не перепродающих произведенное или занимающихся пиаром и рекламой. Потоки, шедшие за рубеж с целью скупки активов иностранных компаний, теперь государство стремится силовым образом направить вовнутрь, чтобы не отдать предприятия и целые отрасли в руки иностранного капитала. Как пишут «Ведомости», если раньше, «пользуясь ослаблением доллара и проблемами западных компаний, в 2007–2008 гг. суверенные фонды охотно скупали акции... в компаниях с мировым именем», то теперь правительство «поддерживает стоимость национальных компаний, не дают национальным активам переходить в чужие руки и поддерживают национальную валюту...» [13, С. А04]. Но поддерживают кого? Те же компании и банки, которые набирали все больше в долг и теперь не способны вернуть кредиты иностранным заимодавцам. Началась жестокая борьба: кто сколько получит, кому дадут в первую очередь, каковы будут у государства преференции, фаворитизм в отношении госкорпораций, сколько денег утечет, проходя через руки посредников. По сути опять борьба идет опять «наверху»: не за сбережение народа, не за повышение производительности труда, сохранение человеческого капитала или переподготовку кадров для рывка модернизации, не за экономию энергии и других ресурсов, а за доступ крупнейших финансовых игроков к «государственному пирогу». Характерно, что термин гражданское общество во всех планах и проектах борьбы с кризисом даже не упоминается. Что вполне логично в обществе «вертикали власти».

Вывод? Можно многократно перенаправлять потоки капитала, тысячу раз провести опрос общественного мнения, но реально интересы людей в этих играх капитала ничего не значат. Нет между ними *обратной связи*, нет между капиталом и трудом связующего звена: массовых общественных движений. Не обязательно против капитала. Для взаимоприемлемых решений. В действительности эти движения есть, страна буквально кипит ими, но власть и СМИ делают вид, что их нет. Кризис наглядно демонстрирует существование в стране «параллельных» обществ. Значит, возвращаемся к К. Марксу? Думаю, далеко не только, но ко всей концептуальной западной социологической литературе по новым и «старым» социальным движениям — от Ч. Тилли до М. Диани [14; 15].

Ситуация в малых городах (с одним градообразующим предприятием или объектом туризма) близка к катастрофической. В первых, если они не принадлежат напрямую самым крупным корпорациям, останавливаются заводы, рабочих переводят на трехдневную рабочую неделю и т.д.

В других, где промышленности нет, а есть исторические памятники и уникальные ландшафты, стремятся «раскрутить» их бренды. Малые города европейской России охвачены «эпидемией ребрендинга и репозиционирования» [16]. Значит, в одном случае существующие ценности приходят в упадок, тогда как в другом им всеми силами пиара стараются придать привлекательность. В обоих случаях речь идет о манипуляциях с *созданными ранее* материальными или культурными ценностями, а не с модернизацией, с восстановлением, развитием или трансформацией существующих.

Типична в этом смысле ситуация с г. Мышкин на Волге. В конце 1980-х гг. г. Мышкин стал известен всей стране благодаря созданному там руками местных активистов историко-этнографическому музею города. Теперь же Мышкин «обязан своей популярностью туроператорам». Как пишут авторы той же статьи, они попросту договорились о прохождении туристских маршрутов через город. То есть все опять зависело от крупной компании — никаких инициатив снизу не требовалось, нужны были только рабочие руки, которые тоже часто были завозными, так как для реставрации исторических зданий требуется высокая квалификация. Конечно, привлечь туристов к малым городам России, особенно во время кризиса, — благое дело. Но выгоду от этого в первую очередь получают туристические компании. А что получают жители, например, г. Лермонтова, где брендом будет «парад колясок»? Или «сердечко, пронзенное стрелой»? Составляются также списки агентов влияния для продвижения брендов и т.д.

Как справедливо заметил директор консалтинговой компании, «Создать бренд там, где нет понятия, куда развивается город, нет внятной стратегии социально-экономического развития, невозможно. Пока города занимаются только рисованием картинок и пришиванием ярлыков, не подкрепленных содержанием». Именно так и происходит. Что отчетливо видно по сайтам таких городов, где в основном размещена официозная информация. «Раскрутка», приносящая прибыль прежде всего пиар-компаниям, а не сохранение и мобилизация собственных человеческих сил — таков дух времени. Цена такого пиара, по сравнению со средствами, выделяемыми государством на поддержку отдельных градообразующих предприятий и даже банков, ошеломляющая. Так, «разработка долгосрочной маркетинговой стратегии для города стоит от 100 до 300 млн евро, а еще от 700 тыс. до одного млн. евро придется потратить на продвижение нового имиджа города, в том числе на рекламу» [16]. То есть выход из кризиса не через развитие реального сектора экономики, а через рекламу и пиар.

И, наконец, самое главное, с моей точки зрения: что, кризис означает отказ от модернизации, от развития человеческого потенциала? Убежден, что это ошибочная точка зрения, иначе мы окончательно перейдем в разряд «вечно догоняющих». Немедленно нужны финансовые вливания и общественная поддержка для создания «анклавов модернизации» и воспроизводящих ее сетей: научных, образовательных, экспериментальных. Для рывка модернизации нужна человеческая, культурная среда, а не только «железо» в вузах, школах и больницах.

Возникает принципиальный методологический вопрос о принципе и модели модернизации. Закрытая или открытая? По испытанному советскому образцу ЗАТО, режимных городов, или «открытая», когда «точки» (анклавы) модернизации связаны со всем миром, включены в глобальные информационные сети? То есть «целевая» или «сетевая» модели развития. Это далеко не праздный и не чисто политический вопрос. Каждая из моделей имеет преимущества. Первая, максимально концентрируя наличные ресурсы высокой квалификации в немногих «точках», дает выигрыш в краткосрочном плане, обеспечивая оборону страны, но оставляет остальную ее часть в прошлом веке. Поэтому я называю ее советской. Вторая, которую я называю средовой, развивается медленнее, но сохраняет человеческий потенциал и культуру всей страны. Человеческие ресурсы для первой сегодня можно просто мобилизовать или импортировать из-за рубежа (что уже практикуется), для второй — придется производить уже сейчас, начиная с младших классов школы. Мы до сих пор в той или иной мере шли по первому пути, индустриально развитые страны — по второму. В прошлые эпохи моторами перемен были революции и социальные движения. Сейчас не они и даже не политические партии, а властвующая элита пытается смягчить кризис, оставляя рядовым гражданам роль просителей или зрителей. Но если власть не дает человеку реализовать его потенциал, то он деградирует. Чтобы быть готовым к переменам, он должен участвовать в разрешении кризиса и чувствовать за это ответственность.

Наконец, о социальной ответственности бизнеса. Нашими социологами много написано об этом. Я всегда мало верил в эти его благие намерения, чему приходят подтверждения сегодня: большой бизнес прежде всего спасает себя и свои активы, ему государство дает деньги на поддержание производства, снижает налоги, а он их переводит в зарубежные банки и офшоры, увольняет или переводит на сокращенную рабочую неделю персонал, сбрасывает социалку и прочие, с его точки зрения, «непрофильные активы» (программы поддержки образования и здравоохранения) на слабые плечи муниципалитетов и т.д. И, наконец,

просто уходит из этого города или региона, оставляя после себя развалины. И что простому люду — опять на огород, в лес по грибы или челночить, как 20 лет назад?

Есть еще один вопрос, который не дает мне покоя. Ю.А. Левада много писал о двоемыслии народа. Не пора ли нам подумать о двоемыслии в нашей собственной среде? Двоемыслии тех из нас, которые, с одной стороны, укрепляют потребительски ориентированную систему «властесобственности», занимаясь маркетингом, пропагандируя жизнь в кредит, пропагандируя через СМИ мгновенный успех безо всяких усилий, а с другой, — обвиняют народ в пассивности, агрессивности, стяжательстве и других грехах? Не пора ли составить «фото-робот» социолога, кормящегося из рук власть предержащих? И еще. Все мы должны время от времени смотреть в «зеркало заднего вида», соотнося, что мы предполагали (если мы действительно что-то прогнозировали, а не только фиксировали) и что получилось на самом деле.

Экологическая составляющая кризиса

Наши лидеры в трудную минуту о ней даже не вспоминают. Валлерстайн и другие западные социологи специально выделяет экологическую составляющую кризиса. Капитал всегда жил за счет экстернализации издержек, то есть перекаладывая их на слабые плечи бедных стран. Это означало, что «экологическая база мироэкономики постоянно сокращалась». В результате возможны три траектории: торможение экономики, «крушение политической системы» и экологическая катастрофа (глобальное потепление). Или мир серьезно отнесется к проблеме «экологической цены» своего развития, серьезно умерив потребительские аппетиты. Валлерстайн называет их поименно: прекращение раздувания бюрократической машины, воздержанность и умеренность [3, с. 34].

Но откуда они возьмутся эти «воздержанность и умеренность»? Ведь и Запад, и мы вслед за ним — от госкорпораций и большого бизнеса и до рядовых граждан — жили последние год в «в кредит», совершенно не думая о том, как и когда отдавать долги. Ситуация виделась как прямая дорога «вверх». Для социологии этот вопрос звучит так: может ли она систематически работать «на опережение»? Вопрос, которым, к сожалению, сегодня задаются не российские, а западные социологи.

Приведу логику рассуждений, относящуюся к проблеме экологической модернизации, но имеющую прямое отношение к обсуждаемой теме общего кризиса. «Климатические изменения, с которыми сегодня

столкнулось общество, — пишет американский социолог С. Бречин, — являются наиболее серьезным вызовом ему и более, чем достаточны, чтобы мобилизовать мир и множество его сообществ быстро и осознанно. Однако отвечать придется на условия, еще не полностью себя обнаружившие, то есть представляющие собой «вызов приготовления», а не просто «реакцию». Вероятно, что только тогда, когда глобальные сообщества, реструктурированные самим человеком, серьезно изменят ход природных процессов, мы сможем увидеть возникновение новой фокальной точки в нашей дисциплине. Большинство людей в богатых и мощных северных странах реально не ощущают, что они живут «на краю». Экологические проблемы воспринимались и продолжают восприниматься просто как некий шум за сценой» [17, р. 467].

Некоторые, говорит Бречин, считают, что чтобы ситуация улучшилась, она сначала должна ухудшиться. Однако, это — самый коварный аспект такой логики: если условия ухудшатся достаточно серьезно, легких средств для «выздоровления» уже не будет.... Следовательно, мы можем оказаться в *совершенно* незнакомой ситуации. Значит, наши социальные и политические институты должны начать действовать до того, как «проблема» станет проблемой. Делалось ли это когда-нибудь? Существовали ли такие прецеденты ранее? ...Может ли рынок работать в таком «опережающем время» режиме без политических пождений?»

«Социология мейнстрима и социологи, — продолжает он, — внесли большой вклад в эту дискуссию. Однако...я не вижу, чтобы социология сделала серьезные шаги также и в этом направлении. Почему? Сначала должны произойти некоторые серьезные перемены в самом обществе. До сих пор нашей дисциплине не было брошено серьезного вызова, ни извне ни изнутри нее самой... Доминирующие коалиции и их статус не были затронуты. Я не вижу никакого грядущего изменения в констелляции интересов, предполагающих радикальные перемены в будущем. Глобальный терроризм, как и климатические изменения, также обладает потенциалом для радикальных изменений нашего социального мира... Однако я также не вижу, чтобы социология мейнстрима сконцентрировалась на этой теме» [17, р. 471]. Мало обнадеживающий прогноз на фоне других, весьма критических соображений.

О том, что российское общество фактически не модернизируется и становится все более зависимым от внешних угроз, я уже писал неоднократно. Вот мои предположения 2007 года: (1) растущая зависимость государства и общества от глобального и быстро меняющегося контекста, все меньшая предсказуемость, все большая вероятность новых угроз и

потерь; (2) понижение профессионального и культурного потенциала общества, переход науки на роль сервис-сектора, занимающегося прикладными разработками в интересах государства и транснационального капитала; (3) дальнейшее развитие рынка («маркетизация»), превращение все новых элементов общественного богатства (прежде всего земли, но также воздуха, воды, людей и их органов) в товар; (4) расширение и укрепление государственной машины. Именно циклы смены правящей элиты и ее интересов будут иметь главенствующее значение для социологических прогнозов; (5) гражданское общество будет терять свой статус независимого социального актора, подчиняясь всеохватывающим процессам маркетизации [18, С. 36–37]. Зависимость и неустойчивость — предвестники кризиса.

Я разделяю методологию прогнозирования, сформулированную А. Здравомысловым. Во-первых, теория, претендующая на прогноз, должна исходить не из желаемого будущего, столько из действительного настоящего. Во-вторых, она должна опираться на историческую социологию применительно к России, базирующуюся на анализе решающих событий истории данной страны в их реальной взаимосвязи. В-третьих, должен быть принят во внимание контекст глобализации в его внешних и внутренних аспектах. Наконец, «взаимодействие трех полей — поля политики, поля экономики и поля культуры в рамках страны и межкультурных влияний — не следует выпускать из поля зрения исследователя» [19, С. 53].

Наконец, о фазах маркетизации, то есть превращения в товар, что имеет принципиальное значение для нашей темы. По Буравому, их три: маркетизация, труда, затем — денег и, наконец, коммодификация природы, под которой Буравой понимает землю, природные ресурсы, обжитую среду и тело самого человека. На то, что последнее все чаще становится объектом изолированной эксплуатации, обращают внимание и другие западные социологи [20]. Третья волна маркетизации имеет глобальный характер. Поэтому и ответ на нее, говорит Буравой, не может быть ограничен локальными действиями — он должен быть также глобальным. При чем здесь социология? А при том, что в этом случае «традиционный» публичный социолог, который адресуется к широкой (но очень тонкого слоя), невидимой, анонимной, пассивной и, как правило, ориентированной на мейнстрим аудитории, должен уступить место «органическому» публичному социологу, который непосредственно связан с той массой публики, которая им видима, локальна, активна и часто противостоит мейнстриму. Чтобы противостоять третьей волне маркетизации, мы должны выйти за пределы наших внутренних профессиональных дискуссий и повернуться «наружу», не как «слуги к власти», а

как действительно публичные социологи, собеседники (interlocutors) в различных группах населения, которые были накрыты этой третьей волной [21, p. 355–357].

Заключение

Что же такое современный кризис, от которого «подушки безопасности» спасают лишь на короткое время? Это, по моему мнению, плата за бездумное следование модели потребительского общества, заимствованной в США. Это также плата за «зонтичные исследования», отказ от углубленной работы над теорией общества, которое строится в России. Наши социологи, как правило, избегают политико-идеологических вопросов. Но все равно придется думать, как соединить готовность наших граждан «к свободной деятельности, деятельности без государственной опеки», о которой говорил президент РФ, и модель действительно социального государства.

Считаю, что теория и методы построения прогноза и сценариев развития мира и России как его части чрезвычайно актуальны для российской социологии. Перед ней открывается огромное проблемное поле: трансформация глобального миропорядка. Это — тема отдельного разговора. Обозначу некоторые проблемные «узлы». Среди них усиление давления изменяющейся экономики на социум, развитые страны против развивающихся, международное регулирование против национального, свобода торговли против протекционизма, риски глобального изменения климата и, наконец, грядущий передел ресурсов планеты. Но общий вывод состоит в том, что если мы не сможем работать в «опережающем режиме», не создадим социально-экологическую прогностику — в очередной раз окажемся в роли «догоняющих».

Пора, наконец, оценить социальные и экономические потери, которые несет нам третья волна маркетизации, иными словами, просчитать их, особенно в отношении нашей ключевой проблемы: соотношение «население—территория». Потеря качества жизни вследствие всеобщей маркетизации — угроза здоровью и безопасности общества. Наши западные коллеги ставят в один ряд глобальных угроз современности терроризм, бедность и изменения среды обитания. Но в отличие от первых двух, хорошо известных социологии, последняя проявляет себя косвенно. Она скрыта за показателями роста заболеваемости, смертности, миграций и т.д. Проблема состоит в том, что социальные последствия изменения среды обитания должны быть оценены *до того*, как они станут необратимыми. То есть предсказаны, спрогнозированы. Для за-

щиты общества от бегства или деградации человеческого капитала финансовая «подушка безопасности» бессильна. Всемирное поддержание местной производительной жизни, ее связи с природным и рукотворным ландшафтом — важнейшее условие сохранения народа и страны в целом, социальной идентичности ее граждан.

Чтобы сделать это, придется вернуть в нашу социологию понятийный аппарат, исключенный из оборота в годы реформ (капиталистический способ производства и его типы, эксплуатация, человеческий капитал, рабочий класс, «товарность природы», безработица, унижение и социальная деградация, и многое другое). А также ввести такие понятия, как сетевые системы, мультисубъектное и многоуровневое регулирование (*governance*). Эти сдвиги неизбежно затронут сердцевину метода социологии, прежде всего социологии институтов и управления. Социология также уже не сможет обойтись без *социальной интерпретации* естественнонаучного знания и технологических инноваций в контексте культуры и властных отношений. Понятие общего блага должно быть реабилитировано.

Как совместить капитализм в его нынешней форме и сохранение разнообразия форм жизни на Земле? — вопрос открыт. В траектории модернизации и постмодернизации российского общества должны произойти серьезные изменения в направлении снижения потребительских ожиданий, повышения эффективности и дисциплины труда, снижения энергоемкости производства и сбережения человеческого капитала.

Итак, «отборочный матч», да и первый тайм борьбы с кризисом социологи уже проиграли. Но жизнь на этом не заканчивается. Отсюда мое главное предложение: критически оценить ситуацию и собственную деятельность. Думать о будущем, потому что впереди новые испытания, так как от проблемы модернизации страны и общества мы никуда не уйдем. Если останемся в прежней колее, не сместим акцент на сохранение и воспроизводство человеческого капитала, то опустимся совсем, в разряд второстепенных. Поэтому надо молчать и размышлять. Как говорила Нина Наумова, молчание тоже ресурс.

Список литературы

1. «Ведомости». 14.11.2008, С. А03.
2. Ядов В.А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся / Под ред. Л.М. Дробижевой. М., С. 349–363.

3. *Валлерстайн И.* После либерализма. М., 2003.
4. *Яницкий О.Н.* Социология риска. М., 2003.
5. *Smith D.* Editorial: Beyond Greed, Fear and Anger // *Current Sociology*. 2008. No 3. Pp. 347–350.
6. *Иноземцев В., Кричевский Н.* Экономика предложения // *Ведомости*, 10.11.2008, С. А04.
7. *Бессонова О.Э.* Раздаточная экономика России: эволюция через трансформацию. М., 2006.
8. *Радаев В.В.* Возможна ли позитивная программа для российской социологии? М., ГУ ВШЭ, 2008.
9. «Ведомости». 10.11.2008, С. А01.
10. *Прохоров М.* Психология момента: матрица перезагружается // «Ведомости», 11.11.2008, С. А05.
11. *Гончарова О.* Работа где-то рядом // «Ведомости» 11.11.2008.
12. *Хильзенрат Д., Соломон Д., Палетта Д.* В режиме кризиса // «Ведомости». 12.11.2008, С. Б06.
13. От редакции. «Ведомости» 12.11.2008, С. А04.
14. *Tilly Ch.* *Social Movements, 1768–2004*. L.: Paradigm Publisher. 2004.
15. *Della Porta D., Diani M.* *Social Movements (2nd revised and expanded edition)*, Oxford/Malden, MA: Blackwell, 2006.
16. *Горелова Е., Морозова Е.* Здесь будет город-бренд // «Ведомости», 10.11.2008, С. Б08.
17. *Brechin S.T.* *Ostriches and Change: A Response to «Global Warming Sociology»* // *Current Sociology*. 2008. № 3, P. 467–474.
18. *Яницкий О.Н.* Будущее России: прогностический потенциал социологии // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 7 / Под ред. *М.К. Горшкова*. М., 2007. С. 24–39.
19. *Здравомыслов А.Г.* Ожидание будущего и его прогноз (социологические аспекты) // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 7 / Под ред. *М.К. Горшкова*. М., 2007. Институт социологии РАН, С. 40–54.
20. *Kalekin-Fishman D., L. Langman.* *Introductory Background* // *Current Sociology*. Vol. 56. No 2. Monograph 2. July, 2008, P. 507–516.
21. *Burawoy M.* What Is To Be Done? Theses on the Degradation of Social Existence in a Globalizing World // *Current Sociology*, 2008, № 3, P. 351–360.

Н.В. Романовский

Историзация — закономерность развития социологической теории

Историзация — *интеграция исторического (временного, темпорального) измерения во все компоненты социологического знания* — с конца 1980-х стала заметным фактором развития социологии. И. Валлерстайн (президент Международной социологической ассоциации 1994-1998 гг.) придал этому факту значение «широкомасштабной эпистемологической реконфигурации» [1, с. 314]. Историзация стала итогом развития исторической социологии. Крейг Кэлхаун, администратор финансирования в США социальных наук, считает, что этот процесс помог «переориентировать в целом социологию», «двинуть вперед теоретический дискурс о фундаментальных переменных в обществе» [2, р. 2]. В центре этой статьи воздействие историзации на развитие теоретических аспектов социологии и оценка ее потенциала в российских условиях. К сожалению, формат статьи не позволил в полной мере развернуть справочный аппарат статьи, указать всю релевантную литературу.

Говоря об историзации, хочу подчеркнуть однотипность этого феномена с тенденциями развития отечественной социологии. У нас это понятие кажется новым. Но лишь кажется, потому что как раз в то время, когда она стала фактом на Западе, наша социология развернулась к ранее недоступным в широком масштабе эмпирическим исследованиям реального состояния современного общества. В российской социологии, без всякого сомнения, присутствует традиция тесного взаимодействия со сферой исторического знания, сформировавшаяся в дореволюционной России и в пору возрождения социологии в СССР. Нынешняя концентрация усилий российских социологов на современности — этап, который в разной мере прошли многие национальные социологии, по внутренним причинам сосредотачивавшиеся на эмпирических исследованиях современности, — чтобы затем обращаться к глубинам истории и высотам теории. Резкие повороты часто сопровождаются перегибами; не обошлось без них в последние годы. Но уже сейчас анахронизмом выглядит, например, отрицание необходимости развития в России социологической теории.

Проблемы «генеральной теории». Интеграция временного, исторического измерения в изучение социальной реальности привела к заметному росту числа специальных публикаций по проблемам социоло-

гической и социальной теории¹. Историзация представляется тем путем, на котором в последние десятилетия мировая социология получила заметный прирост своей теоретической составляющей. После 1970-х годов в социологии США, Западной Европы использование исторических данных стало нормой. Сложилась методика исследования минувшего, работы с историческими источниками, методологические стратегии (генеалогическая деконструкция М. Фуко), шли институциональные подвижки. Активизировались интеракции с комплексом социальных наук в форме ряда «поворотов». Следует уточнить характеристику Дж. Ритцером в «Современных социологических теориях» [4, с. 415–482] интегративных процессов в социологии конца XX века; к ним можно добавить интеграцию временного (исторического) и пространственного измерений.

Исторической социологии пришлось отвоевывать место в социологии, где доминировал «абстрактный эмпиризм»² [5, р. 302]. Интеграция новых подходов в любое научное поле заставляет кого-то тесниться, уступать место и т.п. Историческая социология, заявив о себе не как о методе и даже не только о методологии [2, р. 2] и потребовав фундаментально размежеваться с исторической наукой, дала импульс полемике о роли теории в исторической социологии (начало 1990-х гг.). На это же время пришлось схватка с социологами-постмодернистами по поводу конца теории [6]. Были поставлены вопросы о генеральной (general) теории, о социальной и социологической теориях³. Вспомнили исходные точки «раздифференциации» (Н. Луман) науки на естественные и социальные в середине XIX века, споры о методе в немецкой философии [7, р. 846, 849]. Все это сопровождалось обсуждением состояния современной социологии и перспектив ее развития (пример — полемика И. Валлерстайна и Г. Йоаса) [8]. Дебатировались проблемы понимания и объяснения в социологии прошлого и настоящего, сравнения в социологии и в исторической социологии, вопросы причинности (каузации, мульти— и монокаузации), онтология социальных явлений и их эписте-

¹ Место «бытования» социологии в большинстве стран — университеты. Отсюда спрос на учебные пособия для студентов и аспирантов. Программа для заочников Лондонского университета «Социологическая теория» на 2007–2008 гг. рекомендует до двух десятков специальных, вышедших за последние 10–15 лет трудов по социальной (социологической) теории [3]. И этот список не исчерпывающий.

² Полосу эмпиризма в американской социологии породили впечатляющие достижения эмпирической социологии США 1930–1950-х гг. (Дж. Гэллап, Дж. Морено, Хоторнский эксперимент и т.п.), захватив послевоенные десятилетия и распространившись за пределами Америки.

³ Как социальная теория рассматриваются сейчас и теории социологические; не дифференцируются понятия социологическая теория и социологические теории и т.д.

мология (понятие гносеология употребляется заметно реже), методологии познания. Дошли до проблем детерминизма, дуализма и монизма, закономерностей социального развития. «Количественники» на волне компьютеризации тащили социологию к сциентистским канонам точных наук; в нашем журнале это течение представлено статьями А.А. Давыдова [9]. Резкость столкновений¹ требовала развернутой доказательной аргументации по существу поднимавшихся вопросов. Результатом стал заметный прирост публикаций по социологической теории.

Суммируя итоги развития исторической социологии, один из ее пионеров в США Ч. Тилли констатировал: «Историческая социология не рискует быть а-теоретичной и утонуть в деталях. Она полна теории не только исследуемых явлений, но и изучаемых исторических процессов, теории производства исторического знания. Лучше всего, чтобы применяющие ее практики знали, какие (и почему) жанры, онтологии, логику объяснения, механизмы, источники, методы и аргументы они избрали, какие правила налагает на них сделанный выбор» [14]. Связанные с историзацией подвижки охватили всю сферу социологического теоретизирования, теоретического освоения фундаментальных проблем социальной реальности.

Остановлюсь на важном для нашей социологии стимуле интереса к социологической теории. Наука для общественности (в идеале) — символ доверия, надежности, достоверности знания, как практического ориентира. В западных университетах после волн студенческой революции 1968–1970-х годов, когда молодежь активно шла в социологию, лидерство в симпатиях сдвигалось к экономическим наукам и социальной психологии. «Доверие к социологам стоит перед серьезными вызовами», — констатировал Ч. Тилли [15, р. 445]. Переломить эту тенденцию, вернуть доверие общественности и стремилась социологи, наращивая теоретическую мощь социологии. Теоретический вес наук играет роль и в непростых взаимоотношениях ее с властью (властями) [16]. Все это отражено в недавнем обращении к сообществу социологов Э. Гидденса (в оригинале «Призыв к оружию!» [17]), в усилиях вице-президента МСА М. Буравого активизировать «публичную» функцию социологии, и т.д. Но в какой социальной проблеме больше теории, чем

¹ Звучали фразы: «наглое и высокомерное отношение», «упрямая и крайне а-историчная одержимость марксистскими заботами»; «узкое, ... одномерное понимание людей и их мира, ... со стороны человека, чьи прежние манипуляции данными были откровенными и многочисленными»; П. Бурдьё — «уличный политпроповедник». В общем, фраза «гражданские войны в социологии 1970-80 гг.» имеет основания [10, р. 14; 11, р. 203; 12, р. 2; 13].

в проблеме времени (пространства)? Только в загадке человека. На этом фоне историзация социологии, проблематика времени; связи прошлого, настоящего и будущего¹ стали подобием открытия — очевидного. Социологи стали писать о времени [19] и пространстве [20], анализировать структуру времени модерна, ускорение движения времени [21]. Историзация социологического знания и практик, поместив человека в иное время и в иное пространство, поставила социологов перед необходимостью теоретически объяснять «другие» образы мыслей, сознания и поведения, иную культуру (культурный поворот), — чтобы понимать и объяснять прошлое и настоящее социальной сферы. Стало ясно, к тому же, что время понимают не везде так, как в Европе [22].

Читатель, знакомый с историей отечественной социологии, помнит, что многое из отмеченного выше было в истории нашей социологической мысли. Время было проблемой для многих исследователей; о социальной теории писали ведущие (по положению в иерархии советского истмата) ученые А.М. Румянцев [23], Г.П. Францев [24]. Некоторые положения этих работ, например, мысль Румянцева о том, что в отрыве от эмпирических данных социология перестает быть наукой, становясь идеологией [23, с. 323], и сейчас не утратили значения. Не утрачены и положительные связи (советского времени) социологии с философским знанием. За интеграцию временной составляющей стратегий социологического исследования ратует В.А. Ядов [25, с. 32–43]. Перелом в этом плане у нас — вопрос времени и усилий.

К настоящему времени в рамках историзации подвижки частично завершены, часть поставленных вопросов обсуждается. Налицо дифференциация в понимании и определениях социологической теории. Подход П. Штомпки [26, с. 67–71] не единственный. Дж. Александер выделяет теории а) конкретных объектов (феноменов), б) предполагающие, в) герменевтические [27]. Социальная теория, говорится в он-лайн «Википедии» (июнь 2008 г.), это «набор социальных теорий, не отделимых четко от социологической теории»; отмечено лишь различие теории социальной и теорий в точных науках. Большинство участников дебатов социальную теорию (-ые теории) не очень четко отграничивают от социологических, которые подаются как сумма парадигм. Норвежский социолог Л. Мьёсет [28, р. 2] определяет теорию как «накопленное знание, организованное умом человека с целью использования для объяснения». «Генеральные теории» социальных наук тоже получили определения: «парадигмы, которые могут вести к

¹ Описываемый процесс активизировал попытки социологического прогнозирования; говорили об исторической социологии будущего [18].

программам исследований. Они состоят из эксплицитных посылок об отношениях каузальности, механизмах, абстрактных моделях и условиях делимитации масштаба этих посылок»; «постулаты об онтологически исходных принципах, построенные вокруг конкретных агентов и механизмов» [29, р. 480]. «Идеальным понятием теории» Мьёсет считает «объяснение посредством каузальных законов» [28, р. 14]. Конкретизируя, автор называет минимум *пять «генеральных» теорий* — функционализм, теория рационального выбора, теория силы-власти, неodarвинистская теория и культуральная (cultural) теория. Свой набор таких же теорий предлагают Дж. Ритцер, другие авторы, читаемые в зарубежных университетах курсы, программы которых изобилуют в интернете. Главный критерий статуса парадигмы при этом — ее «современность», чему не откажешь в прагматизме.

В дебатах среди философских проблем науки (детерминизм, материализм, монизм и т.п.) рассматриваются онтологические и эпистемологические аспекты социологических (не отделенных жестко, повторю, от социальных) теорий; в российской социологии это называют предметом нашей науки. Ч. Тилли, например, к онтологии отнес [5, р. 302] сознание индивида как принцип всего социального — действия, процессов и т.п. В эпистемологии он акцентировал интерпретации сознания и то, чем сознание документируется. В ряде выступлений Тилли предметом исследований называет отношенческий аспект социальных процессов и феноменов [См. 14]. Онтологически ошибочно, по его словам, считать автономными единицами государства, общества, культуры [30, р. 1]. Обычно за онтологией следует обсуждение методологии получения знания. Выразилось мнение [12], что дальнейшее обсуждение эпистемологических проблем сосредоточится на применении в полевых исследованиях эффективной теоретической модели (парадигмы); в онтологии спорить будут об общих теориях, используемых в практике. Можно морщить лоб по поводу такого релятивизма. Но: 1. Практика (данные исследований) считается критерием. 2. Социология — это наука, прежде всего, ведущая реальные исследования, чему и учат студентов. Такая позиция заслуживает уважения.

В рамках историзации разработана социология процессов, прежде всего, Норбертом Элиасом [31]. В центр ее Элиас поставил изучение отношений, динамики (не статики), базовых проблем человека [32]; допускается возвратная направленность процессов, например, децивилизация, что доказал германский фашизм. Процесс, считает Элиас, не планируется, а возникает из отношений, из взаимозависимостей. По словам Тилли, анализ процессов позволяет надежно встраивать челове-

ческие действия во время и пространство [15]. Изучая процессы крупномасштабных социальных перемен и коллективных действий в истории Европы, он отвергал механистические интерпретации и подходы [33], как непригодные для объяснения; здесь, резюмировал он, место не механике Ньютона, а современной биологии [здесь же]. Социальные механизмы, которые он признавал, это [34] посредничество, подражание, диффузия, атрибуция (brokerage, emulation, diffusion, attribution). Естественную часть изучения процессов образуют события (каталогизация событий — «фирменный» метод Ч. Тилли), их последовательности, чередования, влияния переменных на конечные итоги и на теоретические модели. Оживленные дебаты зарубежных социологов в течение 20 лет идут по проблеме законов (covering laws) и закономерностей развития общества. Это не должно вызывать недоумения с учетом предшествующего господства в США эмпиризма, а в среде ориентировавшихся на КПСС марксистских социологов — веры в законы социализма. Сопровождающие историзацию дебаты шли при активном участии ученых, знакомых с марксистским (точнее — советским) подходом к этой проблеме; кроме влияний гегельянства и марксизма данный факт связан с попытками ввести в социальные науки критерии наук естественных. В итоге, большинство склоняется к признанию таких версий закономерностей как инвариантные модели, повторяющиеся образцы (patterns), регулярности [35].

Изучение социологами прошлого заметно продвинуло интеграцию микро— и макроуровней социологического анализа и теоретизирования. Уже к середине 1980-х гг. социологическая наука получила ряд удачных исследований социальных феноменов высокого уровня, что дало повод Р. Коллинзу говорить о золотом веке исторической макро-социологии [36]. Но пришел черед и микроуровня: парадигмы символического интеракционизма, этнометодологии, феноменологической социологии создали возможность глубже проникать в жизненный мир конкретного индивида во времени и пространстве («индивидуация»), выявлять на микроуровне неповторимые (парадоксальные?), но социально и исторически значимые образцы характера, темперамента, опыта и т.п. Пример: смысл, который в XVIII, скажем, веке люди вкладывали в понятие, нам, возможно, представляющееся однозначным, тогда был иным. Интерактивная микросоциология И. Гофмана ориентировала социологов на личности, их взаимодействия, на процессы в контекстах времени, культуры, места. Исследования контекстов знаний, культуры индивидов, символов, практик позволяют выявлять то, что создает индивидуальности, формирует события, процессы прошлого и настоящего

го, ориентированы на поиск вкладываемых смыслов, индивидуальных и неповторимых по мерам и формам. «Индивидуации» такого рода оказались ценной новацией социального познания. В свою очередь, успехи исторической микросоциологии демонстрировали ключевое значение культуры, содействуя популярности «культуральной» социологии Дж. Александера как еще одной парадигмы социологии (и качественно признака современного неофункционализма). Приятно, что в данном контексте признание ученых получили труды и открытия российского философа и литературоведа М.М. Бахтина (1895–1975).

Принцип анализа явлений во времени и пространстве оказался эффективен и в применении к самой социологии. В пору господства «абстрактного эмпиризма» важность классики, истории социологии ставилась под сомнение [37, р. 12]. Гилли вспоминал: «Джордж Хоманс пророчил: «Кому интересно, что говорил старик Дюркгейм?»» [38, р. 1]. Сейчас анализ трудов предшественников, опора на классиков (каким бы субъективным ни был их отбор) — правило для тех, кто работает в социологической теории. В ходе создания собственных теорий Парсонс, Мертон, Гидденс, Коллинз, Александер, Луман и др. писали труды о наследии классиков. Дж. Александер, помимо книг о социологии второй половины XX в. и об отдельных теоретиках, выпустил 8 томов хрестоматии по «социологической традиции» в США и Европе, четырехтомную работу о теоретической логике в социологии, составленную из классических трудов. Естественно, что обращение к истории социологии не обошлось без оценок, симпатий и антипатий, споров и пр. [39], — сама литература по этим проблемам стала предметом анализа [40]. Но главное не в том, кто основатель социологии или кто достоин считаться классиком, хотя и это важно для объема обязательной к изучению студентами литературы. Создана норма для ученых — опора на исследовательские традиции, на прошлое дисциплины для ее развития [26, с. 65–66].

Сформировался интерес к истории социологии в США [41]. В начале нового тысячелетия, в связи со столетием американской социологической ассоциации, вышла коллективная монография под редакцией К. Кэлхуна [42]. Интерес к классике рос и за пределами США и Европы. Здесь иногда знание (и критика) классики служит утверждениям, что европоцентризм и западный «культурализм» социологического знания препятствуют развитию науки в ранее отсталых странах и межцивилизационным процессам. Такого рода критика в последние годы коснулась не только И. Валлерстайна или С. Хантингтона, но и М. Вебера, Гегеля, Маркса, Ясперса и т.д. [22, 43]. Трудно сказать, если ли здесь повод для беспокойства, но констатация данного факта уместна.

На этом фоне отечественная социология идет в ногу с мировой. Среди ее традиций — традиции отслеживания развития нашей научной дисциплины, созданные М. Ковалевским, Н. Кареевым, П. Сорокиным и др. У нас не только обилие учебных текстов. Есть и вдумчивый анализ истории социологии ряда стран, регионов, отраслей социологического знания. Уровень анализа достаточно высок, особенно у авторов, имеющих доступ к широкому кругу текстов социологической классики на языках оригиналов. Эти труды замечены мировой социологической общественностью. Автор известных книг по истории социологии, по социологии классической В.П. Култыгин (1941–2009) входил в руководство секции МСА по истории и теории социологии.

Историзация и специальные вопросы социологической теории. Историзация заметно расширила и без того широкий тематический диапазон исследований, выполняемых социологами. Их круг охватывает не только мир как систему, но и социализацию советских пионеров и октябрят, пытки, войны в новое время, пространство города, империи, культуру бизнеса и корпораций, поколения [46]. Культурная, психологическая, социальная травма — одна из таких проблем. По поводу их М. Кастельс замечает: «Все, кто как я, были первым поколением выросших без войны, знает, сколь решающим стал опыт войны для наших отцов, насколько детство и жизнь семьи были заполнены ранами и неуходящей памятью о годах, иногда месяцах, все еще формирующих личность людей навсегда» [47, V. 1, p. 469]. Эти слова полезно помнить тем, кто в далеком и недалеком заграничьи морщат сейчас лоб по поводу поведения российских политиков в вопросах безопасности страны. Позитивное влияние обращения к тематике истории присутствует и в современной отечественной социологии. Здесь тоже присутствует «травма» событий 1990-х — феномен, исследование и концептуализация которого только начинаются.

Отечественная социология многонациональной России в плане исследовательской тематики имеет ряд преимуществ. Так, в работах современных отечественных этносоциологов, в первую очередь, Ю.В. Арутюняна и Л.М. Дробижевой, тесные связи современного материала с основательным историческим анализом позволяют выходить на существенные уточнения и дополнения ряда теоретических представлений. Этот материал будет интегрироваться в теоретические и практические результаты последующих исследований. И это не единственная специальная социологическая дисциплина, где ведутся работы в историко-социологическом ключе. К ним можно добавить сельскую социологию, социологию войны, историческую демографию, изучение сознания людей в пору перемен и т.д.

Среди других значимых результатов историзации — дополнительная возможность предметно тестировать возникающие в социологии концепции и парадигмы. Исторически обоснованную критику пришлось испытать, например, понятию агентство [48, р. 1], неodarвинизму, теории социального обмена, зависимости от колеи (path) и др. Разбирая теорию «зависимости от колеи»¹ с позиций исторической социологии, Дж. Махони обратил внимание на расплывчатость этого понятия и предложил свое: «зависимость от колеи характеризует именно те исторические последовательности событий, в которых контингентные события приводят в движение паттерны или цепи событий с детерминистскими качествами» [30, р. 507]. Историзация социологии заметно оживила западную социологию международных отношений. Действительно, взгляд в историю показал много интересного. То, что зовется *международными* отношениями, никак не связано с отношениями между народами, признанные границы между государствами представляются иррациональными и т.п. [49]. Особенно резкая критика выпала на долю теории рационального выбора. Прав В.П. Култыгин, ограничив ареал ее популярности Соединенными Штатами, Скандинавией и Японией [50, с. 27], в отношении которых еще можно говорить о «рациональности выбора». Споры о ней шли лет десять [51]; сложившийся полемический материал издан отдельной книгой [52]. Дж. Александер писал о шатких основаниях, противоречиях и допущениях этой теории [12]. Для многих решительно неприемлемо само представление о современном обществе как рациональном продукте выбора граждан, индивидов. История нашей страны такие сомнения подтверждает. От «рационального выбора» лета 1941-го до сих пор веет могильным холодом; судьбы России 1990-х трудно понимать как выбор, тем более, рациональный.

Эпизод с этой теорией — один из примеров научной критики социологами мифов и манипуляции (со стороны институтов власти) якобы достоверными (научными) данными. Они и к нам проникали и проникают: глобализация и неолиберальная экономика (современная теология?) [13, р. 2]. Итальянский социолог Э. Траверсо резко опровергает современную критику в адрес интеллигентов-антифашистов, подчеркивает недопустимость забвения разницы между фашизмом и антифашизмом [53, р. 4, 7]. Британский социолог (исследователь силовых институтов государства) М. Манн клеймил этнические чистки («мрачная сторона

¹ Некоторые ее версии постулируют неизбежность экстенсивного, имитационного типа развития для России.

² «Сегодня в Вашингтоне нужны политические операторы со степенями по религии (магистр богословия), или Ph.D. по economics» [12, р. 3].

демократии») [54], лицемерное замалчивание гуманитарной военной интервенции вьетнамцев в Кампучию, положившей конец полпотовскому геноциду (и о лицемерии Запада в других случаях геноцида), манипуляции данными об Ираке и Чечне. Ч. Тилли показал научную некорректность понятий терроризма и террористов в выступлениях государственного секретаря и президента США [55].

Отдельного разговора заслуживает концептуализация современной эпохи — важнейший ориентир социального теоретизирования. Привязка к характеристикам времени присутствовала в возникновении всех известных социологических парадигм. И в наши дни исследователи конструируют свои теории, опираясь на характеристики современности, что можно проиллюстрировать положениями таких работ как [56]. К тому же вопрос о характере современной эпохи — важнейший ориентир политиков. То, что у нас после формул КПСС здесь не заметно самостоятельной мысли, — задача «диагноза времени», где веское слово принадлежит науке. С 1960-х годов, в частности, не утихают споры о «модерне» и «модернизации», в частности. После Парсонса вариации на тему «модерна» — поздний, второй, рефлексивный, множественный и т.п. — отражали резко критическое отношение к ядру теории «модернизации». Это, правда, не помешало после краха восточно-европейских коммунистических режимов навязать этому региону «вашингтонский консенсус» о диктуемых «модернизацией» преобразованиях. Читатели нашего журнала помнят, может быть, публиковавшиеся в журнале аргументы как сторонников, так и противников этой идеи, полемику о посткоммунистической «транзиции» [57], построенных на ней. «Транзитологию» В. Путин обрушил. Но остался вопрос: куда идем после советского социализма?

Ученые (при активном участии специалистов исторической социологии) не прекратили поиск «социального строя, который фундаментально отличен от нашего английского термина, пытающегося приравнять социологию к «модерну», поиск путей «переделки модерна» [58], ... «создания теории, менее ограниченной и предвзятой, чем теория модернизации, поместив специфическую траекторию Европы в глобальный контекст» [59]. Это важнейший «публичный» аспект историзации. Он равнозначен пути к иному миру. Отторжение странами третьего мира принципов общества «модерна» (ряд публикаций нашего журнала отражает этот тренд), выступления против укоренившихся традиций европоцентризма (точнее — гегемонии США) и культурного редукционизма свидетельства поиска многими государствами собственного пути.

Заключение. Что касается отечественной социологии, показанные выше в «латентном», но принципиально аналогичном виде процес-

сы в ней идут. Проблема пока в оправданности ориентации социологов-исследователей и теоретиков на эмпирическое измерение современной социальной реальности. Но все большее число социологов интегрирует микро— и макроуровни анализа, исследует «индивидуацию» в самых разных, часто парадоксальных проявлениях, опираясь и на данные прошлого, на представления людей о нем. Анализ обширных баз исторических данных позволил, например, В.В. Волкову и А.В. Жаворонкову [60] выйти на уровень теоретических обобщений. Несомненно понимание важности данной проблематики со стороны финансирующих социологические исследования фондов. Историческую социологию преподают в ряде университетов страны. Вклад в анализируемую проблематику вносит журнал «Социологические исследования». Что же касается традиций, есть многообещающий пример Екатерины Великой: «Для получения представления о нуждах и желаниях населения она весьма искусно использовала указы депутатам в законодательную комиссию 1767 г. По ее распоряжению все указы были самым тщательным образом обработаны и содержащиеся в них мнения систематизированы с таким совершенством, которого в настоящее время не всегда достигают социологи, специализирующиеся на изучении общественного мнения» [61, т. 2, с. 252]. Ее пример — другим наука.

Обсуждение социологами научных, теоретических проблем, их освоение и усвоение в рамках историзации говорит об известной молодости нашей науки, о периоде ее «детских болезней» — о времени забыли! Но что впереди? «Ликвидаторские» сомнения в научности, аналогии между социологией и художественной литературой [62, р. 147], основанные на известном релятивизме и дискурсивности современной социологии, едва ли перспективны. Э. Гидденс и И. Валлерстайн полагают, что будущее за единой социальной наукой. Этой идее близки призывы развивать «трансдисциплинарные исследования» [63], расстаться со стандартом научных дисциплин. Против такого подхода выступает М. Буравой, считающий, что в современных условиях он приведет к торжеству «экономики». В германской социологии дебатруется перспектива формулы М. Вебера — «историческая социальная наука». Дж. Ритцер, по-видимому, ставку делает на метатеорию. Майкл Мэнн считает социологию «королевой социальных наук», которой суждено их все объединить [64]. Перспективы молодой науки вполне можно связать с реализацией ее потенциала. И, конечно же, преобразования в современной социологии, вызванные, как, надеюсь, мне удалось показать, интеграцией в нее временного измерения, подтверждают, что перед нами действительно закономерность развития нашей науки. Она прокладывает себе путь в теоретической составляющей отечественной социологии.

Список литературы

1. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. М., Логос, 2003.
2. Calhoun C. The rise and domestication of historical sociology <http://www.ssrc.org/staff/calnoun/publications/rise-and-domestication-of-historical-sociology.pdf> 20.6.8
3. http://www.londonexternal.ac.uk/current_students/programme_resources/lse-pdf/read_listg_07/53_socialtheory.pdf
4. Ритцер Дж. Современные социологические теории. М., Питер, 2002.
5. Tilly Ch. Three visions of history and theory // History and Theory. 2007. May, Vol. 46. P. 299–307.
6. Quadagno G, Knapp S. Have historical sociologists forsaken theory? // Sociological methods and research. 1992. V. 20. № 4; Seidman S. The end of sociological theory // Sociological Theory. 1991, V. 9, № 2; Alexander J. Sociological theory and the claim to reason: why the end is not in sight // Там же. P. 147–153.
7. Calhoun C Explanation in HS: Narrative, General Theory, and Historically Specific Theory // Amer. J. of Sociology, 1998, V. 104, № 3.
8. Социол. исслед, 2005, № 3, С. 3–14.
10. Давыдов АЛ. Компьютационная теория социальных систем // Социол. исслед, 2005. № 6; Он же. Математическая социология: обзор зарубежного опыта // Социол. исслед, 2008, № 4; и др.
11. Deflem M. Useless Tilly (et al.): Teaching comparative-historical sociology wisely // Trajectories. Newsletter of the ASA Comparative and historical sociology section, 2007, V. 19 (1), P. 14 (online copy).
12. Alexander J. Shaky foundations. The presuppositions and internal contradictions of James Coleman's Foundations of Social Theory // Theory and Society, 1992, V. 21, № 2, P. 203.
13. Gorski P. From the Chair: Comparative-Historical Sociology as an Identity // Trajectories. Fall 2007, V. 19, № 1, P. 2.
14. Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Dezember 2003, Jg. 65, № 4, P. 819.
15. Tilly Ch. Lullaby, Chorale, or Hurdy-Gurdy Tune? Afterword to R. Gould, ed., The Rational-Choice Controversy in Historical Sociology, Chicago: University of Chicago Press, 2001.
16. Tilly Ch. Reasons why // Sociological Theory, 2004, September, № 3.
17. Фливерге Б. Рациональность и власть: еще раз о кейс-стади // Социол. исслед. 2007, № 1; Harnes G. The interface between social research and policy making // European Sociological Rev., 2008, № 1, P. 257–265.
18. Гидденс Э. К социологическому сообществу! // Социол. исслед, 2007, № 9, С. 5.
19. Shaw M. The historical sociology of the future // Review of International Political Economy, 1998, V. 5, № 2.

20. *Abbott A.* Time matters: On theory and Method. Chicago: Univ. of Chicago press, 2001; *Aminzade R.* Historical sociology and time // Sociological Methods and Research, 1992, V. 20, № 4, P. 456–480.

21. *Läpple D.* Essay zum Raum / Stadt und Raum. Soziologische Analyse. Hg. von *Häusermann L.* u.a. Pfaffenweiler, 1991. S. 157–207; *Löw M.* Raumsoziologie. Fr.a. M., 2001; *Schroer M.* Räume, Orte, Grenzen. Auf dem Weg zu einer Soziologie des Raums. Fr.a. M., 2006; *Richardson T., Jensen O.* Linking discourse and space: towards a cultural sociology of space in analyzing spatial policy discourse // Urban Studies, 2003, V. 40, № 1.

22. *Brose H.G.* Towards a culture of non-simultaneity? [http://soziologie.uni-
duisburg.de/personen/Brose/proofintro.pdf](http://soziologie.uni-duisburg.de/personen/Brose/proofintro.pdf). *Hartmut R.* Beschleunigung. Die Veränderung der Zeitstruktur in der Moderne. FR.a. M., Suhrkamp, 2005; *Börschen S., Weis K.* Die Gegenwart der Zukunft. Perspektiven zeitkritischer Wissenspolitik. Berlin, 2006.

23. *Açikel F.* A Critique of Occidental Geist: Embedded Historical Culturalism in the works of Hegel, Weber and Huntington // J. of Historical Sociology, 2006, V. 19, № 1, P. 60–83.

24. *Румянцев А.М.* Проблемы современной науки об обществе. М., Наука, 1969.

25. *Францев Г.П.* Исторические пути социальной мысли. М., Мысль, 1964.

26. *Штомпка П.* Формирование социологического воображения. Значение теории // Социол. исслед, 2005, № 10.

27. *Alexander J.* Theories of sociology // Routledge Encycloepadia of Philosophy, V. 10, L. Routledge, P. 2–8.

28. *Mjõset L.* An essay on the foundations of comparative historical social science http://www.arena.uio.no/news/publications/wp02_22htm 29.05.2006

29. *Kiser E., Hechter M.* The role of general theory in comparative-historical sociology // Amer. J. of Sociology, 1991, № 97, № 1, P. 1–30.

30. *Mahoney J.* Revisiting general theory in historical sociology // Social Forces, 2004, December, V. 83, № 2, P. 459–489.

31. *Bermis E.S.* Introductory essay to Tilly's writings on methodology — http://professor-murmann.info/index.php/weblog/fullarticle_tilly/21/

32. *Elias N.* The Civilization Process. V. I. The History of Manners. Oxford: Blackwell, 1978. V. II. Power and Civility. Oxford: Blackwell, 1982 (*Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1–2, М., — СПб, Университетская книга, 2001).

33. *van Krieken R.* Norbert Elias and Process Sociology // Handbook of Social Theory. Ed. *Ritzer G., Smart B. L.*: Sage, 2001, P. 353–367.

34. *Tilly Ch.* Observations of social processes and their formal representation // Sociological Theory, 2004, December, V. 22, № 4, P. 595–602; *Tilly Ch.* Rhetoric, social history, and contentious politics: reply to critics // International Review of Social History, V. 49, № 1, 2004, P. 134; *Tilly Ch.* Mechanisms in political processes // Annual review of Political Sciences, 2001, V. 4, P. 21–41; *Bermis E.S.* Introductory essay to Tilly's writings on methodology; etc.

35. *Tilly Ch.* Historical analysis of political processes // *Turner J.* (ed.) Handbook of sociological theory. NY, 2001, P. 567–588.

36. *Skocpol T., Somers M.* The uses of comparative history in macro-social inquiry // *Comparative Studies in Society and History*, 1980, V. 22, № 2, P. 174–197; *Bermis E.S.* Op. cit, p. 4; *Tilly Ch.* Rhetoric, social history and contentious politics: reply to critics // *International Review of Social History*, 2004, V. 49, № 1, P. 134.

37. *Коллинз П.* Золотой век исторической макросоциологии // *Время мира*. Вып. 1, 2. Новосибирск, 2000, 2001.

38. *Alexander J.* Introduction. Differentiation Theory: Problems and Prospects // *Differentiation Theory and Social Change. Comparative and Historical Perspectives* / Eds *J. Alexander, P. Colomy*. NY-Oxford: Columbia Univ. Press, 1990, P. 12.

39. *Tilly Ch.* Why Read Classics // <http://www.sociology.columbia.edu/fac-bios/tilly/facultv.html>, 19 apr. 2008, P. 1.

40. *Alexander J.* The centrality of the classics // *Giddens A., Turner J.* eds. *Social Theory Today*. Cambridge, UK: Polity press, 1987; *Connell R.* Why is classical theory classical // *Am. J. of Sociology*, 1997, V. 102, № 6, P. 1511–1537. *Hoecker-Drysdale S.* Is the history of sociology important? // *Timelines*. ASA section of the history of sociology e-newsletter, 2004, № 1.

41. *Baehr P.* Founders, Classics, Canons. Modern Disputes over Origins and Appraisal of Sociological Heritage. New Brunswick, 2002.

42. *Hamilton R.* American sociology rewrites its history // *Sociological Theory*, 2003, September, V. 21, № 3, P. 281–297.

43. *Sociology in America. A History.* *Calhoun C.* ed. Chicago: Chicago univ. press, 2006.

44. *Turner S.P.* Weber, the Chinese legal system, and Marsh's critique // *Comparative and Historical Sociology*, 2002, V. 14, № 2; *Kafkazli S.* Existentialism in sociology and Jasperian Philisophy <http://www.google.com/search?q=cache:qGZEiYVH4cAJ:iranianstudies.org/Journal/v6nla7.pdf>; etc.

45. *Einolf Ch.* The fall and rise of torture: a comparative and historical analysis // *Sociological Theory*, 2007, V. 25, № 2; *Wimmer A., Min B.* From empire to nation-state: explaining wars in the modern world, 1816–2001 // *Am. Sociol. Rev.*, 2006, V. 71, № 5. December, P. 867–897; *Misa T.J.* Toward an Historical Sociology of Business Culture // *Business and Economic History*, 1996 Fall, V. 25, № 1; etc.

46. *Turmel A.* Towards a historical sociology of developmental thinking: the case of generation // *Paedagogica Historica*, 2004, August, V. 40, № 4.

47. *Castells M.* The rise of network society. V. 1. Oxford, 1996.

48. *Alexander J.* Some remarks on «agency» in recent sociological theory // *Perspectives. The Theory section newsletter*. The ASA, 1992, V. 15, № 1.

49. *Hobson J.* The 'second wave' of Weberian historical sociology. The historical sociology of the state and the state of historical sociology in international relations // *Review of International Political Economy*, 1998, April, V. 5, № 2; *Lawson G.* The promise of historical sociology in international relations // *International Studies Review*, 2006, V. 8, № 3; etc.

50. *Култыгин В.П.* Теория рационального выбора — возникновение и современное состояние // Социол. исслед, 2004, № 1.

51. *Hechter M., Kanazawa S.* Sociological Rational choice theory // Annual Review of Sociology, 1997, V. 23, P. 191–214; *de Swaan A.* Rational choice as process: the uses of formal theory for historical sociology // Netherlands J. of Social Sciences, 1996, V. 32, № 1; *Gouldsblom J.* Rational and other choices. Comments on rational choice model // idem, P. 16–25.

52. *The Rational Choice Controversy in Historical Sociology / Ed by R. Gould.* Chicago: Chicago univ. press, 2005.

53. *Traverse E.* Intellectuals and anti-fascism: For a critical historization // New Politics, 2004, V. 9, Ms 4.

54. *Mann M.* The dark side of democracy: explaining ethnic cleansing. Cambridge, 2005; <http://globetrotter.berkeley.edu/people4/Mann/mann-con0htlm>

55. *Tilly Ch.* Terrorism, terrorists // Sociological Theory, March 2004, V. 22, № 1.

56. *Григорьев СИ.* Смена научных картин мира и социология // Социол. исслед, 2000, № 9; *Жуков В.И.* Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований. В 3 т. М., 2007; *Тоценко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М., Юнити-Дана, 2008 (Главы 1–3); *Кравченко С.А.* Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. М., МГИМО, 2007; и др.

57. *Цанф В.* Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социолог, исслед, 1998, № 8; *Мюллер К., Пикель А.* Смена парадигм посткоммунистической трансформации // Там же, 2002, № 9.

58. *Remaking Modernity. Politics, History, and Sociology.* Ed. by *Adams J., Clemens E.S., Orloff A.S.* Durham and L.: Duke univ. press, 2005; *Knumobl W.* The never-ending story of modernization theory // Handbook of Historical Sociology. *Delanty G., Isin F.* (eds). L.: Sage, 2004; etc.

59. *Wittrock B.* Social theory and global history: the three cultural crystallizations // Thesis Eleven, 2001, V. 65, № 1. P. 27–50.

60. *Жаворонков А.В.* Российское общество: потребление, коммуникация и принятие решений. 1967–2004 годы. М., 2007; *Волков В.В.* Силовое предпринимательство, М., 2002.

61. *Миронов Б.Н.* Социальная истории России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2-х томах. СПб, 1999, Т. 2.

62. *Alexander J.* Sociological theory and the claim to reason: why the end is not in sight // Sociological Theory. V. 9, 1991, № 2, fall; *Lepenies W.* Between Literature and Science: The Rise of Sociology. CUP, 1984.

63. *Sayer A.* Long Live Postdisciplinary Studies, <http://www.comp.lancs.ac.uk/sociology/soc025as.html>; *Scott A.J.* Fallacies in the critique of disciplinary sociology // Sociological research online. 2005, V. 10, Issue 3. <http://www.socre-online.org.uk/10//3/scott.html>

64. <http://globetrotter.berkeley.edu/people4/Mann/mann-con0htmi>

Приложение. **Интервью с руководителями Института социологии РАН (АН СССР)**

В связи с 40-летием Института социологии РАН редакция журнала попросила руководителей, в разные годы возглавлявших его, ответить на ряд вопросов:

1. На решение каких проблем были нацелены усилия коллектива в Вашу бытность руководителем?

2. Какие значительные исследования и другие виды деятельности были реализованы в этот период? Назовите значимые исследования, осуществленные тогда в стране в других институтах и университетах, которые можно считать вкладом в развитие социологии?

3. Кто из наиболее видных, по Вашему мнению, социологов трудился в это время в институте и в целом в стране?

Добавьте, на Ваше усмотрение, соображения, идеи, которые считаете нужным отметить в юбилейном номере журнала.

Полученные ответы публикуются.

Г.В. Осипов [1968–1972]

1. Прежде, чем ответить на поставленный редакцией вопрос, изложу вкратце историю создания Института конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР. Официальной датой его учреждения принято считать 14 июня 1968 года, когда Президиум Академии наук СССР принял соответствующее постановление за № 509. Однако еще в апреле того года в отделе науки и вузов ЦК КПСС был заслушан мой обзорный доклад о состоянии социологических исследований в стране. С. П. Трапезников — зав. отдела во всеуслышание заявил: «Ясно, партии и государству социологические исследования нужны. Я предлагаю создать самостоятельный Институт на базе Отдела конкретных социологических исследований Института философии АН СССР, который возглавляет Геннадий Васильевич Осипов»¹.

¹ Митрохин Л.Н. Мои философские собеседники. СПб, 2005, С. 522.

Как выяснилось позже в личной беседе, Трапезников полагал, что новый институт должен носить закрытый характер и находиться в составе отдела. Я посоветовался по этому вопросу с академиком А.М. Румянцевым, который планировался на должность директора создаваемого научного подразделения, и Ф.Б. Бурлацким, которому, как и мне, прочили место заместителя директора. Оказалось, все мы категорически против такого предложения, о чем я сообщил Трапезникову во время нашей второй беседы. «Как бы вам не пожалеть об этом», — предостерегли в высоком учреждении. Случалось мне до этого и после не часто, но жалеть о сгоряча сказанном слове, но об отказе попасть в непосредственное подчинение партийным чинушам не жалел никогда.

В отношении же Института у меня сложилась четкая, обстоятельно продуманная концепция: и относительно его структуры, и подбора и расстановки кадров, и тематических предпочтений. Идеи эти были поддержаны директором Института (А.М. Румянцев) и заместителем (Ф.М. Бурлацкий). Заключались они в следующем.

Ни одно подразделение не в состоянии эффективно заниматься наукой в целом или даже какой-нибудь ее отраслью. Поэтому следует выделить наиболее важные проблемы социологии, которыми должны заниматься сотрудники Института. Была предложена система целевых проектов. Что это означает? Определяется важная научная проблема определенной отрасли, и по ней проводятся конкретные исследования, накапливается материал. Под эту деятельность выделяются средства и набираются сотрудники. Задача их не просто разработать проблему, но и указать пути ее решения и достижения заранее определенной цели.

Например, перед научной группой, занимавшейся историей социологии, была поставлена цель воссоздания эволюции исторического социологического знания как отечественного, так и зарубежного. Комплекс проблем, которые необходимо было исследовать в первую очередь, сформулировали для исследовательского коллектива Б. Грушина, осуществлявшего мониторинг общественного мнения. Так называемый «Проект Таганрог» нацеливался нами на исследования проблем развития среднего русского города. Задачи, которые ставились перед проектом, должны были способствовать решению проблемы построения системы социально-психологического знания.

По результатам исследования различных социальных факторов и выяснения их роли в развитии советского общества Институт было внесено в ЦК КПСС и Совет Министров конкретное предложение о создании в административных органах, прежде всего, в Госплане СССР, специального подразделения, которому бы вменялось *планирование*

социального развития страны. Соответственно и сам государственный план, который принимался ежегодно и на пятилетнюю перспективу и ранее носил название плана народнохозяйственного, экономического развития страны, мы предложили считать планом *экономического и социального* развития. Нами же был обеспечен своеобразный научно-практический задел для нового планирующего подразделения, подготовлен конкретный план-прогноз возможного и наиболее вероятного социального развития страны.

Существенным дополнением к нему демографами, которые работали в тесном контакте с нами, был подготовлен прогноз роста населения страны до 2010 года. Руководил этим проектом наш выдающийся демограф Б.Ц. Урланис. Если бы не произошли роковые события, связанные с перестройкой, распадом СССР, обрушением экономики и социальной сферы, население страны по этим прогнозам должно было бы составлять сейчас более 360 миллионов человек. Это конкретные данные, они опубликованы вместе с подтверждающими их научными выкладками.

То, что государственные планы позднее стали именоваться планами *экономического и социального развития*, во многом заслуга Института. Правда, планы эти в сегменте социальном по-прежнему строились на среднестатистических показателях и оттого слабо отражали проблемы конкретных людей и даже социальных групп. Вдохновленные первыми успехами, мы пошли дальше и поставили вопрос о построении системы социальных индикаторов и показателей развития, которые учитывали бы качество жизни не среднестатистических, а совершенно конкретных советских людей, социальных групп и общностей. Это была новаторская инициатива Института, научный коллектив которого не только обозначил конкретные проблемы социального развития общества, но и сформулировал первоочередные и перспективные задачи для их успешного решения. По этим проблемам нами проводились всесторонние исследования, вносились предложения в соответствующие органы управления. И таких предложений — во всех смыслах достойных реализации своей скрупулезной научной и методологической разработанностью, было очень много. Если их опубликовать, совокупный объем издания составит несколько толстых томов.

Работа в Институте в положительном смысле слова была поставлена на поток. После завершения проекта переходили к реализации очередного задания. Часто это становилось логическим продолжением темы, ее расширением, углублением и, что особенно важно подчеркнуть, научным обеспечением путей внедрения нашей же разработки. Например, заканчивали проект воссоздания в содержательном плане системы отечественной социологии и на финишной прямой уже переходили к

разработке системы зарубежной социологии. Решали, скажем, проблему разработки комплекса индикаторов и показателей социального развития, и одновременно озадачивались методологической проблемой ее максимально быстрого и успешного внедрения в практику планирующих организаций, исполнительных органов власти. Казалось бы, а как иначе? Комплексный подход иной методологии в организации научных исследований и не предполагает. Но по тем временам это было новое слово в организации научного процесса.

Такой подход к делу не только обеспечивает непрерывность исследовательского процесса, поддерживает преемственность научной тематики, не только сообщает научному труду привлекательность, что с неизбежностью вызывает со стороны исполнителей неподдельный интерес к порученному делу, но со временем ненавязчиво, как бы исподволь, воспитывает в ученых, прежде всего, молодых, истинно творческие качества. Такой работник становится уже не просто добросовестным исполнителем, а расположенной к ответственности, самостоятельности и новаторству личностью.

Следующим шагом на пути совершенствования организации работы Института стал поиск наиболее естественных для коллектива высокопрофессиональных социологов форм внебюджетной деятельности и внедрения их в нашу каждодневную научную и организационную практику. Нам выделялись определенные бюджетные средства на заработную плату и так называемую хозяйственную деятельность. Средства эти были столь мизерными, что, даже выбрав весь годовой лимит, на них невозможно было приобрести пишущую машинку или, скажем, арифмометр для институтской бухгалтерии. По действующим в стране законам и в соответствии с Положением об Академии наук СССР, наш академический Институт мог вести договорную деятельность. Например, мы заключаем договор с Сормовским кораблестроительным заводом на проведение комплексного исследования по проблемам мотивации труда на этом предприятии, за что завод выплачивает нам энную денежную сумму. И тотчас автоматически эта сумма списывается с бюджета Института! Следовательно, мы берем на себя новые обязательства, выполняем их, сверхнормативно загружаем работников, но, по существу, никаких дополнительных средств не получаем. Другое дело — хозрасчет.

Хозрасчет в ту пору, во многом благодаря инициативе и настойчивости группы прогрессивных экономистов, которых поддерживал глава Правительства СССР А.Н. Косыгин, преодолевая сопротивление консерваторов, все шире внедрялся в экономическую практику хозяйствующих объектов, каковым, как нам представлялось, являлся и наш Инсти-

тут. Однако на деле оказалась масса «крючков», мешающих внедрению хозрасчетных отношений.

Тогда в проект постановления ЦК КПСС, который находился в стадии подготовки, мы внесли положение о том, что научный академический Институт вправе вести хозрасчетную деятельность и использовать получаемую прибыль на развитие науки, обновление и расширение технической базы, проведение исследований. Предложение не прошло, и мы решили пойти другим путем. Право вести хозрасчетную работу имел тогда Шахматный клуб. Схема была предельно проста. Клуб заключал соглашения на проведение социологических исследований, мы их осуществляли, за это получали часть прибыли, которую, в свою очередь, использовали для командировок, составления и печатания анкет, распространения среди респондентов, обработки каждой из них, подсчетов. Помимо ученых, необходим серьезный технический аппарат, на оплату труда которого у нас бюджетных денег постоянно не хватало. К сожалению, такая предельно открытая хозрасчетная деятельность была использована во вред Институту, послужила поводом для инициирования буквально высосанного из пальца т.н. «Дела о Шахматном клубе». «Дело» рассыпалось как картонный домик, но мышиная возня вокруг него крови испортила много, в первую очередь, моей.

Наш Институт совместно с редакцией журнала «Социологические исследования» и с привлечением группы ведущих экономистов страны провел всестороннее исследование по проблемам рынка. В итоге мы пришли к выводу о том, что в условиях Советского Союза на данном этапе рынок не только возможен, но и необходим, но в определенных, достаточно специфических формах. В качестве следующего естественного шага была инициирована постановка вопроса о всемерном использовании закона стоимости в интересах советской экономики, и в целом социализма.

Приведенные примеры убедят непредвзятого читателя в том, что деятельность Института отличали бесспорное новаторство в постановке проблем, задач и их научном решении. Должен сказать, что прогрессивной общественностью страны и академическим сообществом наш Институт оценивался как важнейший на то время центр интеллектуальной мысли.

2. Прежде всего, надо отметить, что создание Института конкретных социальных исследований (из первоначального проекта слово «социологические» было исключено и заменено понятием «социальные исследования») означало практически институционализацию научного статуса социологии. Но поскольку в Институте было создано политологическое направление, это означало также институционализацию политологии как науки, то есть признание ее научного статуса.

Конечно, и до создания Института понятия «социология» и «политология» использовались в научной и журналистской практике, но, по существу, их научный статус как бы санкционировался самим фактом создания Института, официально до этого он не признавался. И поэтому **считаю важнейшей заслугой Института разработку и создание структуры социологического знания; разработку теории и методологии социологического знания; разработку структуры, теории и методологии политологии.** Институт, таким образом, практически воссоздал отечественную социологию, стал преемником ее традиций, которые формировались, начиная с 1867 года, и, с другой стороны, явился основоположником новой науки — политологии, которая вообще не существовала в стране до этого.

В актив Института смело можно включить восстановление истории отечественной и зарубежной социологии, которая, по существу, в Советском Союзе находилась под запретом. Мы восстановили имена наших отечественных и зарубежных социологов, внесших существенный вклад в развитие социологической науки. Были реабилитированы в научном плане О. Конт, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Ф. Бэкон, Полет, и отечественные классики Н.Я. Данилевский, Н.К. Михайловский, М.М. Ковалевский, а с ними и многие другие.

Третье важное достижение Института заключалось в том, что наряду с «восстановлением прервавшейся нити времен» (У. Шекспир) в социологии, нам удалось четко сформулировать и поставить перед социологическим и политологическим подразделениями исследовательские задачи, которые по тематическому и методологическому содержанию полностью соответствовали тогдашнему состоянию мировой науки об обществе. Благодаря этому советские социология и политология в кратчайшие сроки вышли на европейский и во многом мировой уровни. Можно сказать, что мы поступили так, как поступили до нас лидеры ведущих европейских стран, которым пришлось восстанавливать свои разрушенные войной экономики. Они — в экономике, мы — в науке не стали повторять пройденный другими путь и на десятилетия обрекать себя на малопочтенную роль догоняющего, а, одним мощным усилием преодолев «черную дыру» вынужденного зстоя, начали движение вровень с лидерами.

В исследовательских подразделениях Института мы не уставали повторять своим коллегам, что и та, и другая наука (социология и политология) в концептуальном плане подобно, скажем, физике и химии, являются нейтральными и могут быть использованы как во благо, так и во зло общества. Естественно, наши усилия были направлены на проведение исследований, по результатам которых возможно было бы развер-

нуть обширную аналитическую работу по выработке рекомендаций, а на их основе корректировать жизнь советского общества в целом и каждого конкретного человека в отдельности.

Стали классикой отечественной (и не только!) социологии проведенные в начале 1960-х годов в Свердловске, Москве, Ленинграде и Молдавии четыре исследовательских проекта. Но я особо выделяю проект Б. Грушина «Функционирование общественного мнения и деятельность государственных и общественных институтов в условиях города», который осуществлялся на правах институтского сектора. Выделяю за его удивительное «нестарение» сохраняющуюся на протяжении десятилетий тематическую и концептуальную актуальность. Полигоном этого исследования стал типично «средний» российский город Таганрог. Именно в нем была собрана первичная информация, послужившая основой комплексной аналитики. В 1969 г. вышел первый сборник материалов этого проекта «47 пятниц», тогда же отчетливо прорисовались основные темы исследования: общественное мнение о престиже профессии; отношение аудитории к средствам массовой коммуникации как к источнику информации; устная массовая пропаганда как источник информации; содержание писем в государственные и общественные организации и ответы на них; анализ деятельности депутатов местных советов; личные контакты руководителей с населением; общественное мнение об экономической реформе; влияние семиотической подготовки аудитории и информативности текста на уровень информирования населения. Новаторское исследование не только выявило актуальные проблемы, но, что особо следует подчеркнуть, решило их на высоком научном уровне и с большим запасом потенциала для практических выводов и рекомендаций властным структурам.

Проект Ю. Левады «Методология, методика и техника социологических исследований» углубил знания относительно самого предмета нашей науки, пополнил арсенал социологических исследований современным инструментарием. Сотрудниками его группы были подготовлены и опубликованы научные статьи и монография объемом порядка 39 авторских листов, сделано шесть обстоятельных докладов на научных и научно-практических конференциях.

Но наиболее важным из выполненных в Институте я считаю исследовательский проект построения системы индикаторов и показателей социального развития советского общества. Введение их в практику социальной оценки означало переход от среднестатистических показателей, на основе которых оценивалась деятельность государства и партии, к конкретным, связанным с деятельностью и бытованием человека и социальных групп. В данном случае Институт включился в мощное движе-

ние по выявлению и разработке социальных показателей и индикаторов, которое в свое время было инициировано в Соединенных Штатах Америки учеными-социологами Шэлдон и Диксоном. Мы даже заключили с ними договор о проведении совместных исследований. На основе унифицированных методик, согласованных с американской стороной, были проведены исследования в Горьковской, Днепропетровской областях, в Удмуртской АССР, Азербайджане и других регионах СССР. Не сомневаюсь, что полученные данные в результате этих исследований представляют огромный научный интерес и поныне.

Сравнительные исследования Институт провел и с социологами стран социалистического сотрудничества. По итогам этих исследований, в которые включились наши коллеги из 5-6 стран, были опубликованы во многом сенсационные работы на тему сближения рабочего класса и научно-технической интеллигенции. До той поры умозрительно предполагалось, что сближение основного класса социалистического общества — пролетариата с интеллигентской прослойкой в виде ее научно-технического сегмента есть безусловное благо. Эту идею всячески поддерживала партийная пропаганда, торопя, как всегда, время и протекающие в нем социальные процессы. Ведь по постулатам научного коммунизма, который продолжал обслуживать партийные установки, в том числе и бредовые идеи Н.С. Хрущева, нас в самое ближайшее время (начало 80-х годов XX века) должно было ожидать бесклассовое общество — коммунизм. Нами же на основе всестороннего комплексного анализа был сделан вывод о том, что не сближение, а наоборот, формирование более глубоких групповых, профессиональных особенностей, специфических знаний для каждой исследуемой страны в отдельности, даже более углубленная дифференциация этих особенностей и знаний у рабочего класса и интеллигенции являются источником прогресса. Сближение же, по существу, чревато негативными последствиями, ибо неизбежно приводит к цеховой, профессиональной деградации, как рабочих, так и связанных с ними интеллигентов (управленцев, инженеров, техников). Отдельно с польскими социологами мы осуществили специальное исследование «Социальные проблемы труда и производства» и ряд других, менее масштабных, но от этого не менее значимых для науки и государственного управления наших стран.

Кроме того, был систематизирован социологический понятийный аппарат. Упорно и целенаправленно решались сотрудниками Института проблемы системного изложения стремительно развивавшегося в те времена научного языка и словаря терминов и понятий в социологической и политологической науках.

Я постарался назвать хотя бы основные направления и наиболее заметные и значимые работы Института конкретных социальных исследований за период по 1972-й год. Можно по-разному относиться к каждому из нас, самым строгим образом оценивать наш персональный вклад в науку, но нельзя не признать, что вклад Института в социологию и политологию огромен. Многие его исследования заслуженно считаются классическими, они с честью выдержали проверку временем, а это в науке — основополагающий критерий. Без этого не состоялось бы возрождения социологии как науки, на неопределенное время задержалось бы создание отечественной политологии.

3. Преобразованию сектора новых форм труда и быта Института философии АН СССР в отдел социологических исследований того же института, что характерно для подобных ситуаций, сопутствовал период ломки и перестройки старой административной системы, повышенной кадровой активности. Я, будучи руководителем этого отдела и одновременно зам. директора института, воспользовался ситуацией, чтобы привлечь к работе практически все серьезные социологические кадры страны. В первую очередь это — Ю.Н. Семенов, Ю.А. Левада, Б.А. Грушин, А.Г. Здравомыслов. Позднее к ним присоединились А.А. Зворыкин и отдел В.А. Ядова в полном составе, поскольку его отдел пытался ликвидировать как самостоятельное научное подразделение в Ленинграде городской комитет партии. Нашли применение своим силам в институте И.С. Кон, В.Н. Шубкин. То же можно сказать о политологическом направлении, которое в качестве зам. директора института курировал Ф.М. Бурлацкий. С ним пришли талантливые ученые А.А. Галкин, Г.С. Лисичкин, Н.А. Сидоров, Н.С. Мансуров, опытные публицисты Е.А. Амбарцумов, Л.В. Карпинский.

По существу, наибольшая часть мощных интеллектуальных кадров, занимавшихся в стране социальными проблемами, перешла во вновь образованный Институт конкретных социальных исследований. По кадровому составу он стал одним из самых молодых (возраст научных работников не превышал 50-ти лет) и перспективных, ибо, несмотря на молодость, все они отличались высоким профессионализмом, имели солидный опыт самостоятельной работы, являлись истинно творческими людьми, энтузиастами возрождения социологии, становления и развития новой на ту пору науки — политологии.

Однако следует признать, что только усилиями столичных мэтров науки институт не смог бы проделать ту громадную работу, которую он реально осуществил. В реализации социологических и политологических проектов мы постоянно опирались на десятки и сотни социоло-

гов — энтузиастов, которые работали в регионах, за тысячи километров от Москвы и Ленинграда. В основном они занимались конкретными исследованиями, часто черновой работой, и вклад их в общее дело становления прогрессивных направлений социальных наук — социологии и политологии воистину неоценим. Конечно же, проделанная ими работа будет скрупулезно восстановлена и оценена, и вне зависимости от того, трудились ли они в большом столичном или областном городе, небольшом городке, их имена достойным образом войдут в историю воссоздания социологической науки как таковой. Все мы в те времена выполняли разные функции одного большого и благородного дела. Одни боролись за воссоздание социологической науки и включения ее в практику российского общества, другие проводили конкретные социологические исследования, совершенствовали методы, научный инструментарий.

Эта воистину огромная работа привела к учреждению Советской социологической ассоциации, созданию академического института социологического профиля, что не просто содействовало институционализации советской социологии и политологии, объединению ученых в жизнеспособную, активно действующую на их благо общественную организацию, но и поспособствовало возникновению мощного социологического движения в стране.

4. Добавить к сказанному выше можно, пожалуй, следующее. Возрождение социологической науки, становление социологического и политологического научного знания происходило в ожесточенной борьбе с партократическим руководством нашей страны. Партократия была заинтересована не в развитии науки, а в том, чтобы социология выступала в качестве служанки государства и партии. Мы считали тогда и продолжаем считать поныне, что социология и политология являются объективными науками, использование которых может приносить пользу или зло обществу. Мы никогда не делали ставку на служение государству и правящей партии. Советская же партократия неизменно ставила вопрос о том, чтобы социология и политология не просто обслуживали, но еще и пропагандировали деятельность партии, сомнительные «достижения» государства.

Социология и политология как самостоятельные научные направления не признавались тогда власть предержащими. Признавались же, и то лишь в качестве прикладной деятельности и в весьма ограниченной степени, конкретные социологические и политологические исследования. Им директивным образом вменялось выявление позитивных фактов советской реальности, которые можно было бы использовать в пропаганде марксизма-ленинизма. Развитие социальных наук, таким об-

разом, ограничивалось властью пресловутым «прокрустовым ложем»; где все, что, по мнению партократии, выходило за пределы марксистско-ленинского мировоззрения, грубо и сурово отрубалось¹.

В социологическом сообществе России нет-нет, да возникнет мнение, что поздний советский период содержал, якобы, «золотой век социологии», что маститые академики высказались за создание социологического института, а партийные лидеры чуть ли не боролись за эту науку. (Только вот с кем боролись, хотелось бы узнать). Авторитетно заявляю, что ничего подобного в действительности не было. Партийное руководство преследовало две задачи: регулярно получать добротные научные материалы, с помощью которых они смогли бы облачить в живую форму те абстрактные мертворожденные схемы, которые разрабатывались аппаратом по указанию руководства страны. Второй задачей власти являлось установление контроля над социологическим движением, с тем, чтобы поставить ученых-социологов на службу государству и партии. Объективности ради, надо сказать, не все наши коллеги смогли избежать соблазна стать, как тогда говорилось, «подручными партии».

В мае 1972 года в связи с уходом из института ряда ведущих ученых, исследовательская работа в известной степени была заморожена. Проводились исследования, связанные с показателями и индикаторами социального развития общества, но что касается разработки животрепещущих научных проблем социологического знания, масштабных исследований, то институт практически отстранился от созидательного процесса. Почти прекратился издательский процесс, из-за чего многие завершённые исследования сотрудников годами не могли дойти до научной общественности. Сложившаяся ситуация меня, естественно, не могла удовлетворить, не устраивала она академическое и партийное руководство. Настолько не устраивала, что в июне 1983 года над институтом нависла угроза его ликвидации. Но благодаря выступлению М.С. Горбачева, заранее подготовленное разгромное Постановление Президиума Академии наук переформулировали во вполне нейтральное «О деятельности Института конкретных социальных исследований и уточнении его наименования».

Пройдет время, и ставший руководителем нового института социологических исследований В.А. Ядов публично, на заседании партийного бюро Института, заявит, что отныне возглавляемый им Институт будет работать на «архитектора перестройки», генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева. На том же партбюро я выразил свое принци-

¹ См. об этом подробнее: *Осинов Г.В., Москвичев Л.Н.* Социология и власть (как это было на самом деле). М., Экономика, 2008.

пиальное несогласие с позицией Ядова, напомнив коллегам и директору, что настоящий социолог может работать только на науку, заботясь при этом, чтобы результаты его труда были использованы властью во благо общества, во благо конкретного человека.

К тому времени в институте уже сложилось два направления. Условно говоря, они аккумулировали мою позицию независимости социологии и позицию моего оппонента — Ядова, сторонника обслуживать власть, которая под демагогическую трескотню перестройки поспешила принять личину «демократии». Договориться о мирном сосуществовании и параллельной научной деятельности под одной институтской вывеской двум принципиально разнящимся направлениям не удалось. В результате для устранения конфликтной ситуации по инициативе президента АН СССР Г.И. Марчука был создан Институт социально-политических исследований. Возглавить его поручили мне, основной задачей, которую мы поставили перед собой, стало исследование процессов реформирования страны, формулирование оперативных и стратегических задач перестройки, уточнение содержания и методологии перестроечных процессов. В институте сразу были сформулированы два основных направления. Первое — это социально-политическая ситуация страны: анализ и прогноз. Исследования группировались по годам, в конце каждого года подводился его социально-экономический итог, который оформлялся в виде научного отчета и был призван ответить на животрепещущие вопросы: что происходит с обществом, с конкретным человеком? Подготовленные ИСПИ РАН труды доказательно утверждали, что курс, который приняли в качестве руководства к действию радикальные реформаторы, мягко говоря, не совсем правилен, он должен быть скорректирован в интересах человека и общества, а не преследовать схоластические цели реформирования ради реформирования. Увы, к нашим рекомендациям не прислушались, в результате чего оказались буквально разгромленными промышленность, сельское хозяйство, оборонный комплекс.

На определенном этапе своей деятельности ИСПИ РАН заключил договор с администрацией Президента, во исполнение которого мы подготовили и передали в администрацию высшего должностного лица государства 32 докладные записки. Если бы они были приняты во внимание, страна наша прошла бы иной, куда как более гуманный для населения и эффективный для экономического развития путь реформ. Развитие России могло пойти, примерно, по такому же курсу, как в Китае. Другими словами, мы обосновали перед властными структурами идеи рыночного социализма, социально ориентированной экономики, развивающейся на основе инновационных проектов.

Второе направление предполагало продолжение работы по индикаторным показателям развития российского общества. В результате была создана классическая система комплексных показателей, которая устанавливала уровни отсчета, шкалу тех социальных изменений, которые происходят в стране, но не с точки зрения среднестатистических показателей, а с точки зрения общего положения экономики и социальной сферы. Впервые социологи нашего института ребром поставили вопрос о демографической угрозе стране, а затем — экологической. Но на эти предупреждения долгое время власть практически не реагировала.

Все эти годы мы решали также проблему построения системы социологического знания. Был подготовлен и совсем недавно вышел в свет 4-м изданием учебник «Основы общей социологии». Впервые в стране подготовлены и изданы «Энциклопедический социологический словарь», «Социологическая энциклопедия», «Рабочая книга социолога», также выдержавшая без переработки не одно переиздание.

Девиз нашей работы — включение социологической науки в систему государственного управления российским обществом на основе выводов конкретных практических исследований. Этот девиз нами неуклонно осуществляется. В новейшие времена в деятельности ИСПИ РАН возникло новое направление — экономика и социология знания. Оно нацелено на то, чтобы увязать экономическую и социологическую науки в единое целое и использовать полученный таким образом тандем, во-первых, для социально-экономической экспертизы важных проектов страны, во-вторых, для формулирования этих проектов в виде программ. Это, скажем, утилизация промышленных и бытовых выбросов окиси углерода, прокладка по территории России межконтинентального коридора «Азия — Россия — Европа» для перемещения грузов и информации (оптико-волоконные линии), наконец, разработка теории и методологии экономики и социологии знания как практических дисциплин.

Успешное решение этих конкретных задач во многом обеспечили ученые, перешедшие в ИСПИ РАН из Института социологических исследований. Это Чупров, Иванов, Староверов и ряд других. Их мы справедливо считаем заслуженными ветеранами. Но растут и новые кадры, институт сделал и продолжает делать ставку на таких молодых ученых, как В. Левашов, В. Локосов, И. Орлова и ряд других. Им продолжать и развивать в соответствии с задачами стремительно обновляющегося социального времени достижения и традиции института. Им вести наше научное сообщество в заманчивое и, хочется верить, светлое, счастливое для России завтра.

М.Н. Руткевич [1972–1976]

Прежде чем ответить на вопросы редакции, хотел бы сказать несколько слов об уральской социологии, где с моим участием были реализованы крупные социологические исследования еще в начале 1960-х. Мне лично пришлось стоять у истоков этого процесса на Урале. Одним из первых трудов, обобщающих результаты «конкретных», как тогда говорили, исследований было участие в подготовке монографии «Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса» (М., Соцэкгиз, 1960), написанной коллективом авторов на материалах промышленных, в т.ч. и уральских предприятий. Тематика исследований охватывала широкий спектр проблем: использование свободного времени, планы жизнеустройства молодежи, изучение общественного мнения, планирование развития трудовых коллективов, жизнь села и т.д. Широкое развитие социологии на Урале, на мой взгляд, явилось основанием для назначения меня директором Института социологических исследований в 1972 г.

Нужно отметить, что в эти годы вновь обострился вопрос о признании социологии *самостоятельной* наукой. Вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев был самым влиятельным противником такого признания и не случайно провел через Президиум Академии упомянутое выше название не как Института социологии, а как Института социологических исследований, ибо, по его убеждению, марксистской социологией был исторический материализм, притом в его упрощенном понимании, утвердившимся после выхода в свет в 1938 г. «Краткого курса истории КПСС». В противоположность Федосееву, я, еще до того как стать директором нового Института, полагал, что марксистская социология не сводится к ее философскому основанию, которым является диалектический материализм. По моему, отнюдь не оригинальному мнению, марксистски ориентированная социология (как всякая иная) имеет тройственную структуру: а) теоретическая социология; б) частные социологические теории; в) основанные на первой и второй эмпирические социологические исследования. Данное толкование, впервые предложенное в отношении социологии Р. Мертоном в 1948 г., было в тот период признанным в мировом социологическом сообществе. Кстати сказать, в личной беседе с Мертоном я высказал убеждение, что советская социология, имея своим философским основанием диалектический материализм Маркса, обладает аналогичной структурой. В моих трудах эта позиция была высказана еще в 1960-х гг. и нашла впоследствии наиболее полное обоснование в книге «Диалектика и социология» (М., 1980) и «Макросоциология» (М., 1995).

Естественно, моя деятельность, как директора ИСИ, основывалась на указанном понимании предмета социологии. Искусственное сведение задач коллектива Института к «поставке» эмпирического материала для теории научного коммунизма привело к непрерывным конфликтам с Федосеевым и руководством Отдела науки ЦК КПСС в лице Трапезникова; последний был человеком малообразованным и зависимым. Этот конфликт развивался в течение четырех лет и закончился публичной проработкой директора ИСИ на совещании в ЦК КПСС. Весьма характерным был повод этой, весьма обидной для меня «проработки», после которой я вынужден был подать заявление об уходе с поста директора ИСИ. Дело в том, что один из секторов Института разослал 72 руководителям областей (краев, республик) РСФСР анкету с просьбой высказать свое мнение о путях разрешения одного из самых острых вопросов жизни большинства населения страны: снабжения мясомолочными продуктами, производство которых в колхозах, совхозах, а также в ЛПХ сельских жителей и пригородов, систематически отставало от растущих запросов населения. Эта акция сотрудников Института была расценена как дискредитация политики партии, вмешательство в дела, неподотчетные социологам, как грубая политическая ошибка, за которую должен отвечать руководитель.

Моя деятельность в качестве сравнительно кратковременного директора ИСИ заключалась, прежде всего, в установлении элементарного порядка и дисциплины в коллективе, удалении из его состава многочисленных бездельников, а также лиц, далеких от социологии. Одновременно приходилось уделять много времени и сил решению хозяйственных вопросов. До 1974 г. дирекция Института и часть научных работников размещались на одном этаже другого академического учреждения, а подразделения Института снимали помещения в разных районах Москвы. «Отвоевание» нынешнего здания по ул. Кржижановского, его ремонт и размещение в нем основной части научного коллектива занимало непропорционально много моих усилий. Но главными задачами были, конечно, приведение структуры Института в соответствие с его профилем и пополнение состава исследователей квалифицированными социологами из Москвы и ряда других городов, а также развертывание масштабных социологических исследований и публикация их результатов.

Структура Института соответствовала изложенной выше теоретической установке. Основными ячейками были сектора (отделы), занятые эмпирическими исследованиями и одновременно их обобщением с позиций частной социологической теории. Часть из них успела за время моего директорства издать солидные монографии. Так, сектор социологии семьи (рук. А.Г. Харчев) подарил общественности капитальный труд «Социоло-

гия семьи», сектор социологии села (рук. В.И. Староверов) — две книги «Социально-демографические проблемы деревни» и «Советская деревня на этапе развитого социализма». В этот период знаменательный вклад в развитие социологии внесли исследования В.Д. Патрушева по проблемам свободного времени и Л.Л. Рыбаковского — демографии. Особо следует отметить группу, разрабатывавшую под моим руководством проблемы изменения социальной структуры. В 1973 г. вышел в свет коллективный труд «Социальная структура советского общества в период развитого социализма», в которой авторы отошли от упрощенной схемы, данной Сталиным на XVIII съезде КПСС, вошедшей без изменений во все последующие научные работы и учебные пособия: рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенция. В соответствии с ленинским определением классов нами учитывались все признаки классовых различий в их взаимосвязи. Дальнейшее развитие эта сложная проблема получила в совместном с социологами Польской академии наук труде: «Социальная структура общества в СССР и Польше» под ред. Руткевича и Весоловского, изданная на двух языках. Большинство подразделений ИСИ накапливало эмпирический материал, который нашел обобщение за пределами рассматриваемого периода, например, в работе Ф.Р. Филиппова «Социология образования». Одновременно печатались статьи в научных журналах. Особенно активно пошел этот процесс после организации журнала «Социологические исследования» (гл. ред. А.Г. Харчев). С названием журнала повторилась история с названием Института: я предлагал «Вопросы социологии», Федосеев настоял на упомянутом названии.

Значительной вехой в истории ССА и ИСИ было полновесное участие Всемирной социологической ассоциации в восьмой конференции в 1974 г. в Торонто. Советская делегация была представлена сотней участников. Я был избран членом Президиума ВСА и выступил с докладом на пленарном заседании. Более десяти наших ученых стали членами исследовательских комитетов и сделали доклады на их заседаниях. Данный Конгресс дал дополнительный толчок всемирному признанию роли советской социологии, вкладу наших ученых в развитие этой науки.

В.Н. Иванов [1983–1988]

1-2. В разные годы моего директорства перед институтом в качестве приоритетных стояли задачи, определяемые Президиумом АН СССР и высшими партийными инстанциями, поскольку в те времена без соответствующего высшего «благословения» ни один серьезный вопрос не

решался. Так, например, Постановлением июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС было обращено, в частности, внимание на возросшее значение социологических исследований, необходимость социологического изучения эффективности идеологической работы, функционирования средств массовой информации и пропаганды. Данное обстоятельство имело для возрождения социологии в стране и создания необходимой «социологической инфраструктуры» большое значение.

К значимым социологическим исследованиям отнесу, прежде всего, Всесоюзное исследование социалистического образа жизни (рук. исследования д.ф.н. И.Т. Левыкин), по итогам которого ЮНЕСКО в Москве провело совещание экспертов, где наша работа получила высокую оценку, а разработанные нами социальные показатели качества жизни были приняты в качестве базовых. Отмечу, что по инициативе профессора Г.И. Осадчей при участии д.с.н. А.А. Возьмителя и моем разработан новый исследовательский проект по образу жизни. Построенный на идее сравнения прошлого и настоящего он дает обстоятельную картину прошедших и происходящих в стране изменений. Возможно, в проекте будет использована социологическая информация закрытого отдела ИСИ РАН (1970–1989 гг.), фактически не использованная до сих пор в научных публикациях.

Активно велось Всесоюзное исследование «Показатели социального развития советского общества» (рук. Г.В. Осипов). Основной его задачей была разработка социальных показателей развития советского общества, призванных составить основу социальной статистики, способной удовлетворять потребности управленческой практики. Полученная уже на первых этапах этого крупномасштабного исследования информация включила оценку большого спектра социальных проблем, начиная от трудовой деятельности и кончая эффективностью идеологического воздействия средств массовой информации и пропаганды. В ходе его выявлены новые социальные тенденции в жизнедеятельности общества, выделены социальные противоречия, разрешение которых могло ускорить развитие общества, получены данные, свидетельствовавшие о недостатках использования социальных резервов советского строя. Проведенная нами работа получила продолжение в исторически новых условиях: под руководством академика Г.В. Осипова разработана система предельно допустимых критических показателей развития общества в условиях радикальных общественных трансформаций.

Ученые института участвовали в разработке Комплексной программы научно-технического прогресса СССР; совместно с ЦСУ провели исследования изменений в социальном составе населения, на основе анали-

за трудовых биографий выявили тенденции и направления социальных перемещений людей в различных регионах страны. Исследования миграционных процессов населения (рук. Л.Л. Рыбаковский) позволили выявить важные закономерности формирования населения северных и восточных районов страны, а также повышения миграционной подвижности коренного населения южных республик. Была сформирована концепция перераспределения населения между районами с избыточными и недостаточными трудовыми ресурсами на ближайшее десятилетие.

В 1984 г. началась работа над проектом «Социальная сфера: показатели и тенденции развития», которой предшествовала бурная дискуссия по содержанию этого понятия. Ее истоки исходили из разного подхода к понятию «социальное». Начавшаяся в стране перестройка повысила внимание к данной проблематике. Наша работа получила отражение в трехтомной коллективной монографии (под ред. В.И. Иванова и В.З. Роговина). Не осталась она незамеченной властными структурами страны. ИСИ РАН был включен в качестве головного при разработке разделов социального развития Комплексной программы научно-технического прогресса СССР. Нами продолжена концептуально-методологическая часть комплексного исследования «Социальное обоснование стратегии градостроительного развития московской агломерации: опыт разработки прогнозного проекта».

Ученые института участвовали в проводимом в стране крупномасштабном экономическом эксперименте (в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений (предприятий) промышленности в планировании и хозяйственной деятельности и по усилению их ответственности за результаты работы»). Нашими соисполнителями были ученые из Института экономики АН СССР, Института философии АН УССР, Института философии и социологии АН Литовской ССР и др. Летом 1985 г. исследовательская группа института (рук. Н.И. Алексеев) провела почтовый опрос одной тысячи руководящих работников и специалистов 175 предприятий, участвовавших в эксперименте. Обработка и анализ полученной информации дали возможность представить достаточно полную картину социального поведения трудовых коллективов в условиях эксперимента, итоги и экономические аспекты которого были освещены в докладах академиков РАН Л.И. Абалкина, А.Г. Аганбегяна и д.ф.н. В.Н.Иванова.

С 1985 г. в институте был создан Центр изучения общественного мнения, возглавил который д.ф.н. В.С.Коробейников. По результатам его исследований проведены Всесоюзные научно-практические конференции.

Накопленный опыт обсуждался в рамках комиссии по многостороннему сотрудничеству социалистических стран в области социологии.

Следует отметить, что исследовательская работа института всегда вызвала повышенный интерес у наших коллег за рубежом. Так, в 1986 г. на Всемирном социологическом конгрессе в Нью-Дели были представлены наши доклады на всех основных семинарах и в исследовательских комитетах. Научные контакты с социологами и демографами Франции, Германии, США, Финляндии реализовались в разнообразных формах: обмен информацией, симпозиумы, конференции и совместные исследования. Например, советско-американское исследование жизни малых городов (рук. В.Г. Андреенков), советско-германское исследование по проблемам участия рядовых граждан в управлении и перестройке, по результатам которого в Германии и СССР издана монография «*Deutsche Mitbestimmung — russische Perestroika*», а коллективная монография «Ученый и научный коллектив: социальные аспекты деятельности» — итог совместного советско-болгарского исследования по изучению социальных факторов, влияющих на эффективность научной деятельности.

С самого начала объектом нашего внимания стала перестройка. Мы наладили регулярные выпуски материалов, содержащих *оценки советских людей*, ее хода и перспектив.

Пять с половиной лет моего директорства срок небольшой. Но именно это время стало переломным, критическим, когда многое и в людях и в стране испытывалось на прочность. Сегодня не прекращаются попытки дать категоричные, зачастую весьма односторонние оценки прошлому. В том числе и в вопросах взаимоотношений социологии и партийных органов, социологии и Комитета государственной безопасности. Хочу отметить, что в аппарате ЦК КПСС, во всяком случае, в отделах науки и пропаганды, с которыми мне приходилось контактировать, значение социологии понимали. Но, если в стиле работы сотрудников отдела науки, как правило, преобладала осторожность, а иногда и просто робость в отношении к результатам нашей работы («как бы чего не вышло»), то у работников отдела пропаганды, особенно в годы, когда им руководил Г.Л. Смирнов (впоследствии академик, директор Института философии АН СССР), отношение было другое. Перед каждым крупным партийным мероприятием (съездом, пленумом, конференцией) они говорили: — «неси все, что есть». И все, что было к этому времени в институте наработано, я добросовестно им приносил в надежде, что это найдет воплощение в соответствующих решениях высших инстанций.

То, что касается контактов с Комитетом госбезопасности, могу сказать, что их интересовало отнюдь не все. Создав закрытым реше-

нием Совета Министров СССР в феврале 1970 г. (отдел в структуре ИСИ РАН), сотрудники комитета получили доступ к социологической информации. А интересовало их главным образом то, что имело прямое или косвенное отношение к идеологическим диверсиям, влиянию западной пропаганды на разные группы населения нашей страны. Отдел социологических проблем пропаганды главным образом этим и занимался. Изучение растущей аудитории западных СМИ, отношения населения к ценностям западного образа жизни, националистические проявления и т. п. были в центре внимания отдела.

Ко мне неоднократно обращались с просьбой раскрыть тему «Социология и КГБ», написать об этом более или менее подробно. Первую такую просьбу я услышал ещё в 1987 г. от канадского социолога, с которым познакомился на Конгрессе в Нью-Дели, последнюю — от американского стажера в 2007 г. Не знаю, насколько эти предложения были продиктованы научными интересами, но знаю, что результаты социологических исследований закрытого отдела опубликовать действительно имеет смысл.

Предметом особой заботы социологов института было введение в стране высшего социологического образования по специальности «прикладная социология» (первоначально в МГУ им. М.В. Ломоносова и ЛГУ). Этому предшествовала довольно интенсивная работа специально созданной комиссии, в состав которой вошли ученые из ИСИ АН СССР, МГУ, АОН при ЦК КПСС, Института философии АН СССР, представитель Министерства высшего и среднего специального образования. Мне было поручено её возглавить, и я же по итогам её работы делал доклад на коллегии министерства. Положительное решение спас термин «прикладная». Введения высшего образования по специальности «социология» не допустили бы, прежде всего философы и те специалисты в области общественных наук, которые отождествляли социологию с историческим материализмом, а таких в то время было немало.

Большая работа велась нашим коллективом по оказанию помощи социологам союзных республик в организации социологических служб в ведомствах и на промышленных предприятиях. Эту работу мы вели, тесно сотрудничая с Институтом психологии. Совместными усилиями в этих целях было создано первое фундаментальное пособие «Социологическая служба на предприятии» (под ред. Б. Ломова и В.Н. Иванова). Решением Президиума АН СССР в институте открыли Центр повышения квалификации руководителей социологических служб для Москвы и Московской области. При сотрудничестве с Госкомитетом по труду СССР было разработано «Временное типовое положение о социологической лаборатории (отделе, бюро, группе) производственного отделения, предприятия, организации».

3. Как сказал С. Есенин: «мы теперь уходим понемногу». И для нас особую остроту приобретает мысль о том, как оценят наш труд, наше служение науке потомки, что есть в нашем опыте ценного и поучительного. Отвечая на вопрос о выдающихся социологах в годы моего директорства, мне бы не хотелось брать на себя смелость оценивать реальный вклад в науку своих коллег. По большому счету ответ на него может дать только время. Но как экс-директор я могу назвать тех, чей труд был замечен научным сообществом и дал крайне весомые результаты. Это: д.ф.н. Г.В. Осипов (ныне академик РАН), д.ф.н. Ж.Т. Тощенко (ныне член-корр. РАН), д.ф.н. А.В. Дмитриев (ныне член-корр. РАН), доктора философских наук И.Т. Левыкин, В.А. Мансуров, Ф.Р. Филиппов, В.З. Роговин, В.И. Чупров, В.И. Староверов, Б.В. Князев, В.Г. Смоленский, А.Г. Харчев, доктора исторических наук Г.Л. Бондаревский, Н.Н. Яковлев, д.э.н. Л.Л. Рыбаковский, канд. филос. н. Ю.П. Коваленко.

О каждом из них можно, и скорее нужно, сказать многое, тем более что некоторые из названных ученых ушли из жизни. Я однажды высказал предложение написать книгу под условным названием «Социологические автопортреты». Попросить состоявшихся социологов рассказать о своем пути и вкладе в социологическую науку. В итоге получился бы «коллективный портрет социологического сообщества», позволивший не только оценить сделанное в предшествующие годы, но и более детально и точно рассказать о том, кто и как трудился на социологической ниве. Такое предложение и сегодня, думаю, остается в силе.

4. Любая наука, изучающая общество, ограничена в познавательных возможностях. В том числе, и социология. Преодолеть в значительной мере эту изначальную ограниченность она может, наладив творческие контакты, в первую очередь, с историками и психологами (с экономистами и философами контакты существуют давно) с целью уточнения предмета и своих методологических возможностей.

Очевидно, что давление социума на человека с годами не становится меньше, но характер этого давления меняется. Криминальная хаотизация общества в 1990-е годы дает и сегодня о себе знать (рост преступности, алкоголизация, наркомания, высокая смертность и т.д.). Организация общества на более рациональных и более справедливых началах — задача особой актуальности, это своего рода «сверхзадача». Было бы целесообразным, на мой взгляд, разработать комплексные программы (проекты) совместных социально-исторических и социокультурных исследований. В их числе могли бы быть проекты на такие востребованные временем вопросы: перспективы современных цивилизаций, советская цивилизация в общеисторическом контексте, «прорывные» и попятные

исторические движения (революции, реформы, реставрации), особенное в историческом опыте социального созидания (региональные аспекты), человек — творец и разрушитель, исторические метаморфозы русского мира и т.п. Объединяя усилия, историки и психологи социологии могли бы, опираясь на свой опыт теоретико-методологических изысканий, обеспечить необходимую сегодня (когда политическая конъюнктурность и ангажированность стали особенно очевидными) доказательность научных обобщений и выводов. Уверен, что совместные исследовательские проекты, активизация творческих контактов с представителями других наук будут способствовать увеличению исследовательского потенциала социологической науки, что создаст новые предпосылки повышения её роли в познании социальных процессов и их регулировании.

В.А. Ядов [1988–2000]

1. Я был назначен в период горбачевской перестройки директором-организатором Института социологии, которому было предписано решениями Политбюро ЦК КПСС, а затем — президиумом Академии наук реформировать свою деятельность и в качестве головного института координировать исследования в области социологии. Поэтому предложить программу серьезных преобразований стало моей первой и главной задачей. Надо было развернуть все без исключения подразделения в сторону освоения теоретико-методологических подходов в современной мировой социологии. Препятствия цензурного свойства отпали, но мы были зашорены и видели либо путь по прежней колее, либо развилку в сторону структурного функционализма. Кроме того, некоторые сотрудники института вовсе к социологии не были причастны. Я опирался на знания, почерпнутые во время давнишней стажировки в Англии и кое-какую литературу. Занялся самообразованием, так как собственно теоретическая социология прежде не входила в круг моих интересов.

Период «теоретической реформации» института занял, я думаю, лет семь-восемь. На наших годовых отчетных сессиях выступали и подвергались нелицеприятной критике все руководители проектов. Вошло в правило искать изъяны в исследованиях, помогать советом. Никаких демонстративных для внешней среды докладов не было. Мы стали отбирать лучшие сообщения для научных сессий с приглашением коллег из других учреждений.

Кроме того, как директору головного научного учреждения мне приходилось много времени уделять обсуждению проблемы «перестройка

в социологии» на общесоюзных совещаниях и с той же целью выезжать на социологические конференции в страны СЭВ. Болгарские, чехословацкие коллеги не всегда принимали идею о том, что следует наряду с историческим материализмом опираться и на другие фундаментальные теории. Польские социологи и так в этом не сомневались, а вот ряд ведущих социологов ГДР, напротив, резко полемизировали.

Вторая по значимости реформа — организационная перестройка. Было объявлено приказом по институту, что в течение месяца любой сотрудник может заявить о переходе в другое подразделение, предложить собственный проект. Благодаря этому произошел «естественный отбор», более перспективные и продуктивные оказались в ряду выигравших, а менее — в числе проигравших. Приобретенные в этот период навыки очень помогли в будущем, когда начали работать научные фонды, отечественные и зарубежные. Ведь гранты получают не по формальному статусу «зава» или по званию, а по реальным исследовательским способностям. Наш институт постоянно лидировал (и сейчас лидирует) по численности грантов на «душу» сотрудников.

В кадровой политике я считал важнейшим делом — вернуть в институт моих коллег, в свое время вынужденных покинуть ИКСИ, а также «переманить» кого удастся из других институтов. Надо было создать сильное профессиональное ядро. К нам вернулись или пришли Г. Батыгин, А. Галкин, Л. Ионин, Ю. Красин, В. Магун, В. Шубкин, О. Яницкий, все они лидеры своих научных школ. Жаль, что Игоря Кона и Лена Карпинского уговорить не удалось. Исключительно важным был отбор молодежи из разных регионов страны для обучения и стажировки в университетах Англии, Германии, США и Франции. К счастью, подавляющее большинство из них вернулись на родину, многие обрели заслуженную репутацию серьезных ученых, например, Е. Омельченко, Н. Шматко, Ю. Качанов, Е. Ярская-Смирнова и П. Романов, А. Согомонов, всех не перечислить. Добавлю, что сильный профессиональный коллектив питерцев во главе с Б. Фирсовым был выведен из состава ИСЭП (его авторитарный директор того времени в социологии ничего не смыслил) в качестве нашего филиала, а позже стал самостоятельным социологическим институтом.

В постановлении Президиума АН СССР о создании Института социологии говорилось, что институт должен заниматься исследованиями *фундаментальных* проблем нашего общества. Ученому совету предстояло определить эти проблемы. Получилось то, что, как теперь ясно, и должно было произойти. Коллектив раскололся надвое: одни сотрудники сгруппировались на основе научной программы Г.В. Осипова, другие (большин-

ство) на основе программы директора. Наша программа была нацелена на содействие перестройке, а программа моего коллеги представлялась несколько консервативной. Развело эти точки зрения образование двух социологических институтов, Геннадий Васильевич возглавил ИСПИ РАН.

И, наконец, еще одно осмелюсь сказать радикальное дело — это создание при нашем, как и при других социогуманитарных институтах РАН, факультетов академического университета ГУГН, в становлении которого мы с В.С. Степиным были самыми активными энтузиастами. Это деяние я считаю провидческим. Сейчас Министерство взяло курс на организационную интеграцию науки и образования, так что ГУГН нынче лидирует в этом направлении. Наш факультет вот уже третий год получает немалую финансовую подпитку по исследовательскому гранту Министерства. Участвующие в исследованиях студенты добавляют к стипендии по гранту сумму в полтора раза выше стипендии, а преподаватели помимо денег получили отличную подпитку из молодых сотрудников и помощников в исследованиях¹.

2. Это трудный вопрос, потому что не избежать субъективизма при выделении «важного» и в силу ошибок памяти. Тем не менее, я бы отнес к значительным в первую очередь мониторинговые исследования. Первый и уникальный по общественной значимости мониторинг (можно сказать опросный марафон) мы осуществили во время Первого съезда народных депутатов совместно с ВЦИОМ. Люди тогда, не отрываясь, следили за прямыми трансляциями из Дома Союзов. Мы создали оперативную группу для проектирования общесоюзной выборки и формулировки вопросов. Ежедневно по очереди с ВЦИОМ (от них главным был А. Левинсон, от нас В. Мансуров) опрашивались граждане по республикам и российским регионам, по типам поселений. Люди отвечали на три-четыре вопроса, которые, как правило, касались поддержки или несогласия с наиболее ярким событием предыдущего опросу дня. Невероятными усилиями удавалось за ночь обработать данные, полученные по факсу, и наутро представить их в листовке для депутатов и в прессу. Каждую информацию я должен был показать Чебрикову, тогдашнему главе КГБ, а если он высказывал сомнения, то обращался к секретарю ЦК Вадиму Медведеву, с которым мы были дружны со студенческих лет. Только однажды не удалось преодолеть сопротивление Чебрикова. Больше половины опрошенных поддерживали призыв Сахарова вывести войска из Афганистана и осуждали Горбачева, который, как известно, прервал его речь на заседании.

¹ В «Социологическом журнале» за 2007 г. (№ 4) опубликованы 4 статьи по этому проекту.

Я считал, что в годы перестройки и в период постсоветских реформ особо важно отслеживать динамику социальных процессов. Поэтому к значительному отношению уникальное репрезентативное исследование под руководством П. Козыревой и М. Косолапова практически всех сторон жизни людей. Для этого исследования впервые были разработаны (с участием известного в этой области специалиста из Мичиганского университета проф. Киша) уникальная посемейная выборка, которую М. Косолапов развил в региональном разрезе. Проект РМЭЗ финансировался Госкомстатом, сегодня продолжается, и его данные в открытом доступе широко используются коллегами из других учреждений, студентами и аспирантами.

Также достойным упоминания я полагаю мониторинг становления новых социальных идентичностей (Е. Данилова и В. Ядов), который длится более 20 лет, включая сравнительное исследование с польскими социологами, и сейчас — с украинскими и китайскими. Идентификационная проблематика в постсоветском обществе, в котором люди с трудом ориентируются в пространстве «своих» и «чужих», исключительно важна для понимания происходящего. В том же ряду — проект В. Магуна, основанный на данных международного исследования сдвигов в системе ценностей. Трудно не назвать исследования под руководством З. Голенковой по проблемам социального расслоения. Из монографических публикаций нескромно назову вышедшую под моей редакцией коллективную работу «Социология в России». Впервые была сделана попытка совокупно рассмотреть развитие различных направлений отечественной социологии от ее становления в царской России до нашего времени. Был опубликован фундаментальный четырехтомный труд по истории мировой и русской социологии под ред. Ю. Давыдова, несколько монографий и учебных пособий в области методологии (Г. Батыгина, И. Девятко, В. Семеновой, Г. Татаровой, Ю. Толстой). Институт может гордиться монографическими исследованиями О. Яницкого в области нового для нас направления — социологии риска и его трудами в области экосоциологии, исследовательской команды В. Шубкина и Д. Константиновского (социология молодежи и образования), работами Т. Дридзе по методологии управления с учетом «человеческого фактора». В области теории я высоко ценю начатые новаторские работы Л. Ионина по социологии культуры, А. Филлипова (проблемы социологии пространства), Н. Шматко (руководитель российско-французского центра) и Ю. Качанова, которые позволяют с иных позиций взглянуть на наши проблемы и усилиями которых отечественный читатель ознакомился с теоретико-методологическими трудами П. Бурдьё.

Что касается значительных достижений того времени коллег не из нашего института, я бы, прежде всего, назвал труды Т. Заславской по системному анализу российских трансформаций и шире — работы новосибирской экономсоциологической школы, развернутую исследовательскую программу по экономической социологии В. Радаева. Экономсоциология — принципиально важное направление именно в рыночном обществе. Крупное событие — старт систематических исследований общественного мнения (Б. Грушин — апостол этого направления). Примечателен мониторинг Н. Лапина, начатый 15 лет тому назад: исследование сдвигов в ценностных ориентациях. Его основой является оригинальная и адекватная нашему обществу концепция интегрирующего ценностного ядра и разобщающей периферии. Общепризнаны книга и серия статей Ю. Левады о советском и постсоветском человеке. Крайне актуальны исследования Ю. Арутюняна и Л. Дробижевой в области этносоциологии, продолженные в условиях острых межэтнических конфликтов, теоретические разработки А. Здравомыслова в этой области, новаторские работы в социоантропологии питерцев (В. Козловский) и позже П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. Очень высоко я оцениваю возрождение исследований российского крестьянства, которые были инициированы Теодором Шаниным.

Трудно охватить сколь-нибудь полно новую проблематику и перечислить лидеров новых направлений исследований 1990-х гг. Казалось, что настал «момент истины», открылись глаза на многое. Теперь мы понимаем, что глубокое уяснение фундаментальных социальных проблем российского общества требует постоянных профессиональных усилий множества исследователей и не имеет предела во времени.

3. На вопрос о выдающихся социологах позволю себе не отвечать, т.к. не хочу обидеть кого-либо из коллег и не считаю себя вправе расставять такие оценки. Они неминуемо субъективны, что читатель уже заметил из сказанного выше.

Оглядываясь назад, вижу два главных изъяна в своей работе. Я мало уделял внимания издательской деятельности института и его имиджу. Я также считал, что для серьезного анализа трансформационных процессов следует располагать достаточной эмпирической базой лонгитюдных или квазилонгитюдных обследований, и с явным запозданием начал стимулировать институтские сборники и монографические издания. Здесь лидировал В. Патрушев, располагавший богатейшими данными изучения бюджетов времени.

Второй изъян связан с моими не лучшими административными способностями. С учетом жуткого положения с финансированием (бывало,

что символическую зарплату задерживали на месяц, а денег на другие нужды вовсе не выделяли) можно все-таки было извернуться и добыть средства на издания и ремонт помещений.

4. Понятно, что жанр мемуаров неминуемо страдает пристрастностью автора. Прошу принять это во внимание.

Л.М. Дробижева [2000–2005]

1. Избрание меня директором Института социологии пришлось на середину первого десятилетия третьего тысячелетия. Это было время, когда осмысливался травматический характер постсоветских трансформаций и приходило осознание того, что каждая страна, общество включается в мир-системные процессы по-своему [Ш. Айзенштадт, В. Федотова, В. Ядов]. Следовательно, надо искать понятия, категории, которыми можно было бы адекватно определять социально-экономические, культурные, социально-психологические явления и процессы, вскрывать их механизмы, объяснять общество. Все более очевидным становилось, что в такой ситуации много будет зависеть от способности социальных акторов реагировать на внешние и внутренние вызовы. И понятно, это касалось не только властных институтов, гражданского общества, но и науки, поэтому усилия нашего научного коллектива были направлены на то, чтобы осмыслить трансформации в российском обществе под углом зрения разных теоретико-методологических подходов; найти максимально адекватную связь между «высокой теорией» и повседневной социальной практикой; проанализировать наиболее значимые направления трансформации, их масштабы и перспективы.

Внимание было направлено на то, чтобы обобщить разнообразный, накопленный в проектах, выполненных в Институте в 1990-е гг., материал, осмыслить его на фоне новых, проявивших себя в начале XXI в., процессов. Обсудив результаты предшествующей работы и новых исследований, мы стремились вынести их на дискуссионное пространство в социологическом сообществе в Москве и других исследовательских центрах России, представить их широкой общественности. Институт должен стать пространством, где обсуждаются важнейшие вопросы развития науки и изменения в обществе. Мы стали проводить ежегодные конференции по итогам наиболее интересных исследований, на которые приглашали не только ученых институтов РАН, но и МГИМО, ГУ ВШЭ, РУДН, РГГУ, МГУ, РГСУ, научных центров Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Тюмени, Краснодара и других городов, информируя об этом

общественность. Учитывая «скромные» по тем временам финансовые возможности в этой области, приняли решение издавать представительный **ежегодник** «Россия реформирующаяся», куда входили бы статьи с основными результатами исследований. Опыт оказался перспективным: с 2001 г. вышло 6 таких изданий.

В этот период чрезвычайно важно было сохранить за Институтом статус головного научного коллектива, в котором разрабатываются теоретические проблемы социологии и проводятся актуальные, важные для общества, прикладные исследования. В 2000 г. завершился выпуск 4-х томной «Истории теоретической социологии», созданной под рук. Ю.Н. Давыдова. В институте прошли обсуждения состояния теоретической социологии в мире и России. Центру фундаментальных проблем современной социальной теории (подразделение института) мы обязаны выпуском переводов ведущих исследований теоретической мысли Запада и антологии теоретической социологии, разработкой ряда теоретических проблем (рук. А.Ф. Филиппов). Широкий интерес привлекли выступления и публикации по теоретической социологии И.Ф. Девятко, обсуждались проблемы глобализации с участием Н.Е. Покровского и А.Ю. Согомонова, анализ теоретического репертуара и языка социальных наук, представляемый Г.С. Батыгиным. Менялась социальная стратификация российского общества, и естественен интерес института к методологии и методике изучения социальных изменений. Институт реально стал инициатором изучения и обсуждения проблем совместимости государственной, гражданской, этнической, региональной идентичности. На этот период пришлось обсуждение итогов российско-польского исследования, которое в России провели В.А. Ядов, Е.Н. Данилова и их коллектив. В связи с этим обсуждались и исследования, проведенные в российских республиках (рук. Л.М. Дробижева). Ценностные ориентации, трудовые ценности изучались в рамках международных исследований и были представлены в институте В.С. Магуном.

Новая социальная дифференциация российского населения, межэтническая враждебность, связанные с быстрым и масштабным притоком мигрантов, осложненные трудностями переходного общества, вызвали необходимость разработки теории и обсуждения методов смягчения социальных напряжений. Тема социального согласия, социальной, политической и межэтнической толерантности и конфликтности изучалась и обсуждалась в институте с привлечением специалистов из Москвы и регионов. По этой теме были опубликованы исследования Г.М. Денисовского и П.М. Козыревой, Л.М. Дробижевой и С.В. Рыжовой, А.А. Галкина и Ю.А. Красина, Е.И. Степанова, А.В. Кинсбургского и др.

Главные усилия в организационном отношении были направлены на то, чтобы создать комфортную, творческую обстановку для реализации проектов, объединения вокруг специалистов с интересными идеями дееспособных коллективов. Поэтому проводились необходимые структурные изменения. Некоторые подразделения были укрупнены за счет вхождения в них исследовательских групп и проектов. Самостоятельными остались лишь 2–3 группы во главе с молодыми руководителями, которые развивались и перерастали в сектора. Кстати, эту модель подержал тогда вице-президент РАН академик В.Н. Кудрявцев.

Важной задачей я считала развитие корпоративной культуры, поддержание чувства солидарной команды. Все существенные вопросы обсуждались на заседаниях расширенной дирекции, на которых присутствовали не только члены ученого совета, но и руководители финансовых подразделений, аспирантуры, кадров, хозяйственной части. Я старалась, чтобы все они чувствовали свою значимость в коллективе.

Необходимым условием нашего успеха мы считали развитие и поддержку межструктурных социологических связей. В 2000-е гг. социологические подразделения активно работали в ВУЗах Москвы и регионов — Новосибирске, Краснодаре, Тюмени, Нижнем Новгороде, Саратове, Казани, Ульяновске, Екатеринбурге и др. Давние связи были у нас с петербургскими социологами, там активно действовал петербургский филиал нашего Института и соцфак Санкт-Петербургского университета. С ними мы участвовали в подготовке и проведении первого Всероссийского социологического конгресса. Представители разных учреждений — института философии, МГИМО, ГУ ВШЭ, МГУ, РГГУ входили в наш Научный совет, в Советы по защите диссертаций (их было два).

Наш институт стал публиковать ежегодный отчет о своей деятельности, и эти зеленые брошюры я видела потом на столах наших коллег, журналистов, в министерствах, правительстве, Государственной Думе. Насколько позволяли финансы, мы поддерживали издание «Социологического журнала» (отв. ред. Г.С. Батыгин), «4М» (отв. ред. Г.Г. Татарова) и «ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация» (В.В. Семенова, Е.Ю. Рождественская). Помощником стал сайт института, но надо откровенно признать, его нам таким, как хотелось, создать не удалось. Сейчас он значительно совершеннее.

Стремилась развивать международные связи. В Институте выступали известные ученые Ш. Айзенштадт, З. Бауман, Б. Рубл, П. Штомпка, почетный диплом Российской академии наук вручили Э. Гиденсу, Российско-французский центр поддерживал контакт с французскими социологами.

Особая проблема — развитие связи академической науки и образования. В Институте действует очень значимый в этом отношении ресурс — социологический факультет ГУГН. «Гугеноты» (так мы называем студентов) участвовали в проектах, реализуемых нашими сотрудниками, проходили практику в подразделениях института. В Центре социологического образования проходили переобучение или получали дополнительное образование молодые специалисты.

Ведущие сотрудники института при поддержке НФПК на базе РУДН, проводили специальные курсы для преподавателей. Работала традиционно большая аспирантура, проходили практику студенты социологических факультетов нескольких московских ВУЗов. Ну и, естественно, социальная практика требовала широких связей с отраслевыми учреждениями, властными структурами, как в регионах, так и в Центре.

2. Значительные исследования, несомненно, оставившие след в осмыслении прожитого исторического этап, осуществлялись в рамках Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, охватывающего 4 тыс. домохозяйств в 38 регионах России. Наиболее важными направлениями в этом исследовании, на мой взгляд, было изучение адаптационных процессов, реакции различных социальных слоев на реформы, анализ механизмов адаптации и выявление социального ресурса рыночной экономики, динамики социального самочувствия россиян, способов преодоления ими трудностей переходного периода.

Теоретическое исследование российских трансформаций осуществлено исследовательским коллективом под руководством В.А. Ядова. Среди значимых теоретических исследований я бы упомянула также работы Ю.Л. Качанова относительно пространства и времени. Риски и опасности переходного общества исследовали О.Н. Яницкий и А.В. Мозговая. Значимые исследования стратификационных изменений, бедности были выполнены З.Т. Голенковой, Е.Г. Игитхянян, М.Ф. Чернышом. В изучении социального потенциала трудовых ресурсов, нарождающегося неравенства большой вклад внесли исследования российского студенчества и школьников, проводимые под руководством Д.Л. Константиновского. Интересные результаты, посвященные региональному бизнесу, региональным элитам, их альянсам и влиянию на развитие регионов получены А.Е. Чириковой. В России и за рубежом большой интерес вызвали исследования элит, которые вела О.В. Крыштановская. Оригинальные исследования российских служащих провел В.С. Магун. Важными представляются

и работы, посвященные гражданскому обществу (С. Климова), протестных акций (И. Климов), экологическим движениям (И.А. Халий), расстановке политических сил (А.А. Галкин, Ю.А. Красин, А.В. Кинсбургский).

Многие исследования в Институте выполнялись в рамках общей программы ООН «Россия в глобализирующемся мире». Они были направлены главным образом на изучение культурного, ценностного, деятельностного, человеческого ресурса, а также особенностей глокализации как в масштабах страны, так и регионов. Предметом специального изучения института являются проблемы миграции. Их фокус направлен на исследование социально-культурных факторов миграционных процессов и реакций принимающего населения (В.И. Мукомель, И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова и др.). Коллектив не остался в стороне от злободневных мировых проблем — исследование терроризма. Изучались социально-политические и социально-культурные факторы, влияющие на терроризм (Л.Я. Дадияни, Г.М. Денисовский, Э.А. Паин, С.А. Эфиров). Начаты также исследования по проблемам социологии здоровья (рук. Журавлева И.В).

Важное значение придавалось *проблемам методологии и методов социологических исследований*. В этой области работы И.Ф. Девятко, М.С. Косолапова, О.М. Масловой, В.В. Семеновой, Г.Г. Татаровой, Ю.Н. Толстой, В.А. Ядова являются ресурсом для социологов не только в нашей стране, но и за рубежом.

Что касается исследований, определивших лицо всей российской социологии, к ним бы я отнесла следующие. В области осмысления социально-экономических трансформаций фундаментальные исследования были представлены работами Т.И. Заславской, они оказали серьезное влияние на анализ трансформационных процессов в целом. К тому же в Новосибирске успешно работает школа экономико-социологических исследований, к рождению которой Татьяна Ивановна имеет самое прямое отношение. Школа эта не раз радовала нас новыми исследованиями в этой области (О.Э. Бессонова, Т.Ю. Богомолова, З.И. Калугина, Л.В. Корель, М.А. Шабанова — теперь ГУ-ВШЭ и другие).

Исследованием, внесшим заметный вклад в развитие отечественной социологии, было изучение ценностей в российском обществе Н.И. Лапиным (Ин-т философии). Несомненно значимыми инновационными исследованиями стали работы В.В. Радаева (ГУ-ВШЭ), создание рабочего на мировом уровне направления — экономической социологии.

В области стратификации заметны исследования О.И. Шкаратана

(ГУ-ВШЭ), Н.Е. Тихоновой (ИКСИ). Л.А. Беляевой (Институт философии РАН), В.И. Ильина (тогда Сыктывкар), по средним слоям интересное исследование выполнено Независимым институтом социальной политики (рук. Т.М. Малева). В изучении социологии культуры большой вклад внесли работы Л.Г. Ионина (ГУ-ВШЭ), в исследовании антикультуры, девиантного поведения и социального контроля, преуспели петербургские социологи под руководством Я.И. Гилянского. У нас сходные исследования велись под руководством М.Е. Поздняковой.

По Москве важные исследования, связанные с изучением социальной структуры и идентичности в этнических группах, выполнены Ю.В. Арутюняном (ИЭА РАН). Сравнительные этносоциологические исследования по проблемам идентичности в этом же институте проведены М.Н. Губогло. А в ИСПИ РАН федеративным отношениям в аспекте социологии были посвящены работы под руководством В.Н. Иванова, миграционные процессы осмысливались в исследованиях Л.Л. Рыбаковского, С.В. Рязанцева, политическая ситуация оценивалась в работах В.К. Левашова.

В области межэтнической конфликтологии и толерантности, в том числе связанных с миграционными процессами, вели исследования ученые в ЮФО (В.К. Аксентьев, В.В. Савва). Конфликтам в целом, в том числе межэтническим, были посвящены работы А.Г. Здравомыслова (ИКСИ). Труды Ю.А. Левады и ученых, работавших с ним во ВЦИОМ (ставший впоследствии Центром Ю. Левады), демонстрировали широкие возможности через изучение общественного мнения.

3. Определить ученых как выдающихся мне трудно, поскольку не выработано необходимых критериев. В ответе на второй вопрос я уже назвала многих, благодаря которым в стране и в мире стал известен наш институт. И это, пожалуй, достойная оценка их места в научном мире.

4. В заключение добавлю, что я не разделяю взглядов о кризисе социологии. Наша наука выдержала испытание гибельного недофинансирования. Если бы она мало что значила, ее бы не поддерживали общественные фонды, не обращались бы к социологам радиоканалы и телевизионщики, не получали бы мы заказы от госучреждений и частных фирм не на маркетинговые исследования, а на теоретические работы, не приглашали бы нас и на международные форумы. Да, мы жили в трудных условиях, вынужденно брались не только за интересующие нас по теме исследования, не всегда хватало времени на более глубокое осмысление и дополнительную проверку данных. Но если у нас было что сказать, мы говорили. Э. Гидденс озабоченно рассказывал мне о

невысокой потребности социологических исследований правительством. Мы этого сказать не могли. Материалы, полученные в результате социологических исследований Института, не раз обсуждались в высших инстанциях властных структур.

М.К. Горшков [с 2005 г.]

В отличие от своих предшественников я остановлюсь на вопросах, которые касаются в основном текущих проблем и перспектив развития Института.

В 2005 г. Президиум РАН принял Постановление о реорганизации Института социологии, Института сравнительной политологии и Института комплексных сравнительных исследований путем слияния их в единое научное учреждение РАН — Институт социологии. В предельно сжатые сроки был подготовлен Устав нового Института. Его основу составили добротные подготовленные в свое время аналогичные документы трех прежних Институтів. Внесенные изменения коснулись по существу двух разделов: основные цели, задачи и направления научной деятельности, которые наряду с установившимися традициями были дополнены перспективными направлениями развития социологической и политологической науки. Наряду с этим переработка потребовала раздел, связанный с финансово-имущественными вопросами, что учитывает общие изменения отношений собственности на государственном и ведомственном уровнях.

Сегодня же ситуация такова — главным структурным звеном, базовым подразделением Института в организации и осуществлении научной и издательской деятельности является **исследовательский центр**, с возможным вхождением в него отделов, секторов и рабочих групп. В соответствии с решением ученого совета в структуре ИС РАН образовано 12 научно-исследовательских и один образовательный центров, покрывающих по своей тематике все «проблемные поля», очерченные в Постановлении Президиума РАН и в уставе Института.

Назову их: Центр теоретических и историко-социологических исследований (рук. В.А. Ядов); Центр методологии социологических исследований (рук. В.А. Мансуров); Центр социологии образования, науки и культуры (рук. Д.Л. Константиновский); Центр комплексных социальных исследований (рук. Н.Е. Тихонова); Центр исследования социальной структуры и социального расслоения (рук. З.Т. Голенкова); Центр исследования адаптационных процессов в меняющемся об-

шестве (рук. П.М. Козырева); Центр исследования межнациональных отношений (рук. Л.М. Дробижева); Центр «Религия в современном обществе» (рук. А.В. Логинов); Центр политологии и политической социологии (рук. Ю.С. Оганисян); Центр социологии управления и социальных технологий (рук. А.В. Тихонов); Центр региональной социологии (рук. В.В. Маркин); Центр социологического и политологического образования (рук. С.Е. Кухтерин).

В результате реорганизации общая численность сотрудников объединенного Института составляет 324 человека (из них доктора наук — 63, кандидаты наук — 102). Что касается молодых ученых (к ним относятся сотрудники до 35 лет), их — 12. В аспирантуре Института обучалось свыше 70 человека.

Как видно, из приведенных цифр, мы обладаем серьезным научным ресурсом; новый коллектив реализует принцип слияния опыта и молодости, что служит обеспечению преемственности научного знания. В этом смысле, не думаю, что следует ломать сложившееся соотношение «старших» и «младших», хотя задача привлечения молодых ученых к работе Института остается актуальной.

Каковы основные цели нового Института и средства их достижения?

Цель первая: обеспечить лидирующее положение Института в области теоретической и прикладной социологии. Для этого используются следующие средства. Постоянно действующие методологические семинары, обсуждение на заседаниях Ученого Совета проблем комплексного, междисциплинарного характера, что позволяет соединить российскую специфику с общемировыми проблемами.

Модернизация научно-издательской деятельности должна предусматривать повышение роли каждого научно-исследовательского Центра и редакционно-издательского отдела Института в обеспечении качества рекомендуемой к печати рукописи. Финансовая основа издательской деятельности должна быть многоканальной. Следует рационально использовать возможности академического издательства «Наука», издательские гранты различных фондов, спонсорскую помощь, в исключительных и в особо необходимых случаях — внебюджетные средства Института. Особого внимания требуют также издания социологических и политологических журналов Института, Ежегодника ИС РАН, информационно-аналитических бюллетеней ИС РАН, к регулярному выпуску которых мы приступили в 2007 г. Среди них: «Социальная политика и социальные реформы глазами россиян», «пенсионная реформа в России: результаты мониторинга социально-экономического положения населения и зарубежный опыт», «подростки и юношество в многонациональной Москве:

формирование этнического самосознания и межэтнических отношений», «молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты», «Российская идентичность в социологическом измерении».

Необходима максимальная открытость в деятельности Института, активная коммуникация с внешним научным миром. Здесь также два уровня решения задачи: российский и международный.

а). В России — развитие связей и осуществление совместных проектов с профильными академическими институтами и вузовскими центрами, активное взаимодействие с общественными социологическими и политологическими объединениями. Особое место здесь должно занять выстраивание эффективных связей Института с регионами. Речь идет в максимальном варианте о создании сети филиалов на региональной ресурсной базе, в минимальном — об осуществлении совместных проектов в рамках договоров о творческом сотрудничестве. Не случайно в этой связи, в 2007 г. в структуре ИС РАН был создан Центр региональной социологии.

б). За пределами России — восстановление и расширение международных связей Института, причем не только на индивидуальном, но и на институциональном уровне. У Дирекции здесь много планов: и относительно развития регулярных отношений с социологическими центрами стран СНГ (возможно, следует инициировать создание социологической ассоциации СНГ; предложения от ряда республик бывшего СССР к нам поступают), и относительно социологических центров стран Восточной и Центральной Европы, с которыми было бы интересно осуществить ряд проектов на базе сравнительных социологических исследований.

Цель вторая: эмпирическое обеспечение исследований — болевая точка современной российской социологии, прежде всего, по причине дефицита финансовых средств. Здесь два пути: а) активнее работать с потенциальными заказчиками, как государственными, так и негосударственными; б) значительно в большем объеме, чем это имеет место сегодня, использовать в теоретической и аналитической работе центров уже имеющийся и постоянно пополняющийся банк данных исследований. В Институте имеются огромные массивы социологической информации, полученные и в рамках многолетнего проекта «Мониторинг экономического положения и здоровья населения России», и по результатам многочисленных исследований, проведенных в сотрудничестве с Фондом им. Эберта. Но коэффициент аналитического и научно-теоретического использования этих и других данных очень незначительный.

Цель третья: публичность социологии. Институту для повышения своей научной роли и общественной значимости необходим регулярный качественный пиар в самом лучшем понимании этого термина. По этой

части в научном мире немало споров. Одна позиция такая: я ученый-теоретик, занимаюсь фундаментальной наукой и не мое дело представлять обществу в разных популярных и эффективных формах результаты своей научной деятельности. Другие (и я принадлежу к их числу), на это отвечают так: «Современная наука, в особенности социальная, несет в себе не только научную, но и очень важную общественную, гражданскую функцию, функцию просвещенческую, функцию диалога с обществом, в процессе которого помогает обществу лучше и полнее понимать самое себя». В этом смысле я согласен с тем и, кто утверждает: «Если Вас нет на телевидении, каналах радиостанций, на страницах газет и журналов, в Интернете, то Вас вообще нет!»

Какое вижу основное средство реализации данной цели? Прежде всего, это выстраивание систематических связей со структурами высших органов законодательной и исполнительной власти. Точки опоры и развития этой работы уже существуют. Институт имеет солидную репутацию в Администрации Президента, материалы его исследований постоянно используются Научно-экспертным Советом при Председателе Совета Федерации, его ученые регулярно участвуют в слушаниях, которые проводятся в комитетах Государственной Думы. Менее насыщенно развиваются отношения с Правительством.

Развиваются отношения с общественными «фондами», Московским правительством. И все же, на мой взгляд, этого недостаточно. Страна реализует крупнейшие национальные проекты. Все они, что называется, социологичны, по крайней мере, с точки зрения возможности регулярно социологического отслеживания хода их реализации и своевременно внесения в них необходимых корректив. Наш Институт располагает достаточным научным потенциалом, чтобы обеспечить их социологическую составляющую.

Еще одно средство реализации обозначенной цели я бы назвал так: **«упреждающая социология»**. Речь идет о том, что многие законодательные акты и правительственные решения еще в виде проектов просачиваются в печать и становятся предметом дискуссий, порой достаточно острых. А почему бы уже на этой стадии экспертной группе Института социологии не заявлять о своей позиции, осуществляя качественную экспертизу готовящихся документов?

Цель четвертая: превращение Института в единый организм, преодоление творческой разобщенности. Какие мне видятся средства реализации этой цели?

1. Творчески обусловленное перемещение кадров в рамках всех существующих научных подразделений. Мы определились со структурой

Института. Но это не означает, что завершен процесс творческого самоопределения научных сотрудников. Уже есть примеры, когда ученые сектора входящего в состав прежнего Института социологии вошли в состав Центра, образованного на базе бывшего Института сравнительной политологии и в состав Центра, который ранее работал в структуре ИКСИ РАН. Причем, здесь совершенно отсутствует административное влечение, главную роль играет именно творческая совместимость.

2. На решение данной цели, безусловно, положительно влияет приоритетная поддержка в институте междисциплинарных проектов, которые объективно втягивают в единый творческий процесс социологов, политологов, философов, психологов, историков, экономистов, ранее работавших в разных институтах. Имеющийся опыт показывает, что это эффективное средство формирования в коллективе общего климата доверия, располагающего к научному и межличностному общению.

Наконец, **цель пятая:** достойная зарплата и комфортные условия работы. В основе ее решения — бюджетное финансирование. По программе модернизации РАН к концу 2008 г. средняя зарплата ученого, доктора наук должна составить 30 тыс. руб., молодых специалистов — 15–20 тыс. рублей. Но при этом произойдет дальнейшее сокращение штатной численности сотрудников (в целом за 2006–2008 гг. на 25%). Отсюда вытекает задача использования дополнительных средств реализации поставленной цели и, прежде всего, использование различных способов внебюджетного финансирования.

В завершении напомним строки А.С. Пушкина, который умел смотреть сквозь века: «Припомнится друзья нам та пора, когда наш круг судьбы соединили, ... чему мы все свидетелями были». Хотелось, чтобы мы стали не только свидетелями, но и активными действующими лицами объединения нашего круга творческой судьбы, в качественно новом Институте Социологии, встретившего свое 40-летие.

Сведения об авторах

Г.В. Осипов, академик РАН, директор ИСПИ РАН.

В.И. Жуков, академик РАН, ректор РГСУ.

М.К. Горшков, член-корреспондент РАН, директор Института социологии РАН.

Ж.Т. Тощенко, член-корреспондент РАН, декан социологического факультета РГГУ, главный редактор журнала «Социологические исследования».

М.Б. Буланова, доцент Российского государственного гуманитарного университета.

Н.В. Романовский, доктор исторических наук, профессор, зам. главного редактора журнала «Социологические исследования».

И.А. Бутенко, доктор социологических наук, ассоциированный член Центра европейских, российских и евроазиатских исследований Университета Торонто.

С.А. Кравченко, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО.

А.А. Куракин, научный сотрудник лаборатории экономико-социологических исследований Государственного университета — Высшей школы экономики.

В.Э. Бойков, доктор философских наук, профессор, директор Социологического центра Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

Е.Д. Игитханян, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник.

З.Т. Голенкова, доктор философских наук, зам директора Института социологии РАН.

Л.М. Дробижева, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследований межнациональных отношений Института социологии РАН.

Ю.В. Арутюнян, член-корреспондент РАН.

В.И. Чупров, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ, Заслуженный деятель науки РФ.

Ю.А. Зубок, доктор социологических наук, профессор, зав. отделом социологии молодежи ИСПИ.

В. В. Щербина, доктор социологических наук, профессор РГУ.

В.И. Староверов, доктор философских наук, профессор ИСПИ РАН, заслуженный деятель науки РФ.

П.П. Великий, доктор философских наук, профессор, зав. лабораторией социальной структуры и социальной динамики села Института аграрных проблем РАН (Саратов).

В.В. Лапаева, доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института гражданского права.

В.В. Маркин, доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра региональной социологии Института социологии РАН.

В.В. Серебрянников, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, генерал-лейтенант в отставке.

Д.Л. Константиновский, доктор социологических наук, руководитель Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии РАН.

А.О. Бороноев, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Л.Н. Москвичев, доктор философских наук, профессор Российской академии государственной службы, главный научный сотрудник ИСПИ РАН.

С.И. Григорьев, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, проректор РГСУ.

Н.М. Байков, доктор социологических наук, профессор, проректор Дальневосточной академии государственной службы.

Ю.Р. Вишневский, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой Уральского государственного политехнического института-университета.

Г.Е. Зборовский, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии Гуманитарного университета (Екатеринбург).

Ю.Г. Волков, доктор философских наук, профессор, директор Института повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Ростовского государственного университета (ЮФУ).

Ф.С. Файзуллин, академик АН Республики Башкортостан, заведующий кафедрой философии Уфимского государственного авиационного технического университета.

С.С. Балабанов, кандидат философских наук, зав. Нижегородским отделом Института социологии РАН.

М.А. Слюсарянский, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и политологии Пермского государственного технического университета.

М.И. Сергеев, профессор, директор Центра социологических исследований Красноярского государственного педагогического университета.

В.Г. Немировский, доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических исследований Сибирского Федерального университета (СФУ).

В.В. Гаврилюк, доктор социологических наук, профессор, директор института гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета.

А.С. Готлиб, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой Самарского государственного университета.

А.А. Хохлов, доктор социологических наук, профессор Орловской академии государственной службы.

В.Н. Ярская, доктор философских наук, консультант Центра социальной политики и гендерных исследований, профессор Саратовского государственного технического университета.

А.Н. Ершов, доктор социологических наук, профессор, ректор Академии государственного и муниципального управления при Президенте Республики Татарстан.

Ф.Г. Зиятдинова, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой Казанского государственного финансово-экономического института.

А. Г. Здравомыслов, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

В.В. Радаев, доктор экономических наук, профессор, первый проректор Государственного университета — Высшей школы экономики.

А.В. Тихонов, доктор социологических наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН.

С.Г. Кирдина, доктор социологических наук, зав. сектором эволюции социально-экономических систем Института экономики РАН.

Л.А. Беляева, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

В.К. Левашов, доктор социологических наук, зав. отделом Института социально-политических исследований РАН.

О.Н. Яницкий, доктор философских наук, профессор, зав. сектором социально-экологических исследований Института социологии РАН.

Содержание

К читателю 5

Раздел I. Возрождение социологии в России

Г.В. Осипов

Как это было на самом деле:
о возрождении социологии в России. 7

В.И. Жуков

Социология в современной России 18

М.К. Горшков

Уроки возрождения и перспективы
отечественной социологии 29

Ж.Т. Тощенко

Эволюция теоретической социологии в России
(1950-е — 2000-е годы) 39

М.Б. Буланова

Социологическое образование в России
(1960-е годы — настоящее время) 79

Н.В. Романовский

Первый президент советской социологической
ассоциации академик Г.П. Францев 96

Академик А.М. Румянцев —
первый директор института социологии 105

И.А. Бутенко

К 50-летию Советской социологической ассоциации 114

Раздел II. Социологическое знание: рост и накопление опыта

М.К. Горшков

Проблемы российского общества
в социологическом измерении 123

С.А. Кравченко

Горизонты социологической мысли в России:
проблемы и достижения 144

<i>А.А. Куракин</i> Экономическая социология: опыт обзора	155
<i>В.Э. Бойков</i> Генезис идей политической социологии	169
<i>З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян</i> Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов	178
<i>Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева</i> Этносоциология перед вызовами времени	195
<i>Ю.А. Зубок, В.И. Чупров</i> Отечественная социология молодежи: становление и развитие	212
<i>В. В. Щербина</i> Развитие заводской социологии: история, опыт, наследие	226
<i>П.П. Великий, В.И. Староверов</i> Российская аграрная социология: этапы, имена, идеи	242
<i>В.В. Лапаева</i> Российская социология права: история и современность	261
<i>В.В. Маркин</i> Региональная социология: диалог науки и практики	276
<i>В.В. Серебрянников</i> Эволюция военной социологии	285
<i>О.Н. Яницкий</i> Российская экосоциология за 50 лет: итоги и новые вызовы	291
<i>Д.Л. Константиновский</i> Размышления о социологии образования	301
<i>Н.В. Романовский</i> Освоение истории отечественной и зарубежной социологии	313

Раздел III. Социология в российских регионах

<i>Ж.Т. Тощенко</i> Региональные социологические центры 1960–1970-х годов	328
<i>А.О. Бороноев</i> Социологические исследования в Ленинграде — Санкт-Петербурге (1960–1990-е годы)	336

<i>Л.Н. Москвичев</i>	
Трудные пути возрождения. Заметки очевидца	345
<i>С.И. Григорьев</i>	
Эволюция социологии в Сибири за полвека	352
<i>Н.М. Байков</i>	
Социология на Дальнем Востоке: становление и развитие.....	364
<i>Г.Е. Зборовский, Ю.Р. Вишневский</i>	
Социология на Урале: особенности, достижения и проблемы.....	371
<i>Ю.Г. Волков</i>	
Становление и развитие социологии на Юге России.....	381
<i>Ф.С. Файзуллин</i>	
Формирование социологической школы в Башкортостане.....	388
<i>С.С. Балабанов</i>	
Нижегородские социологи: учителя и ученики	400
<i>М.А. Слюсарянский</i>	
Пермская социологическая школа: вчера, сегодня, завтра.....	405
<i>В.Г. Немировский, М.И. Сергеев</i>	
Развитие социологической науки в Красноярском крае (60-е годы XX в. — начало XXI в.).....	410
<i>В.В. Гаврилюк</i>	
Тюменские социологические практики	416
<i>А.С. Готлиб</i>	
Социология в Самаре: попытка этнографии	422
<i>А.А. Хохлов</i>	
Пути социологии на Орловщине.....	433
<i>В.Н. Ярская</i>	
Саратовские опыты	439
<i>Ф.Г. Зиятдинова, А.Н. Ершов</i>	
Социология в Татарстане	443

Раздел IV. Новая повестка дня социологии в России

<i>Г.В. Осипов</i>	
Формирование теории и структуры отечественной социологии в процессе борьбы за ее возрождение.....	451
<i>А. Г. Здравомыслов</i>	
Российская социология в пространстве мировой культуры.....	473

<i>Ж.Т. Тощенко</i>	
Чему учить социолога и с чего начинать?	495
<i>В.В. Радаев</i>	
Возможна ли позитивная программа для российской социологии	507
<i>А.В. Тихонов</i>	
Посткризисный синдром отечественной социологии и проблемы новой повестки дня	522
<i>С.Г. Кирдина</i>	
Современные социологические теории: актуальное противостояние?	543
<i>Л.А. Беляева</i>	
Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации	559
<i>В.К. Левашов</i>	
Современная Россия: опыт социологического анализа.....	573
<i>О.Н. Яницкий</i>	
Кризис и социология	589
<i>Н.В. Романовский</i>	
Историзация — закономерность развития социологической теории.....	605
 Приложение. Интервью с руководителями Института социологии РАН (АН СССР)	
Г.В. Осипов (1968–1972).....	620
М.Н. Руткевич (1972–1976).....	633
В.Н. Иванов (1983–1988)	635
В.А. Ядов (1988–2000)	641
Л.М. Дробижева (2000–2005).....	646
М.К. Горшков (с 2005 г.)	652
Сведения об авторах.....	657

Вехи российской социологии
1950–2000-е годы

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*
Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Е. Г. Орловский*
Корректор *И. Е. Иванцова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:
Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер», Малый Гнезниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
Магазин издательства «Совпадение».
Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 10.05.2010. Формат 60x88 ¹/₆.
Усл. печ. л. 42. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ №